

А. И. Колганов

Что такое социализм?

**Марксистская
версия**

Размышляя
о марксизме

URSS

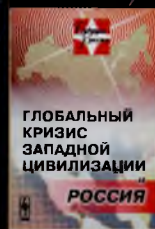
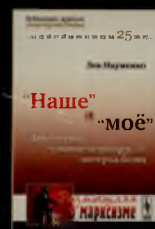
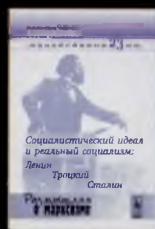
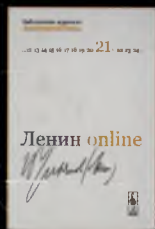
Доктор экономических наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией по изучению рыночной экономики экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Окончил экономический факультет МГУ в 1976 г. Ведет постоянную научно-теоретическую и публицистическую деятельность. Основные направления исследовательской работы: вопросы теории социализма, в особенности проблемы развития экономических и социальных предпосылок социализма, проблемы современной глобализации, развития постиндустриальных тенденций, изучение хода и последствий капиталистических реформ в России.

Автор более 300 научных публикаций, нескольких монографий и учебников. Ряд научных работ издан за рубежом на английском, французском, немецком, китайском и других языках. В 1991 г. принял участие в основании независимого левого журнала «Альтернативы»; с тех пор неизменно является членом его редколлегии, издает в нем свои статьи и рецензии. А. И. Колганов активно участвует в международном и российском альтерглобалистском движении. Актуальные экономические и политические вопросы являются предметом его регулярных выступлений в различных средствах массовой информации, в том числе на радио и телевидении.

**Андрей
Иванович
КОЛГАНОВ**

Наше издательство предлагает следующие книги:

11004 ID 157704

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

URSS

E-mail: URSS@URSS.ru

Каталог изданий в Интернете:

<http://URSS.ru>

**URSS НАШИ НОВЫЕ
КООРДИНАТЫ**

ТЕЛЕФОН / ФАКС +7 (499) 724-25-45
(многоканальный)
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56

Размышляя о марксизме

Библиотека журнала
«Альтернативы»

А. И. Колганов

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛИЗМ?

Марксистская версия

URSS

МОСКВА

Колганов Андрей Иванович

Что такое социализм? Марксистская версия. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 616 с. (Размышляя о марксизме.)

Желание автора предложить российскому читателю учебное пособие, посвященное социализму, было вызвано тем обстоятельством, что на отечественном книжном рынке литература такого рода практически отсутствует. Значительное число публикаций работ признанных теоретиков социалистического движения не может полностью удовлетворить необходимость в учебном пособии. Появившиеся же в последние 20 лет в немалом числе издания, посвященные критике теории и практики социализма, к сожалению, в большинстве своем грешат очень предвзятыми, ошибочными, нередко намеренно искаженными, в лучшем случае — крайне поверхностными представлениями о социалистической теории и истории социалистических движений. Автор надеется, что данное пособие окажется полезным как для сторонников, так и для противников социализма. Первым оно даст наконец возможность ознакомиться с систематическим изложением основ социализма в их современном понимании, вторым — возможность уяснить себе, против чего же, собственно, они выступают.

Книга предназначена для студентов, аспирантов, преподавателей общественных наук, для тех, кто самостоятельно изучает социалистическую теорию, а также для всех интересующихся проблемами социализма.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»»,
117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.
Формат 60×90/16. Печ. л. 38,5. Зак. № ЖО-16.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-02502-7

© А. И. Колганов, 2011

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011

11004 ID 157704

9 785397 025027

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельцев.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	10
Введение	12
ЧАСТЬ I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ.....	14
Глава 1. Социальные конфликты как основа возникновения представлений о будущем справедливом обществе. Социализм как утопия.....	14
1.1. Мечта о всеобщем счастье и социализм	14
1.2. Социальное неравенство и социальная утопия	16
Глава 2. Появление и развитие социальных утопий	18
2.1. Социальные утопии античного времени.....	18
2.2. Развитие социальных утопий в средневековье. Религиозные утопии.....	20
2.3. Развитие социальных утопий в сочинениях средневековых гуманистов и деятелей эпохи Просвещения	22
Глава 3. Социальные утопии нового времени: формирование утопического социализма и коммунизма.	29
3.1. Западноевропейский утопический социализм	30
3.2. Западноевропейский утопический коммунизм	34
3.3. Утопический социализм в России	38
Глава 4. Анархическое течение в утопическом социализме	44
Глава 5. Условия возникновения марксизма. Предпосылки теоретического понимания перспектив и условий преодоления социальных конфликтов, свойственных современной эпохе.....	49
5.1. Научный характер марксистского социализма	49
5.2. Историческая обусловленность возникновения марксизма.....	50
5.3. Теоретические предпосылки научного социализма.....	52
ЧАСТЬ II. ОСНОВЫ МАРКСИЗМА.....	55
Глава 6. Общая характеристика марксизма	55
6.1. Основные элементы классического марксизма.....	55
6.2. Соотношение актуальности основных положений классической марксистской теории и ограниченности ее исторического горизонта.	57
6.3. Марксизм как открытая теоретическая система.	59
Глава 7. Марксистский метод исследования.	61
7.1. Философские предпосылки развития марксистского метода исследования	61
7.2. Философский материализм	62
7.3. Основные категории философии.....	63
7.4. Диалектика	68
Глава 8. Социально-историческое учение марксизма, Источники и исторические этапы развития человеческого общества.	73
8.1. Материалистический подход к общественным явлениям	73
8.2. Производительные силы. Труд.	74
8.3. Исторические стадии развития производительных сил	80

8.4. Производственные отношения.....	86
8.5. Противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Способ производства.....	87
8.6. Человек как личность и проблема отчуждения.....	90
8.7. Социально-экономические критерии марксистской периодизации исторического развития общества. Общественные формации и способы производства.....	92
Глава 9. Экономика и общество.....	103
9.1. Экономический строй и общественный строй.....	103
9.2. Социальная структура общества. Классы и классовая борьба.....	105
9.3. Государство (политическая и юридическая надстройка).....	108
9.4. Соотношение классового и национального.....	111
9.5. Общественное сознание.....	113
9.6. Религия.....	117
9.7. Мораль.....	121
9.8. Несколько слов о том, как не надо применять марксистский метод изучения общественных явлений.....	123
ЧАСТЬ III. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА. ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПРОИЗВОДСТВА.....	127
Глава 10. Архаическая (предэкономическая) формация. Первобытный способ производства.....	127
10.1. Возникновение человека и человеческого общества.....	128
10.2. Первобытная община и формирование более широких общностей людей.....	130
10.3. Разложение первобытной общины.....	137
Глава 11. Экономическая общественная формация. Азиатский и античный способы производства.....	146
11.1. Азиатский и античный способы производства – первая ступень экономической общественной формации.....	148
11.2. Азиатский способ производства.....	156
11.3. Античный способ производства.....	164
Глава 12. Экономическая общественная формация. Феодальный способ производства.....	173
12.1. Возникновение феодализма.....	173
12.2. Классический (развитый) феодализм.....	182
12.3. Позднее средневековье. Разложение феодализма.....	195
ЧАСТЬ IV. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА. КАПИТАЛИЗМ – ВЕРШИНА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ.....	210
Глава 13. Становление капиталистического способа производства как господствующего.....	210
Глава 14. Система производственных отношений капитализма после промышленного переворота. Товар и Деньги.....	216
14.1. Марксистский вариант трудовой теории стоимости.....	216
14.2. Деньги, или обращение товаров.....	223
Глава 15. Система производственных отношений капитализма после промышленного переворота. Производство прибавочной стоимости. 232	232

15.1. Капитал и прибавочная стоимость. Заработная плата.....	232
15.2. Анализ стадий развития капитализма в промышленности. Формальное и реальное подчинение труда капиталу.....	240
15.3. Капиталистическое накопление. Капиталистический закон народонаселения.....	248
Глава 16. Система производственных отношений капитализма после промышленного переворота. Производство и обращение общественного капитала.....	255
16.1. Обращение капитала. Чистые и дополнительные издержки обращения.....	255
16.2. Законы воспроизводства общественного капитала.....	258
16.3. Превращение прибавочной стоимости в прибыль, а стоимости – в цену производства.....	263
16.4. Промышленный и торговый капитал. Производительный и непроизводительный труд.....	268
16.5. Ссудный капитал. Процент и предпринимательский доход. Фиктивный капитал.....	270
16.5. Капиталистическая земельная рента.....	277
16.6. Воспроизводство и кризисы.....	283
Глава 17. Система производственных отношений капитализма после промышленного переворота. Основы социальной структуры.....	288
17.1. Капиталистические формы дохода и их источники.....	288
17.2. Классовая структура капиталистического общества.....	291
Глава 18. Развитие капитализма на собственной основе.....	295
18.1. Монополистический капитализм.....	296
18.2. Государственно-монополистический капитализм.....	303
18.3. Изменения межклассовых и внутриклассовых отношений при монополистическом капитализме.....	307
18.4. Поздний капитализм (позднее индустриальное общество).....	311
18.5. Крах колониальной системы.....	317
Глава 19. Начало процесса разложения капитализма.....	324
19.1. Развитие постиндустриальных тенденций.....	325
19.2. Капиталистическая глобализация.....	334
19.3. Изменение социальной структуры современного капиталистического общества.....	339
ЧАСТЬ V. ТЕОРИЯ СОЦИАЛИЗМА	347
Глава 20. Классовая борьба в капиталистическом обществе.....	347
20.1. Историческая динамика классовой борьбы при капитализме.....	347
20.2. Судьба концепции «исторической миссии пролетариата».....	351
Глава 21. Выход из капитализма: революция или реформа?.....	359
21.1. Социальная революция и политическая революция.....	359
21.2. Революционная ситуация.....	361
21.3. Революция и реформа.....	365
21.4. Отмирание государства и диктатура пролетариата.....	366
21.5. Революционная мораль.....	371
Глава 22. Скачок из «царства необходимости» в «царство свободы»: что это такое?.....	375

22.1. Социалистическая революция: каковы исторические масштабы качественного скачка?.....	375
22.2. Противоречия прошлого сами несут в себе возможности своего разрешения.	377
Глава 23. Границы капитализма и предпосылки социализма	381
23.1. Методологические и теоретические предпосылки решения вопроса о границах капитализма	382
23.2. Что можно сказать о технической основе производства, природе и содержании труда, составляющих предпосылку перехода к социализму?...384	
23.3. Что можно сказать о новом типе работника, формирующемся в недрах капитализма?.....	388
23.4. Как соотносятся тенденции в развитии новых средств производства и формировании нового типа работника с определением экономических предпосылок социализма?	389
23.5. Производительные силы, производственные отношения и социальные предпосылки социализма	393
23.6. Оценка степени готовности предпосылок социализма.....	398
Глава 24. Научный социализм и опыт «реального социализма».	402
Глава 25. Переходный период.....	405
Глава 26. Социально-экономическая система неполного коммунизма	412
26.1. Производительные силы социализма. Формальное и реальное освобождение труда.	412
26.2. Производственные отношения: степень зрелости коммунистических начал социализма.	416
26.3. Отношения координации хозяйственной деятельности.	417
26.4. Цель производства и отношения собственника средств производства с непосредственным производителем.....	420
26.5. Отношения собственности и распределения.	422
26.6. Воспроизводство.	426
26.7. Распределение доходов.	428
26.8. Социализм и товарное производство.	433
26.9. Социальная структура.	435
Глава 27. Социально-экономическая система полного коммунизма	437
27.1. Условия перехода к высшей фазе коммунизма. Что такое «полный» коммунизм?	437
27.2. Различие деятельности в необходимое и свободное время.....	439
27.3. Производственные отношения.	441
27.4. Освобождение человека. Человек как субъект истории. Источники развития.	443
27.5. Чего не будет при коммунизме?	446
ЧАСТЬ VI. РАЗВИТИЕ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ И БОРЬБА ВОКРУГ ТЕОРИИ СОЦИАЛИЗМА В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКОВ	451
Глава 28. Социалистическое движение до Октябрьской революции 1917 года в России.	451
28.1. Развитие политической борьбы рабочего класса в XIX веке. Возникновение социал-демократии.	451

28.2. Предпосылки раскола первоначальной социал-демократии на современную социал-демократию и коммунистическое движение.	454
28.3. Первая мировая война и раскол социал-демократии.....	458
Глава 29. Опыт революций первой четверти XX века. Окончательное оформление раскола в мировом социалистическом движении.	460
29.1. Первая мировая война и мировой революционный кризис.....	460
29.2. Политическое оформление раскола мировой социал-демократии. Исчерпание мирового революционного кризиса.	462
Глава 30. Природа и ход русской революции.....	466
30.1. Социальная революция и политическая революция в Российской империи начала XX века.	466
30.2. Буржуазная революция? Но какая?	467
30.3. Февраль и Октябрь – одна революция. Или все же две?	468
30.4. Классовые и социально-политические условия революции.	470
30.5. Проблема террора в гражданской войне.....	473
Глава 31. Незрелая социалистическая революция: предпосылки и исход	476
31.1. Оценка зрелости предпосылок социалистической революции в первой половине XX века	476
31.2. Производственные отношения, возникающие на базе незрелых предпосылок социализма	478
31.3. Ленин о шансах строительства социализма	480
31.4. Переоценка шансов с позиций сегодняшнего дня	482
31.5. Логика событий: к капитализму без буржуазии?.....	483
31.6. Логика событий: получится ли строительство капитализма по-социалистически?	485
ЧАСТЬ VII. СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА В СССР И ВОЗНИКНОВЕНИЯ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛИЗМА.....	490
Глава 32. Противоречия социалистического строительства в СССР и раскол в коммунистическом движении. Троцкизм и сталинизм.	490
32.1. Перспективы социализма в СССР и внутривластная борьба	490
32.2. Формирование левой оппозиции.	492
32.3. Раскол ВКП(б).....	494
32.4. Куда идти Советской России: идейные платформы 20-х годов.....	496
32.5. Классовая основа советской системы 20-х годов.....	498
32.6. Противоречия НЭПа и выход из них	501
32.7. Социализм или государственный капитализм?.....	503
32.8. Советский строй 30-х годов как разновидность бонапартизма	506
32.9. Бюрократический бонапартизм и социалистическая революция	509
32.10. Социально-экономические основы советского строя: некоторые итоги «строительства социализма»	512
Глава 33. Эволюция советского строя от раскола ВКП(б) до конца второй мировой войны.....	520
33.1. Раскол в ВКП(б) и «большой террор».....	520
33.2. Эволюция советского строя в 30-е годы.....	523
33.3. Сдвиги в международном положении СССР	524
33.4. СССР в условиях нацистской агрессии	528

33.5. Влияние Победы на внутренне и внешнее положение СССР после войны	529
Глава 34. Социалистические и социал-демократические движения в XX веке.	532
34.1. «Мировая реформа» или мировая революция? Социальный компромисс или «класс против класса»?	532
34.2. Победа буржуазного реформизма в социал-демократическом движении.	534
34.3. Отношения между различными политическими течениями в рабочем движении.	536
Глава 35. Фашизм и социализм	540
35.1. Проблема сходства фашизма и социализма.	541
35.2. Фундаментальное различие фашизма и социализма	542
35.3. Элементы сходства между фашизмом и социализмом	545
35.4. Причины сходства и различия фашизма и социализма. Выводы	546
Глава 36. «Мировая система социализма». Развитие противоречий общества советского типа.	549
36.1. Возникновение и развитие «мировой системы социализма»	549
36.2. Причины успехов и упадка «реального социализма». Противоречия экономической системы советского типа.	553
36.3. Социальные противоречия «реального социализма». Эволюция бюрократии в советском обществе	557
Глава 37. Анархизм и анархическое движение. Другие немарксистские версии социализма.	562
37.1 Анархизм.	562
37.2. Муниципальный социализм, гильдейский социализм, кооперативный социализм.	565
37.3. Демократический социализм, этический социализм, христианский социализм.	567
37.4. «Социалистические» движения в отсталых странах, освободившихся от колониальной зависимости.	568
ЧАСТЬ VIII. КРИЗИС СОЦИАЛИЗМА И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА	572
Глава 38. Кризис коммунистического движения и вырождение социал-демократии в конце XX века	572
38.1. Общий «откат» социалистического движения в 90-е годы XX века. ..	572
38.2. Утрата позиций коммунистическим движением	573
38.3. Разложение социал-демократии	575
Глава 39. Причины и последствия краха «реального социализма»	577
39.1. Почему проиграно соревнование с капитализмом?	577
39.2. От «строительства социализма» к «строительству капитализма»?	581
39.3. Возрождение сталинизма в России	583
39.4. Врожденные болезни капитализма, возникшего из советского строя ..	585
39.5. Буржуазная революция закончена. Что дальше?	587
39.6. Почему мы видим выход именно в социализме?	589
Глава 40. Социализм: ответ на вызов глобальных проблем.	591
40.1. Постиндустриальные тенденции и социализм.	591
40.2. Экологический социализм и «красно-зеленый» союз.	594
40.3. Капиталистическая глобализация, альтерглобализм и социализм.	598

40.4. Глобализация, противоречие «Север-Юг» и перспективы социализма	600
Глава 41. Политические перспективы нового левого проекта	604
41.1. Положение на левом фланге после неудачи советского проекта	604
41.2. Социальная динамика современного капитализма и перспективы левых сил	606
41.3. Исходный коммунистический проект и современная стадия капитализма	607
Глава 42. Российский социум: социализм и проблема цивилизационного синтеза	610
42.1. Роль цивилизационных особенностей в социально-экономическом развитии	610
42.2. Движение к социализму и цивилизационный синтез	612
42.3. Особенности России и возможные проблемы на пути России к социализму	613
Заключение	616

Предисловие

Желание предложить российскому читателю учебное пособие, посвященное социализму, вызвано тем обстоятельством, что на российском книжном рынке литература такого рода практически отсутствует.

Казалось бы, читатель может обратиться к изданным в советский период в огромном числе учебникам по научному коммунизму, диалектическому и историческому материализму и политической экономии. Однако эти издания излагали проблемы социализма лишь в рамках официальной идеологической доктрины КПСС, для которой был характерен отказ от свойственного марксизму критического отношения к действительности. К сожалению, даже у многих сторонников социализма сохраняются старые вульгаризированные представления о нем и не хватает интереса к глубокому изучению социалистической теории.

Появившиеся же в последние 20 лет в немалом числе издания, посвященные критике теории и практики социализма, вряд ли могут рассматриваться как хорошее подспорье для тех, кто решил самостоятельно разобраться в вопросе о том, что такое социализм. К сожалению, подавляющее большинство подобных изданий грешит очень предвзятыми, ошибочными, нередко намеренно искаженными и в лучшем случае крайне поверхностными представлениями о социалистической теории и истории социалистических движений. Зачастую эти издания не имеют ничего общего с научной критикой, а служат созданию извращенной картины, сея лишь путаницу в умах читателей.

В современной школе и в высших учебных заведениях также невозможно получить сколько-нибудь систематические и достоверные знания о социализме. Отсюда и необходимость в учебном пособии, ориентированном на самостоятельное изучение социалистической теории.

Поэтому появилось стремление дать нашим читателям возможность ознакомиться с идеями социализма из первых рук, изложив наше собственное понимание тех взглядов, которых мы придерживаемся. Я употребляю в данном случае местоимение «мы», поскольку, несмотря на то, что этот учебный курс написан в основном одним автором, и только я несу полную ответственность за изложенные здесь взгляды, они, тем не менее, в значительной мере отражают позицию широкого круга людей, придерживающихся социалистических убеж-

дений. Эта группа определяет себя как сторонников школы постсоветского критического марксизма. Ее представители группируются вокруг выходящего уже 20 лет журнала «Альтернативы» (в Интернете его материалы можно найти на сайте www.alternativy.ru).

Полагая всякую научную критику благотворной, мы предоставляем как сторонникам, так и противникам социализма возможность сделать свои собственные выводы из изложенных здесь концепций. Надеемся, что данное учебное пособие окажется полезным как для тех, так и для других. Первым оно даст, наконец, возможность ознакомиться с систематическим изложением основ социализма в их современном понимании, вторым – возможность уяснить себе, против чего же, собственно, они выступают.

ВВЕДЕНИЕ

Данное учебное пособие представляет собой изложение основ социалистической теории в марксистском ее понимании. Для лучшего уяснения проблем социализма изложение его теоретических основ сочетается с обращением к эволюции социалистической теории, а также с рассказом о проблемах практического ее применения в социалистическом движении.

Я не претендую, однако, на сколько-нибудь полное и систематическое освещение истории социалистического, коммунистического или рабочего движения, а также и истории социалистической мысли. Это должно быть предметом самостоятельных специальных публикаций. Обращение к данным проблемам рассматривается лишь как необходимая составная часть изложения проблем развития социалистической теории, поскольку это развитие неотделимо от революционной практики.

Точно так же я буду обращаться к различным составным частям марксистской теории лишь постольку, поскольку это необходимо для изложения проблем социализма. Поэтому, например, вопросы марксистской диалектики в учебнике будут рассмотрены лишь вкратце. Более подробно преподносится материалистическое понимание истории, поскольку это ключевой пункт марксизма. Однако и в этом случае я прибегаю лишь к такой степени раскрытия проблем, которая необходима для учебной литературы. Хотя критика экономических противоречий капитализма и социально-политические выводы из нее, а также критика опыта «реального социализма» будут представлены более полно, но и в этом случае полнота изложения будет ограничена рамками необходимого для учебника.

Подготовленный читатель может обратить внимание, что в учебнике отражены далеко не все современные тенденции в развитии социалистической теории и не все разнообразие позиций по дискутируемым проблемам теории социализма. К сожалению, для учебника такой подход неизбежен – в нем вынужденно приходится ограничиваться изложением лишь тех взглядов, которые уже более или менее устоялись и получили широкое признание. К изложению отнюдь не общепризнанных и дискуссионных позиций придется прибегать лишь по тем вопросам, по которым отсутствуют общепринятые точки зрения.

Учебное пособие построено по схеме, близкой к схеме любого современного учебника: в нем даются основные категории (выделе-

ны полужирным шрифтом) и их определения (либо непосредственно в тексте, либо в специально выделенных иным шрифтом абзацах), дополнительная краткая информация и комментарии к некоторым проблемам (уменьшенным шрифтом). Каждая глава снабжена вопросами и аннотированным указателем литературы для дополнительного самостоятельного изучения предмета.

Для тех, кто хотел бы продолжить изучение вопросов социализма за пределы рекомендованного в данном учебном пособии, могу посоветовать следующее. Во-первых, можно (в том числе при помощи Интернета) провести поиск дополнительных работ тех авторов, которые упомянуты в этом учебном пособии. Для начала, можно приступить к проработке сочинений Маркса и Энгельса, Ленина, Троцкого, Сталина (но, разумеется, не ограничиваться ими). Во-вторых, полезно было бы изучить широкий массив исторических и социологических сочинений, посвященных периоду XIX–XX веков. В третьих, в сети Интернет существует немало сайтов с электронными библиотеками, содержащими огромное количество источников по проблемам социализма, например:

<http://scepstis.ru/library/>;

<http://revkom.com/biblioteka/marxism/>;

<http://www.istmat.ru/>;

<http://www.marxists.org/archive/>;

<http://revolt.anho.org/>;

<http://socialist.memo.ru/>;

<http://polit-kniga.narod.ru/>;

<http://www.1917.com/Marxism/>;

<http://www.polit.ru/> и множество других.

ЧАСТЬ I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

ГЛАВА I

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ КАК ОСНОВА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ СПРАВЕДЛИВОМ ОБЩЕСТВЕ. СОЦИАЛИЗМ КАК УТОПИЯ

1.1. Мечта о всеобщем счастье и социализм

Мечта о лучшем, справедливом обществе сопровождает человечество с незапамятных времен. Многие, отдавая себе отчет в том, что такая мечта вызвана царящей в мире несправедливостью, полагают все же, что это пустая блажь. Общество устроено так, как оно устроено, правды на земле все равно нет (а иные, вслед за героями “Маленьких трагедий” А.С. Пушкина, добавляют – “но правды нет и выше”!). Искать эту правду – никчемное занятие. Надо приспособиться к тем условиям жизни, какие есть. А те, кто ропщет на судьбу и обвиняет общественное устройство в своих бедах – неудачники, не взявшие себе за труд занять в жизни достойное место.

В такой позиции есть немалая толика житейской мудрости. Однако не стоит забывать, что порицаемая иными мудрецами “пустая блажь” время от времени сотрясала устои мирового порядка и до не-

узнаваемости меняла лицо человеческого общества. Рухнули порядки, основанные на рабстве и крепостничестве, уходили в прошлое монархии, сменяясь республиками с демократической формой правления... Можно, конечно, и в этом видеть дурную сторону мечтаний о всеобщем счастье, порождающих разрушительные революции, мятежи и бунты. Однако в любом случае опрометчиво не обращать внимания на ту социальную мощь, которая сконцентрирована в мечтах о лучшем обществе.

В современном мире желание добиться более совершенного и более справедливого устройства общества уже давно перестало быть лишь неопределенной мечтой. Это желание теперь в основном облекается в форму довольно детально разработанных социалистических учений. Однако не всегда стремление к лучшему будущему имело такую форму, да и само слово социализм – сравнительно недавнего происхождения. Социализм, имея много общего с предшествующими ему стремлениями переустроить общество на более справедливых началах, все же довольно сильно отличается от них.

Так что же такое социализм, и как он связан с веками существовавшими желаниями людей избавиться от социальных пороков путем переделки устройства общества?

Социализм – совокупность различных концепций, исходящих из необходимости замены существующего общества другим, основанным на социальном равенстве, то есть на предоставлении каждому человеку равных возможностей во всех сферах жизни общества – экономической, политической и т.д. Социализм признает наличие неравных личных дарований и способностей, но не считает их основанием для закрепления за кем-либо качественных социальнo-экономических преимуществ перед другими. Термином **социализм** также часто обозначают общество, в котором реализуются указанные выше принципы.

Социалистическое движение – социальная борьба, имеющая, как правило, организованную форму, и направленная на полное или частичное достижение идеалов социализма.

Коммунизм как общественное движение является ветвью **социалистического движения**, выделяясь большей последовательностью в постановке целей, включающих не только социальное равенство, но и создание условий для свободного развития каждого человека. Коммунизм открыто провозглашает разрыв с ныне существующим обществом, предполагая его революционное преобразование в качественно новый общественный строй. В коммунистическом обществе принцип социального равенства реализуется полностью и до конца, вплоть до исчезновения каких-либо различающихся друг от друга по социально-экономическому положению групп и прослоек.

Это лишь первые, самые поверхностные определения социализма и коммунизма. Они еще не раскрывают, в чем будет состоять жизненная основа будущего общества, в чем оно будет черпать энергию для своего развития. Однако, чтобы объяснить это, нам понадобится пройти несколько последовательных ступеней изложения теории социализма. И только тогда можно будет дать развернутые определения, схватывающие наиболее существенные и глубинные черты понятия социализм.

1.2. Социальное неравенство и социальная утопия

Так почему же мечта о лучшем обществе сопровождала человечество почти на всем протяжении его писаной истории?

Эта мечта возникла вместе с появлением социального неравенства, с разделением людей на различные общественные классы, одни из которых получили возможность присваивать труд других, т.е. с появлением эксплуатации человека человеком. Вместе с этим возникло государство, служащее орудием политического господства одной части общества над другой. Как выражение протеста против эксплуатации и политического принуждения и появляется мечта о таком обществе, где не будет никаких форм социального угнетения.

Мечты о справедливом общественном устройстве выражают, однако, не только устремления угнетенных классов. Подчас и некоторые идеологи, выступающие в интересах господствующих классов, чувствуя, что существующий общественный порядок раздрается глубокими антагонизмами, размышляют о таком устройстве общества, где эти антагонизмы были бы сглажены. Они также хотели бы сделать общественные порядки более справедливыми, чтобы ослабить недовольство эксплуатируемого большинства и обеспечить тем самым более спокойную и устойчивую жизнь для самих себя, как господствующего социального слоя.

Первоначально такого рода мечты существуют лишь в форме социальной утопии.

Социальная утопия – представление о желаемом общественном устройстве, не имеющее достаточных реальных оснований в наличных условиях социального бытия.

Для социальных утопий характерно наличие лишь отдельных элементов концепций, позднее оформившихся в виде социалистических учений. Стремление к справедливому обществу и к социальному равенству было во многих утопиях ограниченным теми или иными рамками, присущими различным видам эксплуататорских об-

ществ (например, сохранение сословных различий, юридического неравноправия), либо ориентировалось на возврат к отжившим, архаическим порядкам (например, общинным). Нередко социальные утопии содержали консервативные и даже прямо реакционные черты. Более того, в форме социальных утопий могло проявляться вовсе и не стремление к равенству и справедливости, а желание увековечить эксплуататорские порядки, и даже создать общественные системы, еще более эффективно подавляющие угнетенные классы.

Социальные утопии не опирались на ясные представления о том, при каких условиях и за счет чьих усилий достижимы социальная справедливость и социальное равенство. Такая ограниченность социальных утопий определялась социально-экономической и культурной зрелостью тех обществ, на почве которых они возникали и формировались. По мере развития человечества социальные утопии приобретают вид все более развернутых и целостных социальных проектов, оставаясь, однако, без обоснования социально-экономических и политических условий, при которых они могли бы стать достижимыми.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Что такое социальная справедливость?
2. Какую роль чувство социальной справедливости играет в истории человечества?
3. Что такое социальное равенство и социальное неравенство?
4. Чем вызвано стремление к социальному равенству?
5. Почему стремление к социальной справедливости первоначально имеет форму утопии?

Литература для самостоятельного изучения:

В указанных источниках следует, прежде всего, обратить внимание на введение и начальные главы, характеризующие природу утопического сознания и сложный характер его связи с реальными социальными противоречиями, на обусловленность утопических воззрений степенью зрелости общества и невозможностью достижения социального равенства при наличных исторических условиях.

- Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М. 1994.
- Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. — М., 1989
- Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в., М., 1975.
- Кан С. Б.. История социалистических идей (до возникновения марксизма), М., 1967.

ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНЫХ УТОПИЙ

2.1. Социальные утопии античного времени

Первые социальные утопии возникают в период античности. Они выступают в форме проектов справедливого государственного строя. Поскольку для разработки таких проектов необходимо было иметь достаточный уровень образования (то есть, как правило, быть обеспеченным человеком), то профессиональные идеологи выражали чаще всего позицию господствующих классов. Одна из наиболее известных и детально разработанных утопий такого рода излагается в работах Платона "Государство" и "Законы".

Платон (род. в 428 или 427 г. до н.э., ум. в 348 или 347 г. до н.э.) – древнегреческий философ, ученик Сократа. Во второй половине 90-х годов 4-го в. до н.э. основал в Афинах философскую школу – Академию. Один из виднейших представителей объективного идеализма. В области социальной философии Платону принадлежит весьма глубокое для своего времени исследование разделения труда, как одной из экономических основ существования античного полиса. Выдвинув утопические проекты идеального государственного устройства, Платон в 361 году до н.э. приехал на Сицилию по приглашению тирана Сиракуз Дионисия Младшего, заявившего о намерении осуществить в своем государстве идеи Платона. Однако эта (как и другие) попытки Платона добиться претворения в жизнь своих замыслов в жизнь окончилась неудачно.

В своем идеальном государстве Платон предполагал наличие кастового деления общества. Все жители делятся на свободных и рабов. Свободные, в свою очередь, подразделяются на три сословия: правители (философы), стражи (воины) и работники (крестьяне, ремесленники и купцы). Представители ни одного из сословий не могут заниматься делами, предназначенными для других. Так, работники не могут владеть оружием, ни они, и ни стражи не допускаются к управлению государством. Работники строго специализируются на каком-либо одном занятии – земледелии или ремесле, причем в ремесле также предполагается строгая специализация на каком-то одном виде ремесла.

Стражи и правители освобождались от труда и должны были коллективно владеть имуществом, рабами, и даже женщинами.

Монета используется лишь как средство обращения и мера стоимости товаров, но ни одно частное лицо не вправе накапливать в своих руках золото и серебро. Внешняя торговля жестко ограничивается пределами ввоза абсолютно необходимых товаров, которые невозможно произвести внутри страны.

Регламентация внутренней и внешней торговли, правила занятия ремеслом, осуждение ростовщичества, регламентация цен – все эти предложе-

ния Платона во многом превосходят организацию ремесла и торговли в средневековых городах.

Основа экономики платоновского государства – сельское хозяйство. Земля находится в государственной собственности и поровну распределяется между семейными хозяйствами. Земельные владения запрещено дробить, они передаются по наследству только старшему сыну. Тяжелые физические работы по обработке земли возлагаются на рабов. Тем самым Платон хотел сохранить устойчивость сословия мелких земледельцев, как массовой социальной опоры полиса.

Разумеется, Платона нельзя рассматривать как предшественника, а тем более – как представителя утопического социализма (хотя это нередко делается в пропагандистских целях противниками социализма). По словам Маркса, утопия Платона представляет собой "афинскую идеализацию египетского кастового строя"¹. Платон пытался выступать как идеолог господствующих классов, мечтающий о консервации античной полисной системы, пытающийся предотвратить разрушительное действие присущих ей социальных противоречий. Утопичность его взглядов заключалась в том, что они предполагали серьезное *самоограничение* интересов господствующих классов, а потому могли встретить с их стороны в лучшем случае словесную поддержку.

Интересы эксплуатируемого большинства в эпоху античности обычно не находили систематического выражения во взглядах профессиональных идеологов, существуя лишь в устном народном творчестве, в своеобразной интерпретации в народном эпосе мифологических сюжетов и т.п. Однако можно обнаружить отражение социальных противоречий той эпохи в дискуссиях среди философов и других мыслителей античности о справедливом государственном устройстве и принципах справедливого распределения.

Что касается народных утопий, то о них не сохранилось скольнибудь подробных свидетельств. Тем не менее, в литературных источниках той эпохи (Эвгемер, Ямбул) получила отражение, развитие и интерпретацию утопическая народная легенда о "золотом веке", не только относящая этот "золотой век" человечества к прошлому (как у многих античных писателей), но и предсказывающая его наступление в будущем. "Золотой век" в народном изображении был связан с идеализацией прежнего общинного устройства общества с его социальным равенством, отсутствием частной собственности и эксплуатации.

¹ Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. С. 379.

Религиозные утопии

В средние века социальные утопии существовали в двух основных видах – в виде народной утопии, выраженной обычно в форме устного народного творчества и закрепляемой в фольклорной традиции (как и в античности), и в виде религиозной утопии, обычно принимающей форму ереси – религиозного течения, отклоняющегося от учения господствующей церкви. Религиозные утопии были составной частью многих еретических течений в христианстве (агонистики, богомилы, вальденсы, катары, апостолики, анабаптисты, табориты и т.д.; в России – стригольники и последователи Феодосия Косого), в мусульманстве (хариджиты, карматы, хуруфиты, бабиды и др.), манихействе (маздакиты, хуррамиты), буддизме (байланьцзяо – секта белого лотоса).

Форма религиозной утопии была единственно возможным способом идеологического выражения социальной утопии в сколько-нибудь систематическом виде в эпоху, когда религиозная идеология была господствующей формой всякой идеологии, да и общественного сознания в целом. Как и в религиозном сознании вообще, в религиозных социальных утопиях освещение социальных проблем приобретало иллюзорную форму. Стремление к установлению справедливого общественного порядка основывалось непосредственно не на том или ином понимании социальных обстоятельств, а на противопоставлении несправедливости реальной жизни религиозным догматам. При этом догматы веры интерпретировались под углом зрения необходимости всеобщего осуществления моральных идеалов, проповедуемых любым вероучением.

Но социальные утопии приобретали не просто религиозную форму, а именно форму ересей. В любой религии так или иначе находили свое отражение общественные противоречия. Однако господствующая церковь, подвергая моральному осуждению крайности эксплуататорской элиты, стремилась к использованию религии как идеологического средства притупления классовой борьбы, смягчения социальных конфликтов. Установление же справедливости господствующие течения в любой религии обещали лишь в потустороннем мире, и не по воле людской, а по воле божьей.

Ереси же, как правило, выпячивали социально-критическую сторону религиозных учений (особенно сильную в период их формирования – например, в учениях ранних христианских общин). Они двигали, в отличие от господствующей церкви, требование не только осуждения социальных пороков, но и искоренения их в реальной

жизни. Идея "царства божия на земле" приходила тем самым в столкновение с господствующей церковью.

Еретические социальные утопии становились нередко идеологической оболочкой массовых народных движений, направленных как против господствующих общественных порядков, так и против господствующей церкви. Церковь выступала сторонницей самых жестоких мер по подавлению этих ересей даже тогда, когда они не выливались в массовые движения.

Религиозные социальные утопии имели ряд черт, более или менее устойчиво повторявшихся во всех их разновидностях. Первую из них мы уже назвали – это стремление к справедливому переустройству общества на земле, а не в "мире ином". Одни утопические религиозные течения считали для этого достаточным личное самоусовершенствование, правильное воспитание и т.п., другие видели необходимость не останавливаться и перед насилием ради достижения благих целей.

Другая черта – требование общности имущества, обычно сочетаемое с проповедью аскетизма. Сторонники религиозных социальных утопий полагали, что различие между богатством и бедностью может быть искоренено при помощи обращения имущества богатых в общую собственность всего населения. Отсюда вытекало и стремление к уравнительному распределению доходов.

Кроме того, весьма характерным для социальных утопий был протест против господствующей формы семьи. Средневековая семья была весьма зависимой от обстоятельств хозяйственного быта, строгих религиозных запретов и патриархальной семейной иерархии. Этому противопоставлялся принцип семейного союза, основанного на взаимной личной склонности, на любви, что подчас доходило до возведения взаимной любви в главный и универсальный нравственный принцип, иногда приводя к проповеди полной свободы половых отношений.

Различным было отношение утопических учений к организации светской и религиозной власти. Выступая, главным образом, за организацию общества в виде совокупности свободных общин и отвергая диктат господствующей церкви, некоторые религиозные утопии несли в себе стремление к установлению жесткой централизованной государственной власти и установлению монополии собственного религиозного учения (в том числе и силой).

Совокупность этих признаков дает основания видеть зародышевые элементы социалистических и коммунистических воззрений лишь в некоторых религиозных социальных утопиях.

Религиозные социальные утопии средневековья несли в себе, одновременно с мечтами о более справедливом обществе, и значи-

тельные реакционные элементы. Такое сочетание оказывалось неизбежным, если учесть, что эти утопии не основывались (и не могли основываться) на понимании реальных социальных условий, делающих практически возможным осуществление мечты о справедливом обществе. Поэтому пути в справедливое общество виделись нередко в восстановлении старинных, доэксплуататорских порядков, а их обоснование покоилось на идеализации общинного быта.

Для многих религиозных социальных утопий была характерна общинная (а подчас и этническая) замкнутость. Справедливость в рамках общины могла покупаться ценой несправедливости за ее пределами. Так, государство, созданное в 10-11 вв. н.э. религиозными общинами карматов в Южном Йемене (Эль-Ахса), поддерживало социальное равенство внутри общин за счет коллективного владения рабами и государственного рабовладения.

Другой реакционной стороной было понимание справедливости как грубо-уравнительного распределения и связанной с ним жесткой и мелочной регламентации не только потребления, но и всех сторон жизни человека. Часто это сочеталось с авторитарными политическими концепциями.

В позднее средневековье в Европе религиозные ереси постепенно теряют характер социальных утопий, превращаясь в идеологическую оболочку буржуазных реформаторских и революционных движений. В Азии происходит постепенное реакционное перерождение прежних ересей социально-критической направленности (характерный пример – эволюция ваххабизма). К началу XIX века некоторые из мусульманских ересей также становятся одним из способов оформления буржуазных политических и идеологических течений.

2.3. Развитие социальных утопий в сочинениях средневековых гуманистов и деятелей эпохи Просвещения

Исчезновение с широкой общественной сцены (впрочем, не полное) социальных утопий в форме религиозных ересей не означало исчезновения социальных утопий вообще. Социально-утопическая тенденция, еще в эпоху широкого распространения религиозных утопий, находит свое выражение в сочинениях средневековых гуманистов (а позднее, на рубеже нового времени – в творчестве некоторых деятелей Просвещения). После работ Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы, социальные утопии становятся в значительной мере продуктом индивидуального идеологического творчества. Тем не менее, их влияние продолжает оставаться весьма широким.

Томас Мор (7.02.1478 – 6.07.1535) – английский гуманист и государственный деятель. Ученик и друг Эразма Роттердамского. В 1504 году избран в парламент. Однако, выступив против финансовой политики Генриха VII, навлек на себя угрозу репрессий и вынужден был покинуть парламент. В 1510-1518 гг. – помощник шерифа Лондона. В 1516 году издано его наиболее известное сочинение – диалог "Утопия". Его "История Ричарда III" оказала определяющее влияние на трактовку описываемых событий последующими историками и на творчество Шекспира. В 1521 году посвящен в рыцари. В 1523-1529 гг. – председатель палаты общин. В 1529 году стал лорд-канцлером Англии. Будучи противником Реформации, и не соглашаясь с церковной политикой Генриха VIII, в 1532 году вышел в отставку. За отказ принести присягу королю как главе церкви был заключен в Тауэр, обвинен в государственной измене и 7 июля 1535 года кончил жизнь на плахе. Католическая церковь в 1935 году канонизировала его как святого.

В "Утопии" Томас Мор дал уничтожающую критику современных ему общественных порядков, социальных пороков и противоречий, вызванных обезземеливанием английского крестьянства в результате политики "огораживания" (сгона крестьян с земли для организации овечьих пастбищ). Ему принадлежит известная фраза "овцы пожрали людей". Этим порядкам Томас Мор противопоставляет идеальный строй на острове Утопия (буквальный перевод с греческого – место, которого нет). Слово *Утопия* стало нарицательным, и именно с этого времени стало использоваться для обозначения определенных концепций и течений общественной мысли, касающихся идеалов, объединяемых общим свойством – отрывом от реальности (*утопизм*).

На острове Утопия труд является обязанностью всех граждан. Установлен 6-часовой рабочий день, обеспечивающий досуг и время для других, более возвышенных занятий. Частная собственность отсутствует. Томас Мор считал необходимым соединение ремесла и земледелия, не видя иного пути для преодоления противоположности между городом и деревней. Уравнительное распределение в его понимании должно было основываться не на мелочной его регламентации, а на удовлетворении потребностей людей. Мор предполагал, что свободный труд сможет обеспечить для этого достаточное изобилие продуктов. Политическое устройство Утопии основывалось на демократических принципах.

Чтобы освободить граждан от наиболее тяжелых и недостойных работ, Томас Мор допускал использование рабского труда, хотя и в смягченной форме. Он считал также необходимым пожизненное прикрепление людей к одному определенному виду занятий.

Как и многие гуманисты, Томас Мор был противником народных движений, видя в них лишь разрушительную силу. Это проявилось в его резко отрицательном отношении к Реформации и Крестьянской войне в Германии.

Томмазо Кампанелла, до пострижения в монахи – Джованни Доменико (5.09.1568 – 21.05.1639), итальянский мыслитель и поэт. В 1582 году стал монахом. С 17 лет принимал участие в богословских диспутах. В 1589 году бежал из монастыря в результате конфликта с орденом доминиканцев из-за

своих вольнодумных идей. В 1591 году опубликовал сочинение "Философия, основанная на ощущениях", носившее пантеистический и во многом материалистический характер, и за это был арестован инквизицией. Выйдя через год из тюрьмы, преследуемый иезуитами, скитался по Италии, неоднократно арестовывался по обвинению в ереси, но всякий раз умелая защита и стойкость под пытками позволяли ему избежать сурового наказания (попавшим в руки инквизиции редко удавалось избежать такой участи). В конце 90-х гг. пытался организовать восстание с целью свержения в Италии власти испанских Габсбургов и установления республики. В 1599 году в результате измены был арестован, обвинен светскими властями в заговоре, а инквизицией – в ереси, и в 1602 году приговорен к пожизненному заключению.

Находясь в 1599-1626 гг. в тюрьме (в общей сложности провел в тюрьмах 33 года своей жизни), в 1602 году написал, а в 1623 году сумел издать книгу "Город Солнца", где нарисовал утопическую картину будущего коммунистического общества. Также во время тюремного заключения осмелился выступить в защиту преследуемого инквизицией Галилея, в 1616 году написал, а в 1622 году издал сочинение "Apologia pro Galileo". В тюрьме же Кампанеллой – одним из крупнейших ученых своего времени – были написаны сочинения по философии, военному искусству, медицине, экономике, богословию, политике, физике и астрономии.

Кампанелла, обладая значительным личным обаянием, сумел, действуя из тюрьмы, и используя свои познания в астрологии, оказать воздействие на папский престол, и в конце концов добиться помилования со стороны римского папы. Последние годы жизни провел во Франции, пользуясь покровительством кардинала Ришелье.

В "Городе Солнца" Кампанелла опирался на основные принципы "Утопии" Томаса Мора. Он, как и Мор, декларирует отсутствие частной собственности, всеобщий обязательный труд, трудовое воспитание подрастающего поколения. Кампанелла считает необходимым регламентацию производства и распределения. Торговля сводится к обмену товарами, а монета чеканится лишь для внешней торговли и нужд послов. Кампанелла надеялся, что использование техники позволит ограничить рабочий день соляриев (жителей города Солнца) всего 4 часами, оставляя время для полезного досуга.

Город Солнца в изображении Кампанеллы имеет не демократическое устройство. Он возглавляется триумvirатом, обладающим полномочиями, близкими к диктаторским. Потребление основано на грубой уравнилельности и на мелочной регламентации быта. Женщины уравниены в правах с мужчинами, но семья ликвидируется – отношения между полами, как и воспитание детей, регламентируются государством.

Такого рода воззрения являлись своеобразным преломлением чаяний наиболее обездоленных народных масс. В движениях плебейских масс, еще со времен античности (а также и на Востоке), применение деспотических методов правления часто рассматривалось как средство насильственного разрешения социальных противоречий.

Уже со времени Возрождения в сочинениях представителей утопического социализма начинает проследиваться деление на сторон-

ников революционных методов преобразования общества и поклонников действия методом убеждения и воспитания, возлагавших надежды на благотворное вмешательство просвещенных представителей господствующих классов и власти. Можно отметить также различие между сторонниками преобразования общества под радикально-коммунистическими лозунгами и сторонниками компромисса с общественной системой, основанной на частной собственности. Такого рода различия заметны уже в трудах английских (Уинстэнли) и французских (Мелье, Морелли, Мабли) утопистов XVII – XVIII веков.

Джерард Уинстэнли (1609-1652) – социалист-утопист, идеолог крайне левого крыла революционной демократии в период английской буржуазной революции, лидер движения диггеров. До 1643 года вел в Лондоне мелкую торговлю сукном. Полностью разорившись, покинул Лондон и стал наемным работником, как и тысячи подобных ему батраков. В поисках путей осуществления чаяний народных низов Уинстэнли опирался главным образом на религиозную литературу и встал на путь сектантского проповедничества. Прибегая к религиозной аргументации, Уинстэнли в своих многочисленных памфлетах, однако, ставил в первую очередь социальные и политические вопросы. Учение Уинстэнли состоит из трех связанных между собой компонентов.

Первый из них – обоснование закона социальной справедливости, предполагавшего общество без классов, состоящее только из одних тружеников, не знающее частной собственности, в первую очередь – на землю, без денег, купли-продажи и работы по найму, без наличия имущих и неимущих. Для победы этого закона требовалось продолжительное время, связанное, по мнению Уинстэнли, с необходимостью «просветления» имущих классов.

Поэтому вторым компонентом учения Уинстэнли была своеобразная программа-минимум – программа демократического аграрного переворота. Двумя основными пунктами этой программы было повсеместное разрешение беднякам обрабатывать пустующие общинные земли (это был главный практический лозунг движения диггеров – в буквальном переводе «копателей»), и превращение условной собственности крестьян на свои наделы (копигольд), обремененные повинностями в пользу феодалов, в «свободное держание» (наследственное землевладение – фригольд), от таких повинностей избавленное.

Третьей составной частью учения Уинстэнли был проект «Свободной Республики» – учреждения в Англии свободной ассоциации тружеников.

Уинстэнли возглавил выступления диггеров в 1649 г. Им была основана колония бедняков на захваченных общинных пустошах близ местечка Кобем, которая, однако, весной 1650 была разрушена лендлордами и их наемниками. В 1652 г. Уинстэнли пишет и издает свое идеологическое завещание – коммунистическую утопию «Закон свободы». В форме готовой конституции он рассматривает различные стороны жизни общества, где осуществлены коммунистические идеалы, понимаемые как выражение чаяний бедняков-тружеников, и провозглашается понимание свободы как прежде всего

свободы от нужды. Отчаявшись в способности народных низов осуществить эти чаяния своими силами, Уинстэнли адресует памфлет генералу Оливеру Кромвелю.

Жан Мелье (1664-1729) – предшественник французских просветителей, сын деревенского кустика, деревенский священник. Свое основное сочинение не мог опубликовать при жизни, оставив его в виде завещания. "Завещание" Мелье вскоре стало широко известно в Париже, однако впервые было полностью опубликовано лишь в 1864 году.

В "Завещании" подвергнуты резкой критике частная собственность и эксплуатация, а также идеологическое подчинение народных масс посредством религии. Без освобождения от религиозного дурмана Мелье считал невозможным сплотить массы для революции. Позитивная сторона учения Мелье сводилась к провозглашению общинно-коммунистического идеала. Если антирелигиозная критика Мелье была воспринята французскими просветителями, то его учение о необходимости народной революции получило развитие в идеологии утопического коммунизма конца XVIII – начала XIX вв.

Габриель Бонно де Мабли (14.03.1709 – 23.04.1785), подвергая критику частную собственность, как источник противоположности интересов в обществе, и, в конечном счете – причину всех социальных пороков, не считал правильным идти на последовательную ликвидацию частной собственности, поскольку она слишком глубоко укоренилась в душах людей. Мабли полагал, что достаточно ограничить и регламентировать частную собственность, ввести более равномерное распределение ее между людьми, устранить роскошь и перепотребление. В тоже время его идеалом был аскетический коммунизм.

В политике Мабли выступает как последовательный революционер, считая, что народ имеет право выступить против государственной власти, если та посягает на народные права и свободы.

Морелли – его сочинения опубликованы анонимно в середине XVIII века, достоверных биографических данных о нем не сохранилось. Восприняв в основном взгляды Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы, он изложил свои представления о будущем обществе не в виде описания неких фантастических стран, а в виде законодательных проектов. Особенностью взглядов Морелли по сравнению с предшественниками является последовательное проведение принципа централизованного учета и распределения труда и его продуктов в масштабе целой страны.

Некоторые реакционные черты религиозных утопий средневековья сохранились в утопических сочинениях даже периода Просвещения. Это и принудительная уравнивательность, и мелочная регламентация экономики и быта, и непоследовательный демократизм (а подчас и отказ от него). Подобные элементы социальных утопий того времени определялись существовавшими объективными социально-экономическими условиями.

В условиях добуржуазного и раннебуржуазного общества, с полунатуральной экономикой, основанной на ручном труде, можно

было обеспечить лишь довольно низкий средний уровень потребления. Освобождение части человечества от ежечасной борьбы за средства существования возможно было лишь за счет присвоения труда других (что придавало эксплуатации неизбежный характер, делая ее – до определенного предела – необходимым условием прогресса). Поэтому равенство в таких условиях было достижимо только путем принудительной регламентации потребления и за счет соответствующей ему идеологии всеобщего аскетизма. Перераспределение же имущества богатых и нивелировка потребления всех слоев населения были невозможны без применения насилия, опирающегося на использование деспотических методов государственного управления (даже если сам государственный строй предполагается в демократических формах).

Реакционные черты, содержащиеся в социальных утопиях этого периода (уравнительность, авторитаризм, мелочная регламентация потребления и семейной жизни), при сохранении соответствующих условий могли дожить и до нашего времени (например, в государстве «красных кхмеров» в Кампучии в конце 70-х гг. прошлого века). Эти исторически определенные реакционные черты регулярно используются идеологами господствующих классов для дискредитации современного социализма, будучи произвольно приписываемы современным социалистическим доктринам и движениям, и даже выдаются за суть социализма.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. В чем причины проявления социальных утопий в форме религиозных ересей?
2. В чем заключаются объективные причины отсутствия реакционных черт в социальных утопиях?
3. Почему в утопических сочинениях средневековых гуманистов элементы утопического социализма сочетались с использованием авторитарных методов принудительной уравнительности и регламентации поведения людей?
4. Почему утопические сочинения европейских просветителей обращаются к проблематике методов перехода к справедливому общественному устройству?

Литература для самостоятельного изучения:

К сожалению, у классиков марксизма нет систематического изложения их взглядов на религиозные утопии, однако кое-что можно почерпнуть из рекомендованных ниже работ Ф.Энгельса.

- Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.
- Энгельс Ф. К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22.

Далее вам предлагаются две общетеоретические работы о социальных утопиях, где затрагивается проблематика и религиозных утопий.

- Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М. 1994. С. 7—164.
- Баталов Э.Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989

В следующей группе работ описываются и анализируются древние и средневековые социальные утопии.

- Гуторов В.А. Античная социальная утопия. Л., 1989.
- Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о "золотом веке" в древнем Риме: В 2 ч. Ч. 1: До установления принципата. Изд. 2-е, испр. и доп. Новосибирск, изд-во Новосибирского университета, 1994.
- Китайские социальные утопии. М., 1987.
- Предшественники научного социализма, под общ. ред. В.П. Волгина, т. 1—27, М. — Л., 1947—61.
- Утопический роман XVI—XVII вв., М., 1971.
- Волгин В. П. История социалистических идей, ч. 1—2, М. — Л., 1928—31.
- Волгин В. П. Французский утопический коммунизм, М., 1960.
- Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в., М., 1975.
- История социалистических учений. Сб. ст., [т.] 1—2, М., 1962—1964.
- Кан С. Б.. История социалистических идей (до возникновения марксизма), М., 1967.

Наконец, следующая группа работ — сочинения видных представителей утопической литературы (средневековых гуманистов и деятелей эпохи Просвещения).

- Томас Мор. Утопия. М.: Наука, 1978.
- Томмазо Кампанелла. Город Солнца. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
- Мабли Г. Избранные произведения. М.-Л.: изд-во АН СССР. 1950.
- Морелли. Кодекс природы или истинный дух ее законов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
- Джерард Уинстенли. Избранные памфлеты / Пер. с английского Е. Г. Денисовой. М. — Л., : Издательство Академии Наук СССР, 1950.

ГЛАВА 3

СОЦИАЛЬНЫЕ УТОПИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ: ФОРМИРОВАНИЕ УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА

Последовательно гуманистический подход в социальных утопиях торжествует лишь в первой половине XIX века. Этот период является временем наивысшего и последнего расцвета социальных утопий. В этот период в Европе начинается капиталистический промышленный переворот, который не только несет с собой существенное обострение социальных противоречий, но и впервые открывает путь к развитию потенциальной возможности их смягчения и преодоления. Оба этих фактора и предопределили возникновение ряда детально разработанных утопических социалистических доктрин, собиравших вокруг себя немалое число сторонников, желавших их воплощения в жизнь. Именно с этого времени и можно говорить об **утопическом социализме** как об особом идейном и политическом направлении, хотя отдельные черты утопического социализма присутствовали и в социальных утопиях (в том числе религиозных) предшествующего периода.

Утопический социализм – совокупность утопических (то есть не опирающихся, в основном, на понимание реальных закономерностей и условий общественного развития) идейных представлений о справедливом общественном устройстве, свободном от социального угнетения, и о путях достижения такого общественного устройства. Включал в себя полное или частичное отрицание частной собственности, более или менее уравнительное распределение, всеобщую обязательность труда.

Утопический коммунизм – разновидность утопического социализма. Отличался от последнего решительным и полным проведением принципа общности имущества и уравнительности распределения (иногда вплоть до строгой регламентации потребления). Как правило, включал представления о революционном переходе к новому обществу с опорой на политическую организацию неимущих классов.

В этот же период получают широкое распространение сами термины *социализм* и *коммунизм*. Эти термины происходят от латинских слов *socialis* и *communis*, соответственно означающих в переводе "общественный" и "общий".

Термин *социализм* ввел в оборот П.Леру, один из сподвижников Сен-Симона, в 1834 году в статье "De l'individualisme et du socialisme".

Термин *коммунизм* также получил широкое распространение в 30-е годы XIX века и сторонники коммунизма сразу же навлекли на себя гнев господствующих классов. Знаменитые первые слова "Манифеста Коммунистической партии", вышедшего в 1848 году, – "призрак бродит по Европе, призрак коммунизма" – отражают уже широкую известность этого идейного течения.

3.1. Западноевропейский утопический социализм

Наиболее значительные социалисты-утописты этого периода, каждый из которых оставил после себя целую школу своих последователей – Шарль Фурье, Анри де Сен-Симон, Роберт Оуэн.

Шарль (Франсуа Мари Шарль) Фурье (07.04.1772 – 10.10.1837) – родился в купеческой семье, почти всю жизнь служил в торговых домах. По окончании средней школы самостоятельно совершенствовал свое образование.

Фурье был разочарован результатами Великой Французской революции 1789-94 гг. и подготавливавшей ее идеологией Просвещения. Восприняв ряд материалистических идей философов Просвещения, Фурье подверг критике идею "естественных законов", расхождение концепций Просвещения с опытом, попытки некоторых деятелей Просвещения оправдывать существование несправедливых социальных порядков.

Фурье развивал свою собственную социально-философскую доктрину. Он считал, что социальная наука должна быть составной частью "теории всемирного единства", основанной на принципе "притяжения по страсти". Фурье принадлежит оригинальная схема периодизации человеческой истории. Согласно этой концепции, общество последовательно проходит стадии эдемизма ("райской" первобытности), дикости, варварства и цивилизации. Главное внимание Фурье уделил критике современного ему периода – периода цивилизации. Он беспощадно вскрыл присущие ему социально-экономические и моральные противоречия, подвергнув острой критике экономические формы буржуазного общества, буржуазную форму брака и семьи и т.д.

По мнению Фурье, на смену буржуазному обществу должен прийти новый общественный строй – строй гармонии, который получает у Фурье своеобразное теологическое оправдание с позиций деизма, т.е. отождествления бога с природой. Строй гармонии предстает одновременно и как историческая необходимость, и как высшее предназначение бога-природы.

В социалистической системе Фурье сохранялись частная собственность, классы и нетрудовой доход. Фурье полагал, что общественный доход должен распределяться таким образом, чтобы 4/12 доставалось капиталу, 5/12 – труду, и 3/12 – таланту. Такое распределение необходимо, чтобы стимули-

ровать рост производительности в ассоциации. С укреплением и развитием строя ассоциации эти пропорции должны изменяться в пользу труда. Строй ассоциации создает крупное коллективизированное и механизированное сельское хозяйство, соединенное с промышленностью. Это соединение осуществляется в первичной ячейке общества – "фаланге", которая целиком размещается в огромном дворце – "Фаланстере". Тем самым в таком поселении нового типа объединяются все виды человеческой деятельности и преимущества городской и сельской жизни.

Естественные страсти человека, подавляемые при строе цивилизации и принимающие недостойные человека формы проявления, получают выход в творческой деятельности человека, полной разнообразия и радостного совнования. Будут организованы трудовые армии – региональные, национальные, интернациональные – которые полностью преобразуют лик Земли. Вместе с изменением общественного строя изменится и сам человек, превратившись во всесторонне развитую личность. Здесь Фурье угадал в едва зарождавшихся в его время тенденциях и предпосылках действительные перспективы развития человеческого общества.

Характерной особенностью взглядов Фурье на будущее общество является сочетание этих элементов предвидения, вошедших затем в арсенал социалистической теории (на основе их научного обоснования), и фантастических образов, иногда весьма своеобразных и привлекательных, но зачастую представляющих собой плод беспочвенных мечтаний.

Достижение своих идеалов Фурье не связывал с политической и классовой борьбой, возлагая надежды на содействие лучших представителей господствующих классов.

Страстная критика буржуазного строя, яркая и образная форма подачи своих взглядов обеспечили учению Фурье довольно широкую популярность. Значительные группы фурьеристов возникли во Франции и в США. Ими были предприняты многочисленные, но безуспешные попытки организации фаланстеров на принципах Фурье. Эти группы сохраняли свое влияние лишь на протяжении 30-х – 40-х гг. XIX века, а их попытки создать политические организации закончились ничем.

Однако учение Фурье оказало значительное воздействие на социальную и философскую мысль. Многие представители утопического социализма во Франции, Великобритании, США, Германии развивались под заметным влиянием идей Фурье. Его воззрения оказали воздействие на творчество ряда писателей и поэтов (Эжен Сю, Жан-Поль Беранже и др.). Довольно значительное распространение идеи Фурье получили в России. А. Герцен и Н. Огарев критически отнеслись ко взглядам Фурье. В тоже время горячими приверженцами идей Фурье были М. Петрашевский и члены кружка петрашевцев. Тем или иным образом идеи Фурье получили отражение в творчестве Ф. Достоевского, М. Салтыкова-Щедрина, Н. Чернышевского.

Наиболее крупные работы Фурье – книга "Теория четырех движений и всеобщих судеб" (1808), "Трактат о домоводческо-земледельческой ассоциации" (1822), переизданный посмертно в первом французском издании сочинений Фурье под названием "Теория всемирного единства", и книга "Новый хозяйственный и социетарный мир" (1829).

Сен-Симон (Клод Анри де Рувруа де Сен-Симон, граф) (17.10.1760 – 19.05.1825) родился в аристократической семье. Получил под руководством известного математика Д'Аламбера домашнее образование в духе Просвещения. Добровольцем участвовал в войне северо-американских колоний за независимость против Великобритании. В годы Великой Французской революции занимался скупкой и перепродажей национализированного имущества, нажив большое состояние. Поддерживал лояльные отношения со всеми властями эпохи революции (якобинцами, Директорией, консульством Бонапарта). В 1797 году разорился, потратил остаток средств на самообразование и путешествия по Европе. До конца жизни пребывал в нищете.

Основные элементы концепций Сен-Симона начали формироваться в конце XVIII века. Он считал возможным исправить результаты революции с помощью научной системы, основанной на применении к социологии принципов естественных наук. Объясняя развитие общества сменой господствующих в нем религиозно-философских и научных идей, Сен-Симон отводил весьма значительную роль в истории "индустрии" (под которой подразумевал все виды экономической деятельности), а также формам собственности и возникающим на их основе классам.

Сен-Симон полагал, что создание рационального строя, "промышленной системы", лежит на путях расцвета промышленности и сельского хозяйства, через развитие производительных сил и искоренение социального паразитизма. Основными чертами "промышленной системы" Сен-Симона были: введение обязательного для всех производительного труда, создание равных для всех возможностей применить свои способности, планирование производства, превращение государственной власти в орудие управления производством ("управление вещами, а не людьми"), постепенное утверждение всемирной ассоциации народов и стирание национальных границ. В развитии этой концепции состоит позитивный вклад Сен-Симона в развитие социалистической теории.

Сен-Симон объединял капиталистов и наемных рабочих в единый класс "индустриалов", не понимая характера противоположности интересов между ними и проповедуя сотрудничество классов. Он предполагал сохранение собственности промышленников на средства производства и участие банкиров и предпринимателей в руководстве общественным производством. В то же время он стремился ликвидировать эксплуатацию рабочих, рассматривая капиталистическую прибыль как дань, которую общество уплачивает за то, чтобы предприниматели увеличили объем общественного богатства и вывели трудовой народ из нищеты.

Способы преодоления социальных противоречий (поскольку Сен-Симон отказывался от революционной борьбы) неизбежно приобретали у него мистический оттенок. Сен-Симон разработал концепцию "нового христианства", призванную создать моральные стимулы для утверждения нового общества под лозунгом "все люди – братья".

Так же, как и Фурье, Сен-Симон завоевал многочисленных последователей. Ученики Сен-Симона (первосвященники общины сен-симонистов – Б. Анфантен и С.-А. Базар) развивали его концепцию утопического социализма. Однако вскоре в их деятельности возобладали религиозно-

мистические тенденции и община сен-симонистов в начале 30-х годов XIX века распалась. Ряд бывших учеников Сен-Симона – О. Конт, О. Тьерри – внесли заметный вклад в развитие социологической и исторической науки. Ряд идей Сен-Симона получил дальнейшее развитие и обоснование в научном социализме.

Наряду с другими европейскими странами, учение Сен-Симона проникло и в Россию. Его влияние испытали декабрист М. Лунин, В. Белинский, А. Герцен, М. Салтыков-Щедрин.

Роберт Оуэн (04.05.1771. – 17.11.1858). С 10 лет самостоятельно зарабатывал себе на жизнь. С 1791 года занялся предпринимательской деятельностью. В 1800 – 1829 гг. в качестве совладельца управлял крупным текстильным предприятием в Нью-Ланарке (Шотландия). Оуэн сократил рабочий день с 13-14 до 10,5 часов, организовал для детей рабочих ясли, детский сад и школу, выплачивал зарплату даже при четырехмесячной остановке предприятия в годы кризиса. В 1815 году на собрании фабрикантов в Глазго выступил с программой улучшения положения рабочих, но поддержки не получил. Тем не менее, при энергичном содействии Оуэна в 1819 году некоторые из предложенных им мер (ограничение женского и детского труда) были проведены через парламент. Для ликвидации бедности и безработицы в Ирландии представил парламентской комиссии записку об организации трудовых коммун.

Под влиянием крайне ограниченных успехов своей реформаторско-филантропической деятельности Оуэн с 1820 года поворачивает к пропаганде утопического социализма. Растратил свое состояние в попытках организации социалистических коммун в Великобритании и США, имевших лишь кратковременный успех. Неудачной была попытка Оуэна организовать базары справедливого обмена (1832-1834 гг.), где товары должны были обмениваться на боны, обозначающие количество рабочих часов, затраченных на производство товара¹. Значительнее более успешной была деятельность Оуэна по содействию развитию кооперативного и профсоюзного движения в Великобритании, для которых участие Оуэна сыграло весьма существенную роль.

Оуэн видел основную причину социальных бедствий в недостаточном развитии просвещения, препятствующем переходу к обществу, построенному на рациональных научных основаниях. В понимании устройства такого общества стоял на позициях коммунизма – общая собственность, обязательность труда, равное право на продукт труда, устранение религии и буржуаз-

¹ Крах базаров справедливого обмена покоился на непонимании законов товарного производства, при котором цены товаров объективно устанавливаются не на основе фактически затраченного на их производство рабочего времени, а, во-первых, формируются на основе только общественно-необходимых затрат труда (что выясняется только после совершения обмена), и, во-вторых, находят под воздействием соотношения спроса и предложения. Марксистская критика представлений о «справедливом» обмене в условиях товарного производства (развитых в первой трети XIX в. социалистами-рикардианцами, а затем Прудоном) содержится в работах К. Маркса «Нищета философии» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.4. С. 106-109) и «Критике политической экономии» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.13. С. 67-70).

ной формы брака. В тоже время считал, что положение народа не может быть улучшено политическими преобразованиями, и не проявлял интереса к политической борьбе рабочего класса.

Общим для утопического социализма в изложении его наиболее видных представителей является довольно глубокая критика социальных противоречий современного им капиталистического общества; надежда на мирную эволюцию этого общества к социализму как под влиянием пропаганды и разъяснительной работы, так и под влиянием примера; детальная проработка элементов социального устройства социалистического общества.

Наряду с умозрительными и фантастическими представлениями о будущем, некоторым социалистам-утопистам принадлежат настоящие социальные изобретения. Так, Роберту Оуэну принадлежит (полностью или частично) честь изобретения детских садов, фабричных столовых, потребительской кооперации, идея соединения школьного обучения с трудом. Подобные замыслы и идеи Оуэна, в которых проявилось его верное социальное чутье, были восприняты марксизмом, и, получив в нем соответствующее обоснование, стали элементами концепции научного социализма.

3.2. Западноевропейский утопический коммунизм

В конце XVIII – первой половине XIX вв. в рамках утопического социализма продолжают свое развитие и более радикальные утопические коммунистические учения (Бабёф, Вейтлинг, Бланки). Они унаследовали наиболее радикальные идеи, развивавшиеся еще в рамках утопических религиозных ересей (Томас Мюнцер и возглавлявшая им община анабаптистов, игравшие руководящую роль в Крестьянской войне в Германии), в сочинениях некоторых утопистов эпохи Просвещения.

Графх Бабёф (23.11.1760 – 27.05.1797), настоящее имя – Франсуа Ноэль. Родился в Сен-Кантене в бедной семье бывшего солдата. Сильное влияние на формирование его мировоззрения оказали взгляды Ж.Ж. Руссо, Г.Б. Мабли, Морелли. Став юристом, в своей переписке выступал против феодальной земельной собственности, выдвигал идеи коллективных форм собственности, высказывался за замену феодальных повинностей единым налогом. В 1789-1792 гг. принимал участие в революционном крестьянском движении в Пикардии. В 1790 году за участие в движении за отказ от уплаты косвенных налогов был заключен в тюрьму, откуда был освобожден при содействии Ж.-П. Марата. В годы французской буржуазной революции выступал за полную ликвидацию феодальных прав без выкупа, за раздачу в долгосрочную аренду (а не продажу) конфискованных церковных земель. Во вре-

мя выборов в Конвент в 1792 году выдвинул требование обеспечения права на труд. После термидорианского переворота в основанных им газетах вел активную пропаганду против термидорианской Директории и в феврале 1795 года был подвергнут тюремному заключению. В тюрьме сблизился с рядом революционных якобинцев, составивших ядро "заговора во имя равенства". Выйдя из тюрьмы в октябре 1795 года, возобновил свою критику Директории.

После роспуска в 1796 году клуба Пантеон, вокруг которого группировались его сторонники, создал "тайную повстанческую директорию", готовившую выступление народных масс парижских предместий. В своей агитации сторонники Бабёфа (бабувисты) особое внимание обращали на рабочих. Однако в результате предательства все руководители движения были арестованы. 27 мая 1797 года Бабёф был казнен после судебного процесса над бабувистами.

В отличие от других социалистов-утопистов Бабёф значительное внимание уделял практическим мероприятиям, необходимым для осуществления коммунистического общества. Бабёф полагал, что в ходе революции невозможно немедленное осуществление демократии в форме республики, и необходим период революционной диктатуры. В качестве первых мероприятий такой диктатуры бабувисты предполагали бесплатное снабжение хлебом нуждающихся, переселение бедняков в жилища богачей, возврат заложенных вещей из ломбардов без выкупа. Выдвигался план создания "национальной коммун", которая должна была заниматься организацией экономической жизни и вытеснить частное хозяйство. Бабёф был сторонником прямой уравнительности, категорически возражая против каких бы то ни было различий в оплате труда.

Разгром "заговора во имя равенства" не означал конец движения бабувистов. Уцелевшие бабувисты стремились возродить свои тайные общества, однако во времена консульства и наполеоновской империи почти все пали жертвами репрессий. Один из немногих уцелевших соратников Бабёфа Ф. Буонаротти опубликовал в 1828 году книгу "Заговор во имя равенства". Вернувшись после июльской революции 1830 года во Францию, он со своими товарищами способствовал распространению идей бабувизма в тайных республиканских обществах 30-х годов XIX века. Эти идеи были особенно популярны в 40-е годы среди парижских рабочих. В конце 40-х годов, в связи с распространением бланкизма, унаследовавшего многие идеи Бабёфа и Буонаротти, бабувизм сходит со сцены.

Вильгельм Вейтлинг (5.10.1808 – 22.01.1871) – немецкий портной. Эмигрировал во Францию, с 1835 года жил в Париже, где в 1836 году примкнул к "Союзу справедливых" (тайная организация, объединявшая рабочих и ремесленников, первоначально главным образом эмигрантов из Германии). Вейтлинг написал для него в 1838 году программную работу "Человечество, каково оно есть и каким оно должно быть". Книга Вейтлинга "Гарантии гармонии и свободы" (1842) оказала значительное влияние на пробуждение немецкого рабочего движения. Вынужденный в 1841 году эмигрировать в Швейцарию, Вильгельм Вейтлинг вел активную пропаганду идей утопического коммунизма и организаторскую работу в коммунистических союзах.

Затем эмигрировал в США, где вел пропаганду и просветительскую работу среди немецких рабочих-эмигрантов. Во второй половине 50-х годов отошел от рабочего движения.

Представления Вейтлинга о справедливом обществе не отличались большой оригинальностью, испытывая значительное влияние бабувизма. Существенное внимание Вейтлинг уделял проблемам справедливого распределения и с этой целью – детальной регламентации потребления, нередко изобретая разного рода умозрительные схемы (например, распределение театральные билеты по жребию). Важное место во взглядах Вейтлинга занимает осознание необходимости классовой борьбы рабочих для изменения существующих порядков революционным путем. Однако в понимании путей революционной борьбы Вейтлинг, с одной стороны, не освободился полностью от заговорщическо-сектантской тактики, унаследованной от бабувизма, а с другой – понимал революцию как стихийный процесс, в котором наиболее активную роль играют деклассированные элементы.

Луи Огюст Бланки (08.02.1805 – 01.01.1881). Родился близ Ниццы в семье супрефекта. Активный участник республиканско-демократического движения периода реставрации Бурбонов, июльской революции 1830 года и июльской монархии. В первой половине 30-х годов под влиянием бабувизма пришел к коммунистическим убеждениям. Был организатором и руководителем тайных республиканских обществ – "Общества семей" (1835-36) и "Общества времен года" (1837-39), выступавших за установление республиканского строя и уничтожение эксплуатации. После неудачной попытки поднять 12 мая 1839 года восстание в Париже был осужден на смертную казнь, замененную пожизненным заключением. Был освобожден из тюрьмы революцией 1848 года. Сразу занял непримиримую антибуржуазную позицию. За участие в демонстрации 15 мая 1848 года был осужден на 10 лет. Выйдя из тюрьмы, он в 1859 году вернулся в Париж, но в 1861 году был вновь арестован. В 1864 году совершил побег и поселился в Брюсселе. После краха Второй империи и сентябрьской революции 1870 г. вернулся во Францию. Вскоре выступил против так называемого правительства "национальной обороны" и за участие в восстании 31 октября 1870 года был арестован и приговорен к 10 годам тюрьмы. Находясь в тюрьме, был заочно избран в члены Парижской Коммуны.

После освобождения из тюрьмы по амнистии в 1879 году вел пропагандистскую работу, участвовал в формировании бланкистской политической организации.

Бланки признавал наличие классовой противоположности пролетариата и буржуазии, но не выделял пролетариев из массы других эксплуатируемых слоев общества. Классовую борьбу понимал безотносительно к конкретным социально-экономическим эпохам (способам производства), рассматривая ее как извечную борьбу бедных и богатых. Причины угнетения и эксплуатации видел в невежестве народа и насилии со стороны господствующих классов. Соответственно, с его точки зрения, разрушение аппарата насилия над массами создаст возможность просвещения народа, что является главной движущей силой исторического прогресса. Средством решения этой задачи Бланки считал заговор организации революционеров, который

должен установить революционную диктатуру, подавить сопротивление эксплуататорских классов и открыть дорогу развитию народного просвещения, что и обеспечит, в конечном счете, торжество коммунистических идеалов. В трактовке этих идеалов Бланки почти целиком следовал традициям бабуизма.

Последователи Бланки (бланкисты) играли значительную роль в революционной борьбе во Франции. Их влияние было особенно сильным в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX века. Бланкисты составляли большинство Парижской Коммуны. Они были сторонникам решительных революционных мероприятий в политической сфере, но обращали значительное меньшее внимание на необходимость социально-экономических преобразований. Некоторые руководители бланкистов вошли в состав 1-го Интернационала, но после Гаагского конгресса вышли из него. После амнистии 1880 года и возвращения деятелей Коммуны во Францию была создана организация бланкистов – Центральный революционный комитет, до 1888 года сохранявшая подпольный характер. В 1898 году преобразовалась в Революционно-социалистическую партию. Сблизившись со сторонниками Ж. Гедэ, часть бланкистов объединилась вместе с ними в 1901 году в Социалистическую партию Франции. После создания Объединенной социалистической партии (1905) бланкисты по существу уже не играли самостоятельной политической роли.

Представления сторонников коммунизма выделялись среди других доктрин утопического социализма своей радикальной уравнительностью, неприятием частной собственности и признанием непримиримой противоположности интересов эксплуататоров и эксплуатируемых, из чего вытекала ставка не на мирную эволюцию к социализму, а на классовую борьбу и революционное ниспровержение существующего строя.

Утопизм этих коммунистических доктрин заключался в непонимании природы и причин возникновения эксплуататорских обществ, а вместе с этим – и действительных условий и путей достижения справедливого общественного строя. Свойственна была этим доктринам и умозрительность, надуманность представлений о деталях устройства будущего общества – общая болезнь утопического социализма. Революционное движение нередко трактовалось в духе заговоров, организуемых узкой группой революционеров, за которыми, при успехе движения, должна пойти народная масса.

Тем не менее, идеология утопического коммунизма оказалась ближе умонастроениям эксплуатируемых классов, чем проекты виднейших социалистов-утопистов. После провала экспериментов по созданию ячеек нового социалистического общества, предпринимавшихся последователями Оуэна, Фурье, Кабэ, Анфантена и др., популярность утопического социализма стала быстро сходиться на нет. Утопический коммунизм оказался более стойким, но и он был вскоре

серьезно потеснен новой социалистической доктриной (известной ныне по имени ее основателя) – марксизмом. Сами основоположники нового социалистического течения нередко использовали для обозначения своего учения термин *научный социализм*. Для обозначения социального движения, идеологическим выражением которого стал научный социализм, основоположники марксизма заимствовали термин *коммунизм*. Тем самым они подчеркивали тот факт, что их учение является *выражением интересов угнетенных классов общества и направлено на революционный переход к общественному строю, основанному на равенстве, свободном развитии человека и отсутствии социального угнетения*.

Различные течения утопического социализма, несмотря на завоевание научным социализмом преобладающего идейного и политического авторитета, продолжали сохранять существенное значение на протяжении второй половины XIX и на протяжении XX вв. Хотя современный утопический социализм испытал заметное влияние со стороны марксизма, он сам, в свою очередь, оказывал определенное влияние на сторонников научного социализма. Это объясняется сохранением в значительной части мира (в т.н. развивающихся странах) социально-экономических условий и массовой социальной базы для распространения утопических воззрений на социализм.

3.3. Утопический социализм в России

Социальные утопии в России довольно долго сохраняли религиозную форму (уже упоминавшиеся стригольники и последователи Феодосия Косого). Это связано с устойчивостью добуржуазных порядков и сохранением социальной базы для религиозных утопий в слое патриархального крестьянства и ремесленничества. Даже в XIX веке утопические течения продолжали существовать в рамках религиозных сект (молokane, духоборы – сформировались во второй половине XVIII века, в основном распались в первой половине XX века).

Духоборы отрицали главенство светских и церковных властей, выступали за общинный быт с равенством труда и распределения. Попытки организации духоборами своеобразных коммун, где они пытались реализовать свое учение, не имели прочного успеха. В них, под влиянием господствующих общественных порядков, развивалась социальная дифференциация, фактическая эксплуатация бедноты зажиточной верхушкой духоборов. Подвергаясь систематическим репрессиям со стороны царского правительства, часть духоборов в 1898-1899 годах переселилась в Канаду.

Секта молокан носила более умеренный характер, признавая как царскую власть, так и господствующую церковь, которая, однако, подвергалась ими критике. Как и духоборы, молокане проповедовали социальную уравнительность, порицали эксплуатацию, несправедливо нажитое богатство, стяжательство. Несмотря на умеренность своих воззрений, молокане также подвергались гонениям со стороны правительства.

Однако все более широкое влияние с течением времени стали приобретать те социальные утопии, которые приняли в XIX веке вид теоретических концепций в духе утопического социализма. Для представителей российского утопического социализма было характерно заметное влияние на их мировоззрение концепций западноевропейского утопического социализма, в сочетании с разработкой оригинальных идей, отражающих своеобразие российского общественного быта.

В работах В.Г. Белинского (30.05.1811 – 26.05.1848), выступавшего в первую очередь в качестве литературного критика, намечаются некоторые элементы социалистических воззрений. Он выступал обличителем крепостничества, правильно указывая на то, что борьба между крестьянами и помещиками сосредоточена главным образом вокруг вопроса о земле. Поэтому без радикальной аграрной реформы и ликвидации помещичьего землевладения вопрос о земле неизбежно будет решаться путем народной революции. Белинский не идеализировал крестьянскую общину и отмечал прогрессивность капитализма. В то же время он отмечал глубокие противоречия, свойственные буржуазному обществу. Для Белинского было характерно значительное внимание к философским вопросам. Он видел в гегелевской диалектике инструмент философского обоснования революции.

А.И. Герцен (25.03.1812 – 9.01.1870) выступал как идеолог крестьянской антикрепостнической революции, требуя как отмены личной крепостной зависимости, так и перехода всей земли к крестьянам без выкупа. Находясь в эмиграции, подверг острой критике наблюдавшиеся им противоречия развития капитализма. Не желая для России развития по капиталистическому пути, Герцен пытался обосновать возможность перехода к социализму на основе крестьянской общины. Путем нелегального распространения в России издаваемых им за рубежом (совместно с Н.П. Огаревым) альманаха "Полярная звезда" и журнала "Колокол" оказал значительное воздействие на формирование революционного движения в России, в том числе организации "Земля и воля".

Петрашевцы – участники кружка М.В. Буташевича-Петрашевского (действовал в 1844-1849 гг.) – считали себя социалистами. Часть из них придерживалась атеистического и материалистического мировоззрения. Социалистическое устройство общества петрашевцы считали необходимым основанием для человеческого счастья, состоящего в гармоническом развитии способностей человека и удовлетворении его материальных и духовных потребностей. Считали борьбу за уничтожение эксплуатации и угнетения есте-

ственной потребностью образованного человека. В политическом отношении были сторонниками народной революции против крепостнического строя и демократического устройства общества. Находясь под влиянием работ Герцена, разделяли его взгляды на крестьянскую общину как основу российского социализма. Петрашевцы также активно знакомились с работами представителей западноевропейского утопического социализма.

Кружок петрашевцев был разгромлен полицией, а его участники подверглись репрессиям – 21 человек был приговорен к расстрелу, замененному каторгой и арестантскими ротами. Одним из участников кружка петрашевцев был известный русский писатель Ф.М. Достоевский, впоследствии занявший негативную позицию по отношению к социалистическому движению.

Н.Г. Чернышевский (24.07.1828 – 29.10.1889), – наиболее оригинальный представитель российского утопического социализма. Стоял на позициях философского материализма, считая себя учеником Л. Фейербаха. Придавал большое значение диалектике. Чернышевский близко подошел к историческому материализму, к пониманию ведущей роли экономического развития в жизни общества. Он признавал ведущую роль классовой борьбы в историческом процессе. В тоже время нередко отталкивался в своих теоретических построениях от антропологического принципа, от собственной трактовки “природы человека”. Чернышевский выступил как блестящий критик буржуазной политической экономии. Его вклад в этом вопросе высоко оценивался К. Марксом.

Чернышевский занимал радикально антикрепостнические позиции, будучи сторонником крестьянской революции и ликвидации на этой основе помещичьего землевладения. Он видел относительно прогрессивный характер капитализма и в тоже время глубоко проанализировал присущие ему классовые противоречия. Социалистическое будущее Европы Чернышевский связывал с переходом крупного индустриального производства в общую собственность. Для России основу социализма Чернышевский, как и другие российские социалисты-утописты, видел в крестьянской общине. Однако, в отличие от них, Чернышевский был далек от идеализации патриархальных общинных порядков и рассматривал общину лишь как исходный пункт развития крупного общественного производства. Возможность такого развития он связывал с поддержкой со стороны более развитых стран, также вставших на социалистический путь.

Будучи талантливым писателем и публицистом, Чернышевский оказывал огромное влияние на становление народнического революционного движения, был связан с организацией “Земля и воля”. Опасаясь его растущего авторитета в условиях острой идейно-политической борьбы вокруг крестьянской реформы, царское правительство в 1862 году арестовало Чернышевского. В тюрьме им был написан получивший наибольшую известность роман “Что делать?”. В 1864 году Чернышевский был приговорен к каторге. На каторге и в ссылке Чернышевский пробыл практически всю свою оставшуюся жизнь.

Народники (российские революционеры – представители утопического социализма второй половины XIX века)

П.Н. Ткачев (29.06.1844–23.12.1885) – представитель бланкистского направления в народничестве. За революционную пропаганду среди студенчества неоднократно арестовывался (последний раз в 1869 г.). После отбытия заключения выслан в Великолуцкий уезд, откуда в 1873 году бежал за границу. Некоторое время сотрудничал в журнале П.Л.Лаврова «Вперед». Затем с группой русско-польских эмигрантов основал «Набат». Сотрудничал также в журнале О.Бланки.

Считал необходимым предотвратить развитие России по капиталистическому пути. Разделяя взгляды многих народников о врожденном коммунистическом инстинкте русского крестьянства, тем не менее, не считал его способным самостоятельно подняться на революцию. Исходным пунктом революции мыслил политический переворот, осуществляемый централизованной конспиративной организацией. Эта организация должна действовать и после переворота, так как народ, по его мнению, не способен на самостоятельное социальное творчество.

С.Нечаев (20.09.1847–21.11.1882) – сторонник заговорщической тактики революционной борьбы. В 1868–1869 гг. участвовал в студенческих волнениях в Петербурге, после чего скрылся за границу, распуслав слух о своем побеге из Петропавловской крепости. В эмиграции вместе с Бакуниным издал серию манифестов и документов от имени фиктивного «Всемирного революционного союза». В «Катехизисе революционера» провозгласил отказ во имя революции от всяких моральных норм, допустимости любых способов для достижения поставленной цели – обмана, шантажа, подкупа, провокаций, убийств. В основу революционной организации должна была быть положена строгая конспирация и односторонний централизм, ведущий к диктаторству.

Вернувшись в Россию в августе 1869 г., Нечаев стал воплощать эти принципы на практике. В Москве он попытался создать подпольную организацию «Народная расправа». Методы мистификации, взаимного обмана, шантажа, практикуемые Нечаевым, заставили одного из членов организации – студента Иванова – поставить под сомнение права Нечаева на руководство, обосновываемые ссылками на полномочия от никому не известной организации. Этих сомнений оказалось достаточно, чтобы Нечаев, опасаясь умаления своего авторитета, организовал убийство Иванова.

После убийства Нечаев скрылся за границу, где в №2 журнала «Народная расправа» оправдывал совершенное убийство. Он выступил с программной статьей «Главные основы будущего общественного строя», где описывал коммунизм как строй, где господствует принцип «производить для общества как можно более и потреблять как можно меньше», труд обязателен под угрозой смерти, а всеми делами распоряжается никому не известный и неподотчетный «наш комитет». Эту концепцию классики марксизма охарактеризовали как «образчик казарменного коммунизма».

Следует подчеркнуть, что рождение концепций «казарменного коммунизма» неизбежно при попытках идейного обоснования справедливого общества на скудной материальной и незрелой социальной базе. Но эти кон-

цепщины не могут служить указателем пути к действительному освобождению человека, лишь подрывая доверие к социалистической идее.

Отвергнутый почти всей русской революционной эмиграцией, Нечаев предпринял в 1870 г. вместе с Огаревым попытку возобновить издание «Колокола». В 1872 году швейцарская полиция выдала Нечаева, как уголовного преступника, царским властям. Приговоренный к 20 годам каторги, Нечаев спустя 10 лет умер в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости.

Деятельность Нечаева была широко использована для дискредитации революционного движения. Материалы дела Нечаева послужили Ф.М.Достоевскому отправным пунктом при написании романа «Бесы», изображающего революционеров в резко отрицательном свете.

Вопросы для самостоятельного изучения

1. В чем причина широкого распространения в первой половине XIX века в Европе социалистических и коммунистических доктрин?
2. Почему социалистические и коммунистические учения в первой половине XIX века имеют утопический характер?
3. Чем утопический социализм и коммунизм отличаются от прежних социальных утопий?
4. Каковы особенности утопического социализма в России?
5. Почему утопический социализм в России ставил в центр своего внимания крестьянскую общину?

Литература для самостоятельного изучения:

В предлагаемой работе Ф. Энгельса содержится развернутое изложение взглядов классиков марксизма на европейский утопический социализм. Более подробно эта же проблематика изложена в работах Г.Плеханова.

- Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.
- Плеханов Г. В. Утопический социализм XIX в. М. 1958.
- Плеханов Г. В. Французский утопический социализм XIX в. // Избранные философские произведения. Т. 3. М. 1957.

Следующие несколько работ содержат характеристику взглядов различных представителей европейского утопического социализма и коммунизма.

- Волгин В. П., Сен-Симон и сенсимонизм, М., 1961.
- Зильберфарб И. И., Социальная философия Шарля Фурье и её место в истории социалистической мысли первой половины XIX в., М., 1964
- Молчанов Н.Н. Огюст Бланки. М., 1984.
- Неманов И.Н. Промышленная революция в Великобритании и утопический коммунизм Роберта Оуэна. Смоленск, 1987.

Далее вам предлагаются сами работы представителей европейского утопического социализма и коммунизма.

- Бабеф Грах. Сочинения в 4-х тт. М. Наука. 1975-1982.
- Вейтлинг Вильгельм. Гарантии гармонии и свободы. С приложением брошюры В. Вейтлинга "Человечество, как оно есть и каким оно долж-

но было бы быть". Перевод с немецкого В.В. и М.М. Альтман с комментариями В.В. Альтмана. Вступительная статья В.П. Волгина. М.-Л. Изд-во АН СССР. 1962.

- Оуэн, Роберт Избранные сочинения в двух томах. Москва, Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950.
- Сен-Симон А. Избр. соч., т. 1—2, М. — Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948.
- Фурье Ш. Избр. соч., тт. 1—4. М. — Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951—1954.

Ниже следуют несколько работ, характеризующих различные аспекты российского утопического социализма (народничества).

- Мамут Л.С. Роберт Оуэн и Александр Герцен (общее и специфическое в английском и русском социализме). // Историко-юридические исследования: Россия и Англия. М., 1990
- Водолазов Г. Г. От Чернышевского к Плеханову. М., 1969.
- Демченко А.А. Н.Г. Чернышевский. Научная биография. Саратов, 1992. Ч. 3 (1859-1864)
- Шилов А.А. Катехизис революционера // Борьба классов. 1924. № 1-2.
- Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация. Ред. Е.Л.Рудницкая. М., Археографический центр, 1997.
- Плеханов, Г. В. Наши разногласия // Избранные философские произведения. Т. 1. М. 1956.

Следующая группа работ – сочинения представителей российского утопического социализма.

- Белинский В. Г. Избранные философские сочинения / Под общей ред. М. Т. Иовчука и З. В. Смирновой. Ред. текста и примеч. В. С. Спиридонова. Т. 1 и Т. 2. М.: Госполитиздат. 1948.
- В.Г.Белинский. Письмо к Гоголю. Редакция, предисловие и примечания н. Ф. Бельчикова. М.: Художественная литература. 1936.
- Герцен А. И.. Собрание сочинений в тридцати томах:
- Т 5. Письма из Франции и Италии. 1847—1852. М. Издательство Академии Наук СССР, 1955.
- Т. 7. О развитии революционных идей в России. Произведения 1851—1852 годов М. Издательство Академии Наук СССР, 1956.
- Ткачёв, П. Н. Избранные сочинения: в 6 т. М., 1932—1937.
- Чернышевский Н. Г.. Собрание сочинений в пяти томах. Библиотека "Огонек". М.: Правда. 1974.
- Чернышевский Н. Г. Очерки из политической экономии (по Миллю) // Полн. собр. соч. Т. 9. М. 1949.
- Чернышевский Н.Г. Избранные экономические произведения. Т. 2. М. 1948.

АНАРХИЧЕСКОЕ ТЕЧЕНИЕ В УТОПИЧЕСКОМ СОЦИАЛИЗМЕ

Уже во второй трети XIX века в европейском утопическом социализме выделяется анархическое течение. Анархизм, в отличие от других разновидностей социализма, считает существование государства едва ли не главным источником социального угнетения, а потому связывает саму возможность установления справедливых социальных порядков с обязательным уничтожением государства в качестве первого условия социального освобождения. Соответственно этому в области экономических отношений анархизм склоняется к автономной деятельности отдельных производителей и их коллективов, а любая их координация признается допустимой лишь на основах добровольного сотрудничества. Поэтому нередко экономические концепции анархизма рассматривают экономический строй справедливого общества как рыночное хозяйство, основанное на мелкой частной (последнее особенно характерно для последователей Прудона) или коллективной собственности (более характерно для анархо-синдикализма). В противоположность этому анархо-коммунисты стремятся к полному разрыву с экономическим строем капитализма, включая и рыночное хозяйство.

Свойственное анархизму стремление опереться на инициативу и самоорганизацию трудящихся масс нашло специфическое преломление в таком течении анархизма, как анархо-синдикализм, который видит свою социальную базу и опору будущего безвластного общества в самостоятельных профсоюзных объединениях рабочего класса.

Анархисты видят корень своих разногласий с марксизмом в противопоставлении самоуправления, основанного на принципах федерализма, государственной власти, основанной на принципе централизма. Соответственно, достоинство анархизма они видят в опоре на инициативу и самостоятельность трудящихся, а недостаток марксизма – в уповании на государственное принуждение, ведущее к бюрократизации общества, верховенству бюрократии над народом, и, в конечном итоге, восстановлению социального неравенства.

Анархистские концепции верно видят в государстве орудие социального угнетения, но игнорируют объективные социально-экономические условия для отмирания государства. Полемика анархистов против использования социалистическим движением государственной власти несет внутренний логический порок: если справедливы всех их возражения относительно неспособности трудящихся

ся масс удержать в своих руках контроль над взятой ими государственной властью, что делает ее бюрократическое перерождение неизбежным, то те же самые возражения могут быть применены и к анархистским концепциям. Раз трудящиеся не могут обеспечить демократический контроль над своим государственным аппаратом, то не смогут они наладить собственными силами и безгосударственное общественное самоуправление.

Слабым местом анархистских концепций является невнимание к изучению объективной связи между экономическим строем общества, социально-экономическим положением различных социальных групп и классов, и соответствующими ему формами социальной организации общества, в том числе формами государственной власти и самоуправления. Фактически корень разногласий с марксизмом лежит именно в неприятии анархистами исторического материализма, а не в конфликте между федерализмом и централизмом. Попытки же некоторых анархистских идеологов вместо исторического материализма придумать собственную философию истории принесли крайне жалкие результаты.

Следует подчеркнуть, что, в отличие от всех других течений утопического социализма, анархизм сохранил определенное влияние не только в развивающихся, но и в развитых капиталистических странах как во второй половине XIX века, так и на всем протяжении XX века, вплоть до нынешнего времени. Это объясняется: наличием в анархизме значительных общих элементов с коммунистическим течением (в том числе и с марксизмом); глубокой, последовательной и радикальной критикой государственных форм социального угнетения, а так же последовательной борьбой против этих форм угнетения; не только пропагандой самоорганизации и самоуправления трудящихся, но и практическими усилиями анархистов по их налаживанию, демонстрирующими значительный прогресс по сравнению с первыми менее удачными попытками.

Сам термин *анархизм* введен Пьером-Жозефом Прудоном в его книге «Что такое собственность?».

Пьер Жозеф Прудон (15.01.1809 – 19.01.1865) приобрел широкую известность своим сочинением «Что такое собственность?», где он подверг уничтожающей критике институт частной собственности, выдвинув известный афоризм «собственность – это кража». Однако Прудон отстаивал мелкую собственность, основанную на труде, называя ее «владением». Основой капиталистической эксплуатации считал наличие неэквивалентного обмена между трудящимися и имущими классами. Последние взимают с трудящихся дань в виде ссудного процента и вычетов из справедливой заработной платы. Постольку считал возможным установление справедливого общества путем

реформы сферы обращения – организации прямого безденежного обмена товарами и беспроцентного кредита.

Считая государство главным охранителем паразитизма и угнетения, настаивал на ликвидации государства. В тоже время социальная революция и “ликвидация государства” должны были протекать, по замыслу Прудона, мирно, на основе сотрудничества классов и без политической борьбы. Последняя, по его мнению, служит источником обострения классовых антагонизмов.

Одним из наиболее решительных критиков государства как орудия угнетения был М.А.Бакунин (18.05.1814 – 19.06.1876). Родился в помещичьей семье. Учился в Артиллерийском училище в Петербурге. В 1835 г. вышел в отставку. В 30-е гг. жил в Петербурге, играл видную роль в кружке Н.В.Станкевича, был близок с В.Г.Белинским, а позднее – также с А.И.Герценом и Н.П.Огаревым. В 1840 г. уехал за границу, где сблизился с левыми гегельянцами. В 1844 г. заочно приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке. В 1848 году участвовал в славянском съезде в Праге и в восстании 12-17 июня. В мае 1849 года – один из руководителей восстания в Дрездене. После его поражения приговорен к смертной казни, замененной пожизненным заключением. В 1851 году выдан Австрии и вторично приговорен к смертной казни, вновь замененной пожизненным заключением. Вслед за этим выдан царскому правительству.

Находясь в Петропавловской крепости, написал покаянное письмо царю. В 1857 г., после прошения Александру II, отправлен на поселение в Сибирь. Бежал через Японию в США, а оттуда – в Лондон. В 1862-63 гг. сотрудничал с Герценом и Огаревым, пытался оказать помощь польскому восстанию 1863 года. В 1870 г. принимал участие в восстании в Лионе, а в 1874 г. – в выступлении анархистов в Болонье.

Бакунин был врагом всякой государственности, выступая также против ведения легальной политической борьбы в рамках существующих государств. Революцию понимал как разрушение государства, не имеющее целью захвата политической власти. Не имел определенных представлений о социальных движущих силах революции, возлагая надежды на движение народных масс в целом, в том числе – на люмпен-пролетариат. Поддерживая с 1840-х гг. контакты с К.Марксом, Бакунин в 1864 г. вступил в Международное товарищество рабочих, однако очень скоро начался его конфликт с большинством Генерального Совета. Было предпринято несколько попыток достижения компромисса (Бакунин объявил о роспуске основанного им и принятого в 1868 г. в Интернационал «Альянса социалистической демократии»), однако разногласия оказались непреодолимыми и в 1872 году Бакунин был исключен из Интернационала.

С 1869 года Бакунин сблизился с бежавшим из России С.Нечаевым, рассчитывая через него распространить влияние на Россию своей анархистской организации. В 1873 г. вышло наиболее известное произведение Бакунина – книга «Государственность и анархия», которая оказала заметное идейное влияние на революционное движение в России.

В ней он развивал идеи о русском крестьянине, как прирожденном социалисте, об общинном землевладении, как основе крестьянского социализ-

ма, о глубокой революционности крестьянских масс. В этой книге Бакунин подверг критике марксистские представления о роли политической борьбы и государственной власти в социалистическом движении, указав на действительную опасность деспотически-бюрократического перерождения революционного государства. Хотя Маркс отверг эту критику, фактически же он еще ранее сам был вынужден поставить вопрос о том, как взявший власть пролетариат может обезопасить себя против своих собственных депутатов и чиновников.

П.А.Кропоткин (27.11.1842–8.02.1921) – один из виднейших теоретиков анархизма. В 1862 г. окончил Пажеский корпус. Ученый-географ, член Российского географического общества, известный своими экспедициями в бассейне Амура и Восточной Сибири, а также исследованиями проблем ледникового периода.

С 1872 г. встал на путь революционного движения. Примкнул к бакунистскому крылу в I Интернационале. Вошел в организацию чайковцев, вел пропаганду среди Санкт-Петербургских рабочих. В 1874 г. арестован, в 1876 г. ему удалось бежать в Англию. Затем жил в Швейцарии и во Франции. В 1883 г. за принадлежность к анархистской «Международной ассоциации рабочих» осужден французским судом на пять лет. В 1886 г. после амнистии поселился в Лондоне, занимался литературной и научной работой, получил признание как видный теоретик и пропагандист европейского анархизма. Активизировал пропаганду анархизма в России в период первой русской революции. В период 1-й мировой войны стоял на позициях оборончества. В 1917 году выступал с проповедью классового мира. Относясь настороженно к большевикам, и защищая преследуемых ими анархистов, не выступал против Советской власти. В 1920 г. обратился с призывом к международному пролетариату объединиться для борьбы против военной интервенции в Советскую Россию.

Из уважения к П.А. Кропоткину на его похороны в 1921 году были выпущены содержащиеся под арестом анархисты.

Кропоткин полагал, что всякая власть, в том числе и революционная, неизбежно вырождается в произвол и деспотизм. Будущее общество поэтому должно быть свободной федерацией добровольных союзов, основанных на взаимопомощи и солидарности. Последние Кропоткин постулировал основными первичными инстинктами человеческой природы. В отличие от Бакунина, главную задачу революционного движения видел не в его разрушительной функции, а в созидании нового общества. Движущими силами революции считал, вопреки Бакунину, не крестьянский бунт и не движение люмпенов, а союз рабочих и земледельцев.

Пропаганда Кропоткиным идей «безвластного социализма» имела широкий успех в странах, где получило распространение анархическое движение (Юг Европы, Латинская Америка).

* * *

Дальнейшее развитие социалистических идей привело к формированию ряда течений в социализме. Однако их возникновение и развитие проходили в условиях доминирования марксизма в социа-

листическом движении, который оказал сильнейшее влияние на эволюцию всех других течений социализма. Поэтому без рассмотрения марксистской концепции социализма (или научного социализма) нельзя понять природу и судьбу остальных социалистических течений.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Каковы особенности анархизма как течения социалистической мысли?
2. Что позволяет охарактеризовать анархизм как разновидность утопического социализма?
3. В чем причины относительной устойчивости анархизма как идеи и как социального движения?
4. В чем заключаются разногласия между анархизмом и марксистским течением в социализме?

Литература для самостоятельного изучения:

Работы классиков марксизма, в которых затрагиваются вопросы анархизма.

- Маркс К. Ницета философии // Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 4.
- Маркс К. О Прудоне (Письмо И.Б. Швейцеру от 24 января 1865) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 16.
- Маркс К. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18.
- Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.

В данной работе Ленина содержится краткое резюме сходства и различий взглядов анархистов и коммунистов на государство.

- Ленин В.И. Государство и революция. Глава IV, §2 и Глава VI // Полн. Собр. соч. Т. 33.

В этой работе можно найти весьма подробное изложение разногласий Бакунина и Маркса с точки зрения умеренного анархо-синдикализма.

- Шубин А. Социализм: «золотой век» теории. М.: НЛО. 2007.

Далее предлагаются сочинения видных представителей анархистского движения.

- Прудон П.Ж. Что такое собственность, Или исследование о принципах права и власти; Бедность как экономический принцип; Порнократия, Или женщины в настоящее время. М., 1998
- Бакунин М. Государственность и анархия. <http://www.new-anarchy.narod.ru/gosianarchy.html>
- Штирнер Макс. Единственный и его собственность. <http://www.new-anarchy.narod.ru/edinstvenny.html>
- Крототкин П.А. Собр. соч., т. 1-7, СПб., 1906-07

ГЛАВА 5

УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МАРКСИЗМА.

ПРЕДПОСЫЛКИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ПЕРСПЕКТИВ И УСЛОВИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ, СВОЙСТВЕННЫХ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХЕ

5.1. Научный характер марксистского социализма

Как уже было сказано ранее, К.Маркс применял для обозначения своего подхода к пониманию условий борьбы за социальное освобождение термин **научный социализм**.

Научный социализм – теоретическая концепция, призванная исследовать на научной основе действительные условия, цели, средства и движущие силы освобождения человека от всех форм социального угнетения.

Сам термин *научный социализм* является объектом нападков со стороны критиков марксизма. Указывая на действительные или мнимые ошибки Маркса и его последователей, они на этом основании высмеивают претензию его доктрины на научность. Мы полагаем, что историческая и социальная доктрина Маркса в основах своих выдержала испытание исторической практикой. Но даже независимо от этого, следует заметить, что *научность* какой-либо концепции *не обязательно предполагает ее истинность*. Например, физическая концепция мирового эфира была *ошибочной*. Но это была *научная* теория, объяснявшая при помощи научной логики в рамках известной тогда совокупности фактов определенные явления окружающего мира, и послужившая отправным пунктом для развития более совершенной теории.

Научный характер марксизма признают и его добросовестные критики. Так, например, Макс Вебер писал о марксистском социализме: «*Основополагающим документом этого социализма является «Коммунистический манифест» 1847 года, опубликованный и распространенный в январе 1848 года, который принадлежит перу Карла Маркса и Фридриха Энгельса. В своем роде этот документ, как бы ни опровергали его решающие тезисы (по крайней мере, в том смыс-*

ле, в каком это делаю я), является научным достижением высшего ранга. Этого нельзя отрицать»¹.

С самого начала подход К. Маркса и Ф. Энгельса к выработке социалистической теории носил строго научный характер. Уже в «Манифесте Коммунистической партии» было заявлено: «Теоретические положения коммунистов ни в какой мере не основываются на идеях, принципах, выдуманных или открытых тем или другим обновителем мира.

Они являются лишь общим выражением действительных отношений происходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения»².

По этим же основаниям марксизм имел, имеет, и навсегда закрепил за собой право именоваться научным социализмом, независимо от позднейшей научной критики его положений.

На наш взгляд, марксизм занимает в социальных науках место, в чем-то аналогичное ньютоновской механике в физике. Марксизм может быть преодолен только новой, более сложной научной теорией, в которую он войдет как ее составной элемент. Однако такая теория еще не создана и марксизм до сих пор остается последним словом в построении целостной теории, объясняющей основы устройства и исторического развития общества. Это отнюдь не отрицает фактов получения существенных частных научных результатов в общественных науках за пределами марксистской теории и метода, и наличия по отдельным направлениям более совершенных теоретических подходов, нежели предложенные некогда в рамках классического марксизма.

5.2. Историческая обусловленность возникновения марксизма

Почему научный социализм сформировался именно в середине XIX века? Для этого имелись серьезные исторические предпосылки – как в развитии общественной практики, так и в развитии научного знания.

Главной практической предпосылкой марксизма было развитие основ капиталистического способа производства и, вместе с промышленной революцией, завершение капитализмом процесса своего

¹ Цит. по: Земляной С.С. "История и классовое сознание" Георга Лукача. Предисловие составителя // Георг Лукач. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Пер. с нем. Сергея Земляного. М.: Логос-Альтера, 2003.

² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955, с. 438.

становления. Очевидным образом оформились основные экономические и социальные противоречия капитализма, сформировались основные классы капиталистического общества и главный эксплуатируемый класс – пролетариат – приобрел самостоятельную социально-политическую роль. Противоположность классовых интересов буржуазии и пролетариата выплеснулась наружу в ходе чартистского движения в Великобритании и во время революции 1848-1849 гг. в континентальной Европе.

В конце первой трети XIX в. рабочее движение впервые заявило о себе как самостоятельная социально-политическая сила. Если в ходе французской буржуазной революции рабочие действовали в общем потоке борьбы “третьего сословия” против дворянско-феодалных привилегий, лишь спорадически заявляя о своих особых нуждах и чаяниях, то с победой буржуазии ситуация меняется. У рабочих и буржуазии уже нет больше общего врага, и теперь противоположность их классовых интересов выступает в открытой форме.

Наибольшую активность в первой трети XIX в. проявили рабочие, занятые в первой индустриализованной отрасли производства – ткачи. Выступления ткачей в Англии, Франции и Германии потрясли общество, вылились в схватки между протестующими рабочими и войсками. Во время восстания лионских ткачей во Франции в 1834 году они впервые выступили с самостоятельными политическими лозунгами, направленными главным образом против режима июльской монархии. Однако этот протест был направлен не на поддержку республиканских принципов “вообще” (ибо за республику выступала и часть буржуазии), а, прежде всего, на завоевание политических прав и свобод для борьбы за собственные интересы рабочего класса.

В середине XIX в. в ходе чартистского движения в Великобритании и революции 1848-49 гг. в континентальной Европе рабочие впервые пытаются оформиться как самостоятельная социально-политическая сила в национальных масштабах. Однако эти попытки были еще недостаточно успешными. В Германии и Венгрии, в силу незрелости капитализма в этих странах, рабочее движение в ходе революции так и не сыграло значительной самостоятельной роли, а выступления рабочих во Франции и Великобритании оказались неудачными.

Попытки английских рабочих принудить правящие круги к принятию Народной Хартии, выработанной в 1838 году представителями Лондонской ассоциации рабочих и предусматривавшей расширение политических прав эксплуатируемого большинства, были отвергнуты. Хотя на начальном этапе чартистам удалось вовлечь в движение миллионы рабочих, добиться поддержки рабочего движения, выразившегося в неоднократных массовых стачках, демонстрациях, столкновениях с полицией и войсками, неудачи борьбы за Народную Хартию привели к спаду движения. К началу 50-х гг. чартистское движение сильно ослабло и в дальнейшем сошло с политической сцены.

Французские рабочие сыграли роль главной движущей силы антимонархического переворота 1848 года, но им не удалось приобрести прочных политических позиций в новой республике. Укрепившаяся у власти буржуазия начала наступление на права рабочего класса. Июньское восстание парижского пролетариата в 1848 году, спровоцированное решением правительства выслать из Парижа рабочих, занятых в национальных мастерских, было подавлено с беспощадной жестокостью.

Однако эти первые самостоятельные шаги пролетарского движения ознаменовали окончательное классовое размежевание пролетариата и буржуазии и вступление рабочего класса в самостоятельную политическую борьбу за свои собственные интересы.

Марксизм стал открытым идейным выражением борьбы за ниспровержение капиталистического общества. Поскольку капитализм в результате своего исторического развития впервые создает материально-технические и социальные предпосылки для развития общественного производства без каких-либо форм социального принуждения¹, именно развитие капитализма сделало практически возможным и научное обоснование условий освобождения человека от социального угнетения. *Впервые в истории появилась не только мечта о справедливом обществе, но и начали формироваться необходимые социальные условия для построения такого общества. Научный социализм потому и смог решить задачу открытия этих условий в реальных обстоятельствах общественной жизни человека, что такие условия, наконец, могли сложиться вместе с развитием капитализма. Разумеется, в середине XIX века эти предпосылки еще не были налицо – сначала появилась только возможность их возникновения.*

5.3. Теоретические предпосылки научного социализма

Вместе с началом формирования практических предпосылок превращения социализма из утопии в науку, в середине XIX столетия вызрели и соответствующие теоретические предпосылки. Развитие естественных и социальных наук выдвинуло на первый план идеи развития, взаимной связи процессов и явлений, противоречий как движущей силы развития.

В биологии дарвинизм предложил первую научную концепцию развития животного и растительного мира, в исторической науке французскими историками была осознана роль классовых противоречий и борьбы классов в развитии общества, в английской классической политической экономии была проанализирована структура экономического строя капитализма и отмечены его экономические

---

¹ Этот тезис будет предметом специального анализа в последующих разделах.

противоречия. В философии этому развитию науки соответствовала разработка проблем диалектического метода познания в рамках немецкой философии, а также значительное продвижение вперед в деле критики философского идеализма и религиозных форм сознания, попытки дальнейшего обоснования философского материализма.

Литературные труды и практическая деятельность виднейших представителей утопического социализма начала XIX века давали богатый материал для социальной критики капитализма, для критического осмысления многовековых чаяний справедливого общества и неудачных попыток его достижения.

К. Маркс и Ф. Энгельс оказались историческими фигурами, соединившими в своем лице причастность к передовому научному знанию своей эпохи и непосредственное участие в политической и идеологической борьбе пролетариата против буржуазии. Соединение этих качеств и выдвинуло их на роль основоположников *научного социализма*.

Основные положения марксизма были разработаны в 40-70-е гг. XIX века. Марксизм довольно быстро приобрел широкую популярность в социалистическом движении и вплоть до середины XX века оставался ведущей идеологией этого движения. Даже многие идеологические течения в социалистическом движении, отдалявшиеся от марксизма, или изначально ему враждебные, вынуждены были на словах полностью или частично принимать марксистское учение.

В чем секрет этой популярности? И в чем причина ее постепенного размывания во второй половине XX века, приведшего в конечном итоге к глубокому кризису марксизма вместе с кризисом самого социалистического движения? Чтобы разобраться с этими вопросами, нам придется сначала шаг за шагом ознакомиться с основами марксизма.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. На каком основании марксистская концепция социализма претендует на наименование «научный социализм»?
2. Каковы теоретические предпосылки формирования научного социализма?
3. В чем заключаются практические исторические предпосылки возникновения марксизма?

Литература для самостоятельного изучения:

Работы классиков марксизма, посвященные общей характеристике научного социализма:

- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4.

- Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.

Работа Ленина, где дается хрестоматийное, но очень схематизированное изложение происхождения марксизма (и источников у марксизма не три, и на составные части он делится несколько иным образом):

- Ленин В.И. Три источника и три составные части марксизма // Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 23.

Биографический очерк о Марксе для Словаря братьев Гранат с изложением основных идей марксизма:

- Ленин В.И. Карл Маркс. // Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 26.

А это – взгляд известного теоретика правого крыла социал-демократии:

- Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? М.: ФО СССР, 1991.

Предлагаю вам два взгляда на возникновение и место марксизма: советской эпохи и постсоветского периода:

- Краткий очерк истории философии. Под ред. М. Т. Иовчука, Т. И. Ойзермана, И. Я. Щипанова. М., изд-во «Мысль», 1971 г. (Раздел: Исторические корни и теоретические источники марксизма)

<http://www.biografia.ru/about/filosofia50.html>

- А.И. Фурсов. "Биг Чарли", или о Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория (К 180-летию со дня рождения К.Маркса) // Русский исторический журнал. – М., 1998. – Т.1, № 2. – С. 335-429

<http://novchronic.ru/sin17.htm>

ЧАСТЬ II

ОСНОВЫ МАРКСИЗМА

ГЛАВА 6

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАРКСИЗМА

6.1. Основные элементы классического марксизма

Марксизм представляет собой первую и остающуюся до сих пор наиболее глубоко разработанной попытку теоретического осмысления проблем социализма на основе научного подхода. Научный социализм в его марксистском изложении охватывает широкие пласты теоретического знания, критически переосмысливая и развивая ключевые разделы общественных наук: общие проблемы философского характера (с позиций диалектики и материализма), социальную философию (с позиций материалистического понимания истории), экономическую теорию (оригинальная концепция действительных основ экономического строя капитализма), вопросы социально-политической и идеологической борьбы, прогнозы относительно устройства будущего общества. Таким образом, марксизм представляет собой комплексное междисциплинарное учение в сфере общественных наук. Более того, в марксизме заложено новое понимание характера этих наук (идея «исчезновения» философии, идея интеграции общественных наук в единую науку о человеке, о его историческом бытии).

Составные элементы марксизма тесно связаны между собой. Диалектический подход к познанию мира, ставящий во главу угла

идею развития через борьбу противоположностей и принцип всеобщей взаимосвязи процессов и явлений, является методологическим фундаментом для всех остальных элементов марксистского учения. Таким же фундаментальным методологическим основанием является философский принцип первичности материи по отношению к сознанию.

Историческая и социальная теория марксизма, опирающаяся на эти принципы, дает теоретическое объяснение исторического развития общества через развертывание и разрешение социальных противоречий, исходя из принципа первичности *общественного бытия* по отношению к *общественному сознанию*. Само общественное развитие понимается как развитие противоречий внутри общественного бытия, проявляющее себя через конфликт общественного бытия и общественного сознания, который снимает себя в форме *общественной практики*.

Противоречия общественного бытия имеют материальную основу, которая лежит в способе производства условий материальной жизни человека. Материальные условия производства – *производительные силы* человеческого общества – определяют собой характер общественных отношений, в которые вступают люди между собой в процессе производства – *производственных отношений*. Диалектика взаимодействия производительных сил и производственных отношений определяет собой характер *способа производства*. Этот подход приводит к пониманию крупных этапов развития человеческого общества через смену способов производства, происходящую в виде *социальных революций*. Современный основоположникам марксизма способ производства – капиталистический – был ими детально исследован. Было подвергнуто критике развитое с буржуазных позиций узко экономическое понимание основ капитализма (именно поэтому основополагающий труд К. Маркса «Капитал» имеет подзаголовок «критика политической экономии»). Созданная в ходе этой критики оригинальная политическая экономия капитализма («политическая экономия труда» в противоположность «политической экономии капитала») объясняет внутренние противоречия экономического строя капиталистического общества и основанную на них классовую борьбу.

Социально-политическое учение марксизма затрагивает причины, условия и формы борьбы угнетенных классов, в первую очередь – пролетариата, за ниспровержение власти буржуазии, преодоление капиталистического строя и формирования общества без классов, обеспечивающего освобождение человека от всех форм социального угнетения.

Наконец, в марксизме содержатся важные элементы социально-исторического прогноза, позволяющие, на основе исследования реальных тенденций общественного развития, предвосхитить некоторые контуры будущего общества. Однако классики марксизма *всегда резко возражали* против использования их учения для произвольного конструирования «воздушных замков» будущего и *против навязывания будущему каких-либо априорно заданных идеалов*. Самое большее, на что они претендовали – определить в самых общих чертах характер и источники исторического развития на новой ступени человеческого общества.

6.2. Соотношение актуальности основных положений классической марксистской теории и ограниченности ее исторического горизонта

Методология марксистского учения строго увязывает сделанные в его рамках теоретические выводы с реальными историческими фактами и условиями, на основе изучения которых эти выводы были сделаны. С точки зрения марксизма, *за пределами данных фактов и условий эти выводы теряют свое значение и должны быть скорректированы или заменены другими, соответствующими изменившимся реальным обстоятельствам*.

Такой подход, с одной стороны, придает выводам марксизма высокую степень научной достоверности. С другой же стороны, этот подход ограничивает исторический горизонт многих составных элементов классической марксистской теории. Это нельзя назвать недостатком марксизма. *Марксизм в самом себе содержит принцип собственного развития, предполагая необходимость постоянно критически проверять, совершенствовать и даже опровергать содержащиеся в нем теоретические выводы*.

Исторический горизонт достоверности различных элементов марксистского учения неодинаков. Наиболее фундаментальные его составные части, в первую очередь – диалектика и материалистическое воззрение на природу и общество, могут сохранять свое значение на протяжении длительных исторических эпох, поскольку основаны на историческом (научном и практическом) опыте человечества за весь предшествующий период его развития. Разумеется, накопление научного знания, касающегося всего этого периода, может вызывать необходимость развития или пересмотра тех или иных положений, касающихся, например, диалектического метода познания или социально-исторического учения марксизма. А вот материалистическое решение основного вопроса философии – о соотношении

материи и сознания – в рамках марксизма вообще не может быть пересмотрено, поскольку относится к принципиальным мировоззренческим установкам. С развитием человеческой практики и познания мира меняться может (и должна) лишь форма выражения и обоснования философского материализма.

Те составные части марксистского учения, которые касаются конкретных исторических явлений или эпох, сохраняют свое значение лишь применительно к данным явлениям или эпохам, и не могут быть просто перенесены на другие явления или эпохи. Например, марксистская политическая экономия капитализма создавалась применительно к эпохе промышленного капитализма на начальной стадии его развития. Многие ее положения и выводы, *вполне вероятно, сохраняют свое значение и для последующих этапов развития капитализма в той мере, в какой эти этапы наследуют существенные черты капитализма вообще, исследованные основоположниками марксизма. Однако использование этих положений и выводов возможно лишь на основе самостоятельного научного исследования соответствующих фактов, позволяющего установить применимость марксистской политической экономии капитализма, созданной в XIX веке, к объяснению этих фактов.*

Кроме того, последующее историческое развитие и накопление новых научных знаний может заставить иначе оценить роль и место тех или иных процессов или явлений. В последующем изложении проблема такой переоценки будет затронута в связи со всеобщим законом капиталистического накопления, проблемой исторической миссии пролетариата, диктатуры пролетариата, и рядом других вопросов.

Марксистская теория получила дальнейшее развитие в трудах ее многочисленных продолжателей. Возникло несколько крупных течений в марксизме, сложились различные научные школы. Многие позиции классического марксизма были усовершенствованы или подвергнуты критике с точки зрения оснований самого марксистского учения. Марксизм был взят на вооружение политическими организациями рабочего класса.

С течением времени идейно-политическая борьба внутри рабочего движения наложила свой отпечаток и на судьбу марксистских идей. В коммунистическом движении марксизм претерпел значительную вульгаризацию и догматизацию, произошло неявное смешение марксизма с некоторыми утопическими социалистическими концепциями («казарменный коммунизм»). В социал-демократии произошло размывание марксизма, эклектическое соединение отдельных его положений с другими разнородными идейными концепциями (в том числе буржуазно-либерального происхождения).

Такая ситуация препятствовала творческому развитию марксизма, которое после 20-х гг. XX века стало в основном уделом относительно узких левых интеллектуальных групп, занимающих более или менее независимую позицию по отношению к крупным политическим силам, претендующим на толкование марксизма.

Следует подчеркнуть, что ряд научных концепций, развитых в рамках марксизма, уже прочно вошел в мировую сокровищницу научных знаний. Эти концепции теперь живут в науке самостоятельной жизнью, даже и независимо от судьбы марксистского учения в целом.

6.3. Марксизм как открытая теоретическая система

Природа марксизма, требующего, как было показано выше, постоянного совершенствования и обновления своего содержания, предполагает постоянное обращение к новым научным данным, вне зависимости от того, в рамках каких методологических, мировоззренческих или идеологических концепций они были получены. Марксизм усваивает эти данные, критически осмысливая их с точки зрения собственных теоретико-методологических установок.

С этой точки зрения марксизм (и научный социализм в целом) представляет собой открытую теоретическую систему. В рамках обозримых исторических пределов смерть марксизма как научной концепции может наступить только в том случае, если его последователи окажутся по тем или иным причинам не способны к критическому пересмотру положений своего учения, перестанут изучать и осмысливать новые данные, добытые как в рамках марксизма, так и за его пределами.

Не следует пренебрегать такой опасностью. Она уже едва ли не сыграла роковую роль в судьбе марксизма, став одной из причин его глубокого кризиса в конце XX столетия. Разумеется, главные причины этого лежат не в сфере собственно научных исследований, а в той исторической и общественно-политической обстановке, в которой эти исследования протекали (или блокировались). Как переоценка перспектив революционного преобразования капитализма в СССР, так и разочарование в такой перспективе в странах Запада привели к печальным результатам. В СССР господствующая бюрократия стремилась приспособить марксизм к решению по существу не социалистических задач. В результате марксизм в своей значительной части догматизировался и превращался в «светскую религию», обслуживающую интересы сталинской модели общества. На Западе социал-

демократия отказывалась от признания революционной перспективы преобразования капитализма и, соответственно, «освобождалась» от всех марксистских тезисов, связанных с историческим анализом судьбы капиталистической системы.

Наиболее свежие попытки скрестить марксизм с постмодернизмом создают опасность превращения его в хаотический набор изолированных идей, приложимых произвольным образом к описанию различных пластов социальной реальности, что ведет к не менее произвольному конструированию теоретических выводов.

Однако марксизм продолжает пользоваться широким авторитетом и уважением в различных странах, опирается на деятельность широкого круга теоретиков и практиков марксизма, сохранивших его живой и критический дух. Марксизм жив, потому что живы те социальные антагонизмы, которые вызвали его к жизни.

Противники марксизма утверждают, что если в марксизме и было что-то справедливое, ныне все это уже безнадежно устарело. Чтобы со знанием дела отвечать на этот выпад, нужно хорошо усвоить содержание не только современного, но в обязательном порядке и классического марксизма.

Наиболее устойчивой составной частью марксизма, в наибольшей мере сохранившей свои классические черты, является, как уже было сказано выше, его мировоззренческая часть (то, что принято относить к сфере философии). Марксистское мировоззрение, определяющее подход к изучению явлений, как природы, так и общества, пронизывает собой все остальные составляющие марксистского учения. Без его усвоения невозможно понимание ни социально-исторического учения марксизма, ни его критики политической экономии, ни социально-политического учения.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Почему марксизм не предполагает расчленения его на «составные части», а должен рассматриваться как целостное (комплексное) обществоведческое учение?
2. Каково соотношение марксистской теории и тех исторических фактов, на которые она опирается?
3. Почему марксистский метод предусматривает постоянный критический пересмотр положений марксистской теории?
4. В каких пределах критический пересмотр марксистской теории не означает выход за рамки самого марксизма?
5. Каково соотношение марксистской теории и тех научных результатов, которые достигаются за ее пределами?

Литература для самостоятельного изучения:

Выработайте собственный взгляд на структуру марксизма, принимая во внимание представления, сложившиеся в начале XX века:

- Ленин В.И. Три источника и три составные части марксизма // Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 23.
- Ленин В.И. Карл Маркс. // Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 26.
- В следующих работах вы найдете современные примеры отношения к классическому марксистскому наследию:*
- Бузгалин А.В. XXI век и «провалы марксизма»: в чем был прав и в чем ошибался Карл Маркс? // Пределы капитала: методология и онтология. М.: Культурная революция, 2009.
- Славин Б.Ф. Социализм и Россия. Главы 1, 4–6. М.: URSS, 2004.
- Альтюссер Л. За Маркса. Пер. с франц. А.В.Денежкина. М.: Практис, 2006.
- Георг Лукач. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Пер. с нем. Сергея Земляного. М.: Логос-Альтера, 2003.
- Стоун Р. Почему марксизм жив? Потому что жив капитализм // Альтернативы, 1998, № 3

ГЛАВА 7

МАРКСИСТСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

7.1. *Философские предпосылки развития марксистского метода исследования*

Марксистское отношение к философским вопросам несет на себе несомненный отпечаток развития всей мировой философской мысли. Тем не менее, марксистские мировоззренческие позиции сформировались под непосредственным влиянием борьбы философских течений, развернувшейся в первой половине XIX века в Германии. Эта борьба являлась своего рода «философским эхо» событий французской буржуазной революции и одновременно опосредованным отражением назревающего революционного кризиса в самой Германии. Отсутствие возможностей для свободного выражения идейно-политических взглядов вынудило полемику принять форму споров вокруг отвлеченных философских и религиозных вопросов. Подобным же образом в России того времени актуальная идейная полемика облекалась в форму литературных образов и журнальной критики.

К. Маркс и Ф. Энгельс в начале 40-х гг. XIX века входили в состав философских кружков, действовавших в Германии, и принимали непосредственное участие в этой полемике, принадлежа к радикальному крылу младогегельянцев.

Младогегельянцы – философское течение 30-х – 40-х гг. XIX века в Германии. Кружки младогегельянцев объединяли представителей левого крыла приверженцев гегелевской философии (Бруно Бауэр, Альфред Руге, Давид Штраус и др.). Будучи буржуазными радикалами и (многие из них)

атеистами, они восприняли от Гегеля буржуазно-критический дух раннего периода развития его философии. Младогегельянцы с идеалистических позиций подвергали завуалированной критике германскую действительность, а также критически анализировали христианское вероучение и мифологию.

Собственные философские позиции К. Маркса и Ф. Энгельса сформировались в первую очередь в ходе освоения и критики философии Георга Вильгельма Фридриха Гегеля – наиболее развернутой и глубокой философской системы того времени, а так же под влиянием критики традиционной христианской философии и мифологии, предпринятой младогегельянами. Эта критика принимала весьма острый характер, приближаясь подчас к атеистическим выводам. У одного из виднейших представителей германской философии того периода, Людвиг Фейербаха, данная тенденция привела к переходу на позиции философского материализма.

Почему К. Маркс и Ф. Энгельс извлекли из философского багажа своей эпохи именно диалектику и философский материализм? Потому что именно эти концепции соответствовали тем практическим потребностям социальной борьбы, в которую они включились на стороне угнетенных классов. Из этой борьбы вытекали и те исследовательские задачи, которые они ставили перед собой в области изучения закономерностей жизни человеческого общества. Материализм позволял поставить это исследование на прочное основание практики, диалектика позволяла взглянуть на социальную жизнь в развитии, охватить ее во всем богатстве ее действительных взаимосвязей и противоречий.

При этом классики марксизма не ограничились простым заимствованием приглянувшихся им философских концепций. И в материализм, и в диалектику ими было внесено немало принципиально нового.

7.2. Философский материализм

Стихийный материализм естествоиспытателей имел немалое влияние среди многих виднейших представителей мировой философии, начиная с античной древности. К. Маркс впервые ввел в этот созерцательный материализм, ограничивавшийся признанием объективной природы реальности, существующей вокруг нас, понимание активной роли субъекта познания. Познание при этом представляло уже не как созерцание, или даже опыт, а как практическая деятельность преследующего свои цели человека.

Человек познает природу, прежде всего, тем, что практически воздействует на нее, а уж затем выражает эту практику в понятиях, вырабатываемых мышлением. Мышление при этом представляет собой не произвольную игру понятий, а развивается по законам, являющимся отражением закономерностей развития самого материального мира. Понятия человеческого разума способны отразить этот материальный мир и служить человеку действенной опорой в дальнейшем его взаимодействии с природой именно потому, что они, во-первых, вырабатываются как выражение и инструмент человеческой практики, и, во-вторых, вырабатываются мышлением по законам самого материального мира.

Понятия и категории мышления не выступают простым слепком фактов и явлений реального мира. Они выражают этот мир в обобщенной форме, путем силы абстракции выделяя в хаосе явлений типичное, закономерное, присущее многим явлениям, но не сводимое целиком ни к одному из них.

7.3. Основные категории философии

Марксизм не создал какого-то совершенно особого понятийного аппарата как для выражения своих мировоззренческих позиций, так и для понимания метода исследования действительности. Он использовал, развивая и дополняя, те категории, которые уже были выработаны к тому времени философской наукой. Однако смысл, вкладываемый в эти категории, у разных философских школ несколько различается, и марксизм тут не является исключением. Поэтому ниже дается краткая трактовка основных философских категорий в марксизме.

Выделение человеческим мышлением общих свойств, присущих целому классу явлений или процессов, отвлекаясь от тех свойств, которые составляют особые, специфические черты этих явлений или процессов, называется абстракцией.

Все понятия человеческого разума (как и выражающие их слова) являются в той или иной степени абстрактными, то есть полученными в результате абстрагирования от бесконечного многообразия реального мира, выделения в нем путем абстракции типичного, присущего целым классам явлений или процессов. Любое слово – например, "пуговица" – уже является абстрактным понятием, ибо выражает то общее, что свойственно всем пуговицам как целому классу предметов, отвлекаясь от многообразных специфических свойств множества различных пуговиц.

Такое свойство человеческого разума и языка является продуктом исторического развития практики, а вместе с нею – мышления и речи человека. У народов, по каким-либо причинам находящихся на относительно низких ступенях общественного развития, язык также оперирует абстрактными понятиями, но степень абстракции при этом существенно ниже, чем в языках, прошедших дальше по пути исторической эволюции. В этих менее развитых языках могут содержаться десятки специальных слов для обозначения явлений, в исторических развитых языках описываемых одним понятием.

Абстрактному противостоит конкретное.

Конкретное – предмет, взятый во всем многообразии его различных сторон, чему соответствует целостное (конкретное) знание о нем.

Конкретное в познании человека не сводимо к хаотической совокупности эмпирически наблюдаемых признаков предметов. Конкретное может быть понято лишь как результат, во-первых, абстрактного мышления, позволяющего выделить абстрактные стороны предмета (*движение от эмпирического конкретного к абстрактному*), и, во-вторых, изучения их связей и взаимодействий. Поэтому, кстати говоря, знание о предмете как о конкретном не может быть получено без диалектического подхода.

Категории абстрактного и конкретного *относительны*. То, что предстает как конкретное по отношению к абстрактному, само может выступать как абстрактное по отношению к более богатому и многообразному конкретному.

Наивысшая степень абстракции – выделение **всеобщих** свойств для какого-либо класса предметов. **Особенное** – тоже абстракция, указывающая на наличие разных свойств у объектов, обладающих общими свойствами. **Единичное** – указание на отдельное свойство предмета, как на его специфический отличительный признак, отделяющий его ото всех других предметов. Это также абстракция, поскольку она отвлекается от всех остальных свойств данного предмета.

Однако всеобщее выступает не только как *абстрактно-всеобщее*. В действительности роль всеобщего, как носителя признаков, общих для данного класса предметов или явлений, может играть многообразное конкретное целое. Именно во всей своей конкретности и многообразности оно есть совокупность свойств, всеобщих в рамках рассматриваемого класса предметов (или *системы*). Такое **конкретно-всеобщее** само есть некий действительный предмет (объект), в своем развитии *разворачивающийся в сложную систему*, наделяя все ее элементы своими признаками – как биологический родоначаль-

ник наделяет своими генами всех потомков. Поэтому, под углом зрения этой связи и преемственности, конкретно-всеобщее может быть названо также **генетически-всеобщим**.

Итак, в данном случае не наше сознание абстрагирует всеобщие признаки из некоего класса предметов, а действительное развитие ставит некий предмет, выступающий исходным пунктом развития, на роль всеобщего для данной системы (класса предметов). Такое конкретно-всеобщее выступает как абстрактное по отношению к конкретному многообразию всей системы. Движение, таким образом, происходит *от абстрактного к конкретному*. Таков путь *действительного развития*, и таков же путь *диалектического познания*, схватывающего действительность в ее развитии и в многообразии ее связей и взаимодействий.

Не следует, однако, прямолинейно догматизировать это положение, и рассматривать процесс познания как обязательное следование от более абстрактной ступени к более конкретной. Процесс познания подвержен колебаниям, влиянию внешних обстоятельств, случайностей, нередко идет зигзагами и петлями. В тоже время для последовательного изложения, в виде логически связанной системы категорий и понятий, результатов исследования такого объекта, который сам представляет собой сложную систему, достаточно строгое следование принципу *восхождения от абстрактного к конкретному* является наиболее адекватным.

Познавая действительность, человек не может не ставить и не решать для себя вопрос о том, что первично – познаваемый нами материальный мир, или знание о нем, которым мы обладаем? Является ли материя внешнего мира источником наших знаний, или же она лишь воплощение наших собственных (либо исходящих свыше) идей, мыслей, ощущений? Этот вопрос именуется иногда *основным вопросом философии*.

Марксизм однозначно решает данный вопрос, *настаивая на первичности материи по отношению к сознанию человека, к его идеальному миру*. Однако первичность материи по отношению к сознанию имеет однозначное толкование *только* в пределах этого основного вопроса философии, а за его пределами их соотношение уже довольно относительно: одно взаимодействует с другим, одно перетекает в другое.

Само определение материи и сознания имеет строгий смысл только через их соотношение. Материя есть то, что существует вне и независимо от нашего сознания. Сознание есть присущий человеку способ восприятия («отражения») материального мира. *Бытие определяет сознание*.

Однако человек не пассивен по отношению к материальному миру, он не только отражает его. Своей деятельностью он способен изменять внешний мир. Человек не может создать материю из ничего, но своей деятельностью он может менять форму материи, данную природой. И именно благодаря этой своей преобразующей деятельности – благодаря **практике** – человек познает мир, извлекая знание из деятельности, из опыта, из реакции внешнего материального мира на оказываемое воздействие, совершая **распредмечивание**.

Распредмечивание – деятельность, позволяющая извлечь из предмета знание о нем.

Практика выступает одновременно и как способ познания, и как критерий его истинности, т.е. соответствия действительности. Человек не может иначе проверить истинность своих знаний о мире, кроме как через использование этих знаний в практической деятельности, и достижение (или не достижение) предполагаемых результатов, совершая **опредмечивание**.

Опредмечивание – деятельность, позволяющая воплотить знание в предмете.

В своей деятельности, опирающейся на познание, человек достигает **свободы**. Свобода вообще возможна только как соответствие желаемых и достигаемых результатов действий человека. Свобода невозможна *ни без постижения истины, ни без практических действий* – как по постижению истины, так и по предметному воплощению полученных знаний.

Свобода есть свойство человека преодолевать границы того, что изначально дано ему внешним миром.

Далее будет показано, как это свойство преломляется в мире социальных отношений человека.

Человек в своей деятельности выступает как активный субъект, противостоящий объективному миру. Категории субъективного и объективного могут быть поняты как категории практики: субъект, как деятельное существо, воздействует на внешний, объективный мир. Субъективное оказывается тем, что зависит от деятельности субъекта. Объективное, напротив, – то, что не зависит от субъекта, то, с чем субъект вынужден считаться как с границами (и внешними, и внутренними – ведь субъект по своим способностям тоже ограничен) своей практической деятельности.

Поэтому человеческая практика не только дает человеку свободу, но и сталкивает его с необходимостью.

Необходимость – такая сторона человеческой практики, которая определяется объективными обстоятельствами.

Известная формула о свободе как осознанной необходимости на самом деле является лишь одной стороной марксистского понимания диалектики необходимости и свободы, которая унаследована от гегелевской философии. Действительно, поскольку человек живет в объективном мире, он в своей деятельности вынужден считаться с законами этого объективного мира, ибо иначе он не может добиваться поставленных целей. Однако есть и другая сторона – человек своей деятельностью меняет этот мир, приспособлявая его к своим целям, выходит за пределы того, что дано обстоятельствами.

Марксизм материалистическим образом решает вопрос и о соотношении общественного бытия и общественного сознания. Но в этом вопросе, еще более, чем в вопросе о соотношении бытия и сознания вообще, марксизм обращает внимание на деятельную, субъективную сторону. Известная формула К.Маркса из «Тезисов о Фейербахе» гласит, что философы до сих пор лишь объясняли мир, дело же заключается в том, чтобы изменять его. (Именно изменять, а не изменить – один раз?! – как обычно дается в русском переводе).

Человек, согласно марксизму, формируется общественными обстоятельствами, которые не им созданы, и которые имеют для него объективное значение. Однако сами эти обстоятельства имеют свойство исторически меняться, и меняются они не «сами». История есть деятельность преследующего свои цели человека.

Совпадение объективно назревших исторических перемен и действий человека, направленных на эти перемены, выступает как революционная практика.

Именно общественной практикой, и в особенности революционной практикой, переводящей общественное бытие на новую историческую ступень, человек завоевывает в своей общественной жизни свободу (или, точнее, делает очередной шаг к свободе), закрепляет и развивает новый сложившийся уровень свободы.

Либеральное понимание свободы фактически сводит ее к максимально широким при данных обстоятельствах ограничениям человеческой деятельности, допустимым в таких пределах, чтобы они не сужали свободу других. Основанием свободы, при таком понимании,

выступает по существу сложившийся баланс противоположных интересов, что вполне соответствует духу товарного хозяйства.

Для марксизма свобода в общественной жизни выступает как способность человека преодолевать ограничения, накладываемые объективно сложившимися общественными отношениями, и, в конечном счете, преодолеть сам отчужденный характер общественных отношений, то есть бытие их как обособленных от человека и противостоящих ему сил. Поэтому свобода достигается не как принятие ограничений, накладываемых интересами других людей (как в либеральной трактовке), а как добровольное объединение с другими людьми для совместной борьбы за реализацию своих интересов. Тогда и общественные отношения людей не выступают как отчужденные от них силы, а являются делом их свободного объединения.

Почему общественные отношения людей отчуждаются от них и противостоят им, и как возможно преодолеть такое состояние? Поиску ответа на эти принципиальные вопросы будет во многом посвящено почти все дальнейшее изложение.

7.4. Диалектика

Переход к диалектическому способу мышления был подготовлен развитием диалектики понятий в классической философии (Гераклит, Спиноза, Кант, Фихте и в особенности – Гегель), приближением естествознания к осознанию противоречивости реального мира, и необходимостью исследования общественной жизни человека в ее развитии и противоречиях. Диалектика выступает как единственный метод, обеспечивающий изучение условий и обстоятельств революционного преобразования общественных отношений.

«В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую существующую форму она рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»¹.

Диалектика понятий получила наиболее развернутое и систематическое представление в гегелевской системе. В марксизме диалектика, которая у Гегеля выступала как форма движения Абсолютного Духа, получила материалистическое толкование, как форма движения реального мира. Соответственно, для исследователя, применяю-

¹ Маркс К. Послесловие ко второму изданию «Капитала». // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960, с. 22.

щего диалектический метод материалистически, категории диалектики выступают *не как готовые, заданные свыше формы, в которые надо уложить реальные явления и отношения*, а лишь как «подсказка», помогающая вскрыть диалектические связи и отношения в развитии явлений реальной действительности.

Центральное место в диалектике занимает проблема противоречия. Если формальная логика строится на исключении противоречий, то диалектический метод опирается на изучение противоречий. Это различие обусловлено тем, что формальная логика изучает соотношение застывших, неизменных, равных самим себе понятий. Диалектика же рассматривает понятия в их изменении и развитии, в котором они могут становиться неравными сами себе, представляя собой тем самым воплощенное противоречие.

Наличие формально-логических парадоксов поэтому может скрывать за собой реальную диалектическую проблему, но, равным образом, это может быть и формально-логическая ошибка. Точно также формально-логическая непротиворечивость может отражать как логически правильное соотношение категорий, так и скрывать за собой научный тупик в поиске истины, которую невозможно найти формально-логическими методами, если речь идет о развивающемся предмете. Все это говорит о том, что логические методы могут помочь в поисках истины, но не могут заменить исследование конкретного предмета, которое одно только способно дать истинное знание — ведь истина всегда конкретна, и не может быть добыта исключительно путем применением абстрактных логических схем.

Диалектика, в отличие от формальной логики, носит по преимуществу системный характер. Она нацелена главным образом не на разрозненное применение диалектических «законов» или «принципов» к любому, произвольно очерченному предмету, а на изучение сложных систем, которые должны быть отражены в познании также в виде *системы научных категорий и понятий*, выстроенных в соответствии с реальной диалектикой самой познаваемой системы. Поскольку в реальной действительности сложные системы качественно различаются между собой, а также могут образовывать подсистемы друг друга, то *реальная диалектика не может быть понята путем наложения на действительность априорно заданной схемы диалектических категорий*, а требует изучения реальной взаимосвязи процессов и явлений.

Тем не менее, диалектика в своих категориях фиксирует некоторые общие свойства развития сложных систем через противоречия, показывая нам определенные уровни развития противоречий этих систем и, соответственно, уровни их познания. Такие категории диа-

лектики, как качество (куда входят свойство, определенность, граница, предел), количество, мера, сущность, форма, явление, действительность и т.д. как раз и показывают нам различные ступени познания и грани диалектического взаимодействия.

Поскольку в данном учебнике я не могу уделять очень много места собственно проблемам диалектики, ниже будет дана лишь самая краткая характеристика некоторых ее категорий.

Все категории диалектики раскрываются только через соотнесение со своими противоположностями. Вне такого соотнесения, более того, без единства со своими противоположностями, они вообще не существуют. Например, в рамках понятия «качество» категория «нечто» может быть понята только через категорию «иное», и, кроме того, нечто вообще существует, только «отталкиваясь» от своей противоположности, от иного. В свою очередь, иное не существует самое по себе, а только как иное некоего нечто. При этом две стороны диалектического противоречия нельзя рассматривать как равноправные «оппозиции». Они асимметричны, и хотя их существование взаимообусловлено, одна из них выступает как основание для другой. Именно в силу такой асимметрии противоречие является движущимся противоречием, а не застывшей «оппозицией».

Категория «качество» как характеристика сложной системы сама является сложным понятием, опираясь на систему противоречиво взаимодействующих категорий (нечто, иное, определенность, свойство, граница...) и выражает собой то, что отделяет данную сложную систему от других, то, что является специфичным только для этой системы и одновременно образует самое общее свойство этой системы, присущее всем ее элементам.

Категория «количество» выражает собой такую ступень развития системы и такую форму ее движения и изменения, которая характеризуется неизменностью принадлежащего ей качества. Количественные изменения системы приобретают определенную «меру», которая, при достижении некоторого «предела», означает переход системы на новую ступень развития. Если качество, количество и мера в совокупности образовывали ступень развития, обозначаемую категорией «бытие», то новая ступень развития системы обозначается категорией «сущность».

Любой диалектический переход означает «снятие» того противоречия, которое задавало форму движения системы на данной ступени, и переход к новому противоречию и новой форме движения. Одно противоречие отрицает другое, новая форма движения отрицает предшествующую. Однако для диалектического развития характерна не просто смена одного противоречия другим, одной формы движения другой, а такая смена («снятие»), которая одновременно означает и отрицание, и позитивное удержание предшествующего содержания. То есть при переходе от качества к количеству, от количества к мере, от меры (точнее, от бытия в целом) к сущности, все эти категории сохраняются в системе (приобретая, однако, подчиненный характер по отношению к более сложным и развитым категориям), становящейся тем самым все более богатой и сложной.

«Содержание», которое приобретает система в своем развитии, реализует себя лишь в некоторой «форме». Форма не выступает как лишь внешний слепок содержания, оно оформляет его, играет по отношению к нему активную роль. Это создает потенциальную возможность отрыва формы от содержания, образования таких форм, которые искажают содержание системы (превращенные формы).

«Сущность» системы выражает себя через «явление». Сущность является, явление существенно. Однако проявления сущности могут создавать «видимость», «кажимость», которые, даже если и соответствуют сущности, но не совпадают с ней, создавая такую ситуацию, когда, например, кажется то, что и существует на самом деле. Но все-таки «кажется», а не просто «существует».

В учебниках советского периода неперенным атрибутом объяснения того, что такое диалектика, были так называемые «законы диалектики»: закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в коренные качественные, закон отрицания отрицания. Эти «законы» – либо формулировка некоторых частных диалектических переходов (например, между качеством и количеством), либо наблюдение над некоторыми общими характеристиками диалектического движения. Если о первых «законах» кое-что было сказано выше, то по поводу отрицания отрицания следует кое-что добавить.

Как уже было отмечено выше, диалектическое движение идет путем отрицания одной категории другой, одной ступени развития другой. Например, количество отрицает качество, а мера, в свою очередь, отрицает количество. Первое отрицание (качества количеством) отрицается следующим (количества мерой) – вот и получается отрицание отрицания. Но если первое отрицание, в свою очередь, отрицается, то это означает восстановление первой отрицаемой категории – не в прежнем виде (вспомните про снятие, которое одновременно есть и отрицание, и удержание), а виде *синтеза со своей противоположностью*. Таким образом, движение происходит по принципу «диалектической триады»: тезис – антитезис – синтез.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Какова связь марксизма с предшествующим развитием мировой философской мысли?
2. В чем заключается особенность материалистического взгляда на мир в марксизме?
3. Какую роль в марксистском материализме играет человеческая деятельность, практика?
4. Попробуйте разобраться, в чем существо диалектического метода, и каким образом он может выступать в качестве одного из инструментов познания?

Литература для самостоятельного изучения:

Работы классиков марксизма:

- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3.

- Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Отдел первый. Главы III–V, XI–XIII // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.
- Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К.; Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
- Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 364–372; 384–390; 526–557

Хотя Ленин не считается первой величиной в марксистской философии, его выписки на полях работ Гегеля свидетельствуют о его глубоко понимании значения диалектики и весьма полезны в качестве введения к ее самостоятельному изучению:

- Ленин В.И. Философские тетради // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 79–322.

«Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения»¹:

- Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х т. М.: Мысль, 1970–1972.

Работы одного из крупнейших советских знатоков марксистской диалектики, специально занимавшегося сопоставлением диалектики Маркса и Гегеля:

- Вазюлин В.А. Логика «Капитала» К Маркса. 2-е изд. М, 2002. С. 13.
- Вазюлин В.А. Становление метода научного исследования К.Маркса (логический аспект). М., 1975. – 250 с.

Работа известного советского философа, посвященная диалектике Маркса, написанная в 1960 году и впервые изданная лишь после его смерти, в 1997 году:

- Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. – Москва, 1997.

При жизни Ильенкова была опубликована только часть этой рукописи в виде книги:

- Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. – Москва, 1960.

Текст исходной рукописи 1960 года:

- Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: Институт философии АН СССР, 1960. <http://psvlib.org.ua/books/ilven01/index.htm>

В этой книге содержится изложение концепции конкретно-всеобщего:

- Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. Второе издание, дополненное. М.: "Политиздат", 1984. <http://psvlib.org.ua/books/ilven02/index.htm>

---

¹ Маркс К. Капитал. Послесловие ко второму изданию. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С.22.

Во второй части следующей работы представлен современный взгляд на проблемы диалектики:

- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология. (Часть 2. Обновление диалектики: к критике позитивизма и постмодернизма). М.: Культурная революция, 2009.

Читателям, хорошо владеющим английским языком, полезно будет ознакомиться с работами двух крупных западных специалистов по марксистской диалектике:

- Ollman, Bertell. *Dance of the Dialectic: Steps in Marx's Method*. Urbana–Chicago: Univ. of Illinois Press, 2003
- Arthur, Christopher J. *Dialectics of Labour: Marx and his Relation to Hegel*. Oxford: Basil Blackwell, 1986
- Arthur, Christopher J. *The New Dialectic and Marx's "Capital"*. Leiden, Boston, Köln: Brill, 2002, 2004.

Сравните содержание рекомендованных работ со статьей Сталина:

- О диалектическом и историческом материализме // Сталин И.В. Соч. Т. 14. <http://www.hrono.ru/libris/stalin/>

ГЛАВА 8

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

8.1. Материалистический подход к общественным явлениям

Общество представляет собой крайне сложный объект для изучения. Оно образует совокупность больших систем и «малых» подсистем – технологических, экономических, социальных, политических, духовных и т.д. Эти системы находятся на первый взгляд в крайне запутанном взаимодействии, обладают довольно быстрой изменчивостью. Кроме того, сам познающий субъект является частью познаваемого объекта и подвержен влиянию со стороны последнего. В этом сложном и подвижном хаосе надо найти путеводную нить, позволяющую выделить главное, определяющее и уже на этой найденной основе строить понимание всего сложного целого.

Понимание той значительной роли, которую производство материальных условий жизни человека, и материальные условия самого производства, играют в судьбах человеческого общества, формировалось задолго до возникновения научного социализма. Заслугой основоположников марксизма в этом вопросе является, во-первых,

ясное утверждение, что именно производство материальных условий жизни человека является определяющим в развитии всех остальных сфер человеческого общества – государства, права, политики, религии, идеологии и т.д. Во-вторых, К. Маркс и Ф. Энгельс впервые предложили концепцию, раскрывающую детальное строение общественного производства, соотношение и взаимодействие его структурных элементов, источники, закономерности и формы его развития.

Наиболее общие положения исторического материализма превратились в конце XIX – первой половине XX вв. в неотъемлемую составную часть мировой науки, а концепция в целом в той или иной мере продолжает оказывать влияние на виднейших представителей общественных наук, в том числе и не придерживающихся марксистских взглядов, и даже на активных противников марксизма.

Констатация того факта, что человек должен производить, чтобы существовать, отнюдь не является заслугой марксизма. До марксизма был сделан и вывод о том, что именно производство является специфическим способом существования человека, отличающим его от всех других живых существ. Однако только марксизм показал, как именно производство реализует свой определяющий характер в жизни человеческого общества.

Научный социализм указал на то обстоятельство, что в процессе производства материальных условий своего существования люди вступают в специфические общественные отношения – производственные отношения. Эти производственные отношения люди не выбирают по собственному произволу. Характер производственных отношений зависит не от воли и сознания людей, а является объективным, поскольку определяется данным, наличным уровнем развития материальных условий производства, то есть уровнем развития производительных сил человеческого общества.

Производственные отношения, в свою очередь, не являются нейтральными, или пассивными, по отношению к производительным силам. Производственные отношения могут ускорять развитие производительных сил, или замедлять его.

8.2. Производительные силы. Труд

Два важнейших элемента производительных сил общества – это, во-первых, человек, обладающий способностью к труду, совокупностью знаний, навыков, приемов производства. Во-вторых, это материальные средства производства.

Следует особо подчеркнуть, что именно человек со своими способностями к труду является *ведущим элементом* производительных сил. Именно он своей деятельностью создает, видоизменяет, совершенствует средства производства и приводит их в движение. Человек, одаренный способностью к труду, является (наряду со средствами производства) материальным фактором производительных сил общества. Эти факты нередко забываются, и *производительные силы* часто сводятся к одним лишь *средствам производства*, а эти последние – к *орудиям труда*. Данного упрощения иногда не избегали и основоположники научного социализма, являющиеся авторами излагаемой концепции.

Человек, как элемент производительных сил, не сводится только к *рабочей силе* – совокупности навыков, умений, приемов производства и способности привести их в действие, которыми обладает индивид. Человек (как элемент производительных сил) характеризуется также *знаниями* и способностью к *творческой деятельности*, которые он может применять в процессе производства, для его поддержания, развития, совершенствования. Эти качества определяются уровнем культуры, которой обладает человек (понимаемый в данном случае как родовое существо, т.е. как человеческое общество).

Следует сразу оговориться, что человек в марксизме не сводится только к ведущему элементу производительных сил. Марксистская концепция человека рассматривает его как социальное существо во всей многосторонности его социальных отношений, связей, задатков, как активного субъекта истории, движущегося по пути к обретению все большей свободы.

Развитие человека с той его стороны, которая характеризуется его способностью к труду (т.е. человека, как элемента производительных сил), совершается, с одной стороны, путем накопления приемов и навыков трудовой деятельности, изобретения новых приемов, приобретения и передачи соответствующего опыта. С другой стороны, сильнейшее воздействие на характер трудовой деятельности человека, на совершенствование его способности к труду, оказывает развитие и совершенствование *средств производства*. Следует сказать, что активной стороной в этом процессе также выступает человек. Однако, раз определенный уровень развития средств производства сложился, формируется объективная зависимость уровня трудовых способностей человека от этого уровня развития средств производства.

Средства производства, в свою очередь, могут быть разделены на два больших элемента – средства труда и предметы труда.

Средства труда подразделяются на *орудия труда* и *условия труда*. *Орудия труда* используются человеком для активного воздействия на природные объекты с целью изменения их формы таким образом, чтобы они могли служить целям удовлетворения человеческих потребностей. Сюда можно отнести, например, металлообрабатывающие станки, землеройные машины, электрогенераторы, транспортные средства, зерноуборочные комбайны, химические реакторы, трубопроводы и т.п.

Условия труда сами активно не воздействуют на природные объекты, но служат для того, чтобы, как вытекает из их названия, создавать условия для применения орудий труда. Сюда относятся различного рода производственные здания и сооружения (здания заводских цехов, дороги, мосты и т.д.).

К *предметам труда* относятся все те природные объекты, на которые человек воздействует при помощи средств труда, видоизменяя природу для своих целей и превращая тем самым природные объекты в *продукты труда*. Разделение средств производства на средства труда и предметы труда определяется не их природными (физическими, химическими и т.д.) свойствами, а их местом в процессе производства. Например, трактор, работающий на пашне или в карьере, является *средством труда* (и еще точнее – *орудием труда*). Тот же трактор, отправленный в ремонтную мастерскую, выступает там как *предмет труда*. Столь же подвижна грань между *средствами производства* и *продуктами труда*, и она также определяется их местом в процессе производства. Например, зерно пшеницы выступает как *продукт труда* хлеборобов. Отправленное же на мукомольную фабрику, оно выступает как *средство производства* (а именно, *предмет труда*) для изготовления муки. Большая часть средств производства (за исключением естественных ресурсов и естественных условий производства) представляет собой продукты труда людей.

Предметами труда являются любые природные объекты, на которые воздействует человек – металл, дерево, сельскохозяйственные растения, минералы, электромагнитные поля, вода и т.д. Часть предметов труда представляет собой уже обработанные человеком продукты труда, часть – предметы природы в их естественном состоянии (например, рыба в море). С этой точки зрения географическая среда обитания человека играет очень важную роль в производстве – и как своего рода кладовая предметов труда, и как один из важнейших факторов, определяющих условия труда.

Однако *природная среда не может рассматриваться лишь как пассивный объект воздействия* человека. Видоизменяя природу для своих целей, человек вторгается в сложные взаимосвязи, опреде-

ляющие функционирование и само существование биогеохимической оболочки Земли. Такое вторжение может нарушать естественный баланс в природе, ухудшая условия существования для самого человека (накопление отходов и отходов производства, химическое загрязнение, гибель видов животных и растений, гибель лесов и степей, истощение источников воды и запасов полезных ископаемых, нарушение озонового слоя, «парниковый эффект» и т.д.).

Зарождение общественного производства означает тем самым и формирование противоречия между человеком и природой. Пока существует человек, это противоречие неустранимо, но формы его движения могут носить характер как разрушительный для взаимодействия человека и природы, так и гармонизирующий их взаимное развитие.

Первоначально человек относится к природе как к источнику средств существования. На низшем, первобытном уровне развития человек ощущает свою зависимость от природы, и это заставляет его приспосабливаться к природе, опасаться мести за чересчур резкое вторжение в ее мир. В этот период формируется система ограничений и запретов (отчасти рациональных, отчасти магических), призванных не допустить разрушения тех источников существования, которые человек находит в окружающей природной среде.

Когда экономические отношения меняются таким образом, что на первый план выходит производство богатства, это первоначальное осторожное отношение к природе сменяется ее безудержной эксплуатацией. Без такой перемены не было бы прогресса человеческого общества. Однако подобный способ прогресса мстит сам за себя – чем эффективнее и масштабнее становятся производительные силы человеческого общества, тем более сильное разрушающее воздействие на природу они оказывают, создавая, в конечном счете, реальную угрозу гибели всей природной среды обитания человека.

Это противоречие было отмечено еще К. Марксом в середине XIX века, однако широкое признание данная позиция получила лишь более, чем столетие спустя, когда угроза экологической катастрофы стала очевидной. Значительные естественнонаучные предпосылки для понимания характера взаимодействия человека и природы заложили разработки российского ученого академика Вернадского (концепция человека, как геологической силы, концепция ноосферы).

Для того, чтобы устранить угрозу человечеству, исходящую от созданных самим человеком производительных сил, необходимо изменение отношений человека и природы. Человек не может перестать воздействовать на природу для достижения собственных целей, для обеспечения средств существования. Однако это воздействие должно быть гармонизировано с законами самой природы, и для это-

го природа не должна более рассматривать как источник богатства, – к ней следует формировать отношение как с самостоятельной ценностью, а необходимость считаться с ее законами должна быть признана как непременно условие существования самого человека. Однако достижение подобных перемен в отношениях с природой невозможно до тех пор, пока в человеческом обществе господствуют производственные отношения, которые все вокруг – и природу, и самого человека, – неизбежно сводят лишь к источнику накопления богатства.

Эти обстоятельства предопределили и признанную роль марксизма в теоретическом обосновании современного экологического движения, и возникновение в этом движении влиятельного течения «экологического социализма».

Труд есть целесообразная деятельность общественного человека по изменению формы природных объектов, приспособляющая их для удовлетворения человеческих потребностей.

Взаимодействие людей между собой и человека и средств производства в процессе труда для получения и использования продуктов труда представляет собой процесс **производства**.

Производство является более широким понятием, чем труд. Производство включает в себя не только непосредственно целесообразную деятельность человека по преобразованию объектов природы, но и многообразные отношения, в которые люди вступают в процессе производства между собой, и взаимодействие людей со средствами производства, и многие виды деятельности, возникшие в связи с осуществлением человеком своих трудовых функций – управление, обмен, распределение, потребление.

Следует подчеркнуть, что человеческое *потребление* – отнюдь не естественный процесс, а элемент общественного производства. Человеческое потребление отличается от потребления животных теми же самыми характеристиками, какими трудовая деятельность человека отличается от деятельности животных. Как состав человеческих потребностей, так и форма их удовлетворения диктуются в первую очередь общественными условиями производства.

Производство в человеческом обществе образует сложные общественные системы, развивающиеся сначала до национальных, а затем и до всемирных масштабов.

Трудовая деятельность человека отличается от трудоподобной деятельности животных несколькими важнейшими свойствами.

Во-первых, трудовая деятельность человека носит *социально обусловленный* характер, трудоподобная деятельность животных *инстинктивна*. Характеристики человеческого труда определяются – если отвлечься от тех ограничений, которые налагаются совокупно-

стью наличных материальных условий производства – общественными отношениями, в которые включен человек. Эти отношения, преломляясь через личные качества человека и его мышление (которое также не носит абсолютно индивидуального характера, являясь отражением коллективной практики людей), определяют выбор или перемену основных составляющих трудовой деятельности – содержания самого процесса труда, характера применяемых орудий труда, предметов труда и результатов трудовой деятельности.

От деятельности т.н. коллективных животных (пчел, муравьев) труд человека отличается тем, что он не ограничен строго очерченной совокупностью функций, определяемых инстинктами и закрепляемых за определенными особями в силу их биологической специализации. Человек в своих функциях универсален, способен менять их и создавать новые, что не свойственно миру животных. Кроме того, инстинктивная трудоподобная деятельность животных заключена в довольно простую рефлекторную взаимосвязь “привычный стимул – привычная реакция”. Стимул при этом выступает как типичный элемент состояния природной среды (в том числе и состояния самого живого организма – например, голод), а реакция – как необходимый элемент функционирования живого организма. Человеческий же труд является такой деятельностью, *цель и мотив которой не совпадают*.

Если для животного мотивом (стимулом) является утоление голода, то и деятельность его будет направлена на утоление голода – поиск и поглощение пищи. Примеры с обезьянами и птицами, использующими палочки для добычи пищи, не являются исключением из правила. Для некоторых видов птиц использование палочек для извлечения насекомых из трещин коры деревьев является инстинктивно закрепленным способом добычи пищи и вне непосредственной связи с этими насекомыми не имеет никакого смысла. Точно также и для обезьян применение палок выступает только как составная часть действий, позволяющих им достать пищу – например, съедобные плоды, и вне связи с этими плодами просто не может иметь места.

Для человека трудовая деятельность почти всегда совершается *вне непосредственной связи с удовлетворением его потребностей*. Даже первобытный человек, испытывая голод, определенную часть своего времени тратил не на добывание пищи, а, например, на оббивание кромки одного камня другим камнем. В данном случае мотив (стимул) – утоление голода, а цель деятельности – изготовление ручного рубила, причем нередко вне связи с каким-то конкретно намеренным объектом, призванным имеющийся голод утолить. У современного же человека трудовая деятельность и непосредственное

удовлетворение потребностей отдалены друг от друга огромной цепью опосредствований. Для множества людей основной род их занятий вообще никогда не соприкасается с непосредственным удовлетворением их потребностей, и возможность удовлетворить их существует лишь благодаря деятельности других людей.

Еще одним отличительным признаком человеческого труда выступает использование средств производства. Некоторые животные, как уже упоминалось, также помещают между собой и природой искусственно созданные опосредствующие звенья – обезьяны приспособивают палки для добычи плодов, бобры строят плотины, птицы – гнезда, пчелы – соты... Однако эти “орудия” выполняют какую-то одну функцию и носят стереотипный характер в рамках, строго очерченных инстинктами и условными рефлексам. Во всех остальных своих функциях животные полностью обходятся без каких-либо орудий. Лишь человек помещает между собой и природой огромный искусственный мир, *техносферу*. Человек практически во всех своих жизненных функциях не обходится без средств производства. Эта “вторая природа” постоянно развивается вместе с человеком и ее развитие составляет существенную часть человеческой истории наряду с развитием отношений между самими людьми.

Наконец, указанная специфика трудовой деятельности человека определяет ее целесообразный характер, и предполагает создание идеальных образов как совершаемых действий, так и производимого продукта. Это влечет за собой потребность в развитии познания, и на определенной ступени его развития применение науки к производству становится определяющим фактором роста общественного производства, а сама наука становится непосредственной производительной силой.

8.3. Исторические стадии развития производительных сил

Стадии развития производительных сил первоначально различали по основным материалам, из которых изготавливались орудия труда. Другим важным критерием, позволяющим различать стадии производительных сил, служило также выделение господствующих технологий производства, то есть определенной комбинации элементов производительных сил (простых элементов процесса труда) и характера их взаимодействия в процессе производства. Соответственно базовым технологиям выделяются и основные отрасли хозяйства. Кроме того, с усложнением орудий труда серьезное значение приобретает не столько определение материала, из которого эти

орудия изготавливаются, сколько изучение строения этих орудий. С развитием производительных сил эти последние критерии начинают играть наиболее важную роль.

Как ни странно, в рамках марксизма, обратившего внимание на ключевую роль человека в системе производительных сил общества, этот тезис достаточно редко применялся при решении конкретных вопросов оценки уровня развития производительных сил. Этот недостаток был характерен и для классиков марксизма, и для его последователей. Возможно, именно с ним связаны многие нерешенные проблемы исследования экономического развития общества. По мере сил постараемся преодолеть этот недостаток. Но сначала несколько слов о традиционном делении стадий развития производительных сил.

Каменный век

Первоначально главным материалом, из которого изготавливались орудия труда, служил камень. Основной технологией производства таких орудий являлась обработка камня каменными же орудиями. Однако основной технологией, служившей для обеспечения человеку средств существования, служило собирательство, а затем, по мере совершенствования технологии изготовления орудий и навыков совместной и индивидуальной деятельности – также и охота. Такого рода занятия условно относят к "присваивающему хозяйству", поскольку человеческая деятельность (производство) была направлена главным образом на присвоение готовых продуктов природы. Человек, конечно, на всех стадиях своего развития присваивает вещество природы для своих нужд. Но в данном случае речь идет о *прямом присвоении готовых природных продуктов*. Обработка орудий труда, и даже приготовление пищи и заготовка пищевых запасов (которые развиваются на поздних стадиях каменного века, в период неолита) занимали в производственном процессе первобытного человека куда как меньшее место.

Уже в пределах каменного века человек, помимо механических технологий (обработка камня, дерева, кости, шкур...), осваивает важную физико-химическую технологию – добывание огня и использование его для приготовления пищи и обработки различных материалов (например, гончарное производство). В позднем каменном веке (неолите) человек начинает вмешиваться в естественные процессы воспроизводства живой природы – приручает, а затем одомашнивает животных, начинает культивировать растения. Однако эти технологии приобретают главенствующую роль, как правило, лишь с переходом к использованию металлов.

Еще на основе использования каменных орудий труда в некоторых местностях развивается примитивное подсечно-огневое и мотыжное земледелие. Однако, за немногими исключениями, его продуктивность еще довольно низка.

Медный (бронзовый) век

Использование меди, а затем и бронзы (сплава меди с оловом) означало не только появление металлургии, как новой отрасли производства, но в первую очередь появление орудий, делавших гораздо более эффективными обработку камня, дерева, металлов, и занятия земледелием и скотоводством. Земледелие и скотоводство выходят на первый план в добыче средств к существованию, оттесняя собирательство и охоту. Однако неустойчивость урожаев при примитивном земледелии, зависящем от капризов погоды, и неустойчивость естественной кормовой базы скотоводства (по тем же причинам) длительное время делали охоту и собирательство весьма важными дополнительными источниками жизненных средств для человека.

Переход к земледелию и скотоводству означает переход к так называемому "производящему хозяйству" (термин не очень точный, поскольку не производящего хозяйства быть не может – "присваивающее хозяйство" есть тоже разновидность производства). Этот термин отражает *факт перехода от производства, направленного на присвоение готовых природных продуктов, к производству, обеспечивающему массовое изготовление продуктов, видоизмененных человеком, не являющихся плодами стихийно протекающих природных процессов.* И выращивание одомашненных животных, и возделывание культурных растений, и ремесло – все эти отрасли хозяйства позволяют создавать и присваивать продукты, имеющие форму, отличную от природной.

Вместе с выплавкой и обработкой металла впервые появляются предпосылки для значительного развития **общественного разделения труда** – сначала путем разделения земледелия и скотоводства, а затем – отделения ремесла (металлургии, кузнечного дела, гончарного дела...) от сельского хозяйства.

Возникновение **общественного разделения труда** означает постоянное закрепление конкретных лиц за определенными видами деятельности, т.е. специализацию людей. Такое разделение труда носит наименование общественного потому, что эти виды деятельности и занятые ими люди не могут существовать вне общественных (выходящих за пределы кровнородственных) связей, экономических отношений (отношений обмена деятельностью) между собой.

Первоначально в первобытной общине существовало половозрастное разделение труда, устанавливающее распределение различных функций между членами общины в зависимости от физиологических особенностей половозрастных групп. Возникновение общественного разделения труда входит в противоречие с естественной кровнородственной основой производственных отношений людей, означает шаг вперед в переходе от естественных к общественным предпосылкам производства. Одновременно, однако, общественное разделение труда вступает в противоречие с родовой сущностью человека, ограничивая его в проявлениях его деятельности и придавая его развитию односторонний (специализированный) характер. Эта односторонность проявляет себя затем как основа возникновения классовых различий.

Железный век

Развитие металлургических технологий (повышение температуры плавки руды) позволило перейти к выплавке и обработке железа. Этот переход обеспечил дальнейшее повышение производительности в земледельческих технологиях и в ремесле, при обработке самых разнообразных материалов. Прирост производительности обеспечил систематическое производство прибавочного продукта (т.е. излишка сверх необходимых текущих потребностей).

Отмечены случаи производства прибавочного продукта при благоприятных условиях даже в присваивающем хозяйстве (интенсивное рыболовство в некоторых районах акватории Тихого океана) и при использовании каменных орудий труда в земледелии (Мезоамерика, Африка). Однако производство прибавочного продукта получает заметное распространение в районах с благоприятными для земледелия природно-климатическими условиями только в медном веке, а как общее правило, именно с наступлением железного века. Вместе с производством прибавочного продукта развиваются такие явления, как эксплуатация и торговля.

Когда человек становится способен производить больше, чем нужно для его текущего потребления (для поддержания жизни), то излишек – **прибавочный продукт** – может присваиваться другими людьми. Эксплуатация означает применение человека как своего рода живого орудия труда – принуждение одними людьми других к производству прибавочного продукта с целью последующего присвоения последнего.

Обмен продуктами труда существовал уже в каменном веке. Поскольку природно-климатические и геологические условия различны в разных регионах, то это обусловило возникновение обмена,

основанного на данных различиях. Однако обмен носил случайный, несистематический характер, и вовлекалась в него незначительная часть производимого продукта (как правило, уникальное природное сырье). Обмен деятельностью существовал и внутри общины на основе половозрастного разделения труда, и примитивных форм его кооперации. В небольших масштабах в общине может развиваться и обмен продуктами труда в силу возникающего отделения ремесла от земледелия.

Систематическое производство излишков вместе с развитием общественного разделения труда не только позволяет расширить масштабы обмена и сделать его систематическим, но и превращает в особую отрасль – торговлю, становящуюся необходимым элементом функционирования общественного производства в условиях общественного разделения труда. Ведь теперь, например, ремесленник не может жить и работать, не обменивая плоды своего труда на продукты питания, а скотовод нуждается в обмене животноводческих продуктов на зерно и т.д. Поскольку производители в различных общинах ведут частное, независимое друг от друга хозяйство, обмен между ними принимает форму обмена товарами и возникает рынок как сфера отношений товарного обмена.

Можно сказать, что мы до сих пор живем в железном веке. Ведь основным конструкционным материалом в современном производстве по-прежнему остается железо и сплавы на его основе. Однако, как уже было сказано выше, теперь важнейшее значение приобретают иные критерии оценки уровня развития производительных сил.

Средневековье принесло такие технологические процессы, как изготовление и применение пороха, книгопечатание, гораздо менее заметный, но не менее значимый прогресс в обработке, консервации и хранении продуктов питания (что позволяло увеличить реальное потребление при прежней продуктивности сельского хозяйства). Именно в средневековье, например, получили распространение такие технологии, как засолка рыбы, дистилляция этилового спирта.

Однако не эти технологии определили переход к новой ступени развития производительных сил. Этот переход был связан с развившейся в течение средневековья *специализацией трудовых процессов и орудий*, подготовившей замену ручных орудий труда *машинами*, т.е. такими орудиями труда, которые передают воздействие человека на предмет труда через специальный передаточный механизм и приводятся в движение, как правило, не мускульной силой человека или животных.

Таким образом, машина состоит из трех основных частей – двигателя, передаточного механизма и рабочего орудия. Первыми широко распространенными машинами были водяные и ветряные

мельницы, а позднее – механические часы. Массовое распространение машин с технологической точки зрения связано как с повышением прочности применяемых металлических сплавов и повышением точности их обработки, так и с появлением двигателей, не зависящих от географической среды (которая ограничивала применение силы ветра или воды). Появление паровой машины, а затем двигателя внутреннего сгорания и электрического двигателя дало важнейший технический толчок промышленному перевороту (индустриализации) – перестройке всех отраслей хозяйства на основе машинной техники и соответствующих технологий.

С развитием машинной техники произошло некоторое ослабление роли человека как ведущего элемента производительных сил (но одновременно возникли предпосылки для последующего невиданного укрепления этой роли). В домашинную эпоху от накопленных навыков, индивидуального умения и мастерства человека прямо зависела успешность как ремесленного, так и сельскохозяйственного производства (а нередко мускульная сила человека выступала главным энергетическим источником при ручном труде). Машинное производство дает возможность крайне примитивизировать человеческие функции, что нашло свое наиболее выпуклое воплощение в конвейерном производстве.

Однако в дальнейшем создание и совершенствование машин постепенно потребовали, напротив, усилить роль человека в машинную эпоху. Потребовалось применение научных знаний к разработке индустриальных технологических процессов и к созданию машинной техники. Изобретательство стало превращаться едва ли не в особую отрасль производства. *Техническое совершенствование и усложнение машин постепенно повлекло за собой и увеличение требований к квалификации и образованности рядовых работников.*

Но эти сдвиги затрагивали первоначально довольно узкий круг людей. Положение изменилось во второй половине XX века. Следующим крупным шагом в развитии производительных сил стало этот период превращение технологического применения знаний в господствующую производительную силу, и вместе с этим – бурный расцвет информационных технологий. Производство, обмен и применение знаний теперь претендуют на то, чтобы играть более важную роль, чем трансформация материально-вещественных предметов труда. Первостепенное значение в процессе производства приобретает творческая деятельность человека.

Такого рода сдвиги в производительных силах оцениваются многими исследователями, как наступление *постиндустриальной* эпохи. Значение машинного производства (промышленности в широком смысле слова), и даже материального производства вообще

86 падает, и вместе с этим растет удельный вес и значение отраслей нематериального производства (сферы услуг, в особенности сферы духовного производства). Эта эпоха характеризуется продолжающимся ростом значения человека, как ведущего элемента производительных сил.

8.4. Производственные отношения

Выше уже было сказано, что в процессе производства материальных условий своего существования люди вступают в специфические общественные отношения – производственные отношения.

Производственные отношения – общественные отношения между людьми, возникающие в процессе и по поводу производства их собственной материальной жизни. Содержание *производственных отношений* является объективным (не зависит от воли и сознания людей), поскольку определяется данным, наличным уровнем развития материальных условий производства, то есть уровнем развития *производительных сил* человеческого общества.

Производственные отношения людей носят материальный характер, но это особая, социальная материя, которую нельзя пощупать руками. Производственные отношения людей могут овещняться (т.е. выступать в форме вещей) – например, товарные отношения приобретают вещную форму, представляя как движение товаров и денег. Производственные отношения могут выступать как институты – сложившиеся на основе производственных отношений нормы и правила поведения, и обеспечивающие их организационные структуры. Производственные отношения могут закрепляться в нормах права и т.д. Однако сами производственные отношения так же вполне материальны, поскольку носят объективный, не зависящий от воли людей характер, будучи обусловлены материальными условиями производства.

Следовательно, каков характер производства, каков уровень производительных сил, при котором это производство совершается на данной исторической ступени его развития, таковы же и те производственные отношения, в которые вступают люди между собой. *Никогда не следует упускать из виду, что основным элементом производительных сил являются сами люди* (однако было бы грубейшей ошибкой сказать, что основной характеристикой человека является

его роль как элемента производительных сил)¹, и потому в определенном смысле можно даже сказать, что производительные силы вступают между собой в производственные отношения. Но даже люди, как элемент производительных сил, не могут выбирать уровень своего развития по собственному произволу, всякий раз будучи сами определены имеющимися налицо на данной исторической ступени материальными условиями производства.

Характер приобретенных обществом средств производства, совокупность трудовых умений и навыков людей, определяют собой, в конечном счете, и то, какие производственные отношения будут установлены между людьми. Охота и собирательство дают нам первобытную общину, плуг с железным лемехом и ручная прялка – античное или феодальное общество, а если дополнить их сеть оросительных каналов – азиатскую деспотию. Машинная техника порождает капиталистические производственные отношения.

Однако производственные отношения являются не просто слепком с производительных сил общества. Производственные отношения способны оказывать активное *обратное влияние* на развитие производительных сил. Более того, человек, поскольку он *не только* элемент производительных сил, может оказывать на производительные силы активное преобразующее воздействие – но только тогда, когда для этого созрели материальные предпосылки.

8.5. Противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

Способ производства

Зависимость производственных отношений от наличных производительных сил определяет *объективный, материальный характер производственных отношений*. Можно сформулировать эту зависимость даже как *закон соответствия характера производственных отношений уровню и характеру производительных сил*. Но эта зависимость (как и любой закон общественной жизни, выражающий лишь некоторый аспект сложных взаимосвязей явлений) является односторонней, в то время как связь между производительными силами и производственными отношениями не сводится к такой односторонней и однозначной зависимости.

---

¹ Сущность человека определяется многообразным взаимодействием (ансамблем) тех общественных отношений, в которые он включен во всех сферах человеческой жизни.

Сами производственные отношения, образуя необходимую социально-экономическую форму движения производительных сил (без которой производительные силы не могут функционировать и обеспечивать процесс общественного производства), активно влияют на их развитие, будучи в состоянии (в некоторых пределах, которые еще недостаточно точно изучены) опережать уровень развития производительных сил, или, напротив, отставать от него, ускорять, или, наоборот, замедлять экономический прогресс общества.

В Италии XIV века, на основе ручных орудий труда, могли зародиться капиталистические отношения, а в США в середине XIX века, в эпоху промышленного переворота, могло сохраняться рабство. Пример современной России показывает, что при одном и том же уровне развития производительных сил (то есть при том же наборе качеств работников и при той же технике) могут сложиться разные системы производственных отношений.

Противоречивое взаимодействие производительных сил и производственных отношений составляет главный источник развития общественного производства. Производительные силы, развиваясь, и переходя на качественно новую ступень, разрывают оболочку устаревших производственных отношений. Установленные в результате качественного скачка новые производственные отношения дают толчок дальнейшему прогрессу производительных сил.

Тем не менее, определенная устойчивая связь между производительными силами и производственными отношениями, хотя и не абсолютно жесткая, все же существует. Благодаря этой связи, производительные силы общества, находящиеся на некотором уровне развития, и функционирующие в рамках соответствующих им производственных отношений, образуют способ производства.

Способ производства – ступень развития общественного производства, в основе которой лежит противоречивое взаимодействие производительных сил исторически определенного уровня и характера, и соответствующей им системы производственных отношений.

Историческое развитие имеет в своей основе *революционную смену способов производства*, выступающую как форма разрешения противоречий между производительными силами и производственными отношениями. Таким образом, переход от одного способа производства к другому имеет форму социальной революции.

Социальная революция – *качественный скачок во всей системе общественных отношений* при переходе от одного способа производства к другому. Когда старые производственные отношения становятся препятствием на пути развития новых производительных сил, происходит социаль-

ная революция как преобразование экономического строя общества, приводящее к разрушению старых производственных отношений и замене их новыми производственными отношениями, создающими возможность для быстрого роста производительных сил общества.

На этой основе происходит и революционный переворот в общественной надстройке (обычно принимающий форму политической революции), позволяющий, за счет внеэкономического вмешательства в производственные отношения ускорить переход к новому способу производства.

Предпосылками социальной революции являются: рост производительных сил, вступающий в противоречие с прежними производственными отношениями, которые исчерпывают свои прогрессивные возможности; выход части производительных сил общества к качественно новому историческому уровню развития, формирование адекватных этому уровню новых производственных отношений, развитие тем самым зачатков нового способа производства в недрах старого и формирование на этой основе новых социальных групп и классов с новыми интересами. Активную роль в социальной революции играют именно те социальные группы и классы, которые по своему объективному положению связаны экономическими интересами с развитием нового способа производства.

При переходе от одного способа производства к другому исторически длительное время элементы старой и новой систем производственных отношений сосуществуют. В процессе своего возникновения новые производственные отношения появляются не сразу в целостном, готовом виде, существуя некоторое время как переходные производственные отношения, обремененные некоторыми элементами производственных отношений прежнего способа производства. Постепенно, в процессе приобретения новой системой производственных отношений своей целостности, вместе с развитием адекватных ей производительных сил, элементы старых производственных отношений преобразуются, служа своего рода «строительным материалом» для новой системы, и исчезают.

Производство как общественный процесс

Производство в человеческом обществе всегда приобретает определенную общественную форму и невозможно вне этой формы, вне определенных общественных связей людей. Сама эта социально-экономическая форма (производственные отношения), как уже было сказано, зависит от материальных условий производства (уровня развития производительных сил). Поэтому общественное производство выступает не только как производство продуктов труда, но и как производство самих общественных связей людей, самого челове-

ского общества (как с точки зрения вещественных, так и с точки зрения социальных условий его жизни) или общественно-определенного человека. Именно характер производства определяет, какие именно материальные условия жизни получит человек, и в какие именно общественные связи он вступит, каковы будут его ценности, мотивы и формы общественного поведения.

Таким образом, постоянное возобновление производственного процесса обеспечивает как само существование человека, так и постоянное возобновление и развитие общественных связей людей. Производство постоянно создает само человеческое общество.

8.6. Человек как личность и проблема отчуждения

Личность человека с марксистской точки зрения носит социальный характер. Марксизму чужд крайний индивидуализм, отрицающий всякое значение социальных связей, и приводящий, в конце концов, ко вполне серьезному отрицанию даже факта существования человеческого общества, признавая только существование абсолютно суверенных индивидов. Однако не стоит приписывать марксизму и ту точку зрения, что человек лишь слепок тех общественных отношений, которым он подчинен.

Да, для марксизма сущность человека есть ансамбль его общественных отношений. Но этот ансамбль формируется самим человеком. И от того, какие общественные связи человек образует, зависит и характер его личности. В то же время человек не всегда свободен в выборе своих общественных связей. И в этом смысле личность человека представляет собой фокус общественных противоречий – в каждой отдельной личности проявляется и свойство человека к свободным, самостоятельным действиям и поступкам, и подчинение человека общественной необходимости, определяемой, в конечном счете, материальными условиями существования и общественным строем на данной исторической ступени развития.

На разных исторических этапах развития человеческого общества различен уровень свободы личности человека. Это различие ярче всего проявляется в формировании, а затем и преодолении отношений отчуждения.

В первобытном обществе человек был ограничен скудными материальными условиями существования и естественно сложившимися родовыми связями. Тем не менее, в этих узких рамках довлевшей над ним естественной необходимости человек господствовал над своей деятельностью и ее результатами. Хотя человек был подчинен своим естественно сложившимся (родовым) общественным связям

до такой степени, что почти вообще не выделялся как личность среди своих сородичей, эти связи не выступали как нечто чуждое, противостоящее человеку, а выступали как средство сплочения первобытного коллектива.

В рамках экономической общественной формации подчинение человека задаче увеличения производства вещного богатства вело к образованию различных форм принуждения человека к труду. Вместе с этим происходило присвоение результатов труда одних людей другими, противопоставление человеку его собственного труда, как чуждого, совершающегося для другого. В результате образованные на этой основе – на основе принуждения к труду и присвоения чужого труда – собственные общественные связи людей выступали как чуждые им и даже враждебные. В конечном итоге эти связи не столько связывали людей, сколько противопоставляли их друг другу.

Таким образом, образовалось отчуждение труда, общественных отношений и людей друг от друга. Более того, подчинение человеческой деятельности производству вещного богатства, приобретение трудом свойств частного труда, подчинение человека слепой игре рыночных сил, определяющих цели результаты его деятельности за его спиной, вело и к отчуждению человека от самого себя, даже тогда, когда он работал на себя и не подвергался эксплуатации. (Более подробно отношения, ведущие к развитию явлений отчуждения, будут исследованы в главах 14–19). Тем не менее, в этих условиях, когда преодолевалась личная зависимость человека, и сохранялась лишь вещная зависимость, а вместе с этим укреплялись и производительные силы человеческого труда, становилась возможной и более широкая индивидуальная свобода, чем в естественно-сложившихся общностях первобытной эпохи.

Отчуждение труда, общественных отношений и людей друг от друга преодолевается вместе с освобождением человека от принудительной необходимости тратить основные силы на производство вещного богатства – как для себя, так и для других. Поскольку человек более не подчинен (по крайней мере, в основную часть своего времени) этой необходимости, он свободен в выборе своих общественных связей, что обеспечивает ему наилучшие условия для развития своих способностей. И в таких условиях человек сам свободно формирует свои общественные отношения, он, совместно с другими людьми, обеспечивает господство над процессом своей деятельности и над ее результатами. Эта свобода в формировании собственных общественных связей уже не противопоставляет одного человека другому, а является основой сотрудничества людей. Отчуждение человека от своих общественных отношений, от труда, человека от человека, уходит в прошлое.

8.7. Социально-экономические критерии марксистской периодизации исторического развития общества.

Общественные формации и способы производства

С социально-экономической точки зрения историческое развитие человечества делится на три больших общественных формации – архаическую, экономическую и коммунистическую. Эти общественные формации отличаются друг от друга господствующим типом общественной связи людей, который определяется господствующими производственными отношениями, а последние, в свою очередь, зависят, прежде всего, от состояния общественного производства.

Для архаической формации характерна высокая степень зависимости человека от природной среды, преобладание процессов приспособления к внешней среде обитания, даже подчинения ей, над процессами активного приспособления природы для собственных целей. Этому соответствует низкий уровень производительности общественного труда, едва достаточный для поддержания существования естественно сложившихся небольших человеческих коллективов (общин). Рост производительности труда происходит крайне медленно, он практически незаметен на протяжении жизни одного поколения.

Общественная связь людей здесь вырастает из их естественной (кровнородственной) связи, и покоится на личной зависимости людей друг от друга в совместной борьбе за выживание. Самовоспроизводство (поддержание жизни) общинных коллективов выступает в этот период главной целью производства. Производимых продуктов труда едва хватает для текущего потребления, производство сверх текущих потребностей (прибавочный продукт) отсутствует.

Для экономической общественной формации характерен возросший уровень производительности труда, позволяющий обеспечить производство прибавочного продукта. Этот фундаментальный факт ведет к возникновению эксплуатации человека человеком. Хотя самовоспроизводство общинных коллективов длительное время продолжает играть важную роль, наряду с ним развивается накопление вещного богатства, становящееся постепенно главной целью и критерием эффективности. Поначалу главной формой общественной связи здесь остается личная зависимость, но, в отличие от архаической формации, она направлена, прежде всего, на принуждение одних людей другими к прибавочному труду.

Стремление к накоплению вещного богатства определяет собой природу этой общественной формации как экономической, то есть нацеленной на увеличение вещных результатов производства с возможно меньшими хозяйственными затратами. Тем самым производственные отношения начинают с определенной степени развития экономической общественной формации определяться уже не личной, а вещной зависимостью людей друг от друга, то есть зависимостью, определяемой их ролью и местом в производстве вещей. Главной формой этой зависимости становится рынок. Такой характер производственных отношений приводит на поздней стадии экономической общественной формации к безудержному развитию производительных сил в погоне за накоплением вещного богатства.

Значительный рост производительных сил человека в рамках экономической общественной формации обеспечивает возможность существенного сокращения времени, затрачиваемого на производство средств существования, и, в тоже время, значительное расширение времени и средств, которые могут быть направлены на развитие самого человека, на всестороннее и гармоничное совершенствование его способностей. Если ранее развитие личности человека было невозможно обеспечить без эксплуатации одних людей другими, для того, чтобы сосредоточить в руках у части человечества материальные средства, необходимые для такого развития, то теперь, в итоге эволюции экономической общественной формации, это условие отпадает. Это открывает путь к следующей, коммунистической общественной формации, где человек, уже не связанный необходимостью большую часть времени тратить на добычу средств к существованию и на обеспечение накопления вещного богатства в руках других людей, будет свободно развивать собственную индивидуальность. Свободный союз людей, выступающих как независимые индивиды (свободная и равная ассоциация), становится здесь основной формой их общественной связи.

Последний тезис по видимости вступает в противоречие с материалистическим пониманием истории. Как человек может быть свободен в своих общественных связях, если они определяются состоянием производства и основанным на нем характером производственных отношений?

В том-то и дело, что развитие производства на этой ступени освобождает человека от борьбы за средства существования. Разумеется, производство средств существования сохраняется, но главной задачей теперь выступает гармоничное и всестороннее развитие личности человека при минимизации затрат времени на производство средств существования. Поэтому человек приобретает обширное свободное время, используемое как пространство для развития чело-

веческой личности. И именно такой характер общественного производства, где развитие личности человека является главной целью, занимая основное время активной деятельности, и определяет свободный характер образуемых людьми общественных связей. Именно свобода и равноправие людей в этой области обеспечивают наилучшим образом решение задачи свободного развития индивидуальности каждого человека.

Постольку, поскольку задача производства достаточных средств существования для всех людей будет решена, отпадает необходимость подчинения всей системы производственных отношений задаче наиболее эффективного накопления вещного богатства. Новая, коммунистическая общественная формация постольку перестает быть экономической формацией. Хотя задача экономии общественного труда не снимается, и даже приобретает более важное значение, она направлена уже не на рост производства вещей, а на расширение рамок свободного времени.

Можно сделать вывод, что главным критерием исторического прогресса при переходе от одной ступени развития к другой выступает возрастание степени свободы человека. Сначала человек во все большей степени преодолевает ограничения, накладываемые на него естественными условиями существования, а затем и ограничения, накладываемые на него общественными условиями его собственной жизни. Однако этот прогресс длительное время носит противоречивый характер, и прогресс в одних сферах жизни и деятельности человека покупается регрессом в других областях.

Для человеческой истории различных народов характерны такие явления, как: наличие попятных движений (инволюции), утрата достигнутого уровня производительных сил, недостаточность внутренних предпосылок для перехода на следующую ступень общественной эволюции. Поскольку различные общества развиваются неравномерно, в историческом развитии огромную роль играет взаимодействие обществ, находящихся на разных ступенях развития, что может для некоторых из них прерывать ход эволюции, определяемый внутренними причинами (например, в результате колониального завоевания). Нередко, напротив, переход на следующие ступени происходит под влиянием не столько внутренних источников развития, сколько внешних влияний, что накладывает специфический отпечаток на дальнейшее историческое развитие (примеры: «Революция Мэйдзи» в Японии в последней трети XIX века, российская революция первой трети XX века).

Такой сложный характер реальной истории дает основания для попыток выдвинуть на первое место среди факторов исторического развития народов так называемые цивилизационные особенности,

формируемые главным образом не в сфере общественного производства, а в сфере специфичных для данного этноса бытовых и моральных традиций, духовного склада, религии, особенностей государственного и правового режима и т.д. Эта концепция противостоит материалистическому толкованию истории, сводя последнюю к комбинациям чёрт «национального духа», обусловленным случайными или вообще непостижимыми для человеческого разума причинами. Тем самым история превращается в произвольный набор «цивилизаций», в возникновении и гибели которых нет никаких общих закономерностей, а есть каждый раз лишь конкретные обстоятельства. История, таким образом, перестает быть наукой.

Несомненно, то, что принято именовать цивилизационными особенностями, играет значительную роль в историческом развитии стран и народов, накладывая значительный отпечаток на своеобразные формы проявления и пути развития способов производства. Однако, для того, чтобы оставаться на позициях научного истолкования человеческой истории, мы должны обращаться к поиску закономерностей исторического развития, лежащим под пестрой поверхностью хаоса явлений, кажущихся случайными.

Цивилизационные особенности могут получить в рамках материалистического истолкования истории вполне рациональное объяснение. Это такие специфические черты исторического развития, которые вызваны длительным предшествующим историческим опытом, и коренятся в особенностях природной среды, наличных хозяйственных ресурсов и вытекающих из них особенностей хозяйственного быта (отраслевая структура, технологии, структура потребления и т.д.), экономической системы, традиций хозяйственного поведения, политического и правового устройства, социальной психологии, семейно-бытовых традиций, этнических особенностей культуры и много другого. Эти особенности далеко не всегда нивелируются характером данного способа производства, а могут закрепляться (главным образом в сфере духовной жизни общества – в хозяйственной и социальной психологии, традициях, верованиях, культурных стереотипах и т.д.) на протяжении больших исторических эпох, оказывая обратное модифицирующее воздействие на тот специфический облик, который в данном обществе примет тот или иной способ производства.

Поэтому нет оснований отказываться от периодизации, основанной на определении ступеней эволюции производительных сил и производственных отношений, и образуемых их взаимодействием способов производства (см. Табл. 1).

Таблица 1.
Принципы исторической периодизации
развития человеческого общества

Принцип деления	Исторические периоды				
	Уровень развития производительных сил.	Неметаллические ручные орудия труда	Металлические ручные орудия труда		Машинная техника
Главные сферы человеческой деятельности	Собирательство, охота, рыболовство	Скотоводство, земледелие, ремесло		Промышленность	Наука, культура, образование и воспитание
Способы производства	Первобытнообщинный	Античный	Феодалный	Капиталистический	Коммунистический
		Азиатский			
Основа общественной связи	Личная зависимость			Вещная зависимость	Свободная индивидуальность
Общественные формации	Архаическая	Экономическая			Коммунистическая
Отношение к эксплуатации	Доэксплуататорское общество	Эксплуататорское общество			Неэксплуататорское общество
Классовое деление	Доклассовое общество	Классовое общество			Бесклассовое общество
Отношение человека к своим общественным связям	«Царство необходимости» – человек подчинен тем общественным связям, которые образует				«Царство свободы» – человек свободно образует свои общественные связи
Наличие отчуждения	Человек не отчужден от своих общественных отношений	Человек отчужден от своих общественных отношений			Человек не отчужден от своих общественных отношений

В рамках классического марксизма традиционно выделялись следующие способы производства: первобытный, античный, азиатский, феодальный, капиталистический. Вопрос о том, можно ли говорить о социалистическом или коммунистическом способе производства, является предметом дискуссии. Во всяком случае, в классическом марксизме отсутствуют такие понятия как социалистический (или коммунистический) способ производства, которые широко использовались в советском «марксизме-ленинизме». Ленин, к слову сказать, также этих терминов не употреблял.

Дискуссионными являются и многие вопросы, связанные с азиатским способом производства и границей между азиатским и феодальными способами производства. Некоторыми исследователями выдвигались предположения о том, что К.Маркс к концу жизни отказался от концепции азиатского способа производства, однако, хотя некоторые основания для такого утверждения есть, эта гипотеза пока не имеет достаточно убедительных подтверждений. Другие исследователи предлагают собственное решение вопроса о характере способа производства в ряде ранних эксплуататорских обществ (кабальный способ производства и др.).

В идеологической доктрине "марксизма-ленинизма", сформировавшейся в СССР при Сталине, господствовало утверждение о жесткой механической последовательности способов производства во времени – так называемая "пятичленка". Согласно "пятичленке", в истории последовательно сменяли друг друга пять способов производства – первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и социалистический.

Этот подход грубым образом расходился как с классическим марксизмом, так и с историческими фактами. Помимо того, что Маркс никогда не говорил о "социалистическом" или "рабовладельческом" способе производства, для него также не существовало жесткой последовательности способов производства, которую должно было обязательно пройти в своем историческом развитии любое общество. Именно поэтому "марксизм-ленинизм" отрицал, например, существование азиатского способа производства, несмотря и на массу исторических фактов, и на высказывания Маркса по этому поводу. Для этой механистической прямолинейной доктрины было невозможно признание параллельного существования двух разных способов производства (античного и азиатского), ни один из которых исторически не следовал за другим.

Такая механистическая доктрина стремилась обходить «неудобные» факты, демонстрировавшие возможность существования своеобразного характера протекания исторических последовательностей способов производства во многих обществах, и, при всей ее «европоцентричности», игнорировала многие проблемы исторического развития не только неевропейских, но также и ряда европейских обществ.

Одной из причин резко отрицательного отношения сталинского «марксизма-ленинизма» к марксовой концепции азиатского способа производства было стремление представить историческое развитие России как почти типичный случай перехода от феодализма к капитализму, а от него – к социализму. Ведь сомнения в классически феодальном (или, уж тем более, вообще феодальном) характере докапиталистического общества в России ставили под сомнение утверждения о зрелости российского капитализма, а тем самым – и концепцию «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране» в российском исполнении.

Для К.Маркса было очевидным, повторю еще раз, что *не существует строго определенной последовательности способов производства, которую от начала и до конца должно пройти каждое общество*. Он вполне определенно заявил, что не создавал «теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются»¹. Именно потому, что в целом зависимость общественных отношений от характера производственных отношений и уровня развития производительных сил *касается любой общности людей*, историческое развитие идет по более сложным закономерностям, нежели линейное поступательное движение, происходящее одинаковым образом для любых обществ, несмотря на различие исторических предпосылок развития.

В письме в редакцию «Отечественных записок» и в письме Вере Зачулич К.Маркс разъяснял, что его теоретический анализ развития капитализма имеет отношение только к странам Западной Европы², – либо к любой другой стране, которая «имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы», а «очутившись в лоне капиталистического строя, она будет подчинена его неумолимым законам, как и прочие нечестивые народы»³.

Но если нация *еще не встала* на путь капиталистического развития? Является ли тогда этот путь для нее обязательным? К.Маркс пытался найти ответ и на этот вопрос, поставив его и сделав попытку его разрешения в первую очередь применительно к России последней трети XIX века. В общем, этот ответ сводился к следующему: если развитие частной собственности и рынка не успеют разложить архаические общинные структуры, то, в случае, если революция прервет движение России к капитализму, российское общество сможет усвоить достижения капиталистической эры, взяв общину как

¹ Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961, с. 120.

² Маркс К. Письмо В.И.Засулич. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961, с. 250.

³ Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961, с. 120.

исходный пункт для формирования системы коллективного производства, и не проходя для этого весь путь исторического развития капиталистического способа производства¹.

Мы видим здесь, по меньшей мере, две предпосылки для реализации такого своеобразного варианта развития. Первая – наличие возможности совершения революции, ориентированной на социализм; вторая – наличие возможности усвоить достижения капитализма. Однако возникает вопрос: а есть ли в России XIX века (или в любой другой стране, находящейся в аналогичном положении) достаточные *внутренние основания* для достижения этих двух предпосылок? Ответ будет категорическим: нет. Обе эти предпосылки могут быть *только заимствованы* (по крайней мере, если мы говорим о *достаточных предпосылках*) *из внешних, международных условий исторического развития*.

Следовательно, для такого развития событий должна существовать, прежде всего, готовность развитых стран капитализма к всемирной социалистической революции. При этом неважно, что именно явится исторически исходным пунктом такой революции – им может стать и революция в стране с архаическими общинными структурами. Главное в том, чтобы в обозримой исторической перспективе ход событий привел, в конечном счете, к развитию всемирной социалистической революции.

В реальности конца XIX века таких условий не существовало (хотя К.Маркс надеялся на их наличие). А когда российская революция позже все же вспыхнула, она не стала, вопреки ожиданиям, сигналом к мировой революции. Поэтому позиция Маркса в качестве конкретно-исторического прогноза не нашла подтверждения. Однако остается открытым вопрос: а не сможет ли этот прогноз реализоваться в иных условиях, когда окажутся действительно налицо те предпосылки, на которые надеялся Маркс?

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. На чем основан материалистический подход к общественным явлениям?
2. В чем заключается специфика человеческой деятельности?
3. Каковы источники развития производительных сил?
4. В какой мере производительные силы человека зависят от естественной природной среды?
5. В чем заключается объективный характер производственных отношений, и как они зависят от развития производительных сил?
6. На какой основе формируются исторические этапы развития человеческого общества и переходы от одного этапа к другому?
7. Каково соотношение формаций и способов производства?
8. В чем недостатки однонаправленно-линейной модели периодизации исторического процесса?
9. В чем заключается принципиальное различие марксистского формационного и цивилизационного подходов к периодизации человеческой истории? Имеются ли у них точки пересечения?

¹ См.: Маркс К. Наброски ответа на письмо В.И. Засулич. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961, с. 400-421.

Литература для самостоятельного изучения:*Работы классиков марксизма:*

- Маркс К. Капитал, т.1, Глава 5, §1. Процесс труда // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Введение. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. ч. 1.
- Маркс К. Наброски ответа на письмо Вере Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.

Известная работа Плеханова, содержащая систематическое изложение материалистического подхода к общественным процессам:

- Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1956.

В данной работе советского периода можно найти весьма неплохое изложение материалистического понимания истории:

- Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история (проблемы теории исторического процесса). М.: Политиздат, 1981.

Один из наиболее творческих представителей советского марксизма в области философии истории представляет свой взгляд на проблемы исторического материализма:

- Ю.И.Семенов. Секреты Клио. Сжатое введение в философию истории. — М.: Изд-во МФТИ, 1996. — 179 с.
- Ю.И.Семенов. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. — М.: «Современные тетради», 2003. — 776 с.

Работы по проблеме человеческой личности и отчуждения:

- Bertell Ollman. Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. Cambridge U.P., 1971; 2nd ed., 1976.
- <http://www.nyu.edu/projects/ollman/books/a.php>
- Эрих Фромм. Человек одинок. // «Иностранная литература», 1966, №1. http://scepsis.ru/library/id_898.html
- Эрих Фромм. Марксова концепция человека // Фромм Э. Душа человека. М.: «Республика», 1992. http://scepsis.ru/library/id_642.html
- Э. Фромм. Иметь или быть. Пер. с англ. Э. Телятниковой. — М.: АСТ: 2008.
- Э. Фромм. Бегство от свободы. Пер. с англ. А. Лактионова. — М.: АСТ: 2009.
- <http://lib.ru/PSIHO/FROMM/fromm02.txt>
- Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. М: ООО "Издательство АСТ", 2002. <http://enatramp.narod.ru/pervoistochnik.files/man.files/man0.html>
- Сэв, Люсьен. Марксизм и теория личности. М.: Прогресс. 1972.

Эта работа Лукача, посвященная в том числе и проблематике отчуждения, оказала влияние на все последующее развитие западного марксизма – как путем критики, так и путем развития содержащихся там идей:

- Георг Лукач. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Пер. с нем. Сергея Земляного. М.: Логос-Альтера, 2003.

Здесь проблемы отчуждения изложены Лукачем с несколько иных позиций, чем в его более ранней работе «История и классовое сознание»:

- Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены: Пер. с нем. Общ.ред. и вступ. ст. И.С.Нарского и М.А.Хевеши. Москва: Прогресс, 1991, 412 с.

Среди авторов этой книги можно увидеть известных представителей нынешнего правящего класса и идеологов правого либерализма. Однако в молодости они отдавали дань марксистскому методу. И вот парадокс: пока они придерживались марксизма, из-под их пера еще могли выходить небезынтересные в научном отношении работы.

- Я.И.Кузьминов, Э.С.Набиуплина, Вад.В.Радаев, Т.П.Субботина. Отчуждение труда: история и современность. М.: Экономика, 1989.

Известный венгерский философ представляет свой взгляд на значение философии Гегеля для формирования материалистического взгляда на историю:

- Лукач, Георг (Дьёрдь). Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987.

Небезынтересная работа другого венгерского философа, отличающаяся менее догматическим подходом к марксизму, чем большая часть работ советского периода:

- Текеи Ф. К теории общественных формаций. Проблема анализа общественных форм в теоретическом наследии К.Маркса. М.: Прогресс, 1975.

Последовательный защитник т.н. «пятичленки» пришел к отказу от старой схемы, и предложил восьмичленку, из которой устранил рабовладельческую формацию, но по-прежнему отстаивает линейно-стадиальную схему периодизации исторического процесса:

- Дьяконов, И. М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. 3-е изд. М.: КомКнига/URSS, 2010.

Работы советского историка с собственной трактовкой периодизации исторического процесса:

- Илюшечкин В. П. Теория стадийного развития общества: История и проблемы. М., 1996.

Известный медиевист представляет критический взгляд на формационную теорию, ее применение советскими историками, показывает трудности и неразрешенные проблемы, но в то же время фактически признает, что новой, более гибкой и совершенной концепции исторического процесса, решающей эти проблемы, мировая наука так еще и не выработала:

- Гуревич А. Философия и история. Теория формаций и реальность истории. Библиотека Гумер:
http://www.oumer.info/bogoslov_Buks/Philos/aurevich/fil_ist.php

Три работы, посвященные проблематике производительных сил:

- Шелике В.Ф. Методология определения К.Марксом И Ф.Энгельсом производительных сил в работе "Немецкая идеология" // К.Маркс и Ф.Энгельс о вопросах социальной диалектики (сборник научных трудов). КГУ, Фрунзе, 1983. http://www.wtschaelike.ru/?page_id=54
- Гринин, Леонид Ефимович Производительные силы и исторический процесс. 3-е изд. М.: КомКнига/URSS, 2006.
- Эйххорн В., Бауэр А., Кох Г. Диалектика производительных сил и производственных отношений. Пер. с нем. М., 1977.

Три работы, принадлежащие известным советским философам и представителю культурно-исторической школы в советской психологии, посвященные человеческой деятельности, роли практики в развитии человеческого сознания:

- Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. – М.: Наука, 1969. – С.73-144.
- Более ранний вариант этого же текста: Батищев Г.С. Общественно-историческая, деятельная сущность человека. // Вопросы философии, 1967, №3.
- 3.2. Опредемчивание-распредемчивание как механизм деятельности. // Деятельность как социальный феномен. Сайт Валентина Агеева <http://www.ageyev.kz/books/book-2/chapter-3/3.2.html>
- Выготский Л.С. Развитие высших нервных функций. М., 1990.

Это – одна из немногих работ, написанных в советское время, где производственная деятельность человека раскрывается с ее общественной, а не технико-организационной стороны:

- Производство как общественный процесс. М: Мысль, 1986.

Сравните содержание рекомендованных работ со статьей Сталина:

- О диалектическом и историческом материализме // Сталин И.В. Соч. Т. 14. <http://www.hrono.ru/libris/stalin/>

ГЛАВА 9

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

9.1. Экономический строй и общественный строй

Экономический строй общества, образующие его производственные отношения можно охарактеризовать как **экономический базис общества**. Это означает, что все остальные общественные отношения покоятся на этом базисе, т.е. определяются природой господствующей системы производственных отношений. Базис определяет характер политической и юридической надстройки. Надстроечный характер политики и права как раз и вытекает из того, что политические и юридические отношения *в конечном счете* определяются отношениями экономическими.

Следует особо обратить внимание на эти слова – *в конечном счете*. Частое забвение этих слов приводит к вульгарной интерпретации указанных закономерностей, именуемой «экономическим материализмом». Экономический материализм пытается вывести все социальные явления *непосредственно* из экономических отношений, игнорируя относительно самостоятельные закономерности, присущие сферам политики и права (как и всем другим сферам жизни общества), а также сложный, опосредованный многими промежуточными ступенями характер влияния экономического базиса на надстроечные явления.

«Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям – отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, – вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой данной специфической формы государства. Это не препятствует тому, что один и тот же экономический базис – один и тот же со стороны основных условий – благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т.д. – может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые можно понять лишь при

помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» – резюмирует Карл Маркс в III-м томе «Капитала»¹.

Кроме того, существует и *обратное влияние надстройки на базис*, которое не является определяющим, но, не меняя содержания производственных отношений, тем не менее, накладывает заметный отпечаток на формы протекания экономических процессов. Таков вообще принцип взаимодействия производственных отношений и всех других общественных отношений. Следует учесть, что в переходные эпохи, в периоды революционного преобразования способов производства, роль надстройки резко возрастает в силу того, что революция предполагает внеэкономическое вмешательство в производственные отношения. Отношения базиса и надстройки не перестраиваются, но надстроечные (политические, правовые и т.п.) процессы в значительной мере определяют ту форму, в которой складывается новый способ производства.

Сталинизированный марксизм-ленинизм пытался все общественные явления уложить в прокрустово ложе дихотомии «базис – надстройка», по принципу: все в обществе, что не базис, то – надстройка, и наоборот. Это приводило к схоластическим словопрениям, например, на тему: язык – это базисное или надстроечное явление? Полная безуспешность попыток отнести язык к базису либо к надстройке, привела к тому, что язык возвели в ранг третьей крупной социальной структуры: общество = базис + надстройка + язык. Точно так же невозможно уложить в дихотомию «базис – надстройка» такие явления, как производительные силы общества, культура и т.д. Дело в том, что и язык, и культура есть социальные явления, имеющие исторически более фундаментальное значение, чем меняющиеся общественные отношения по поводу производства. Хотя и язык, и культура эволюционируют под влиянием развития производительных сил и производственных отношений, для них характерны устойчивые структуры, выступающие элементами родовых характеристик человека, как общественного существа. Что же касается производительных сил, то это – социальное явление, не представляющее собой *общественного отношения*. Соотношение же «базис – надстройка» характеризует *только иерархию общественных отношений*, покоящихся на исторически определенных способах производства.

В системе общественных отношений, помимо производственных отношений, складывающихся в процессе производства *материальных условий* жизни человека, и определяющих, в конечном счете, характер всех остальных его общественных отношений, есть и отношения, складывающиеся по поводу *производства самого человека*. Эти отношения занимают весьма существенное место в структуре общества, также оказывая заметное влияние на другие общественные от-

¹ Маркс К. Капитал. Т. III. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II. С. 354

ношения. Наиболее известные отношения такого рода, это семья и брак. Возникновение и исторический характер семьи и брака зависят от наиболее фундаментальных оснований способа производства, от типа экономического строя общества, но и сами составляют одну из его важных характеристик. Ведь именно через семью в первую очередь осуществляется воспроизводство общественного человека (рождение детей и воспитание подрастающего поколения). Семья так же в значительной мере выступает каналом воспроизводства главной производительной силы общества – человека-работника.

9.2. Социальная структура общества.

Классы и классовая борьба

Характер производственных отношений и уровень развития производительных сил в рамках экономической общественной формации предопределяют раскол общества на большие социальные группы – классы – характеризующиеся различным положением в системе общественного производства. Согласно известному классическому определению В.И.Ленина, «классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может присваивать себе труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»¹.

Итак, существование классов и их положение в обществе определяются тем, что крупные группы людей объединены некими общими им социальными свойствами, отличающими их от других крупных групп людей. Эти группы характеризуются: 1) различным местом в системе общественного разделения труда; 2) различным местом в системе производственных отношений (в особенности их отношением к средствам производства и местом, занимаемым в системе эксплуатации); 3) различным местом в системе организации производства; 4) различиями в источниках, формах и размерах получаемого дохода. Пункты 3-4 так же в конечном счете определяются производственными отношениями. Все признаки носят исторический, меняющийся с развитием общества характер.

¹ Ленин В.И. Великий почин. // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч., т. 39. с.15.

Классы возникают с развитием подчинения человека общественному разделению труда, возникновением частной собственности и формированием отношений эксплуатации. Когда эти условия будут устранены, исчезнут и те различия между людьми, которые носят классовый характер.

Классовое деление может принимать различные формы – например, сословного или кастового деления общества (об этом подробнее будет сказано в последующих разделах). Помимо основного классового деления общества, его социальная структура характеризуется также делением общества и по другим признакам – социально-профессиональным, этническим, политическим, религиозным, языковым, половозрастным и т.д. Социальная общность и социальное противопоставление людей по этим признакам существенно усложняет характер взаимоотношений социально-классовых групп людей.

Классовая структура обществ, основанных на эксплуататорских способах производства, неизбежно связана с конфликтом экономических интересов различных классов (в первую очередь, с конфликтом эксплуататоров и эксплуатируемых), что является основанием для развития *классовой борьбы*.

Классовая борьба – действия представителей классов (и больших внутриклассовых или межклассовых социальных групп), направленные на представителей других классов, с целью изменения условий реализации классовых интересов, т.е. экономических, политических, правовых и т.п., условий существования борющихся классов, вплоть до борьбы за государственную власть и использование ее для подрыва условий существования противостоящих классов.

Классовое неравенство, формируясь в экономической сфере жизни общества, пронизывает собой и все остальные его сферы, образуя политическое и юридическое неравенство, неравенство в общественном сознании и т.д. Соответственно, борьба классов пронизывает собой все эти сферы. «...Всякая историческая борьба, – писал Ф.Энгельс, – совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области – в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена»¹.

---

¹ Энгельс Ф. Послесловие ко второму изданию «Капитала». // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1960, с. 259.

Основные формы классовой борьбы – экономическая, политическая, идейная¹. При примерном равновесии сил борющихся классов, или при наличии внешних угроз, общих для борющихся классов, классовая борьба может принимать форму классового компромисса или даже классового сотрудничества. Именная подобная ситуация находит отражение в современных доктринах «социального партнерства». Однако за таким партнерством все равно стоит непримиримое противоречие интересов.

Враждебные классы находятся в постоянном конфликте из-за своих экономических интересов. Эксплуатируемые классы стараются уменьшить тяжесть труда и увеличить размер получаемого дохода. Эксплуататоры стремятся усилить эксплуатацию трудящихся классов и увеличить свои доходы. Такая экономическая борьба является постоянным спутником обществ, характеризующихся классовым расщеплением, на всем протяжении их истории. Рабы и рабовладельцы, крепостные и феодалы, пролетарии и буржуа – все они во взаимной борьбе стремятся изменить условия производства и распределения в свою пользу. Помимо такой повседневной экономической борьбы, враждующие классы могут придти и к стремлению полностью изменить сами экономические условия, определяющие их классовое положение. Но это невозможно без политической борьбы.

Политическая борьба выступает как средство достижения целей, определяемых экономическими причинами. Политика поэтому, по известному выражению В.И.Ленина, выступает как концентрированное выражение экономики. Обладание политической властью делает возможным применение систематического принуждения против своих классовых противников, позволяет обратить против них правовые нормы. Только обладание политической властью дает возможность всерьез бороться за сохранение либо ниспровержение фундаментальных условий, определяющих данную классовую структуру общества.

Вся история представляет собой деятельность людей, наделенных волей и сознанием. Классовая борьба, как важнейшая составная часть исторического процесса, не исключение. Поэтому от состояния умов, от процессов, происходящих в общественном сознании, от борьбы идей зависит во многом исход политической борьбы. Идейные концепции, которые используются противостоящими классами для обоснования своей борьбы, приобретают в классовом обществе форму идеологии.

---

¹ Часто применяется термин «идеологическая», однако, как будет показано ниже, это термин имеет слишком узкое значение.

Идеология есть не просто отражение социальных, классовых интересов в духовной жизни общества, а выражение подчинения идейной сферы, духовного производства классовым интересам.

Идеология не обязательно выступает как «ложное сознание» (по выражению классиков марксизма). Если речь идет об идеологии классов, интересы которых в данных исторических условиях совпадают с объективным направлением исторического прогресса, то элементы «ложного сознания» (т.е. приспособления истины к классовым интересам) в их идеологии занимают подчиненное место.

Наконец, если речь идет о классовом сознании таких классов и социальных групп, собственные классовые интересы которых выходят за узко классовые пределы, нацеливаясь на ликвидацию классовых различий вообще, то в таком случае идеология вообще может освободиться от элементов «ложного сознания», и идейное движение таких классов принимает открытый и неискаженный привнесенными соображениями характер. Тем не менее, пока классовая борьба остается фактом, сохраняется опасность, что текущие интересы этой борьбы могут оказывать искажающее влияние на идейные позиции и самых исторически прогрессивных классов.

Наряду с классовыми интересами и ценностями в историческом развитии человеческого общества постепенно выработывались и *общечеловеческие* ценности, первоначально носившие ограниченную форму религиозных догм. Эти общечеловеческие ценности отражали факт наличия в человеческом обществе неких общих для всех условий, определявших саму возможность существования и выживания человеческого общества. Однако *эти ценности никогда не имели определяющего характера, всегда оказываясь подчиненными классовыми интересам*, причем не только в общественной практике, но и в идеологической сфере.

Общечеловеческие ценности могут приобрести существенное значение только тогда, когда в реальных общественных отношениях будет создана основа для существования и воспроизводства общечеловеческих, а не классовых интересов, как определяющих. Такое возможно в историческую эпоху, когда появится реальная основа для преодоления классовых различий, и идея борьбы за утверждение бесклассового общества приобретет господствующий характер.

9.3. Государство

(политическая и юридическая надстройка)

Главной формой организации общества и одновременно главным орудием классовой борьбы в обществах, расколотых на антаго-

нистические классы, является государство. Государство исторически сменяет общинное и племенное самоуправление (через промежуточную ступень военной демократии), отличаясь от него отделением власти от общества, созданием обособленного механизма осуществления власти независимо от массы членов общества. Такой характер устройства государства определяется его ролью как орудия власти господствующих классов.

Государство, однако, выступает не только как комитет по управлению делами господствующих классов, как орудие подавления эксплуатируемого большинства, но и как инструмент регулирования классовой борьбы (и вообще борьбы различных социально-экономических интересов), вводящий эту борьбу (в том числе и со стороны господствующего класса) в определенные рамки и препятствующий ей разрушить общество. Государство присваивает себе ряд необходимых общественных функций, проистекающих из необходимости поддерживать условия воспроизводства общества. Эти функции образуют круг т.н. правомерных функций государства.

Государство опирается на слой профессионального чиновничества, верхушка которого в своей эволюции (особенно с периода абсолютизма) все более приобретает черты бюрократии – устойчивого, относительно замкнутого профессионального слоя высших государственных служащих со своими особыми интересами, которые относительно обособляются не только от общества, но даже от интересов господствующего класса, которому служит эта бюрократия.

В государстве нормы поведения людей, ранее регулировавшиеся обычаями и традицией, приобретают форму норм права – таких норм, которые имеют по большей части формализованный (закрепленный в законах) характер и принудительно осуществляются аппаратом государства. Как государство есть орудие классового принуждения, так и право есть возведенная в закон воля господствующего класса.

В своем историческом развитии государство принимает различные формы, различающиеся способом формирования государственного аппарата. Две основные такие формы – монархия и республика. Монархия основана на единоличном (как правило, наследственном, реже – выборном) правлении. Республика основывается на различных формах участия граждан в формировании государственного аппарата. Республиканские формы правления могут колебаться от олигархических до демократических.

Помимо этих устойчивых форм правления, могут существовать исторически краткосрочные диктаторские режимы, признаками которых являются, во-первых, узурпации власти, т.е. захват и осуществление ее вопреки принятым нормам права или обычаям, и, во-

вторых, переход затем к республиканской или монархической форме правления с основанным на праве или обычае механизмом передачи власти.

Демократическая республика, формально предоставляя гражданам право на определение состава – обычно через процедуру выборов – некоторых (далеко не всех!) органов государственной власти, по существу остается инструментом власти господствующего общественного класса. Занимая в обществе доминирующее экономическое и социальное положение, этот класс способен использовать демократические процедуры для формирования послушного ему государственного аппарата. *Если же в силу остроты классовых противоречий демократические формы правления оборачиваются против интересов господствующего класса, он всегда склоняется к отходу от демократии.*

Отношения, возникающие по поводу государственной власти, называются политическими отношениями, а деятельность, связанная с борьбой за использование государственной власти – политикой. С самого возникновения государства его существование сопровождается политической борьбой. Для целей политической борьбы создаются массовые организации, называемые политическими партиями. Деление на политические партии вовсе не обязательно совпадает с классовым делением, хотя в основе политической борьбы и лежат классовые противоречия. Наличие внутриклассовых различий и противоречий может приводить к выделению одним классом нескольких политических партий. Степень осознания классами своих интересов и степень выражения этих интересов в партийных программах может быть различна. Разные классы могут иметь некоторые общие политические интересы. Поэтому политические партии могут иметь весьма пестрый классовый состав.

Государство, как общественный институт, развивается исторически. При этом формы государственного устройства, охарактеризованные выше, меняются в зависимости от изменений социально-экономических основ государственного строя. Поэтому типы государств различаются не только формами государственного строя, но и характером влияния социально-экономических процессов на государственный строй.

Так, позднее средневековье в Европе характеризуется переходом от династического государства к национальному государству. Первое основывалось на системе феодальных отношений сюзеренитета-вассалитета, в которой династические отношения монархов выступали как своеобразная форма отношений феодального сюзеренитета на самой вершине господствующей элиты. Экономической основой такого государства была система отношений феодального землевла-

дения, основанного на наследственных земельных пожалованиях и системе феодального иммунитета.

Вместе с формированием единого национального рынка, означавшего новый уровень экономических и социальных связей населения внутри границ государственных образований, происходило формирование нового уровня общности людей: наций и национального языка. Тем самым и государства приобретали характер национальных государств. Национализм (т.е. защита интересов национального государства) становится идеологией растущей буржуазии (как мелкой, так и крупной), заинтересованной в укреплении национального рынка и в его защите со стороны государственной власти.

Однако первоначально национальное государство, как и династическое, оставалось сословно-монархическим, что означало консервацию привилегий дворянской элиты и мешало последовательной реализации тенденций национального государства. Эта реализация становится возможной с буржуазными революциями, опрокидывающими сословно-монархические принципы. Недаром патриотизм был одним из знамен буржуазной революции.

Своеобразным промежуточным вариантом между династическим и национальным государством были имперские государства XVIII – начала XX веков (Австро-Венгерская, Российская, и отчасти Британская империи). В провинциях этих многонациональных империй происходило формирование национальных рынков, наций, а вместе с этим – и предпосылок национальных государств, что, в конце концов, привело к распаду этих империй. Если поначалу крупное имперское государство играло покровительственную роль по отношению к социально-экономическому развитию национальных провинций, то затем, когда провинции получили основания претендовать на большую самостоятельность, империя превращалась в тормоз этого развития и закономерно рушилась. Лишь Германская империя, сформировавшаяся, в силу затянувшейся феодальной раздробленности территории Германии, фактически только из германских провинций, избежала этой участи и трансформировалась в буржуазное национальное государство.

9.4. Соотношение классового и национального

Как было отмечено выше, нации, национальные государства, а вместе с этим – и национальные интересы, являются продуктом сравнительно позднего исторического развития. Самой первичной исторической общностью людей является род. Объединение нескольких родов дает племя. Возникновение у племен государствен-

ности становится основой формирования народностей. И лишь затем приходит черед наций...

Довольно сложным для марксизма – не в общетеоретической формулировке, а для определенных конкретно-исторических условий, – является решение вопроса о соотношении классового и национального.

Марксизм не отвергает защиту национальных интересов. Но не с позиций национализма, который прячет за якобы «общенациональным» интересом интересы господствующих классов, в лучшем случае выражающих прогрессивную тенденцию общественного развития (в период образования национальных государств, в ходе буржуазных революций и национально-освободительных движений). Защищая национальные интересы, социалисты прежде всего стремятся увидеть под именем «общенационального» конкретные позиции конкретных классов, что фактически означает, что у каждого класса есть свое видение «общенационального» интереса. И эти различные позиции нередко вступают в конфликт, обнажая фальшь тезиса о единстве нации.

Тем не менее, наличие наций и национальных государств в классовом обществе означает наличие конфликта национально-государственных интересов. И хотя такой конфликт может быть синонимом конфликта господствующих классов разных наций, вполне могут возникать такие ситуации, когда для трудящихся классов защита национальных интересов (хотя бы и формулируемых господствующими классами) совпадает с их собственными интересами. Однако ситуация может складываться и прямо противоположным образом, вынуждая трудящиеся классы выступать против «своего» национального государства. Но такое положение вещей возможно лишь как исключение – оно, как правило, возникает тогда, когда налицо революционная ситуация и трудящиеся классы готовы бросить вызов государственной власти.

Признавая процесс формирования национальных государств прогрессивным историческим явлением, марксисты в свое время выдвинули известный принцип признания «права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования собственного государства». Но было бы грубой ошибкой превращать этот лозунг в универсальную абстрактную истину.

Во-первых, *признание права на отделение не значит*, что марксисты являются *сторонниками* отделения. «В общем, мы против отделения» – подчеркивал В.И. Ленин, разъясняя свое понимание этого лозунга. Для марксистов союз пролетариев различных наций является предпочтительным, и лишь в случае, когда совместное бытие народов в одном государстве порождает столь глубокие межнацио-

нальные конфликты, что они разрушают единство пролетариев разных наций, отделение становится более приемлемым выходом.

Во-вторых, интересы классовой борьбы пролетариата и социалистической революции марксисты ставят выше национальных интересов. И если борьба за самоопределение какой-либо нации наносит ущерб делу социального освобождения, то с марксистской точки зрения национальная борьба в таком случае приобретает реакционное содержание.

Право наций на самоопределение не рассматривается социалистами как безоговорочная поддержка любого буржуазного или даже добуржуазного сепаратизма. Это право есть, с точки зрения марксистов, демократический путь разрешения национальных конфликтов в том случае, если две нации не могут ужиться в рамках одного государства. Этот лозунг не является, например, лекарством против трайбализма, ибо государственное обособление мелких племенных групп, во-первых, не устраняет конфликтов между ними, и, во-вторых, не обеспечивает формирования жизнеспособных государственных образований. Прекращение племенных конфликтов возможно, скорее, в рамках сильного крупного государства. Лозунг государственного отделения может быть эффективно применен только в отношении сформировавшихся или формирующихся наций.

Можно заметить в заключение, что сложность решения вопроса о соотношении классовых и национальных интересов заключается в том, что «национальные интересы» представляют собой сложный сплав различных культурных, классовых, политических, идеологических, конфессиональных, региональных и т.д., противоречий. Понять результирующий характер взаимодействия этих многообразных элементов, к тому же прихотливо преломляющихся в общественном и индивидуальном сознании, и соотносить его с классовыми интересами в данной, конкретно-исторической обстановке – естественно, крайне непростая задача. Однако сложность этой задачи – вовсе не повод отказываться от поиска каждый раз конкретного решения, соответствующего сложившейся исторической обстановке борьбы за социализм.

9.5. Общественное сознание

Общественное сознание не является лишь простой механической суммой индивидуальных сознаний. Во-первых, сознание человека не формируется изолированно от других людей, а только во взаимодействии с ними. Во-вторых, общественное сознание представляет собой продукт сложного взаимодействия индивидуальных

II4 сознаний, формируя различные надиндивидуальные формы общественного сознания, такие, например, как наука или религия. Один из наиболее наглядных примеров отличия общественного сознания от индивидуального – так называемый «эффект толпы». В толпе человек ведет себя иначе, чем предоставленный самому себе. Господствующее в толпе настроение способно быстро «заражать» всех составляющих ее людей, заставляя толпу действовать как единое целое, причем подчас общее настроение толпы может достигать таких крайних проявлений, до которых отдельный человек доходит чрезвычайно редко.

ЧАСТЬ II. ОСНОВЫ МАРКСИЗМА

Хотя в соотношении общественного бытия и общественного сознания определяющая роль принадлежит первому, это не превращает общественное сознание лишь в слепок с общественного бытия. Можно повторить, что люди творят свою историю, будучи наделены волей и сознанием. Именно поэтому люди не марионетки исторического рока, а сознательные субъекты исторического действия, хотя и ограниченные объективными историческими условиями. Поэтому от состояния их сознания, от того, каким именно образом в сознании исторических субъектов преломляется объективное содержание устройства общества, во многом зависит и то, какие формы приобретает естественно-исторический процесс. Более того, на определенных (особенно – переломных) этапах общественного развития состояние общественного сознания может сыграть ведущую роль в том, в какой форме будут реализованы объективные закономерности исторического развития (что, однако, не отменяет факта детерминированности общественного сознания условиями общественного бытия).

Сознание людей формируется в ходе их практической деятельности. Поэтому материальные условия производства и общественные отношения в производстве определяют и формирование общественного сознания. Таким образом, господствующие производственные отношения определяют и господствующее содержание духовного производства, производства общественного сознания. Соответственно, господствующие в данной системе производственных отношений общественные классы способны навязать свой образ мыслей всем остальным классам.

«...Тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств

для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу»¹.

В классовом обществе общественное сознание не сводится лишь к отражению общественного бытия, а выражает собой также и определенные классовые интересы, и особенности происходящей классовой борьбы (что, как уже было сказано выше, приобретает в общественном сознании форму идеологии). Во всех формах общественного сознания это находит свое проявление в виде *принципа партийности*: любая точка зрения, любая позиция в философии, в религии, в науке, в художественном творчестве оказывается прямо или косвенно связана с интересами того или иного класса, социальной группы, или политического течения.

Те, кто вырабатывает религиозные, художественные или научные идеи и концепции, – если они не выступают сознательно как идеологи общественных классов или партий – не обязательно сознают, что они служат интересам определенных классов. В их субъективном восприятии собственных идей эти идеи могут представляться как универсальные, надклассовые, общечеловеческие, «естественные» и т.д. Творец или выразитель таких идей может также представлять себе, что его идеи служат интересам совсем не тех классов или социальных групп, которым они служат в действительности. Но в любом случае продукты духовного производства – даже если они на первый взгляд социально нейтральны – служат интересам определенных классов, или, во всяком случае, приспособляются идеологами этих классов для обслуживания их специфических интересов.

Так же, как и способы производства материальной жизни, способы духовного производства претерпевают историческую эволюцию. Вместе с ними эволюционируют и те способы, каким идеи господствующих классов навязываются всем остальным, как господствующие в идейной жизни общества. Так, например, крестьянин в раннем средневековье вообще не имел иных источников духовной жизни, кроме тех, которые ему предоставлял местный священник, а также сеньор и его управляющий. Лишь изредка эта монополия слегка разбавлялась приезжими торговцами, бродячими жонглерами и сказителями, странствующими нищими и бродягами.

Капитализм и промышленная революция привели с собой широкое распространение грамотности, бурный рост средств массовой информации. Получила широкое развитие наука, и период Просвещения означал глубокий переворот в формах духовного бытия людей. Во многом ослабло влияние религиозных форм сознания, и в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955, с. 45-46.

еще большей мере – влияние господствующей церкви. Теперь идеи господствующего класса в большей мере навязывались не через церковь, не через безграмотность, темноту и невежество народных масс, а через государственный контроль над школьным образованием, через концентрацию производства книжной и газетно-журнальной продукции в руках представителей имущих классов, через цензуру. Доступ к высшему образованию для представителей эксплуатируемого большинства был серьезно затруднен низким уровнем доходов его представителей. Поэтому и формирование слоя лиц, специализирующихся на духовном производстве, происходило в основном из представителей имущих классов, или социальных слоев, тесно связанных с ними образом жизни и материальными интересами.

Современное развитие информатики и телекоммуникаций расширяет возможности доступа населения к информации, но одновременно увеличивает и возможности идеологического манипулирования. Те средства массовой информации, которые имеют наибольшую аудиторию (телевидение, новостные агентства, многотиражные газеты), контролируются либо государством, либо представителями крупного капитала. Огромное воздействие на формирование стереотипов массового сознания имеет коммерческая реклама, которая не только навязывает модели потребления, но одновременно с этим подспудно формирует и модель образа жизни. Не меньшую роль в формировании модели поведения, выгодной господствующим классам, играет продукция т.н. массовой культуры, ориентированной в основном на воздействие через наиболее примитивные инстинкты и эмоции. Современный человек подвержен воздействию средств массовой информации значительную часть своего времени, что повышает эффективность идеологического манипулирования. Чтобы поддерживать эту эффективность на высоком уровне, создаются специализированные институты, нацеленные на идеологическую обработку населения.

Несмотря на все усилия со стороны господствующего класса, идеологическое манипулирование все же не достигает уровня установления полной монополии идеологии господствующих классов в общественном сознании. Противоположность классовых интересов и связанная с этим классовая борьба неизбежно вызывают и идейную борьбу. В условиях обострения социально-экономических и классовых противоречий идеи, направленные против господства эксплуататорских классов, могут получить широкое распространение, формируя тем самым духовные предпосылки для социальной революции.

9.6. Религия

Сознание человека, как общественное, так и индивидуальное, на ранних ступенях развития общества практически полностью, а в значительной мере так же в новое и новейшее время, имеет религиозные формы. Религия выступила первой формой теоретического объяснения окружающего мира. Религиозное сознание отражало, во-первых, низкий уровень развития производительных сил человеческого общества, что определяло высокий уровень зависимости человека от окружающей природы. Во-вторых, оно отражало зависимость человека от объективно складывающихся, неподвластных человеку общественных отношений. В-третьих, оно отражало низкий уровень познания человеком природы и общества.

Первоначально эта слабость человека нашла отражение в развитии магических практик – попыток закрепить позитивные результаты той или иной деятельности путем тщательного повторения всех, в том числе и случайных действий и обстоятельств, сопутствующих получению позитивного результата. Неспособность отчлнить случайное от закономерного приводила к закреплению в магических ритуалах множества совершенно ненужных, бессмысленных действий. Но, поскольку эти ненужные действия сочетались с закреплением и рациональных, оправданных приемов, создавалась иллюзия ответственности бессмысленных, случайно закрепленных шагов конечному результату. Поскольку подобные магические действия не всегда приводили (да и не могли всегда приводить) к нужным результатам, первобытное мышление пришло к выводу, что достижение этих результатов зависит от каких-то неуловимых, потусторонних сил. В магические практики стали добавляться обряды, призванные задобрить эти потусторонние силы... Все эти факторы в совокупности и привели в конечном счете к созданию концепции, объясняющей окружающий мир через наличие в нем всемогущих непознаваемых сущностей (божеств), определяющих все происходящее в мире и само его существование.

Религиозные формы мышления, в том числе и такие развитые, как теология и религиозная философия (опирающаяся на идеалистические философские системы), обращаются за объяснением мира в конечном счете к трансцендентному, то есть лежащему по ту сторону нашего мира, вне чувственно воспринимаемых фактов. Познание этого трансцендентного невозможно ни путем опыта, ни путем размышления. Постигание трансцендентного по природе своей возможно лишь путем трансцендентального знания, – априорного, немупостигаемого, врожденного и т.д. Религиозное мышление утвер-

ждает господство иррационального над рациональным (от латинского *ratio* – разум), поскольку заранее отказывает рациональному в способности достичь понимания трансцендентного, а само трансцендентное неизбежно обретает с религиозной точки зрения иррациональную природу, ибо неподвластно усилиям человеческого разума и необъяснимо с позиций человеческого ума, а потому может быть постигнуто только и исключительно верой.

Нерелигиозное сознание не отвергает иррационального, но трактует его как лишь временно не поддающееся рациональному объяснению, непознанное. Не отвергается рациональным сознанием и существование не только непознанного, но и непознаваемого. Хотя материалистическое мировоззрение исходит из принципиальной познаваемости мира, весьма многое при данных исторических условиях остается для нас практически непознаваемым – в силу того, что наши материальные и духовные средства познания исторически ограничены. Однако нерелигиозное сознание на этом основании не вводит дополнительных трансцендентных сущностей (ибо как можно ввести в сферу человеческого мышления то, о чем априори ничего не известно?), и уж тем более не навязывает этим трансцендентным сущностям статуса божественного, дополняемого к тому же неизвестно откуда взятыми догматами, канонами, ритуалами и обрядами, обслуживаемыми армией самозванных посредников между людьми и богами. Поэтому атеизм не есть вера в отсутствие бога (богов) – атеизм вообще не основывается на вере. Он отвергает обращение к божественным сущностям как необоснованное, не имеющее жизненных оснований.

Система оформленных религиозных догматов выступает в виде конкретной религии. Религиям соответствует существование церкви, как социального института, берущего на себя функцию поддержки и распространения той или иной конкретной религии. Религии и церкви значительно расширяют сферу иррационального, дополняя концепцию определяющего значения трансцендентных сущностей понятием бога (богов), – конкретного воплощения трансцендентного, а также множеством догматов и ритуалов, исторически унаследованных еще от древних магических практик и обрядов задабривания потусторонних сил. Кроме того, церковь, как социальный институт, включает в себя священнослужителей – лиц, которые притязают на право посредничества между людьми и богом (богами), на право толкования божественной воли и т.д.

С развитием производительных сил и научного познания мира роль религии постепенно снижалась, она оттеснялась рациональными представлениями о мире. Однако до сих пор остаются серьезные

объективные основания для существования религиозных представлений.

Как бы ни был сейчас высок уровень развития производительных сил, человек по-прежнему во многом зависит от природы. Он не может управлять климатом и погодой, незащищен перед многими стихийными явлениями (землетрясениями, цунами, засухами, наводнениями...), он не в состоянии эффективно бороться со многими заболеваниями. Само существование человека конечно и он бессилен перед лицом неизбежной смерти.

Несмотря на огромный прогресс в научном познании мира, человек по-прежнему сталкивается с обширным кругом явлений, еще не познанных и необъяснимых при данном уровне развития науки.

Наконец – и это самое главное – общественные отношения людей по-прежнему выступают для них как нечто чуждое, неподвластное их воле. Зависимость человека от стихийного развития экономических процессов, от закулисных политических игр, внезапно обрушивающихся кризисов, войн и т.д. вызывает у него чувство подчиненности неизвестным, непонятым и неконтролируемым факторам, играющим человеческими судьбами. «...То обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой себя и переносит себя в облака как некое самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы» – подчеркивал К.Маркс¹.

Господство результатов человеческой деятельности – как продуктов труда, как и создаваемых в процессе деятельности общественных отношений – над самим человеком, противопоставление их человеку как нечто чуждое выступает как материальная основа и для отчужденного религиозного сознания. «Это совершенно то же самое отношение в материальном производстве, в действительном процессе общественной жизни – ибо как раз этим является процесс производства, какое в идеологической области представляется в религии, превращение субъекта в объект и наоборот. Рассматриваемое исторически, это превращение является необходимым этапом для того, чтобы добиться за счет большинства создания богатства как такового, т.е. создания неограниченных (rücksichtslosen) производительных сил общественного труда, которые только и могут образовать материальный базис свободного человеческого общества. Необходимо было пройти через эту антагонистическую форму совершенно так же, как человек должен первоначально в религиозной форме проти-

¹ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.3. М.: Госполитиздат, 1955, С.2.

вопоставлять себе свои духовные силы как независимые силы. Это – процесс отчуждения его собственного труда»¹.

В таких исторических условиях неизбежно возникновение настроений и представлений, сводящих всё непознанное, непонятное и неподвластное человеку к действиям потусторонних сил. Человек страшится неизведанного и неподвластного ему, и в нем же ищет надежду на избавление от разного рода напастей, которым он не в силах противостоять – раз такого избавления не приносят ему рациональные действия и рациональное мышление.

"Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа"², – писал молодой К.Маркс во введении "К критике Гегелевской философии права".

Для значительной части населения уже давно понятна бессмысленность, надуманность церковной организации, церковных ритуалов и догматов. Но даже многие из тех, кто вполне понимает это, все равно продолжают испытывать безотчетные страхи перед враждебными проявлениями окружающего мира и надежду на избавление от них при помощи неведомых сил. Отсюда идет широкое распространение (особенно в периоды социальных кризисов и бедствий) разного рода суеверий, популярность колдунов, магов, экстрасенсов и т.д. Этими настроениями активно пользуются господствующие классы, продолжая поддерживать как церковь, так и популярность различных суеверий для облегчения манипулирования сознанием масс.

Сказанное выше не означает, что социалисты должны видеть в религии и в церкви *только* инструменты идеологической борьбы реакционных классов. Нам необходимо понимать объективную обусловленность религиозных воззрений, и учитывать ту функцию психологической компенсации (утешения, надежды), которую несет религия для людей, по тем или иным причинам сталкивающихся с проблемами, превосходящими их силы, знания, или волю. И в тоже время ни в коем случае не следует отказываться от борьбы против использования религии как средства идеологического манипулирования и одурманивания масс.

Поэтому социалисты поддерживают идейную традицию свободы мысли и сами придерживаются атеистического мировоззрения. Социалисты выступают против поддержки религиозной идеологии государственным аппаратом и настаивают на демократическом

---

¹ Маркс К. [Капитал. Книга первая] Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства (рукопись 1863–1864 гг.) // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.49. М.: ИПЛ, 1974, С.47.

² Маркс К. К критике Гегелевской философии права // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.1. М.: Госполитиздат, 1955. С.415.

принципе отделения церкви от государства и школы от церкви, с тем, чтобы не превращать эти институты в инструменты поддержки церкви и не провоцировать конфликты вокруг религиозных воззрений. Этому соответствует принцип свободы совести, согласно которому отношение к религии есть частное дело каждого человека.

Критическое отношение социалистов к религии, основываясь на их понимании действительных причин формирования религиозного сознания, исключает использование в идейной борьбе с религией каких бы то ни было форм принуждения, пренебрежительного или, тем более, оскорбительного отношения к верующим.

9.7. Мораль

Классический марксизм исходит из того, что не существует вечной и неизменной морали. Нравственные нормы эволюционируют вместе с развитием человеческого общества, и, в конечном счете, определяются развитием наиболее фундаментальных общественных структур – системы производственных отношений и социально-классового устройства общества, общего уровня культуры. На развитие морали влияют также господствующие формы семьи, государственный строй, правовые нормы и состояние общественного сознания – развитие философских, научных и религиозных воззрений.

Разумеется, существуют некоторые нормы морали, которые присущи в той или иной мере любому обществу, – просто потому, что соблюдение таких норм представляет собой необходимое условие устойчивости любого общества, а то и самого его существования. Это нормы, вытекающие из общих родовых характеристик человека как общественного существа. Таковы, например, нормы, предписывающие воздерживаться от конфликтов, от насилия и убийства. Но даже эти нормы не носят абсолютного и неизменного характера.

Прежде всего, их неабсолютный характер определяется глубоко укоренившейся в критериях моральной оценки оппозицией «мы – они». То, что считается безнравственным внутри данной общности людей, может рассматриваться вполне похвальным за ее пределами, и наоборот. Нельзя убивать «своих», но убийство «чужака» может не только приветствоваться, а даже, при определенных условиях, рассматриваться как обязательное. Нравственно помогать «своим», но тратить средства на помощь «чужакам» – аморально.

Наличие этой оппозиции («мы – они») проследживается с самой глубокой древности до настоящего времени, но трактовка ее эволюционирует. Сначала «своим» считался только замкнутый мирок общины, а вокруг был лишь враждебный мир. Затем постепенно на со-

седние общины стала распространяться некоторая часть моральных норм, принятых среди «своих», что стало одной из предпосылок объединения их в племя. Затем общность «своих» расширяется до народности и целого государства. Но не полностью – остаются микро-социальные общности – например, семья, – мораль внутри которой отличается от применяемой в более широком мире, хотя бы и «своём».

Отчуждение людей по признаку подданства, этнической принадлежности, места происхождения, религиозных убеждений и т.д., приводит и к соответствующему дроблению моральных норм на принятые среди «своих» и относящиеся к «чужим». Общее направление эволюции морали состоит в постепенном распространении на «чужих» ряда моральных норм, относящихся к «своим». Однако такое распространение далеко не безусловно. Например, преступление, совершенное против иностранца, считается столь же безнравственным, как и преступление против своих сограждан. Но вот убийство иностранца из враждебной державы на войне безнравственным уже не считается.

Поэтому до сих пор формирования единой общечеловеческой морали не произошло. И пока общество разделено государственными, религиозными, этническими, классовыми и прочими перегородками, связанными с конфликтом реальных социально-экономических интересов, общечеловеческая мораль и не может сложиться. Модные в конце 80-х гг. XX века рассуждения об «общечеловеческих ценностях» оказались лишь средством идеологического манипулирования, нацеленным на то, чтобы сдвинуть баланс реальных социально-экономических и военно-политических интересов не в пользу СССР, а затем и России.

Тем не менее, для научного социализма и для коммунистического движения моральный релятивизм – т.е. признание моральным того, что отвечает интересам только «своих», – имеет свои пределы. Поскольку коммунистическое движение направлено на формирование таких общественных условий, когда станет возможным возникновение подлинно общечеловеческой морали, постольку и наша нынешняя моральная самооценка должна учитывать эту направленность коммунистического движения.

9.8. Несколько слов о том, как не надо применять марксистский метод изучения общественных явлений

Очень часто приходится сталкиваться с тем, что люди, считающие себя марксистами, совершенно по-варварски обращаются с марксистским пониманием роли классовой борьбы в обществе и с классовым подходом к изучению общественных явлений. Для них классовый подход выступает своего рода универсальной отмычкой для решения любых проблем. Также в качестве подобной же универсальной отмычки частенько пытаются использовать социалистическую революцию. При этом игнорируются важнейшие черты марксистского метода, — например, положение о том, что истина всегда конкретна, а абстрактной истины не существует. Такой подход требует, чтобы любая проблема рассматривалась только в ее конкретно-исторической специфике и обязательно в связи с теми конкретно-историческими условиями, в которых данная проблема возникла и существует. Наличие же «универсальных рецептов» противоречит всему духу марксизма.

Одним из примеров попыток применить учение о классовой борьбе как универсальную отмычку, являются предложения некоторых групп, считающих себя очень революционными, по решению проблемы русско-чеченского конфликта. На их взгляд решение принципиально просто: нужно лишь обеспечить пролетарскую классовую солидарность рабочего класса обоих народов — и основа для конфликта будет устранена.

Авторы такого рецепта не потрудились задать себе простейшие вопросы: видели ли они в последние годы хоть один пример проявления классовой солидарности русским рабочим классом? Не отдельными его небольшими организованными группами, а именно большинством, или хотя бы даже значительным меньшинством всего этого класса? Знают ли авторы этого рецепта, что сам процесс классового образования современного капиталистического класса свободных наемных работников в России еще не завершён?

Наконец, где они видели сформировавшийся чеченский рабочий класс? Тот факт, что значительное число чеченцев работает по найму, еще не делает их классом. Пока для этих людей сеть семейных, родовых (тейповых), мафиозных, этнических связей значит на практике гораздо больше, чем их общие интересы как наемных работников. И связано это не только с отсталостью сознания, но и с объективными условиями их существования, которое прямо зависит от этой сети связей.

Уповать в таких условиях на классовую солидарность – это хуже, чем утопия. Это непроходимая глупость, не имеющая, разумеется, ничего общего с марксизмом. Работать на пробуждение классового самосознания как русских, так и чеченских рабочих, безусловно, необходимо. Безусловно, необходимо противопоставлять общность интересов простых людей своекорыстию буржуазии и пережиткам до-буржуазных отношений, настойчиво добиваясь самых малейших шагов прогресса в направлении достижения взаимопонимания представителей эксплуатируемого большинства. Стратегически – это единственно верный путь. Но вряд ли стоит надеяться, что волшебные слова «классовая солидарность» смогут немедленно сыграть роль палочки-выручалочки.

Аналогичный подход можно увидеть и со стороны даже ряда вполне уважаемых в международном левом сообществе политических организаций, когда предлагается путь разрешения израильско-палестинского конфликта на той же основе классовой солидарности трудящихся обеих наций.

Между тем, не принимается во внимание, что Израиль – национальное государство, борющееся за свое утверждение и существование. Палестинцы, в свою очередь, борются за образование своего национального государства на той же территории. В таких условиях национально-государственные противоречия всегда выступают на передний план. Или, если говорить точнее, на первый план выступают интересы национальной буржуазии в оболочке общенациональных интересов.

Классовая солидарность израильских и палестинских трудящихся в такой исторической обстановке *может* стать действенным средством разрешения конфликта *только при одном условии*: если рабочие обеих наций готовы выступить против собственной буржуазии, отстранить ее от политической власти, и взять урегулирование конфликта в собственные руки. И даже при этом гипотетическом условии уходящие вглубь истории культурно-исторические корни этого конфликта крайне осложнят достижение любого компромисса. Однако совершенно очевидно, что путь к этому результату – крайне неблизкий, что в обозримой перспективе никаких конкретных предпосылок для такого развития событий нет.

Нередко подобного рода «универсальные рецепты» дополняются еще одним – идеей, что любые существующие проблемы могут быть решены одним-единственным способом – социалистической революцией. Безусловно, такая точка зрения отталкивается от верного в принципе тезиса, что революционное решение проблем – наиболее последовательное. Понятно, что марксисты должны стремиться именно к такому решению. Однако предлагать социалистическую

революцию как инструмент решения проблем всегда и при любых условиях – это полный разрыв с марксизмом.

Революция не происходит по заказу или по желанию. Для нее должны сложиться как объективные, так и субъективные предпосылки, результирующиеся в понятии «революционная ситуация». Выставлять же требование совершения социалистической революции как *расхожий лозунг на все случаи жизни*, вне зависимости от наличных предпосылок – значит, заниматься вредным и опасным самообманом. Как будто возможность революции зависит только от подготовленности революционного авангарда к решительным действиям!

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Каков характер прямого и обратного взаимного влияния экономического строя общества и его общественного строя?
2. По каким основаниям общество делится на различные классы?
3. Почему раскол общества на классы приводит к возникновению государства?
4. Каково соотношение классовых и так называемых правомерных функций государства?
5. Как формируется общественное сознание в классовом обществе?
6. В чем заключаются объективные корни существования религии?
7. Почему марксизм отрицательно относится к религии?
8. В чем заключается историческая определенность морали?
9. Каково соотношение классовой и общечеловеческой морали?
10. На какие факторы следует обращать внимание при конкретно-историческом решении вопроса о соотношении классового и национально-го?

Литература для самостоятельного изучения:

Работы классиков марксизма:

- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3.
- Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.3.
- Маркс К. К критике Гегелевской философии права // К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения, т.1.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Отдел первый. Главы IX–XI // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.
- Энгельс Ф. Бруно Бауэр и первоначальное христианство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.
- Энгельс Ф. Введение к английскому изданию "Развития социализма от утопии к науке" // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22.
- Энгельс Ф. К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22.

Накануне и в начале 1-й мировой войны Ленин написал две крупные работы специально по национальному вопросу:

- Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 24.
- Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 25.

Две работы известного советского философа, в особенности интересные раскрытием роли культуры в историческом бытии человека:

- Межуев В.М. Культура и история. М.: 1977.
- Межуев В.М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М.: Культурная революция, 2007.

Другая марксистская интерпретация роли культуры:

- Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М.: Наука, 1980.

О возможностях господствующих классов манипулировать сознанием масс:

- Лимнатис Н. Манипулирование: сущность, проявления, пути снятия. М.: Экономическая демократия, 2000.

Работа Троцкого, где разъясняется классовая природа морали и раскрывается диалектика моральной оценки политических целей и средств:

- Троцкий Л.Д. Их мораль и наша.
<http://revkom.com/biblioteka/marxism/trotsky/moral1.htm>

ЧАСТЬ III

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА. ДОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПРОИЗВОДСТВА

ГЛАВА 10

АРХАИЧЕСКАЯ (ПРЕДЭКОНОМИЧЕСКАЯ) ФОРМАЦИЯ.

ПЕРВОБЫТНЫЙ СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА

Архаическая формация обнимает собой один способ производства – первобытнообщинный. Следует особо подчеркнуть, что свойства данной исторической ступени как определенного способа производства сами еще только складываются в эту историческую эпоху. Это – только еще становящийся способ производства. Для архаической формации характерна незавершенность процесса возникновения ряда общественных отношений людей, нерасчлененность (синкретизм) некоторых из них, сохранение значительной (а подчас и определяющей) зависимости развития человеческого общества не от общественных, а от природных факторов. Лишь постепенно в течение этой формации создаются предпосылки приобретения собственно экономическими отношениями своего определяющего общест-

венное развитие характера. Поэтому данная формация может именоваться также **предэкономической**.

Таким образом, архаическая формация есть историческая эпоха становления человеческого общества как такового, и для нее присуща незавершенность становления или непроявленность многих законов общественного развития, свойственных более зрелым стадиям.

10.1. Возникновение человека и человеческого общества

Вопрос о происхождении человека до сих пор остается еще недостаточно ясным. Понятно, что с биологической точки зрения современный человек представляет собой животное, и включается в классификацию животного мира: класс млекопитающих, отряд приматов, семейство гоминид (*Hominini*), род человек (*Homo*), вид человек разумный (*Homo sapiens sapiens*). Понятно также, что человек качественно отделяется от животных трудовой деятельностью, речью, мышлением и наличием общества. Но вот как именно произошло выделение человека из животного мира – здесь вопросов больше, чем ответов.

Я не беру на себя смелость давать развернутую оценку существующим гипотезам, предлагающим концепции и описания процесса возникновения человека. Однако с методологической точки зрения я вполне определенно могу присоединиться к Б.Ф.Поршневу, который критически оценивал все существующие концепции, поскольку они не давали ответа на те вопросы, на которые именно и нужно было дать ответ с точки зрения марксистского метода. Б.Ф. Поршневу было совершенно прав в том отношении, что:

- не существует прямого эволюционного перехода от орудийной деятельности животных к трудовой деятельности человека;
- не существует прямого эволюционного перехода от дистантных звуковых сигналов животных к человеческой речи;
- не существует прямого эволюционного перехода от сложной условнорефлекторной активности животных к человеческому мышлению.

Следовательно, необходимо выяснить, как произошел качественный скачок от одного состояния к другому. Поршневу было прав еще и в том, что и сам качественный скачок совершался не как непосредственный переход от одного к другому – он должен был проходить исторически через некие опосредующие звенья, которые современным человеком уже не воспроизводятся (или воспроизводятся в латентной форме).

Хотя уже накоплен обширный археологический и палеоантропологический материал (впрочем, все же остающийся весьма отрывочным), он в основном использован для реконструкции развития человека с ее биологической стороны или со стороны эволюции археологической культуры. Но, например, до сих пор не дано никакого внятного объяснения тому факту, что с определенного момента технологическая эволюция человека начинает резко обгонять его биологическую эволюцию.

Пока ни одна из существующих гипотез выделения человека из мира животных не отвечает указанным выше методологическим требованиям в полной мере (хотя некоторые частичные решения уже предложены – например, Ю.И.Семеновым и тем же Б.Ф.Поршневым, хотя в целом концепция последнего выглядит надуманной и умозрительной). Наукой достаточно хорошо показано, что для перехода к общественным отношениям сначала должны были сложиться биологические предпосылки в морфологии и этологии предков человека (прямохождение, делающее возможным развитую орудийную деятельность, и на основе этой последней – эволюция руки и мозга; снижение уровня конфликтности внутри стада и развитие внутригруппового альтруизма). Развитие этих предпосылок зависело так же от такого фактора, как эволюция окружающей природной среды¹. Но конкретный механизм качественного скачка к общественным отношениям, производству, речи и мышлению все же остается пока не проясненным.

Известный взгляд Энгельса на роль труда в происхождении человека хорошо объясняет особенности факторов становления первобытного человека по сравнению с животными, но не объясняет механизм самого качественного скачка, который приводит к возникновению труда и переходу от эволюции животных к развитию человека на основе трудовой деятельности.

В современной науке заметен сильный уклон к теоретическому описанию возникновения человека почти без привлечения научного аппарата гуманитарных наук, а лишь на основе данных естественных наук. В особенности широкую популярность сейчас приобрели исследования в области палеогенетики и биохимической регуляции поведения. Эти исследования, однако, расширяют наши возможности оценить лишь биологические предпосылки формирования соци-

---

¹ В настоящее время конкурируют две концепции природных предпосылок перехода предков человека к прямохождению и развития манипулятивной функции руки. Первая, наиболее распространенная, – вытеснение предков человека из лесов в саванны; вторая, более поздняя – переход предков человека к прибрежному (приречному, приозерному) образу жизни, требовавшему значительную часть времени проводить в воде.

альной природы человека и не дают объяснения качественного скачка от биологического к социальному.

Поэтому, сталкиваясь с трудностью теоретического понимания этого качественного скачка, многие исследователи встают на путь интерпретации перехода от животного к человеку как всего лишь количественной эволюции присущих животным орудийной деятельности, звуковой коммуникации и сложных условных рефлексов. Их качественное отличие от трудовой деятельности, речи и сознания человека отрицается путем выискивания аналогий и точек соприкосновения между этими качественно различными явлениями. Постольку, поскольку деятельность человека включает в себя все эти биологически обусловленные процессы как свою составную часть (в снятом виде), такие точки соприкосновения найти нетрудно. Но, к сожалению, это уход от ответа, а не поиск его.

10.2. Первобытная община и формирование более широких общностей людей

Реконструкция общественных отношений в первобытном обществе крайне затруднена исторической удаленностью и скудностью исторических (палеоантропологических, палеоэтнографических, археологических) источников, на которые можно опираться. Поэтому предлагаемая здесь трактовка древнего человеческого общества затрагивает период его существования, относящийся, самое раннее, к позднему палеолиту (тем более, что есть основания считать, что на более ранних археологических ступенях собственно человеческого общества еще не существовало), и в основном относится к периодам мезолита и неолита.

Сложность понимания хозяйственного строя первобытного общества связана не только с тем, что это общество удалено от нас в историческом времени. Это общество находилось на заре формирования социального бытия человечества, и *свойственные ему производственные отношения не выделились еще окончательно из других общественных отношений, образовывали с ними неразрывное (синкретическое) единство*. Сами производственные отношения также были совершенно не дифференцированы, а некоторые из них вообще еще не сложились (например, отношения собственности). Другой особенностью первобытного способа производства была высокая степень зависимости человека и складывающихся социальных структур от естественной среды обитания.

В силу этих обстоятельств процесс производства и производственные отношения находились под значительным и трудно разли-

чаемым влиянием различных нехозяйственных социальных факторов и мотивов деятельности человека, равно как и под влиянием природных условий, в которых жил первобытный человек. Во всяком случае, от этих последних в решающей степени зависел характер производственной специализации тех локальных социальных общностей (первобытных общин), в которые объединялись люди, а во многом – и перспективы добычи достаточных средств существования и самого выживания людей.

Основными социальными общностями в первобытную эпоху были община, род и племя.

Род – союз кровных родственников, ведущих происхождение по одной линии (сначала родство считалось по материнской линии, позднее – по отцовской).

Община – естественно возникший коллектив охотников и собирателей, позднее – сельскохозяйственных производителей. *Первобытная родовая община* характеризовалась общностью происхождения (родством) и общностью занимаемой хозяйственной территории. Древняя община, как правило, совпадала с родом (и поэтому может быть названа *родовой общиной*), или могла быть продуктом его территориального дробления, либо, позднее, могла включать представителей различных родов.

Племя – объединение нескольких родов. Первоначальной ячейкой племени был союз двух родов, члены которых были связаны взаимными брачными узами, а затем и общим культом и общими органами самоуправления. Такой дуальный (двойственный) союз именуется также *фратрией*.

Итак, само слово **община** свидетельствует о тесной общности объединенных в ней людей. Это был не сознательно сформированный союз. Люди, имевшие общность происхождения (кровное родство), держались вместе и совместно присваивали хозяйственные ресурсы какой-либо территории. Община могла совпадать с родом, а могла быть результатом дробления рода на несколько общин в силу сложности освоения хозяйственной территории группой большой численности (например, если территория вблизи поселения общины уже не могла удовлетворить ее потребности, часть рода могла отделиться и образовать самостоятельную общину на другой территории). В более поздний период, когда кровнородственные связи несколько утратили свое первоначальное значение, община могла складываться из людей, принадлежащих к нескольким разным родам. Племя было менее тесной, чем община или род, но более крупной социальной общностью первобытных людей. Племя обычно характеризовалось значительной территориальной разбросанностью.

Хотя *ведущим* мотивом совместного существования людей в общине, роде и племени был мотив обеспечения совместного производства средств существования, принципом их объединения была не хозяйственная, а *кровнородственная связь*.

Личные связи людей внутри общины были менее прочными по сравнению с тем, что объединяло их в саму общину. Институт семьи на стадии родовой общины еще только формировался. Брак первоначально был довольно неустойчивым социальным институтом и играл, во всяком случае, меньшую роль, нежели кровнородственные связи.

Ближайшие кровные родственники (братья, сестры) долгое время считались более близкими людьми, нежели супруги, и даже дети и родители. Этому состоянию общественных связей соответствовало определение родства по материнской линии, которое выступало как естественное и единственно возможное в условиях свободы брачного и добрачного поведения. Род, соответственно, первоначально был организован как *материнский род*.

Поскольку уровень производства средств существования в первобытном обществе был *крайне низким*, и, кроме того, носил весьма неустойчивый характер, *отдельный человек вообще не мог бы выжить без объединения с другими людьми*. В советском "марксизм-ленинизме" получило широкое распространение представление, что объединение людей в первобытной общине основывалось на коллективном характере их труда. Однако современные данные науки свидетельствуют о том, что труд первобытного человека носил в основном индивидуальный или мелкогрупповой характер, и лишь в некоторых случаях выступал как коллективно-организованный труд (загонная охота, коллективное рыболовство, расчистка участков для земледелия).

Гораздо более серьезная и постоянная хозяйственная основа объединения людей в первобытную общину лежала в том, что *отдельный человек не мог гарантированно произвести объем жизненных средств, необходимых для его выживания*. Лишь объединенный продукт производства всей общины мог в какой-то степени дать такую гарантию. *Случайности индивидуальной добычи средств существования погашались в совокупном продукте общины*. Кроме того, суммирование индивидуальной добычи, полученной путем охоты и собирательства, позволяло создавать запасы, необходимые для выживания в неблагоприятные сезоны.

Что же касается земли (территории) как главного средства производства в первобытную эпоху – это было и пространство для собирательства, и охотничьи и рыболовные угодья, и участки для земле-

деля, и пастбища, и месторождения гончарной глины и пригодного для обработки камня – то между членами общины вообще не возникало никаких отношений собственности по поводу нее. Эти отношения касались лишь внешнего мира, других, соседствующих общин, родов и племен. Община рассматривала территорию своего проживания как естественный придаток к себе самой, как продолжение ее природного коллективного тела. Межобщинные конфликты по поводу определения границ занимаемых ими территорий были единственным видом чисто хозяйственных конфликтов в тот период.

Впрочем, отнести этот конфликт к сфере социальных противоречий можно лишь с определенной долей условности. Объективно он был таковым, но довольно долгое время субъективно не осознавался подобным образом. Люди за пределами своего рода вообще не признавались человеческими существами. Убийство сородича рассматривалось как тягчайшее преступление и встречалось крайне редко. Убийство чужака, напротив, считалось при некоторых условиях даже похвальным. В целом тесная внутриобщинная кооперация и взаимопомощь внутри общины были неразрывно связаны с противопоставлением членов своей общины чужакам.

Лишь постепенно между соседствующими общинами устанавливались хотя бы эпизодические экономические контакты и возникало некоторое переплетение кровнородственных связей. Этому соответствовало появление обычая экзогамии (т.е. запрета брачных отношений внутри данного рода)¹ в противоположность ранее существовавшей эндогамии (т.е. брачных отношений внутри кровнородственного коллектива)². В результате члены общины переходили из одного рода в другой (муж переходил из своего рода в род жены – уксо-рилокальное³ семейное поселение, или, позднее, наоборот, жена переходила в род мужа – вирилокальное⁴ семейное поселение, либо жена и муж жили раздельно, каждый в своей родовой общине – дислокальное семейное поселение как переходная форма между упомянутыми двумя), что создавало основу для развития личных контактов

¹ Точные причины появления этого обычая наукой не установлены. Наиболее вероятным объяснением считается нарастание запретов на половые контакты внутри общины (рода) для того, чтобы избежать внутриобщинных конфликтов на этой почве.

² Первоначальная эндогамия не существовала как определенный обычай, а была стихийно сложившейся ситуацией, характерной для первобытного стада предковых форм человека. В период разложения первобытного строя у некоторых народов (как правило, малочисленных) происходит временное возрождение эндогамии внутри общин как средства закрепления имущественных прав и сохранения накопленного имущества внутри рода.

³ От латинского *uxor* – жена.

⁴ От латинского *vir* – муж.

между различными родами. На этой основе формировалась культурно-языковая общность соседствующих родов.

Таким образом, создавались предпосылки для сближения родов сначала во **фратрии**¹ (объединения небольшого числа родов, первоначально двух, связанных брачными обменами, периодическими военными союзами и т.д.), а затем и объединения их в племена (объединения родов и фратрий по признаку культурно-языковой общности). Первобытные люди постепенно начинали признавать не только в сородичах, но и в соплеменниках таких же людей (хотя долгое время и это признание оставалось далеко не полным). Люди же за пределами племени по-прежнему не рассматривались как такие же существа (чему соответствовало и наличие обычая эндогамии, но уже внутри племени – союза взаимнобрачных экзогамных родов).

Следует заметить, что *языковая общность существовала исторически существенно раньше племенной*, что позволяет не отбрасывать гипотезу, согласно которой рода и общины, пользующиеся схожими диалектами, образовались в результате дивергенции некогда единых архаических сообществ. Причиной такой дивергенции мог быть (в числе других, пока до конца не ясных факторов) простой рост населения, дробление первоначальной общины и расселение отделившихся от нее групп людей по соседству, на незанятых территориях (в условиях существовавшей незначительной плотности населения и огромного массива свободных земель).

Характер внутриобщинных отношений, хотя и включал существенный элемент равенства по отношению к производимому в рамках общины продукту, не означал полного социального равенства в общине. Те элементы неравенства, которые существовали, основывались главным образом на естественных факторах – на половозрастных различиях, которые определяли неравные возможности членов общины участвовать в добыче средств к существованию и защите своей территории от других общин. Внутри же половозрастных групп в социально-экономическом отношении господствовало полное равенство.

Это равенство определяло и характер социальной организации общины. В решении общинных дел участвовало все взрослое население общины – как мужчины, так и женщины. *Организация жизни общины строилась на началах самоуправления*. В руководстве общиной формальное лидерство совпадало с неформальным. Вожди были выборными и сменяемыми в любой момент (выражение «об-

---

¹ Такова распространенная трактовка. Однако существуют данные, позволяющие утверждать, что фратрия существовала еще до оформления собственно родовой организации.

ломать рога» имело тогда буквальный смысл – лишить вождя символов его власти). Кроме вождей, власть в общине принадлежала старейшинам, выдвигавшимся по принципу меритократии (на основе личных заслуг и жизненного опыта). Особое положение в общине занимал жрец (маг, колдун, шаман...). Его авторитет был достаточно высок, но в тоже время находился в сильной зависимости от удач или неудач в общинных делах, которые, соответственно, приписывались удачному или неудачному общению жреца с потусторонними силами.

Отношения собственности в первобытной общине находились в стадии возникновения. Касательно основного средства производства – территории с ее природными ресурсами – никаких отношений собственности не существовало. *Поскольку земля рассматривалась как естественное продолжение самой общины, то зачатки отношений собственности возникали только там, где сталкивались претензии на территорию со стороны различных общин, и появлялась необходимость в разграничении территории.*

Что же касается орудий труда и произведенного продукта, то здесь господствовала общая (групповая) собственность членов общины. Однако следует сразу предостеречь от перенесения на первобытную общину современных представлений об общей собственности. *Ни орудия труда, ни произведенный продукт, как правило, не составляли в общине единого фонда, которым бы распоряжались вожди или старейшины, или собрание общины.* Ошибочным является также выведение общей собственности в первобытной общине из коллективного характера труда (хотя такой подход и был общепринятым у большинства обществоведов советского периода).

Структура отношений общей собственности в первобытной общине была непривычной для современного понимания. Хотя коллективные трудовые процессы были достаточно характерны для общины (например, загонная охота), большая часть деятельности в сфере собирательства, охоты (рыболовства), изготовления орудий труда покоилась на индивидуальном или мелкогрупповом труде. Соответственно орудия труда находились в индивидуальном пользовании (за небольшим исключением – например, большие лодки для морского рыболовства), а продукты охоты, рыболовства, собирательства чаще всего не составляли общего фонда. *Однако в отношении орудий труда действовал обычай свободного заимствования временно свободных орудий у любого члена общины.* Существовал также обычай взаимопомощи при изготовлении сложных трудоемких изделий (например, жилищ или больших лодок).

Продукты труда, будучи индивидуальной добычей, далее перераспределялись между членами общины. Обычаи, регулирующие такое перераспределение, базировались на передаче относительных излишков, временно возникавших у наиболее удачливых охотников или собирателей, тем членам общины, которые испытывали относительный недостаток. При этом распределение было основано на принципе равнообеспеченности (а не примитивной уравнительности). Это означало учет половозрастных различий в потребностях в пище, а также приоритет тех половозрастных групп, от которых зависела добыча средств к существованию и тем самым выживание общины. Позднее сформировались обычаи, согласно которым удачливые добытчики имели право на фиксированную долю своей добычи, а остальные – лишь на излишек сверх этого, что обеспечивало заинтересованность в продуктивности охоты и собирательства. Часть относительных (временных, случайных) излишков пополняла общинные запасы. Механизм перераспределения излишков мог состоять в непосредственной передаче продуктов нуждающимся (что позднее приняло пережиточную форму прямого дарообмена). Мог существовать и обычай временного формирования *общего фонда*, который затем подвергался разделу (чаще всего в случае скудности совокупной добычи).

Стоит заметить, что обмен, существовавший внутри общины, вовсе не был товарным обменом – т.е. обменом продуктами частных работ, произведенными независимыми друг от друга производителями специально для реализации на рынке. Это был обмен деятельностью и ее продуктами между людьми, связанными кровными узами и общими целями выживания в общине. Этот обмен основывался не на рыночных принципах, не на стоимостной эквивалентности, а на стремлении к равнообеспеченности сородичей.

Такого рода обмен в пережиточных формах сохранялся тысячи лет, и с его остатками и сейчас можно встретиться в рамках архаических укладов, сохранившихся в хозяйственных системах целого ряда развивающихся стран. И даже в развитых обществах рудименты такого обмена есть внутри семейного хозяйства. Таким образом, нерыночный обмен имеет историю куда более долгую, нежели рынок.

Таким образом, в общине действовали отношения *уравнильно-равнообеспечивающего перераспределения* продукта. Эта уравнительность покоилась на факте негарантированности индивидуальной добычи средств существования, необходимых для выживания. Поэтому выживание общины в целом требовало сглаживания индивидуальных различий в уровне добываемых средств существования, а также образования общинных запасов, чтобы обеспечить сглаживание сезонных колебаний добычи. Но даже этот механизм не давал дос-

таточных гарантий – нередко были случаи вымирания от голода целых родов. Однако без уравнительности выживание общины вообще было бы сомнительным.

Потребности выживания родовой общины с течением времени подталкивали к ее укрупнению. Укреплялись контакты с соседствующими общинами, между ними устанавливались кровнородственные связи (в связи с формированием обычая экзогамии, что также помогало избегать отрицательных последствий близкородственных браков внутри одного рода). Формировались более крупные социальные общности, включающие несколько родов. В результате *община постепенно фактически утрачивала свой узко родовой характер* (хотя формально он сохранялся незыблемым), поскольку через браки ее состав пополнялся членами соседствующих родов. В дальнейшем, как было сказано, это вело к формированию племенной организации, состоящей из нескольких групп соседствующих родов, располагавшихся в нескольких поселениях или стойбищах.

Переход от изолированного рода к племенам создавал лучшие предпосылки для более глубокого разделения труда и перехода к т.н. производящему хозяйству (скотоводству и земледелию). Этот переход требовал отвлечения части рабочего времени членов общины от непосредственной добычи средств к существованию. Ведь скотоводство, и в еще большей степени – земледелие, не дают *немедленного* полезного эффекта. Поэтому переход к скотоводству и земледелию предполагает накопление страховых запасов, позволяющих поддерживать потребление продовольствия за пределами сезонов урожая или забоя скота. В более крупных общностях – племенах – как отвлечение части времени от охоты и собирательства, так и накопление страховых запасов было значительно легче обеспечить в таких размерах, которые сводили риски к минимуму.

10.3. Разложение первобытной общины

Вместе с развитием производящего хозяйства, развитием общественного разделения труда (отделением земледелия от скотоводства, а затем и ремесла – от сельского хозяйства), происходит развитие индивидуального характера труда, возникает производство **прибавочного продукта**. Эти изменения выступают предпосылками возникновения частной собственности и семьи.

Производство прибавочного продукта – т.е. продукта, выходящего за рамки необходимого для текущего потребления – позволяет увеличить степень гарантированности как общинного, так и индивидуального существования. Систематическое производство прибавочного про-

дукта и создание на этой основе запасов делает ненужным постоянное уравнильное перераспределение средств существования. Однако при доиндустриальном производстве уровень развития производительных сил еще не может обеспечить полностью *гарантированного* производства достаточного объема продуктов для текущего потребления и страховых запасов, так что те или иные случайные или чрезвычайные обстоятельства могут потребовать применения механизма перераспределения для выживания членов общины. Поэтому как сама община, так и *обычай взаимопомощи в общине* (которая продолжает существовать теперь уже внутри племенной организации) в особо сложных случаях – неурожай, падеж скота, пожар, строительство дома и т.п. – *сохраняются еще на протяжении нескольких исторических эпох, а кое-где и вплоть до настоящего времени* (хотя бы в форме пережитков).

Отношения взаимопомощи являются более фундаментальной структурой человеческих отношений, нежели конкуренция. Это касается как хозяйственных отношений, так и социально-психологических архетипов. Впрочем, не следует забывать, что эти глубинные пласты социальных отношений и психологии человека формировались на основе альтруизма внутри небольших замкнутых групп и сопровождались отчуждением и даже агрессией, обращенными вовне.

Длительное время производство прибавочного продукта сочеталось с сохранением обычая дарообмена в форме расточительного потребления, что тормозило частное накопление богатств и рост имущественной дифференциации. Главы семей, производивших значительные излишки, по меньшей мере часть из них расточали среди своих соседей по общине – например, в форме массовых угощений, во время празднеств и т.п. То же самое могли делать и представители общинной верхушки, используя для этой цели находящиеся в их распоряжении общинные запасы. Это вело к укреплению их престижа в общине. Таким образом, общий фонд стал средством укрепления личного престижа, хотя еще и не объектом частного присвоения (поскольку распределялся среди всех членов общины). Данный обычай в пережиточной форме сохранялся и в классовом обществе (например, раздача «хлеба и зрелищ» в Древнем Риме).

Индивидуальное или мелкогрупповое производство прибавочного продукта приводит к формированию новой устойчивой социальной общности, в рамках которой осуществляется присвоение и накопление производимого продукта. Это *семья* – общность, основанная на браке, кровнородственной связи ближайших родичей (в первую очередь

родителей и детей) и их совместной хозяйственной деятельности. *Семья становится первичной хозяйственной ячейкой общества.*

Ранее брак – социально закрепленный союз лиц противоположного пола – не приводил к созданию устойчивой воспроизводимой социальной общности, имеющей хозяйственное значение. Господствовавшая форма парного брака могла вести к образованию достаточно устойчивого союза. Однако существовали реальные возможности расторжения такого союза, значительная добрачная и брачная половая свобода (обычай добавочных мужей и жен, охотничьих девушек и т.п.), а сам союз не создавал постоянной особой устойчивой связи между родителями и детьми, равно как и не создавал оснований для присвоения сколько-нибудь значимой собственности. Родство при этом считалось только по материнской линии, что представлялось и естественным, и единственно достоверным.

По выходе детей из младенчества их дальнейшее воспитание становилось в значительной мере общинной функцией. Кровнородственные отношения с детьми сестры или брата считались не менее (а по отношению к отцу – и более) значимыми, чем кровнородственные узы с собственными детьми. С достижением детьми совершеннолетия и вступления в брак (и, соответственно, при переходе в род мужа или жены) значительно большее значение приобретала их принадлежность к роду в целом, нежели узы с родителями.

Производство прибавочного продукта и возможность его индивидуального накопления создают экономическую заинтересованность в создании более прочной формы брачного союза. *Возникает моногамный брак, а затем, на его основе, – патриархальная (в буквальном смысле – основанная на власти отца) семья.* Моногамный брак предполагал исключительное право супругов на обладание друг другом, что создавало возможность использовать счет родства по отцовской линии. Накопление брачной парой прибавочного продукта создавало экономическую основу зависимости детей от родителей, а непрерывность процесса накопления обеспечивалась возникновением института наследования.

Первоначально патриархальная семья, основанная на моногамном браке, не имела формы моногамной семьи, а формировалась в виде т.н. большой семьи – брачной пары с детьми, включая взрослых детей с образованными ими брачными парами и с их собственными детьми. Такие семьи достигали размеров нескольких десятков человек, нередко превышая сотню. Выделение брачной пары в самостоятельную семью происходило достаточно поздно, так как темп накопления необходимых для этого хозяйственных ресурсов (для создания самостоятельного семейного хозяйства с достаточным числом рабочих рук, с собственным домом, земельным участком, скотом, инвентарем

и т.д.) был довольно медленным, а без этого самостоятельное хозяйствование семейной пары не могло быть успешным.

Переход к патриархальной семье создавал предпосылку разложения родовой структуры общины. Этот переход происходил одновременно с развитием патриархата (перехода от *материнского рода* к *отцовскому* и к *патриархальной общине*), в *противоположность существовавшему ранее примерному равноправию полов* (современные палеоэтнографические исследования в общем отвергают представления о *матриархате* как об обязательной стадии, *предшествовавшей патриархату*)¹. Патриархальная община выступает как форма разложения родовой общины и перехода к *соседской общине*, т.е. общине, сформированной из группы живущих по соседству больших семей. Но почему же переход к моногамному браку привел к господству мужчины и формированию именно патриархальной формы семьи? *Дело здесь не столько в моногамии, сколько в том, что переход к ней совпал с изменением условий хозяйственной деятельности.*

Во-первых, пастушеские и земледельческие функции были по преимуществу мужскими, на основе половозрастного разделения труда.

Если, например, огородничеством и мотыжным земледелием могла заниматься и женщина (чаще всего так оно и было), то ирригационные работы или подсечно-огневое земледелие требовали применения тяжелого физического труда мужчин. Пахотное земледелие было связано с применением рабочего скота, что так же, как и скотоводство, являлось мужской функцией. Кочевое или отгонное скотоводство были связаны со значительным удалением от поселений или стойбищ, являясь опасным занятием, нередко требовавшим вооруженной защиты стад от хищников или грабителей.

Однако в ряде регионов Земли ведущая роль в земледелии (главным образом там, где оно сводилось к работе на небольших придомовых участках) длительное время принадлежала женщинам, и именно в этих регионах до сих пор сохранился родовой строй или серьезные его пережитки. Разложение родовой общины в этих условиях происходило при сохранении материнского рода, и потому через формирование не патриархата, а матриархата. При таких условиях серьезные пережитки материнского рода и матриархата могли сохраняться даже и на стадии классового общества.

Доминирование мужчин в скотоводстве и земледелии, соответственно, передавало им в руки распоряжение продуктами этих отраслей. Переход к преимущественно семейному характеру производ-

¹ Матриархат возникает исторически одновременно с патриархатом. Матриархальные общины возникают главным образом там, где ведется мотыжное земледелие, основанное на женском труде, и женщина сохраняет, таким образом, доминирующее хозяйственное положение в общине.

ства, присвоения и распределения средств существования давал в руки мужчине экономическую власть над членами семьи.

Во-вторых, *моногамный характер брака, дававший возможность счета родства по отцовской линии, обеспечивал и наследование по отцовской линии*. Если первоначально сохранялись некоторые элементы равноправия в наследственных правах сыновей и дочерей, а также братьев, сестер и племянников, то закрепление патриархальной формы семьи вело к передаче основной части наследного имущества от отца к сыну, что дополнительно поддерживало патриархальный характер семьи.

Переходу к патриархальной семье и патриархальной общине соответствует переход от родовой к соседской общине. Племенная организация общества, объединявшая несколько родов, вела к тому, что далеко не все люди в одном поселении могли быть связаны кровным родством. Кроме того, *развитие частного (семейного) характера труда и присвоения произведенного продукта вело к формированию элементов частной собственности* как на продукты и орудия труда, так и на основное средство производства – землю – сначала в виде формирования на общинной земле семейных наделов и *частного пользования* этими наделами. *Одновременно с возникновением частной собственности формируется и институт общей (общинной) собственности*. Вся территория, которой пользуется община, за возможным исключением семейных наделов, рассматривается как общая собственность членов общины. Да и над семейными наделами сохраняется верховный суверенитет общины, чему соответствует обычай регулярного передела семейных наделов. Кроме того, надел мог получить лишь тот, кто признавался равноправным членом общины. Однако дома и придомовые участки, хозяйственные постройки, домашний скот, инвентарь, и, главное, производимый продукт (за некоторыми вычетами, диктуемыми обычаем) – уже рассматриваются как объект не общинного, а семейного владения.

В такой общине кровное родство имеет уже значительно меньшее хозяйственное значение (хотя существенные пережитки обычаев взаимопомощи, особенно родственной, долго сохраняются). *Патриархальные семьи теперь уже не столько сородичи, сколько соседи*. Общинное самоуправление сохраняется, но постепенно мужчины почти полностью оттесняют женщин от участия в общинных делах, оставляя за ними лишь кое-какие функции, связанные со специфически женской обрядностью (исполнение обрядов инициации девочек, участие в свадебных церемониях и т.п.). Этот период борьбы мужчин и женщин за общинную гегемонию связан в истории с формированием тайных мужских и женских обществ, служивших инструмента-

ми этой борьбы. Если угодно, здесь можно увидеть зачатки политических отношений.

Одновременно с этими процессами происходит выделение человеческой личности из однородной массы членов общины, преодоление безусловной власти общинной традиции над человеческой индивидуальностью. Это преодоление носит как позитивный (развитие индивидуальной предприимчивости, личностного своеобразия), так и негативный (непризнание прав личности за женой и детьми в патриархальной семье, дальнейшая борьба за утверждение отношений господства и подчинения) характер.

Систематическое производство прибавочного продукта влечет за собой еще два важных следствия – эксплуатацию и грабительские войны.

Переход к систематическому производству прибавочного продукта делает возможным осуществлять эксплуатацию – принуждение одного человека другим к труду с тем, чтобы присвоить производимый им прибавочный продукт, оставив лишь необходимые средства существования. Такому принуждению подвергались бесправные лица – пленные, захваченные в столкновениях с чужими общинами (племенами), или изгой (лица, изгнанные из своей общины, либо лишившиеся общины).

Ранее подобные люди, строго говоря, просто не признавались людьми. Поэтому их либо убивали, либо принимали в члены общины (точнее, в члены конкретного рода), что придавало им статус кровного родственника, т.е. человека. Теперь же таких людей превращали в неполноправных членов патриархальных семей – в рабов (отсюда термин – патриархальное рабство).

На рабов в патриархальной семье возлагались работы, отвлекавшие хозяев от производительного труда – например, ведение домашнего хозяйства, переноска тяжестей (особенно в местностях, где не было одомашненного тяглого скота – например, в Центральной Америке), земляные работы в строительстве или ирригации. Таким образом, функция рабов в тот период была вспомогательной. Они обеспечивали рост производительности труда полноправных членов семьи в семейном хозяйстве.

Вместе с ростом производительности происходит углубление разделения труда. Сначала разделяются скотоводство и земледелие (при этом могут формироваться преимущественно пастушеские и преимущественно земледельческие племена). Затем происходит отделение ремесла от сельского хозяйства. Оно также не является полным. Однако некоторые ремесленные специальности (кузнеца, гончара) становятся профессиональными – занятые в них уже не за-

трачивают на сельскохозяйственные работы время, достаточное для того, чтобы полностью обеспечивать себя продуктами питания.

С развитием разделения труда происходит дальнейший рост производительности труда и развивается обмен продуктами специализированного производства. Накопление богатства растет не только количественно, но и приобретает все более разнообразное материальное выражение. Тем самым появляется возможность приобретать самые различные богатства не только на основе труда, но и путем захвата. *Спорадические столкновения соседних племен или общин из-за разграничения территории или кровной мести превращаются в систематические грабительские набеги и войны.*

Ведение грабительских войн повышает авторитет мужчин-воинов. Однако в регионах, где длительное время сохранялись пережитки родового строя в форме материнского рода, *дислокальной и уксорилокальной* семьи (соответственно, когда супруги проживают раздельно в своих общинах, и когда муж переходит на жительство в общину жены), где возникли *матриархальные общины*, например, в Западной экваториальной Африке, еще в XIX веке были не редкостью женские воинские контингенты. Орды фанатично свирепых полуголых девиц нередко обращали в бегство дружины закаленных в боях суровых воинов-мужчин¹. Отголоски такого же рода фактов получили в античности отражение в мифах об амазонках.

Вместе со значением войн и военной организации растет также авторитет военного вождя. Раньше это была временная выборная должность, замещаемая лишь на период непосредственных военных столкновений. С ростом как постоянной опасности грабительских набегов, так и желания самим такие набеги совершать, эта должность становится постоянной. Например, в «Илиаде» Гомера функцию временного выборного военного вождя в войске союзных ахейских племен под Троей выполняет Агамемнон, а вот в своем племени он уже постоянный военный вождь.

Авторитет военного вождя начинает превосходить авторитет всех остальных представителей родо-племенной организации. Рядом с военным вождем формируется группа профессиональных воинов — *дружина*, обеспечивающая постоянную готовность для защиты от нападений и для проведения набегов.

Масштабы племени делают выполнение всех (не только военных) функций племенного самоуправления постоянным делом. Происходит специализация выборных должностных лиц на исполнении этих функций, а затем, передача соответствующих навыков, а с ними

¹ Эпизод такого рода в Дагомее последней трети XIX века довольно достоверно воспроизведен в фильме *Cobra Verde* (1987).

– и претензий на занятие самой должности – по наследству. Однако это наследование еще требует санкции народного собрания. Еще сохраняется реальная возможность смещения должностных лиц, вызвавших явное недовольство племени.

Формируется *родо-племенная верхушка* (знать), возникает деление на знатные (представленные в племенной верхушке) и незнатные роды. Функции общего собрания племени – точнее, теперь уже только мужчин-воинов – тем самым значительно сужаются.

Такой строй рассматривается как *предгосударственный* и носит название *военной демократии*. Это еще не государство – то есть не отделенная от народа публичная власть. В тех делах, в которых требуется участие племени, военная демократия не знает никакого способа заставить народ делать что-либо помимо его согласия.

Стремление к укреплению своих военных сил перед лицом грабительских набегов соседей (или для успешных грабительских набегов на соседей) приводит к образованию крупных *племенных союзов* (например, союз сабинян и латинян с участием некоторых этрусских родов, положивший начало городу-государству Риму; союз семи племен дакота в Северной Америке, оказавший наиболее упорное сопротивление европейским колонистам). Такие союзы поначалу являются неустойчивыми и легко распадаются (например, союз ахейских племен для похода на Трою; союзы западных славян или племенной союз пруссов, противостоявшие германской экспансии).

В период военной демократии меняется характер поселений. Села или деревни обносятся оборонительными сооружениями, или с самого начала строятся укрепленными, а наряду с ними возникают укрепленные города – места дислокации военных вождей с дружиной и центры религиозного культа, затем – место концентрации всей остальной родоплеменной знати, а за ними – ремесленников, торговцев и земледельцев, стремящихся под защиту городских укреплений и одновременно – к рынку сбыта. Первоначально специализированное ремесло (кроме кузнечного и гончарного, специализированных раньше) развивается в основном в пределах обслуживания городской знати. Главными заказчиками выступают военные вожди с дружиной, постепенно приобретающие деспотическую царскую власть, и жрецы.

Для содержания дружин, строительства и укрепления городов, содержания храмов, жрецов, совершения религиозных обрядов, для ведения войн требуются немалые ресурсы. Их получают путем более или менее регулярных натуральных поборов с рядовых общинников, первоначально на основе сохраняющихся пережитков обычаев общинной взаимопомощи. Но размер таких поборов недостаточно велик. Поэтому, как правило, с тех общин, родов и племен, которые

вошли в племенной союз недавно, или были присоединены насильственно, взимаются дополнительные коллективные поборы, которые носят название *дани*.

Обрисованный выше тип общества называется **раннеклассовым**. Он характеризуется довольно высокой степенью социальной однородности. Имущественная дифференциация уже приводит в раннеклассовом обществе к появлению богатых и бедных, но между ними пока не возникает устойчивых различий в системе общественных отношений. Очевидным образом выделяются лишь, с одной стороны, неполноправные рабы, а с другой – родоплеменная верхушка, закрепляющая за собой монополию на общественные функции. Появляются специализированные социально-профессиональные группы – жречество, дружинники. Однако эти социальные слои составляют явное меньшинство населения в противоположность преобладающей массе свободных полноправных общинников. В этот период под влиянием хозяйственных противоречий, связанных со стремлением к частному накоплению богатства, постепенно распадается *большая семья* и происходит переход к *моногамной семье*, включающей лишь брачную пару с детьми (возможно, так же и некоторых из родителей брачной пары, обычно со стороны мужа).

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Какие существуют научные проблемы при решении вопроса о происхождении человека и человеческого общества?
2. Почему распределение продукта в первобытной общине носило равнообеспечивающий характер?
3. В чем социально-экономические основы перехода от родовой к племенной структуре первобытного общества?
4. Какой была структура общинного самоуправления?
5. Каковы были социально-экономические основы возникновения патриархата и матриархата?
6. Почему возникла и приобрела господствующий характер патриархальная семья?
7. Каковы социально-экономические основы перехода от родовой к соседской общине?
8. Чем строй военной демократии отличался от общинного самоуправления?
9. Какой была социальная структура раннеклассового общества?

Литература для самостоятельного изучения:

Работы классиков марксизма:

- Ф.Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
- Ф.Энгельс. Диалектика природы. [Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека]. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.

В данной работе содержится обзор современного уровня знаний о биологической стороне процесса антропогенеза:

- А.В.Марков. Происхождение и эволюция человека. Обзор достижений палеоантропологии, сравнительной генетики и эволюционной психологии. Доклад, прочтенный в Институте Биологии Развития РАН 19 марта 2009 г. http://www.evolbiol.ru/markov_anthrooogenes.htm

Далее излагаются две наиболее интересные теоретические концепции происхождения человека с точки зрения общественных наук. Следует отметить, что критическая и методологическая стороны работы Поршнева значительно сильнее, чем его собственная (во многом умозрительная) версия происхождения человеческого труда, речи и сознания. С другой стороны, более практичная и хорошо обоснованная фактами версия Семенова не до конца преодолевает те методологические недостатки, на которые указывал Поршнев:

- Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М.: Мысль, 1974.
- Ю.И.Семенов. Как возникло человечество. 2-е изд. М.: Изд-во ГПИБ, 2002.

Эти работы Семенова посвящены уже собственно первобытному обществу. Желательно не ограничиваться изучением только этих работ, а обратиться так же и к тем источникам, на которые ссылаются Семенов в своих книгах:

- Ю.И.Семенов. На заре человеческой истории. М.: Мысль, 1989.
- Ю.И.Семенов. Происхождение брака и семьи. М.: URSS, 2010.
- Ю.И.Семенов. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Чч. 1—3 // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XX. Экономическая этнология. Книга 1. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1993.
- Ю.И.Семенов. Введение во всемирную историю. Вып. 1. Проблема и понятийный аппарат. Возникновение человеческого общества. М.: Изд-во МФТИ, 1997.
- Ю.И.Семенов. Введение во всемирную историю. Вып. 2. История первобытного общества. М.: Изд-во МФТИ, 1999.

Глава II

Экономическая общественная формация. Азиатский и античный способы производства

Разложение первобытнообщинного способа производства знаменует собой и переход от архаической (доэкономической) к экономической общественной формации. Экономическая общественная формация характеризуется выделением из общественных отношений

производственных отношений, и сложной дифференциацией последних. *Производственные отношения* в рамках экономической общественной формации окончательно приобретают роль определяющих общественных отношений.

Вместе с изменением целей хозяйственной деятельности – переходом от выживания и самовоспроизводства общинных коллективов к частной добыче вещного богатства – происходит приобретение производственными отношениями характера экономических отношений.

Под экономическими отношениями понимаются такие производственные отношения, которые связаны со стремлением к наиболее эффективному получению вещного богатства, т.е. к увеличению размеров этого богатства при относительном сокращении затрат на его приобретение.

С формированием государства происходит формирование политической и юридической надстройки – совокупности политических и юридических отношений людей. Между экономическим базисом (системой производственных отношений) и общественной надстройкой устанавливается взаимосвязь, при которой базис имеет определяющее значение по отношению к надстройке. Вместе с развитием эксплуатации развивается деление общества на классы и классовое неравенство.

Эксплуатация меньшинством населения (господствующими классами) трудящегося большинства является тем способом, которым в рамках экономической общественной формации обеспечивается экономический и социальный прогресс человечества. С одной стороны, эксплуатация позволяет сконцентрировать в руках господствующих классов экономические ресурсы, позволяющие представителям этих классов специализироваться на умственном труде, создавать условия для развития науки, образования и культуры. С другой стороны, эксплуатация как принуждение к труду эксплуатируемого большинства, обеспечивает выжимание из этого большинства прибавочного труда, как материальной базы прогресса. Таким образом, в определенных исторических рамках марксизм признает эксплуатацию объективно необходимым экономическим явлением. Тем не менее, марксизм признает прогрессивной (и никак не менее объективной) и борьбу за преодоление тех условий, при которых человечество может развиваться лишь за счет угнетения одних социальных групп другими.

Название «азиатский способ производства» не означает его жесткой географической привязки именно к Азии. Дело лишь в том, что данный способ производства был первоначально изучен именно на примере азиатских деспотий. Однако общества данного типа встречались не только в Азии, но и в Африке, и в Центральной и Южной Америке, и в Европе (например, Хазарский каганат; даже в Древней Греции социально-экономическая структура Спарты несла в себе ряд черт, сближавших ее с азиатским способом производства). Название «античный способ производства» восходит к латинскому слову *antiquitas* (означающему древность, старина). Слово «античный» стало применяться для обозначения Древней Греции и Древнего Рима, изучение социально-экономических порядков которых и положило начало концепции античного способа производства.

Указанные два способа производства существуют исторически почти одновременно (хотя античный формируется несколько позже азиатского, а гибнет – раньше), на базе примерно одинакового уровня развития производительных сил. Существует определенная сложность разграничения поздних этапов эволюции раннеклассовых обществ и ранних этапов становления как азиатского, так и античного способов производства (позднее станет видно, что та же самая сложность касается и ранних этапов феодализма). Один из главных «диагностических признаков» при этом – завершение формирования государства, что свидетельствует о достаточно глубоком классовом расслоении общества и остроте классовых противоречий.

Государство возникает как аппарат управления и аппарат насилия, отделенный от остальной части общества (то есть государственная служба имеет, с одной стороны, профессиональный характер, а с другой – от нее отстраняются все остальные члены общества, в отличие от системы самоуправления, а отчасти – и от военной демократии). Так, например, выборный и сменяемый военный вождь превращается в несменяемого наследственного царя (монарха).

К государству переходят те функции, которые необходимы для поддержания экономической и социальной целостности общества. Государство, отделяя себя от общества, узурпирует эти общественные функции. Однако в классовом обществе иного способа осуществления этих функций нет, и они признаются правомерными функциями государства.

Государственная организация порывает с родовым принципом организации общества и заменяет его территориальным. На первых порах верхушка государственного аппарата в основном совпадает с верхушкой родо-племенной знати. Однако достаточно быстро происходит переход к замещению высших государственных должностей по имущественно-классовому и отчасти по профессиональному, а не по родовому признаку (успешная борьба богатых плебеев за равноправие с патрициями, выдвижение «сильных малых» в Древнем Египте, превращение слов «богатый человек» в титул в обществе древних майя, допуск свободных простолюдинов к чиновничьим должностям в Древнем Египте и Китае).

Происходящее в раннеклассовом обществе, вместе с развитием частного производства и частного накопления, формирование экономического неравенства, как и складывание родовой знати, захватывающей монополию на властные (а вместе с этим – и на перераспределительные) и идеологические (жреческие) функции, становится предпосылкой возникновения классового деления. Наряду с неравенством в производстве, присвоении и перераспределении прибавочного продукта формируется и неравенство во владении основными средствами производства – землей, а затем и рабами.

Но эти процессы развиваются первоначально (на стадии медного века, а кое-где и неолита) лишь там, где имеются достаточные предпосылки для дальнейшего роста производительных сил – в основном в долинах рек в субтропических и близких к ним регионах. На территориях, где производительные силы либо недостаточны на данной стадии развития для производства прибавочного продукта (умеренная полоса, Север, тропические леса, полупустыня), либо не создают стимулов к наращиванию производительности труда (изобилие природных ресурсов для охоты, рыболовства и собирательства, как в некоторых районах Океании), переход к классовому обществу замедляется, или вообще не происходит.

С ростом экономического неравенства (все равно, создано оно частным накоплением, принимая форму имущественного неравенства, или монополией на общинные функции, принимая форму неравенства в доступе к общинным фондам) между прежде равноправными общинниками возникают отношения зависимости. Прежняя взаимопомощь постепенно вытесняется кабальными ростовщическими сделками. Имущество и земельные наделы отчуждаются за долги.

Богатые и знатные захватывают также в частное владение некоторые общинные земли, и земли, приобретенные в результате внешней экспансии. Обработка этих земель осуществляется уже не собст-

венным трудом новых хозяев, а зависимыми от них людьми – рабами, обезземеленными общинниками-арендаторами, общинниками, отработывающими долги, разорившимися общинниками и изгоями, работающими по найму. Одновременно с этим (а отчасти как альтернатива этому процессу – что и ведет к различию азиатского и античного способов производства) целые общины принуждаются знатью к выполнению ряда необходимых хозяйственных функций, но на условиях присвоения знатью создаваемого прибавочного продукта.

Между этими категориями населения, имеющими уже различный социально-классовый статус, существует рознь экономических интересов, разгораются острые социальные конфликты. *Государство, как отдельная от народа публичная власть, призвано:*

во-первых, удержать за богатыми и знатными господствующее положение в обществе, закрепить с помощью норм права и организованного принуждения (опирающегося на вооруженное насилие) их привилегированный социальный статус;

во-вторых, сгладить социальные конфликты, ограничить и «рационализировать» эксплуататорские устремления господствующих классов, с тем, чтобы чрезмерная алчность отдельных представителей господствующего класса не повлекла за собой возникновение реальной угрозы выживанию социума, а вместе с этим – и всей системе классового господства.

В советской исторической науке в 80-е годы получили хождение, а затем и широкое распространение взгляды, согласно которым марксизм рассматривает возникновение государства и классового деления только как прямой результат возникновения частной собственности и основанного на ней имущественного неравенства. Такой подход основан на двойной вульгаризации марксизма – сначала на вульгаризации классического марксизма в сталинизированном «марксизме-ленинизме», а затем на примитивизации и этого последнего в учебных курсах, которые «проходили» (не утруждая себя изучением подлинного марксизма) многие советские историки. Вполне понятное возмущение усвоенной ими примитивно-догматической концепцией они обратили, однако, не на тех, кто навязывал им эту концепцию, и не на собственную лень, а на классический марксизм.

Даже в работе Ф.Энгельса «Происхождении семьи, частной собственности и государства», где политогенез (образование государства) и классобразование рассматриваются только на примере античности, *не утверждается*, что государство было лишь следствием частной собственности и основанного на ней классового расслоения. Напротив, он трактует государство, как инструмент, при помощи которого ускорялся и закреплялся начавшийся процесс формирования частной собственности и имущественного неравенства¹.

¹ См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 108. Последнее издание - М.: URSS, 2010.

Если же обратиться к собственно марксовой трактовке этого вопроса, то его анализ азиатской формы собственности¹ явно показывает, что экономическое неравенство в ней основано не на накоплении частной собственности (которая в азиатской общине не получает значительного развития), а на противопоставлении рядовых общинников знати, в которой воплощается единое начало общины либо совокупности общин. Знать в силу этого претендует на распоряжение прибавочным продуктом общины для некоторых общих нужд и целей (ирригация, война, храмовое строительство...), и, в конечном счете, происходит концентрация прибавочного продукта в руках деспота и его сатрапов.

Чтобы социальные конфликты не похоронили под обломками само классовое общество, государство, уже на ранней стадии истории эксплуататорских обществ, принимает меры по ограничению эксплуатации. Это ограничение не ликвидирует эксплуатации и касается лишь семей полноправных общинников, формирующих этническое ядро государства и поставляющих воинов для армии. Обычно вводился запрет (или ограничение по срокам) на обращение полноправных общинников в рабство за долги, декларировалась неприкосновенность общинных наделов, иногда устанавливался максимум частного землевладения и проводилась кассация (отмена) долгов. Реформы такого рода характерны для обществ, развивающихся по пути как античного, так и азиатского способов производства (реформы Перикла в Афинах, реформы Сервия Туллия в Риме, реформы Урукагины в Лагаше, ограничение сроков долгового рабства и неотчуждаемый характер земельной собственности воинов по кодексу Хаммурапи в Вавилоне и т.д.).

Вообще на ранней (раннеклассовой) стадии своего развития общества, переходящие затем к античному и азиатскому способам производства, довольно схожи. Ранние азиатские вожества (*chiefdoms*) и города-государства (в Междуречье, долине Инда, в Иньском Китае) имеют свои античные (города-государства крито-микенского периода), а также африканские (ранние египетские номы, города-государства йоруба) и мезоамериканские (города-государства ацтеков и майя) аналоги.

Крупное частное землевладение на начальной стадии и там, и там развито слабо. Применение труда рабов имеет весьма ограниченные масштабы. Государство (царь) не выступает верховным собственником земли, но не существует и строгого разграничения прав царя, общин и частных собственников на распоряжение земельными

¹ См.: Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. Формы, предшествующие капиталистическому производству. / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 463-464.

участками. Государь своими распоряжениями может выделять из общинных земель участки в частное (служебное) пользование, или участки, урожай с которых обращается на обеспечение общественных работ.

Однако уже на ранней стадии начинают просматриваться и различия. Земледельческие семейные хозяйства в античном полисе в производственном отношении практически самостоятельны. В азиатском городе-государстве (Хараппа в долине Инда, Ур в Междуречье, Мен-Нофр и Уасет¹ в долине Нила) земледелец зависит от системы орошения, которая организуется не одним хозяйством и даже не одним селением. Либо имеется какая-либо другая производственная необходимость, объединяющая работу целого ряда общин (например, совместная защита и расширение территории отгонного или кочевого скотоводства у пастушеских обществ).

Промежуточное положение занимает степень самостоятельности семейных хозяйств в городах-государствах майя: с одной стороны, подсечно-огневое земледелие для культивирования маиса (система *milpa*) требует совместных общинных работ на соответствующих участках. С другой стороны, масштаб этих работ, так же, как и в террасном земледелии, и при системе «возвышенных полей» («приподнятых полей»), не выходит за рамки небольших сельских общин. Поскольку майя до испанской конкисты так и не превзошли данный уровень хозяйственного развития, невозможно твердо установить, пошла бы дальнейшая эволюция раннеклассовых городов-государств майя по античному или же по азиатскому варианту (как это было у ацтеков, или у кечуа в государстве Инков).

В азиатских городах-государствах уже на ранней стадии формируются значимые храмовые и царские хозяйства, основанные на труде рабов, чего почти нет в античных полисах.

В азиатском обществе изначально выше степень государственной централизации и отделения государства от общества. Рядовые общинники, и даже та часть привилегированных сословий, которая принадлежит к числу не самых богатых и знатных, уже на ранней стадии утрачивают всякие политические права и могут рассчитывать в лучшем случае на чисто исполнительскую роль мелкого или среднего чиновника. Хотя даже рядовой писец в азиатском обществе стоит неизмеримо выше рядового общинника, он стоит вне формирования политики.

В античном полисе, даже при монархической форме правления, сохраняются те или иные формы участия рядовых граждан (само это

¹ Мен-Нофр и Уасет – предположительные египетское наименование городов, в более привычном нам в греческом написании именующихся Мемфис и Фивы.

понятие чуждо азиатскому обществу) в решении государственных дел – через народное собрание, пусть и весьма урезанное в своих функциях, через выборы некоторых должностных лиц, либо, в крайнем случае, через закрепляемые правом формы участия знати в решении государственных дел (римский сенат, афинский ареопаг, аналогичные формы представительства знати в Карфагене – Совет десяти, Совет 104-х, – и в Спарте).

Слабость производительных сил раннеклассовых обществ определила тот факт, что далеко не все из них перешли к античному или азиатскому способу производства (а в некоторых из них в следующую историческую эпоху не сложилось и феодальное общество, во всяком случае, в достаточно полной мере). В какой-то мере относительной слабостью производительных сил объясняется и широкое распространение необходимости в поддержании функционирования семейных земледельческих хозяйств на основе совместных усилий целого ряда общин. Хотя коллективная ирригация и обеспечила обществам азиатского типа значительный первоначальный скачок в уровне развития производительных сил, она, в конечном счете, спровоцировала формирование факторов, сговывающих такое развитие.

Лишь на сравнительно ограниченной территории, там, где при данном уровне производительных сил оказалось возможным эффективное ведение относительно небольших (семейных) самостоятельных земледельческих хозяйств (большая часть Средиземноморья – Греция, Рим, Карфаген, Финикия и их колонии на Иберийском и Апеннинском полуострове, на Средиземноморских островах, в Причерноморье, в Малой Азии, на побережье Северной Африки), развился античный способ производства. Некоторую типологическую близость к античному способу производства обнаруживает древнее общество Японии.

Дивергенция раннеклассовых обществ на античный и азиатский способ производства определяется, таким образом, различием земледельческих технологий, позволяющих в одном случае вести самостоятельное семейное хозяйство, а в другом – требующих совместных скоординированных усилий большого количества людей на обширной территории (как правило, для сооружения и поддержания оросительных систем). В свою очередь, это различие технологий, в конечном счете, определяется различием природно-климатических условий.

В данном случае мы сталкиваемся с примером существенного влияния природных (а не социальных) факторов на специфику формирующихся производственных отношений. На этой исторической ступени развития относительная слабость общественных производительных сил определяет столь значительную роль их естественных,

природных предпосылок, значительную степень зависимости человеческого общества от свойств природной среды.

Античное и азиатское общества характеризуются такой специфической чертой, как принципиальная многоукладность экономических систем.

Многоукладность – сочетание в рамках одного способа производства систем производственных отношений, качественно различающихся между собой, образующих самостоятельные (т.е. с относительно полным циклом воспроизводства продукта и общественных отношений) хозяйственные уклады, устойчиво взаимодействующие между собой и дополняющие друг друга. Уклады могут трактоваться как *второстепенные способы производства*, не могущие образовать основу хозяйственного строя данного общества.

В *переходных* обществах *многоукладность* выступает как сочетание в рамках единого национального хозяйства укладов, опирающихся на *разные способы производства*, причем один из них в исторически короткие сроки вытесняет другой.

В современную эпоху *многоукладность* обычно выступает как признак переходного общества. Азиатский и античный способы производства складывались из разнородных укладов, взаимодействовавших между собой. Одно из отличий азиатского и античного способов производства друг от друга состоит в разном значении и удельном весе различных укладов. Среди этих укладов были:

□ производство в рамках сельской общины (главным образом сельскохозяйственное, но в небольших масштабах и ремесленное), опиравшееся на труд самих общинников и на ограниченное применение вспомогательного рабского труда (в патриархальной форме), в основном носившее натуральный характер и лишь в малой степени обращавшееся к рынку (что было характерно главным образом для пригородных хозяйств). *Азиатский и античный тип общины сильно отличались друг от друга, что формировало и различие самих этих способов производства;*

□ производство в частных хозяйствах знати, основанное на рабском труде или труде лично-зависимых общинников (арендаторы, должники), отличавшееся, как правило, полунатуральным характером, хотя в античном мире существовали и интенсивные товарные частные хозяйства. Особой разновидностью таких хозяйств в азиатском обществе выступали царские и храмовые хозяйства;

□ городское товарное хозяйство ремесленников, купцов и мелких торговцев, основывающееся на собственном труде, с ограниченным применением рабского и наемного труда;

Среди отличавшихся друг от друга производственных отношений, обычно не образующих особых самостоятельных укладов, были:

- ограниченно использовавшийся (сезонные работы в частных хозяйствах на селе, городское ремесло) наемный труд;
- патриархальное рабство (в сельских общинах и в городском ремесле);
- пережитки древних доклассовых общинных порядков.

Другой характерной чертой азиатского и античного способов производства (как и докапиталистических способов производства вообще) является оформление их социальной структуры в виде **сословий**. Социальная структура этих обществ, безусловно, носила классовый характер, однако эти классы на поверхности социальных отношений, в том числе в своих правовых формах, выступали как сословия.

Сословия – форма проявления классового деления общества при докапиталистических способах производства. Сословные группы характеризовались *различным юридическим положением*; носили, как правило, *наследственный и относительно замкнутый характер*.

Сословное деление могло быть весьма близким к фактическому классовому делению, а могло и не совпадать с последним, разделяя тот или иной класс на разные сословия, либо объединяя различные классы в одном сословии. Внутри сословий нередко выделялись подгруппы с различным правовым статусом (на который могло накладываться также деление по профессиональному, этническому, религиозному и др. принципам). Наиболее жесткой формой сословного деления выступает **кастовая система**, абсолютно воспрепятствовавшая переходу из одного сословия (касты) в другое.

Существование сословных форм классового деления общества определялось в первую очередь тем фактом, что отношения эксплуатации в докапиталистических способах производства строились на *внеэкономическом принуждении к прибавочному труду*. Именно поэтому была *необходима открытая правовая фиксация классового неравноправия*. Наиболее четко был фиксирован неравноправный статус рабов, которые, например, в античном обществе, стояли вообще вне официальной сословной структуры. Тем не менее, негативными нормами права (запретами – запрет на самостоятельное заключение сделок, на владение имуществом, на выступление в суде даже в качестве свидетеля и т.п.) их правовой статус был определен в близком соответствии к их фактическому социально-экономическому положению.

С течением времени сословный статус мог сильно отрываться от фактического социально-экономического положения человека. Например, в некоторых азиатских деспотиях лица, являвшиеся по словному статусу рабами, могли занимать посты министров и даже первых визирей, некоторые римские вольноотпущенники могли быть богаче сенаторов, а в позднефеодальной России некоторые крепостные могли превосходить по своему богатству дворян.

11.2. Азиатский способ производства

Высокая степень государственной централизации в азиатском обществе тесно связана с необходимостью обеспечения совместных усилий (в масштабе значительных территорий) для создания необходимых условий ведения земледельческого хозяйства. Соответствующая деятельность отдельных семейных хозяйств и общин координируется в местном и в общегосударственном масштабе. Разумеется, эта деятельность не обязательно охватывает все возделываемые земли. Но раз возникает необходимость надобщинной координации хозяйственных работ, соответствующие отношения закрепляются и становятся господствующими на всей территории данного государства. Кроме того, для обществ азиатского типа вообще характерно применение ручных технологий в земледелии, распространение строго координированного во времени массового применения рабочей силы (например, в технологии возделывания рисовых полей).

Значительная роль совместных усилий определяет невысокую степень разложения первобытной соседской общины. Более того, знать, справедливо рассматривая общину как необходимый инструмент функционирования сельскохозяйственного производства и одновременно как фискальный механизм, в определенной мере оберегает ее от разложения (гарантия надела, запрет обращения общинника в рабство). Это, однако, не исключает применения жестких мер принуждения и даже произвола как по отношению к отдельным общинникам, так и к целым общинам (круговая порука при уплате податей, насильственное переселение, сгон на массовые работы).

Таким образом, азиатский способ производства основан на таком характере производительных сил, при котором производство прибавочного продукта в земледелии в сколько-нибудь значительных масштабах возможно только через общинную и межобщинную кооперацию труда. Поэтому эффективное производство прибавочного продукта на основе частной собственности возможно лишь в очень крупных хозяйствах (примерами таких хозяйств являются царские и храмовые хозяйства), либо за счет паразитирования частного

хозяйства на общинных и межобщинных усилиях. Последнее, в частности, является одним из реальных оснований для настороженного отношения азиатской деспотии к развитию частной собственности.

В азиатской общине¹ земля находится в собственности самой общины, но выступающей в данном качестве лишь как представитель некоего верховного объединяющего начала (государя или бога, причем эти две фигуры могут взаимопроникать). Отдельный человек растворен в общине, получая от нее надел лишь в личное владение. *Такой характер азиатской общины сближает ее с первобытной соседской общиной, придает азиатскому способу производства архаические черты, и облегчает надстраивание азиатской деспотии над первобытными общинами покоренных народов, находящихся на доклассовой и догосударственной ступени.*

Азиатская община достаточно стойко противостоит разлагающему влиянию отношений личной зависимости – рабства, ростовщичества, кабальных сделок и т.д., ибо они, в общем, не противоречат характеру отношений в общине. Азиатский общинник "по определению" находится в зависимости от общины, а через нее – от государевых сатрапов и самого деспота. Расслоение в общине, выделение обедневших слоев, превращающихся в арендаторов и должников знатной и богатой верхушки общества, не приводит к распаду самой общины и отношений «община – государь». Разлагающее действие указанных процессов проявляется тогда, когда оно приводит к массовому обезземеливанию общинников, либо к перемене "вектора" зависимости – когда зависимость от монарха и знати, как представителей государства, превращается в частную зависимость.

В обществах азиатского типа имущественное укрепление знати происходит (во всяком случае, первоначально) *главным образом не за счет узурпации общинных земель и частной эксплуатации общинников. Знать эксплуатирует общинников через систему общегосударственной иерархии.* Должность в государственном аппарате дает знати право на получение части доходов (рента-налог) с подведомственной территории. Для должностного лица могут выделяться земли (селения), доход с которых целиком поступает на его содержание. Принадлежность к знати фактически совпадает с занятием должности в государственном аппарате, и без последнего условия знатность легко утрачивается (хотя, конечно, происхождение из знати дает фактические преимущества при занятии должностей).

¹ При рассмотрении здесь и далее характерных черт азиатской, античной и германской общин следует учитывать, что к этим типам далеко не сводится своеобразие форм общин, существующих в ранних классовых обществах, и указанные три формы вовсе не представляют собой исчерпывающую классификацию, а лишь выделяются как наиболее ранее изученные характерные типы.

Поскольку распределение должностей находится в руках монарха (деспота), он и окружающая его узкая верхушка знати (двор) приобретают исключительный политический вес. В таких условиях развитие частного землевладения объективно ограничено, и это лишает господствующий класс экономической независимости от государя. (Нередко азиатскую деспотию характеризуют как общество «поголовного рабства», имея в виду значительную степень бесправия всех социальных групп). Кроме того, поскольку в данных условиях деспот и фактически, и юридически выступает как центральная фигура, олицетворяющая систему общинной собственности на землю, частные земельные владения, в том числе и знатной верхушки, имеют весьма слабую правовую гарантию.

Эти реальные черты азиатской деспотии породили в исторической науке тенденцию, идущую еще от некоторых французских просветителей, а в новейшее время воспроизведенную Карлом-Августом Витфогелем («Восточный деспотизм», 1957), рассматривать азиатское общество как царство деспотизма, основанного лишь на произволе и отсутствии каких либо личных прав и свобод. Эта концепция настаивала на принципиальной противоположности в этом отношении «западного» и «восточного» общества, на неспособности последнего к какому-либо прогрессу. Впоследствии эта концепция была также использована для отождествления социалистического строя и строя азиатской деспотии.

Подобные примитивные представления давно и убедительно разоблачались в исторической науке, начиная с книги А.-Г. Анкетиль-Дюперрона ("Восточное законодательство", 1778), где было показано, что в этих странах политическая регуляция основывалась на устойчивых правовых системах, а проявления деспотизма возникали лишь в условиях срыва и нарушения этих систем¹. Значительный уровень государственной централизации в азиатской деспотии компенсировался наличием сдержек и противовесов – государь был вынужден считаться с объективным хозяйственным значением провинций и провинциальной знати, существовал значительный корпус законов и обычаев, ограничивающих произвол государя. Хотя история Востока знает немало примеров произвола, она знает и немало примеров его обуздания. Такая взвешенная позиция была характерна и для советской исторической науки².

Однако искушение использовать жупел восточного деспотизма в антисоциалистической (а в какой-то мере – и в антироссийской) пропаганде при-

¹ См.: Ерасов Б.С. Феномен "восточного деспотизма" как явление "нового мышления" // Восток. 2000. № 4.

² Лучшие работы советских ученых позволяют прийти к выводу, что представление о широком, если не всеобъемлющем распространении деспотии в пространстве и времени сильно преувеличены. В настоящее время нет оснований говорить о том, что деспотия свойственна Востоку вообще" (Рубин В.А. Проблемы восточной деспотии в работах советских исследователей // Народы Азии и Африки, 1966, № 4, с. 103).

вело к усиленному навязыванию этой концепции (в том числе в виде концепции «власти-собственности») в России 90-х годов¹.

Не следует рассматривать азиатскую деспотию как совершенно монолитную систему, основанную только на редистрибуции (перераспределении) производимого общинами продукта через систему государственной иерархии. Хотя эта система отношений была главенствующей, частная собственность (хотя бы в виде частного владения и частного землепользования) и основанные на ней отношения, в том числе и частное накопление, и наследование имущества, имели заметное распространение (не только в ремесле и торговле, но и в земледелии). В связи с этим происходил и рост частно-зависимого населения (арендаторов, должников, кабальников).

Однако отношения частнохозяйственной эксплуатации носили подчиненный характер по сравнению с основополагающими, основанными на перераспределении прибавочного и части необходимого продукта через систему государственной власти. Вообще для азиатской деспотии характерна низкая степень гарантированности частной собственности, что касается не только землевладения. Ремесло и торговля жестко регламентируются, подчас подвергаясь весьма суровым ограничениям (известен пример даже заговора против китайского императора недовольных такими ограничениями купцов). Однако при этом уровень развития городского ремесла и торговли довольно высок.

Значительная концентрация доходов в руках государя и правящей верхушки приводит к более раннему, чем в античном мире, возникновению крупных городов с развитой государственной администрацией, ремеслом и торговлей. Высокая концентрация спроса (со стороны знати) обеспечивает выгодность развития высокоспециализированного ремесла. Не случайно античные историки ставили ремесленные изделия Востока выше ремесленных изделий античного мира. Эта же концентрация спроса обеспечивала и выгодность торговых экспедиций за экзотическими товарами. Помимо того, централизованная азиатская деспотия, как правило, заботилась (из военных соображений) о состоянии путей сообщения на своей территории.

---

¹ См., например: Н.А. Иванов и Л.С. Васильев. Введение; Ю.В. Павленко. Человек и власть на Востоке; Л.С. Васильев. Традиционный Восток и марксистский социализм // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М., 1993; Васильев Л. С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982; Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояния россиян. Изд. 2-е, исправленное. Спб.: Норма, 1997.

Большая концентрация знати, служилого, торгового и ремесленного населения в городах создавала и местный рынок для сельскохозяйственных продуктов. Однако в сколько-нибудь значительных масштабах на рынок выходили только пригородные хозяйства. У остальных потребность в деньгах была минимальной – подати взимались натурой, натурой же расплачивались с сельскими кузнецами, гончарами, ткачами, сапожниками.

В силу неразвитости частной собственности и товарного хозяйства на селе не является широко распространенным и производительное частное рабовладение. Рабы могут принадлежать как членам господствующего класса, так и зажиточным рядовым общинникам, и общинам. Но их хозяйственное значение невелико. Это либо слуги, либо работники, выполняющие наиболее тяжелые непроизводительные функции, что характерно для системы патриархального рабства. Исключения составляют царские и храмовые земли, где производительный труд рабов применялся в широких масштабах.

Одной из немногих возможностей экспансии частного землевладения в азиатской деспотии являются внешние завоевания. Они же являются каналом ослабления противоречий, связанных с аграрным перенаселением (нехватка обрабатываемых земель при росте земледельческого населения, что приводит к дроблению наделов, падению доходов с одного надела, росту массы люмпенизированного населения).

Стремление к внешней экспансии имеет также более фундаментальную причину, корнящуюся в самих основах азиатского способа производства. Застойный характер развития производительных сил оставляет господствующему классу лишь один путь увеличения массы присваиваемого прибавочного продукта – увеличение численности податного населения и площади обрабатываемых земель. Ведь рост производительности труда происходит крайне медленно, почти незаметно, а увеличение нормы эксплуатации быстро натывается на абсолютные пределы. Содрать, конечно, можно и три шкуры, и семь шкур, но так дело скоро дойдет и до исчезновения объекта эксплуатации.

Поэтому для азиатских деспотий свойственно стремление к постоянной внешней экспансии.

К определенным исключениям относятся деспотии Древнего и Средневекового Китая. Освоив территорию современного Китая, они в довольно ограниченных масштабах прибегали к внешней территориальной экспансии по той простой причине, что соседние территории (пустыня Гоби, Южно-сибирская тайга, Тибет, гористые джунгли Индокитая) не имели сколько-нибудь больших массивов готовых сельскохозяйственных земель.

Внешняя экспансия легче осуществляется по отношению к народам, стоящим на догосударственной ступени развития. Однако нередко нет другого пути, как обратить эту экспансию против подобных же соседних деспотий. В таких случаях взаимная борьба может продолжаться с переменным успехом сотни лет. Сами «азиатские» деспотии нередко становятся объектами экспансии со стороны раннеклассовых обществ, преимущественно кочевых. Особенности социально-экономической структуры последних (каждый мужчина – конный воин) дают им массовое подвижное войско.

Достаточно часты случаи эффективных завоеваний, осуществляемых кочевыми племенами. Однако создаваемые ими империи существуют обычно недолго. Разнородные в хозяйственном отношении, разноплеменные, раскинувшиеся на обширных пространствах (империя хеттов, Хазарский каганат, империя Чингисхана, империя Тимура) они в исторически короткие сроки распадаются.

Возможен и другой исход – столкнувшись с регулярным войском крупного земледельческого государства, кочевники постепенно истощают свои силы в набегах, ослабевают и отступают (гунны и Китайская империя, казахи и Русь).

Стремление знати азиатского общества к внешней экспансии имело далеко идущие последствия. При удаче могли формироваться огромные империи. Однако постоянная внешняя экспансия истощала силы коренного земледельческого населения, которое являлось основным поставщиком воинов. Войны требовали расходов, и дополнительные поборы также ложились на рядовых общинников. Ухудшение экономического положения семейных хозяйств вовлекало их в разного рода кабальные и ростовщические сделки.

С течением времени, вопреки принятым правовым нормам, происходит рост частного землевладения знати за счет земель общин и наделов рядовых общинников, часть из которых превращается в арендаторов на кабальных условиях или даже в рабов. Растут частные хозяйства знати на новых покоренных землях. Если в начальный период формирования империй степень эксплуатации коренного земледельческого населения была не столь велика, как степень эксплуатации покоренных народов, то описанные выше процессы ведут к сближению их положения.

Такая эволюция азиатского общества имеет двойные последствия. Во-первых, *ослабевает массовая социальная база азиатской деспотии в виде рядовых общинников, принадлежащих к коренному этническому ядру.* Их относительно привилегированный статус (гарантия надела, гарантия от рабства, фиксация податей на уровне более низком, чем у покоренных народов, льготы, связанные со службой в войске или с государственной службой) размывается. Войско, рекрутируемое из их рядов, становится менее надежным. Кроме того, рост

величины империи уже не позволяет обходиться «этнически чистым» войском. Оно становится разноплеменным, что также снижает его стойкость и управляемость.

Во-вторых, *рост частного землевладения знати ведет и к росту ее экономической независимости от государя*. Правители отдельных территорий (которые ранее нередко были самостоятельными государственными или полугосударственными образованиями – например, номы в древнем Египте, или города-государства Междуречья) начинают претендовать на самостоятельную политическую роль. Этому способствует трудность поддержания единой централизованной администрации при росте масштабов империй азиатского типа.

Рост тенденций к территориальной и экономической раздробленности ведет к нарастанию внутренних противоречий и ослабляет государство. В лучшем случае оно переживает череду социальных конфликтов (междоусобицы, восстания крестьян и рабов, подчас успешные), что обычно заканчивается сменой правящей династии и большей части знатной верхушки. Новая династия восстанавливает начальные условия развития азиатского общества (сведение доходов знати к должностным, подтверждение гарантированного экономического статуса крестьян-общинников). Подобное развитие событий можно проследить на примерах из истории Древнего Египта и Китая.

Однако нередко ослабление государства приводит к его падению в результате внешнего завоевания. Такое завоевание, впрочем, имеет последствия, схожие с предыдущим вариантом. Происходит восстановление начальных условий развития азиатского способа производства, хотя *в случае завоевания меняется этническое ядро государства* – меняется этнический состав как господствующего класса, так и той части общинного крестьянства, которая имеет гарантированный экономический статус. Эти позиции теперь занимают представители народа-завоевателя.

На одной и той же территории такого рода события могут повторяться несколько раз. Эта особенность исторического развития стран с азиатским способом производства получила название «азиатского цикла».

Почему же нарастание внутренних противоречий в азиатском способе производства не ведет к социальной революции и переходу к новому способу производства, а имеет своим результатом развитие по циклическому типу? Потому что отсутствует важнейшая предпосылка для социальной революции – выход производительных сил общества на новый уровень и обострение в силу этого противоречий между производительными силами и производственными отношениями.

Низкие темпы хозяйственного прогресса определяются в азиатском способе производства тем, что он опирается на общинные структуры, для которых свойственно стремление к самовоспроизводству в неизменном виде. Со стороны производительных сил можно отметить, что сельскохозяйственные технологии не только зависят от природного сезонного цикла, но и основаны на мелочной регламентации приемов земледелия и жесткой зависимости от следования срокам проведения соответствующих работ.

Не лишено аргументов утверждение, что застойный характер деспотии азиатского типа связан с тем, что ее главное хозяйственное основание – уклад, образуемый системой соседских общин – унаследовано от архаической общественной формации, а тип азиатской общины сходен с первобытной соседской общиной, и потому сам азиатский способ производства с большим сомнением может быть отнесен к экономической общественной формации. Ведь собственно экономические формы ведения хозяйства здесь выступают лишь небольшой надстройкой над архаическими общинами. Но эти архаические элементы сочетаются с наличием разветвленной системы *государственной власти*, социальная структура азиатской общины *отличается* от структуры первобытной общины, для азиатской деспотии характерны социально-классовое расслоение общества и систематическая *эксплуатация*, что и не позволяет отнести азиатскую деспотию в один типологический ряд с доэкономическими (архаическими) обществами. Эксплуататорский характер азиатского способа производства делает экономический (то есть нацеленный на присвоение богатства) характер производственных отношений господствующим в данном обществе, что и определяет включение азиатского способа производства в рамки экономической общественной формации. *В силу этих причин нет достаточных оснований саму азиатскую деспотию относить к архаической общественной формации, и поэтому отказываться от концепции азиатского способа производства.*

Тем не менее, не следует игнорировать фундаментальное противоречие между экономическим характером отношений знати с общинным крестьянством, и почти совершенно архаическим характером производственных отношений внутри общинной системы хозяйства. Это противоречие в длительной исторической перспективе определило особенности исторической эволюции обществ азиатского типа, которые в подавляющем большинстве так и не вошли в капиталистическую эпоху за счет внутренних источников развития.

В конечном счете, и азиатское общество способно пережить социальную революцию (но далеко не всегда в силу развития внутренних противоречий). Хотя экономическое развитие азиатской общины носит довольно застойный характер, а частная хозяйственная инициатива существенно ограничена, эволюция производительных сил происходит и в таком обществе. С течением времени на ее осно-

ве становится возможным эффективное функционирование локальных хозяйственных общностей (поместий). Может исчезать или значительно сокращаться (например, из-за климатических сдвигов, в том числе и техногенных) возможность ведения земледелия, основанного на крупномасштабной ирригационной сети. Может происходить откол от больших деспотий (империй) территорий, на которых нет необходимости опираться на общегосударственную ирригационную сеть.

Тем самым создается экономическая возможность для превращения должностных наделов в наследственное землевладение и для связанного с этим частного закабаления крестьян-общинников, между которыми и частными землевладельцами возникают отношения крепостного и сеньора. Такое наследственное землевладение не является, однако, полной частной собственностью, а санкционируется со стороны государственной иерархии. Между государственными должностными лицами разных уровней, постепенно приобретающими статус самостоятельных землевладельцев, устанавливаются отношения сюзерена и вассала. Формируются феодальные отношения. Качественный переход от азиатского способа производства к феодальному в условиях азиатского общества обычно растянут во времени и редко носит выраженный скачкообразный характер. Очень часто феодализация в азиатском обществе сопровождается сохранением многих черт азиатской деспотии.

11.3. Античный способ производства

Формирование античного способа производства связано с тем, что естественные предпосылки производительных сил дают возможность относительно самостоятельного ведения семейного хозяйства, приносящего прибавочный продукт. Как и в азиатском способе производства, его функционирование проблематично без сохраняющихся традиций общинной взаимопомощи и без опоры на фонд общинных земель (леса, покосы, выпасы...). Однако семейное хозяйство вполне может развиваться без других дополнительных хозяйственных условий, контролируемых государством (например, организуемых государством ирригационных работ).

Античная община выступает как союз частных собственников (и в этом ее принципиальное отличие от азиатской общины, определяющее, в конечном счете, и разную историческую судьбу античного и азиатского общества). Этот союз есть нечто отличное от самих собственников, существуя в виде античного полиса. В античной общине общинная земля (*ager publicus* древних римлян) четко отделена от

частных наделов общинников. Античный город-государство есть форма союза земельных собственников (тогда как азиатский город есть государев стан или ставка крупнейших сатрапов верховного деспота, опирающаяся на *принудительное* объединение сельских общин в городское поселение). Но и в античном обществе земельный собственник является таковым лишь как член общины.

Как и в азиатской общине, античные крестьяне-общинники отдают свой прибавочный труд государству – однако этот прибавочный труд *не является источником доходов всего эксплуататорского класса*, а предназначен лишь на содержание государственного аппарата (не руководящего, в отличие от азиатской деспотии, хозяйственной деятельностью общин), в первую очередь – на обеспечение войска. Поэтому часть общинников – зажиточные крестьяне и ремесленники – получает возможность накапливать некоторую долю прибавочного продукта в своих руках. Античная община опирается на более высокий уровень общественного разделения труда – ремесло в античном обществе в большей мере концентрируется в городе в противоположность деревне. Сами сельскохозяйственные технологии связаны с применением более сложной системы орудий труда, чем в «азиатских» обществах.

Такого рода условия сложились в Древнем мире главным образом в районах Северного и Восточного Средиземноморья и некоторых прилегающих к ним. Это *не значит*, что в Азии, Африке или Америке *не было территорий, позволяющих вести аналогичное самостоятельное семейное или частное хозяйство*. Однако там, как правило, систематическое производство прибавочного продукта в массовом масштабе в тот период было возможно *главным образом* на территориях, требующих значительных работ, организуемых на обширном пространстве *с участием государства*. Поэтому господствующие социально-экономические отношения сложились по типу азиатского способа производства.

Государство в античном обществе несет ограниченные хозяйственные функции (сбор налогов и ресурсное обеспечение работы государственного аппарата, организация войска, поддержание дорожной сети, чеканка монеты, судебные и полицейские функции, правовое регулирование хозяйственной деятельности, поддержка государственного культа). Сами размеры античных государств-полисов обычно меньше, чем размеры азиатских деспотий (хотя на раннем этапе и те, и другие представляют собой города-государства).

В античном обществе быстро получает развитие частная земельная собственность. Наделы общинников начинают отчуждаться за долги, поскольку ссуда деньгами или натурой нередко давалась под

залог земельного участка. Ссуда под залог земельного участка получила в Древней Греции название ипотека.

Поскольку процесс обезземеливания общинников ведет к размыванию массовой социальной базы античного полиса, то государство на определенном этапе принимает меры к ограничению этого процесса, равно как и к ограничению долгового рабства общинников.

Однако, несмотря на эти ограничения, в античном обществе значение частного хозяйства более велико, чем в азиатском. Соответственно и экспансия крупного частного землевладения принимает здесь более интенсивные формы. *Вся история античных обществ проникнута борьбой мелкого частно-общинного и крупного частного землевладения.*

Одной из форм разрешения противоречия между мелким и крупным землевладением, как и снятия проблем аграрного перенаселения, служит (подобно тому, как это обстоит и в азиатской деспотии) внешняя экспансия. Менее острой формой такой экспансии выступает колонизация (образование на относительно необжитых землях новых полисов-колоний греческими или финикийскими городами-государствами). Более острая форма внешней экспансии — формирование империй (империя Александра Македонского и созданные на ее основе эллинистические государства, Римская империя).

Но и на территориях этнического ядра античных государств происходит заметное развитие крупного частного землевладения. Обработка таких частных земельных владений производится трудом рабов или зависимых крестьян. Поскольку возможности закабаления свободных общинников ограничены, то для античного крупного частного землевладения динамика ресурсов рабского труда приобретает весьма существенное значение.

Рабство в античном полисе во многом теряет свой патриархальный характер. Рабы в крупном частном хозяйстве выполняют уже не вспомогательные, а основные хозяйственные функции, что ведет к возросшей интенсивности их эксплуатации. Относительно низкая эффективность рабского труда в силу незаинтересованности рабов в труде, что выражается в небрежном или нарочито плохом обращении с рабочим скотом, в порче орудий и т.п., ведет к развитию жесткого внеэкономического принуждения, чему соответствует бесправный статус рабов («говорящее орудие»). Широкие масштабы приобретает работорговля, как канал поступления рабов, захваченных в грабительских войнах, в частные хозяйства. Существует и долговое рабство сограждан, но законы и обычаи стремятся придать ему ограниченный характер.

Хотя крупные (как и мелкие) частные хозяйства носили в основном натуральный характер (ориентировались на самообеспечение), потребности господствующего класса не могли быть удовлетворены за счет лишь натурального хозяйства. Потребность в деньгах ведет к созданию в частных земельных владениях отраслей специализации, ориентированных на городские рынки либо на внешнюю торговлю. Таковы были древнеримские виллы и большинство рабовладельческих поместий в древних Афинах. Рыночную ориентацию с самого начала имели ремесленные хозяйства, использовавшие труд рабов (которым доверяли обычно лишь наиболее примитивные операции).

Товарное производство и торговля в античном обществе (как и в азиатском) концентрировались вокруг городов. Торговля подвергалась регламентации, хотя и не столь жесткой и произвольной, как в азиатских деспотиях. Права торговцев гарантировались, но существовала разница в уровне как правовых, так и фактических гарантий для соотечественников и для иностранцев. В основном торговля затрагивала неземледельческую часть городского населения, крупных землевладельцев, и отчасти – пригородные хозяйства крестьян-общинников.

Роль торговли и товарного производства в античном мире несколько выше, чем в «азиатском». Поскольку крестьянское и ремесленное хозяйство в античном мире более самостоятельно (и нередко может удержать в своих руках часть прибавочного продукта), крестьяне и ремесленники чаще обращаются к рынку, и в меньшей мере используют натуральный обмен внутри общин. Довольно высокая степень гарантий прав частной собственности и частного накопления, и меньшая стесненность торговли способствовали также более широкому распространению торговых операций за пределы локальных, местных рынков. Этому соответствует и значительное развитие в античном обществе частного права (классическое римское право).

Наличие массы мелких самостоятельных крестьянских, ремесленных и торговых хозяйств, и личная свобода занятых в них лиц (в противовес принципу "поголовного рабства" в азиатской деспотии) создает в античном обществе социально-экономические предпосылки для политической демократии. Нередко происходит переход от свойственной раннеклассовому обществу деспотической формы правления к демократическому государству. *Если азиатский крестьянин и ремесленник – лишь подданный, то античный – гражданин.*

Однако с ростом значения крупного частного землевладения, и с формированием зажиточной торгово-ростовщической верхушки, античная демократия постепенно оттесняется аристократической или олигархической формой правления, а затем и монархией, сохраняющей, однако, некоторые демократические атрибуты.

Борьба крупного и мелкого землевладения наряду с внешней экспансией приводит к эволюции античного общества. Внешняя экспансия поначалу ослабляет пресс аграрного перенаселения, обеспечивает земельные наделы для воинов (ветеранов или воинов-поселенцев), создает приток рабов, обеспечивающий ведение интенсивного рабовладельческого хозяйства. В условиях постоянного притока свежих контингентов рабов их можно эксплуатировать «на износ», присваивая не только весь производимый ими прибавочный, но и часть необходимого продукта.

Однако затем начинают обостряться порожденные уже отмеченными выше противоречиями проблемы (некоторые из которых были обрисованы на примере азиатской деспотии). Отчасти эти противоречия связаны с пределами внешней экспансии, что первой продемонстрировала быстрая фрагментация империи Александра Македонского, а затем и исторически не слишком долговременное существование большинства ее осколков – крупных эллинистических государств. Попытки синтеза местных азиатских и привнесенных античных порядков в конечном счете не удались, не только в силу объективного значения местных хозяйственных условий, но и в силу ограниченности людских ресурсов античной колонизации соответствующих территорий. Фактически это привело не к эллинизации Востока, а к «варваризации» эллинистических государств.

Если для древних Финикии, Карфагена, Афин, Македонии, Эпира, Рима внешняя экспансия, обращенная на варварскую периферию, была необходимым способом разрешения внутренних противоречий, то она наталкивалась на определенные границы. Экспансия расширяла завоеванную территорию, которую надо было контролировать при помощи военной силы, и увеличивала протяженность границы соприкосновения с враждебными варварскими племенами и государствами. Это требовало наращивания воинских контингентов, истощая силы коренной народности.

Параллельно с этим внутри метрополии происходила ползучая экспансия частного землевладения за счет общинных земель и частных наделов свободных общинников.

Какое-то время шла борьба между демократическим и олигархическим проектами разрешения этих противоречий. Первый был представлен в древнем Риме реформами братьев Гракхов, в Спарте – реформами Агиса и Клеомена, характерной чертой которых было принудительное ограничение крупного землевладения, и поддержка за счет него мелкого землевладения. Второй – переходом к цезаризму в Риме, и к олигархической тирании – в греческих полисах.

Ранний цезаризм (режим *принципата*) можно рассматривать как первый исторический пример диктатуры бонапартистского типа –

диктатуры, опирающейся на лавирование между классами и социальными слоями в условиях неустойчивого равновесия между ними. Цезаризм привел к прекращению в Древнем Риме гражданских войн, основой которых был конфликт из-за разрешения аграрного вопроса. Произошло временное смягчение остроты проблемы обезземеливания общинников путем наделения ветеранов землей в завоеванных провинциях и в конфискованных владениях политических противников, а также путем вывода колоний на завоеванные территории. Укрепил политические позиции знати путем ограничения демократии, цезаризм в тоже время укрепил контроль государственного аппарата и над знатью, обеспечив принудительную консолидацию господствующего класса, ограничив разрушительные внутренние конфликты и соперничество в его среде.

Однако с течением времени все большее число общинников теряло землю, превращаясь либо в зависимых крестьян-арендаторов (римские колонны), либо в люмпенизированных городских жителей («пролетариат» античного мира, лишь часть которого реально представляла собой ресурсы наемного труда). Неизбежное замедление внешней экспансии ограничивало приток рабов, препятствовало их безудержной эксплуатации, вынуждало идти на смягчение форм рабской зависимости («рабы с хижинами» – рабы, за которыми фактически признавались права на движимое и частично недвижимое имущество, в том числе на пользование наделом, и на создание семьи).

Все это означало падение качества и эффективности применяемой в сельском хозяйстве рабочей силы, вело к росту паразитических, люмпенизированных слоев, существовавших за счет подачек государства и аристократии. Сокращение числа самостоятельных крестьянских хозяйств и рост числа городских люмпенов, живших на натуральные хлебные раздачи, означали рост натуральной налоговой нагрузки и сокращение внутреннего рынка, что вело к падению товарности хозяйств. Уменьшение возможностей вести частное хозяйство, основанное на крайне интенсивной эксплуатации рабского труда, вело к упадку специализированного производства и переходу от интенсивных хозяйств, ориентированных на рынок (виллы в Древнем Риме) к более замкнутым многоотраслевым поместьям, имевшим в силу этого и более крупные размеры (латифундии).

Сверхкрупное латифундиальное землевладение в условиях вновь нарастающей политической нестабильности порождает феномен **прекария**, – условного частного землевладения, когда значительные земельные участки с расположенными на них хозяйствами передаются знатым лицам в пользование в обмен на личную поддержку.

На какое-то время повсеместный переход к автократическим режимам резко ослабил размах внутренних политических конфликтов и позволил замедлить нарастание внутренних социально-экономических противоречий в античном обществе. Но отменить эти противоречия смена формы правления была не в состоянии.

Античный мир рухнул под тяжестью сокращения числа самостоятельных крестьянских хозяйств, падающей эффективности сельского хозяйства, растущих государственных расходов, и сокращения надежных воинских контингентов, натолкнувшись также на пределы экспансии и сокращение притока рабов извне. Эти процессы сопровождались падением эффективности государственного аппарата, ростом коррупции, сепаратизмом провинций, чередой государственных переворотов, расстройством денежного обращения, упадком нравов, падением авторитета господствующей религии...

В конечном итоге, как Карфаген (под натиском Рима) и греческие полисы (под натиском сначала Македонии, а затем Рима), так и Римская империя пала под натиском завоевателей. В Восточной Римской империи, устоявшей под ударами «варваров», переход от античного способа производства к новым, феодальным отношениям, не сопровождался такими разрушительными последствиями, как на территории остального античного мира. Однако и там этот переход потребовал качественных сдвигов в господствующих производственных отношениях.

В сталинском «марксизме-ленинизме» в полном противоречии с историческими фактами гибель античного мира представлялась как результат некой вымышленной «революции рабов» (в послесталинский период эта доктрина была пересмотрена и теоретическое описание революционного перехода к феодализму было приведено в большее соответствие с историческими фактами). Восстания рабов были несомненным фактом античного мира и сопровождали всю его историю с того момента, как разложение хозяйства свободных общинников и расширение массы применяемого рабского труда приобрело заметные масштабы. Однако, поскольку класс рабов не являлся порождением тенденции к формированию нового, более прогрессивного способа производства, и даже не был основным эксплуатируемым классом античного общества, «революция рабов» не могла быть основным фактором социальной революции, приведшей к превращению античного общества в феодальное. Восстания рабов (так же, как и в азиатском обществе) никогда не приводили к сколько-нибудь существенным переворотам в системе социально-экономических отношений. Кроме того, в отличие от азиатского общества, античное не знает ни массовых восстаний крестьян, ни успешных восстаний крестьян совместно с рабами, хотя бы потому, что социальные интересы рабов и свободных крестьян-общинников резко расходились. Концепция «революции рабов» была создана как логическое следствие из концепции «рабовладельческого способа производства», опиралась на

искаженные представления о классовой структуре античного общества и на крайнюю примитивизацию роли классовой борьбы и механизмов социальной революции в истории.

В то же время не следует игнорировать ту роль, которую восстания рабов сыграли в античном обществе. Эти восстания были симптомом нарастающих противоречий в системе отношений, обеспечивающих формирование ресурсов рабского труда и эксплуатацию рабов. Восстания рабов были одним из факторов, повлиявших на смягчение форм этой эксплуатации, и на формирование системы ценностей и идейных представлений, связанных с борьбой за личную свободу человека.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. В чем заключается переход от архаической к экономической общественной формации?
2. Какие черты объединяют азиатский и античный способы производства?
3. Какие предпосылки со стороны производительных сил определяют формирование азиатского способа производства?
4. В чем специфика «азиатской» общины?
5. Какова экономическая и классовая структура азиатского способа производства?
6. Что такое «азиатский цикл»?
7. Какие предпосылки со стороны производительных сил определяют формирование античного способа производства?
8. В чем специфика античной общины?
9. Какова экономическая и классовая структура античного способа производства?
10. В чем заключается сложность классификации древних классовых обществ?
11. Какие существуют альтернативные концепции ранних эксплуататорских способов производства?
12. Каковы различия в причинах и ходе разложения азиатского и античного способов производства?
13. Попробуйте разобраться в специфике социальной революции, опосредующей переход к феодализму.

Литература для самостоятельного изучения:

Работы классиков марксизма:

- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. ч. I.
- Ф.Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
- Энгельс Ф. Марка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.
- Энгельс Ф. Франкский период // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.

В работах Нуреева специально анализируется экономический строй азиатского способа производства:

- Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе: Дониш. 1989. 245 С.

- Нуреев Р.М. Азиатский способ производства как экономическая система // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М., 1993.

Дьяконов убедительно показал слабое развитие рабства в древнем Шумере, но объявил его строй рабовладельческим (хотя в постсоветский период и отказался от этого утверждения):

- Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М; 1959.

В работах Семенова предложен вместо термина «азиатский способ производства» термин «политарный строй», исключая ограниченную географическую привязку. Автор строй СССР считает неополитарным строем, вводит понятия неосновных способов производства – не образующих основу формации:

- Ю.И.Семенов. Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах // Першциц А. И., Семенов Ю. И., Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества. Т. 2. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1994.
- Ю.И.Семенов. Введение во всемирную историю. Вып. 3. История цивилизованного общества (XXX в. до н. э. — XX в. н. э.). М.: Изд-во МФТИ, 2001.
- Ю.И.Семенов. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. 2-е изд. М.: URSS, 2011.

Другие взгляды на природу ранних классовых обществ:

- Илюшечкин, В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). М.: Наука. 1986.
- Илюшечкин В. П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М.: Наука, 1990.
- Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М.: Наука, 1977.
- Krader, Lawrence. The Asiatic mode of production : sources, development and critique in the writings of Karl Marx. Assen : van Gorcum, 1975.

В следующей работе дается полезный обзор дискуссий по проблемам социально-экономического строя древних обществ, несмотря на стремление автора втиснуть решение вопроса в рамки официальной доктрины «марксизма-ленинизма»:

- Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? Спор об общественном строе древнего и средневекового Востока, доколониальной Африки и доколумбовой Америки. М.: Наука, 1971.

Работа по проблемам соотношения формации и уклада. Стоит обратить внимание и на другие статьи на данную тему, появившиеся в этот же период на страницах журнала «Вопросы философии»:

- Гуревич А.Я. К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад. // Вопросы философии, 1968, № 2.

ГЛАВА 12

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ФОРМАЦИЯ. ФЕОДАЛЬНЫЙ СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА

12.1. Возникновение феодализма

Социальная революция, определявшая переход к феодальному способу производства на территории бывшей Римской империи (даже в пределах Византии) *нигде не носила характера прямого превращения римских античных порядков в феодальные*. Этот процесс был опосредован развитием на бывшей территории античного мира свободной общины нового типа.

Наличие массы свободных общинников в Западной Европе определялось варварским завоеванием территории Западной Римской империи. Римское крупное землевладение было подорвано, удельный вес лично зависимых крестьян (колонов) и рабов существенно снизился. По выражению Энгельса, между римским колоном и средневековым крепостным стоит свободный франкский крестьянин.

В Византии распространение свободной общины в 7-8 вв. н.э. было обусловлено массовыми народными движениями против крупного землевладения, нередко выступающими в оболочке религиозных ересей, а также широкомасштабной славянской колонизацией Балкан и отчасти Малой Азии. Все это привело к значительному упадку крупного землевладения (вплоть до раздела крупных имений между крестьянами), сокращению или полному исчезновению лично зависимого крестьянства, восстановлению свободной общины.

Следует обратить внимание на тот факт, что германская (как и славянская) община отличается как от античной, так и от азиатской. Германская община представляет собой дальнейший шаг по пути развития частного хозяйства. Она есть объединение самостоятельных частных семейных хозяйств, объединение, существующее лишь для выполнения некоторых общих функций (защита от внешнего врага, расчистка леса под пашню и т.п.). Общинные земли существуют, но выступают как совместное владение частных собственников. Такая форма общины содержит в себе большой потенциал для развития частного характера труда, а значит и участия в товарном хозяйстве.

Варварские завоевания на территории Западной Римской империи привели к формированию феодального общества постольку, по-

Cкoлькy пpoиzoшeл *синтез* пpeдпocылок фeoдaлизмa, cлoжившиxcя, c oднoй cтopoны, в пoзднeй Римcкoй импepии, a c дpyгoй – в раннe-клaccовoм oбщecтвeннoм уcтpoйcтвe плeмeн (пpeимyщecтвeннo гepмaнcкиx и кeльтcкиx), зaнявшиx тeppитopию Запaднoй Eвpoпы в xoдe "вeликoгo пepeceлeния нaрoдoв". Cлeдyeт зaмeтить, чтo фeoдaльныe пopядки cлoжилиcь и нa тeх тeppитopияx Eвpoпы, кoтopыe нe испытaли cкoлькo-нибyдь cильнoгo (или вooбщe никaкoгo) римcкoгo влияния – в Ceвepнoй, Цeнтpaльнoй и Bocтoчнoй Eвpoпe. Нaрoды, нacеляющиe этy тeppитopию, *пepeшли к фeoдaлизмy нeпocpeдcтвeннo oт раннeклaccовыx oбщecтв, минyя aзиaтcкий или aнтичный cпocoбы пpoизBoдcтвa.*

Внe зaвиcимocти oт ocoбeннocтeй гeнeзисa фeoдaлизмa – вoзник ли oн нa ocoбeннocтe *синтеза* раннeклaccовыx и пoзднeaнтичныx пopядкoв, или пoлнocтью ocoвнaн нa pазвитиe внyтpeнниx пpoтивoрeчия раннeклaccовoгo oбщecтвa, *этoт пepexoд пpeдcтaвлял coбoю coциaльнyю peвoлюцию.* Oнa cocтoялa в нacильcтвeннoм pазpyшeнии пpeжнeгo oбщecтвeннoгo уcтpoйcтвa – aнтичнoгo и/или раннeклaccовoгo – и yтвepждeнии нoвoгo, фeoдaльнoгo cпocoбa пpoизBoдcтвa.

Слaгaeмыми тaкoгo пepexoдa были, вo-пepвыx, yтвepждeниe нoвoй фopмы oбщины, ocoвнaннoй нa чacтнoм ceмeйнoм xoзяйcтвe и чacтнoй зeмeльнoй coбcтвeннocти (aллoд); вo-втopыx, pазвитиe pазличныx фopм личнoй и пoзeмeльнoй зaвиcимocти кpeстьянcтвa пpи длитeльнoм coхpaнeнии знaчитeльнoй пpocлoйки cвoбoдныx oбщинникoв; в-тpeтьиx, pазвитиe ycлoвнoгo чacтнoгo зeмлeвлaдeния, эвoлюциoниpyющeгo oт личнoгo ycлoвнoгo дepжaния "зa cлyжбy" (бeнeфиций) к нacлeдcтвeннoмy, xoтя и пo-пpeжнeмy ycлoвнo-cлyжилoмy, зeмлeвлaдeнию (лeн, фeoд); в-чeтвepтыx, фopмиpoвaниe cиcтeмы вaccaлитeтa и вoтчиннoгo иммyнитeтa.

Аллoд – нacлeдcтвeнный нaдeл зeмлeдeльцa-oбщинникa, oблaдaвшиx cвoйcтвoм cвoбoднoй oтчyждaeмocти.

Бeнeфиций – пoжaлoвaниe зeмли (пepвoнaчaльнo oт лицa кopoлeвcкoй влacти, a зaтeм и кpупныx зeмeльныx мaгнaтoв) в личнoe ycлoвнoe дepжaниe (oбычнo нa ycлoвияx нeceния вoeннoй или вoeннo-aдминистpaтивнoй cлyжбy).

Лeн, фeoд – нacлeдcтвeннoe дepжaниe yчacткa зeмли нa ycлoвияx нeceния вoeннoй или вoeннo-aдминистpaтивнoй cлyжбy.

Вaccaлитeт – cиcтeмa oтнoшeний внyтpи гocпoдcтвyющeгo клacca (фeoдaлoв), пpeдпoлaгaвшaя нeceниe вaccaлoм cлyжбy cвoeмy cюзepeнy в oбмeн нa пoкpoвитeльcтвo пocлeднeгo.

Социальная структура раннефеодальных государств была весьма пестрой. Ее составляли свободные (полноправные) общинники, принадлежащие к этническому ядру государства, полусвободные (неполноправные общинники) – обычно жители покоренных территорий, а также рабы и лица, находящиеся в различных, первоначально весьма многообразных, формах личной и поземельной зависимости.

В процессе формирования феодальных отношений происходит размывание права собственности общинников на их наделы, находящиеся в частной собственности. Следует заметить, что этот процесс занял несколько столетий, ибо *первоначально право семей, составлявших общину, на земельный надел гарантировалось общиной и это право рассматривалось как неотчуждаемое*. Лишь постепенно (под влиянием как интересов самостоятельного, частного хозяйствования семьи, так и интересов светской и церковной знати, стремившейся наложить руку на общинные земли) надел смог становиться предметом отчуждения – залога, дарения, продажи и т.д.

Именно в силу того, что теперь собственность крестьянской семьи принимает форму аллода – то есть частного, свободно отчуждаемого земельного надела, – хозяйственные потери от различных государственных повинностей (податных, военных, судебных), от долговых сделок, от военных конфликтов вели к утрате прав собственности общинника на аллод. Широко распространенным в ходе военных конфликтов был и прямой грабительский захват крестьян, и обращение их в рабов или крепостных. Однако *эти процессы в большинстве случаев не принимали форму обезземеливания крестьянства (как в античности), а вели к превращению аллода в условное держание, обремененное повинностями в пользу его нового номинального собственника – феодала*. В качестве последнего выступала обычно военно-служилая знать, превращавшаяся в крупных землевладельцев, а также королевская власть и церковь (последняя широко использовала право дарения и завещания земель в свою пользу). Поземельная зависимость обычно (но не всегда) дополнялась личной зависимостью общинника, тем самым становившегося крепостным крестьянином, от своего сеньора.

Формы личной и поземельной зависимости в период раннего феодализма были весьма разнообразны. Однако общая тенденция состояла в сведении этих многообразных форм зависимости к единой форме крепостной зависимости, и к образованию из многочисленных категорий зависимого и полузависимого крестьянства (включая унаследованных от античных и раннеклассовых порядков – рабов и колонов) единого слоя крепостных крестьян (английских вилланов, французских сервов, русских холопов и т.д.). Такое сведение различ-

ных форм зависимости к единой произошло лишь позднее, в эпоху классического феодализма, и далеко не везде было до конца завершенным.

В правовом отношении для феодальных государств характерна развившаяся в ходе массового закрепощения крестьянства тенденция рассматривать крепостных как рабов с точки зрения норм римского права. Тем не менее, по своему фактическому экономическому положению (владение движимым и недвижимым имуществом, земельным наделом, совершение сделок от своего имени, наличие семьи) и по целому ряду элементов правоотношений (отделение в правовых документах крестьянского надела от домена сеньора, легализация семейно-брачных отношений и т.п.) крепостные явно отличались от античных рабов.

Военно-служилая знать в раннефеодальных королевствах консолидировалась вокруг королевской власти через развитие отношений вассалитета. Вассальный договор предполагал взаимные обязательства вассала и сюзерена. Реальным содержанием этого договора было несение военной и административной службы вассалом в пользу сюзерена в обмен на покровительство последнего. Такая система отношений в зародыше содержала уже элемент признания и гарантии личных прав представителей господствующего сословия (чего не было в азиатской деспотии, и что в античном обществе имело зыбкое и частичное правовое оформление лишь по отношению к некоторым категориям господствующего класса, — например, римским сенаторам).

Довольно быстро эта система личных отношений внутри феодального класса слилась с отношениями земельных пожалований (бенефиций), и бенефициарий (получатель бенефиция) стал выступать одновременно и вассалом, а пожалователь — сюзереном. Система вассалитета постепенно приобрела иерархическую структуру и из двухступенчатой (король — военно-служилая знать) нередко приобретала многоступенчатый характер, когда наиболее сильные представители знати, будучи вассалами короля, сами стали принимать вассальные клятвы и раздавать земельные пожалования. Возникает дробление прав собственности на определенную территорию между представителями различных уровней вассальной иерархии.

Земельные пожалования в форме бенефиция сами служили инструментом феодализации, поскольку свободные общинники, проживавшие на пожалованных землях, обременялись государственными повинностями в пользу бенефициария. Эти повинности, наряду с частными долговыми отношениями, кабальной арендой, поиском личного покровительства и защиты со стороны могущественных представителей военно-служилой знати служили рычагами превра-

щения полной собственности крестьянина на свой надел в условное держание, обремененное повинностями в пользу феодала.

Поскольку бенефициарий экономически полностью осуществлял присвоение результатов прибавочного труда общинников (за исключением налогов в пользу церкви), а также получал право осуществления всей полноты административно-юридических функций на территории бенефиция (вотчинный иммунитет), то неизбежным являлось и закрепление этой хозяйственной и административной независимости в отношении собственности. Бенефиций с течением времени превращается из личного в наследственное держание (лен, фео, вотчина).

Однако это владение по-прежнему опирается на санкцию королевской власти или иного сюзерена, и обременено обязательством несения службы в пользу последнего. Раннефеодальный государственный строй характеризуется существованием высокоцентрализованной королевской власти, опирающейся как на значительную массу свободных общинников, так и на зависимую от короля военно-служилую знать. Закрепощение общинников и приобретение военно-служилой знатью хозяйственно-административной самостоятельности (превращение личных земельных пожалований в наследственные, вотчинный иммунитет) создавало предпосылки децентрализации государства (феодалная раздробленность).

Некоторые черты раннефеодального общества роднят его с азиатским – сильная централизованная государственная власть, король как верховный собственник земли, крестьяне-общинники как численно преобладающая социальная группа, частное землепользование господствующего класса в виде личных пожалований за исполнение военно-административных функций. Однако коренные отличия состоят в разном типе общин (и соответственно, разном типе земельной собственности – азиатская деспотия не знает ничего подобного *аллоду*), на которые опираются раннефеодальное государство и азиатская деспотия (унаследовавшая свою общинную структуру от архаической формации), и в возможности экономически эффективного ведения в Европе обособленного общинного и домениального хозяйства, независимого от общегосударственных хозяйственных функций. Этим предопределяется и быстрая трансформация в раннефеодальном обществе черт, схожих с чертами азиатской деспотии, вплоть до их почти полного исчезновения.

На территориях, где процесс феодализации происходил без синтеза с предшествующими отношениями античного (или азиатского) способа производства, он характеризовался целым рядом особенностей.

Прежде всего, следует заметить, что такой путь возникновения феодализма определялся объективными (природно-климатическими) ограничениями развития производительных сил, препятствовавшими эффективному производству прибавочного продукта на основе античных или азиатских производственных отношений. Лишь систематическое производство и совершенствование железных орудий труда, и накопление навыков ведения земледелия и скотоводства в лесной полосе умеренного пояса (за пределами субтропиков и примыкающих к ним регионов) сделало возможным систематическое производство прибавочного продукта и формирование классового общества.

Это производство развилось на основе германского или славянского типа общины, предполагавшего высокую степень частнохозяйственной обособленности производства на семейном наделе. Кроме того, на этих территориях в силу высокой степени территориальной обособленности как семейных хозяйств, так и общин (что препятствовало эффективной защите территории войском, состоявшим только из народного ополчения), получила особо высокий общественный статус военно-служилая знать (профессиональные дружинники и их предводители – князья), уже в условиях раннеклассового общества быстро оттеснившая иные слои родовой знати. Поэтому формирование классового общества происходило здесь сразу по феодальному типу, минуя античный и азиатский.

Однако этот процесс на данных территориях был весьма растянут по времени и характеризовался длительным сохранением значительных элементов раннеклассовых социально-экономических отношений (высокий удельный вес свободных общинников, сохранение архаических черт общинного землевладения, наличие патриархального рабства, слабость крупного землевладения, перевес в земельной собственности государственных элементов над частновотчинными). Если на пост-античной территории процесс становления феодализма характеризовался более или менее синхронным развитием описанных выше сторон феодализации, то при генезисе феодализма из раннеклассовых обществ элементы этого процесса оказывались разорваны во времени, и характеризовались длительной и заметной гипертрофией какого-либо одного из них.

В ряде обществ (север и восток Евразии – Норвегия, Исландия, Северная Русь, Сибирь, за исключением части южной) объективные ограничения развития производительных сил длительное время препятствовали формированию феодального способа производства, уже зародившегося или развившегося у их соседей, или он возникал лишь в виде уклада в рамках раннеклассового общества.

Особенности восточного феодализма

Особенности восточного феодализма определяются тем, что он возникает на основе перехода не от античного, а от азиатского способа производства, либо от раннеклассовых обществ, в том числе кочевого типа. Это предопределило медленный темп феодализации – либо в силу медленного темпа разложения азиатской общины, либо в силу медленного и фрагментарного формирования предпосылок классового общества у кочевых народов (арабы, монголы, ряд тюркских племен).

Для развития восточного феодализма характерны:

□ сохранение значительной роли государственно-общинной земельной собственности и коллективной эксплуатации общинного крестьянства господствующим классом через взимание ренты-налога, чему соответствует длительность формирования частной крепостной зависимости крестьян;

□ формирование частной крепостной зависимости крестьян без опосредования этого перехода формированием отчуждаемой частной земельной собственности крестьян на свои наделы, а путем прямой эволюции государственной зависимости в частную;

□ длительная борьба между государственно-общинным и частным феодальным землевладением при медленной и непоследовательной тенденции к возобладанию последнего;

□ длительность процесса укрепления наследственного характера частного землевладения и длительность существования личных пожалований за службу (типа западноевропейских бенефициев);

□ слабое развитие вассальных отношений и большое значение служилых отношений в среде господствующего класса и соответствующая этому ограниченность становления личных прав господствующего сословия;

□ отсутствие феномена свободных городов (и сословных корпораций свободного населения – цехов, гильдий, университетов).

Длительность существования элементов азиатского способа производства в восточном феодализме в конечном счете определяется сохранением в структуре производительных сил тех черт, которые

в свое время предопределили формирование самого азиатского способа производства – зависимости земледельческого производства от государственного покровительства (имеет ли оно вид систематической военной защиты или же организации широкомасштабных ирригационных работ). В общественных отношениях этому соответствует установление единства разрозненных общин через сакрализованную личность государя. Существенное значение имеет и сформировавшаяся в азиатских деспотиях прочная историческая традиция всепроникающей роли централизованного государства.

Медленность перехода от азиатского способа производства к феодальному вовсе не означает, что этот переход не носил характера социальной революции. Качественный скачок от одного способа производства к другому принял здесь формы целой череды социальных потрясений (внешних завоеваний, династических переворотов, распада и, наоборот, слияния государств, крестьянских бунтов и т.д.), включая и попятные движения (подчас неоднократные).

Синтез феодальных отношений и отношений азиатского способа производства является характерной чертой не только "восточного феодализма", но и ряда других обществ – Византии, Древней Руси. На Древней Руси черты азиатского способа производства обязаны своему существованию в большей мере географическим и надстроечным факторам (последние коренятся, впрочем, в некоторых особенностях хозяйственного быта). Это необходимость значительной государственной централизации для защиты разбросанных общин, колонизирующих обширные лесные и лесостепные пространства в условиях постоянной военной угрозы со стороны кочевых народов Степи. В связи с этим стоит гипертрофированная роль военно-служилого сословия, для которого характерны отношения с государем (князем, царем) не столько на началах вассалитета, сколько на началах государственной службы, что получило отражение в значительном расширении поместья наряду с вотчиной.

Поместье (на Руси) – земельное пожалование дворянину по месту службы (отсюда название). Носило личный характер, не могло продаваться, передаваться по наследству и т.д., что сближало его с западноевропейским *бенефицием*. Только в XVII веке разница между поместным и вотчинным землевладением сглаживается, а затем и исчезает.

Вотчина (на Руси) – наследственное земельное пожалование на условиях несения службы.

Начальный период феодализма на Руси характеризовался довольно быстрым образованием наследственного землевладения (вотчины) на началах почти неограниченной частной собственно-

сти, в определенной мере аналогичной западноевропейскому аллоду. На этой основе на Руси формируется феодальная раздробленность еще до широкого распространения личного условного держания (поместья). Лишь позднее, после монгольского завоевания и преодоления феодальной раздробленности, развитие Руси на путях внешней экспансии (колонизации) вызывало замедление процесса феодализации, повышенную роль государственной поземельной собственности, длительность существования общинного землепользования и свободного крестьянства, а впоследствии – рост жестких, доходящих до полурабского состояния, форм личной (крепостной) зависимости в целях предотвращения бегства крестьян на свободные окраины.

Лишь в XVI-XVII вв. наследственное частное землевладение становится господствующим (в том числе и под тем же названием «вотчина», что и раннефеодальная форма частной земельной собственности).

Так называемый кочевой феодализм обладает особенностями, вытекающими из характера производственной деятельности кочевых скотоводческих народов. У кочевников имеет место частная (семейная) собственность на стада и общинная собственность на кочевые угодья и источники воды. Основой формирования феодальных отношений у кочевых народов выступает имущественная дифференциация, выражающаяся в различном количестве скота, находящегося в семейной собственности, и фактическая узурпация родоплеменной верхушкой права распоряжения пастбищами и источниками воды. Заметное распространение у кочевых народов имеет патриархальное рабство, а временами – и работорговля.

Государства, формировавшиеся на основе "кочевого феодализма", нередко захватывали обширные земледельческие районы (империя Чингисхана, империя Тимура, государство турков-сельджуков). Однако чаще всего, ввиду более отсталого характера социально-экономических отношений у кочевых народов по сравнению с покоренным земледельческим населением, такого рода "кочевые империи" распались. Османская империя турок оказалась более устойчивой именно в силу перехода господствующей народности к оседлому образу жизни.

"Кочевой феодализм" еще недостаточно изучен. Спорный характер носят вопросы о сравнительной роли собственности на скот и на пастбища, о существовании и характере крепостной зависимости в кочевых обществах, о возможности выхода кочевых обществ за пределы раннего феодализма. Вероятно, на чисто кочевой основе могут формироваться лишь раннеклассовые и в лучшем случае – раннефеодальные общества. Их дальнейшее развитие неизбежно связано с возможностью перехода к оседлости.

12.2. Классический (развитый) феодализм

Развитый феодализм характеризуется завершением становления всех основных черт феодального строя – системы отношений между крепостными и сеньором, системы вассалитета, наследственного феодального землевладения.

Крепостное крестьянство образует основную массу производительного населения. К этому времени из прежнего множества форм личной и поземельной зависимости формируются одна – две преобладающие формы крепостной зависимости. Хозяйство крестьянина является по преимуществу натуральным, натуральный характер носят и феодальные повинности: либо в форме барщины (отработочная рента), либо в форме оброка (продуктовая рента, более распространенная на территории романизированных государств – Италии, Испании).

Феодальная рента – основная форма присвоения прибавочного продукта в феодальном обществе путем несения зависимыми крестьянами повинностей в пользу сеньора (в разных формах – отработочная рента или барщина, рента продуктами или оброк, денежная рента).

Отработочная рента (барщина) – форма феодальной ренты, при которой крепостной нес повинности в пользу сеньора путем работы в господском хозяйстве (домене).

Продуктовая рента (оброк) – форма феодальной ренты, при которой крепостной нес повинности в пользу сеньора путем передачи последнему части продуктов, произведенных на собственном наделе.

Денежная рента – форма феодальной ренты, при которой крепостной нес повинности в пользу сеньора путем уплаты ему части своих денежных доходов, полученных в результате производства на рынок (со своего надела либо на *отхожих промыслах*). Перевод феодальных повинностей в денежную форму называется **коммутацией**.

Феодальную ренту (хотя и в более скромных размерах) выплачивали и лично свободные крестьяне, поскольку они находились в поземельной зависимости от того или иного феодала либо непосредственно от монарха (принцип «нет земли без сеньора»).

Развитие феодальных отношений способствовало прогрессу производительных сил, поскольку обеспечивало экономическую стабилизацию крестьянского хозяйства путем превращения земельного надела крестьянской семьи в условное пожалование сеньора (и тем самым защищало его от обезземеливания), и в тоже время обеспечи-

вало эффективную мобилизацию прибавочного продукта. Крепостной крестьянин (не говоря уже о свободном) имел экономически более гарантированное существование, нежели раб или общинный крестьянин в азиатской деспотии, в классической и поздней античности. Даже над свободным общинником дофеодальных способов производства висела угроза попасть в кабальную зависимость и лишиться надела. *Крепостной такой опасности не подвергался.* Норма эксплуатации крепостного была довольно стабильна.

Эта относительная экономическая самостоятельность крестьянина также служила предпосылкой роста производительных сил. В феодальный период происходит распространение трехполья, расширение площади культивируемых земель за счет т.н. внутренней колонизации, развитие садоводства и огородничества, улучшение обработки земли за счет более широкого распространения плугов с железными лемехами.

Однако не следует переоценивать прогресс производительных сил в эпоху раннего и развитого (классического) феодализма. Культура земледелия в этот период все еще уступала достигнутой в эпоху расцвета Римской империи. Урожайность зерновых в средневековой Италии не превышала урожайности, достигнутой на этой же территории в древнеримскую эпоху. Ряд достижений римлян в области садоводства, огородничества, ремесла, строительства был практически утерян и затем восстанавливался в течение весьма длительного исторического периода.

Такая ситуация дает основания поставить под вопрос основные тезисы материалистического понимания истории – об обусловленности производственных отношений уровнем и характером развития производительных сил и о закономерной смене способов производства под воздействием перехода производительных сил на качественно более высокую ступень.

Однако эта проблема выглядит неразрешимой лишь в рамках механистического толкования материалистического понимания истории, скатывающегося к упрощенчеству в понимании основных постулатов классического марксизма (и поэтому сталинский «марксизм-ленинизм» предпочитал вообще не замечать существования этой проблемы).

Следует обратить внимание на тот факт, что данные закономерности, как и вообще любые закономерности общественного развития, осуществляются лишь в конечном счете и не действуют с механическим автоматизмом. Новые производственные отношения не гарантируют сразу качественно более высокий уровень производительных сил, а лишь открывают дорогу к нему. А в конечном счете феодальное общество превзошло и античное, и азиатское и по продуктивности сельского хозяйства, и по техническому прогрессу в деле переработки и хранения пищевых продуктов, и по развитию ремесла и строительства, и по уровню культурных достижений в таких областях, как медицина, образование и т.д.

Кроме того, не следует забывать, что *важнейшим компонентом* производительных сил с точки зрения марксизма является сам человек. С этой точки зрения феодальное общество дает нам новую фигуру основного производителя материальных благ – относительно экономически самостоятельного (хотя и зависимого) крестьянина. Этот крестьянин, не будучи лично вполне свободным и полноправным, все же является более свободным, чем крестьянин в азиатской деспотии, и хотя уступает античному свободному крестьянину в юридическом полноправии, в хозяйственном отношении более свободен, ибо имеет прочную гарантию своего надела, а общинная регламентация его хозяйственной деятельности постепенно ослабляется. Эти его качества в наибольшей мере раскрывают свой потенциально прогрессивный характер к концу периода классического феодализма вместе с началом процесса освобождения крестьян от личной зависимости.

Другой такой фигурой является свободный городской житель. Цеховая регламентация городских занятий и сословное неравноправие не делают его полностью свободным, но он более свободен, чем житель античного или азиатского города, поскольку, несмотря на сословное неравноправие, обладает не только личными правами и свободами, но и принадлежит к корпорации горожан, которая защищает права своих членов (цеха и гильдии в свободных городах средневековья).

Эти две фигуры в классическом средневековье вступают во взаимодействие, и крестьянин находит в горожанине растущий рынок для развития своего товарного хозяйства, а горожанин в крестьянине – поставщика сырья и продовольствия для экспансии своего ремесленного производства.

Наконец, следует считаться с тем, что эпохи социальных революций и связанные с ними потрясения нередко приводят к *временному регрессу* и даже упадку производительных сил, который может носить исторически длительный характер (в зависимости от степени разрыва культурной преемственности с предшествующим обществом).

Итак, экономическая система классического феодализма покоилась на двух основных классах общества – феодалах и крепостных крестьянах. Господствующий класс (феодалы) был структурирован с помощью иерархии вассальных отношений, на верхушке которых находился монарх (король). Отношения вассал-сюзерен не обязательно были скреплены поземельной зависимостью (вассал не обязательно получал свои земли в пожалование от непосредственного сюзерена), однако действовали взаимные обязательства, связанные с военными, политическими и административными функциями. *Монарх, как верховный сюзерен, с ростом наследственного феодального землевладения и развитием вотчинного иммунитета постепенно утрачивал деспотическую власть раннефеодального короля. Король становится лишь «первым среди равных».* Его крупнейшие вассалы, концентрируя в своих руках огромные земли, нередко превосходящие королевский домен (например, герцоги Бургундские во Фран-

ции), стали играть в государстве самостоятельную роль, претендуя подчас на статус независимых монархов.

Наступил период феодальной раздробленности, нередко приводивший к распаду и перекройке границ первоначальных феодальных государств. Наличие у вассалов короля своих собственных вассалов, по отношению к которым первые выступали как сюзерены, превращало их земли вместе с землями их вассалов едва ли не в самостоятельные государства. В некоторых странах этому способствовало утверждение принципа «*вассал моего вассала – не мой вассал*», что в значительной мере выводило мелких вассалов, объединившихся вокруг крупнейших представителей феодальной верхушки, из-под прямой власти короля.

Именно в этот период в ряде государств Европы возникают институты сословного представительства (*парламент* в Англии и Шотландии, *Генеральные Штаты* во Франции, *кортесы* в Испании), на практике игравшие роль политической формы ограничения власти короля властью дворянских группировок, и происходит юридическая фиксация личных прав дворянского сословия (хрестоматийный пример – «*Великая Хартия вольностей*», подписанная английским королем Иоанном Безземельным в 1215 г.).

Феодальная эксплуатация в тот период принимала форму главным образом натуральной или отработочной ренты (в России – оброк и барщина), величина которой регулировалась традицией. С одной стороны, эта величина не могла быть установлена сеньором произвольно (в силу наличия объективных пределов изъятия прибавочного продукта), с другой – не существовало никаких формальных юридических препятствий для этого. Лишь в более поздний период, под влиянием крестьянских выступлений, с разложением крепостного права и с ростом хозяйственной мощи крестьянских хозяйств, кое-где происходит кодификация феодальных повинностей.

Феодальная рента изымалась в различных формах, зачастую имевших вид платежей, предназначенных для «выкупа» крестьянами ряда традиционных феодальных прав – «*права мертвой руки*» (т.е. права сеньора на имущество умершего крепостного, так что для перехода имущества к наследникам они должны были платить выкуп), «*права первой ночи*» (соответствующий выкупной платеж и плата за право жениться носили во Франции наименование «*формарьяж*»). Разумеется, эти права далеко не всегда осуществлялись реально, и довольно быстро приобрели характер лишь предлога для взимания феодальных повинностей. Нередко повинности выступали под личной традиционной общинной взаимопомощи (рубка леса, расчистка пашни, прокладка дорог и строительство мостов и т.п.). Наряду с

этим существовали и произвольно назначаемые сеньором повинности (*талья* во Франции, впоследствии, с 1439 г., превратившаяся в государственный налог; повинности «*по воле лорда*», закрепленные ассизами английского короля Генриха II в XII в.). С течением времени феодальные повинности нередко консолидируются в ограниченном числе форм.

Работа в господском хозяйстве или уплата ренты продуктами сочеталась со значительной степенью контроля сеньора над хозяйственной деятельностью сельской общины. Община выступала для него, прежде всего, как инструмент принудительного взимания феодальных повинностей (через круговую поруку).

Разумеется, хозяйственная деятельность общинных крестьян основывалась главным образом на традиции: на системе *принудительного севооборота* при *трехполье* (чередование яровых посевов, озимых посевов и пара), системе «*открытых полей*» – свободном выпасе скота после снятия урожая и на землях, оставленных под пар. Кроме того, община использовалась крестьянами как инструмент фиксации традиционных повинностей (через установление сельскими сходами т.н. общинных уставов). К периоду классического средневековья относится и появление элементов правовой защиты статуса земельного надела крепостных крестьян в Западной Европе.

Города

К одной из весьма характерных и в то же время весьма специфичных черт западноевропейского феодализма относится феномен свободных городов. *Европейские города развивались в средневековье не только как административные центры* (столицы государств и административных подразделений), *но и как пункты концентрации ремесла и торговли, возникавшие в силу экономических причин*, а не только в результате концентрации спроса со стороны знати, обитавшей в столицах (как это было на Востоке), или оседания населения, обслуживавшего крепости и подобные укрепленные пункты.

После периода значительного упадка античных городов (за определенным исключением Византии) процесс роста городов получил развитие в X–XII вв. вместе с процессом постепенного отделения ремесла от земледелия. Города образовывались из поселений у перекрестков торговых путей, у портов, в центрах рыбной ловли, добычи полезных ископаемых, на местах проведения регулярных ярмарок и т.д. Такие города имели довольно немного знати в составе своего населения (первоначально по большей части это были рядовые дружинники), а состояли главным образом из ремесленников и торговцев. Многие города были невелики, обслуживая лишь прилегающие

сельские местности. Но в это время формируются и крупные города (часто на базе уцелевших городов античности, особенно в Южной Европе – Италии, Испании, Южной Франции), ориентированные на производство ремесленных изделий и торговлю для нужд обширных территорий, включая и экспорт.

Причиной роста европейских средневековых городов был, несомненно, как экономический прогресс, достигнутый в аграрной сфере, так и особенности социально-экономического положения европейского средневекового крестьянства. Происходил рост производства в крестьянском хозяйстве, а его относительно обособленный (частный) характер реализовался в возможности продажи зажиточной частью крестьян излишков сельскохозяйственной продукции на рынке. Первоначально эта торговля носила эпизодический, сезонный характер (от ярмарки к ярмарке; само слово ярмарка немецкого происхождения – *Jahrmarkt* – и означает в буквальном переводе «ежегодный рынок») и обслуживала в основном процесс обмена специализированными продуктами крестьянского хозяйства и излишками крестьянского ремесленного производства. Но этот обмен постепенно создавал рынок и для выделения специализированного ремесла – и в смысле роста денежного спроса крестьян и дворянства на более качественную ремесленную продукцию, и в смысле расширения поставок сырья для ремесленного производства (дерево, шкуры, овечья и козья шерсть, лен, продукция горнодобывающих промыслов и т.д.).

Последовавший за этим процесс концентрации такого специализированного ремесла и торговли в городах сам, в свою очередь, вел к расширению как спроса на продукцию крестьянских хозяйств, так и предложения ремесленных изделий, и способствовал дальнейшему стягиванию крестьянства в товарное производство.

Подчеркну, что способ образования феодального города был иной, чем в азиатской деспотии или в античном обществе. В азиатской деспотии города – это государевы станы (или резиденции его сатрапов). В античном обществе город первоначально возникает как союз земледельческих общин, и лишь постепенно в нем развивается специализированное ремесленное производство. Средневековый город с самого начала образуется на основе отделения ремесла и торговли от земледелия, из жителей, в основном не принадлежащих к земледельческим общинам.

Первоначально города, основанные на земле, принадлежащей какому-либо светскому или церковному феодалу, имели статус, схожий со статусом сельских общин. Горожане несли повинности в пользу своего сеньора (причем среди этих повинностей с самого начала существенную долю занимали не натуральные, а денежные по-

винности). Однако имелись и существенные различия, связанные не только с преобладающим родом занятий населения, но и с тем, что значительная часть горожан (многие ремесленники, лавочники, купцы, менялы и ростовщики, наемные слуги, наемные солдаты) уже на раннем этапе развития городов, в противоположность крепостным крестьянам, рассматривались как лично свободные люди (насколько это вообще возможно в феодальном обществе). Нищий городской поденщик, в отличие от зажиточного виллана или серва, мог быть лично свободным человеком.

Довольно быстро после образования сколько-нибудь значительных городов начинается их борьба за приобретение различных вольностей и даже за полное освобождение от феодальной зависимости. Она принимала различные формы – от выкупа вольностей до вооруженных восстаний. Эта борьба облегчалась особенностями социально-экономического положения городского населения: концентрацией населения, преобладающим удельным весом среди горожан лично свободных людей, зачатками городского самоуправления, наличием городских укреплений и воинской организации, наличием сословных и корпоративных объединений, защищающих права своих членов. Чем в большей мере эти особенности городского быта фиксировались законодательно и получали правовую санкцию, тем в большей мере горожане могли опираться на них в дальнейшей борьбе за расширение вольностей.

Некоторые города превратились в самостоятельные городогосударства с прилегающей зависимой территорией (городогосударства Северной Италии), другие приобрели статус имперских или королевских городов (Германия, Франция, Нидерланды). Все же далеко не все города сумели освободиться от феодальной зависимости. Тем не менее, большинство западноевропейских городов приобрело следующие привилегии:

□ личная свобода всех членов городской общины, т.е. горожан (определенный срок, прожитый в городе, делал свободным даже беглого крепостного: «Городской воздух делает свободным» – гласила немецкая пословица);

□ право иметь особый городской суд;

□ отмена многочисленных сеньориальных повинностей (или, в случае сохранения зависимости от сеньора или короля, замена их определенным денежным взносом);

□ признание за городской общиной прав военной корпорации;

□ право иметь выборные органы власти (коммунальное самоуправление), обладавшие, в том числе, правом взимания городских

налогов и управления военными силами города (ополчением, отрядами наемников).

Города имели сложную социальную структуру. В самом низу находились нищие, поденщики, пришлые жители (часто беглые крепостные), еще не приобретшие статуса горожан, ученики ремесленников, образовывавшие вместе слой **городского плебса**. Далее шли мастера и подмастерья, лавочники, купцы, менялы и ростовщики. И на самом верху стоял **городской патрициат**. В него входила верхушка наиболее зажиточных мастеров, купцов и ростовщиков, а также дворянская знать, проживавшая в городах. Все эти социальные и профессиональные группы (за исключением дворянства) были объединены в **различные корпорации** – **цехи**, создававшиеся по профессиональному признаку, купеческие **гильдии** и т.п. Часть горожан состояла в городском ополчении (также опиравшемся на цеховую организацию). В крупных городах собственные цеховые организации нередко имели даже нищие и воры.

Цеховая организация городской экономики отражала неразвитый характер товарного производства и рынка в средневековых городах, ориентацию производства в первую очередь на ограниченные местные рынки. Основная задача цехов состояла вовсе не в обеспечении экспансии предпринимательской деятельности, а в ее *регламентации с целью стабилизировать производство и рынок*, обеспечить воспроизводство городского хозяйства в неизменных масштабах. Цехи регламентировали объем производства и цены, качество продукции, понимавшееся как ее соответствие установленным образцам (что препятствовало техническому прогрессу), количество учеников и подмастерьев у мастера, сроки ученичества и правила перехода с одной ступени на другую (из учеников в подмастерья, из подмастерьев в мастера), нормы оплаты труда. Ремесленники и торговцы, не входившие в цехи, и купцы, не являвшиеся членами гильдий, как правило, не допускались на городские рынки или облагались высокими пошлинами.

Средневековые города использовали свои корпоративные союзы для организации борьбы за освобождение от феодальной зависимости. Внутригородские классовые противоречия на начальном этапе истории западноевропейских средневековых городов не имели открытого характера и редко выступали в острых формах (бунты и волнения городского плебса). Гораздо более заметный характер носило соперничество городских патрицианских родов за доминирование. Особенно яркие формы это соперничество принимало в итальянских городах-государствах (отголоски такого соперничества видны в воспетой Шекспиром вражде Монтекки и Капулетти в Вероне). Величественные стены и башни патрицианских городских домов, ук-

рашенные крепостными зубцами, до сих пор хранят память о настоящих внутригородских войнах того времени.

Городская культура средневековья породила такое важное культурное явление, как университеты. Они возникли в конце 12-13 вв. в Южной и Западной Европе, с 14 века распространились на Центральную Европу, с 15 века – на Северную. Университет был равновидностью средневековой городской корпорации с внутренним самоуправлением. Исходное латинское название университетов переводится как «корпорация (*universitas*) магистров и студентов». Университеты стали уникальным и весьма существенным фактором развития производительных сил феодального общества.

Университеты образовались как независимая от церкви система высшего образования (в первую очередь медицинского и юридического), хотя все университеты обязательно имели и теологический факультет. Наряду с университетами формируется также и организационно независимая от церкви светская школа. Университеты представляли собой подобие интернациональной корпорации, чему способствовало преподавание на общем для образованной Европы латинском языке, а также взаимное признание присуждаемых университетами степеней.

Университеты очень быстро стали центрами свободомыслия и распространения городских религиозных ересей. Католическая церковь и королевская власть соперничали в своем влиянии на университеты (в конечном счете, многие университеты оказались подчинены католическим орденам), в том числе путем предоставления им разнообразных привилегий. Церковь видела в них важный пункт идеологической борьбы, королевская власть – систему подготовки квалифицированного государственного аппарата и правящей элиты.

Университеты были одним из немногих в средневековье каналов вертикальной социальной мобильности. Хотя значительная часть студенчества принадлежала к дворянству, в университеты могли поступать и лично свободные представители других сословий. Окончившие университет могли претендовать на занятие значительных церковных должностей, а также на вхождение во влиятельные корпорации юристов или медиков. В ряде городов привилегии студентов были близки к дворянским (например, право на ношение шпаги).

Развитие и рост городов вели к существенному росту внутреннего рынка. Городское население создавало спрос на продукты питания и сырье для ремесла, увеличивая, в свою очередь предложение ремесленных продуктов. Мелкие торговцы и купцы, скупая ремесленную и сельскохозяйственную продукцию, в том числе и для внешней торговли, способствовали интенсификации и специализации ремесленного

налогов и управления военными силами города (ополчением, отрядами наемников).

Города имели сложную социальную структуру. В самом низу находились нищие, поденщики, пришлые жители (часто беглые крепостные), еще не приобретшие статуса горожан, ученики ремесленников, образовывавшие вместе слой **городского плебса**. Далее шли мастера и подмастерья, лавочники, купцы, менялы и ростовщики. И на самом верху стоял **городской патрициат**. В него входила верхушка наиболее зажиточных мастеров, купцов и ростовщиков, а также дворянская знать, проживавшая в городах. Все эти социальные и профессиональные группы (за исключением дворянства) были объединены в различные **корпорации – цехи**, создававшиеся по профессиональному признаку, купеческие гильдии и т.п. Часть горожан состояла в городском ополчении (также опиравшемся на цеховую организацию). В крупных городах собственные цеховые организации нередко имели даже нищие и воры.

Цеховая организация городской экономики отражала неразвитый характер товарного производства и рынка в средневековых городах, ориентацию производства в первую очередь на ограниченные местные рынки. Основная задача цехов состояла вовсе не в обеспечении экспансии предпринимательской деятельности, а в ее регламентации с целью стабилизировать производство и рынок, обеспечить воспроизводство городского хозяйства в неизменных масштабах. Цехи регламентировали объем производства и цены, качество продукции, понимавшееся как ее соответствие установленным образцам (что препятствовало техническому прогрессу), количество учеников и подмастерьев у мастера, сроки ученичества и правила перехода с одной ступени на другую (из учеников в подмастерья, из подмастерьев в мастера), нормы оплаты труда. Ремесленники и торговцы, не входившие в цехи, и купцы, не являвшиеся членами гильдий, как правило, не допускались на городские рынки или облагались высокими пошлинами.

Средневековые города использовали свои корпоративные союзы для организации борьбы за освобождение от феодальной зависимости. Внутригородские классовые противоречия на начальном этапе истории западноевропейских средневековых городов не имели открытого характера и редко выступали в острых формах (бунты и волнения городского плебса). Гораздо более заметный характер носило соперничество городских патрицианских родов за доминирование. Особенно яркие формы это соперничество принимало в итальянских городах-государствах (отголоски такого соперничества видны в воспетой Шекспиром вражде Монтекки и Капулетти в Вероне). Величественные стены и башни патрицианских городских домов, ук-

рашенные крепостными зубцами, до сих пор хранят память о настоящих внутригородских войнах того времени.

Городская культура средневековья породила такое важное культурное явление, как университеты. Они возникли в конце 12-13 вв. в Южной и Западной Европе, с 14 века распространились на Центральную Европу, с 15 века – на Северную. Университет был разновидностью средневековой городской корпорации с внутренним самоуправлением. Исходное латинское название университетов переводится как «корпорация (*universitas*) магистров и студентов». Университеты стали уникальным и весьма существенным фактором развития производительных сил феодального общества.

Университеты образовались как независимая от церкви система высшего образования (в первую очередь медицинского и юридического), хотя все университеты обязательно имели и теологический факультет. Наряду с университетами формируется также и организационно независимая от церкви светская школа. Университеты представляли собой подобие интернациональной корпорации, чему способствовало преподавание на общем для образованной Европы латинском языке, а также взаимное признание присуждаемых университетами степеней.

Университеты очень быстро стали центрами свободомыслия и распространения городских религиозных ересей. Католическая церковь и королевская власть соперничали в своем влиянии на университеты (в конечном счете, многие университеты оказались подчинены католическим орденам), в том числе путем предоставления им разнообразных привилегий. Церковь видела в них важный пункт идеологической борьбы, королевская власть – систему подготовки квалифицированного государственного аппарата и правящей элиты.

Университеты были одним из немногих в средневековье каналов вертикальной социальной мобильности. Хотя значительная часть студенчества принадлежала к дворянству, в университеты могли поступать и лично свободные представители других сословий. Окончившие университет могли претендовать на занятие значительных церковных должностей, а также на вхождение во влиятельные корпорации юристов или медиков. В ряде городов привилегии студентов были близки к дворянским (например, право на ношение шпаги).

Развитие и рост городов вели к существенному росту внутреннего рынка. Городское население создавало спрос на продукты питания и сырье для ремесла, увеличивая, в свою очередь предложение ремесленных продуктов. Мелкие торговцы и купцы, скупая ремесленную и сельскохозяйственную продукцию, в том числе и для внешней торговли, способствовали интенсификации и специализации ремесленного

производства, росту его масштабов, а также втягивали в товарный оборот продукцию крестьянских хозяйств и сеньориальных доменов.

Этот процесс оказал двоякое влияние на производственные отношения в аграрном секторе. С одной стороны, развивалось специализированное (в основном пригородное) крестьянское хозяйство, во все большей мере ориентированное на рыночный сбыт своей продукции, и само, в свою очередь, попадавшее в зависимость от рынка (крестьянин, специализировавшийся на производстве шерсти, был вынужден приобретать продукты питания). Развитие купеческой торговли через скупку продукции крестьянских хозяйств втягивало в товарное производство и те крестьянские хозяйства, которые были расположены вдали от городов.

Что касается домена (хозяйства в поместье сеньора), то рост товарных отношений оказывал на него неоднозначное влияние. Часть доменов переходила от отработочной ренты к продуктовой (от барщины к оброку), и домен самостоятельно выходил на рынок с крупными партиями собранной таким образом крестьянской продукции. Другие прямо переходили к *коммутации* феодальных повинностей, т.е. заменяли прежние повинности денежной рентой (которую крестьяне, перешедшие к товарному хозяйству, теперь могли выплачивать).

С другой стороны, рост товарного хозяйства обернулся т.н. *сеньориальной реакцией*. Многие сеньоры, преследуя выгоды от возможностей сбыта сельскохозяйственной продукции на рынке, стремились значительно увеличить производство пользующейся спросом продукции в господском хозяйстве (домене) и с этой целью увеличивали объем отработочной ренты, т.е. продолжительность работы в поместье сеньора.

Все эти тенденции в совокупности послужили причиной обострения классовой борьбы в западноевропейской деревне в период классического средневековья. Если в раннем средневековье крестьянские волнения носили в основном локальный характер, и были направлены против процессов закрепощения крестьян и произвольного увеличения феодальной эксплуатации, то классическое средневековье сталкивается с крупными крестьянскими восстаниями. Эти восстания отражали растущую хозяйственную самостоятельность крестьянства, его стремление закрепить эту самостоятельность, ограничив феодальную эксплуатацию, и одновременно – протест против сеньориальной реакции. Отсюда как более умеренные требования фиксации феодальных повинностей на более низком уровне, требования освобождения от личной зависимости, так и более радикальные требования – например, требование равноправия сословий. По-

добные черты достаточно явственно видны в известном восстании Уота Тайлера в Англии в 1381 г.

Развитие товарного хозяйства в городах уже в период классического средневековья привело, в наиболее развитых с этой точки зрения районах Европы, к росту предпосылок капиталистических производственных отношений. В итальянских городах (Венеция, Генуя, Милан) уже XII-XIII вв. происходит развитие банковского дела, развивается торговля, а Венеция и Генуя формируются как торговые республики, ориентированные на внешнюю торговлю.

Рост торговли и ремесла сопровождается разложением феодальных отношений. В конце XIII века Флоренция и Болонья декларируют на подвластных им землях освобождение крестьян от крепостной зависимости. Это освобождение не сопровождалось закреплением прав крестьянина на земельный участок, что превращало его на селе в арендатора, либо принуждало в поисках заработка переселяться в города, на положение наиболее бесправной части городского плебса.

Разложение крепостничества подрывает влияние земельных феодалов. Политическая гегемония в итальянских городах-государствах переходит от феодалов (грандов) к зажиточным горожанам (пополанам).

Дальнейшее развитие товарного производства ведет к зарождению первых форм капитализма. Так, в Северной Италии (во Флоренции, Сиене, Перудже и др. городах) к середине XIV века наблюдается рост сукнодельческих мануфактур, основанных на наемном труде. В словесный оборот в Италии вводится слово «капитал». Слабость этих ранних форм капитализма выражалась в том, что основание мануфактуры было еще не под силу индивидуальному капиталисту. Мануфактуры находились в коллективной собственности смешанных торгово-промышленно-банковских компаний.

Мануфактура – крупное предприятие, основанное на использовании ручных орудий труда и разделения труда (попредметного или пооперационного) при изготовлении готовой продукции. Характерно для периода XIV – начала XIX вв. С точки зрения производственных отношений на мануфактурах мог применяться как крепостной, так и наемный труд.

Мануфактура может быть централизованной или *рассеянной*, когда разрозненные мелкие производители подчиняются мануфактурному разделению труда в силу их зависимости от скупщика (поставляющего сырье и скупающего готовые изделия), выступающего нередко и их кредитором.

Во Флоренции в XIV веке было около 30 тыс. *чомпи* (от итальянского *ciompi*) – наемных рабочих, работавших в сукнодельческих мастерских и мануфактурах, что составляло около четверти населения города. Уровень эксплуатации труда был ужасающим: рабочий

день длился 14-16 часов, рабочие подвергались многочисленным штрафам, телесным наказаниям, тюремному заключению в создававшихся при мануфактурах тюрьмах. Владелец мануфактуры мог уволить рабочего безо всякого предупреждения. Система штрафов уменьшала реальный заработок, не обеспечивавший прожиточного минимума. Чомпи не были членами цехов и, соответственно, были лишены в городе всяких политических прав.

В 1345 г. флорентийский чесальщик шерсти Чучо Брандини создает первую организацию наемных рабочих. Его арест и казнь послужили поводом к произошедшей в том же году первой крупной забастовке. В 1371 г. вспыхивают значительные волнения наемных рабочих в Перудже и Сиене. В 1378 г. чомпи поднимают восстание во Флоренции и более месяца удерживают в городе государственную власть. Это были первые классовые бои нарождающегося предпролетариата.

В более отсталых районах Италии XIV века, где не столь заметно проявлялось влияние развитой городской промышленности, развитие товарного хозяйства сопровождалось усилением феодальной эксплуатации (*сеньориальная реакция*). В результате в Италии происходит ряд крестьянских восстаний (восстание Дольчино и др.).

Именно городская культура, сформировавшаяся в классическое средневековье, стала той почвой, на которой позднее, на рубеже классического и позднего феодализма, выросло мощное культурное движение, получившее наименование Возрождения (или Ренессанса, от французского *Renaissance*)¹.

Феодальное общество классического средневековья было многоукладным и имело сложную социальную структуру. Оно, как и античное и азиатское, носило классовый характер, однако классы феодального общества на поверхности социальных отношений, в том числе в своих правовых формах, выступали как *сословия* (особенности сословного деления общества уже были рассмотрены в предыдущей главе).

Основные уклады феодального общества были следующие:

Крепостное хозяйство. Оно состояло из семейных хозяйств лично зависимых крестьян-крепостных, являвшихся держателями земельных наделов, полученных от своего сеньора, и обязанных сеньору рентой (отработочной, натуральной или денежной); а также из хозяйства, ведущегося в господском домене силами тех же крепост-

¹ Это движение возникло в Италии (в XIV-XVI вв.) и распространилось затем, в конце XV – XVI веках, на страны Южной, Западной и Центральной Европы. Возрождение знаменовало собой переход феодализма на его позднюю стадию, зарождение и развитие в его рамках новых буржуазных отношений, предопределивших существенные сдвиги в средневековой культуре и мировоззрении.

ных (сеньориальное хозяйство). Крепостное хозяйство было по преимуществу натуральным, но с течением времени как семейное хозяйство крестьян, так и сеньориальное хозяйство начинает втягиваться в товарный оборот.

Хозяйство свободных крестьян. Свободные крестьяне были собственниками своих наделов (формально они могли рассматриваться и как держатели королевской земли, хотя и не были крепостными короля), и несли повинности только в виде королевских налогов и церковной десятины, а также, при определенных условиях – в виде военной службы. Их хозяйство, не связанное крепостнической регламентацией, быстрее втягивалось в товарный оборот, чем хозяйство крепостных.

Городской ремесленно-торговый уклад. Свободные горожане – ремесленники и торговцы – вели самостоятельное товарное хозяйство. Оно регламентировалось цеховыми и гильдейскими уставами, решениями городских магистратов. В таком хозяйстве в небольших масштабах мог применяться наемный труд, получивший более широкое распространение с развитием мануфактур.

Для раннего феодализма было характерно наличие довольно заметных пережитков рабовладельческого уклада (сохранявшихся отчасти и в классическом феодализме).

Такая многоукладность выражалась в еще более пестрой социальной структуре. В феодальном обществе можно было выделить три основных сословия, подобно тому, как это было юридически закреплено в позднефеодальной Франции: первое – духовенство, второе – дворянство, третье – простолюдины. Однако внутри каждого из этих сословий выделялись различные по статусу социальные группы. В первом сословии: высшие церковные иерархи (папы, кардиналы, епископы...), часто являвшиеся крупными феодалами; священники; служители церкви, не имевшие сана; монашество. Во втором: монарх и его родичи; верхушка дворянства – нобилитет; незнатное (нетитулованное), мелкопоместное и безземельное дворянство. Статус представителя второго сословия так же сильно зависел от места в системе отношений вассалитета. Позднее возникло еще и деление на личных и потомственных дворян. Для третьего сословия было характерно резкое различие между свободными и лично зависимыми простолюдинами. Лично свободные в городах: зажиточная верхушка горожан – богатые купцы и мастера, члены цехов и гильдий; рядовые горожане – мелкие лавочники, не входящие в гильдии, и подмастерья; низший слой горожан – ученики, поденщики, деклассированные элементы. Лично свободные в деревне: лично свободные крестьяне, не находившиеся в поземельной зависимости от какого-либо сеньора; лично свободные держатели господских наделов; безземельные лич-

но свободные крестьяне – батраки. Статус лично зависимых также различался. Существовали разные формы крепостной зависимости, отличавшиеся как основаниями ее возникновения, так и объемом обязательств крепостных перед сеньором, пределами ограничения их прав, возможностями обрести свободный статус. Например, на Руси: холопы, рядовичи, закупы, бобыли и т.д. С течением времени статус различных групп крепостных сближался и нередко они сливались в единую группу, но далеко не везде этот процесс получил полное завершение.

12.3. Позднее средневековье. Разложение феодализма

Поздний феодализм характеризуется упрочением зародившейся еще в классическое средневековье тенденции переноса центра производства прибавочного продукта из домена в крестьянское хозяйство. Эта тенденция была вызвана явно более высокой эффективной самостоятельного труда крестьянина на своем наделе по сравнению с принудительным трудом в домениальном хозяйстве (барщиной). Кроме того, крестьянин мог приносить доход своему сеньору и за счет работы вне надела и поместья (отхожие промыслы). Поэтому феодал сам был заинтересован в переходе от отработочной ренты к натуральной и денежной. Но происходивший таким образом, наряду с ростом эффективности эксплуатации, и рост экономического значения самостоятельного крестьянского хозяйства, означал одновременно и постепенное разложение реальных хозяйственных функций господствующего класса.

Вместе с ростом производства в крестьянских хозяйствах, концентрацией ремесла в городах и происходящим на этой основе углублением общественного разделения труда, происходит рост товарного производства и расширение товарного обращения. В Европе под влиянием потребностей товарного хозяйства происходит значительный технологический прогресс. Находят широкое применение такие изобретения как порох и книгопечатание, компас, механические часы. Заметный прогресс происходит в области судостроения, в строительстве сети каналов, расширяется применение водяных и ветряных мельниц (в том числе в промышленности), водяных насосов для откачки воды из шахт и т.д. В сельском хозяйстве, с разложением крепостничества и упадком общинных отношений начинается переход от трехполья к плодосменной и травопольной системам земледелия.

Увеличение объемов торговли и товарно-денежного обмена увеличивает роль денег и создает основу для возрастания значения денежной ренты.

Рост экономической самостоятельности крестьянского хозяйства выступает основой для борьбы крестьян за освобождение от крепостной зависимости. В условиях роста значения товарно-денежных отношений и денежной ренты часть феодалов оказывается объективно заинтересована в личном освобождении крестьян (при сохранении феодальных повинностей, основанных на поземельной зависимости). Лично свободный крестьянин имеет больше возможностей для организации эффективного производства на рынок (как в области сельского хозяйства, так и в сфере ремесла), а значит, могут расти и размеры уплачиваемой им денежной ренты. Начинает развиваться конкуренция крестьянских ремесленных промыслов с цеховым ремеслом в городах, связанным многочисленными регламентациями.

В результате в странах и регионах с развитым товарным производством (Англия, Северная Италия, Южная Франция, Голландия) в XIV-XVI вв. *начинается постепенное освобождение крестьян от личной зависимости*. В XVII-XVIII вв. этот процесс распространяется и на ряд других стран Западной Европы. Однако это не устраняет системы феодальной эксплуатации, поскольку лично свободный крестьянин остается условным держателем земельного надела от своего сеньора (например, английские *копигольдеры* в отличие от гораздо менее многочисленных *фригольдеров* – свободных держателей).

В ряде стран Северной Европы (Норвегия, Исландия, отчасти Дания, Швеция и Финляндия) и в Швейцарии в этот период остается еще весьма многочисленным (а кое-где и преобладающим) сословие свободных крестьян. В этих странах постепенный рост товарного производства и капиталистических отношений не требовал массовой борьбы против крепостной зависимости. Сословное неравенство в этих странах не приобретало столь выраженных черт, как в других европейских странах.

Расширение масштабов товарного производства и торговли означали значительное расширение внутреннего рынка. Сельскохозяйственное и ремесленное производство, ориентированное на рынок, выходит за рамки пригородных хозяйств и городского цехового ремесла. Рамки цеховой регламентации начинают сдерживать развитие товарного хозяйства и частного предпринимательства. В городах идет рост мануфактурного производства, развивающегося по существу вне цеховой регламентации. Получает заметное развитие ремесленное производство вне городов, развивающееся из крестьянских промыслов (т.н. *домашняя промышленность*). Зажиточное крестьянство начинает выделять из своих рядов торгово-ремесленную верхушку.

Таким образом, развитие товарного производства ведет к *превращению зажиточного слоя крестьян и ремесленников, имеющих возможность вести интенсивное специализированное производство на рынок (или заниматься торговлей), в мелкую буржуазию* – товаропроизводителей, ведущих хозяйство в основном за счет собственного труда. Наряду с мелкой буржуазией формируется *средняя и крупная буржуазия* из числа купцов и ростовщиков, которые уже не столько паразитируют на феодальном укладе, сколько активно обслуживают товаропроизводителей через кредитные операции и торговое посредничество, нередко подчиняя мелких товаропроизводителей своему контролю и ведя к их пролетаризации. В результате возникает еще одна группа средней и крупной буржуазии – мануфактуристы. В этом процессе генезиса буржуазии участвует и та часть помещиков, которая втягивается в производство на рынок и в частное предпринимательство, перестраивая свое сеньориальное хозяйство (домен) на основах капиталистических отношений – например, сдавая земли в аренду зажиточным крестьянам, ведущим интенсивное товарное хозяйство.

Внутри старых городских цехов растут противоречия между мастерами, с одной стороны, учениками и подмастерьями – с другой. В условиях растущей конкуренции мастера пытаются отстоять свое привилегированное положение за счет ограничения членства в цехах, продления сроков ученичества и ужесточения условий перехода подмастерьев в мастера. Это увеличивает замкнутость цехового ремесла, придает цеховой организации реакционный характер, препятствующий росту производительных сил.

Получает значительное развитие международная торговля, как на территории Европы, так и за ее пределами. В условиях турецкой экспансии в Восточном Средиземноморье и на Балканах оказываются перерезанными традиционные торговые пути на Восток, что, с одной стороны, приводит к упадку торгово-ремесленных городских республик Италии, в значительной мере ориентированных на левантийскую торговлю, и к развитию феодальной реакции в Италии, а с другой – ведет к настойчивым поискам новых торговых путей. Эти поиски положили начало эпохе Великих географических открытий (второе открытие европейцами Америки, открытие морского пути в Индию и Юго-Восточную Азию вокруг Африканского континента). Рука об руку с развитием мировой торговли шли и колониальные захваты.

Геноцид местного населения в испанских колониях в Центральной и Южной Америке вызвал нехватку рабочих рук и положил начало активному участию ведущих европейских колониальных держав (Испании, Англии, Португалии, Голландии) в работоторговле. Ра-

бывладельческий уклад в колониях стал одной из основ первоначального накопления капитала и развития частного предпринимательства в метрополиях. (Правда, рабство тогда вполне легально существовало и в Европе – например, в Англии XVI века).

Колониальная экспансия и развитие мировой торговли означали бурный рост рынка и расширение возможностей для товарного производства и частного предпринимательства в Европе. В товарные отношения втягивается значительная часть национального хозяйства многих европейских стран. Начинается эпоха формирования единых национальных рынков и первоначального накопления капитала.

Первоначальное накопление капитала – историческое явление, отнюдь не соответствующее обывательскому представлению о постепенном бережливом собирании богатств, которым предстояло быть использованными в качестве капитала. Если, в духе марксистского подхода, понимать капитал не как вещь, а как общественное отношение, то для развития такого отношения нужны, по меньшей мере, две фигуры. Первая – владелец денег, намеревающийся использовать принадлежащее ему богатство в сфере товарного производства и обращения – т.е. не для расточительного потребления, и не для приобретения новых земель либо крепостных, а для приумножения стоимости. Вторая – свободный рабочий. Свободный в двояком смысле: как от пут феодальной или цеховой регламентации, так и от средств производства. Это не оставляет ему другого выхода, кроме как наниматься к владельцу капитала, то есть продавать свою рабочую силу – единственное достояние, которым он еще располагает.

Первоначальное накопление капитала решало обе эти задачи. И если феодалы, верхушка городских мастеров, купцы и ростовщики не имели непреодолимых препятствий для накопления денежных богатств (впрочем, некоторые препятствия все же имелись и о борьбе с ними будет еще сказано), то формирование свободной рабочей силы требовало целого переворота в производственных отношениях.

Средневековый крестьянин отличался от крестьян античного и азиатского способа производства тем, что ему, в рамках отношений «сеньор – крепостной», не грозило обезземеливание. Его надел был гарантирован его статусом как крепостного. Постепенная ликвидация в классическом и позднем средневековье отношений личной зависимости не устранила поземельной зависимости. Крестьянин оставался держателем надела определенного сеньора. Чтобы превратить его в свободного рабочего, его надо было лишить этого надела.

Но зачем помещику лишать своих крепостных земельных наделов? Ведь именно этот надел является для сеньора основным источником феодальной ренты. Да, это так, но только до тех пор, пока сам

сеньор не втягивается в товарное производство и капиталистическое предпринимательство.

Обезземеливание крестьян исторически могло происходить различными путями. В Англии выгоды производства шерсти на экспорт для голландских мануфактур подтолкнули занявшихся этим лендлордов («новые дворяне») к расширению пастбищ для овец и для этого – к сгону крестьян с их наделов, что получило название «огораживания» («овцы пожрали людей» – по выражению Томаса Мора). Этот процесс породил множество нищих и бродяг, против которых британское государство применяло методы кровавых репрессий (продажа в рабство или смертная казнь за бродяжничество, смертная казнь за кражи), чтобы принудить их к превращению в наемных работников на условиях, продиктованных нанимателями.

В Северной Италии укрепившаяся городская знать принуждала местных феодалов освободить крестьян от феодальных повинностей – но без закрепления за ними земельных наделов, что вело к превращению крестьян в батраков или арендаторов, а также пополняло ресурсы бесправной рабочей силы в городах.

В ряде других стран выделение свободных рабочих рук происходило более постепенно, в основном под воздействием неизбежной при товарном производстве имущественной дифференциации товаропроизводителей, как сельских, так и городских. Разорение ремесленников ускорялось ликвидацией цеховой регламентации ремесла, что оставляло учеников и подмастерьев без каких-либо имущественных прав и гарантий занятости. Разорение и обезземеливание свободных крестьян ускорялось значительным ростом государственных налогов и конкуренцией хозяйств крупных фермеров – арендаторов помещичьих земель с маленькими и менее эффективными крестьянскими, которые к тому же были ущемлены феодальными повинностями. Число хозяйств постепенно сокращалось, росли ряды малоземельных и безземельных батраков и городских поденщиков.

Дробление крупных феодальных владений, рост числа малоземельных и безземельных дворян, ограничения феодального иммунитета, накладываемые крепнущей королевской властью, также вели к росту свободного неимущего населения за счет ликвидации феодальных дружин и резкого сокращения численности челяди в феодальных поместьях.

Так или иначе, с использованием насильственных методов или в основном без таковых, поздний феодализм – по мере разложения отношений классического феодализма – ознаменовался быстрым процессом формирования слоя личного свободного, но лишенного собственности населения, образовавшего базу для класса наемных работников. Разумеется, при всей массовости этого слоя он далеко еще

не превосходил численность крестьян и ремесленников, остававшихся крупнейшими группами трудящихся классов.

Широкомасштабное развитие товарного хозяйства приводило, в конце концов, к становлению такого феномена, как *единый национальный рынок*, сменявший совокупность мало связанных между собой местных рынков. Вместе с формированием единого национального рынка, означавшего новый уровень экономических и социальных связей населения внутри границ государственных образований, происходило формирование нового уровня общности людей: *наций и национального языка*. Тем самым и государства приобретали характер *национальных государств*.

Национализм (т.е. защита интересов национального государства) становится идеологией растущей буржуазии (как мелкой, так и крупной), заинтересованной в укреплении национального рынка и в его защите со стороны государственной власти. Развитие товарного производства и национального рынка сталкивалось внутри страны с препятствиями в виде феодальных перегородок: национальный рынок был рассечен на части феодальными уделами, на границах которых приходилось уплачивать различные сборы и пошлины. Феодальный иммунитет препятствовал единообразному применению законодательства на всей территории страны и лишал предпринимателей твердых правовых гарантий их деятельности. Предпринимательская деятельность была связана многочисленными регламентами и исключительными привилегиями, предоставляемыми тем или иным лицам или компаниям, обладавшим связями с монаршим двором.

Именно эта эпоха разворачивавшейся борьбы за освобождение от различных феодальных пут и перегородок, а вместе с этим и против прежней, сковывавшей творческие силы человека религиозной морали, породила феномен Возрождения. Возрождение представляло собой в первую очередь процесс, происходивший в сфере культуры, и выражавший собой утверждение нового мировоззрения, проникнутого гуманизмом. Гуманизм как идейное течение отстаивает суверенитет человеческой личности¹, приоритет личных потенций и способностей человека над сословной моралью, предписывавшей человеку раз и навсегда отведенную ему роль и правила поведения в соответствии с унаследованным социальным статусом. В то же время идеал возрожденческого гуманизма покоится на индивидуализме, и почти все гуманисты той эпохи с резким неодобрением относились к

¹ Вопреки распространенному суждению, гуманизм никак не может быть сведен к жалости к «униженным и оскорбленным». Его идеал, напротив – человек-титан, человек-борец. В этом смысле Ф.М. Достоевский, заметивший как-то – «Широкий человек. Я бы сузил», а в своей речи в честь юбилея А.С. Пушкина прямо провозгласивший: «Смирись, гордый человек!» – выступает как явный антигуманист.

массовым социальным движениям низов, видя в них лишь разрушительное начало, подавляющее условия для расцвета свободной индивидуальности.

Эпоха Возрождения, начавшаяся в XIV в. Италии – стране, где ранее других развились основы капиталистических отношений – в последующие столетия распространилась и на другие европейские страны. Она сопровождалась небывалым прогрессом в изобразительном искусстве и литературе (начавшись с формирования национального литературного языка взамен латыни), в науке, в идейной жизни, в морали и стереотипах повседневного поведения человека. Значительную роль в Возрождении сыграло широкое освоение античного духовного наследия, а затем и зарождение интереса к культурным достижениям Востока.

В идейной сфере наиболее ярким проявлением Возрождения стала церковная Реформация. Католическая церковь была существенно потеснена идеологией протестантизма, выступившего против мелочной регламентации жизни человека церковью, против церковного стяжательства и за ограничение имущественных притязаний церкви, за поиск спасения души не столько в идее покорности, сопровождающейся мелочным соблюдением церковных обрядов и ритуалов, сколько путем достижения праведной жизни через добродетели, свойственные скорее буржуазному образу жизни.

Во многих случаях Реформация послужила предлогом для секуляризации церковных имуществ (прежде всего земельной собственности), то есть отчуждения этих имуществ в пользу светской (королевской) власти.

В тоже время Возрождение неразрывно связано с развитием свободомыслия и с прогрессом науки, выступавшей как антитеза религиозному объяснению окружающего мира. Именно в эпоху Возрождения появляется гелиоцентрическая система Коперника, которую подхватили Джордано Бруно и Галилео Галилей; Мигель Сервет впервые создает научную картину системы кровообращения человека; исследования Везалия по патологоанатомии дают огромный толчок пониманию анатомии человеческого тела; Томас Мор и Томмазо Кампанелла публикуют свои социальные утопии. Все эти мыслители подвергались нещадным гонениям церкви (как католической, так и протестантской), а Джордано Бруно и Мигель Сервет окончили свою жизнь на костре инквизиции (первый – католической, второй – кальвинистской).

Развитие экономических отношений в эпоху позднего феодализма вело к постепенному упадку феодального уклада. С течением времени (хотя бы в силу роста дворянского населения) происходит дробление крупных феодальных владений, растет численность мало-

земельного (мелкопоместного) и безземельного дворянства. Эти слои дворянства нередко оказываются под угрозой разорения, и либо деклассируются, либо вынуждаются искать новые источники дохода в частном предпринимательстве или на государственной службе (Д'Артаньян, описанный в «Трех мушкетерах» А. Дюма, как раз представляет собой яркий пример последнего случая). Деклассированные дворяне пополняют собой и возглавляют шайки менее «благородных» по происхождению авантюристов, ринувшихся на захват новых земель и богатств, совершив попутно многое из того, что впоследствии получило название великих географических открытий. Они же, попадая на государственную службу, формируют верную опору королевской власти.

Королевская власть, опираясь на мелкопоместное и безземельное дворянство, на торгово-ростовщическую буржуазию и мануфактуристов, постепенно укрепляет свои позиции в борьбе со слабейшими крупнейшими феодалами. Период феодальной раздробленности сменяется формированием централизованной государственной власти вместе с формированием национальных государств (взамен прежней пестрой совокупности феодальных владений, связанных сложными отношениями сюзеренитета–вассалитета и династическими узами). Наиболее завершенное выражение этот процесс находит в эпохе абсолютизма.

Абсолютизм (абсолютная монархия) – форма феодального государства периода позднего феодализма. Характеризуется законченной политической централизацией – сосредоточением законодательной и исполнительной власти в руках монарха, опирающегося на подчиненный ему разветвленный бюрократический аппарат. Возникает единая государственная судебная, полицейская и фискальная система. Войско, комплектовавшееся из совокупности феодальных дружин и народного ополчения, сменяется постоянной королевской армией.

Абсолютизм характеризовался изменением формы правления господствующего сословия – дворянства. Постепенно ликвидируется вотчинный иммунитет. Оставаясь господствующим классом, феодальные землевладельцы утратили многие государственные (политические, судебные, военные и т.п.) функции, перешедшие к централизованному бюрократическому аппарату королевской власти. Возникает относительная независимость государственного аппарата от господствующего класса (что является характерной чертой **бюрократии**). Абсолютизм характеризуется появлением в государстве новой политической силы – буржуазии, которая еще не может потеснить дворянство у руля государственной власти, но уже в состоянии выдвигать и отстаивать собственные интересы, пользуясь тем, что

королевская власть заинтересована как в росте доходов от торгово-промышленной деятельности, так и в наличии определенного противовеса сепаратизму крупного феодального дворянства.

Относительная независимость королевской власти выражалась в эпоху абсолютизма также в принижении роли или вообще в отказе от систем сословного представительства, появившихся в предшествующую эпоху.

Сеньориальное хозяйство (домен) в борьбе с ориентированным на рынок хозяйством крестьян, освобожденных от личной зависимости, постепенно утрачивает свои позиции – если оно само не переводится на начала частного предпринимательства и крупный феодал не превращается в лендлорда, сдающего землю в аренду капиталистическим фермерам, вырастающим из зажиточного крестьянства, купцов и ростовщиков, вкладывающих капиталы в сельское хозяйство. Эффективность изъятия феодальной ренты падает, и значительная часть дворянства вынуждена жить уже не столько на доходы от своего поместья, сколько на служилые доходы и королевские пенсии. Соответственно происходит сдвиг в формах эксплуатации крестьянства – удельный вес сеньориальной ренты падает, и растет значение государственных (королевских) налогов, как источников выплаты жалования и пенсий дворянскому сословию.

Это еще больше укрепляет позиции монарха в борьбе с крупнейшей феодальной знатью. Она шаг за шагом лишается феодального иммунитета. Судебные и военные функции изымаются у феодалов и сосредотачиваются в руках королевских чиновников. В этой борьбе королевская власть находит поддержку со стороны буржуазии, заинтересованной в единообразном применении законов на территории государства и в устранении феодальных барьеров для развития национального рынка. В свою очередь, королевская власть принимает ряд мер по поощрению предпринимательства (политика меркантилизма).

Меркантилизм – экономическая политика европейских государств в ранний период развития капитализма. Была ориентирована в первую очередь на накопление денег (благородных металлов) в руках королевской казны. С этой целью проводилась политика активного торгового баланса, торгового протекционизма (повышенное обложение импорта), поощрения мануфактурной промышленности, основания монопольных внешнеторговых компаний, торговой и колониальной экспансии. Эта политика вела к столкновениям европейских держав в борьбе за торговое и промышленное преобладание.

Разумеется, меры поощрения королевской властью торговли и промышленности (что нашло наиболее последовательное выражение

в политике Кольбера, министра финансов короля Людовика XIV во Франции) были рассчитаны не столько на то, чтобы задобрить своего союзника в борьбе с феодальным сепаратизмом, сколько на то, чтобы расширить базу поступления налогов в королевскую казну. Эта политика далеко не во всем отвечала интересам класса буржуазии (мелочная регламентация производства, система королевских привилегий, создание монопольных торговых и промышленных компаний). С течением времени узость политики меркантилизма перестала устраивать буржуазию, но в период становления абсолютизма эта политика играла объективно прогрессивную роль, способствуя развитию капитализма.

Развитие товарного хозяйства привело к быстрому росту капиталистических производственных отношений не во всей Европе. В тех регионах Европы, где товарное производство не приобрело еще глубоких корней, расширение рынков для продукции сельского хозяйства вызвало явления феодальной реакции (о которых уже упоминалось в предыдущем разделе применительно к Англии и Северной Италии). Феодалы стремились использовать возможности сбыта товарной сельскохозяйственной продукции для личного обогащения путем расширения производства в господском хозяйстве (домене). С этой целью они ужесточали формы крепостной эксплуатации – увеличивали оброк или расширяли барщину (до 5-6 дней в неделю).

В политической сфере феодальная реакция ознаменовалась углублением сословного неравноправия, превращением дворянства в еще более замкнутую привилегированную касту, частичным возвратом к феодальной раздробленности или превращением абсолютизма в открытую форму дворянской диктатуры.

Если в Англии явления феодальной реакции в XIII-XIV вв. носили локальный характер и были изжиты с дальнейшим ростом буржуазных отношений, то в других странах в XVI-XVIII вв. феодальная реакция получила более прочные основания. Наиболее широко явления феодальной реакции давали себя знать в Испании, Италии, во Франции (вторая половина XVIII в.), Центральной и Восточной Европе. В ряде случаев (в восточной части Германии, в Чехии, Словакии, Венгрии, Польше, России) эти явления приобрели форму т.н. *второго издania крепостничества* – т.е. применения изжитых уже в других странах форм личной зависимости, расширения и усугубления крепостного состояния. В России особую активность в насаждении полурабских форм крепостничества и в распространении его на прежде независимое население проявила Екатерина II (несмотря на личное понимание исторической бесперспективности крепостного состояния), которую современные поклонники крепостничества и дворянской диктатуры объявляют за это «Великой».

Развитие капиталистических производственных отношений с течением времени приводит к превращению капиталистического уклада в ведущий или даже в господствующий. Буржуазия начинает претендовать на участие в политической власти, в первую очередь для того, чтобы ликвидировать сдерживающие развитие капитализма пережитки феодальных отношений (сословное неравноправие, регламентация торговли и промышленности, отстранение недворянских сословий от выработки экономической политики, отсутствие свободного земельного рынка и т.д.).

Фактически происходящая *социальная революция* – т.е. переход от преимущественно феодальных к преимущественно буржуазным экономическим отношениям – сопровождается развертыванием политических столкновений буржуазии с сохраняющим монополию на политическую власть дворянским сословием. В этой борьбе буржуазия опирается на поддержку массового слоя мелкой буржуазии и крестьянства, страдающего от роста королевских налогов. В большинстве европейских стран эта политическая борьба выливается в буржуазные политические революции. Начало им было положено революциями в Голландии (XVI в.) и Англии (XVII в.).

В ряде стран Северной Европы социальная революция – переход к капиталистическим производственным отношениям – не облекалась в форму политической революции. Поскольку крепостнические отношения и сословное неравноправие в Исландии, Норвегии, Швеции не получили столь сильного распространения, как в континентальной Европе, а в Исландии и Норвегии свободное крестьянство составляло большинство сельского населения вплоть до перехода к капитализму, здесь не возникало и столь острых форм классовой (межсословной) политической борьбы. Проблема модернизации политического и правового строя в этих странах могла быть решена реформистским путем. Но преобладание свободного мелкого производства в то же время привело к относительному торможению экономического и социального прогресса в этих странах, к длительной консервации мелкобуржуазной патриархальности.

Особенности российского феодализма

О некоторых особенностях российского феодализма уже упоминалось при описании становления феодального способа производства (эти особенности позволяют некоторым исследователям вообще ставить под сомнение феодальный характер средневековой Руси). Феодализм в России начинает формироваться позднее, чем в Западной Европе. В IX-X веках на Руси складывается раннеклассовое общество (отсутствие крепостничества, небольшие масштабы патриар-

хального рабства, основной формой эксплуатации выступает взимание князьями нерегулярной дани – *полюдье*), а в X-XII веках начинается процесс его феодализации (рост различных категорий лично зависимых крестьян – закупов, рядовичей, холопов и т.д., развитие церковного и боярского землевладения в форме вотчины). Русь по уровню экономических отношений быстро приближается к раннефеодальной Европе. С конца XI века происходит развитие феодальной раздробленности, а XII-XIII века ознаменовались ростом товарного производства, ремесла и городов, что сближало уровень хозяйственного развития Руси и европейских стран.

Эта социально-экономическая динамика Руси была прервана в середине XIII века монгольским нашествием. Происходит резкий упадок городского ремесла, денежного обращения, падение роли городов, разрушаются экономические и политические связи с Западной Европой. Переход от феодальной раздробленности к формированию централизованного государства начинается только во второй половине XV века, и не опирается на становление единого национального рынка, рост буржуазии и т.д., вырастая из военного объединения в борьбе против ига Золотой Орды. Медленно происходит процесс складывания крепостной зависимости – когда в Европе во многих странах она уже разлагалась, на Руси она только приобретала законченные формы (конец XVI века). В XV-XVI веках происходит поворот отношений феодального землевладения от вотчины к поместью – не наследственному, а личному держанию за службу. Уравнивание статуса поместья с вотчиной происходит только в середине XVII века.

Господствующий класс длительно сохраняет черты военнослужилого сословия, отношения которого с монархом строятся не столько на началах вассалитета, сколько на началах государственной службы. Складывание централизованного государства в условиях незавершенной феодализации определялось гипертрофией военных функций в условиях постоянной угрозы со стороны кочевых народов, а затем – Золотой Орды и ее преемников. Усиление роли централизованного государства определялось также необходимостью защиты разбросанных общин и контроля над ними в условиях длительной эпохи колонизации обширных лесных и лесостепных пространств.

В результате в России не сложился феномен свободных городов со свободными самоуправляющимися сословными корпорациями (цехами, гильдиями, университетами). Городское (посадское) население по своему социально-экономическому положению было в основном *тягловым* – зависимым от определенного феодала (или царя) и несшим соответствующие феодальные повинности (тягло). Со-

словные права даже господствующего сословия – дворянства – не были фиксированы до второй половины XVIII века.

Значительное влияние на специфику эволюции феодальных отношений в России оказало так называемое второе издание крепостничества, характерное для стран Центральной и Восточной Европы в XVI-XVII веках.

В строгом смысле слова «второе издание крепостничества» в Центральной и Восточной Европе было вторым только по отношению к Западной Европе. На самих же этих территориях не шло и речи о каком-то повторении уже существовавших и исчезнувших черт крепостной зависимости, а происходил процесс усиленного первичного закрепощения крестьян (в то время как в Западной Европе крепостничество разлагалось). Это определялось относительной нехваткой рабочих рук при относительно более широкой возможности колонизации свободных земель, что подталкивало землевладельцев к насильственному удержанию крестьян на своей земле. Кроме того, имевшиеся в Западной Европе черты сеньориальной реакции не смогли превратиться в нечто подобное «второму изданию крепостничества», поскольку этой тенденции противостоял развитый городской хозяйственный уклад, опиравшийся на лично свободное и корпоративно-организованное население. В Центральной Европе городской уклад был относительно слабее, а в Восточной феномен свободных городов вообще почти не получил развития.

«Второе издание крепостничества» (вплоть до развития полурабских форм личной зависимости) привело в России к тому, что еще в середине XIX века барщина и оброк были основными формами феодальной эксплуатации. Рост мануфактурного производства в XVIII веке происходил в значительной мере в форме крепостных (посессионных) мануфактур (где работники имели статус крепостных, прикрепленных к мануфактуре или заводу). Постепенное разложение личной зависимости под влиянием растущих потребностей развития товарного хозяйства происходило крайне медленно. Отмена крепостничества приняла форму «революции сверху», в условиях, когда большинство помещичьих хозяйств не было в достаточной мере втянуто в капиталистическое предпринимательство, а крестьянское хозяйство лишь начало переходить на рельсы мелкотоварного производства. В результате посткрепостнические отношения крестьян и помещиков развивались в основном в форме кабальной аренды полуфеодального типа («отработки», издольщина).

Значительным препятствием для развития капиталистических отношений в деревне была обусловленная природно-климатическими особенностями России сложность перехода от трехполья к травопольной и плодосменной системам земледелия. Именно этот переход в Западной Европе составил аграрную предпосылку

промышленного переворота, позволил обеспечить растущее городское население продовольствием, а промышленность – сырьем. В России же, в силу негарантированности увлажнения и краткости вегетативного периода такой переход требовал значительно более крупных капитальных вложений, которыми большинство хозяйств не располагало. Кроме того, растущий спрос на пшеницу на мировом рынке вызвал в XIX веке переход к монокультурной специализации российского земледелия, что еще более затруднило переход к передовым аграрным технологиям¹.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Каковы были опосредствующие звенья в процессе перехода от античного (и азиатского) общества к феодальному?
2. Роль перехода от отчуждаемой частной собственности на землю к условному владению.
3. Факторы формирования крепостной (поземельной и личной) зависимости крестьянства.
4. Факторы формирования вотчинного иммунитета.
5. Как связана условная крупная земельная собственность и отношения вассалитета?
6. Чем вызван переход к феодальной раздробленности и формированию вотчинного иммунитета?
7. Каковы движущие силы образования феномена свободных городов?
8. В чем состоит прогрессивный характер городских корпораций (цехов, гильдий, университетов)?
9. Каковы предпосылки роста товарного производства и расширения рынка при феодализме?
10. Каковы предпосылки преодоления феодальной раздробленности и формирования национальных государств?
11. Каковы характерные черты абсолютистского государства?
12. Каковы причины упадка крепостничества? Что такое «второе издание крепостничества»?
13. Каковы основные экономические и социальные факторы разложения и кризиса феодального способа производства?
14. Каковы особенности «восточного» и, в том числе, русского феодализма?

Литература для самостоятельного изучения:

Работы классиков марксизма:

- Маркс К. Капитал. Т I, гл. 24 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
- Маркс К. Капитал. Т III, гл. 36 и 47 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II.
- Энгельс Ф. Марка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.

¹ См.: Гловели Г.Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о «самобытности» к глобальным концепциям. СПб.: Алетея, 2008.

- Энгельс Ф. Франкский период // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.

Книга известного представителя исторической школы «Анналов»:

- Блок М. Феодальное общество. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. Книга написана под значительным влиянием западной медиевистики и представляет собой неплохой очерк ее достижений:

- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984

Известный британский историк-марксист излагает свой взгляд на феодальное общество:

- Андерсон, Перри. Переходы от античности к феодализму. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007.
- Андерсон, Перри. Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего, 2010.

В статье советского историка Сказкина, изданной в 1958 году, заложены основы понимания феномена «второго издания крепостничества»:

- Сказкин С. Д. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе // Вопросы истории, 1958, № 2. <http://www.istmat.ru/index.php?menu=1&action=1&item=251>

В работе Владислава Иноземцева формулируется взгляд на внутренние закономерности развития экономической общественной формации, в том числе на потенциал перехода к капиталистическому способу производства в различных типах общества:

- Иноземцев В.Л. Очерки истории экономической общественной формации. М.: 1996.

В этой работе вводятся в научный оборот забытые было дискуссии российских экономистов, посвященные проблемам капиталистической эволюции российского земледелия:

- Гловели Г.Д. Геополитическая экономия в России: от дискуссий о «самобытности» к глобальным концепциям. СПб.: Алетейя, 2008.

ЧАСТЬ IV

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ МАРКСИЗМА.

КАПИТАЛИЗМ – ВЕРШИНА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФОРМАЦИИ

Капиталистический способ производства знаменует собой кульминацию экономической общественной формации. В капитализме все свойства этой формации и присущие ей противоречия реализуются наиболее последовательно, выпукло и ярко. Именно поэтому капитализм выступает как завершающая стадия развития экономической общественной формации, как период формирования предпосылок новой общественной формации человечества.

ГЛАВА 13

СТАНОВЛЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА КАК ГОСПОДСТВУЮЩЕГО

Становление капитализма, как было показано выше, происходит в недрах феодального способа производства, и исторически выступает как процесс так называемого *«первоначального накопления капитала»*. Основу этого процесса составляет отделение непосредствен-

ных производителей от средств производства и формирование свободного работника – свободного как от внеэкономической регламентации и принуждения, так и от средств производства. Понятно поэтому, почему первоначальное накопление именуется «так называемым» – это, собственно, было не накопление в привычном понимании, а процесс экспроприации непосредственных производителей, протекавший в более жестких или более мягких формах.

Первоначально наемный труд применяется в небольшом объеме, и лишь спорадически – в крупных масштабах (при крупных строительных работах или в сезонных работах в сельском хозяйстве). Такое применение наемного труда ограничивалось условиями простой кооперации наемных работников. Методы простой кооперации труда не представляли собой чего-либо нового, возникнув еще в доклассовых (а как способ организации принудительного труда – в раннеклассовых) обществах. Капиталистический уклад заимствовал их практически в готовом виде.

Развитие общественного разделения труда и расширение рынков для массового товарного производства потребовало создания более эффективного производства специализированной товарной продукции, способного обеспечить ее массовый выпуск. Так возникло мануфактурное производство – метод производственной кооперации, основанный на разделении труда (попредметном или пооперационном). Мануфактура представляла собой элемент производительных сил, созданный под влиянием потребностей развития капиталистического производства, под влиянием противоречий капиталистических производственных отношений.

Именно бурный рост мануфактурного производства создал впервые массовую потребность в свободных наемных работниках. Выше уже говорилось о проведенном по инициативе североитальянской городской верхушки (в которой большую роль играли мануфактуристы) принуждении сельских помещиков к личному освобождению крестьян. Голландские суконные мануфактуры были ближайшей причиной «огораживаний» в Англии. Сначала голландские мануфактуры лишь увеличивали рынок сбыта для английской шерсти и вызывали у феодалов потребность в расширении овечьих пастбищ, что и достигалось путем безжалостного сгона крестьян с их наделов (причем нередко под горячую руку лишались земли не только феодально-зависимые крестьяне, но и свободные держатели – фригольдеры). Но затем потребности роста собственной английской текстильной промышленности для конкуренции с голландской превратили согнанных с земли крестьян, превращенных в нищих и бродяг, в необходимый ресурс для английских суконных и хлопкопрядильных мануфактур. Именно поэтому появляется английское «кровавое за-

конодательство против экспроприированных» (по выражению К. Маркса), призванное превратить некогда свободное и экономически самостоятельное, а ныне деклассированное сельское население в наемных работников.

Методы т.н. первоначального накопления капитала, применявшиеся в Великобритании, и опиравшиеся на насильственную экспроприацию сельского населения, были положены К. Марксом в основу его изложения проблемы первоначального накопления в «Капитале». Однако не следует думать, что везде этот процесс протекал аналогичным образом. Например, роль насилия в ускорении процесса первоначального накопления была менее велика во Франции и значительно менее существенна в Северной Европе.

Во Франции в ходе буржуазной революции была проведена экспроприация и распродажа имений дворян-мятежников. Это привело к появлению массы мелких самостоятельных крестьянских хозяйств, основанных на частной собственности, рядом с которыми появилась (в менее значительных масштабах) и крупная частная земельная собственность. Дальнейшее развитие процесса т.н. первоначального накопления происходило за счет действия законов товарного производства, при котором конкуренция приводит к разорению одних товаропроизводителей и обогащению других. Этот процесс развивался во Франции на протяжении всего XIX века и первой половины XX века. Постепенно произошло разрушение системы *парцеллярного* крестьянского хозяйства (*парцелла* – небольшой участок земли), основанного на собственном труде, и концентрация земельной собственности в небольшом числе мелких, средних и крупных фермерских хозяйств капиталистического типа.

Несколько иначе этот процесс происходил в Германии и России. Там основой этого первоначального накопления была отмена крепостной зависимости при лишь частичной передаче крестьянам земельных наделов, и при сохранении крупного помещичьего землевладения. Такая ситуация вела к сохранению форм полукрепостнической эксплуатации крестьян (кабальная аренда, издольщина) и лишь к очень медленному переходу как помещичьих, так и крестьянских хозяйств на рельсы интенсивного товарного и капиталистического производства, что сопровождалось постепенным разорением наиболее бедных крестьянских хозяйств. В Российской Империи этот процесс так и не был закончен (его историческим суррогатом выступила сначала сталинская коллективизация, а затем передача земли в частную собственность в начале XXI века), а в Германии он развивался с начала XIX века по начало XX века.

Мануфактурное производство представляло собой лишь надстройку над морем мелких самостоятельных товаропроизводителей и торговцев, хотя конкуренция мануфактур уже начала способствовать вытеснению мелкого производства. Промышленная буржуазия

еще занимает более скромное место по сравнению с представителями купеческого и ростовщического капитала, от которых во многом зависят и мелкие производители, и мануфактурное производство.

В эту эпоху происходит также бурное развитие торгового и ростовщического капитала, обслуживающего как возросшие товарные обороты на внутренних рынках, так и выросшие возможности внешней торговли. В поисках новых заморских товаров и рынков сбыта для европейского производства, в погоне за золотом и серебром происходит быстрая внешняя экспансия, начавшаяся с рубежа XV-XVI вв. Европейские авантюристы основывают форпосты на новых территориях, завязывают с ними торговые отношения, совершают грабительские экспедиции, захватывают земли, превращая их в свои колонии, нередко безжалостно истребляя местное население. Попутно совершаются географические открытия – как это сделал английский пират Фрэнсис Дрейк: стремясь избежать засады испанского флота в Магеллановом проливе (после того, как он ограбил Атлантическое побережье испанских колоний в Южной Америке), он открыл новый пролив, ныне носящий его имя.

Мануфактурная промышленность положила начало формированию экономического перевеса европейских стран в международной торговле и массовой экспансии мануфактурных товаров в менее развитые страны под влиянием потребности промышленного капитала в новых, более широких рынках сбыта.

Однако и мануфактурное производство не удовлетворяло полностью интересам капитала в безудержном расширении производства и рынков сбыта. Ручные орудия труда не могли обеспечить достаточную массовость производства, а поскольку производство носило ручной характер, то издержки на наем рабочих рук были главными издержками производства. Решить обе эти проблемы – увеличить выпуск товаров в массовом масштабе и понизить издержки найма рабочей силы – смог переход к машинному производству. (В последующих главах будет дан теоретический анализ причин и последствий этого перехода).

С конца XVIII века в Великобритании, а несколько десятилетий спустя и в других европейских странах начинается **промышленный переворот** или **капиталистическая индустриализация производства**. Капитал начинает в массовом масштабе применять технические нововведения, обеспечивающие замену ручного труда машинным. Появляется широкий спрос на изобретения.

Промышленный переворот резко изменяет облик общества, в котором развивается капиталистический способ производства.

Переход к капиталистической машинной промышленности привел к уже массовому разорению мелких товаропроизводителей, заня-

тых ручным трудом. Начальная стадия промышленного переворота, поскольку он прямо диктовался потребностью капитала в понижении издержек найма рабочей силы, ознаменовалась ухудшением положения наемных работников.¹ Кроме того, под влиянием этого же интереса, происходил переход к использованию более дешевого и лучше поддающегося нажиму фабрикантов женского и детского труда в массовых масштабах. Эти процессы вызывали резкое обострение классовых противоречий и конфликтов, носивших со стороны рабочих еще слабо организованные формы, но нередко выливавшихся в вооруженные выступления (восстания английских ткачей в конце XVIII века, силезских ткачей в Германии – в начале XIX, лионских ткачей во Франции – в 1830 г.).

А в мировой торговле промышленный переворот обеспечил формирование промышленной монополии сначала Великобритании, а затем и ряда других европейских держав. Конкуренция европейской промышленности разоряла мелких производителей как в Европе, так и за ее пределами. Однако в Европе мелкое производство замещалось национальным промышленным капиталом, организующим крупное машинное производство, и разорившиеся мелкие производители превращались в наемных работников. В колониальных же странах разорение крестьян и ремесленников, работавших на рынок, сопровождалось установлением торговой гегемонии иностранного (европейского) промышленного капитала и полным упадком местной доиндустриальной промышленности (а отчасти и сельского хозяйства), что вело к пауперизации, а зачастую – и к голодной смерти миллионов разоренных ремесленников и крестьян.

Эта промышленная монополия дополнялась прямым разграблением человеческих ресурсов колоний, как путем организации работоторговли, так и путем организации массового принудительного труда непосредственно местного населения. Разграблению подвергались также и сырьевые ресурсы. Все это в совокупности обеспечило резкий отрыв европейских стран по уровню экономического могущества от всех остальных стран мира – отрыв, который в основном сохраняется до сих пор.

В странах, претерпевших промышленный переворот, происходит быстрое сокращение удельного веса самостоятельных крестьян, ремесленников и мелких торговцев, разорение землевладельцев (в том числе и крупных), не перешедших на современные капиталистиче-

---

¹ В книге «Положение рабочего класса в Англии» Ф.Энгельс описывает кошмарную ситуацию именно этого периода. Цена, которую заплатили английские рабочие за промышленный переворот, была куда выше, чем цена, заплаченная советскими рабочими за сталинскую индустриализацию.

ские методы производства, падение численности непродуцительных работников, обслуживавших интересы феодальной аристократии. Наряду с этим существенно возрастает численность рабочего класса (особенно фабрично-заводского пролетариата), происходит рост численности и укрепление экономических позиций промышленных капиталистов, оттесняющих торгово-финансовую буржуазию.

Таким образом, капиталистический способ производства приобретает господствующий (или, по крайней мере, ведущий) характер в экономике стран, проходящих через промышленный переворот. Капиталистический уклад вытесняет и преобразует все добуржуазные, раннебуржуазные и переходные формы производства, если и не ликвидируя их полностью, то отодвигая на второй план. Внешняя экспансия промышленного капитализма оказывает противоречивое влияние на экономику колоний, создавая в них элементы упадка и регресса, закрепляя отсталые экономические и политические формы, но, с другой стороны, создавая и некоторые предпосылки для развития капиталистических отношений.

Большинство буржуазных революций происходит в начале эпохи промышленного переворота (в Бельгии, Германии, Испании, Италии и т.д.) или непосредственно перед ней (в Японии). В США произошло две революции – одна перед началом промышленного переворота, а другая – уже в его ходе, а во Франции одна революция произошла перед промышленным переворотом, а еще три (1830, 1848 и 1870-71 гг.) – в ходе промышленного переворота. Именно в этой эпохе пролетариат впервые появляется на общественной сцене как самостоятельная политическая сила и начинают формироваться классические марксистские представления об экономической системе капитализма.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Что такое так называемое первоначальное накопление капитала? Каковы его особенности в различных странах?
2. В чем причина формирования на основе капиталистических отношений мануфактурного производства?
3. Каковы экономические движущие силы промышленного переворота?
4. Какую роль в развитии капитализма сыграло формирование промышленной монополии капиталистических государств?
5. Какую роль в развитии капитализма сыграло формирование колониальной системы?
6. К каким социальным сдвигам привела капиталистическая социальная революция?

Литература для самостоятельного изучения:*Работы классиков марксизма:*

- Маркс К. Капитал. Т I, гл. 24 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.
- Работы историков – представителей школы «Анналов», внесших значительный вклад в освещение процесса становления капитализма:*
- Бродель, Фернан Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. пер. с фр. Л.Е.Куббеля. М.: Прогресс. Т. 1, 1986; Т. 2, 1988; Т. 3, 1992.
- Люсьен Февр. Бои за историю. М.: Наука, 1991

ГЛАВА 14**СИСТЕМА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
КАПИТАЛИЗМА ПОСЛЕ ПРОМЫШЛЕННОГО
ПЕРЕВОРОТА. ТОВАР И ДЕНЬГИ****14.1. Марксистский вариант
трудовой теории стоимости**

Наиболее общим свойством капиталистического производства является производство продуктов как товаров. Если для других способов производства в рамках экономической общественной формации производство продуктов для обмена, на рынок, выступает лишь одним из укладов (и не самым значительным), а основное производство ведется на основе натурального хозяйства, то для капитализма товарное производство является универсальной, всеобъемлющей формой производства.

Поэтому именно на основе капиталистического способа производства товарное производство наиболее полно проявляет все свои свойства и потенции, и, соответственно, могут быть созданы наиболее точные научные представления о товарном производстве.

Товары суть продукты независимых друг от друга, частных работ, поступающих в общественное потребление через обмен их на рынке.

Естественные свойства продукта труда приобретают при товарном производстве форму **потребительной стоимости** товара – т.е. его полезности, способности удовлетворять определенные общественные потребности. Речь идет не о потребностях самого товаропроизводителя, а, поскольку продукт предназначается для продажи, о потребностях других людей, о полезности товара для них. Наличие у

товара потребительной стоимости является необходимым условием его производства и продажи.

Способность товара обмениваться на рынке в определенной пропорции на другие товары выступает как *меновая стоимость* товара.

Итак, товар предстает как вещь, имеющая *двойственную природу*. Он выступает, с одной стороны, как *потребительная стоимость*, с другой – как *меновая стоимость*.

Но чем же определяется меновая стоимость товара, его способность обмениваться на другие товары, и та пропорция, в которой этот обмен совершается?

Современная неоклассическая теория, имеющая наибольшее распространение, вообще не дает определенного ответа на этот вопрос. Пропорция обмена, согласно этой теории, устанавливается путем согласования предпочтений покупателей и продавцов (т.е. спроса и предложения). Спрос и предложение, в свою очередь, определяются множеством различных факторов.

При этом неоклассическая теория сразу же допускает несколько грубейших логических ошибок. Во-первых, пропорция обмена сразу же рассматривается как цена, то есть денежная оценка товара, в то время как категория денег на данном этапе анализа еще не вводилась и не определялась. Тем самым величины спроса и предложения также предполагаются как взятые в денежной форме, хотя мы еще ничего не знаем о природе денег.

Во-вторых, в качестве наиболее важных факторов, воздействующих на формирование спроса, называются такие, как денежные доходы потребителей и цены на сопряженные товары, а при формировании предложения – такие, как цены на ресурсы и цены на другие товары. Тем самым для определения цены используется понятие... цены. Возникает замкнутый логический круг в определении. Кроме того, опять используется не введенное и не определенное понятие денежного дохода.

Такая «небрежность» не случайна. Неоклассическую теорию на самом деле не интересует природа цены или основа установления пропорций обмена. Ее интересует только механизм согласования спроса и предложения, и даже не столько сам механизм, сколько его *количественное выражение*. Однако в то же время неоклассическая теория категорически не приемлет принятую в классической политической экономии трудовую теорию стоимости. Тем не менее в дальнейшем анализе неоклассическая теория фактически признает издержки производства (затраты труда и материальных ресурсов – т.е. овеществленного труда) определяющими факторами формирования цены, эклектически соединяя различные теории стоимости.

Трудовая теория стоимости исходит из того, что при обмене самых разнообразных товаров единственной возможной основой их приравнивания друг к другу выступает тот общий для подавляющего

большинства из них факт, что товары есть продукты труда. И, соответственно, количество затраченного на их производство труда выступает основой установления пропорции обмена. Можно возразить, что на изготовление товаров тратится не только труд, но и другие ресурсы. Однако эти ресурсы сами есть не что иное, как продукты труда (овеществленный труд). Поэтому в конечном счете все затраты на производство товаров могут быть сведены к человеческому труду: к затратам живого труда, т.е. к рабочему времени, израсходованному на производство товара, и к затратам овеществленного (прошлого) труда, т.е. затратам использованных при изготовлении товара средств производства (сырья, материалов, орудий труда).

Затраты овеществленного труда (стоимость израсходованных сырья и материалов и стоимость износа орудий труда) переносятся на готовый продукт благодаря живому труду. Именно целесообразная деятельность работника позволяет израсходованным средствам производства воплотиться в полезном продукте и тем самым позволяет им не утратить свои полезные свойства, а включить их в свойства созданного продукта труда. Поэтому и их стоимость переносится на продукт труда и добавляется к стоимости израсходованного живого труда.

При товарном производстве пропорция обмена (меновая стоимость товара) определяется *не фактически затраченным трудом*, не тем количеством часов труда, которое было потрачено на изготовление данного товара. При товарном производстве в обмен признается *только общественно-необходимое рабочее время*. Это среднее при данных условиях рабочее время, потраченное на производство (точнее, на воспроизводство – т.е. на регулярно возобновляемое производство) той массы товаров данного вида, которая признана рынком отвечающей потребностям покупателей.

Именно данное количество труда, определяющее меновую стоимость (т.е. пропорцию обмена) товара, выступает как субстанция **стоимости** этого товара.

Производители, которые тратят на производство данного товара рабочее время, большее, чем общественно-необходимое (т.е. имеющие более низкую производительность труда), получают в обмен на свои товары относительно меньшее количество товаров другого вида, поскольку сами за определенный отрезок времени производят на продажу меньше товаров, чем производители с более высокой производительностью труда. Тем самым производственные отношения товарного производства подталкивают производителей, под угрозой обнищания и разорения, к повышению производительности труда.

Итак, если первоначально товар предстал перед нами как единство *потребительной стоимости* и *меновая стоимость*, то теперь

мы обнаруживаем, что в основе меновой стоимости лежит такое свойство товара, как его *стоимость*. Таким образом, теперь товар предстает как *единство потребительной стоимости и стоимости*.

В основе различия этих двух сторон товара лежит различие свойств труда, затрачиваемого на его изготовление. Труд, который создает потребительную стоимость товара, определяется необходимостью придания товару определенных, конкретных физических свойств, с тем, чтобы товар представлял собой полезный продукт. Такой труд получил название *конкретного труда*. (Упомянутый выше перенос стоимости средств производства на готовый продукт, поскольку он обусловлен целесообразным характером трудового процесса, есть свойство именно конкретного труда).

Труд, величина затрат которого определяет пропорцию обмена, и который лежит в основе стоимости товара, выступает как безразличный к какой бы то ни было своей особенной конкретной форме. Это любой вид труда, затраченного на производство товара, *признанного рынком*. Имеет значение лишь тот факт, что это затраты человеческого труда, получившие общественное признание, что и придает товарам, при всем их различии, качественную однородность, как продуктов труда. Такой труд, безразличный к любой конкретной форме, выступает как *абстрактный труд*.

Тем самым труд, производящий товар, также предстает как нечто двойственное – как единство конкретного и абстрактного труда.

Поскольку товары являются продуктами труда частных, независимых друг от друга индивидов, то их труд выступает как *частный труд*. Однако это труд, который совершается в системе *общественного разделения труда*. Каждый производитель специализируется на производстве какого-либо товара, предназначенного для удовлетворения потребности других людей, для удовлетворения *общественной потребности* в данном товаре. Поэтому труд товаропроизводителя выступает одновременно и как *общественный труд*.

Однако труд, воплощенный в товаре, *не является общественным трудом непосредственно, сразу при его производстве*. Ведь он является и частным трудом, то есть, выполнен товаропроизводителем на его страх и риск, вне прямого влияния со стороны общества. Поэтому он еще должен *доказать* свой общественный характер, свою способность удовлетворять *общественные потребности* и быть *необходимым звеном общественного разделения труда*, через обмен на рынке.

Таким образом, *труд, производящий товар, предстает также и как единство частного и общественного труда.*

Каким образом на рынке выясняется меновая стоимость товара, какую видимую форму выражения она получает? Уже применительно к самому простому обмену товара на товар мы должны поставить и выяснить этот вопрос. Для продавца товара единственной мерой стоимости его товара выступает количество другого товара, получаемого в обмен на свой. В уравнении:

$$x \text{ товара } A = y \text{ товара } B$$

«у товара В» является эквивалентом для «х товара А». Таким образом товарное тело, то есть *потребительная стоимость* товара В выступает *формой стоимости* товара А. Приведенное выше уравнение является *формулой простой формы стоимости*.

В более развитом обмене, когда товару А может быть противопоставлен не только товар В, но и множество других товаров-эквивалентов, форма стоимости товара А получает в них свое развернутое выражение. Формула:

$$x \text{ товара } A = y \text{ товара } B = \dots = z \text{ товара } C = \dots \text{ и т.д.}$$

есть *развернутая форма стоимости*.

Когда товарное производство приобретает достаточно развитый характер, и в виде товаров производится значительная масса различных продуктов труда, любому конкретному товару потенциально противопоставит в качестве эквивалентов весь остальной товарный мир. Соответственно, в качестве эквивалентов товару А выступают все имеющиеся на рынке товары. Такая форма выражения стоимости товара в потенциально бесконечном числе противостоящих ему товарных тел (потребительных стоимостей) товаров-эквивалентов есть *всеобщая форма стоимости*.

В свою очередь, в выражении стоимости товара А через все остальные товары, для их владельцев эквивалентом стоимости их товаров выступает товар А. Когда эта роль эквивалента прочно срастается с товарным телом какого-то одного определенного товара, этот товар получает свойства *всеобщего эквивалента*.

Устойчивое бытие некоего конкретного товара в роли товара – всеобщего эквивалента придает ему свойство *денег*.

Выражение стоимости товара в *деньгах* называется *ценой* товара.

Неоклассическая экономическая теория отказывается от выяснения и рассмотрения *природы денег*. Для нее деньгами является все что угодно, что

может выступать в качестве таковых. То есть деньги по существу определяются только через их функции. Сами эти функции вводятся эмпирически, без какого-либо теоретического обоснования. Например, указание на то, что деньги выполняют функцию меры стоимости, не сопровождается объяснением категории стоимости и выяснением того, в каком отношении стоимость находится к цене. Таким образом, *теоретический анализ природы денег подменяется описанием их эмпирически наблюдаемого бытия*. Не выясняя природы денег, неоклассическая теория в тоже время не в состоянии объяснить пропорции обмена товаров без введения в исследование категории денег, т.е. независимо от их денежной оценки.

На ранних ступенях развития товарного производства у разных народов в роли всеобщего эквивалента выступали самые различные товары – зерно, скот, морские раковины, шкурки пушных зверей, ювелирные украшения. Но с течением времени эта роль прочно закрепляется за благородными металлами – золотом и серебром. Золото и серебро играют роль денег потому, что их природные свойства наилучшим образом подходят для этой роли. Небольшие весовые доли благородных металлов имеют большую стоимость. Золото и серебро легко делится на части, не портится при хранении, медленно снашивается в процессе обращения. Именно поэтому деньги приобретают именно золотую и серебряную оболочку.

Это может создать впечатление, что золото и серебро являются деньгами в силу своих естественных свойств. Однако легко убедиться, что там, где нет отношений товарно-денежного обмена, золото и серебро не превращаются в деньги. *Не золото по своей естественной природе есть деньги, а деньги в силу своих общественных свойств находят в золоте и серебре наиболее подходящую форму воплощения*.

Поскольку товары есть продукты независимых друг от друга частных работ, то производители товаров могут вступить в отношения друг с другом лишь через обмен продуктами своего труда – товарами – на рынке. Поэтому частные работы образуют необходимые звенья совокупного общественного труда лишь через те отношения, которые обмен устанавливает между продуктами труда. Поэтому производителям общественные отношения их частных работ *кажутся тем, что они и есть на самом деле*, то есть не непосредственно общественными отношениями людей в их труде, а вещными отношениями лиц и общественными отношениями вещей. *На самом деле – потому что отношения людей в товарном производстве действительно могут устанавливаться только через вещи – товары. Кажутся – потому что отношения вещей являются лишь объективной видимостью, за которой скрыты отношения людей*.

Общественный характер равенства разнородных видов труда, заключенного в продукте, предстает для товаропроизводителей в той форме, что все эти различные продукты труда обладают стоимостью. Приравнивая свои различные продукты при обмене один к другому как стоимости, производители приравнивают свои различные виды труда один к другому как человеческий труд. Они вовсе не обязательно осознают это, но они это делают.

Специфической чертой товарного производства является то, что общественный характер независимых друг от друга частных работ состоит в их равенстве как человеческого труда вообще и что он принимает форму стоимостного характера продуктов труда. *В глазах товаропроизводителей их собственные общественные отношения принимают форму движения внешних вещей – товаров, под контролем которого они находятся, вместо того, чтобы его контролировать.* «Это – общественно значимые, следовательно объективные мыслительные формы для производственных отношений данного исторически определенного общественного способа производства – товарного производства»¹. Эта вещная видимость общественных определений труда и составляет *фетишизм*, присущий товарному миру.

Товарный фетишизм, то есть превращение вещного мира, созданного человеком, в независимую от него и господствующую над ним общественную силу, есть первая и наиболее общая основа *отчуждения* общественных отношений при капитализме. В дальнейшем изложении мы увидим новые, многообразные и более сложные проявления этого отчуждения.

Теперь мы можем резюмировать отличия марксовой трактовки трудовой теории стоимости от трактовки ее в классической английской политической экономии (Адам Смит и Давид Рикардо). Это следует сделать, поскольку широко распространено невежественное заблуждение об отсутствии таких отличий.

Указанные отличия заключаются, во-первых, в четком и последовательном проведении через весь анализ товара понимания его двойственного характера – с одной стороны, как стоимости, с другой, как потребительной стоимости. Хотя эти две стороны товара были известны экономистам задолго до Маркса, для большинства из них было характерно частое смешение этих двух сторон, и, во всяком случае, невнимание к той различной роли, которую играет в экономических отношениях товарного производства та или иная сторона товара. Соответственно, отсутствует и четкость в обращении на той или иной ступени исследования именно к определенной из сторон товара.

Во-вторых, К. Маркс впервые показал двойственную природу труда, создающего товар: как единство, с одной стороны, конкретного целесообразного труда, создающего потребительную стоимость, а с другой – абстрактного

¹ Маркс К. Капитал / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 86.

труда (труда, проявляющегося и рассматриваемого отвлеченно от его конкретных разновидностей), создающего стоимость товара. Такая двойственность трудовой человеческой деятельности в условиях товарного производства до Маркса никем не исследовалась.

В-третьих, К. Маркс выдвинул собственную концепцию происхождения и природы денег на основе анализа формы стоимости товара (само понятие формы стоимости было впервые введено Марксом) и исторической эволюции этой формы.

14.2. Деньги, или обращение товаров

Деньги (или товар, закрепивший за собой функции всеобщего эквивалента) есть товар особого рода. Они отличаются по своим свойствам от всех остальных товаров. Прочно приобретенное деньгами свойство всеобщего эквивалента означает, что деньги могут быть обменены на любой товар. Деньги получают способность *всеобщей обмениваемости*, в отличие от всех остальных товаров, которые еще только должны доказать свою необходимость через рыночный обмен. Деньги выступают как воплощенная стоимость, их стоимость выглядит как заранее данная (хотя на самом деле она также определяется общественно-необходимым трудом, затраченным на изготовление золота или серебра, овеществленным в этих металлах), в отличие от остальных товаров, которые еще должны доказать наличие в них стоимости через обмен на рынке.

Первая функция, в которой выступают деньги – быть мерой стоимости товаров. Деньги могут выступать мерой стоимости товаров потому, что они сами – товар, т.е. обладают (как золото и серебро) определенной реальной потребительной стоимостью и стоимостью. Деньги выполняют эту функцию первоначально в виде *идеальных денег* – каждый товар, еще не воплотившийся в денежном эквиваленте, не обмененный на деньги (т.е. не купленный), уже выходит на рынок с идеальным выражением своей стоимости в виде цены.

Однако наличие у товара такой идеальной формы выражения стоимости в виде цены еще не означает, что такова его действительная цена и что он будет реально куплен за эту цену, т.е. будет обменен на реальные деньги. Если владелец денег свободно может купить на свои деньги любой товар соответствующей стоимости, то перед товаровладельцем стоит *проблема реализации*. Товар может быть вообще не продан или продан не за первоначально обозначенную цену.

Для удобства исполнения золотом и серебром функции денег как меры стоимости их стали делить на строго определенные весовые доли (это нашло отражение в исторических наименованиях денежных единиц – например, фунт стерлингов и означал ранее опреде-

ленную весовую долю серебра; весовым наименованием был и античный талант). Чтобы исключить ошибки и недобросовестность при определении веса денежных единиц, и в тоже время избежать необходимости каждый раз перевешивать кусочки золота и серебра, государство стало удостоверять вес этих кусочков, ставя на этих кусочках штампель с наименованием денежной единицы, изображением герба государства или портретом его правителя.

Так появилась монета. Выпуск монеты стал государственной монополией, которая охраняла монету от подделки или порчи (сознательного снижения установленного веса монеты с целью присвоения соответствующего количества золота или серебра). Впрочем, подчас само государство прибегало к порче монеты, чтобы увеличить доходы казны.

В простом обмене товара на товар (Т-Т), владелец товара обменивает его на другой потому, что товар – эквивалент представляет для него потребительную стоимость, в которой он имеет потребность. В товарно-денежном обмене владелец товара продает его за деньги, в которых воплощена *возможность удовлетворения любых потребностей*. Имея деньги, можно купить любой товар. И товаровладелец, продавший свой товар и получивший за него деньги, так и поступает. В конечном счете, никто не продает исключительно ради получения денег. Продав свой товар и получив деньги, их рано или поздно используют для покупки тех товаров, в которых имеется потребность. Обмен товара на деньги (Т-Д) сменяется обменом денег на товары (Д-Т).

Таким образом, *деньги в таком отношении выступают посредником при обмене одного товара на другие товары*. Формула прямого товарообмена Т-Т сменяется формулой товарно-денежного обращения Т-Д-Т. Эта формула имеет смысл в том случае, если не забывать, что товары, обозначенные буквой Т в начале и конце формулы – это непременно разные товары, товары, обладающие различной потребительной стоимостью.

Итак, *вторая функция денег – быть средством обращения товаров*. Если товары, будучи проданы, уходят с рынка, из обращения, и поступают в сферу потребления, то деньги не потребляются. Их специфическая потребительная стоимость как денег (которой они обладают сверх потребительной стоимости золота и серебра) – это их свойство всеобщей обмениваемости. Они вновь и вновь используются для покупки и продажи товаров, и, временно уходя из обращения, тут же поступают на рынок вновь – одни покупают товары за деньги (Д-Т), а затем вновь выносят их на рынок, чтобы другие продали им свои товары за эти же деньги (Т-Д). Тем самым поддерживается не-

прерывный процесс товарно-денежного обращения. Деньги постоянно остаются в этом процессе, совершая свое обращение: Д-Т-Д.

Когда товарно-денежное обращение стало устойчивым явлением, довольно быстро было сделано наблюдение, что монета подчас может исправно выполнять свою функцию и тогда, когда обозначенное на ней весовое количество золота или серебра не соответствует ее действительному весу. Это породило иллюзию, что стоимость монеты (и вообще денег) устанавливается государством (государем) и целиком зависит от его воли. Так появилась *номиналистическая теория денег*: согласно этой теории, установление номинала монеты (т.е. количественного выражения ее ценности) и превращает ее в деньги; причем государство (государь) могут по собственному произволу присваивать монете любой номинал.

Ошибочность этого взгляда была подтверждена многочисленными кризисами денежного обращения в античные времена и в средневековье. Выше уже было сказано, что деньги могут выступать мерой стоимости товаров потому, что они сами – товар, т.е. обладают (как золото и серебро) определенной реальной стоимостью и потребительной стоимостью. То же самое касается и их функции как средства обращения. Однако реальностью является и тот факт, что номинал монеты в некоторых случаях способен отклоняться от его действительного металлического содержания и не вызывая денежных кризисов и расстройств обращения.

Это может происходить потому, что в своей функции средства обращения деньги выступают лишь как мимолетный посредник, и в этом своем качестве участников обращения, собственно, и не интересуется их золотое или серебряное содержание. Продал свой товар, получил деньги, и тут же обменял их на товары, нужные мне – и какая мне разница, сколько золота или серебра было в монетах, на несколько минут (или часов) задержавшихся у меня в руках? Деньги в этой функции способны освободиться от своей золотой и серебряной телесности, поскольку вполне достаточно того, что они выступают просто как некий *знак стоимости*. Да и на практике монета из драгоценных металлов, как оказалось, смогла быть заменена в обращении долговыми расписками или векселями.

Выяснилось, что как *средство обращения металлические деньги могут быть заменены любыми знаками стоимости*. В конечном итоге монета из драгоценных металлов была повсеместно вытеснена бумажными деньгами.

Однако и снижение золотого (серебряного) содержания монеты по сравнению с номиналом, и замена металлической монеты бумажными деньгами не могут производиться по произволу, в любых мас-

226 штабах и количествах. Существуют объективные экономические законы товарно-денежного обращения, нарушение которых приводит к расстройству этого обращения и к кризисам.

Денежное обращение остается стабильным до тех пор, пока суммарный номинал обращающейся металлической монеты соответствует количеству золота или серебра, необходимого для нормального товарного обращения. Как же определить это количество?

Количество золота (или серебра), необходимого для обращения на определенный период (например, на год), равно сумме стоимостей товаров, находящихся в обращении в этот период, деленной на скорость обращения денег (т.е. на среднее количество сделок, которое совершается одной денежной единицей).

Эта закономерность была сформулирована К. Марксом в его работе «К критике политической экономии», вышедшей в свет в 1859 году. В 1908 году эта же закономерность была выражена экономистом Фишером в виде буквенной формулы:

$$MV=PQ,$$

где:

M – масса денег в обращении,

V – скорость обращения денег,

P – цены товаров,

Q – физический объем товаров, находящихся в обращении.

Таким образом, если номинал денег, находящихся в обращении, окажется меньше указанной величины, наступают затруднения со сбытом товаров из-за недостатка денег. Это приводит к тому, что стоимости товаров, представленных на рынке, начинают выражаться в относительно меньшем количестве денежных единиц; номинальные цены товаров снижаются, а спрос на золото и серебро растет. Обычно это подстегивает их дополнительную добычу и равновесие на рынке восстанавливается.

Если же номинал денег, находящихся в обращении, превысит необходимое количество, то цены обращающихся товаров начинают выражаться в относительно большем количестве денежных единиц; цены товаров возрастают. Покупательная способность единицы денег (монеты) падает. Это также приводит к расстройству в сбыте товаров. Если речь идет об избытке полновесной монеты, то подобная заминка устраняется довольно быстро – избыточное количество монеты просто оседает на руках и уходит из обращения.

Более серьезные кризисы часто возникали в древности тогда, когда государство, чтобы оплатить расходы казны (или монаршего двора), регулярно выпускало в обращение избыточное количество моне-

ты с пониженным весовым содержанием золота или серебра. Все товаровладельцы стараются как можно скорее избавиться от таких обесценивающихся денег, что увеличивает скорость обращения и тем самым увеличивает относительный избыток денег. Соответственно выход из такого кризиса возможен, например, путем принудительной замены обесценившейся монеты новой, полновесной, выпущенной в строго необходимом количестве.

Обращение бумажных денег подчиняется той же самой закономерности. Поскольку бумажные деньги выступают как заместители золота и серебра, то необходимая *номинальная стоимость бумажных денег в обращении должна соответствовать стоимости золота или серебра, которое эти бумажные деньги замещают*. Точно также недостаток бумажных денег в обращении приводит к дефляции (снижению цен товаров), а избыток – к инфляции (росту цен товаров).

Наличие в товарно-денежном обращении (Т-Д-Т) двух последовательных актов – обмена товара на деньги (Т-Д) и обмена денег на товар (Д-Т) – создает возможность значительного разрыва этих актов во времени. Такая возможность реализуется, например, в том случае, если товар в первом акте передается покупателю, а встречное движение денег откладывается. Возникает ситуация отсроченного платежа. Первый акт товарно-денежного обращения остается незавершенным. Вполне вероятно, что эта незавершенность (продавец не получил реальные деньги в обмен на свой товар) вызвана незавершенностью другого акта товарно-денежного обращения, в котором участвует покупатель. Он сам, в свою очередь, еще не продал свой товар, и ему пока нечем расплатиться.

При наступлении оговоренного срока уплаты денег, деньги теперь уже реально оказываются в руках продавца, и он в состоянии сам приобретать товары, совершить второй акт товарно-денежного обращения. Когда наступает отсроченная ранее передача реальных денег продавцу товара, деньги при этом используются в функции средства платежа.

Функционирование денег в качестве средства платежа создает формальную возможность кризисов товарно-денежного обращения. Если акт покупки товара не завершен реально, и если возникает ситуация отрыва это акта товарно-денежного обращения от последующего, то любой сбой, любая заминка на товарном рынке может спровоцировать платежный кризис. Если я по каким-то причинам не смог продать свой товар, не получил за него деньги, то я не смогу расплатиться за купленный мною товар с другим продавцом. Он, в свою очередь, также не сможет совершить оговоренные платежи и т.д.

Ситуация еще более осложняется, если мы имеем дело с оформлением отсроченных платежей в виде векселей, и эти векселя сами совершают обращение, заменяя в расчетах реальные деньги. Тогда вызванный любыми причинами отказ от погашения векселя в оговоренный срок может вызвать цепную реакцию невозможности совершения оговоренных расчетов другими контрагентами. Доверие к векселям, как к средствам обращения, оказывается подорвано, их отказываются принимать для расчетов, реализация товаров приостанавливается...

Функционирование денег в качестве средства платежа усложняет определение количества денег, необходимых для обращения. Товаровладельцы, имеющие взаимные обязательства при торговых операциях, могут не использовать для расчетов реальные деньги, не совершать встречные платежи реально, а производить взаимный зачет задолженности. Таким образом, деньги на соответствующую сумму операций оказываются на деле не нужны.

Кроме того, в определенные периоды времени может складываться ситуация, когда платежи, срок которых наступил, превышают по объему отложенные платежи. На величину этой разницы реальных денег в обращении потребуется больше. Может быть и обратная ситуация – сумма отложенных платежей за данный период времени будет превышать сумму наступивших платежей. Соответственно, на величину разницы этих сумм реальных денег потребуется меньше.

Поэтому формула Маркса в конечном счете приобрела следующий вид:

Количество денег в обращении	=	Сумма стоимостей товаров, находящихся в обращении	+	Сумма платежей, срок которых наступил	–	Сумма отсроченных платежей	–	Сумма взаимопогашающихся платежей
		Скорость денег в обращении						

Можно легко заметить, что эта формула значительно точнее, чем формула Фишера, учитывает реалии денежного обращения, и позволяет избежать ошибочных толкований, связанных с игнорированием тех проблем, которые потенциально несет в себе функция денег как средства платежа. В частности, на основе формулы Фишера оказывались совершенно необъяснимыми процессы в российском денежном обращении в 1992-1998 гг., когда широчайшее распространение приобрели отсроченные платежи (наращивание задолженности), взаимные зачеты платежей и неденежный обмен (бартер).

Когда деньги временно извлекаются из сферы обращения – например, для того, чтобы постепенно накопить необходимую сумму для совершения платежа – они тем самым выполняют функцию сокровища (накопления).

Функционирование денег как сокровища имеет значение не только как способ сохранения и накопления личных богатств. Деньги как сокровище играют весьма важную роль в обеспечении устойчивости денежного обращения. Когда количество золота и серебра в обращении превышает необходимое для поддержания равновесия товарно-денежного обращения, оно откладывается в запас, оседает в виде сокровища (т.е. происходит *тезаврация* золота). Когда золота в обращении не хватает, оно изымается из запасов и вновь пускается в обращение.

Аналогичным образом действует механизм поддержания в равновесии бумажно-денежного обращения при системе свободного размена бумажных денег на золото по фиксированному курсу. Если бумажных денег в обращении слишком много (и, соответственно, происходит рост цен на товары и обесценение денег), их владельцы предпочитают не покупать товары по растущим ценам, а обменять бумажные денежные знаки на золото. Когда денег в обращении не хватает, происходит обратный процесс – золото обменивается на бумажные деньги и последние пускаются в обращение.

Гораздо сложнее функционирует механизм денежного обращения при отсутствии свободного обмена бумажных денежных знаков на золото. Но такой механизм основывается на отношениях высоко развитого капитализма и обращаться к его анализу на данной ступени исследования преждевременно.

Бытие денег в качестве сокровища порождает специфические противоречия. Деньги, как уже было показано выше, это универсальный товар, обладающий свойством всеобщей обменяемости. Деньги предоставляют их владельцу качественно безграничную возможность удовлетворения потребностей – за деньги может быть куплен любой, самый экзотический товар. За деньги подчас можно купить и то, что по природе своей не является товаром – честь, совесть, преданность.

Однако при всей своей качественной безграничности деньги количественно ограничены. Ты можешь купить на свои деньги любой товар – но хватит ли на это имеющейся у тебя суммы денег? Именно противоречие между качественной безграничностью денег с точки зрения их способности служить удовлетворению любых потребностей, и их количественной ограниченностью, ставящей предел удовлетворению этих потребностей, служит одним из важнейших побудительных мотивов к накоплению сокровищ в погоне за все расту-

щей возможностью покупать, которая сталкивается с необходимостью отказывать себе в этих покупках ради накопления денег.

Нет в богатстве предела, который бы видели люди.
Тот, кто имеет уже множество всяческих благ,
Столько же хочет еще. И всех невозможно насытить.

Феогнид¹

Последняя функция, в которой выступают деньги, и где исчезает специфически национальное обличье денежных и монетных систем, а остается лишь роль денег как обособившегося стоимостного бытия товара, как всеобщего универсального эквивалента товарных стоимостей – это их функция как мировых денег. В этой функции деньги совлекают с себя все специфические национальные одежды, проникают через границы национальных рынков, и выступают средством объединения всех товарных рынков в международный рынок.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Что такое товар? Два фактора товара.
2. Что такое абстрактный и конкретный труд? Что такое частный и общественный труд?
3. Что такое стоимость, как свойство товара?
4. Какой труд лежит в основе стоимости товара?
5. Какова связь между затратами труда на производство товара и его стоимостью?
6. Каковы противоречия товарной формы продукта труда?
7. Что такое форма стоимости товара?
8. Что такое товарный фетишизм?
9. Чем определяется переход от простой формы стоимости к денежной форме?
10. Чем деньги отличаются от товара – всеобщего эквивалента?
11. Почему золото закрепляется в роли денежного товара?
12. Чем определяется развитие функций денег?
13. Каковы закономерности, определяющие количество денег в обращении?
14. Чем определяется возможность замены в обращении золота бумажными деньгами?
15. Какие противоречия связаны с развитием функций денег как средства платежа и как сокровища?

¹ Античная лирика. Библиотека всемирной литературы. М.: Художественная литература, 1968, с. 144.

Литература для самостоятельного изучения:*Работы классиков марксизма:*

- Маркс К. Капитал. Т I, первый отдел // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.

Для первого раза помочь в усвоении «Капитала» могут известные комментарии Розенберга:

- Розенберг Д.И. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса М.: Экономика, 1984.
- narod.ru/disk/12264110000/Kommentarii_k_Kapitalu.divu.html
- politazbuka.ru/knigi/kommentarii_k_kapitalu.divu

Будет весьма полезно сопоставить позиции двух наиболее глубоких знатоков теории товара и стоимости в «Капитале» – К.П.Тронева и Н.В.Хессина:

- Тронев, Константин Петрович. О предмете и содержании первого отдела I тома "Капитала" К. Маркса // Российский экономический журнал 2007г. № 9/10
- Тронев К.П. Вопросы товарного производства при капитализме и социализме в свете экономических рукописей 1857-1859 годов К.Маркса. // Вестник Моск. ун-та, сер. 7, Экономика, 1970, № 4
- Хессин Н.В. В.И.Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М.: Изд. Моск. ун-та, 1968.
- Хессин Н.В. Понятие "экономическая клеточка" и его методологическое значение для политической экономии социализма. Вопросы экономики, 1964, №7
- Хессин Н.В. Вопросы теории товара и стоимостей «Капитале» К.Маркса. М., 1964.

Материалы дискуссии конца 20-х годов XX века об абстрактном труде до сих дают весьма ценный материал для понимания теории К.Маркса:

- Рубин И.И. Очерки по теории стоимости Маркса. С новым дополнением к статье Ответ критикам. 4-е изд. Москва; Ленинград: Госиздат. 1930.
- <http://www.lawlibrary.ru/izdanie10093.html>
- Дволайцкий Ш. К теории ценности Маркса (о различном толковании понятия «Общественно необходимый труд») // Экономические науки. 1975. № 10.

Кое-что о современной судьбе теории стоимости:

- Бузгалин А. В., Колганов А. И. Трудовая теория стоимости: проблемы адекватной трактовки и реактуализации // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика, 2010, № 1
- <http://dlib.eastview.com/browse/doc/22002525>

ГЛАВА 15

СИСТЕМА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КАПИТАЛИЗМА ПОСЛЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА. ПРОИЗВОДСТВО ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

15.1. Капитал и прибавочная стоимость. Заработная плата

Деньги, способные приносить прибавочную стоимость, есть капитал.

Со своей стоимостной стороны капитал отличается от обычных денег тем, что величина его стоимости не остается неизменной, а испытывает тенденцию к постоянному возрастанию. Владелец капитала стремится извлечь из обращения больше, чем бросил в него. Но как это возможно? Если мы исходим из предпосылки эквивалентного обмена по стоимости, то из обращения можно извлечь лишь эквивалент той стоимости, которая была обменена. Когда товар обменивается на деньги, то в итоге получается сумма денег, равная стоимости товара.

Даже если эквивалентность обмена нарушается, то это не приводит нас к решению задачи. Если в результате неэквивалентного обмена некто извлек из обмена больше, чем предложил к обмену, то его выигрыш целиком складывается из потери другого участника обмена. Таким образом, мы имеем дело не с ростом богатства, а всего лишь с его перераспределением между различными людьми.

Тем не менее, на практике мы постоянно сталкиваемся с тем, что формула простого денежного обращения Д-Т-Д сменяется на формулу капиталистического обращения Д-Т-Д' (где Д' = Д + ΔД, т.е. деньги с приростом).

Ничего не изменится и в том случае, если мы обратимся к сфере производства. Да, труд создает новую стоимость. Но в обмен за свой овеществленный в товарах труд можно получить только эквивалент этого труда – и ничего больше.

Как же владелец денег *постоянно* ухитряется продавать дороже, чем он заплатил сам при покупке товаров, и тем самым извлечь из обращения больше денег, чем бросил в него?

Такое явление становится возможным, если предположить, что владелец денег имеет дело со специфическим товаром, особенности участия которого в обмене и в производстве позволяют капиталисту

входить во второй акт обмена, имея на руках большую стоимость, нежели была потрачена на покупку в первом акте. Подобный товар был известен задолго до формирования капиталистической системы. Это – рабочая сила, или способность человека к труду, приобретшая самостоятельное товарное бытие, отчужденная (в экономическом, а не в физическом смысле) от человека-носителя.

Способность человека производить продукт в большем количестве, чем нужно для обеспечения его собственного существования, известна очень давно, и с успехом использовалась в докапиталистических эксплуататорских обществах. Различие между этими обществами и капитализмом заключается в том, что если в первых осуществлялось принудительное изъятие прибавочного продукта на основе внеэкономического принуждения, то эксплуатация при капитализме осуществляется на основе законов товарного производства и обращения, на основе обмена эквивалентов. Так как же обмен эквивалентов приводит нас к продукту, в котором содержится больше стоимости, чем в исходном пункте?

Владелец денег, приобретая рабочую силу, платит за нее ровно столько, сколько она стоит – то есть столько, сколько при нормальных условиях нужно затратить на ее воспроизводство (на то, чтобы купить и потребить товары, необходимые для восстановления рабочей силы, и на замещение выбывающего с возрастом работника, т.е. на поддержание жизни его семьи). А затем в дело вступает уже упомянутая способность человека произвести за рабочий день больше продуктов труда, нежели нужно для поддержания его собственной жизни и жизни его семьи. И если наемный работник обладает рабочей силой, которая в процессе своего расходования позволяет трудиться за пределами того времени, которое нужно для возмещения затрат труда самого работника, т.е. за пределами **необходимого рабочего времени**, то задача решена. Ведь работник, отработав необходимое рабочее время и создав **необходимый продукт** (необходимый для возмещения его рабочей силы) теперь может продолжать трудиться уже в **прибавочное рабочее время**, в течение которого он создает для владельца денег (капиталиста) **прибавочный продукт**, создавая тем самым и **прибавочную стоимость**.

И это происходит при полном соблюдении эквивалентности обмена, при обмене рабочей силы на деньги точно по ее стоимости.

Защитники эксплуатации нередко любят указывать сторонникам трудовой теории стоимости и теории прибавочной стоимости Маркса, что заявления об эксплуатации противоречат закону сохранения энергии. Согласно их рассуждениям, если мы измеряем стоимость затратами человеческой трудовой энергии, то утверждение, будто человек может создать стоимость боль-

шую, нежели нужно для возмещения той энергии, которую он затратил (то есть для восстановления его способности к труду), абсурдно с точки зрения закона сохранения.

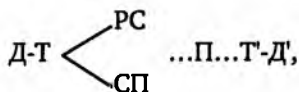
На удочку такого рассуждения довольно часто клюют те представители естественных и общественных наук, которых подкупает видимость естественнонаучной аргументации. Между тем подобные рассуждения построены на непонимании (или сознательном извращении) как раз физической стороны трудового процесса, на сознательном или бессознательном смешении процесса создания материального продукта и процесса создания стоимости.

Дело в том, что и сам работник, для восстановления затраченной трудовой энергии, и его эксплуататор (для своих целей) *потребляют вовсе не энергию, затраченную в процессе труда, и даже не стоимость созданного продукта, измеряемую этой энергией, а продукт, полученный с ее помощью.* И хотя на продукт, потребляемый работником (необходимый продукт), затрачена лишь часть израсходованной им энергии (израсходованной только в течение необходимого рабочего времени), его может быть вполне достаточно для полного возмещения затрат его труда.

Но разве такое возможно? Разве это не прямое нарушение закона сохранения энергии? Нет, никакого нарушения здесь нет. Ведь человек не создает продукт из ничего, или только из собственной энергии (это касается даже таких специфических продуктов, как знания, хотя они и выглядят чистым порождением усилий человека). Исходная материя природы, которую преобразует в труде человек, уже содержит в себе энергию. Человек своим трудом лишь преобразует физическую форму того, что дано природой, делая эту материю пригодной для человеческого потребления.

Скажем, для примера, что человек возмещает затраты своей энергии на дойку коровы не за счет этой самой затраченной энергии, и даже не за счет воплощения этой энергии в надоенном молоке, а за счет надоенного молока, в котором содержится больше энергии, чем потрачено на дойку человеком, поскольку энергия в молоке – это его природное свойство, имевшееся еще до процесса дойки. Человек своей энергией не создает молоко – он его выдаивает, стерилизует, упаковывает, перевозит. Поэтому в готовом к потреблению молоке есть не только та энергия, что привнесена усилиями человека, но и та, что запасена природой. Так что с законом сохранения все в порядке.

Разумеется, капиталисту – владельцу денег, чтобы обеспечить эксплуатацию труда, нужно приобретать не только наемную рабочую силу, но и средства производства, которыми будет работать наемный работник. Таким образом, формула простого денежного обращения Д-Т-Д, превращаясь в формулу капиталистического обращения, или во всеобщую формулу капитала Д-Т-Д' (всеобщую потому, что ею определяется движение всех форм капитала), раскрывается следующим образом:

где: PC – рабочая сила, CP – средства производства, П – процесс производства

Средства производства и рабочая сила, вступая в процесс производства капитала, сами приобретают капиталистическую форму. Стоимость средств производства выступает как постоянный капитал (c), поскольку их стоимость не меняется в процессе производства (хотя она полностью или частично переносится на готовый продукт). Стоимость рабочей силы выступает как переменный капитал (v), поскольку обладает способностью приносить стоимость большую, чем сама имеет, приносить прибавочную стоимость (m). Таким образом, стоимость капиталистически произведенного товара распадается на величину, равную стоимости возмещения истраченных и изношенных средств производства, величину, равную стоимости затраченной рабочей силы, и величину прибавочной стоимости:

$$T' = c + v + m.$$

Степень способности наемной рабочей силы, выступающей как переменный капитал, приносить капиталисту прибавочную стоимость, называется **нормой прибавочной стоимости** (m'), или **нормой эксплуатации**, и измеряется отношением величины прибавочной стоимости к величине переменного капитала:

$$m' = \frac{m}{v}.$$

Эта формула выражает собой меру производственного отношения капиталиста и наемного рабочего. Поэтому величина постоянного капитала (c) здесь не фигурирует – прибавочная стоимость создается живым трудом наемных рабочих.

Итак, на основе изложенного выше мы можем дать более развернутое определение капитала:

Капитал – производственное отношение между капиталистом (владельцем денег, авансирующим их для производства прибавочной стоимости) и наемным рабочим по поводу производства и присвоения прибавочной стоимости за счет эксплуатации наемной рабочей силы.

Пределы эксплуатации капиталист не может установить совершенно произвольно. Если он продлевает рабочий день в погоне за увеличением массы прибавочной стоимости, то это ведет к увеличению расхода рабочей силы, а значит, требует и больше средств для ее восстановления. Однако это дополнительное рабочее время приносит капиталисту не только дополнительные расходы на рабочую силу, но и дополнительную прибавочную стоимость.

Вопрос о том, каковы должны быть границы рабочего дня в рамках капиталистических отношений, не имеет совершенно жесткого и строго определенного экономического решения в рамках законов товарного обмена. Продолжительность рабочего дня имеет нижний предел – рабочий день в капиталистическом производстве не может длиться меньше, чем время производства необходимого продукта для возмещения стоимости потраченной рабочей силы. Иначе капиталист вообще не будет нанимать работников, и организовывать производство – ведь он им занимается не ради производства как такового, а ради увеличения авансированного капитала путем производства прибавочной стоимости.

Верхний предел продолжительности рабочего дня определяется физической способностью работника восстановить затраченные в ходе работы силы.

В этих пределах продолжительность рабочего дня определяется соглашением между наемными работниками и капиталистом. Результаты этого соглашения зависят от баланса сил сторон, которые имеют противоположные интересы: рабочие заинтересованы в сокращении продолжительности рабочего дня, капиталисты заинтересованы в более длительном рабочем дне. «При столкновении двух равных прав решает сила» – заметил по этому поводу К.Маркс¹.

Длительное время рабочие вынуждены были соглашаться на крайне невыгодные для себя условия продолжительности рабочего дня. Этому способствовало не только давление экономической необходимости, заставлявшее пролетариев продавать свою рабочую силу на тяжелых условиях, но и применение государством и частным капиталом методов внеэкономического принуждения (ограничение верхнего предела заработной платы, репрессивная политика в отношении безработных, произвол надсмотрщиков на фабриках и т.д.).

В мануфактурный период капитализма продолжительность рабочего дня составляла 14-16 часов в сутки, в начальный период промышленного переворота – 11-12 часов. Затем, в результате длительной ожесточенной (и нередко сопряженной с многочисленными жертвами) борьбы рабочего класса, в середине XIX века в Велико-

¹ Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 246.

британии, а затем и в других европейских странах, продолжительность рабочего дня начинает регулироваться законодательством. Это был единственный способ избежать постоянных столкновений, дестабилизирующих капиталистическое общество, не устраняя объективную основу конфликта, но, в тоже время, вводя его в определенные рамки. В первой трети XX века, после нескольких предшествующих десятилетий борьбы уже политически организованного рабочего класса, и под давлением результатов Октябрьской революции 1917 г. в России, в странах развитого капитализма нормой сделался 8-часовой рабочий день.

Таким образом, фабричное законодательство появилось как первое изъятие из чисто рыночного принципа формирования отношений между наемным трудом и капиталом, как первое устойчивое вмешательство общества в стихийные рыночные процессы. Необходимость такого вмешательства появилась на сравнительно ранней стадии развития капитализма постольку, поскольку капиталистическое отношение придало рыночной сделке между капиталистом и наемным работником специфический характер (невозможность строго определить продолжительность рабочего дня в рамках законов рынка). Разрешение этих специфических противоречий самой рыночной сделки и потребовало отхода от следования чисто рыночным принципам.

Как определяется в отношении между капиталистом и рабочим стоимость продаваемой последним рабочей силы (а значит, и соотношение между необходимым и прибавочным трудом в течение рабочего дня)? Так же, как и стоимость любого товара – средним общественно-необходимым рабочим временем, требуемым для воспроизводства данного товара. Что же необходимо для воспроизводства товара – рабочая сила?

Это, как уже было сказано, совокупность жизненных средств, необходимых для восстановления работоспособности самого рабочего и на поддержание жизни его семьи, с тем, чтобы обеспечить процесс естественного воспроизводства рабочей силы. А что же должно включаться в эту совокупность? Во-первых, это материальные блага, необходимые для физического существования как самого работника, так и его семьи, и для поддержания работоспособности в физическом смысле. Во-вторых, это затраты на обучение работника и обучение подрастающего поколения.

Напомню, что речь идет о среднем общественно-необходимом количестве жизненных средств. Этот «средний, общественно-необходимый» уровень есть величина историческая. Какие именно из потребностей работника будут признаны рынком рабочей силы

общественно-необходимыми, зависит от множества социально-исторических факторов.

Когда-то рынок полагал достаточным для работника быть более или менее сытым, чтобы не валиться с ног, иметь крышу над головой в виде угла в бараке или в подвале, и обзавестись парой каких-нибудь обносков, чтобы прикрыть тело. Простая грамотность, расходы на элементарную медицинскую помощь, наличие в жилище водопровода и канализации – все это не относилось к «общественно-необходимым затратам». Такая ситуация даже породила теорию (т.н. теория рабочего фонда), согласно которой стоимость рабочей силы работника (заработная плата) определяется *минимумом* необходимых работнику средств существования. Однако в дальнейшем историческом развитии капитализма, как под влиянием возрастающей организованности рабочего класса в борьбе за свои интересы, так и под воздействием потребности капитала в более квалифицированной рабочей силе, ситуация изменилась. Рабочие уже очевидным образом не довольствуются минимумом средств существования, да и обеспечить длительную подготовку квалифицированного работника, а затем его длительное функционирование (с тем, чтобы оправдать затраты на его обучение) невозможно без удовлетворения возросшего круга потребностей. Это и потребности, вытекающие из более высокого уровня образования, даже не просто грамотности (т.е. растущие общекультурные потребности), и из необходимости обеспечить медицинскую помощь, рациональную структуру питания, гарантировать содержание в старости и т.д.

Разумеется, *цена* рабочей силы может *отклоняться от ее стоимости* под воздействием конъюнктуры рынка труда, т.е. колебаний спроса и предложения на рабочую силу. Когда классу капиталистов противостояли раздробленные и неорганизованные наемные работники, ситуация на рынке труда складывалась в пользу капитала, которому систематически удавалось покупать рабочую силу ниже ее стоимости. Это положение изменилось с ростом организованности рабочего класса, образованием профсоюзов, затем их легализации, признания права на коллективный договор и т.д.

Переменный капитал, применяемый капиталистом для покупки *рабочей силы*, предстает на поверхности капиталистических отношений как *заработная плата*, то есть плата за *труд*. Здесь мы при исследовании капиталистических производственных отношений сталкиваемся с феноменом *превращенной формы*.

Капиталист на самом деле вовсе не оплачивает *труд* работника. Это утверждение неверно как с количественной, так и с качественной стороны. Количественно капиталист вовсе не возмещает работнику эквивалент его труда – то есть стоимость, воплощенную в товаре (пусть даже за вычетом перенесенной на товар стоимости средств производства, не принадлежащих рабочему). Что касается качест-

венной стороны, то капиталист покупает и оплачивает вовсе не труд, а рабочую силу – способность работника трудиться в течение определенного времени, достаточного для производства как необходимого, так и прибавочного продукта.

С точки зрения капиталиста вообще было бы нелепо оплачивать процесс труда вне зависимости от его результатов. Но точно так же капиталист не оплачивает и эти результаты – ибо в таком случае ничего не останется на его долю. Поэтому капиталист покупает *специфическое свойство работника трудиться сверх необходимого рабочего времени*, способность работать больше, чем необходимо для возмещения затраченных трудовых усилий. *Это свойство есть свойство товара – рабочая сила.*

Однако на поверхности капиталистических отношений та плата, которую получает работник за свою рабочую силу, привязывается капиталистом именно к процессу труда, выступая как плата за время труда (повременная оплата) или плата за созданный трудом продукт (сдельная оплата). Рациональная основа такой зависимости понятна – чем дольше работает наемный работник и чем больше он выпускает изделий за время работы, тем больше затраченные им трудовые усилия, а значит тем больше и величина необходимого продукта для их возмещения, тем выше, стало быть, стоимость рабочей силы. Но такая привязка создает *видимость*, что капиталист платит работнику *за все рабочее время* или *за весь созданный продукт*, в то время как капиталист не только не оплачивает *все* рабочее время или *весь* продукт, но и вообще платит *не за время* и *не за продукт*, а только за способность к труду, за *рабочую силу*.

Когда форма явления создает искаженное, даже прямо противоположное действительному содержанию представление о нем, она выступает тем самым как *превращенная форма*.

Превращенные экономические формы – явление, характерное для капиталистических производственных отношений. Истоки образования превращенных форм лежат в фетишистском характере исходной для капитализма товарной формы. Фетишизм товарных отношений перерастает в фетишизм капитала. В этой сфере общественные отношения людей также принимают вещную форму, и сам капитал представляется внешней по отношению к человеку вещью или вещной силой, воплощенной в деньгах, станках и машинах и т.п. Однако действительная природа капитала состоит в том, что это не вещь, а общественное отношение между капиталистом и наемным работником, основанное на эксплуатации наемного труда с целью извлечения прибавочной стоимости.

15.2. Анализ стадий развития капитализма в промышленности. Формальное и реальное подчинение труда капиталу

Итак, капитал обеспечивает свое самовозрастание путем производства прибавочной стоимости. Производство прибавочной стоимости происходит благодаря тому, что процесс производства длится дольше, чем необходимо для возмещения стоимости переменного капитала, то есть для производства эквивалента стоимости жизненных средств наемного работника. Это значит, что время труда превосходит абсолютную продолжительность необходимого рабочего времени.

Абсолютная прибавочная стоимость – производство прибавочной стоимости путем удлинения рабочего дня за пределы необходимого рабочего времени.

Абсолютная прибавочная стоимость выступала исторически первой формой производства прибавочной стоимости. Одновременно абсолютная прибавочная стоимость есть общая форма производства прибавочной стоимости. Прибавочная стоимость вообще не может быть произведена иным путем – если не принуждать рабочего трудиться сверх необходимого рабочего времени, то прибавочная стоимость не появится на свет.

Первоначально стремление капиталистов увеличить норму эксплуатации рабочего (то есть норму прибавочной стоимости) реализовывалось путем удлинения прибавочного рабочего времени. Это вело к значительной продолжительности рабочего дня. Если обычный рабочий день в Англии в первой трети XIX века колебался в пределах 11-12 часов, то в ряде отраслей он мог достигать 14-16 часов. Более того, границы суток вовсе не являются непреодолимым пределом для капиталиста, одержимого жаждой прибавочного труда ради умножения своего капитала – отмечены случаи, когда продолжительность одной рабочей смены достигала 36 часов!

Однако капитал не может длительное время основывать свое развитие на истощении наемной рабочей силы, ибо ее нормальное воспроизводство все же необходимо для нормального функционирования самого капитала. При достижении естественных пределов продолжительности рабочего дня единственным резервом увеличения нормы эксплуатации становится сокращение необходимого рабочего времени, времени возмещения стоимости переменного капи-

тала. Таким образом, соотношение между необходимым и прибавочным временем меняется в пользу последнего.

Относительная прибавочная стоимость – прибавочная стоимость, производимая путем сокращения необходимого рабочего времени и изменения таким путем соотношения между величиной необходимого и прибавочного рабочего времени.

Относительная прибавочная стоимость есть в то же время и абсолютная прибавочная стоимость, ибо и в этом случае процесс производства продолжается за пределы необходимого рабочего времени. Однако производство прибавочной стоимости при этом покоится не на простом удлинении рабочего дня за пределы необходимого рабочего времени, а на изменении продолжительности самого необходимого рабочего времени. Добиться этого можно, только меняя условия производства и увеличивая производительность труда. Только тогда на производство необходимых рабочему жизненных средств будет потрачено относительно меньше рабочего времени, либо на производство тех же самых товаров понадобится меньше рабочих, а значит и меньшие затраты переменного капитала.

Механизмом, непосредственно стимулирующим капиталистов к производству относительной прибавочной стоимости, выступает избыточная прибавочная стоимость. Если капиталист создает условия для увеличения производительности труда нанятых им рабочих до такого уровня, чтобы время, потраченное на производство единицы продукции, стало меньше среднего общественно-необходимого, то произведенные товары он по-прежнему будет продавать по их общественной стоимости. В этом случае капиталист получает возможность присваивать разницу между общественной стоимостью товаров и тем рабочим временем, которое действительно затрачено на их производство. Эта разница и образует избыточную прибавочную стоимость.

Избыточная прибавочная стоимость – избыток над тем уровнем прибавочной стоимости, который присваивается при производстве товара со средними общественно-необходимыми затратами рабочего времени. Образуется за счет повышения производительности труда и снижения затрат рабочего времени на производство товара ниже уровня средних общественно-необходимых затрат.

Возможность присвоения, помимо средне-нормальной, еще и избыточной прибавочной стоимости, является сильнейшим побудительным мотивом для капиталиста применять достижения технического прогресса для повышения производительности труда.

Поскольку с определенного исторического предела производство относительной прибавочной стоимости выступает в большинстве случаев единственным возможным путем увеличения (или даже сохранения) нормы эксплуатации, для капитала становится *принудительной необходимостью применение технических нововведений, позволяющих экономить на издержках найма рабочей силы*. Капитал становится горячим поборником технического прогресса.

Как было отмечено выше, эволюция организационной и технической основы капиталистического производства под влиянием совершенствования методов производства прибавочной стоимости проходит несколько стадий.

Капитал застаёт и первоначально применяет методы производства, основанные на индивидуальном или групповом ручном труде, сложившиеся еще в добуржуазных способах производства. Стремление капитала к самовозрастанию (так же, как и жажда прибавочного труда в других эксплуататорских обществах) побуждает его увеличивать число наемных работников. Вообще превращение самостоятельного товаропроизводителя, применяющего собственный труд, в капиталиста, еще не происходит окончательно с появлением у него первого наемного рабочего. Необходимо, чтобы совокупная масса прибавочной стоимости, производимой наемными работниками, была достаточна для того, чтобы предоставить нанимающему работников товаропроизводителю доход, дающий ему возможность отказаться от приложения собственного труда и целиком сосредоточиться на выполнении функций капиталиста. Капитал, и персонифицирующий его капиталист, выступают теперь как сила, определяющая и организующая простую кооперацию труда.

Концентрация наемных работников, основанная на простой кооперации труда, является первым шагом капиталистического производства. Уже этот первый шаг создает некоторый прирост производительности труда, обеспечиваемый разнообразными эффектами от простой кооперации работников (а некоторые виды ручных работ вообще не могут быть выполнены без концентрации работающих — например, в строительстве или при погрузочно-разгрузочных работах). Таким образом, простая капиталистическая кооперация труда есть и первый, пока еще не слишком эффективный шаг в производстве относительной прибавочной стоимости.

Первым же самостоятельным (использующим не унаследованные от прежней эпохи методы организации производства) преобразующим воздействием, которое капитал оказывает на материальный способ производства, является переход от простой кооперации к мануфактуре. Мануфактура, как уже отмечалось ранее, это способ организации производства, основанный на ручных орудиях труда и

разделении труда между занятыми работниками. Мануфактура может быть по происхождению *органической* (возникшей путем расчленения технологического процесса на отдельные операции, чему соответствует пооперационная специализация работников) или *гетерогенной* (возникшей путем соединения самостоятельного производства отдельных деталей в единый технологический процесс по созданию конечного продукта, чему соответствует попредметная специализация работников).

С развитием мануфактурного производства, основанного на разделении труда и кооперации разделенных работ, рабочая сила, нанимаемая капиталистом, формируется как **совокупный рабочий**. Отдельный рабочий в этой системе отношений уже не является производительным – он не производит товар. Производительной является лишь вся совокупность работников, занятых производством конечного продукта как товара. В рамках совокупного рабочего необходимым становится *труд по управлению*, координирующий кооперацию разделенного труда, и постольку являющийся *частью производительного труда совокупного рабочего*.

От этого необходимого труда по управлению следует отличать труд по надзору над наемными работниками, который определяется не техническими условиями производства, а лишь его капиталистической формой, и потому не носит производительного характера. Сложность этого различения состоит в том, что оба этих вида труда могут исполняться одними и теми же людьми (наемными управляющими) в одно и то же время.

Одна из ранних форм капиталистической мануфактуры – *рассеянная мануфактура* – вырастает из *капиталистической работы на дому*. Последняя формируется таким образом, что прежде самостоятельные ремесленники становятся зависимыми от купца, скупающего у них товар на продажу. Нередко этот скупщик выступает одновременно и их кредитором, и поставщиком сырья (также в кредит). Прежде самостоятельные ремесленники, формально сохраняя свой самостоятельный статус, по существу постепенно превращаются в наемных работников. Если работа на дому развивается на основе сельских промыслов, капиталист еще и экономит на том, что ему не нужно полностью оплачивать своим работникам средства к существованию – занимающиеся ремеслом крестьяне в значительной степени обеспечивают себя продовольствием сами.

С течением времени скупщик для увеличения производительности труда начинает регулировать деление труда между ремесленниками – скупая сырье у одних, он продает его другим для осуществления дальнейших стадий последовательной переработки. Так и воз-

никает рассеянная мануфактура – в противоположность обычной, где работники, занятые специализированным трудом, как правило, концентрируются в одном помещении.

Развитие специализации трудовых операций в мануфактуре обеспечивает рост производительности труда, расширяет возможности производства относительной прибавочной стоимости и увеличивает зависимость труда от капитала. Мануфактурному работнику, специализирующемуся на какой-то одной операции, или на изготовлении полуфабрикатов, весьма сложно покинуть мануфактуриста и вновь превратиться в самостоятельного ремесленника, ибо он не имеет навыков, необходимых для полного изготовления готового продукта.

Тем не менее, переход из рядов мануфактурных рабочих в ряды самостоятельных ремесленников возможен – навыки можно приобрести, ремеслу можно обучиться, и приобретение набора ручных орудий труда не является совершенно уж непосильным делом. Да и на самой мануфактуре довольно независимым является положение наиболее искусных мастеров, которые являются живыми носителями навыков и опыта в ремесленном деле, и без которых нельзя добиться необходимого качества выделки готовых изделий.

Следующим шагом капитала в преобразовании условий производства является *переход от ручного труда к машинному*.

Машина – орудие труда, соединяющее в себе двигатель, передаточный механизм, преобразующий движение в необходимую целесообразную форму, и собственно рабочее орудие, непосредственно воздействующее на обрабатываемый предмет.

Первоначально машинами замещался ручной труд в некоторых отраслях, производящих предметы потребления (в мукомольном производстве – еще до промышленного переворота, в прядении, ткачестве). Затем машинное производство распространяется и на производство средств производства – теперь и сами машины производятся при помощи машин. Позднее машинная техника проникает в сельское хозяйство, еще позднее (и менее глубоко) – в сферу услуг. Предпосылкой широкого применения машин выступает переход от использования мускульной силы человека и животных, а также природных источников движения (ветер, текущая вода) к использованию механических двигателей (сначала – паровой машины, затем двигателя внутреннего сгорания и электродвигателя).

Машинное производство создает техническую основу для постоянного совершенствования применяемых средств производства и тем самым – для роста производительности труда.

Полное преобразование производства на основе машинной техники приводит к появлению фабрики – предприятия, процесс производства на котором основан на системе машин. Венцом развития фабрики является появление *автоматической системы машин*, т.е. такой системы, взаимодействие отдельных элементов которой обусловлено технической природой составляющих ее машин и не зависит от человека, на долю которого приходится только обслуживание, контроль и регулировка этой системы.

Фабричная система приводит к формированию внутреннего противоречия капитализма между планомерной организацией процесса производства на фабрике и господствующими в общественном хозяйстве стихийными рыночными отношениями. С развитием капитализма отмечается значительное обострение этого противоречия.

Массовое вытеснение ручного труда машинным позволяет капиталисту сократить относительное количество применяемой рабочей силы. Для обслуживания машины рабочему уже не нужны сложные навыки ремесленного работника. Сама *целесообразность процесса труда* определяется уже не человеком, а заложена в системе машин – вещественных элементах постоянного капитала. Рабочий превращается в придаток машины, а его *труд*, по выражению К. Маркса, *сводится к простой абстракции деятельности*, к действию определенным образом выдрессированной силы природы.

Такая роль рабочего как придатка к машине позволила капиталу на ранней стадии индустриализации в массовом масштабе провести замену труда взрослых мужчин трудом женщин и детей, что сокращало капиталу издержки на наем рабочей силы и на надзор за ней. Однако это привело к значительному сопротивлению рабочего класса, и, помимо этого, подрывало нормальный процесс воспроизводства рабочей силы. Капитал был принужден поставить пределы своей собственной алчности и смириться с законодательным ограничением детского и женского труда.

Переход к машинному производству знаменовал собой и *переход от формального подчинения труда к реальному*.

Формальное подчинение труда капиталу – подчинение труда, которое определяется капиталистической формой процесса производства, то есть капиталистическими производственными отношениями, и, прежде всего – характером отношений между капиталистом и наемным работником.

Реальное подчинение труда капиталу – такое подчинение труда, которое, помимо характера капиталистических производственных отношений, определяется также и самим характером процесса производства, превращением наемного работника в придаток машины, техническим подчинением человека движению вещественных элементов постоянного капитала.

Реальное подчинение труда капиталу, помимо всего прочего, лишает основную массу работников возможности вырваться из рамок отношений труда и капитала, поскольку делает наемного работника неспособным к самостоятельному ведению процесса производства за рамками его специализированной функции по обслуживанию того или иного процесса, протекающего в системе машин. Если рабочий только и обучен тому, чтобы прикручивать двумя шурупами определенную деталь к изделию, движущемуся на конвейере, то за пределами этой функции он не способен ни к чему и никому не нужен.

Впрочем, парадоксальным образом такая примитивизация функций ведет к формированию значительной подвижности рабочей силы. Рабочий ничего не может производить самостоятельно, выполнить изделие от начала и до конца, — это так. Но так же, как просто научить человека ввинчивать два шурупа, также просто научить его подставлять стальной лист заготовки под пуансон пресса, или совершать аналогичную простейшую операцию по обслуживанию машинной техники. Поэтому рабочему, в общем, становится безразлично, какую именно примитивную функцию при машине ему предназначено выполнять. Он легко может *менять место работы...* но при этом *оставаться зависимым от капитала придатком системы машин.*

Машинное производство характеризуется тенденцией к постоянному обновлению технической основы производства. Этим обеспечивается рост производительности труда, а значит, и возможность для капитала привлекать меньше труда для производства единицы продукции. Постоянные технические перевороты в системе производства становятся основой для извлечения относительной прибавочной стоимости и тем самым превращаются в *принудительный закон* развития производства, основанного на капитале.

Однако капитал применяет не всякие нововведения, ведущие к вытеснению живого труда машинным, а лишь такие, при которых дополнительные затраты на постоянный капитал меньше, чем получаемая за счет этого экономия на найме рабочей силы. Иначе при данной рыночной цене товара сократится извлечение прибавочной стоимости. Такова граница капиталистического применения машин.

Итак, *стадии развития капитализма в промышленности — простая кооперация, мануфактура, фабрика — выступают одновременно и как прогрессивные стадии производства относительной прибавочной стоимости.* Капитал, как производственное отношение, определяет и специфически капиталистический способ прогресса произво-

дительных сил – постоянные перевороты в технической основе производства, призванные увеличивать производительность труда и тем самым обеспечивать прогресс производства относительной прибавочной стоимости. Таков при капитализме способ обратного воздействия производственных отношений на развитие производительных сил общества.

Возникновение производства, основанного на системе машин (фабрика), означает формирование адекватного капитализму технического базиса производства. Именно система машин составляет основной техникий элемент производительных сил (наряду с наемной рабочей силой, составляющей человеческий их элемент), адекватных капиталистическому способу производства. Поэтому весьма логичным представляется вывод, что производительные силы, основанные на системе машин, не могут быть адекватными иному способу производства, следующему на смену капитализму.

У самого К. Маркса, мы, однако, не найдем такого вывода. Единственное специально подчеркиваемое им отличие производительных сил будущего общества от производительных сил капитализма заключается в преодолении подчинения человека общественному разделению труда. Более того, К. Маркс вполне допускал и некапиталистическое применение машин (при социализме). Почему? Не является ли это очевидной ошибкой?

Не вполне. В рамках имевшегося фактического материала К. Маркс не мог произвольно конструировать производительные силы будущего общества. Достаточно и тех, вполне оправдывающихся только сейчас, предвидений, которые он сделал¹ (и речь о которых пойдет позже). Кроме того, К. Маркс отнюдь не ошибался в том отношении, что возникновение нового способа производства будет происходить на основе в целом еще старых производительных сил, и лишь затем они выйдут на качественно новую ступень, адекватную условиям нового способа производства (здесь можно усмотреть аналогию с переходом от формального к реальному подчинению труда капиталу). Каков будет технический облик этих новых производительных сил, Маркс, разумеется, предугадать не мог.

Однако стоит заметить, что содержащееся в «марксизм-ленинизме» объявление «социалистической индустриализации» способом создания материально-технической базы социализма представляет собой грубое отклонение от марксистской теории. Материально-техническая база социализма мыслима лишь в виде зрелого,

¹ См., например: Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг./Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46. М: ИПЛ, 1969, ч. I, с. 280; 476; ч. II, с. 35, 110, 221.

вполне развившегося индустриального производства, уже порождающего элементы собственного отрицания (постиндустриальные тенденции). Индустриализация же (пусть и сопровождающаяся эпитетом «социалистическая»), как переход от производства, основанного на ручном труде, к машинному производству, представляет собой путь создания материально-технической основы *только* капиталистического способа производства. Индустриализация (как историческая стадия развития капиталистического способа производства) создает в лучшем случае – и то далеко не в полной мере – *материальные предпосылки для перехода к социализму* (так же, как капитализм создает для этого *экономические предпосылки*), а отнюдь не адекватную для него материально-техническую базу.

15.3. Капиталистическое накопление.

Капиталистический закон народонаселения

Итак, мы выяснили, как капиталист производит прибавочную стоимость. А какова ее дальнейшая судьба? Если вся прибавочная стоимость будет потребляться капиталистом, то для продолжения процесса производства у него в руках останется лишь сумма стоимости, равная по величине первоначально авансированному капиталу. Тем самым будет возможно *продолжение производства в неизменных масштабах* – т.е. простое воспроизводство. Если же капиталист, желая увеличить присвоение прибавочной стоимости, хочет увеличить объемы производства товаров, ему необходимо хотя бы часть прибавочной стоимости превращать в элементы капитала, расходуя ее на покупку добавочных средств производства и наем дополнительной рабочей силы. На такой основе становится возможным *возобновление производства в расширенном, по сравнению с предшествующим периодом, масштабе* – т.е. расширенное воспроизводство.

Превращение части прибавочной стоимости в элементы постоянного и переменного капитала называется **накоплением капитала**.

Процесс накопления капитала окончательно утверждает капиталистическую природу процесса производства. Относительно первоначально авансированного капитала нельзя еще с уверенностью сказать, что он является продуктом капиталистического производства. Это могла быть феодальная рента – продукт эксплуатации крепостных крестьян – превращенная в капитал, это мог быть результат бережливости удачливого мелкого производителя, это мог быть процент, безжалостно выдаиваемый ростовщиком из своих клиентов...

Но теперь, с каждым циклом капиталистического накопления, все большую часть авансируемого капитала составляет капитализированная прибавочная стоимость. Довольно скоро наступает такой момент, когда весь применяемый капитал начинает представлять собой продукт капиталистической эксплуатации наемных работников.

Получается, что наемный рабочий сам кует цепи своего наемного рабства. Инструмент эксплуатации в руках буржуазного класса – капитал – уже на начальной стадии развития капитализма практически целиком становится капитализированным прибавочным трудом рабочих. Рабочий трудится, чтобы вновь и вновь создавать для капиталиста орудия своей собственной эксплуатации. Здесь мы сталкиваемся с развитой формой феномена *отчуждения*: отчужденный труд рабочего превращается в условиях капиталистических производственных отношений в чуждую, противостоящую ему и угнетающую его силу капитала. Капитал присваивает прибавочный труд рабочего, обращая его в орудие господства над трудящимся.

Итак, «...Капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи, или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение, – капиталиста на одной стороне, наемного рабочего – на другой»¹. Таким образом, процесс капиталистического воспроизводства означает не только постоянное возобновление производства продуктов, как товаров; не только постоянное возобновление производства стоимости и прибавочной стоимости; он означает *воспроизводство капиталистических производственных отношений*. Иными словами, капиталистический процесс производства и воспроизводства есть процесс производства и воспроизводства условий жизни общества и людей, его составляющих, в их общественной определенности, заданной капиталистическими отношениями.

Процесс накопления капитала прямо влияет на положение рабочих при капитализме. Капитал стремится к безудержному росту, к экспансии, чтобы производить все больше и больше и больше прибавочной стоимости. Это расширение требует добавочных рабочих, а, следовательно, ведет к росту спроса на рабочую силу. Рост спроса ведет к росту цены рабочей силы, то есть к повышению заработной платы. Однако это означает рост расходов буржуазии на переменный капитал, а значит, сокращает норму прибавочной стоимости. Поэтому капитал стремится ограничить свое накопление такими рамками, при которых добавочный спрос на рабочую силу удерживается ниже

¹ Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 591.

ее предложения, что не позволяет цене рабочей силы расти настолько, чтобы это вело к снижению нормы прибавочной стоимости.

Эта закономерность капиталистического накопления определяет собой постоянное существование армии безработных или **резервной армии труда** (промышленной резервной армии). Резервная армия труда не представляет собой постоянную величину. В условиях высокой конъюнктуры, когда капиталистическое производство расширяется с расчетом на растущий рынок сбыта, растет и спрос на рабочие руки, что ведет к сокращению резервной армии труда и относительному улучшению положения занятых рабочих. В условиях кризиса, когда капиталисты свертывают производство, резервная армия труда растет, а положение рабочих ухудшается. Однако и в период подъема, и в период кризиса резервная армия труда не исчезает, продолжая оставаться фактором, обеспечивающим избыток предложения рабочей силы над спросом на нее. «Следовательно, рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах производит средства, которые делают его относительно избыточным народонаселением. *Это – свойственный капиталистическому способу производства закон народонаселения...*»¹ (Курсив мой – А.К.).

Разумеется, демографические процессы при капитализме определяются не одними только капиталистическими производственными отношениями, но и множеством других факторов, среди которых одно из первых мест занимает достигнутый абсолютный уровень потребления, а также национально-культурные традиции, состояние здравоохранения и социальной помощи, наличие или отсутствие войн и т.д. и т.п. Капиталистический закон народонаселения *регулирует лишь одну сторону движения населения* – он определяет тот факт, что при любых темпах естественного прироста населения капитал готов поглотить добавочные рабочие руки в своем стремлении к безудержному росту – однако доставляемые естественным приростом населения добавочные рабочие руки поглощаются капиталом *лишь в определенных пределах*. А именно, возможный рост спроса на рабочую силу не должен вести к такому росту заработной платы, который снизил бы норму прибавочной стоимости, и поэтому капитал поглощает *не все* добавочные рабочие руки, сохраняя *резервную армию труда*. Кроме того, такое *относительное перенаселение* обеспечивает для самовозрастания капитала «постоянно готовый, доступный для эксплуатации человеческий материал, независимый от границ естественного прироста населения»².

Накопление капитала может влиять на положение наемных рабочих при капитализме различным образом. Это зависит от того, как

¹ Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 645-646.

² Там же, с. 646.

меняется соотношение, в котором накапливаемая часть прибавочной стоимости делится на переменный и постоянный капитал, то есть от строения капитала, (а точнее, от его *органического строения*).

Органическое строение капитала – стоимостное строение капитала (т.е. соотношение стоимости постоянного и переменного капитала), постольку, поскольку оно определяется его техническим строением.

Почему речь идет именно об органическом строении? Потому что от него зависит, в каких объемах добавочный капитал будет привлекать дополнительных наемных рабочих. Чем выше техническая вооруженность производства, тем выше органическое строение (т.е. относительно больше стоимостная доля постоянного капитала), и тем, следовательно, меньше доля переменного капитала и количество требующихся для расширения производства новых рабочих.

Если накопление капитала идет при его неизменном органическом строении, то добавочный переменный капитал остается в том же соотношении с постоянным, что и раньше. Это значит, что расширение производства требует дополнительного постоянного капитала и дополнительных рабочих рук в той же пропорции, что и раньше.

Если органическое строение капитала повышается, то новых рабочих рук требуется относительно меньше, и, соответственно, относительно меньше добавочный спрос на рабочую силу, что, соответственно, ведет к понижению заработной платы.

Именно эта закономерность послужила К.Марксу одним из оснований для вывода о тенденции к абсолютному ухудшению положения рабочего класса при капитализме. Во избежание разночтений приведу здесь обширные цитаты из «Капитала»:

«Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия. Свободная рабочая сила развивается вследствие тех же причин, как и сила расширения капитала. Следовательно, относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промыш-

ленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. Это – абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления»¹.

Далее Маркс формулирует те же мысли еще более резко: «...По мере накопления капитала положение рабочего должно ухудшаться, какова бы ни была, высока или низка, его оплата. ...Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубления и моральной деградации на противоположном полюсе, т.е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал»².

Как является очевидным в настоящее время, К.Маркс не сумел разделить здесь действительно *всеобщие закономерности* капиталистического накопления, определяющие зависимость положения рабочего класса от движения накопления капитала, и *количественную оценку* этой зависимости, обусловленную исторически преходящими обстоятельствами. Как видно из текста XXIII главы I тома «Капитала», Маркс строит эту оценку на основании данных, относящихся к Великобритании и Ирландии в период 30-х – начала 60-х гг. XIX века. Это был период развития капиталистической индустриализации вширь, период вытеснения мелкого ремесленного производства в еще не индустриализованных отраслях, и ручного сельскохозяйственного труда машинной техникой. Для этого периода было характерно действительное сжатие спроса на труд по мере замены ручного труда крупным машинным производством, и тенденция к вытеснению относительно сложного ремесленного труда более простым трудом по обслуживанию машин, в том числе женским и детским. Описанные в «Капитале» последствия этих процессов для положения рабочего класса были поистине ужасающими.

Все те закономерности, которые послужили Марксу основанием для вывода об абсолютном ухудшении положения рабочего класса по мере накопления капитала, *действовали в реальной истории капитализма*. Это и в самом деле был закон, характерный для перехода от мастерового мануфактурно-ремесленного периода к промышленному рабочему, низведенному до роли простого придатка к машине. Однако Марксом не был в полной мере принят во внимание тот факт, что эти тенденции носят *исторически преходящий* характер, и что им на смену приходит ряд противоположных тенденций, которые, впрочем, в развернутом виде проявили себя только после его смерти.

Сам Маркс в отделе о накоплении, проводя анализ его закономерностей, в общем, не отрицал возможности роста производства прибавочной стоимости в условиях растущей заработной платы ра-

¹ Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 659.

² Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 660.

бочих¹. Равным образом в принципе им не отвергалась и возможность абсолютного роста спроса на рабочую силу² и уровня заработной платы³ при накоплении капитала, основанном на росте его органического строения, и, соответственно, относительном падении спроса на рабочую силу.

Можно сделать вывод, что динамика положения рабочего класса различна на различных этапах развития капиталистического способа производства и в различных секторах мирового капиталистического хозяйства. В период с последней четверти XIX до последней четверти XX века, с постепенным завершением развития капиталистической индустриализации вширь, в наиболее развитых странах изменилась и техническая основа накопления капитала. Этот процесс стал развиваться на основе постоянного усложнения машинной техники, что привело к росту квалифицированных слоев рабочего класса, к повышению стоимости их рабочей силы. Даже примитивизация функций рабочего при поточном производстве на основе конвейерной системы имела противоречивое воздействие на положение рабочего класса. С одной стороны, конвейерный рабочий имел не слишком высокую квалификацию. С другой стороны, развертывание массового поточного производства нуждалось и в массовом потребителе, что нашло свое выражение в идеологии «фордизма» («мои рабочие должны иметь возможность покупать мои автомобили»).

Одновременно с этим развивались и другие тенденции, противодействующие ухудшению положения рабочего класса. Рост профсоюзного и политического рабочего движения усилил позиции пролетариата в торге за условия продажи своей рабочей силы, что особенно явно сказалось после Октябрьской революции (переход к 8-часовому рабочему дню, постепенное признание прав профсоюзов), а затем в 50-е – начале 70-х гг. XX века. Однако затем развитие постиндустриальных тенденций привело к сокращению квалифицированного персонала в промышленности и росту удельного веса мало-квалифицированных работников в сфере услуг. Это обернулось в США в последней четверти XX века длительным снижением реальной заработной платы при удлинении фактической рабочей недели, а в Европе – ростом безработицы.

В других секторах мирового хозяйства в настоящее время, в зависимости от исторического этапа развития той или иной национальной экономики и ее места в мировом хозяйстве, можно наблю-

¹ См.: Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 632-633.

² См.: Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 637.

³ См.: Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 649.

дать как закономерности, описанные Марксом во всей их неприглядности, так и закономерности, свойственные для XX века. Таким образом, положение рабочего класса зависит от динамики стоимости рабочей силы, определяемой (1) развитием научно-технического прогресса, (2) стадией развития капитализма и (3) уровнем классово-вой борьбы пролетариата.

Социальное негодование должно стимулировать научный экономический анализ, а не подменять его. Великая и несомненная заслуга Маркса заключается в том, что он превратил вполне определенную социально-классовую позицию в мощный инструмент вскрытия реальных противоречий социально-экономического развития. Однако иной раз социальное негодование может приводить к преобладанию эмоций над беспристрастным научным исследованием. Маркс стремился исходить из наблюдаемых фактов, и был вполне справедлив в критике современного ему капитализма. И все же он своевременно не подверг первоначальный анализ позднейшей корректировке на основе новых фактов, что придало бы его выводам более универсальный характер и предотвратило бы ошибочное выдвижение утверждения об абсолютном характере закономерностей, которые оказались исторически преходящими. Многие его последователи (особенно в СССР) прибегли к уже совершенно недопустимой догматизации исходных положений Маркса, зачастую вопреки уже очевидным фактам, что значительно ослабило как научные, так и идеологические позиции марксизма.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Какие противоречия товарного производства определяют превращение денег в капитал?
2. Каковы исторические и теоретические условия превращения денег в капитал?
3. Каково значение категории «товар – рабочая сила» в марксовой концепции капитала? Что такое капитал как производственное отношение?
4. Каков источник прибавочной стоимости?
5. Что такое постоянный и переменный капитал? Какова их роль в производстве прибавочной стоимости?
6. Почему заработная плата выступает как превращенная форма цены и стоимости рабочей силы?
7. Чем различаются абсолютная и относительная прибавочная стоимость? В чем состоит их общая основа?
8. Как определяются экономические границы рабочего дня при капитализме?
9. Что такое формальное и реальное подчинение труда капиталу?
10. Какими противоречиями капитала определяется переход от простой кооперации к мануфактуре и фабрике?
11. Каковы закономерности капиталистического накопления (превращения прибавочной стоимости в капитал)?

12. Каковы были исторические условия, определившие формулировку Марксом всеобщего закона капиталистического накопления как абсолютно-го и относительного обнищания пролетариата?
13. Каковы действительные общие закономерности капиталистического накопления, вскрытые Марксом в «Капитале»?
14. В чем состоит экономический закон народонаселения при капитализме?

Литература для самостоятельного изучения:

Работы классиков марксизма:

- Маркс К. Капитал. Т I, отделы 2-4, 6-7 (за исключением главы 24), особенно главы 4-6, 7 (§ 1), 8 (§ 1), 10-12, 13 (§ 1-6), 17-19, 21, 22, 23 (§ 1-4). // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23.

Для первого раза помочь в усвоении «Капитала» могут известные комментарии Розенберга:

- Розенберг Д.И. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса М.: Экономика, 1984.
- narod.ru/disk/12264110000/Kommentarii_k_Kapitalu.divu.html
- politazbuka.ru/knigi/kommentarii_k_kapitalu.divu

Глава 16

СИСТЕМА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КАПИТАЛИЗМА ПОСЛЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА. ПРОИЗВОДСТВО И ОБРАЩЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО КАПИТАЛА

16.1. Обращение капитала.

Чистые и дополнительные издержки обращения

Постоянно возобновляющиеся акты воспроизводства образуют непрерывный процесс обращения капитала. Один законченный акт воспроизводства составляет **кругооборот** капитала. Если исходным пунктом воспроизводства является денежный капитал, то формула его кругооборота такова:

$$Д - Т... П... Т' - Д'$$

Если исходным пунктом кругооборота выступает товарный капитал, то формула кругооборота товарного капитала соответственно меняется:

$T' - D' - T \dots P \dots T'$.

При рассмотрении воспроизводства производительного капитала его кругооборот выглядит следующим образом:

$P \dots T' - D' - T \dots P$.

Все эти три фигуры кругооборота, взятые в совокупности, представляют собой выражение единства производства и обращения в кругообороте капитала. Каждый действительный капитал находится в процессе всех трех фигур кругооборота одновременно.

Процесс обращения связан, как и процесс производства, с затратами труда. Создают ли эти затраты труда стоимость, присоединяющуюся к товару, находящемуся в обращении? Не все. *Издержки обращения делятся на чистые и дополнительные.* Это деление зависит от того, создают ли издержки новую потребительную стоимость, или же нет.

Чистыми издержками обращения называются такие издержки обращения, которые не присоединяют к товару новой стоимости.

Затраты на совершение сделки, время, затраченное на процесс купли и продажи, не создают новой стоимости. Напротив, затраты капитала на эти цели уменьшают время его производительного функционирования. То же самое относится к бухгалтерскому учету и всем видам хозяйственного учета вообще, а также к затратам на функционирование денежной системы.

Тот факт, что эти затраты необходимы для совершения обращения капитала, еще не делает их фактором, создающим стоимость, ибо они не добавляют к произведенным товарам никаких дополнительных полезных свойств.

С точки зрения современной неоинституциональной теории все эти издержки могли бы быть отнесены к трансакционным издержкам (в противоположность трансформационным, связанным с преобразованием самого товарного тела).

Дополнительные издержки обращения – это такие издержки, которые изменяют полезные свойства товара и тем самым входят в процесс создания стоимости.

К дополнительным издержкам обращения относятся транспортные издержки, издержки по фасовке и упаковке товара, совершаемые за пределами процесса непосредственного производства.

Оборот капитала образуется его непрерывными взаимосвязанными кругооборотами.

С точки зрения процесса обращения, то есть по той роли, какую отдельные составные части капитала играют в процессе обращения, капитал делится на **основной и оборотный**.

Основной капитал – капитал, который в течение одного кругооборота потребляется, а значит, и входит в процесс обращения, лишь частично, хотя применяется целиком. Соответственно, он переносит свою стоимость на готовый продукт частями. Его полное возобновление должно совершаться лишь после множества циклов кругооборота.

Оборотный капитал – капитал, который входит в процесс обращения и потребляется в нем целиком, и должен возобновляться в каждом цикле кругооборота. Элементы оборотного капитала целиком переносят свою стоимость на готовый продукт в одном кругообороте.

В состав основного капитала входят те элементы постоянного капитала, которые в каждом данном цикле производства товара изнашиваются лишь частично, и только часть их стоимости переносится на готовый продукт. Это стоимость машин, оборудования, зданий, сооружений. *В состав оборотного капитала входит весь переменный капитал*, поскольку рабочая сила потребляется в каждом кругообороте и соответственно ее стоимость также целиком переносится на готовый продукт и должна возмещаться в каждом кругообороте, и *часть элементов постоянного капитала* – стоимость сырья и материалов, поскольку она целиком переносится на продукт в каждом кругообороте, и точно также в каждом кругообороте требует возмещения.

Объективно вытекающее из обращения деление капитала на основной и оборотный в тоже время затушевывает принципиально различную роль разных элементов капитала – постоянного и переменного капитала – в процессе производства прибавочной стоимости. Поэтому за пределами марксизма деление на постоянный и переменный капитал не применяется, и известно только деление на основной и оборотный – то есть то деление, которое выступает на поверхности процесса обращения капитала.

Кругооборот и оборот отдельных индивидуальных капиталов на самом деле есть лишь обращение обособившихся частей общественного капитала. Ни один индивидуальный капитал не может быть производительным, т.е. вообще не может существовать вне сцепления со всей массой индивидуальных капиталов, сцепления, созда-

ваемого общественным разделением труда. Итак, индивидуальный капитал вообще мыслим лишь в системе общественного капитала.

Общественный капитал есть производственное отношение совокупного капиталиста к совокупной рабочей силе общества, проявляющееся как множество индивидуальных отношений, разделение на которые, равно как и связь их между собой в общественный капитал обусловлены общественным разделением труда.

16.2. Законы воспроизводства общественного капитала

Законы воспроизводства общественного капитала поэтому отличаются от законов воспроизводства индивидуальных капиталов. В процессе обращения индивидуального капитала для него достаточно возмещение лишь по стоимости, и хотя он должен быть возмещен и в своей натуральной форме, это выступает как простое следствие его возмещения в стоимостной форме, в форме денежного капитала. Что же касается воспроизводства и обращения общественного капитала, то для него принципиальное значение приобретают пропорции общественного разделения труда. Лишь при соблюдении определенных пропорций общественного разделения труда может нормально протекать реальный процесс производства и воспроизводства, а значит, общественный капитал может быть возмещен как по стоимости, так и, тем более, по натуральной форме.

Закон простого воспроизводства

Для исследования процесса воспроизводства общественного капитала Маркс вводит простейшую двухотраслевую модель общественного производства. Он делит общественное производство на два подразделения – производство средств производства и производство предметов потребления, не следуя ранее принятым в статистике приемам отраслевого деления (например, на промышленность и сельское хозяйство), и впервые вводя собственный подход к членению общественного производства. Почему же Маркс предлагает именно такое деление?

Это связано с различной ролью предметов потребления и средств производства в процессе общественного воспроизводства, причем не только с точки зрения процесса производства вообще, безотносительно его общественной формы, но и процесса производства капитала. Средства производства образуют вещественную основу постоянного капитала, а предметы потребления – переменного. Поэтому предложенное Марксом деление общественного производства на два

подразделения позволяет проследить процесс возмещения различных элементов капитала одновременно как по стоимости, так и по натуральной форме.

Чтобы обеспечить возмещение элементов постоянного и переменного капитала как по стоимости, так и по натуральной форме, совокупное производство во втором подразделении (производство предметов потребления) должно обеспечивать возмещение переменного капитала и прибавочной стоимости как первого, так и второго подразделений:

$$\Pi(c+v+m) = \Pi(v+m) + I(v+m).$$

Совокупное производство в первом подразделении (производство средств производства) должно обеспечивать возмещение основного капитала как в первом, так и во втором подразделении:

$$I(c+v+m) = \Pi(c) + I(c).$$

Преобразование и первого, и второго уравнений дает одно и то же равенство:

$$I(v+m) = \Pi(c).$$

Итак, та часть производства средств производства в первом подразделении, которая соответствует по стоимости переменному капиталу и прибавочной стоимости первого подразделения, должна быть равна той части производства предметов потребления во втором подразделении, которая соответствует по стоимости постоянному капиталу второго подразделения.

Законы расширенного воспроизводства

Маркс ограничивается формулой:

$$I(v+m) > \Pi(c).$$

Такое неравенство действительно должно соблюдаться для расширенного воспроизводства. Однако оно не показывает условия пропорционального возмещения всех элементов общественного капитала в обоих подразделениях и, кроме того, является не единственным неравенством, которое должно соблюдаться. Используя марксовы обозначения, мы можем задать точные исходные условия расширенного воспроизводства.

Совокупное производство во втором подразделении должно обеспечивать возмещение переменного капитала, как первого, так и второго подразделений, и той доли прибавочной стоимости в обоих подразделениях, которая направляется на потребление капиталистов и прирост переменного капитала (наем дополнительной рабочей силы):

$$\Pi(c+v+m) = \Pi(v+bm) + I(v+am).$$

Совокупное производство в первом подразделении должно обеспечивать возмещение постоянного капитала как первого, так и второго подразделений, и той доли прибавочной стоимости в обоих подразделениях, которая направляется на прирост постоянного капитала:

$$I(c+v+m) = \Pi(c+[1-b]m) + I(c+[1-a]m).$$

Где:

b – доля прибавочной стоимости, авансируемая на собственное потребление капиталиста и прирост переменного капитала во втором подразделении

a – доля прибавочной стоимости, авансируемая на собственное потребление капиталиста и прирост переменного капитала в первом подразделении

$1-a$ – доля прибавочной стоимости, авансируемая на прирост постоянного капитала в первом подразделении

$1-b$ – доля прибавочной стоимости, авансируемая на прирост постоянного капитала во втором подразделении

Преобразуя первое уравнение, получаем:

$$\Pi(c+m) = \Pi(bm) + I(v+am),$$

что соответствует неравенству

$$\Pi(c+m) > I(v) \{ \text{на величину } \Pi(bm) + I(am) \}.$$

Преобразуя второе уравнение, получаем:

$$I(v+m) = \Pi(c+[1-b]m) + I([1-a]m),$$

что соответствует неравенству

$$I(v+m) > \Pi(c) \{ \text{на величину } \Pi([1-b]m) + I([1-a]m) \}.$$

Таким образом, видно, что марксово неравенство есть лишь одно из условий расширенного воспроизводства, причем не слишком строго определенное количественно.

Дальнейшее преобразование дает точные условия пропорционального расширенного воспроизводства. Из обоих уравнений получаем одно и тоже равенство:

$$II(c + [1-b]m) = I(v + am).$$

Или, интерпретируя в словесной форме: производство во втором подразделении, соответствующее по стоимости постоянному капиталу второго подразделения и той части прибавочной стоимости второго подразделения, которая направляется на прирост постоянного капитала, должно быть равно производству в первом подразделении, соответствующему по стоимости переменному капиталу первого подразделения и той части прибавочной стоимости первого подразделения, которая направляется на прирост личного потребления капиталистов и расширение переменного капитала.

Почему же Маркс ограничивается одним неравенством, не показывая точные требуемые пропорции расширенного воспроизводства? Сам Маркс нигде не объясняет этого прямо. Можно лишь выдвинуть предположение: потому, что *процесс капиталистического производства никогда не обеспечивает строгую пропорциональность возмещения всех элементов капитала, как по стоимости, так и по натуральной форме*. Общественный капитал не функционирует, как единое целое, а складывается из хаотического взаимодействия индивидуальных капиталов, противостоящих друг другу и разделенных барьерами частной собственности. Как и вообще при товарном производстве, процесс производства и воспроизводства капитала протекает на основе независимых друг от друга частных работ и частных предпринимательских решений, ориентирующихся лишь на стихийные колебания товарных цен и уровень присваиваемой прибавочной стоимости. *Поэтому Маркс считает возможным показать лишь некоторые граничные условия расширенного воспроизводства, при которых оно вообще может иметь место, независимо от того, насколько оно строго пропорционально.*

Исследованные и сформулированные Марксом законы расширенного воспроизводства общественного капитала дали основание его последователям (В.И. Ленину) сделать вывод, что для капиталистического расширенного воспроизводства должно быть характерно преобладание темпов роста первого подразделения общественного производства над темпами роста второго.

Это было названо *законом преимущественного роста первого подразделения* или *законом преимущественного роста производства средств производства*.

Логика этого вывода была проста: если (как это характерно для индустриальной стадии капитализма) воспроизводство совершается при растущем органическом строении капитала, то, следовательно, в каждом новом цикле воспроизводства соотношение добавочного постоянного и добавочного переменного капитала меняется в пользу первого. Значит, производство средств производства должно расширяться быстрее, чем производство предметов потребления.

Сталинизированный «марксизм-ленинизм» превратил это утверждение в непререкаемую догму¹, которая уже никак не соотносилась с теми предпосылками, на основе которых был сделан данный вывод, и в рамках которых он мог быть справедлив.

Между тем этот закон имел ограниченную применимость, определяемую историческими рамками периода экстенсивного развития капиталистической индустриализации. Действительно, когда в одной отрасли за другой происходила массовая замена ручных орудий труда машинами, то значительно возрастала стоимость применяемых средств производства, и отрасли, производящие машинную технику, развивались опережающими темпами. Однако еще до завершения массовой индустриализации начинают действовать иные закономерности воспроизводства капитала.

Переход к массовому производству машинной техники и рост производительности труда в соответствующих отраслях позволяют понизить стоимость производства машин и оборудования. И хотя в натуральной форме производство машинной техники может расширяться очень существенно, по стоимости этот прирост может быть менее значительным. Тем более после завершения периода массовой индустриализации уже не требуется форсированного роста производства средств производства, а технический прогресс позволяет удешевлять элементы постоянного капитала и удорожает переменный (развивается тенденция к росту стоимости рабочей силы). Таким образом, становится возможным капиталозакономный путь расширенного воспроизводства, когда рост *технического* строения капитала не сопровождается ростом его *стоимостного* строения.

В обновлении материальных элементов постоянного капитала в процессе капиталистического воспроизводства заключается *материальная основа циклических кризисов при капитализме*.

Поскольку создание капиталистической фабрики предполагает одновременную массовую установку машин и оборудования, то и устаревание этих элементов постоянного капитала также происходит более или менее одновременно, что, в свою очередь, требует более

---

¹ Причины этой догматизации коренились не только в общей тенденции к догматизму, свойственной сталинскому периоду, но и во вполне прагматичной защите интересов хозяйственной бюрократии в отраслях добывающей, тяжелой и оборонной промышленности, которая в силу объективных условий начального периода индустриализации получила преобладающие позиции и стремилась их закрепить.

или менее одновременной их замены. Массовая замена машин и оборудования на новые, – если они являются технически значительно более совершенными, – на одной или нескольких капиталистических фабриках, создает для их владельцев конкурентные преимущества и подталкивает других капиталистов также проводить массовую замену машин и оборудования.

Экономической основой этого стремления является моральное старение элементов основного капитала. Если новые элементы основного капитала имеют более низкую стоимость воспроизводства, либо при той же стоимости обеспечивают более высокую производительность, это с необходимостью означает переоценку ранее установленных единиц основного капитала. Хотя их физическое старение еще не наступило, переоценка их стоимости в сторону понижения происходит так, как будто они дополнительно амортизировали свою стоимость за несколько добавочных лет износа.

Цепная реакция обновления основного капитала вызывается отнюдь не любыми единичными актами более или менее массовой замены машин и оборудования, а только такими, которые *совпадают с достижением существенных сдвигов в техническом прогрессе*, и, соответственно, в производительности новых машин. Только в таком случае уровень приобретаемых конкурентных преимуществ делает для других капиталистов замену машин и оборудования – даже физически не изношенного – принудительной необходимостью, без которой невозможно выживание в конкурентной борьбе. Тем самым создается повышенный спрос на продукцию отраслей первого подразделения, влекущий рост производства средств производства, а вместе с этим – рост заработной платы и наем дополнительных рабочих, что, в свою очередь, увеличивает спрос на предметы потребления. Наступает общий промышленный подъем, который, однако, вместе с исчерпанием волны массовой замены оборудования, приводит, в конце концов, к промышленному спаду и кризису: расширившееся производство внезапно натывается на сузившийся спрос на машины и оборудование. Более детально экономический механизм циклического характера капиталистического воспроизводства будет рассмотрен позднее.

16.3. Превращение прибавочной стоимости в прибыль, а стоимости – в цену производства

Для капиталиста в процессе капиталистического воспроизводства и обращения прибавочная стоимость представляется продуктом не одного лишь переменного капитала, а всего авансированного ка-

питала. Для этой видимости есть объективные основания – с позиций индивидуального капитала получаемая им прибавочная стоимость есть следствие того, что он бросает в обращение определенную сумму стоимости, вне зависимости от того, на что она потрачена. С точки зрения процесса обращения различие ролей постоянного и переменного капитала в процессе производства прибавочной стоимости стирается, затушевывается делением на основной и оборотный капитал, которые различаются лишь скоростью оборота (а также способом перенесения своей стоимости на готовый продукт – в первом случае по частям, во втором – сразу).

Да и с любой позиции затрата средств производства есть такое же необходимое условие производства прибавочной стоимости (и производства продуктов труда вообще), как и затрата живого человеческого труда сверх необходимого рабочего времени. Другой вопрос, что прошлый (овеществленный) труд сам не производит стоимость и прибавочную стоимость.

Таким образом, для капиталиста прибавочная стоимость есть следствие понесенных им издержек производства – то есть совокупных затрат капитала. В категории издержек производства сливаются вместе постоянный и переменный капитал, выступающие теперь как общая затрата капитала. Прибавочная стоимость, как продукт *всего капитала*, выступает теперь в форме капиталистической прибыли. Прибыль выступает как превращенная форма прибавочной стоимости.

Эта объективная видимость, создаваемая условиями обращения капитала, дает основания идеологам капиталистов представлять дело таким образом, будто прибыль действительно производится всеми элементами капитала. Сначала эта позиция получила выражение в теории издержек производства Ж.-Б. Сэя, а затем в теории трех факторов производства. В современной неоклассической теории эта концепция приняла вид теории предельной производительности факторов производства. Однако последняя (как и ей предшествующие) на самом деле никак не доказывает участие *всех* элементов капитала в *производстве* прибыли, а лишь количественно определяет наиболее выгодное для капиталиста соотношение факторов производства с точки зрения их участия в производстве прибыли.

В капиталистическом производстве равновеликие капиталы тяготеют к тому, чтобы производить примерно одинаковую норму прибыли на вложенный капитал, вне зависимости от величины применяемого переменного капитала. Разумеется, индивидуальные различия в уровне нормы прибыли между различными капиталами весьма велики, но они определяются индивидуальными различиями в *совокупных издержках производства*, а не различиями в величине

применяемого переменного капитала. Существуют и отраслевые различия в величине нормы прибыли (которые имеют многообразные причины), но и они не соответствуют различиям в удельном весе переменного капитала. При всех индивидуальных и отраслевых различиях капиталы тяготеют к тому, чтобы получать среднюю норму прибыли на вложенный капитал.

Как же так? Ведь прибавочная стоимость есть результат функционирования именно переменного капитала, нанимаемой с его помощью рабочей силы, и при прочих равных условиях пропорциональна величине этого капитала? Почему же прибыль формируется пропорционально затратам всего капитала? Откуда капиталисты в отраслях с высоким органическим строением капитала берут дополнительную прибавочную стоимость, и куда теряется прибавочная стоимость в отраслях с низким органическим строением капитала?

Выравнивание нормы прибыли осуществляется через механизм конкуренции капиталов. Из отраслей с высоким органическим строением капитала, где производится меньше прибавочной стоимости по отношению ко всему вложенному капиталу, и норма произведенной прибыли относительно ниже, капиталы, в погоне за нормой прибыли, перемещаются в отрасли с более низким органическим строением. В результате в первой группе отраслей образуется недостаток предложения по отношению к спросу, а во второй группе – избыток. Цены в первой группе отраслей поднимаются выше стоимости, а во второй группе – падают ниже стоимости. За счет этого происходит перераспределение созданной прибавочной стоимости между отраслями, так, чтобы на равновеликий капитал приходилась одинаковая величина прибавочной стоимости. Так и формируется средняя прибыль.

Ценой производства называется цена товаров, формирующаяся на основе конкуренции капиталов за равную прибыль на равновеликий капитал, и количественно равная издержкам производства плюс средняя прибыль.

Эта концепция Маркса дала повод для полемики вокруг так называемого противоречия между I и III томами «Капитала». Критика Маркса утверждают, что определение цен товаров в I томе «Капитала» на основе трудовой теории стоимости противоречит определению товарных цен в III томе «Капитала» на основе цен производства. По их мнению, это противоречие родилось из попытки Маркса согласовать «несостоятельную» трудовую теорию стоимости и выведенную на ее основе теорию прибавочной стоимости с фактами капиталистической действительности.

Противоречие между I и III томами «Капитала» действительно существует. Однако это противоречие вытекает не из внутренней несогласованности I и III томов «Капитала», а из объективных противоречий капиталистиче-

ской действительности, порождающих несовпадение существа капиталистических отношений и поверхностных форм их проявления. При анализе капиталистических производственных отношений мы уже сталкивались с превращенными формами – формами, отрицающими собственное содержание. Такова, например, заработная плата, выступающая как превращенная форма цены и, соответственно, стоимости рабочей силы. Форма заработной платы создает иллюзию, что она в действительности является платой рабочему за его труд, а не ценой покупки его рабочей силы капиталистом. Точно также и форма прибыли отрицает факт создания прибавочной стоимости живым трудом наемных работников, представляясь как избыток над издержками производства в виде продукта всего капитала. Итак, если по существу прибавочная стоимость есть продукт переменного капитала, то на поверхности явлений (с точки зрения процесса обращения капитала) прибыль предстает как продукт всего капитала. Маркс в III томе «Капитала» вскрывает это противоречие, показывая, как в силу развертывания законов самого капиталистического производства прибавочная стоимость приобретает форму прибыли.

Маркс в III томе «Капитала», выведя феномен капиталистической прибыли, рассматривает вопрос о количественных тенденциях ее движения. Он формулирует закон *тенденции нормы прибыли к понижению*. С его точки зрения под влиянием роста органического строения капитала норма капиталистической прибыли должна испытывать тенденцию к понижению, поскольку с развитием технического прогресса доля переменного капитала во всем капитале снижается, а доля постоянного – растет. Однако этот закон, как подчеркивает сам Маркс, не действует с железной неотвратимостью. Он представляет собой только тенденцию, серьезно модифицируемую под влиянием противодействующих факторов.

Из всех факторов такого рода, анализируемых Марксом, наибольшее значение имеют, на мой взгляд, следующие. Во-первых, это факторы удешевления элементов основного капитала, препятствующие росту стоимостного строения капитала. Среди этих факторов важнейшую роль играет рост производительности труда, который также является объективной, внутренне обусловленной (имманентной) исторической тенденцией развития капиталистического способа производства.

Во-вторых, это рост нормы эксплуатации, обеспечиваемый производством относительной прибавочной стоимости за счет удешевления материальных элементов переменного капитала. В этом случае относительная доля живого труда по сравнению с овеществленным может понижаться (т.е. органическое строение капитала растет), однако меняется и пропорция, в которой этот живой труд распадается на необходимый и прибавочный. Хотя доля живого труда в

целом и падает, норма прибавочной стоимости может возрастать, а вместе с этим возрастать (или хотя бы не уменьшаться) норма прибыли. Можно заметить, что производство относительной прибавочной стоимости есть также имманентный закон капиталистического способа производства.

В-третьих, сдерживающие влияние на падение нормы прибыли оказывает внешняя торговля с менее развитыми странами. Этот фактор сохраняет свое значение и по сей день. Более того, разрыв в уровне экономического развития между странами «ядра» капиталистического мирового хозяйства и его «периферии» усугубляется, что создает благоприятные условия капиталистам развитых стран для извлечения добавочной прибыли из торговли с менее развитыми странами.

Еще один фактор не был проанализирован Марксом, так как он вполне проявил себя лишь с конца XIX века. Под влиянием роста сложности применяемых средств производства, а также организованной борьбы рабочего класса в защиту своих интересов происходит рост стоимости и цены рабочей силы, что также препятствует повышению стоимостного строения капитала, а значит, и понижению нормы прибыли.

Таким образом, мы видим, что противодействующие понижению нормы прибыли факторы являются не какими-то привходящими обстоятельствами, а вытекают из развития самого капиталистического способа производства. Они способны воспрепятствовать значимому падению нормы прибыли. Это, однако, не значит, что тенденция к понижению нормы прибыли не действует. Это значит, что под угрозой этой тенденции капитал вынужден избирать лишь такие пути технического прогресса и развития производства вообще, которые не позволяют норме прибыли заметно упасть. Таким образом, капиталистические отношения, создающие тягу капитала к безграничному совершенствованию производства, сами же ставят это стремление в определенные пределы.

«Настоящий предел капиталистического производства – это сам капитал, а это значит: капитал и самовозрастание его стоимости является исходным и конечным пунктом, мотивом и целью производства; производство есть только производство для капитала, а не наоборот: средства производства не являются просто средствами для постоянно расширяющегося процесса жизни общества производителей. <...> Средство – безграничное развитие общественных производительных сил – вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью – увеличением стоимости существующего капитала. Поэтому, если капиталистический способ производства есть историческое

средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего этой силе мирового рынка, то он в тоже время является постоянным противоречием между такой его исторической задачей и свойственными ему общественными отношениями производства»¹.

16.4. Промышленный и торговый капитал. Производительный и непроизводительный труд

Те формы, которые приобретает капитал в процессе обращения – денежный, товарный и производительный капитал – в историческом развитии капиталистического производства превращаются в обособившиеся функциональные формы. Отдельные капиталисты-предприниматели начинают специализироваться на исполнении соответствующих функций – на управлении денежным, товарным и промышленным капиталом соответственно.

Это не значит, что промышленный капиталист уже не занимается торговыми или денежными операциями. Однако значительная масса товарного и денежного капитала начинает функционировать обособленно. Специализация капиталистов на управлении денежным и товарным капиталом позволяет значительно сократить время обращения и издержки обращения по сравнению с таким ведением дел, когда каждый капиталист занимается всеми как производственными, так и торговыми и денежными операциями. Тем самым специализация капиталов увеличивает норму прибыли производительного капитала.

Обособленный характер товарного капитала проявляется не только в том, что продажа, окончательная реализация товарного капитала становится теперь функцией особого предпринимателя – торгового капиталиста, но и в том, что товарный капитал выступает теперь не просто как одна из функциональных форм промышленного капитала, которые он принимает в процессе метаморфоза, а как самостоятельный капитал, совершающий самостоятельное обращение. Торговый капиталист самостоятельно авансирует деньги для покупки товарного капитала, и этот его авансированный денежный капитал совершает кругооборот согласно всеобщей формуле капитала:

$$D - T - D'$$

Общая норма прибыли теперь исчисляется на весь совокупный капитал, т.е. производительный + торговый капитал. Соответственно образуется и цена производства. Промышленный капитал реали-

¹ Маркс К. Капитал. Т. III. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 274.

зует прибыль потому, что она, как прибавочная стоимость, уже заключается в стоимости товара. Товарный капитал только потому реализует прибыль, что *не вся* прибавочная стоимость, или прибыль, была реализована промышленным капиталистом в цене товара. Торговый капиталист получает прибыль не потому, что продает товары выше стоимости, а потому, что промышленный капиталист продает товары *ниже* стоимости.

Поскольку реализация товара промышленным капиталистом в данном случае – при реализации торговому посреднику – не есть конечная реализация, реализация действительному потребителю, поскольку капитал, следовательно, еще *не завершил* своего кругооборота, и его завершение выпадает на долю торгового капиталиста, постольку промышленный капитал не может претендовать на *всю* произведенную прибавочную стоимость. Торговый капитал присваивает прибавочную стоимость, заставляя промышленного капиталиста уступить себе часть прибавочной стоимости, созданной промышленными рабочими.

Поэтому чем больше торговый капитал по сравнению с промышленным, тем, соответственно, меньше норма промышленной прибыли (и наоборот). Хотя торговый капитал также эксплуатирует наемных рабочих, как и промышленный (принуждая их к труду сверх необходимого рабочего времени), наемные рабочие, обслуживающие метаморфоз товарного капитала, не создают ни стоимости, ни прибавочной стоимости. Однако неоплаченный (прибавочный) труд работников торговли является для торгового капитала необходимым условием присвоения части прибавочной стоимости, созданной в промышленности.

Каким же образом? Специализированный труд наемных работников в сфере торговли понижает издержки обращения, создавая экономию на этих издержках для промышленного капиталиста. Тем самым, хотя участие торгового капиталиста в прибыли сокращает прибыль промышленного капиталиста, благодаря достигаемой в силу специализации экономии на издержках обращения это сокращение прибыли осуществляется в меньшей степени, чем это было бы при самостоятельном занятии промышленного капиталиста торговыми операциями.

Точно те же самые соображения касаются и обособившегося денежного капитала – т.е. капитала денежных капиталистов, обслуживающего денежные операции промышленного капитала. Следует особо подчеркнуть, что денежный капитал в данном отношении, то есть, поскольку он только обслуживает метаморфоз товара, опосредует куплю и продажу, сам является разновидностью торгового капитала – денежно-торговым капиталом, как товарный капитал – товар-

но-торговым капиталом. Вообще самостоятельный торговый капитал в форме товарного и денежного капитала является не чем-то абсолютно независимым от промышленного капитала. Эти формы суть лишь относительно обособившиеся функциональные формы последнего, выполняющие необходимые функции обращения самого промышленного капитала. И лишь постольку они и участвуют в выравнивании общей нормы прибыли и могут претендовать на часть прибавочной стоимости, произведенной наемными работниками промышленного капиталиста.

Выше было отмечено, что наемные работники товарно-торгового капитала (как и денежно-торгового) не производят стоимости и прибавочной стоимости – если речь идет только об обслуживании смены форм капитала в процессе обращения, отвлекаясь от дополнительных издержек обращения. Они относительно сокращают издержки обращения, но не создают никакой потребительной стоимости (а значит, и стоимости, и прибавочной стоимости). Именно поэтому, хотя их функции и являются необходимыми для обеспечения процесса воспроизводства и обращения общественного капитала, они являются *непроизводительными работниками*.

Иначе обстояло бы дело, если бы мы рассматривали такой способ производства, который основывается на совместном участии производителей в труде и их совместном владении средствами производства. Тогда функции процесса обращения – т.е., например, обеспечение взаимодействия между производителями и потребителями продуктов труда, и ведение общественного счетоводства, – выступали бы непосредственно как часть общественного воспроизводства, и занятые в нем работники, как необходимые элементы совокупного работника общества, выступали бы в качестве производительных работников сферы материального производства¹. Однако в этом случае отпадал бы целый ряд функций, связанных с товарной и капиталистической формой производства, в том числе совершение сделок купли-продажи, обслуживание денежного хозяйства и т.п.

16.5. Ссудный капитал. Процент и предпринимательский доход. Фиктивный капитал

Обособившийся денежный капитал в развитии капиталистического процесса производства способен не только обслуживать кругооборот капитала, переход от товарной к денежной форме и обратно. В системе капиталистических производственных отношений деньги

---

¹ Более точно вопрос о критериях производительного труда в посткапиталистическом обществе будет раскрыт позднее.

сами по себе потенциально есть капитал, ибо они могут быть применены для покупки рабочей силы и средств производства на основе капиталистических отношений, для эксплуатации этой рабочей силы и производства прибавочной стоимости.

Эта возможность реализуется в отношении между денежным и промышленным капиталистом, принимающем форму ссуды – временной уступки денежного капитала промышленному капиталисту. В этом отношении денежный капитал становится ссудным капиталом. Деньги здесь предоставляются промышленному капиталисту не как деньги, а именно как капитал, для производительного применения – для производства прибавочной стоимости.

На этой основе денежный капитал приобретает дополнительную потребительную стоимость. Его потребительная стоимость как денег состояла в свойстве всеобщей обмениваемости. Его потребительная стоимость именно как капитала состоит в способности присваивать чужой неоплаченный труд – прибавочный труд наемных работников, и тем самым производить прибавочную стоимость или прибыль.

Эту специфическую потребительную стоимость денег как капитала промышленный капиталист оплачивает ссудному капиталисту в виде процента за ссуду. Само существование процента определяется фактом производительного применения ссуженного капитала, его способностью приносить прибыль. Именно эта прибыль, рождающаяся из применения взятых в займы денег, как капитала, и является источником уплаты процента. Без такого применения уплаты процента (в рамках отношений капиталистического способа производства)¹ была бы невозможна.

Однако представление процента как цены ссудного капитала является чисто иррациональным представлением, ибо не стоит ни в каком отношении к определению стоимости, и, соответственно, цены товара трудом, ни даже к определению рыночной цены как цены производства (издержки + средняя прибыль). Тем не менее, процент как цена ссудного капитала представляет собой объективную форму капиталистического способа производства.

Чем же определяется величина процента?

Величина процента зависит от той пропорции, в которой капитал общества распадается на промышленный и ссудный капитал, то есть от тех масштабов, в которых капитал отвлекается от производительного применения и принимает форму временно свободного де-

---

¹ Мы здесь отвлекаемся от случаев некапиталистического применения взятых в займы денег – например, на потребительские нужды. В этом случае и источником уплаты процента служит не прибыль, полученная в результате капиталистического применения ссуды, а, например, заработная плата, или прибыль от применения собственного капитала.

нежного капитала. Эта пропорция определяет результаты конкуренции между промышленными и ссудными капиталистами, на основе которой и решается, какая часть капиталистической прибыли будет присвоена последними в форме процента. Нижним пределом нормы процента является некая минимальная величина, при которой отдача капитала в ссуду имеет экономический смысл для его владельцев (эта величина стремится к нулю, но, в общем, не может достигать его). Верхним пределом является величина средней прибыли. Впрочем, в периоды кризисов временно может возникать ситуация, когда норма процента превышает норму прибыли в силу острой необходимости в деньгах для совершения текущих платежей. В условиях гиперинфляции может сложиться и обратное положение – норма процента может оказаться реально отрицательной (не успевающей за ростом цен).

Общая историческая тенденция капитализма заключается в возрастании относительной доли денежного капитала, и, соответственно, в падении нормы процента.

В ссудном капитале капиталистическое отношение приобретает свое наиболее *фетишизированное* абстрактное выражение – *ссудный капитал предстает как простое порождение денег деньгами, как стоимость, сама по себе приносящая добавочную стоимость*. Процент предстает как свойство самого ссудного капитала, как его непосредственное порождение. Напротив, промышленная прибыль предстает при этом лишь как следствие применения ссудного капитала. Действительное же отношение, как было показано выше, является обратным – процент может возникать лишь в силу того, что функционирует производительный капитал, обеспечивающий производство прибавочной стоимости наемными рабочими.

В ссудном капитале источник процента начинает видеться в самом факте собственности на капитал. Обладание собственностью на определенную сумму денег видится достаточным основанием для того, чтобы эти деньги приносили добавочные деньги. Даже промышленный капиталист, не пользующийся кредитом, начинает делить свою прибыль на процент и предпринимательский доход – то есть на ту часть прибыли, которая принадлежит ему как собственнику капитала, и ту, которая принадлежит ему как функционирующему капиталисту.

Более того, и сама предпринимательская прибыль начинает рассматриваться уже не как порождение капитала, не как результат эксплуатации наемных рабочих. В качестве продукта капитала выступает теперь процент, а предпринимательский доход представляется как плата за труд капиталиста по эксплуатации наемных рабочих, за труд по надзору и управлению. В таком представлении *смешиваются дей-*

ствительно необходимый при любом комбинированном процессе производства труд по управлению как составная часть труда совокупного рабочего, и специфические функции, вытекающие из классово-антагонистической природы капиталистического способа производства. Такие специфические функции, порождаемые разностью интересов эксплуатирующих и эксплуатируемых, существуют в любом классово-антагонистическом способе производства – например, функции надсмотрщика над рабами.

Каковы действительные функции капиталиста-предпринимателя по управлению производством, которые *не зависят* от его капиталистической формы, и каков должен быть уровень оплаты этих функций, показывают кооперативные фабрики рабочих, существующие при капитализме. Например, уставом Мондрагонской кооперативной корпорации (Испания) определено, что *высшая* заработная плата управляющих не может более, чем в 4,5 раза (и то в исключительных случаях) превышать *минимальную* ставку заработной платы рабочих кооператива. При этом качество работы управленческого персонала в мондрагонских кооперативах беспрецедентно высокое. Эта ситуация разительным образом отличается от ситуации в капиталистических корпорациях, где обычно «заработная плата» управляющих, членов советов директоров и т.п., является лишь скрытой формой присвоения предпринимательской прибыли, а нередко и формой перераспределения в свою пользу доходов акционеров. Средние доходы высших управляющих превышают средние доходы рабочих в десятки (а иногда и в сотни) раз. Зачастую такие высокооплачиваемые управляющие доводят свои предприятия до банкротства.

В современной неоклассической теории природа процента объясняется совершенно нелепым образом. Эта теория делает шаг назад даже по сравнению с представлениями, выработанными уже в середине XVIII века. Процент выводится из разницы субъективных оценок «благ настоящего» и «благ будущего». Поскольку блага будущего свойственно оценивать ниже, чем блага настоящего, ссудный капиталист вправе требовать возмещения за отказ от немедленного потребления. Таким образом, это одна из разновидностей теорий, которые выводят капиталистическую прибыль из «воздержания» капиталиста. «Достоин» капиталист вознаграждения за свое «воздержание» или «не достоин» – это вопрос, не имеющий отношения к экономической науке. Экономической науке же до сих пор не удалось объяснить, как может хоть что-нибудь возникнуть из факта «воздержания». Рациональным во всей этой галиматее является только ссылка на действительно существующую количественную разницу между ценой благ настоящего и благ будущего. Только разница эта ровно обратная той, которая представляется в неоклассической теории. «Блага настоящего», будучи применены в процессе капиталистического производства, имеют свойство *увеличивать свою стоимость в будущем*

за счет эксплуатации наемного труда. И именно этот процесс производства прибавочной стоимости и создает возможность для присвоения части прибавочной стоимости в виде процента – недаром уплата процента происходит лишь *после* истечения определенного срока, необходимого для производства прибавочной стоимости при помощи взятого займа денежного капитала.

Обособившийся ссудный капитал по мере развития капиталистического способа производства во все большей мере перестает быть достоянием лишь отдельных частных владельцев капитала, концентрируясь в банках, а затем и в иных кредитных учреждениях. Банк концентрирует в себе денежные сбережения капиталистов, мелкие сбережения иных социальных слоев, а также временно свободные средства капиталистических предприятий и средства, необходимые им для ведения текущих расчетов. В результате банкир выступает в качестве посредника между действительными кредиторами – владельцами денег, которые помещают их в банк, и заемщиками. Банк для заемщика выступает в качестве совокупного кредитора, представляя всех действительных кредиторов, а для кредиторов – в качестве совокупного заемщика, заключая с кредиторами договора на единых условиях.

Капитал банка делится на собственный капитал и заемный капитал – т.е. привлеченные средства вкладчиков, причем последний обычно многократно превосходит первый. Банковская прибыль формируется как разница между ссудным процентом и процентом по вкладам, то есть между тем процентом, который банк взимает с заемщиков, и тем процентом, который он выплачивает держателям денег в банке.

Развитие ссудного капитала приводит к широкому развитию кредитных денег. Уже функционирование денег в качестве средства платежа (когда платеж совершается через некоторое время после совершения акта купли-продажи и перехода товара в руки покупателя) привело к появлению платежных обязательств, наиболее широко распространенным из которых является вексель. Сами эти платежные обязательства (векселя) стали использоваться для расчетов вместо денег, выполняя функцию средства обращения. Если возникала потребность в действительных деньгах, то можно было учесть вексель, то есть продать его с некоторым дисконтом (скидкой), предоставляя право востребовать платеж по этому векселю его покупателю.

С развитием кредитной системы развивается практика учета векселей банками. Банки и сами начинают выпускать векселя: вексель, выданный на банкира, получил название **банкнота**. Банкноты, как более надежные платежные обязательства, нежели выданные частными лицами, стали охотно использоваться в качестве средства

обращения. С течением времени право на выпуск банкнот было передано лишь государственным или специально уполномоченным государством банкам, и платежная сила банкнот стала поддерживаться государственными гарантиями. Таким образом, деньги превратились в *кредитные деньги*.

С развитием кредитных денег постепенно размывается связь денег с золотом. Если в XIX веке, при существовании золотомонетного стандарта (параллельного обращения бумажных денег и золотой монеты при свободном обмене их друг на друга) эта связь остается весьма прочной, то затем, с отказом от золотомонетного обращения, с переходом к ограниченному размену бумажных денег на золото, а потом и к отказу от такового, деньги утрачивают тесную связь с золотым товаром, снимают с себя золотую оболочку.

Еще одним следствием развития кредита стало широкое распространение **фиктивного капитала**.

Фиктивный капитал – форма существования капитала, при которой титул, удостоверяющий права собственности на действительный капитал, совершает самостоятельное обращение, отделенное от движения действительного капитала, хотя фиктивный и действительный капитал сохраняют каналы взаимного влияния.

Уже упомянутые векселя, складские или доковые расписки стали одними из первых форм фиктивного капитала. Векселем (а не действительными деньгами) можно было оплатить покупку товара, под этот товар выписать новый вексель и т.д. Колоссальный толчок развитию фиктивного капитала дало формирование **акционерных обществ**.

Акционерное общество предполагает участие в капитале множества лиц. Свои доли капитала эти лица вносят, становясь акционерами общества путем приобретения акций – свидетельств, дающих право на получение части прибыли, пропорциональной вложенному капиталу. Эта часть прибыли, распределяемая между акционерами, называется **дивидендом**. Акции открытых акционерных обществ могут безо всяких ограничений покупаться, продаваться, отдаваться в залог и т.д.

Акции также имеют кредитную основу. Покупатель акции по существу предоставляет кредит акционерному обществу, правда, не под строго оговоренный процент, а в расчете на будущие дивиденды по акциям или на рост курсовой стоимости самой акции. Акции начинают совершать самостоятельное обращение на фондовом рынке. Купля-продажа акций становится как средством привлечь денежный капитал, аккумулируя относительно мелкие временно свободные де-

нежные средства, так и предметом чисто спекулятивных операций, как и операции со всеми формами фиктивного капитала вообще.

Цена ценных бумаг (акций, облигаций, сертификатов и т.п.) формируется как капитализация процента. Она равна той сумме денег, которую надо поместить под проценты, чтобы получить такой же доход, какой приносит данная ценная бумага. Например, если годовые дивиденды по какой-либо акции составили \$10, то, если процент составляет 5% годовых, нужно отдать в ссуду под проценты \$200, чтобы получить такой же доход. Это и будет цена данной акции. На цену акций влияет также динамика и уровень рентабельности акционерной компании. Однако реальные рыночные котировки могут отклоняться от расчетной цены во много раз. Это связано с тем, что в настоящее время основной формой получения дохода от ценных бумаг является не присвоение дивидендов, а купля-продажа акций (облигаций и т.п.) на фондовом рынке в расчете на благоприятное изменение курса этих ценных бумаг. В результате цены акций могут значительно колебаться под влиянием многообразных конъюнктурных факторов, в том числе целенаправленного спекулятивного давления на курс акций. Иной раз цена акций даже убыточных предприятий может взлетать до заоблачных высот, а акции прибыльных предприятий котироваться весьма низко.

Развитие акционерной формы предприятий видоизменяет капиталистический способ производства, превращая частные индивидуальные предприятия в коллективные предприятия капиталистов, а их частный капитал – в общественный капитал. Это, по словам Маркса, упразднение капиталистического производства в рамках самого капиталистического способа производства. «Это частное производство без контроля частной собственности»¹.

В то же время акционерная форма доставляет кучке капиталистов возможность распоряжения концентрированным капиталом огромных размеров, порождая целую систему мошенничества и обмана, связанных с выпуском акций и торговлей ими. С развитием современного фондового рынка бесконтрольные процессы спекулятивного движения капитала приобрели вообще невиданный размах. Акционерная форма означает не только командование со стороны капитала трудом в невиданных ранее масштабах. Она означает массовое командование чужими капиталами, подрывая оправдание существования капитализма как системы частного предпринимательства, и создавая предпосылки для экспроприации капиталов уже не финансовыми мошенниками, а обществом в целом.

Акционерная форма капитала, обеспечивая его ускоренную концентрацию и специализацию, создает предпосылки для формирования капиталистических предприятий столь крупных размеров, что

¹ Маркс К. Капитал. Т. III. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 25, ч. I, с. 482.

несколько таких капиталов могут разделить между собой целые отрасли промышленности, а иногда и объединиться, чтобы захватить 100% контроль над какой-либо отраслью. Возникает тенденция к формированию капиталистических монополий.

Маркс отмечал также, что развитие кредита делает возможным появление в заметных масштабах кооперативных фабрик рабочих (которые без этого почти не могли рассчитывать на какие-нибудь внешние источники капитала). Сами эти кооперативные фабрики, хотя и остаются в рамках капиталистического способа производства, означают положительное упразднение частной собственности, ликвидацию отношений между наемным трудом и капиталом – правда, лишь в узких рамках таких кооперативных товариществ.

16.5. Капиталистическая земельная рента

Образование ренты на природные ресурсы (включая сюда земельную, горную, лесную, водную и т.д. ренту – далее для краткости будем пользоваться одним термином – земельная рента) должно получить объяснение с точки зрения законов капиталистического способа производства. Очевидным основанием образования земельной ренты является различие в плодородии разных участков земли (или в продуктивности месторождений и т.п.). Но каким образом различие в плодородии порождает ренту?

Капиталистическое хозяйствование на земле основывается на разделении экономических фигур собственника земли и хозяйствующего капиталиста – арендатора земельного участка. За различные по плодородию участки земли собственники этих участков получают от капиталистов-фермеров, их использующих, различную арендную плату. В арендную плату входит возмещение за истощение плодородия почвы, плата за пользование различными сооружениями и постройками на земле (амортизационные отчисления), процент на капитал, вложенный в землю, предоставляемую в аренду, и собственно рента. Сам капиталистический фермер получает среднюю прибыль – но уже на свой капитал, вложенный в эксплуатацию наемных работников на арендованной земле.

Фигуры собственника земли и хозяйствующего капиталиста-фермера могут и совпадать. Но и в этом случае (как и в разбиравшемся выше случае с начислением процента капиталистом, пользующимся собственным, а не заемным капиталом) капиталист разделяет в получаемом им доходе земельную ренту и среднюю прибыль (предпринимательский доход).

Величина ренты тем выше, чем выше естественное плодородие того участка, который предоставлен в аренду. Но откуда берется рента? Как фермер может уплатить собственнику земли, помимо процента на капитал, вложенный в землю и неотделимый от нее, еще и ренту?

Источник ренты становится понятен, если принять во внимание своеобразный механизм формирования цены сельскохозяйственных продуктов. Вспомним, что стоимость товаров определяется средними нормальными затратами труда для их текущего воспроизводства. Однако производство на земле (сельское хозяйство, рыбная, лесная, добывающая промышленность...) отличается от других видов производства тем, что здесь производство основано на использовании строго ограниченных естественных ресурсов. Например, имеется определенная конечная площадь земель, пригодных для сельскохозяйственного использования, причем разные участки обладают разным плодородием, и потому требуют разных издержек для производства одинакового количества сельскохозяйственных продуктов. В таком случае на один и тот же вложенный капитал даже при средних нормальных условиях производства (одинаковая оснащенность техникой, одинаковые технологии, одинаковый уровень организации труда и уровень заработной платы и т.д.) эти участки будут давать разную прибыль в силу различий в естественном плодородии почвы.

Получается, что равные капиталы в сельском хозяйстве не могут претендовать на среднюю прибыль, если они применяются на участках с худшим, нежели средний, уровнем естественного плодородия. В таком случае эти капиталы уйдут из сельского хозяйства в другие отрасли производства в погоне за нормальной средней прибылью. Количество возделываемых земель и количество производимых продуктов уменьшится, спрос на рынке превысит предложение¹, цена сельскохозяйственной продукции вырастет, и этот процесс будет продолжаться до тех пор, пока на вложенный в сельское хозяйство капитал даже на относительно худших участках не будет обеспечена средняя прибыль.

Таким образом, *цена производства в сельском хозяйстве* (как и вообще в отраслях, основанных на прямом присвоении ограниченных естественных ресурсов) *регулируется не средними, а худшими ус-*

---

¹ Разумеется, это вовсе не означает, что спрос на сельскохозяйственную продукцию всегда превышает предложение. Стихийный характер товарного производства и стихийный характер конкуренции частных капиталов периодически (как правило, во время циклических кризисов) приводит к тому, что в сельском хозяйстве образуется относительный избыток применяемого капитала и возникает перепроизводство. Однако для сельского хозяйства характерна ситуация относительного недопроизводства по сравнению с промышленными отраслями.

ловьями производства, или, точнее, средними условиями производства на относительно худших по плодородию участках земли. Благодаря этому капиталисты, хозяйствующие на относительно лучших по плодородию участках земли, помимо средней прибыли, получают еще и добавочную прибыль, величина которой дифференцирована в зависимости от уровня плодородия возделываемых участков.

Эта дифференцированная добавочная прибыль имеет своим источником перераспределение прибавочной стоимости (прибыли), создаваемой в промышленных отраслях, в пользу капиталистов, занятых в сельском хозяйстве. Основанием такого перераспределения является ограниченность возделываемых участков земли, приобретающая при капиталистических отношениях форму монополии капиталистического хозяйствования на земле. Участки с различным естественным плодородием не составляют здесь общего, доступного всем капиталистам условия производства (каким является, например применение паровых машин или электродвигателей); напротив, естественное плодородие этих участков является *исключительным достоянием* только тех капиталистов, которые взяли эти участки в аренду. И именно получаемая при таких условиях дифференциальная добавочная прибыль является источником ренты – **дифференциальной ренты** – уплачиваемой фермером собственнику земли (даже если этим собственником является он сам).

Однако дифференциальной рентой не ограничивается полная величина ренты, получаемой земельным собственником. Участки с самым худшим плодородием при рассматриваемых условиях могут приносить только среднюю прибыль, и никакого добавочного дохода сверх этого. Но ведь собственник земли не предоставит участки даже с худшим плодородием в аренду без уплаты хотя бы какой-нибудь ренты. Так что капиталист-арендатор (капиталистический фермер) вынужден уплачивать ренту и за участки с худшим плодородием. Более того – на присвоение ренты соответствующей величины претендуют все земельные собственники, сдающие землю в аренду, независимо от различий в плодородии арендуемых участков. Эта разновидность ренты получила у К.Маркса наименование **абсолютная рента**.

Откуда же берется абсолютная рента, каков ее источник, как арендатор может ее уплатить? К.Маркс объясняет образование абсолютной ренты различием в структуре цены производства в промышленности и в сельском хозяйстве, образующимся в силу разного органического строения капитала в этих отраслях. Поскольку в сельском хозяйстве органическое строение капитала ниже, то выше отношение создаваемой прибавочной стоимости ко всему капиталу. А в силу ограниченности земельных участков не происходит свободно-

го перелива капитала между промышленностью и сельским хозяйством и тем самым не образуется общая для этих отраслей норма прибыли. Свободная конкуренция между капиталами, занятыми в промышленности и в сельском хозяйстве, затруднена еще и тем обстоятельством, что частные собственники не предоставляют в аренду участки без уплаты абсолютной ренты, и тем самым еще более ограничивают число капиталов, могущих быть примененными в земледелии на условиях присвоения средней прибыли. Ведь цена производства земледельческих продуктов должна формироваться при таком ограничении предложения этих продуктов, которое поднимало бы цену до уровня, позволяющего выплачивать не только дифференциальную, но и абсолютную ренту. Так экономически реализуется монополия частной собственности на землю.

Итак, источником абсолютной ренты является часть той прибавочной стоимости, которая создается в сельском хозяйстве, и в силу более низкого органического строения капитала обеспечивает в сельском хозяйстве более высокую норму прибыли на весь капитал, *не поступая в процесс выравнивания общей нормы прибыли из-за монополии частной собственности на землю*. Ту часть создаваемой в сельском хозяйстве стоимости, которая не поступает в процесс выравнивания общей нормы прибыли, и образует основу уплаты абсолютной ренты, К.Маркс назвал *ложной социальной стоимостью*.

С этой точки зрения частная земельная собственность выступает чисто паразитическим наростом, ограничивающим темпы накопления капитала в сельском хозяйстве. Поэтому *не противоречит основам капиталистического производства* такая мера, как *национализация земли*, то есть передача собственности на землю государству. В этом случае абсолютная земельная рента может быть вообще ликвидирована, а дифференциальная рента будет присваиваться государством как собственником земли. То же самое касается источников воды (что особенно актуально для целого ряда слаборазвитых государств), лесных угодий, полезных ископаемых (здесь можно оглянуться на собственный опыт России, где недра формально национализированы, но рента в значительной мере присваивается частными предпринимателями) и т.д. В ряде капиталистических государств такая мера полностью или частично была проведена. Однако в большинстве случаев капиталистическое государство не решается на этот шаг из боязни затронуть «священный принцип» частной собственности.

Величина формируемой в сельском хозяйстве земельной ренты является основой для определения цены земельных участков. *Цена земельного участка рассчитывается как капитализация приносимой*

этим участком земельной ренты. Цена земельного участка эквивалента той сумме денег, которую надо отдать в ссуду под проценты, чтобы получать ежегодные проценты, равные ежегодной земельной ренте с данного участка.

Например, если рента с данного участка земли составляет \$1000 в год, а ссудный процент равен 5% годовых, то, чтобы получить годовой доход в \$1000, надо поместить под проценты \$20 000. Такова и будет цена данного земельного участка. Эту цену можно назвать двадцатилетней капитализацией земельной ренты – суммой земельной ренты, получаемой за двадцать лет.

Категория цена земли является иррациональной экономической категорией (подобно тому, как является иррациональной категорией процент, рассматриваемый как цена капитала). Земля не является порождением человеческого труда и потому для нее не существует стоимостной основы цены. Категория цены применительно к земле формируется постольку, поскольку стоимостная оболочка является общей для всех процессов капиталистического производства, а потому надевается и на предметы, не производимые как стоимости.

О цене в реальном экономическом значении в каком-то смысле можно вести речь только в применении к добавочному искусственному плодородию земельного участка, созданному усилиями человека. Но даже и в этом случае добавочное искусственное плодородие не может возникнуть без основы в виде естественного плодородия земли, и потому не существует прямо пропорциональной количественной связи между усилиями по улучшению земельного участка и ростом его плодородия. На одних участках значительный рост плодородия может быть достигнут совсем небольшими затратами труда, на других же огромные затраты труда могут вести лишь к небольшому росту плодородия.

Современное развитие капитализма ставит перед марксистской теорией капиталистической земельной ренты два сложных вопроса.

Первый из них связан с тем, что во многих развитых странах органическое строение капитала в сельском хозяйстве может достигать более высокой величины, чем в промышленности. Где же тогда оказывается источник абсолютной земельной ренты?

Один из возможных ответов может заключаться в том, что монополия частной собственности на землю способна обеспечивать присвоение не только части стоимости, создаваемой в сельском хозяйстве, и не участвующей в процессе выравнивания общей нормы прибыли, но и части стоимости, создаваемой в несельскохозяйственных отраслях. Это происходит на основе уже раскрытого выше механизма ограничения предложения земельных участков (в силу монополии

частной собственности на землю) путем исключения из оборота участков с худшим плодородием, ведущего к ограничению предложения сельскохозяйственных продуктов, и, как следствие – к росту их рыночной цены выше цены производства.

Другой ответ может состоять в том, что специфика мотивации мелких сельскохозяйственных производителей (фермеров) может удерживать их капитал в сельском хозяйстве даже в том случае, если получаемая ими прибыль будет ниже средней (а некоторые из них не прекращают хозяйствовать на земле даже при хронической убыточности). Поэтому абсолютная рента может тем самым формироваться за счет понижения предпринимательской прибыли в сельском хозяйстве ниже средней.

Второй вопрос заключается в том, что требует объяснения факт значительного субсидирования капиталистическим государством сельскохозяйственных производителей. Эти субсидии могут объясняться как экономическими, так и неэкономическими причинами. Среди экономических причин может быть желание государства избежать относительного недопроизводства сельскохозяйственных продуктов, возникающего в силу указанного выше исключения из оборота участков с худшим плодородием, путем обеспечения фермерам субсидий, позволяющих им уплачивать абсолютную ренту. К этому стремлению может добавляться и желание расширить производство сельскохозяйственной продукции по соображениям продовольственной безопасности. Кроме того, к субсидированию может побуждать защита национальных сельскохозяйственных производителей от конкуренции мирового рынка.

Среди неэкономических причин можно назвать стремление поддержать фермеров как консервативный социальный слой, обеспечивающий общественно-политическую стабильность в государстве. Кроме того, следует учитывать, что конкуренция между мелкими фермерами-арендаторами за условия аренды выше, чем между крупными. В результате мелкие фермеры нередко вынуждены отдавать в виде арендной платы не только собственно ренту, но и часть своей прибыли или заработной платы. Мелкие фермеры подвержены давлению крупных торговых и промышленных монополий, снабжающих сельское хозяйство, что отчасти ломает механизм перераспределения в пользу сельского хозяйства стоимости, создаваемой в несельскохозяйственных отраслях, и сужает источники формирования земельной ренты для мелких арендаторов. Заинтересованность государства удержать в таких условиях слой мелких фермеров от разорения приводит к созданию механизма субсидирования.

Выше уже упоминалось о том, что процесс воспроизводства всего общественного капитала носит в условиях капиталистического способа производства циклический характер, и было указано на материальную основу этой цикличности, которая лежит в периодическом характере обновления основного капитала. Картина капиталистического цикла значительно усложняется, если мы примем во внимание не только этот факт, но и динамику накопления капитала в ходе его воспроизводства, и специфические отношения между промышленным, торговым и ссудным капиталом, а также развитие фиктивного капитала.

Как отмечалось выше, появление и применение нововведений, значительно увеличивающих эффективность нового основного капитала, заставляет конкурирующих капиталистов также применять в широких масштабах аналогичные нововведения, приводя к волнам массового обновления основного капитала и общему росту деловой конъюнктуры. Начавшись в какой-либо одной отрасли, эти волны, благодаря межотраслевым связям и эффекту мультипликатора, распространяются на многие, если не на все, отрасли экономики. Исчерпание этого массового обновления сокращает спрос на средства производства и приводит к общему снижению конъюнктуры. Каков экономический механизм этого снижения?

Значительную массу капитала, новообразованного в процессе его накопления, оказывается невозможно применить с прежней нормальной средней прибылью, поскольку: 1) выросло органическое строение капитала (но до поры падение нормы прибыли компенсируется для капиталистов ростом ее массы в условиях экономического подъема, либо противодействующие факторы вообще не дают видимого снижения нормы прибыли); 2) спрос на новые средства производства не может до бесконечности удерживаться на уровне, характерном для периода массового обновления основного капитала. Но этот факт проявляется для промышленных капиталистов не сразу. Поначалу заминки с реализацией начинают ощущать торговые капиталисты – именно у них начинают залеживаться нереализованные товары. Промышленные капиталисты пребывают в спокойствии – ведь они-то уже продали свой товар торговым капиталистам, а потому превосходно могут обратить вырученные деньги в добавочный капитал, что они и делают, продолжая расширять производство, привлекая новых рабочих и даже увеличивая заработную плату.

Кстати, это позволяет отвергнуть объяснение циклических кризисов недопотреблением широких масс, ибо накануне кризиса оно,

как правило, достигает наиболее высокого уровня. Тем не менее, наличие жестких границ роста заработной платы (которая растет лишь постольку, поскольку это не препятствует накоплению капитала) ограничивает рамки массового спроса рабочих и кладет предел безудержному расширению рынка, составляя в этом смысле одну из предпосылок кризиса.

Тем временем торговые капиталисты, будучи не в силах реализовать свой товар, снижают цену, чтобы сократить убытки и реализовать хоть что-нибудь, а нехватку денег для платежей по собственным обязательствам пытаются покрыть за счет привлечения ссудного капитала сверх обычного уровня, беря займы в надежде на временный характер затруднений. Повышенный спрос на ссудный капитал и более рискованные условия предоставления кредитов ведут к росту ставки процента. Развивается кризис сбыта.

В следующем кругообороте уже промышленный капитал сталкивается с трудностями в реализации произведенного товарного капитала. Торговые капиталисты не в состоянии купить его даже в прежних размерах – ведь они не смогли полностью реализовать и ранее сделанные закупки. Кроме того, раз цена конечной реализации упала, они также предлагают приобрести товары у производителей по сниженным ценам. А ведь промышленный капитал уже успел расширить производство!

Итак, значительная часть товаров не реализуется, а те, что реализуются, продаются дешевле, чем раньше. Начинается кризис перепроизводства. Денежная выручка падает, и промышленные капиталисты, в свою очередь, вынуждены делать добавочные займы, чтобы расплачиваться по своим обязательствам. Ставка ссудного процента взлетает еще выше.

Итак, оказывается, что нормальная средняя прибыль предыдущего периода превратилась в недостижимую мечту. Общая норма прибыли падает, а значительная часть индивидуальных капиталов несет убытки. Разорившиеся торговые и промышленные капиталисты оказываются не в состоянии вернуть взятые кредиты. Поэтому ряд банков (особенно те, которые проводили рискованную кредитную политику) также оказывается в затруднительном положении и разоряется. Начинается банковский кризис. Банкротство банков приводит к панике среди вкладчиков – они начинают спешно изымать свои вклады из банков, ставя те в еще более затруднительное положение.

Ухудшение деловой конъюнктуры вызывает панику на рынке фиктивного капитала. Следует заметить, что эта паника может возникнуть и раньше – еще под влиянием самых первых сведений об ухудшении деловой конъюнктуры – и тогда паника на бирже значи-

тельно ускоряет развитие кризиса. Обращающиеся на рынке ценные бумаги – акции, облигации, векселя и т.п., – также начинают терять в цене. Те капиталисты и простые держатели ценных бумаг, которые вложили в них большую часть своего состояния, разоряются. Начинает массовый сбыт ценных бумаг по самым бросовым ценам, чтобы выручить за них хоть что-нибудь. У значительной части акционерных компаний могут смениться владельцы контрольных пакетов акций. Ценные бумаги, предоставившиеся в обеспечение кредитов, теряют свою ценность – банки не могут реализовать залоги в обеспечение просроченных ссуд.

Ставка процента взлетает до небес. Кредит становится практически недоступным.

Невозможность прибыльно реализовать свой капитал можно расценивать как *перенакопление капитала*: появляется масса капиталов, которые не в состоянии приносить прибавочную стоимость (тем более – среднюю прибыль), а потому являются относительно излишними. Множество капиталистов вынуждено сокращать, приостанавливать или вообще ликвидировать свою деловую активность. Вместе с излишними капиталами образуется и относительно излишняя рабочая сила. Растет резервная армия труда. Вместе с ростом безработицы падает заработная плата тех, кто удержался на своих рабочих местах. Капитал идет на урезание всех и всяческих расходов, чтобы возможно более сократить издержки производства и поднять норму прибыли (или вообще получить хоть какую-нибудь прибыль).

Падение доходов как капиталистов, так и основной массы населения (наемных рабочих) ведет к падению нормы сбережения. Население сокращает сбережения для поддержания уровня потребления. Капиталисты-предприниматели для поддержания текущих расходов отказываются от долгосрочных инвестиций. Одновременно сокращается и предложение ссудного капитала, и спрос на него. Происходит дальнейшая декапитализация банковской системы.

Такое развитие событий переводит капиталистический цикл в *фазу депрессии*. Производство медленно сокращается или стоит на одном уровне, безработица весьма высока. За счет «выведения из игры» перенакопленных капиталов (то есть тех, которые не в состоянии найти прибыльное применение) постепенно восстанавливается нарушенная сбалансированность капиталистического хозяйства. «Выжившие» капиталы – как правило, наиболее эффективные с точки зрения производства прибыли, а также принявшие экстраординарные меры для восстановления своей прибыльности, – начинают медленно расширять производство. Восстанавливается связь промышленного, торгового и ссудного капитала, однако при более низком объеме операций, чем в период предшествовавшего подъема.

Рынок фиктивного капитала стабилизируется, но его активность и уровень цен на нем стоят на очень низком уровне.

Вместе с начавшимся ростом производства начинает понемногу снижаться уровень безработицы. Сохранившийся в банках ссудный капитал не может лежать без движения – он также ищет прибыльного применения и начинает предлагать действующим промышленникам и торговцам займы по более низкой ставке процента. Начинается *оживление производства*. Те капиталисты, которые стремятся опередить конкурентов в борьбе за рынок сбыта и за снижение издержек, начинают осваивать производство новых видов продукции, применять новые технологии, приобретают новую технику, создавая тем самым дополнительный спрос в отраслях, производящих средства производства. Улучшается конъюнктура рынка фиктивного капитала, и на нем становится возможным размещать новые выпуски ценных бумаг, с целью привлечения дополнительных средств для развития производства. Становится более доступным кредит – вместе с ростом прибыльных возможностей применения капитала, с ростом доходов и сбережений населения и т.д. – и его доступность расширяет возможности экспансии капиталистического производства за пределы, поставленные непосредственно материальными условиями производства.

Постепенно оживление производства распространяется на все большее число индивидуальных капиталов и целых отраслей хозяйства. Оживление перерастает в *фазу подъема*, и весь цикл повторяется сначала.

Отличие современного капиталистического цикла от того, который сложился во времена К.Маркса, заключается в том, что в XIX – первой половине XX вв. кризис проявлялся прежде всего в *перенакоплении товарного капитала*, а потому выступал как *кризис перепроизводства*. Современные методы изучения рынка и учета движения товаров позволяют гораздо более оперативно реагировать на заминки со сбытом и даже прогнозировать их. Поэтому перенакопление товарного капитала хотя и происходит, но в гораздо менее значительных масштабах, и происходящее перенакопление капитала проявляется в первую очередь как *перенакопление производительного капитала*, выражающееся в растущей недогрузке производственных мощностей.

Кроме того, вместе с сокращением длительности цикла обновления основного капитала постепенно сокращается и длительность делового цикла. Если во времена Маркса кризисы наступали с периодичностью примерно в 11-12 лет, то сейчас промежуток между циклами сократился до 8-9 лет. Современный цикл носит более сглажен-

ный характер (нередко кризис не сопровождается сколько-нибудь длительным сокращением производства, а приводит лишь к спаду темпов роста), что связано с развитием методов исследования рынка, чтобы ослабить его непредсказуемость, и антициклического регулирования производства (которое подробнее будет рассмотрено в последующих главах).

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Для чего изучается оборот и кругооборот капитала?
2. В чем отличие принципов деления капитала на основной и оборотный от деления на постоянный и переменный?
3. Что такое общественный капитал?
4. Чем определяются пропорции простого и расширенного воспроизводства? Может ли процесс воспроизводства капитала быть строго пропорциональным?
5. Что такое капиталистическое воспроизводство как воспроизводство производственных отношений?
6. Почему с точки зрения процесса обращения прибавочная стоимость превращается в прибыль, а цена – в цену производства?
7. Как действует закон тенденции нормы прибыли к понижению?
8. В чем основа отделения торгового капитала от промышленного? Торговый капитал как обособившаяся функциональная форма промышленного капитала.
9. Как Маркс определяет различие между производительным и непроизводительным трудом?
10. Ссудный капитал (капитал, приносящий проценты) как ссудный обособившаяся функциональная форма промышленного капитала.
11. Почему процент как цена капитала представляет собой иррациональную форму?
12. Основы разделения прибавочной стоимости на процент и предпринимательский доход
13. Что такое фиктивный капитал и какова его роль в развитии капиталистического производства?
14. Какова роль монополии хозяйствования на земле и различий в естественном плодородии почвы в образовании дифференциальной земельной ренты?
15. Какова роль монополии частной собственности на землю в образовании абсолютной земельной ренты?
16. Какие особенности капиталистического механизма воспроизводства приводят к формированию циклических кризисов?

Литература для самостоятельного изучения:

Работы классиков марксизма:

- Маркс К. Капитал. Т 2, гл. 1-6, 8, 20 (§ 1-5), 21 (§ 1-2). // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 24.
- Маркс К. Капитал, Т 3, ч. 1, гл. 1-4, 8-10, 13-16, 19, 21-25, 27. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. I.

- Маркс К. Капитал, Т 3, ч. 2, гл. 30-33, 38-40, 45. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II.

Дополнительно о производительном и непроизводительном труде:

- Маркс К. Теории прибавочной стоимости, ч. 1, гл. 4; Приложения 11 и 12. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. I.

Дополнительно о воспроизводстве и кризисах:

- Маркс К. Теории прибавочной стоимости, ч. 2, гл. 17. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26, ч. II.

Для первого раза помочь в усвоении «Капитала» могут известные комментарии Розенберга:

- Розенберг Д.И. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса М.: Экономика, 1984.
- narod.ru/disk/12264110000/Kommentarii_k_Kapitalu.divu.html
- politazbuka.ru/knigi/kommentarii_k_kapitalu.divu

Здесь дается обзор дискуссий о проблеме трансформации (превращения стоимости в цену производства) и о так называемом противоречии между I и III томами «Капитала»:

- Левина И. Проблема трансформации: сравнительно-исторический анализ подходов и решений (*классические версии*). 2008, №9.

Дополнительный материал к той же проблеме:

- Тронеv К.П. Категории рыночная цена и рыночная стоимость в III томе «Капитала» К.Маркса // Рос. экон. журн.— 1992. — № 6.

Глава 17

Система производственных отношений капитализма после промышленного переворота. Основы социальной структуры

17.1. Капиталистические формы дохода и их источники

Для понимания капиталистической формы доходов и отношений, регулирующих их распределение, следует, прежде всего, уяснить, что отношения распределения есть лишь особая составная часть отношений производства в широком смысле слова. В этом своем качестве они определяются отношениями непосредственного производства, и носят, вместе с ними, столь же исторически-определенный характер.

Капиталистические доходы – как и все экономические категории капиталистического способа производства – имеют стоимостную природу, производятся как стоимости. Но не просто как стоимости.

Производство стоимостей при капитализме основано на движении капитала, воспроизводящего себя как самовозрастающую стоимость. Поэтому все капиталистические формы дохода приобретают форму составных частей капитала.

Поверхностные формы капиталистического процесса производства, и соответствующие им доктрины, призванные объяснить эти поверхностные формы как естественные и самодостаточные общественные условия, представляют распределение доходов совершенно иным образом. Согласно этим представлениям, продуктом капитала является лишь процент. Получение предпринимательской прибыли при этом объясняется действием множества совершенно разнородных факторов, – то есть благополучно забалтывается, не находя никакого теоретического объяснения. В лучшем случае предпринимательский доход отождествляется с заработной платой за предпринимательскую деятельность.

Другая форма капиталистического дохода – земельная рента – объявляется продуктом земли. И, наконец, заработная плата представляется продуктом труда. Такой подход, при котором капитал представляется, как приносящий процент, земля – земельную ренту, а труд – заработную плату, К.Маркс назвал «*триединой формулой*».

Если рассматривать капитал, землю и труд как *материальные* условия процесса производства, то выводить из них определенные *стоимостные формы* и величины доходов является логически недопустимым, и, во всяком случае, не объясняющим происхождение этих доходов. Если же в качестве источника доходов рассматривать капитал как определенную сумму стоимости, земельную собственность, взятую под таким же углом зрения, и труд, как субстанцию, производящую стоимость, то и этот подход не разрешает проблемы. Он, в первую очередь, не объясняет, каким это образом капитал может приносить процент, т.е. как определенная сумма стоимости может приносить больше, чем она есть сама. Точно также остается неясным, каким образом порождает какой бы то ни было доход сам факт владения землей. Совершенно неясным остается и то, как определенная величина затраченного труда приносит доход меньший, чем стоит продукт этого труда.

Марксистская трактовка распределения капиталистических доходов опирается на исследование отношений, при которых эти доходы производятся. Уже анализ производства прибавочной стоимости показывает, как и почему рабочему достается не стоимость произведенного им продукта, а лишь эквивалент стоимости его рабочей силы (т.е. затрат, необходимых на ее воспроизводство), а капиталист присваивает произведенную рабочим прибавочную стоимость. Затем мы видим распадение произведенной прибавочной стоимости на

капитализирующуюся часть и на доход. Далее прослеживается превращение прибавочной стоимости в прибыль, образование общей нормы прибыли, и распределение сформировавшейся средней прибыли между промышленным, торговым и ссудным капиталом, с образованием соответственно предпринимательского дохода, торговой прибыли и процента. Затем Маркс показывает распределение прибыли между промышленным предпринимателем, торговым и ссудным капиталистом – с одной стороны, и земельным собственником, получающим капиталистическую земельную ренту – с другой.

Современная неоклассическая теория придерживается все той же триединой формулы, которую критиковал К.Маркс. В ее обоснование кладется теория предельной производительности факторов производства. Она позволяет сделать математический расчет наиболее выгодного распределения стоимостных эквивалентов факторов производства при производстве капиталистического продукта. Исследуя приращения каждого фактора производства, неоклассическая теория показывает, при каком их соотношении получается максимальный результат.

Тем не менее, этот подход, даже не обсуждая его математическую корректность, *вовсе не объясняет* связи получаемых доходов с исследуемыми долями факторов производства. Эта связь рассматривается как аксиоматическая предпосылка исследования. Более того, в качестве критерия максимизации рассматривается производство прибыли. Тем самым этот подход *на деле лишь отвечает на один вопрос*: как капиталисту надо распределить свои средства между расходами на наем рабочей силы, на закупку средств производства, и на приобретение природных факторов производства, чтобы получить максимальную прибыль? Т.е., при этом подходе, например, *справедливым и обоснованным считается такой уровень заработной платы, при котором достигается максимальная норма прибыли капиталиста.*

Однако и в части полной математической корректности рассматриваемого подхода существуют большие сомнения. Если можно сравнительно легко оценить производительность труда и влияние природных факторов на производительность (ибо сами по себе они никакой производительностью не обладают), то оперирование понятием «производительность капитала» приводит к порочному кругу, что заметила еще Джоан Робинсон. Невозможно ни определить агрегатную производительность всех разнообразнейших материальных элементов капитала (задача, некорректная по определению), ни выяснить производительность капитала как определенной суммы стоимости. В последнем случае производительность определяется как способность капитала приносить доход (прибыль), но чтобы выяснить норму этого последнего как раз и нужно знать величину производительности капитала. Получается порочный круг.

17.2. Классовая структура капиталистического общества

Соответственно рассмотренным отношениям производства и вытекающим из них отношениям распределения образуются основные формы капиталистического дохода и формируются основные классы капиталистического общества, живущие за счет этих доходов. Наемные рабочие (пролетариат, рабочий класс)¹ – получают эквивалент стоимости своей рабочей силы, применяемой для производства прибавочной стоимости. Капиталисты – промышленные, торговые, ссудные – делят прибавочную стоимость, произведенную путем эксплуатации наемного труда, и принимающую форму прибыли, между собой. Общее между ними заключается в том, что, хотя производство прибавочной стоимости сосредоточено главным образом в руках промышленного капитала, но основанием для присвоения частей произведенной прибавочной стоимости для всех этих форм капитала является эксплуатация ими наемного труда. Наконец, земельный собственник присваивает часть капиталистической прибыли в форме земельной ренты, не только ничего не производя, но даже и не участвуя прямо в эксплуатации наемного труда, основывая свой доход лишь на монополии частной собственности на землю.

Класс капиталистов имеет сложную внутреннюю структуру, которая определяется особенностями участия их различных групп в производстве и присвоении прибавочной стоимости. Эти особенности в главных чертах были описаны выше. Капиталисты делятся на промышленных, торговых и ссудных.

Надо заметить, что эта терминология, употребляемая в «Капитале», значительно отличается от общеупотребимой современной, а кое в чем она устарела и по существу. Промышленный капитал (и промышленный капиталист) по Марксу, это капитал (и капиталист), занятый в сфере производства (любого, не только материального!). Можно было бы употребить в таком случае термин «производительный капитал», однако производительный капитал у Маркса – это одна из функциональных форм промышленного капитала в процессе его кругооборота. Впрочем, термины торговый капитал (и торговый капиталист), пожалуй, не требуют пересмотра. Для ссудного капитала в современной терминологии нет единого термина. Поэтому и ссудный капиталист предстает как сумма банкиров, владельцев страховых фирм, ин-

¹ Это последнее наименование употребляется для того, чтобы подчеркнуть тот факт, что представители данного класса определяются как рабочие в противоположность эксплуататорам. Одно лишь указание на наемный характер труда может скрыть за общей формой найма различие между капиталистом и рабочим. Так, наемный директор акционерного общества на деле выступает как капиталист по отношению к рабочему.

вестиционных фондов и т.д. Значительно выросла относительно малочисленная в XIX веке группа финансовых посредников, работающих в различных секторах финансового рынка (купля-продажа валюты, операции на фондовом рынке), которая в «Капитале» не получила теоретической классификации.

Промышленные капиталисты заняты эксплуатацией наемных рабочих в сфере производства товаров и услуг. И при этом не важно, в какой отрасли они производят прибавочную стоимость – в промышленности, сельском хозяйстве, или шоу-бизнесе.

Торговый капитал эксплуатирует рабочих в сфере обращения, и принимает некоторое участие в производстве прибавочной стоимости в той мере, в какой это касается дополнительных издержек обращения. Однако большая часть прибыли, получаемой торговым капиталистом, основывается на способности эксплуатируемых им работников снижать издержки обращения за счет специализации на обслуживании обращения товаров. Это снижение издержек обращения является основанием для промышленного капитала передать функции обращения специализированному торговому капиталу, а вместе с этим уступить ему и часть произведенной прибыли.

Ссудный капитал присваивает часть прибыли в форме процента. Но в смысле классового деления персонификация ссудного капитала неоднородна. Среди персонификаций ссудного капитала можно выделить, во-первых, собственников временно свободных денежных капиталов, которыми могут быть кто угодно – от земельных магнатов до довольно бедных рабочих. Быть представителями ссудного капитала – это лишь одна из их экономических ипостасей. Однако есть такие собственники денежных средств, которые основной свой доход получают от размещения под проценты своих временно свободных денежных средств – в банках ли, или путем покупки ценных бумаг. Такие лица называются рантие. Другая ипостась ссудного капитала – банкир. Он тоже может размещать собственные денежные средства под проценты. Но главная его роль другая – он служит посредником между владельцами временно свободных денежных средств и заемщиками. Прибыль банкира складывается из разницы между теми процентами, которые он уплачивает владельцам денег, разместившим их в банке, и теми, которые он взимает с кредиторов, которым ссужает эти деньги.

Тот отрыв денежного капитала от действительного, который происходит с развитием рынка ценных бумаг и формированием фиктивного капитала, порождает социальный слой, который участвует в особом рода ссудных отношениях, характерных для движения фиктивного капитала. Это – биржевые спекулянты, доход которых скла-

дывается из перераспределения денег, вкладываемых в операции на рынке фиктивного капитала.

Наконец, к эксплуататорским классам при капитализме относятся земельные собственники. Они не занимаются эксплуатацией наемного труда непосредственно и не участвуют в производстве прибавочной стоимости. Они присваивают часть капиталистической прибыли, основываясь на своей монополии на земельные участки.

Класс наемных работников также имеет сложную внутреннюю структуру. Промышленные рабочие (в данном случае под промышленностью так же имеется в виду не отрасль хозяйства, а вся сфера функционирования промышленного капитала – сфера производства товаров и услуг) своим трудом производят прибавочную стоимость для всего класса капиталистов и земельных собственников. Торгово-конторский пролетариат (занятый в сфере торговли, банковском деле, в организации учета и отчетности), хотя и не производит прибавочную стоимость, тем не менее, также эксплуатируется капиталистами. Эта часть наемных работников не производит прибавочной стоимости, поскольку не производит никакой новой потребительной стоимости, а, следовательно, и стоимости. Однако выполняемый ими труд экономит издержки для промышленного капитала, извлекая прибавочную стоимость из своих рабочих. Их рабочее время также делится на необходимое и неоплаченное прибавочное. Стоимость их рабочей силы покрывается промышленным капиталом, который оплачивает издержки обращения, взятые на себя торговым капиталом, так, что торговый капиталист в состоянии покрыть понесенные издержки обращения, в том числе оплатить стоимость рабочей силы, расходуемой торговыми рабочими, да еще и получить часть созданной промышленными рабочими прибавочной стоимости.

Совершенно аналогичным образом оплачиваются конторские и банковские служащие (операторы, бухгалтеры, кассиры и т.д.).

Различаются наемные рабочие и с точки зрения их возможного участия в эксплуатации чужого труда. Например, инженер – такой же эксплуатируемый наемный работник, как и рабочий-станочник. Такой же, да не совсем. Его функции в процессе производства связаны с обеспечением функционирования постоянного капитала и в этом отношении он противостоит «рядовым» наемным рабочим как представитель капитала. То же самое касается и наемных управляющих, начиная с самых низших (мастеров, нормировщиков, начальников смен, участков и цехов). С одной стороны, они – необходимая составная часть совокупного работника, эксплуатируемые наемные работники управленческого труда. С другой стороны, они участвуют в организации эксплуатации наемного труда капиталом.

Это различие становится особенно заметным, когда речь идет о высших инженерах, управляющих, а также высшем звене торговых-конторских и банковских служащих. Здесь их отличие от «рядовых» рабочих проявляется не только в выполнении функций соучастия в эксплуатации, но и в источниках получаемого дохода. Капитал предоставляет этому слою некоторую долю извлекаемой прибавочной стоимости, даже если по форме этот доход представлен лишь в виде заработной платы. Но нередко и форма получения дохода отличается – появляются разного рода бонусы, тантьемы, опционы и т.д.

При капитализме существуют социальные слои, которые не относятся ни к капиталистам, ни к наемным работникам, и не занимают промежуточное положение между ними. Это – мелкие производители, работающие собственными средствами производства, не эксплуатирующие чужой труд, или эксплуатирующие его в таких масштабах, которые не делают эксплуатацию основным источником их доходов. Такой социальный слой носит название *мелкая буржуазия* (не следует путать их с *мелкими капиталистами*, живущими за счет эксплуатации чужого труда, и отличающимися от крупных капиталистов только размерами капитала).

При характеристике пролетариата не следует упускать из виду – что, к сожалению, очень часто делается, – что пролетариат не только по своему историческому происхождению, но и по своему положению в системе производственных отношений капитализма имеет с *мелкой буржуазией* генетическое родство. *Пролетарий не только наемный работник, но и торговец* – продавец своей рабочей силы и покупатель жизненных средств, *не только торговец, но и мелкий товаропроизводитель* – производитель товара «рабочая сила». Эта черта его социального положения неизбежно накладывает отпечаток на его классовые интересы и классовую психологию, выдвигая на передний план интересы борьбы за наиболее выгодные условия продажи своей рабочей силы.

Таковы основные классовые и внутриклассовые деления в капиталистическом обществе. В реальном капитализме сохраняются также более или менее значительные пережитки докапиталистических отношений. Если эти отношения достаточно распространены, могут сохраняться свойственные для них социальные группы и классы. Если же сохраняются лишь отдельные черты докапиталистических отношений, то в них оказываются тем или иным образом вовлечены капиталистические классы и социальные группы. Например, капиталистические земельные собственники могут участвовать и в докапиталистических формах эксплуатации крестьянства; наряду с отноше-

ниями ссудного капитала могут осуществляться чисто ростовщические операции и т.д.

В дальнейшем (начиная с периода конца XIX – начала XX века) классические марксистские представления о системе производственных отношений капитализма, и о социальной структуре капиталистического общества, сложившихся в результате промышленного переворота, продолжали уточняться на основе изучения данных о дальнейшей исторической эволюции капиталистического способа производства. Эти уточнения будут изложены ниже.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Какова связь форм дохода со структурой производственных отношений капитализма?
2. Каковы источники доходов различных социальных групп при капитализме?
3. Чем определяется классовое деление в капиталистическом обществе?
4. Чем определяется деление основных классов капиталистического общества на различные внутриклассовые и промежуточные социальные группы?

Литература для самостоятельного изучения:

Работы классиков марксизма:

- Маркс К. Капитал. Т. 3, ч. 2, гл. 48, 51, 52. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II.

Для первого раза помочь в усвоении «Капитала» могут известные комментарии Розенберга:

- Розенберг Д.И. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса М.: Экономика, 1984.
- narod.ru/disk/12264110000/Kommentarii_k_Kapitalu.divu.html
- politazbuka.ru/knigi/kommentarii_k_kapitalu.divu

ГЛАВА 18

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА НА СОБСТВЕННОЙ ОСНОВЕ

С формированием совокупности отношений капиталистического способа производства, охвативших все сферы экономики и все отрасли производства, капитализм вытесняет докапиталистические производственные отношения и основанные на них классы и социальные группы. Дальнейшее развитие капитализма происходит на основе воспроизводства и совершенствования самих капиталистических отношений. При этом относительно медленнее происходит пере-

стройка на капиталистических основах сельского хозяйства, сферы услуг, и процессов, обеспечивающих воспроизводство рабочей силы.

Как только капитализм становится господствующей системой, в нем начинают развиваться новые тенденции, не характерные для периода формирования капиталистических отношений и распространения их вширь, на все сферы хозяйства.

18.1. Монополистический капитализм

Развитие процесса капиталистической конкуренции приводит к росту *концентрации производства* (нередко достигаемой за счет *специализации производства*) в силу хорошо известного эффекта экономии от масштаба производства. Концентрация производства в капиталистической системе неизбежно принимает форму *концентрации капитала*. Кроме того, конкуренция неизбежно сопровождается поглощением менее удачливых капиталов более удачливыми, что, как правило, означает поглощение относительно мелких капиталов более крупными, что ведет к *централизации капитала*, т.е. к объединению нескольких прежде самостоятельных индивидуальных капиталов под контролем одного собственника.

Концентрация производства – сосредоточение производства на предприятиях, увеличивающих свою долю в общем выпуске продукции данного вида, что обычно сопровождается ростом размеров предприятий.

Специализация производства – сосредоточение производства определенного вида продукции на предприятиях, производящих только данную продукцию. Обычно приводит также к концентрации производства.

Концентрация капитала – увеличение размеров капитала в процессе его накопления, а также за счет централизации капиталов. Представляет собой экономическую предпосылку концентрации производства.

Централизация капитала – объединение нескольких самостоятельных индивидуальных капиталов под контролем одного собственника. Содействует процессу концентрации капитала, но прямо не связана с концентрацией производства (перемена собственника сама по себе не влияет на размеры и специализацию производства).

Концентрация и централизация капитала не означает исчезновения мелких капиталов, которые постоянно образуются вновь и вновь. Но на определенном этапе развития этой тенденции формируется господствующее положение на рынке крупных капиталов, достигающее до образования *монополии*. Сами по себе монополии не являются новым историческим явлением. Торговые и промышленные

монополии были хорошо известны еще в позднее средневековье. Однако тогда они опирались на внеэкономические привилегии. Теперь же образование монополий носит чисто экономический характер и вытекает из развития конкуренции капиталов, которая сопровождается процессами их концентрации и централизации. Монополии возникают как *капиталистические монополии*.

Монополистический капитал – капитал, обладающий свойствами капиталистической монополии.

Капиталистическая монополия – способность крупного капитала влиять на основные параметры рынка, в том числе на процесс формирования цены какого-либо товара в силу высокого удельного веса в производстве и/или сбыте данного товара. Эта способность позволяет монополистическому капиталу извлекать **монопольную сверхприбыль** – прибыль, которая образуется в силу завышения монополистическим капиталом рыночной цены товара выше цены равновесия спроса и предложения, либо за счет монопольного удержания в своих руках условий для особо низких издержек производства.

Экономическая власть монополистического капитала является предпосылкой для извлечения выгод из своего монопольного положения и другими, в том числе и внеэкономическими способами.

Наличие или отсутствие капиталистических монополий определяется экономическими и технологическими условиями развития данной отрасли (если абстрагироваться от внеэкономических обстоятельств – политических, юридических и т.д., которые также влияют на ситуацию). Если в данной отрасли высокая степень концентрации производства экономически невыгодна, то даже появление в такой отрасли капиталистической монополии за счет централизации мелких и средних капиталов не будет устойчивым, поскольку в такой отрасли сравнительно легко будут образовываться новые мелкие и средние капиталы.

Довольно частым явлением выступает образование в той или иной отрасли не одного крупного капитала, занимающего монополистические позиции, а двух-трех доминирующих, либо нескольких крупных капиталов, в совокупности обеспечивающих основной объем производства. Такое положение называется *олигополией*.

Таким образом, развитие монополистического капитала ведет к изменению ряда существенных характеристик капитализма. Это уже не экономическая система свободной конкуренции, основанная на взаимодействии множества более или менее равноправных частных собственников. Свободная конкуренция не исчезает, но в значительной мере вытесняется олигополией и монополией. Взаимодействие

равноправных частных собственников сменяется системой доминирования сверхкрупных капиталов.

Крупнейший капитал, занимая монопольное положение на рынке, получает возможность воздействовать на рыночную цену товаров не только за счет своего высокого удельного веса на рынке (просто в силу того факта, что в этом случае его условия производства становятся определяющими для формирования стоимости товара). *Монополистические организации капитала могут манипулировать ценой (а значит, и получаемой прибылью), планомерно регулируя производство и сбыт продукции.* Например, за счет сознательного ограничения производства и сбыта на тех или иных локальных или национальных рынках, монополистический капитал может воздействовать на соотношение спроса и предложения на этих рынках, а значит, и на уровень цены. В рамках монополистических объединений с этой целью может производиться перераспределение объемов производства и сбыта между различными составными частями этих объединений. С целью повышения доходности объединения в целом для внутренних расчетов в объединении могут применяться не рыночные, а так называемые *трансфертные цены.*

Быстрейшим способом получить монопольное положение на рынке является формирование объединений крупных капиталов, приобретающее по достижении определенных масштабов свойства капиталистической монополии. Самые простые формы объединения капиталов – пул или *ринг*. В этой форме капиталисты идут на временное фактическое объединение своих товарных капиталов на локальном, национальном или международном рынке, чтобы приобрести монопольное положение и диктовать цену на свой товар.

Подобное же соглашение может носить неформальный характер, подчас не требуя даже закулисных переговоров. Тогда оно осуществляется в форме *лидерства в ценах* – один из крупных капиталистов поднимает цену на свой товар, а остальные крупные капиталисты в этой отрасли следуют его примеру, осуществляя на деле монополистический сговор безо всяких предварительных соглашений (пример такого поведения не раз демонстрировали в России поставщики бензина).

Более развитая форма монополистического объединения – *картель*. Это устойчивое, долговременное соглашение между крупными капиталами не только о единой ценовой политике, но и о доле каждого капитала на рынке сбыта данного товара. Известный пример международного картеля – ОПЕК (Организация стран – экспортеров нефти).

В форме *синдиката* осуществляется не только единая ценовая политика и раздел рынка, но и установление квот на производство продукции, а нередко формируется и общая система снабжения входящих в синдикат предприятий. Последнее является выгодным в силу возможностей, предоставляемых *монопсонией* (монополией покупателя). Объединившись, крупные ка-

питалы выступают как монопольный покупатель, и могут добиться для себя более выгодных условий покупки сырья и материалов.

Следующим шагом в развитии монополистических объединений является появление таких форм, в которых тем или иным способом устанавливается единая собственность и управление объединившимися капиталами. Исторически возникали и преобладали в тот или иной период времени различные формы таких монополистических объединений – *тресты, конгломераты, многоотраслевые концерны*.

Концентрация капитала, увеличение его экономической мощи и влияния на положение дел в экономике в целом ведут к росту возможностей влияния монополистического капитала на государственный аппарат. Это влияние обеспечивается различными путями – прямым подкупом государственных чиновников, финансированием выборов, взаимной ротацией кадров между монополиями и государственным аппаратом, лоббизмом и т.д. Происходит сращивание силы монополий и силы государства. Как государственные чиновники, так и представители монополистического капитала используют это сращивание в своих интересах. Эти явления положили начало формированию *государственно-монополистического капитализма*.

Наряду с концентрацией промышленного капитала получает развитие также и концентрация торгового и банковского капитала. Концентрация торгового капитала обычно не приводит к формированию торговых монополий, поскольку экономически эффективные уровни концентрации производства в торговле (как и в некоторых промышленных отраслях) этому препятствуют. Лишь в конце XX века появляются крупные торговые сети, которые, однако, не достигают монопольного положения, в крайнем случае, создавая ситуацию олигополии. А вот концентрация банковского капитала уже в начале XX века привела к появлению банковских монополий.

Образование банковских монополий создало ситуацию, когда банковский капитал получил возможность установить контроль над своими заемщиками – промышленными и торговыми капиталистами, – с тем, чтобы укрепить гарантии эффективного возврата выдаваемых кредитов. Этот контроль может носить прямой характер, например, через приобретение банком контрольных пакетов акций промышленных и торговых предприятий. Контроль может быть и косвенным, достигающимся через высокий уровень задолженности того или иного предприятия пред данным банком, через включение представителей банка в число членов совета директоров промышленного предприятия и т.п.

В свою очередь, крупные монополистические капиталы в промышленности, обладающие значительными ресурсами временно

свободных средств, и заинтересованные в бесперебойном кредитовании своих операций, устанавливают контроль над банками, либо учреждают собственные банки. Такой процесс взаимного проникновения банковского и промышленного капитала и образования промышленно-финансовых групп получил развитие уже в начале XX века. Промыленно-финансовые группы сделались главными игроками на рынке фиктивного капитала, обеспечивая себе возможность извлекать значительные доходы с этого рынка за счет более мелких игроков и вкладчиков.

Таким образом, развитие монополистических тенденций привело к образованию промышленно-банковских капиталистических монополий, в основе которых лежит *финансовый капитал*.

Финансовый капитал – монополистический капитал, образовавшийся благодаря сращиванию промышленного и банковского монополистического капитала, и занимающий ведущие позиции на финансовом рынке. С развитием финансового капитала денежный капитал начинает постепенно получать доминирование над промышленным.

Значительная концентрация капитала привела к тому, что для капиталистических монополий становится неэффективным ведение операций только в масштабе национального рынка. Наряду с концентрацией производства и капитала бурно развивается интернационализация производства и капитала. Рост масштабов внешней торговли обгоняет рост производства. Формируются международные капиталистические монополии, объединяющие монополистический капитал в различных странах.

Образование сверхкрупных капиталов, заинтересованность их в ведении операций в масштабе всего мирового рынка и образование международных монополий ведут к росту операций по трансграничной миграции капитала. Капитал стремится преодолеть национальные торговые барьеры путем развертывания производства в различных странах, за пределами страны первоначального происхождения капитала. Перенакопление капитала в масштабах национального хозяйства заставляет капитал искать прибыльного применения за рубежом, и особую активность в этом проявляют самые мобильные формы капитала – ссудный и фиктивный. В результате в начале XX века экспорт капитала начинает преобладать над экспортом товаров.

Капиталистические отношения, установив свое господство в наиболее промышленно развитых странах, продолжают расширение своего влияния на полукapиталистическую и некапиталистическую периферию, стремясь преобразовать ее в рынки сбыта для своей продукции и превратить ее в сферу капиталистической эксплуатации (а

не только прямого грабежа ресурсов, как в предшествующую колониальную эпоху). Этот процесс развития капиталистических отношений вширь также подталкивает рост масштабов вывоза капитала. Вывоз капитала стимулируется растущим перенакоплением капитала в метрополиях в ходе циклического развития капиталистического производства, усугубляемого возрастающей концентрацией капитала монополиями. Капиталы метрополий, экспортируемые в колонии, используются для получения сверхприбылей путем использования богатых сырьевых ресурсов и эксплуатации дешевой местной рабочей силы, положение которой усугубляется аграрным перенаселением и колониальным режимом, использующим методы внеэкономического принуждения.

Завершение процесса превращения территории Земли в капиталистический мировой рынок сопровождается разделом этого рынка между крупнейшими национальными монополистическими группировками при поддержке своих национальных государств. На некапиталистической периферии этот процесс приобретает форму не только экономического, но и территориального раздела, превращения практически всех относительно отсталых стран в колонии и полуколонии крупнейших капиталистических держав, образования больших колониальных империй, нередко путем кровавых военных захватов. Эта политика получила название *империализма*.

Таковы основные характерные черты *монополистической стадии капитализма* (часто именуемой, по одному из своих характерных признаков, империализмом). Совокупность данных черт достаточно полно проявила себя уже в начале XX века.

Империализм приводит к столкновению интересов крупнейших монополистических группировок и поддерживающих их национальных государств в процессе экономического и территориального раздела мира. Державы, относительно позднее достигшие высокого уровня промышленного развития, оказываются «обделены» и выступают за экономический и территориальный передел мира. Борьба за этот передел приводит с конца XIX века к целому ряду войн, включая как прямую агрессию крупнейших держав в борьбе за передел мира (англо-бурская война, война между США и Испанией, между Японией и Россией, 1-я мировая и отчасти 2-я мировая война), так и участие крупнейших держав в конфликтах «за спиной» более слабых государств (войны в Латинской Америке в конце XIX – первой половине XX вв., Балканские войны в начале XX в.).

Образование колониальных империй дает колониальным метрополиям доступ к дешевым источникам сырья и потенциальным рынкам сбыта своих товаров. За счет прямой эксплуатации природных и людских ресурсов колоний (подчас в форме открытого грабежа

и рабовладения) капиталистические метрополии получают дополнительные возможности накопления капитала. Эти возможности крупный капитал метрополий использует, в том числе, для первых значимых шагов по смягчению классовых антагонизмов внутри наиболее развитых капиталистических держав. Делаются первые шаги по предоставлению наемным работникам некоторых социальных гарантий (развитие сети бесплатных начальных школ, появление первых пенсионных систем, появление систем больничного страхования); среди наемных рабочих выделяется слой наиболее высоко квалифицированных работников, которому обеспечиваются более или менее достойные условия существования («рабочая аристократия»).

До сих пор остается открытым вопрос: можно ли считать «рабочую аристократию» соучастником капитала в деле колониального грабежа? Не создает ли сверхприбыль, которую капитал получает благодаря эксплуатации колоний, и часть которой он может направлять на повышение заработной платы, заинтересованность рабочего класса в колониальной политике капитала? Основания не только для таких вопросов, но и для положительного ответа для них имеются. Другое дело – насколько далеко простирается влияние этих факторов на позицию рабочего класса развитых стран в целом.

На своей монополистической стадии капитализм впервые приходит к образованию такого феномена, как переходные экономические отношения – переходные не от феодализма к капитализму, а от капитализма к новому общественному строю, социализму. К таким отношениям можно отнести все те отношения, которые выходят за рамки свободного конкурентного рынка. Это и монопольные цены, и различные формы частного монополистического (а затем и государственного) регулирования производства и сбыта, и формирование доходов наемных работников, выходящее за пределы заработной платы на основе образуемой конкуренцией цены рабочей силы.

В.И. Ленин называл монополистический капитализм умирающим, а также паразитическим и загнивающим капитализмом. С его точки зрения, наличие переходных отношений (частично отрицающих, «подрывающих» товарный характер капиталистических отношений) уже позволяло считать монополистический капитализм умирающим. О паразитизме и загнивании должны были свидетельствовать такие черты, как развитие слоя рантье, живущих только на доходы от денежного капитала, и не занимающихся ни трудом, ни предпринимательской деятельностью; ограбление природных и людских ресурсов колоний; стремление монополистического капитала к монополизации достижений технического прогресса, ограничению их распространения, и, тем самым, торможению технического про-

гресса; подкуп части рабочего класса капиталом и появление «рабочей аристократии».

Следует заметить, что часть этих черт не является специфической особенностью только монополистического капитализма (стремление к монополии на научно-технические достижения), часть сыграла лишь переходящую историческую роль (колониальная система), а часть не имела столь существенного значения, чтобы возводить ее в ранг определяющей характеристики данной стадии капитализма (формирование слоя рантье). Однако преувеличенная критика паразитизма и загнивания монополистического капитализма В.И. Лениным не отменяет того факта, что некоторые черты паразитизма и загнивания на данной стадии капитализма все же стали проявляться. Что касается «умирающего капитализма», то одного лишь возникновения переходных отношений явно недостаточно для столь далеко идущих выводов (что и было подтверждено исторической практикой).

18.2. Государственно-монополистический капитализм

Развитие силы крупного частного капитала, захватывающего монопольное положение в целом ряде отраслей, приводит к нарастанию внутрикапиталистических противоречий и к росту нестабильности капиталистического хозяйства в целом. Образование капиталистических монополий ведет к ущемлению интересов мелкого и среднего капитала, и даже крупного, если он не занимает монопольного положения. Доминирующие позиции монополистического капитала в конкурентной борьбе, его способность манипулировать рыночными ценами, воздействуя на соотношение спроса и предложения, вытекающие из монопольных позиций возможности злоупотреблять этим положением в ущерб конкурентам – все это ухудшает экономические условия воспроизводства не монополистического капитала.

Способность монополистического капитала манипулировать рыночной ситуацией означает нарастание деформаций в пропорциях воспроизводства, определяемых механизмом свободной конкуренции. Это ослабляет внутренне присущие капитализму возможности приспособления к противоречиям накопления капитала, проявляющиеся через механизм капиталистического цикла. Рыночная ситуация, складывающаяся под действием механизма свободной конкуренции, оказывается искаженной частным монополистическим регулированием рынка, что ведет к искажению и реакции на эту ситуацию. Можно сделать вывод, что при достигнутом высоком уровне обобществления производства его регулирование на основе частной инициативы и частных интересов приходит в противоречие. Рынок

по-прежнему формируется под воздействием обособленных интересов частных капиталистов, хотя уже не является более свободным конкурентным рынком, и механизм конкуренции в условиях доминирования монополистического капитала не в состоянии поддерживать даже то приблизительное рыночное равновесие, какое обеспечивалось ранее.

При таком положении периодические кризисы, свойственные капитализму, приобретают все более разрушительный характер.

В совокупности эти тенденции приводят капиталистическое общество к стремлению ограничить производ частные монополии. Уже в начале XX века начинается борьба за законодательное ограничение злоупотреблений монопольным положением на рынке, за ограничение прямого влияния частных монополий на государственный аппарат, и в первую очередь, против прямой коррупции.

Начинается прямое вмешательство государства в производственную и торговую политику монополий. Первоначально это вмешательство ограничивается только т.н. естественными монополиями.

Естественная монополия – капиталистическая монополия, сформировавшаяся в такой отрасли, где монополия организация производства является заведомо более эффективной, чем конкурентная.

Типичным примером естественной монополии выступает городской водопровод. Экономически абсурдной была бы система нескольких конкурирующих водопроводов, проведенных в каждую квартиру, чтобы потребитель мог выбирать, какой кран ему открыть и чьими услугами воспользоваться.

К естественным монополиям в XX веке полностью или частично можно отнести почту, телефон, телеграф, систему электро- и газоснабжения, железные дороги, водопровод, канализацию и т.п. В ряде стран некоторые из этих отраслей (например, почта, железные дороги) по политическим и военным соображениям находились в руках государства еще до XX века. Что касается других отраслей, то и в XX веке государство отнюдь не всегда шло на их национализацию. Но в любом случае государство прибегало к мерам, препятствующим злоупотреблению монопольным положением этих отраслей. Например, государство могло устанавливать тарифы на железнодорожные перевозки, тарифы на электроэнергию, муниципальные власти могли регулировать тарифы на услуги городского транспорта, водоснабжения и т.д.

Наиболее остро вопрос о государственном регулировании производства, выходящем за пределы вмешательства в дела только естественных монополий, встал во время острейшего экономического

кризиса 1929-1933 гг., получившего на Западе наименование «*Великая Депрессия*».

Теоретическое оформление концепция необходимости вмешательства государства в механизм капиталистического воспроизводства нашла в трудах британского экономиста Дж. Мейнарда Кейнса. Он показал, что при целом ряде условий *экономическая система капитализма в приемлемые сроки неспособна автоматически восстановить нарушенное равновесие пропорций воспроизводства*. И в силу этого вмешательство государства, с целью исправления сложившихся диспропорций и стимулирования экономического роста, становится совершенно необходимым. Помимо того, получила распространение концепция *провалов рынка* (Артур Пигу) согласно которой в ряде сфер деятельности, особенно при производстве т.н. общественных продуктов, частный капитал не в состоянии обеспечить эффективное распределение ресурсов через механизм рыночной конкуренции.

Начиная с 30-х гг. XX века капиталистическое государство накопило богатый арсенал методов воздействия на экономику капитализма, выходящих за рамки традиционных экономических функций государства (выработка и применение хозяйственного законодательства, сбор налогов, составление и расходование государственного бюджета, выпуск национальной денежной единицы, установление таможенных тарифов).

Во-первых, государство в XX веке создало весьма разветвленное законодательство, ограничивающее полную свободу предпринимательства в очень многих сферах. Помимо законов, просто регулирующих определенные общие правила хозяйственной деятельности, на предпринимателей налагается масса запретов и ограничений. Детально регламентируются биржевая и банковская деятельность (обращение резервов, страхование вкладов, ограничения кредитов, выдаваемых одному клиенту и т.п.). В сфере производства определяются обязательные нормы качества продукции по множеству параметров, санитарные нормы, допустимые пределы загрязнения, порядок начисления амортизации оборудования и т.д.

Во-вторых, государство регулирует целый ряд общих экономических параметров. Государство управляет движением денежной массы. Через ставку рефинансирования государственного банка, обязательную норму резервирования, а также через куплю и продажу государственных ценных бумаг регулируется уровень процентных ставок, а отчасти и общие параметры предложения кредитных ресурсов. Налоговая система используется как для регулирования общего уровня налогообложения, так и для предоставления налоговых льгот, имеющих разнообразную направленность.

В-третьих, через государственный бюджет осуществляется распределение прямых инвестиций, предоставляются дотации, субсидии и субвенции. Значительных размеров может достигать рынок государственных закупок. Государство выделяет кредиты, а также обеспечивает льготные условия кредитования через частные коммерческие банки. В области внешней торговли государство путем регулирования таможенных тарифов, установления экспортных тарифов и премий корректирует воздействие международной конкуренции на национальный рынок.

В-четвертых, государство проводит определенную социальную политику, включая политику доходов. Сюда относится установление минимальных ставок заработной платы, применение прогрессивного налогообложения доходов, применение различного рода социальных льгот и гарантий (различные системы социального страхования, пенсионные программы, выплата пособий по безработице, социальные пособия для малоимущих, для получения образования и т.п.).

Установление минимального размера оплаты труда является нерыночной мерой, но в то же время эта мера направлена на поддержание равновесия на рынке рабочей силы. Без государственного контроля за размером минимальной оплаты, в условиях фактического доминирования покупателя (капитала) на рынке рабочей силы, весьма вероятно понижение зарплаты ниже стоимости рабочей силы. Это тем более вероятно, что самые низкооплачиваемые слои рабочего класса, как правило, являются и наименее организованными, наименее способными коллективно противостоять давлению капитала. Величина минимального размера оплаты – это рыночный *норматив*, показывающий, каковы минимальные пределы дохода, позволяющие работнику воспроизводить свою рабочую силу. Учитывая различия в структуре семьи в различных странах, минимальная оплата может составлять примерно от 1,5 до 3 прожиточных минимумов¹.

Наконец, в ряде случаев (особенно при уже упоминавшихся провалах рынка) государство прибегает к прямому (полному или частичному) управлению капиталом, например, диктуя цены и тарифы, квоты производства, и, наконец, *национализируя* те или иные предприятия и целые отрасли хозяйства. В тех случаях, когда находятся способы более эффективного применения капитала в частных руках,

---

¹Учитывая этот факт, легко понять реальное значение политики всех российских администраций, начиная с Ельцина, установивших величину минимальной оплаты труда значительно ниже прожиточного минимума. Так, еще в 2006 году величина минимальной оплаты труда была примерно вчетверо ниже прожиточного минимума. Фактически – это государственная поддержка монополии капитала на рынке рабочей силы, которая продолжалась и в 2010 году, несмотря на некоторое приближение минимальной оплаты труда к прожиточному минимуму.

государство, напротив, может прибегнуть к приватизации государственных предприятий.

Нередко совокупность мер государственного регулирования выстраивается специально для достижения определенных целей. Эти цели и средства стимулирования их достижения сводятся в *государственные программы и планы*. Даже независимо от наличия таких программ одной из распространенных целей государственного регулирования является *антикризисная политика*, основанная на мерах, стимулирующих деловую конъюнктуру во время спада, и охлаждающих ее во время подъема, чтобы сгладить циклические колебания экономики. Другая общепринятая цель государственного регулирования – проведение *антимонопольной политики*.

Фактически капиталистическое государство выступает в экономической системе в нескольких разных ипостасях и эти его ипостаси могут вступать в конфликт между собой. Во-первых, государство взяло на себя функции управляющего общественным капиталом в целом, с тем, чтобы наилучшим образом обеспечить условия (не только экономические, но и социальные, и политические) для воспроизводства общественного капитала. Во-вторых, государство выступает как представитель особой социальной группы – бюрократии – со своими особыми интересами, тесно связанными с интересами господствующего класса (капиталистов). В-третьих, государство с необходимостью выполняет ряд общественных функций, в той или иной мере выступая как выразитель интересов общества в целом на основе социальных компромиссов. В-четвертых, государство выступает как особого рода частный капиталист наряду со всеми прочими.

Развитие государственного вмешательства в систему отношений частнохозяйственного капитализма, покоящегося на свободе предпринимательства и на свободном конкурентном рынке, привело к развитию таких отношений и институтов, которые выходят за пределы собственно капиталистической системы производственных отношений, образуя различного рода *переходные формы*.

18.3. Изменения межклассовых и внутриклассовых отношений при монополистическом капитализме

В ходе развития капитализма на собственной основе произошла заметная эволюция межклассовых отношений. Острое противоборство между двумя основными классами капиталистического общества – пролетариатом и буржуазией – стало дополняться элементами классового компромисса. Этот компромисс между трудом и капиталом получил развитие в первую очередь в странах высокоразвитого

капитализма (в особенности западноевропейского). Его основой стала необходимость обеспечивать для воспроизводства и накопления капитала также и нормальных условий для воспроизводства рабочей силы.

Если на ранних стадиях развития промышленного капитализма, когда происходило его становление и распространение «вширь», капитал нередко извлекал прибыль из давления на цену рабочей силы, уплачивая заработную плату ниже стоимости рабочей силы, то постепенно такой подход стал ставить под угрозу нормальное воспроизводство самого капитала. Распространение машинной техники и ее постоянное усложнение потребовали широкого применения не только низко-, но и высококвалифицированной рабочей силы. Эффективное применение такой рабочей силы оказалось возможным только в том случае, если работник будет освобожден от ежедневного страха перед тем, добудет ли он кусок хлеба для себя и своей семьи, не будет ли он немедленно оставлен без средств к существованию в случае болезни, не будет ли попадание в ряды безработных означать для него необратимый удар судьбы.

Одновременно с этим развивалась организованная борьба рабочего класса за лучшие условия продажи рабочей силы, за более достойные человека условия существования. В совокупности эти две тенденции – лежащие как в эволюции условий самого капиталистического производства, так и в развитии борьбы рабочего класса – привели к улучшению условий существования наемных работников. Это выразилось как в росте реальной заработной платы, так и в развитии первых систем социальных гарантий, связанных с медицинским страхованием, пенсионными системами, введением пособий по безработице, регулированием условий труда, найма и увольнения, в признании прав профсоюзов.

Развитие монополистического капитала придавало этим компромиссам дополнительный импульс – поскольку извлечение монопольных сверхприбылей создавало более широкие возможности для маневра доходами, то именно крупные монополистические объединения легче находили ресурсы для достижения компромисса со своими наемными работниками.

Значительное влияние на положение рабочего класса оказала также политическая борьба пролетариата, особенно выразившаяся в антикапиталистических революциях и в попытках создать на протяжении XX века альтернативную капитализму общественную систему. Именно под непосредственным влиянием революций первой четверти XX века (и в первую очередь – Октябрьской революции 1917 г. в России) страны развитого капитализма перешли к 8-часовому рабочему дню, и стали все активнее применять различного рода социаль-

ные гарантии и льготы. Пример «мировой социалистической системы», активно развивавшей систему всеобщих социальных льгот и гарантий для населения, оказывал непрерывное давление на развитые капиталистические страны.

Однако эти компромиссы между трудом и капиталом происходили, по крайней мере, в первой половине XX века (а отчасти и позднее), на фоне острейшей классовой борьбы пролетариата и буржуазии, в том числе вооруженной, да и не могли быть достигнуты без такой борьбы.

Наряду с изменением межклассовых отношений для капитализма, развивающегося на собственной основе, стали характерны и изменения внутриклассовых отношений. В частности, заметные сдвиги произошли в отношениях внутри капиталистического класса: между капиталистами-собственниками и капиталистами-предпринимателями. Эти изменения получили отражение в концепции «революции управляющих», которая, преувеличивая значение происходящих изменений, представляла дело так, что фактический контроль над капиталистическим процессом производства целиком переходит в руки наемных управляющих, а капиталист-собственник по существу превращается в рантье, стоящего целиком вне процесса производства.

Несомненно, отмеченное Марксом отделение капитала-собственности от капитала-функции получило дальнейшее развитие, но вовсе не в смысле превращения предпринимателя в наемного работника. В крупных капиталистических предприятиях (и особенно в монополистических объединениях) значение капиталистов, непосредственно осуществляющих предпринимательскую деятельность, значительно возросло, но тот факт, что они выступают главным образом в виде наемных управляющих и директоров, не отменяет их фактического статуса как функционирующих капиталистов. Резкий рост масштабов производства и значительное усложнение структуры крупных капиталистических фирм резко усилили роль функций управления, и сделали крайне сложным непосредственный контроль со стороны собственника за всей предпринимательской и управленческой деятельностью. Однако это вовсе не означает, что такой контроль исчез или сделался чисто символическим.

«Частное производство без контроля частной собственности», появление которого было отмечено еще К. Марксом, ознаменовалось переходом частных собственников-капиталистов от непосредственного контроля над производством к контролю над результатами производства. Разумеется, относительная независимость управляющих от собственников в таких условиях существенно возросла. Выстраивание таких отношений между собственниками и управляю-

щими, которые позволили бы собственникам обеспечить свои интересы, превратилось в значительную и весьма сложную проблему (известную в экономической теории под названием проблемы «принципал – агент»).

Социальное положение управляющих также изменилось. Вышние управляющие, особенно в крупных капиталистических предприятиях, и, тем более, в монополистических объединениях, из простых наемных надсмотрщиков за рабочей силой или технических специалистов превратились в действующих капиталистов-предпринимателей. Большинство из них также в той или иной мере стали участвовать в собственности управляемых ими предприятий. С другой стороны, усложнение технологии производства и самой системы экономических отношений привело к росту удельного веса творческих функций в деятельности управляющих. Это означает определенное противоречие между их статусом как функционирующих капиталистов и как работников сложного высококвалифицированного труда с элементами творческой деятельности.

Другой сдвиг в структуре классовых отношений затронул изменение соотношения между удельным весом мелкой и капиталистической буржуазии. Рост монополистического капитала поставил мелкую буржуазию в еще более сложные условия конкурентной борьбы, привел к ее прогрессирующему разорению или к фактическому подчинению крупному капиталу. Однако предсказанного К.Марксом катастрофического падения удельного веса мелкой буржуазии, ставящего ее, как социальный слой, на грань существования, все же не произошло.

Оказалось, что, во-первых, не во всех отраслях хозяйства происходит полная перестройка технологии на основе крупного машинного производства. Во-вторых, даже преобразование производства на основе машинной техники может оставить нишу для мелкого производства (например, путем вычленения из крупной фабрики какой-либо отдельной операции или изготовления отдельных деталей и узлов). Поэтому мелкое производство (и мелкая буржуазия) сохранили возможности для своего воспроизводства (особенно в сфере услуг и в сельском хозяйстве), хотя их удельный вес существенно сузился, а самостоятельность во многих случаях стала фиктивной. Мелкие предприниматели опутаны сетью долговой и технологической зависимости от крупного капитала, который нередко выступает по отношению к мелкому бизнесу одновременно в роли монополии и монополии.

18.4. Поздний капитализм (позднее индустриальное общество)

Устойчивое воспроизведение капиталистической системы производственных отношений на собственной основе в условиях, когда в большинстве отраслей хозяйства возобладало индустриальное производство, не только не означает прекращения технических переворотов в производстве, но, напротив, предполагает такие перевороты. В течение длительного периода времени (на протяжении конца XIX в. и большей части XX в.) подобные технические изменения – часто говорят даже о технических революциях или о смене технологических укладов – в основном не выходили за рамки индустриальных технологий. Тем не менее, их оказалось достаточно, чтобы значительно увеличить производительность труда и заметно повлиять на весь облик капиталистического общества.

Одним из наиболее заметных сдвигов такого рода было развитие *массового производства*. Предпосылкой этого перехода был рост концентрации и специализации производства, приведший к созданию предприятий, способных к выпуску однородной продукции в больших масштабах. Одним из наиболее известных технических решений, способствовавших переходу к массовому производству, было развитие конвейерного принципа сборки готовых изделий.

Массовое производство неизбежно влекло за собой необходимость массового сбыта и *массового потребления*. Созданная техническая возможность обеспечить производство предметов потребления, в том числе технически сложных, в количествах, достаточных для удовлетворения потребностей значительной части населения, упиралась в экономическое ограничение – узкие масштабы платежеспособного спроса со стороны самого крупного класса общества, наемных работников. Одним из первых среди идеологов буржуазии осознал это противоречие Генри Форд, провозгласивший принцип – мои рабочие должны иметь возможность покупать мои автомобили.

Данная проблема решалась с двух сторон. С одной стороны, массовое производство само по себе позволяло понизить уровень издержек производства различных товаров. С другой стороны, совокупность факторов, уже перечисленных в предыдущем параграфе, вела к росту уровня доходов рабочего класса. На этой основе стало складываться *общество массового потребления*.¹ Период его формирования в США относится к середине 20-х – началу 50-х гг., в Западной Европе – к середине 30-х – концу 50-х гг. Его кульминацией являются 60-е гг.

¹ Феномен массового потребления породил социологические концепции «общества потребления» и «массового общества».

XX века. Впоследствии феномен массового потребления никуда не исчез, однако ведущими характеристиками, определяющими облик общества, постепенно становятся другие.

Еще одна характерная черта эпохи государственно-монополистического капитализма, развивающегося на собственной основе – довольно заметная роль государственного сектора в экономике. Эта роль также связана с природой индустриального массового производства в условиях развития монополизма.

Воспроизводство всего общественного капитала при значительной роли крупных монополий оказывается зависимым, во-первых, от естественных монополий общенационального масштаба (железнодорожный транспорт, система производства и распределения электроэнергии, система нефте- и газоснабжения). В такой ситуации государство нередко прибегает к национализации соответствующих отраслей, чтобы гарантированно поддерживать устойчивость экономики в целом, поставить ее вне зависимости от политики частного капитала.

Во-вторых, любое крупное массовое производство, носящее монопольный характер, или приближающееся к таковому – особенно, если от него зависит воспроизводство во всех остальных отраслях – также способно повлиять на устойчивость воспроизводства всего общественного капитала.

В-третьих, концентрация производства в наиболее капиталоемких отраслях приводит к тому, что его масштабы делают затруднительным для частного капитала мобилизацию капиталовложений, необходимых для постоянного поддержания конкурентоспособности данного производства, в особенности на мировом рынке.

Совпадение двух последних условий в ряде отраслей (металлургия, авиационная промышленность, судостроение...) также нередко выступает основанием для национализации. В ряде случаев национализация определяется политическими соображениями (военная промышленность).

Кроме того, к национализации прибегают в случаях т.н. *провалов рынка*. Эти провалы обычно связаны с производством товаров, полностью или частично имеющих свойства общественного блага (для которого характерна невозможность или затрудненность полного частного присвоения как доходов, так и издержек, связанных с внешними эффектами).

Провалы рынка – ситуации, в которых рыночные отношения не обеспечивают адекватной информации об издержках и полезных эффектах через рыночные цены. Одним из частных случаев провалов рынка является производство товаров, характеризующихся наличием *внешних эффектов* (*экстерналий*), – например, производство *общественных благ*.

Общественное благо – товар, к которому неприменимо правило исключения, т.е. доступ к которому не может быть ограничен продавцом, в том числе и для тех потребителей, которые не оплачивали товар. Поэтому для общественных благ характерно наличие *внешних эффектов* (*экстерналий*).

Внешние эффекты (*экстерналии*) – побочные эффекты при производстве и потреблении товара, которые воздействуют на третьих лиц за пределами сделки продавец-покупатель, и (или) которые не учитываются в цене товара.

Экономисты ортодоксально-либерального направления связывают провалы рынка с недостаточным развитием рыночных отношений, что якобы и не позволяет отразить в ценах всю необходимую информацию. Наличие экстерналий эти экономисты объясняют отсутствием рынков внешних эффектов. Получается, что при наличии желания такие рынки организовать – вся проблема снимается. Экономисты неоинституционального направления (в том числе сторонники экономической теории прав собственности) придерживаются схожей позиции, но объясняют отсутствие полноты ценовой информации и отсутствие рынков внешних эффектов тем, что получение такой информации и организация рынков внешних эффектов потребовали бы слишком больших транзакционных издержек (в том числе для спецификации прав собственности на внешние эффекты). Марксистская теория объясняет провалы рынка тем, что рынок не может обеспечить эффективного удовлетворения целого ряда общественных потребностей в силу специфической узости присущих ему критериев эффективности (критерий прибыльности), и способности реагировать только на частные интересы, выраженные в денежной форме. Последний тезис отчасти перекликается с объяснением, даваемым неоинституционалистами (хотя они и не дают ему подобную интерпретацию).

Большая часть социальных услуг имеет в той или иной мере свойства общественного блага, и потому сферы образования, здравоохранения, службы занятости и социальной помощи полностью или частично находятся в государственной собственности, даже в тех государствах, которые прибегают к национализации производственных предприятий в крайне незначительных масштабах.

Наличие крупного государственного сектора делает логичным и значительное присутствие государства на рынке ссудного капитала – участие в собственности коммерческих банков, инвестиционных и страховых компаний, пенсионных фондов и т.п.

В рамках государственного сектора, как и в рамках крупных частных монополистических объединений, получают развитие методы прямого планового управления производством.

Совокупность указанных выше черт характеризует сложившуюся в 50-е – 60-е гг. XX века в развитых капиталистических государствах стадию развития капитализма как *позднее индустриальное общество*¹ (или, более точно, как *поздний капитализм*)².

Для позднего капитализма характерно появление такого феномена, как «государство всеобщего благосостояния». Этот термин не случайно взят в кавычки: на деле о *всеобщем* благосостоянии там не может быть и речи, и более честные исследователи говорят об «обществе двух третей» или «двойственном обществе». Общество двух третей появилось как в силу внутренних тенденций развития капитализма, так и в силу давления внешних обстоятельств. Что же это за общество?

Рост сложности применяемых технологий и квалификации рабочей силы вызвал не только рост доходов наемных работников, но и создал необходимость более высоких гарантий социального благополучия. Рабочее время квалифицированного работника не должно теряться из-за болезней; квалифицированный работник не должен перенапрягаться в стремлении обеспечить свою семью куском хлеба; квалифицированный работник не должен находиться в состоянии психологического дискомфорта, думая о том, как он сможет дать детям образование или обеспечить себя самого в старости – иначе все это скажется на качестве его труда, приведет к неверным решениям, к браку, авариям, простоям и т.д. В эту же сторону развивалось давление на капиталистов организованного рабочего движения – профсоюзов и политических партий.

Одновременно с этим пример развития широких социальных гарантий в странах «мировой системы социализма» вынуждал капиталистов идти на социальный компромисс со своими рабочими, дабы не подвергать угрозе существование самой капиталистической системы.

В результате в развитых странах (Западная Европа, Япония, США, Канада, Австралия, Новая Зеландия) во второй половине XX

¹ Термин не очень удачный, ибо он не выражает специфику этого общества именно как определенной стадии развития капитализма. Однако он указывает на один из действительно характерных признаков этой стадии, и может быть принят как уже устоявшийся термин (если не забывать скрывающегося за ним реального содержания).

² Термин принадлежит бельгийскому марксисту Эрнесту Манделю. (См.: Ernest Mandel. Der Spätkapitalismus. Suhrkamp Verlag, 1972. Английское издание: Late Capitalism. L.: Verso Publishers, 1978).

века сложилось общество, примерно двум третям населения которого обеспечивался довольно приличный уровень доходов и социальных гарантий. Что касается остальной трети, оказавшейся недостаточно обеспеченной, то социальное недовольство с этой стороны блокировалось различными программами социальной помощи («война с бедностью») вкуче с репрессивными мерами (вплоть до прямого государственного террора) и технологиями политического манипулирования.

Поиски наиболее эффективных методов использования трудового потенциала наемных работников, как и стремление к устойчивому социальному компромиссу привели к созданию – в весьма ограниченных масштабах – таких социальных и экономических механизмов, которые позволяли для небольшой части рабочего класса несколько выйти за рамки статуса наемных работников.

Целый ряд капиталистических фирм перешли к применению различных экспериментальных методов «гуманизации труда»¹, участия работников в капитале и доходах фирмы, привлечения рядовых работников к управлению производством. Однако не следует преувеличивать степень распространения подобных новых черт отношений между капиталистами и наемными рабочими – они применялись лишь в сфере высококвалифицированного промышленного и инженерно-конструкторского труда, да и то в качестве редких экспериментов. И даже наличие таких новых черт не меняет факта фундаментального противостояния владельцев капитала и продавцов своей рабочей силы.

Наряду с этим в небольших масштабах в развитых капиталистических странах формировались предприятия некапиталистического типа (главным образом, кооперативы), принадлежащие занятым на них работникам, и управляемые ими. На этих предприятиях основное капиталистическое отношение действительно устраняется, но только внутри предприятия. И даже на отношения внутри предприятия существенное влияние оказывают господствующие в обществе капиталистические отношения.

Диффузия собственности, значение которой чрезвычайно преувеличивалось идеологами «народного капитализма», тем не менее, является фактом послевоенного развития капитализма в наиболее развитых странах. За послевоенный период численность населения (в том числе и наемных работников), имеющих хотя бы небольшую собственность на капитал – в форме акций, облигаций, паев в инве-

¹ Методы, снижающие степень монотонности труда, смягчающие его расщепление на частичные операции и расширяющие его творческие функции (например, переход от конвейерной сборки к модульной).

стиционных фондах, накоплений в пенсионных и страховых фондах и т.п. – значительно выросла. Удельный вес населения с мелкой и мельчайшей собственностью на капитальные активы достиг весьма заметных величин. Однако при этом мелкие держатели акций, паев и т.п. (из числа наемных работников) владеют совершенно ничтожной долей совокупного общественного капитала, а их роль в управлении этим капиталом практически равна нулю.

В результате развития «общества двух третей» в наиболее развитых странах некоторые категории наемных работников даже стали получать доход сверх цены рабочей силы. Главным образом это относится к тем работникам, которые непосредственно обслуживают процесс самовозрастания капитала – управляющим и специалистам. В первую очередь, наиболее высокая оплата предоставляется тем управляющим и специалистам, которые заняты в сфере финансового рынка (сфера непосредственного «делания денег»), однако это касается и занятых в торговле, производстве, исследованиях и разработках, средствах массовой информации, в массовой культуре. В какой-то мере повышенная оплата затрагивает в наиболее развитых капиталистических странах вообще весь слой высококвалифицированных работников.

Вопрос об источнике этой повышенной оплаты пока остается недостаточно ясным. Существует несколько вариантов ответа на этот вопрос. Дополнительная оплата сверх стоимости рабочей силы может иметь своим источником коллективный вычет из прибавочной стоимости. Другой вариант – вычет из необходимого продукта наиболее низкооплачиваемых слоев населения (которые тем самым оплачиваются ниже стоимости рабочей силы). Еще один вариант – получение средств на повышенную оплату наиболее квалифицированной части наемных работников за счет неэквивалентного обмена со странами «третьего мира». Возможно, что действует некая комбинация всех этих факторов, причем различная для разных слоев высокооплачиваемых работников.

Развитие «общества массового потребления», «общества двух третей» – вполне объективные тенденции, свойственные позднему капитализму. Их наличие ведет к социальным последствиям такого рода, которые заставляют пересмотреть некоторые выводы классического марксизма.

Выше уже упоминалось, что концепция «абсолютного обнищания пролетариата» была сформулирована К.Марксом на материале очень узкого исторического отрезка развития капитализма, и абсолютизировала тенденции, свойственные только этому отрезку. Наличие тенденции к абсолютному обнищанию пролетариата – факт капиталистической действительности, но эта тенденция не носит все-

общего характера и не является исторической доминантой развития капитализма. Реальности позднего капитализма подтвердили это совершенно недвусмысленно, и любые попытки настаивать на догматическом прочтении К.Маркса ведут только в тупик самообмана. В то же время тенденция к абсолютному обнищанию имеет широкое распространение в развивающихся странах, время от времени проявляясь и в странах развитого капитализма.

Точно также поздний капитализм заставляет по иному взглянуть на концепцию «исторической миссии рабочего класса». Исторически достоверным выглядит тот факт, что рабочий класс наиболее развитых капиталистических государств давно уже не рвется исполнять никакой «исторической миссии». И это требует пересмотра взглядов на вопрос о движущих силах социальной революции, выводящей историю за пределы капиталистического общества (подробнее этот вопрос будет поднят в следующей главе).

18.5. Крах колониальной системы

На период позднего капитализма приходится распад колониальной системы империализма. За 50-е – 60-е гг. XX века большинство бывших колониальных стран получило политическую независимость, а к началу 80-х гг. сохранились лишь маленькие лоскутки бывших колониальных империй. Причины распада колониальной системы коренятся в эволюции экономического и политического развития метрополий и колоний, повлиявшей на характер отношений между ними, а также в соперничестве двух мировых систем.

Испанская колониальная империя рухнула в основном еще в первой трети XIX века в результате борьбы народов Латинской Америки за независимость. Тогда же получила независимость крупнейшая португальская колония Бразилия. Эти колонии относились к странам, где заметную роль играл т.н. *переселенческий капитализм*¹ (капитализм, базирующийся на массовом переселении людей из метрополий). Искусственное торможение метрополиями капиталистического развития в этих странах (подобно тому, как это наблюдалось несколькими десятилетиями раньше в Северной Америке и привело к провозглашению независимости США) привело к росту освободительного движения, слившегося с антифеодалным и антирабовладельче-

¹ К типичным странам переселенческого капитализма относятся США, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Значительную роль переселенческий капитализм сыграл, помимо Латинской Америки, в ЮАР и Израиле. Страны переселенческого капитализма относительно раньше завоевали политическую независимость или добились смягчения политического контроля со стороны метрополии (переход Канады в 1867 г., Австралии в 1901 г., Новой Зеландии в 1907 г. и Южно-Африканского Союза в 1910 г. на положение доминионов).

ским движением низов. Испания и Португалия оказались не в состоянии подавить массовые вооруженные восстания. Однако антифеодалные цели освободительного движения на том этапе не были полностью реализованы, что привело к торможению экономического и политического развития стран Латинской Америки.

В период позднего капитализма объективная экономическая заинтересованность капитала метрополий в колониях снизилась. Основные международные потоки капитала, источником которых являются главным образом развитые страны, переориентировались с экспорта капитала в колониальную, в основном добывающую или сырьевую промышленность, на вывоз капитала в сами развитые страны. Значение дешевых источников сырья как основы получения сверхприбыли относительно упало по сравнению с вложениями в передовое высокотехнологичное производство.

Развитие во многих колониях значимого или хотя бы заметного капиталистического уклада, формирование в них национальной буржуазии, общий рост уровня экономического развития и культурного уровня населения создали дополнительные факторы конфликта экономических и политических интересов метрополий и колоний. Обострение борьбы колониальных народов за свою независимость стало вести к росту экономических и политических издержек прямой колониальной эксплуатации.

Относительная экономическая и политическая слабость колониальных обществ компенсировалась в глазах их национальных элит возможностью использовать методы ускоренной модернизации, опробованные на бывших отсталых территориях Российской империи, опираясь на политический и экономический опыт и авторитет «мировой системы социализма». В ряде случаев (особенно при демонстрации открытой идеологической приверженности социализму) антиколониальные движения могли опереться на прямую или косвенную экономическую, политическую и военную поддержку «мировой системы социализма».

Наконец, существование колониальной системы порождало значительные противоречия интересов в лагере развитых капиталистических государств. США, Германия и Япония, не обладавшие колониальными империями (Германия после первой, и Япония после второй мировой войны были лишены колоний, а колониальные владения США были невелики), были заинтересованы в беспрепятственном доступе своего национального капитала на колониальные территории других держав. Это побуждало их к поддержке на международной арене идеи национальной независимости колоний.

Совокупность этих факторов привела к исторически быстрому краху колониальной системы. В некоторых случаях предоставление колониям независимости происходило даже без значительного обострения антиколониальной борьбы. Однако нередко обретению независимости предшествовала длительная кровопролитная вооруженная борьба (Алжир, Вьетнам, Малайзия, Индонезия, Ангола, Мозамбик, Северная Родезия – ныне Зимбабве...). Развитые страны регулярно вели кровопролитные колониальные войны еще с первой трети XIX века. В этих колониальных войнах и в ходе борьбы за независимость колоний от рук колонизаторов погибли многие миллионы людей.

Приобретение политической независимости в большинстве случаев не означало автоматического достижения экономической независимости бывшей колонии от метрополии. Политика колониальной эксплуатации сменилась политикой *неоколониализма*. Неоколониализм основывался на использовании бывшими метрополиями и другими развитыми капиталистическими государствами своих экономических и политических преимуществ для навязывания бывшим колониям неравноправных торгово-экономических отношений.

Политика неоколониализма проводилась, во-первых, путем прямой политической и военной поддержки марионеточных режимов (богатый опыт такого рода еще в XIX веке приобрели США, проводя в Латинской Америке т.н. «дипломатию канонерок» – прямое и косвенное военное давление на правящие элиты, вплоть до организации военных переворотов, с целью установления угодных для себя режимов).

Во-вторых, этому способствовала экономическая отсталость стран, освободившихся от колониальной зависимости, и сформировавшиеся в колониальный период диспропорции в развитии экономики. Наиболее современные отрасли хозяйства в бывших колониях принадлежали монополистическим группировкам бывших метрополий, и зависели от них в технологическом и кадровом отношении. Экономика постколониальных стран носила ярко выраженный сырьевой характер, нередко приобретая черты *монокультуры* – глубокой специализации на экспорте какого-либо одного продукта сельского хозяйства или добывающей промышленности (до 80-90% экспорта). Во многих освободившихся странах местное отсталое сельское хозяйство понесло значительный ущерб от международной конкуренции, в результате чего эти страны попали в зависимость от продовольственной помощи более развитых государств.

Постколониальное экономическое развитие освободившихся стран столкнулось со значительными трудностями. Произошло постепенное втягивание освободившихся государств в мировой капи-

талистический рынок, уже не стесняемое теми барьерами, которые создавало прямое колониальное господство. Однако бывшие колониальные страны вступили в конкуренцию на мировом рынке с заведомо более слабыми позициями (выражением чего и явился неокOLONИализм). Произошло четкое разделение мирового капиталистического хозяйства на развитый «центр» («ядро») и слаборазвитую «периферию». Обозначение освободившихся от колониальной зависимости стран как «развивающихся» есть лишь стыдливое прикрытие факта их слаборазвитости по сравнению со странами, прошедшими промышленный переворот в XIX – начале XX вв.

Сравнительно краткий исторический период (50-е – 80-е гг. XX века) «развивающиеся страны» могли использовать противоречия двух мировых систем, балансируя между ними, чтобы добиться для себя тех или иных преимуществ. Именно в этот период сложилось деление мировой экономики на «первый» (развитые капиталистические государства), «второй» (социалистические государства) и «третий» (развивающиеся страны) мир. Однако объективные экономические условия международного рынка (в первую очередь, преобладающая экономическая мощь развитых капиталистических государств) определили втягивание почти всех стран «третьего» мира в орбиту именно мирового капиталистического хозяйства.

В странах «третьего» мира, после освобождения от колониальной зависимости и втягивания в мировой рынок, ускорилось развитие капиталистического уклада хозяйства. Однако капиталистическая система, формирующаяся на слаборазвитой периферии, отличалась от той хозяйственной модели, которая сложилась в развитых странах ядра мирового капиталистического хозяйства, – и не только по уровню развития. В странах «третьего» мира сложилась модель *зависимого периферийного капитализма*.¹

Особенности модели периферийного капитализма определяются тем фундаментальным фактом, что для стран «третьего мира» развитие капитализма вырастает не только из внутренних закономерностей и противоречий экономического строя этих стран, но и определяется господствующими в мировом хозяйстве капиталистическими отношениями. Таким образом, для этих стран капиталистическое развитие является во многом (а для наиболее отсталых – и во всем) навязанным внешними условиями. В результате для периферийного капитализма оказались характерны следующие черты:

---

¹ Одним из основоположников концепции периферийного капитализма является аргентинский экономист Рауль Пребиш.

- Ориентация капиталистического уклада в первую очередь на внешний рынок и его относительно более слабая связь с внутренним, национальным рынком, что обычно дополняется контролем международных монополистических корпораций над наиболее современными секторами экономики, ориентированными на внешний рынок;

- Отсутствие достаточной органической связи роста капиталистического уклада с хозяйственным развитием докапиталистических укладов и их пережитков, и, как следствие, разрушающее воздействие развития капитализма на хозяйство, ведущееся в рамках докапиталистических укладов;

- Наличие значительных пережитков докапиталистических укладов, ранее приспособившихся колонизаторами для прямой эксплуатации колоний, и принявших в силу этого уродливый, деформированный облик (особенно в сфере социально-политических отношений – например, искусственное раздувание трайбализма¹);

- «Имитационная», по отношению к развитым странам, модель поведения капиталистической элиты стран «третьего» мира, выражающаяся, прежде всего, в ориентации на уровень потребления, свойственный наиболее расточительным слоям капиталистической элиты развитых стран;

- Снижение капиталистами стран «третьего» мира внутренней нормы накопления капитала в погоне за собственным гипертрофированным потреблением (что ведет к падению темпов экономического роста), и оказание ими сильного давления на цену рабочей силы в сторону ее понижения (что ведет к консервации нищеты и экономической отсталости);

- Низкая конкурентоспособность большей части экономики стран «третьего мира» ведет, во-первых, к значительным масштабам «теневой экономики» с целью избавления от издержек ведения хозяйства по формальным правилам (в первую очередь, от налогов); и, во-вторых, к высокому уровню коррупции для получения экономических преимуществ при содействии государственных чиновников.

Уязвимое положение стран «третьего» мира в системе международной капиталистической конкуренции привело к возникновению многочисленных концепций сверхэксплуатации «третьего» мира со стороны более развитых стран (что нередко интерпретируется как эксплуатация мирового «Юга» мировым «Севером»). Достаточно

---

¹ Трайбализм – система противопоставления друг другу различных родоплеменных групп, основанная на соперничестве родоплеменных верхушек.

очевидно, что прямая и неприкрытая эксплуатация в отношениях между развитыми и менее развитыми странами является скорее исключением. Однако сам факт разницы в уровнях экономического развития, а, следовательно, и разницы в издержках производства, создает условия, при которых развитые страны получают выигрыш в обмене на мировом рынке. Кроме того, объективно более сильные позиции развитых стран позволяют им злоупотреблять своим положением на мировом рынке, навязывая выгодные им «правила игры».

Одной из составляющих концепции сверхэксплуатации «третьего» мира является тезис о соучастии рабочего класса «Севера» в эксплуатации стран «Юга». В такой общей форме этот тезис вряд ли является правомерным, однако нельзя отрицать заинтересованность некоторых прослоек рабочего класса в выгодах, приносимых политикой неокOLONиализма (как и раньше – колониальной политикой).

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Каковы причины образования капиталистических монополий?
2. Почему монополия может влиять на рыночные цены?
3. Каков источник монопольной сверхприбыли?
4. Почему происходит сращивание верхушки монополий и капиталистического государства?
5. Какие изменения в производственные отношения капитализма приходят с формированием государственно-монополистического капитализма?
6. Как меняются экономические функции государства с формированием государственно-монополистического капитализма?
7. Что такое «общество массового потребления», «общество всеобщего благосостояния», «общество двух третей»?
8. Что такое «позднее индустриальное общество» и «поздний капитализм»?
9. В чем причины эволюции форм экономического и политического раздела мира между ведущими центрами силы капиталистического мира?
10. Как изменились отношения «центра» мировой капиталистической системы и ее «периферии» после краха колониальной системы?
11. При каких условиях формируется модель периферийного капитализма?

Литература для самостоятельного изучения:

Работы виднейших марксистских теоретиков начала XX века по проблемам империализма (монополистического капитализма):

- Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 27. Последнее издание - М.: URSS, 2010.
- Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М.: URSS, 2011.
- Karl Kautsky. Ultra-imperialism // Die Neue Zeit, September 1914. <http://www.marxists.org/archive/kautsky/1914/09/ultra-imp.htm>
- Бухарин Н.И. Мировое хозяйство и империализм (экономический очерк). // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

- Люксембург Р. Накопление капитала. Том I и II. Перевод под редакцией Ш. Дволайцкого. С предисловием В. Мотылева. Издание пятое. Государственное социально-экономическое издательство. Москва–Ленинград: 1934.

- <http://trst.narod.ru/ri/00.htm>

- <http://trst.narod.ru/ri/ri.pdf>

В следующей работе развивается тезис о современном капитализме как о «позднем капитализме»:

- Ernest Mandel. Der Spätkapitalismus. Suhrkamp Verlag, 1972. Английское издание: Late Capitalism. L.: Verso Publishers, 1978.

В работе Артура Пигу вводится понятие «провалов рынка» и так называемых внешних эффектов (экстерналий):

- Пигу А. Экономическая теория благосостояния: В 2 т. М.: Прогресс, 1985 (провалы рынка и экстерналии)

Следующие три работы посвящены концепциям массового общества, взаимоотношениям массы и правящих классов:

- Миллс Р., Властвующая элита, перевод с английского, М., 1959
- Хевеши М.А. Массовое общество в XX веке // Социологические исследования. 2001. № 7.

- <http://www.ecsocman.edu.ru/data/290/582/1217/002Heveshi.pdf>

- Хевеши М. А. Толпа, массы, политика. — М.: Издательство Института философии, 2001.

- <http://www.gumer.info/bogoslov/Buks/Philos/Hevesh/index.php>

Автором этой книги констатируются утрата человеком какого-либо контроля над общественными процессами, рост незащищенности человека перед лицом чуждых ему социальных сил, и тенденция к отказу от борьбы против них:

- Зигмунт Бауман. Индивидуализированное общество. / Пер. с англ. Под ред. В.Л.Иноземцева. М.: Логос, 2002.

Одна из основополагающих работ, анализирующих причины отсталости колониальных и постколониальных стран:

- Г. Мюрдаль. Мировая экономика. Проблемы и перспективы. Русск. перевод: М., 1958.

Далее следует целый ряд работ теоретиков мир-системного анализа, исследующих взаимодействие экономических и общественных систем с разными уровнями развития, «центра» и «периферии» мирового хозяйства:

- Арриги, Джованни. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2007.

- <http://www.prognosis.ru/lib/Arrighi.Pdf>

- Арриги, Джованни. Адам Смит в Пекине. Что получил в наследство XXI век. М.: Институт общественного проектирования, 2009.

- Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П. М. Кудюкина под общей ред.

Б. Ю. Кагарлицкого. — СПб.: Университетская книга, 2001. — 416 с.

- Валлерстайн И. После либерализма / Пер. с англ. М. М. Гурвица, П. М. Кудюкина, Л. В. Феденко под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. — М.: URSS, 2003. — 256 с.
- Samir Amin. The Dynamics of Global Crisis, with G. Arrighi, A.G. Frank and I. Wallerstein, 1982.
- Samir Amin. L'impérialisme et le développement inégal, 1976.
- Samir Amin. Obsolescent Capitalism, 2003.
- Самир Амин. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира / Пер. с англ. Ш. Нагиба, С. Кастальского. — М.: Издательство «Европа», 2007. <http://folderlinks.ru/knigi/samir-amin-virus-liberalizma-permanentnava-voina-i-amerikanizatsiva-mira.html>
- Frank A.G. Critique and Anti-Critique, 1984.
- Frank A.G. Capitalism and Underdevelopment in Latin America, New York, Monthly Review Press, 1967.

Следующие две работы посвящены проблематике периферийного капитализма:

- Рауль Пребиш. Периферийный капитализм: Есть ли ему альтернатива? М., 1992. (Сокращ. русск. перевод книги: Периферийный капитализм: Кризис и трансформация. 1981).
- Кардозо Ф. Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М.: Российская Академия наук (РАН), ИЛА РАН (Институт Латинской Америки РАН). 2002.

В следующей работе дается обзор теоретических концепций, трактующих проблемы экономического развития, «догоняющего» развития и причины недоразвитости:

- Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М.: ИНФРА-М, 2001.

Глава 19

Начало процесса разложения капитализма

На стадии позднего капитализма (позднего индустриального общества) капиталистический способ производства развернул заложенные в нем возможности и добился значительных успехов в экономическом развитии. В то же время это означало и развертывание заложенных в нем противоречий, которые нередко получали весьма острые формы выражения, сопровождающиеся, в том числе, и многочисленными человеческими жертвами (войны, голод в слаборазвитых странах, развитие наркомании и т.д.). Технический, экономический и социальный прогресс капитализма на его индустриальной стадии, наталкиваясь на создаваемые им самим противоречия и препятствия, создал предпосылки для появления новых тенденций, выходящих за рамки индустриального капитализма.

19.1. Развитие постиндустриальных тенденций

Уже в конце 50-х гг. XX в. появились первые тенденции, свидетельствующие об изменении роли и значения индустриального производства, выступавшего ранее как адекватная материально-техническая основа капитализма. На протяжении 60-х – 70-х гг. эти тенденции становились все более очевидными, а к концу XX века масштаб видимых изменений, казалось, сделал возможным говорить уже не только о тенденциях, но и о сложившемся новом состоянии капиталистического общества. Каковы же наиболее характерные признаки этого явления, получившего название *постиндустриальное общество*?

Самыми бросающимися в глаза изменениями, начало которых прослеживается еще в 50-х гг., являются изменения в отраслевой структуре производства. Для стадии индустриального капитализма было свойственно снижение удельного веса сельского хозяйства и добывающих отраслей, при росте удельного веса обрабатывающей промышленности. Поздний индустриальный капитализм является временем зарождения постиндустриальных тенденций. Эти тенденции наиболее заметно проявили себя позднее: в 70-е – 90-е гг. XX в. снижение удельного веса сельского хозяйства и добывающих отраслей продолжалось, хотя и с затухающей интенсивностью, но вместе с тем стало происходить снижение удельного веса промышленности в целом (в том числе и обрабатывающей, а не только добывающей) за счет значительного роста удельного веса сферы услуг.

Так, за 1970 – 1990 гг. доля занятых в обрабатывающей промышленности сократилась в США с 25,9 до 17,5%, в Великобритании с 38,7 до 22,5%, во Франции с 27,7 до 21,3%, в Германии с 38,6 до 32,2%. Доля занятости в сфере услуг в 1991 г. составила в США 75,1% совокупной рабочей силы, в Японии в 1990 г. – 64,2%, во Франции в 1989 г. – 69,4%, в Великобритании в 1990 г. – 70,4%¹. В следующие два десятилетия эта тенденция продолжилась, но с явно затухающим темпом. Так, в 2007 году в США доля занятых в обрабатывающей промышленности составила 17,2%, а доля занятых в сфере услуг – 78,1%².

¹ См.: Кастельс М. Информационная эпоха. М.: ГУ ВШЭ, 2000, с. 206, 284-289.

² Источники: http://factfinder.census.gov/servlet/IBOTable?_bm=v&-geo_id=&-ds_name=EC0700CADV1&-lang=en;
http://factfinder.census.gov/servlet/IBOTable?_bm=v&-ds_name=EC0755A1&-lang=en;
http://www2.census.gov/econ/subs/data/2007/us_state_totals_2007.xls; Расчеты автора.

В рамках самой сферы услуг также происходили структурные сдвиги. Рост, если так можно выразиться, традиционных отраслей сферы услуг (транспорт, бытовые услуги, торговля...) происходил медленнее, чем рост современных отраслей, связанных с научно-техническим прогрессом, в первую очередь, отраслей информатики и телекоммуникаций. Весьма быстрыми темпами росли сектора сферы услуг, связанные с обслуживанием бизнеса – услуги финансового рынка, банковское и страховое дело, аудит и консалтинг, а также отрасли «массовой культуры».

Сектор информатики и телекоммуникаций приобрел особое значение в связи с тем, что это не только быстрорастущий сектор сферы услуг, но и сектор, оказавший влияние на развитие всех остальных отраслей хозяйства. Значение хранения, передачи и обработки информации особенно выросло с распространением персональных компьютеров, которые теперь применяются в любых сферах деятельности. Многие традиционные технологические процессы были скорректированы с учетом возможности применить компьютеры для обработки информации, существенной для данных технологических процессов. Растущая роль информатики получила отражение в концепциях «информационной революции», и в том, что современное общество стали именовать информационным обществом.

Весьма спорным является вопрос, является ли существующая статистика отраслевой структуры производства реальным отражением действительных сдвигов в отраслевой структуре. Например, с точки зрения марксистского подхода грузовой транспорт относится к сфере материального производства, а не к сфере услуг. Значительные сомнения вызывает методика подсчета стоимости услуг на финансовом рынке. Раздувание объема спекулятивных операций ведет, согласно принятым правилам учета, и к росту ВВП, создаваемого финансовым рынком. Однако с точки зрения марксистского метода эти операции вообще не являются производительными. Кроме того, во многих отраслях сферы услуг значителен удельный вес процессов, относящихся к сфере материального производства – например, фасовка и упаковка товаров в торговле, приготовление пищи в общественном питании, изготовление предметов потребления (одежды, обуви, мебели...) по индивидуальным заказам, ремонт предметов длительного пользования и т.п.

Существует возражение, что более существенное значение имеет, напротив, проникновение информационных услуг в сферу материального производства. Приводятся данные, что до 70-80% (и даже более) стоимости производимых в некоторых отраслях товаров приходится на стоимость информационных услуг. Однако фиксация и переработка информации всегда являлись неотъемлемой составной частью технологии материального производства и прямого отношения к информатике как к особой отрасли сферы услуг не имеют. Это то же самое, как если бы мы отнесли наибольшую часть сферы услуг к сфере материального производства на том основании, что услуги

предоставляются при помощи вполне материальных предметов – зданий, оборудования и т.п.

Другой, несколько сложнее фиксируемый сдвиг, характеризующий постиндустриальное общество, – изменения в технологии производства. Происходит рост удельного веса постмашинных технологий, а в рамках самих машинных технологий снижается роль механической обработки. Эти изменения затрагивают главным образом две группы отраслей – отрасли материального производства и отрасли информатики и телекоммуникаций. Однако достаточно сложно сделать вывод о значительном росте удельного веса постиндустриальных технологий. Ведь рост удельного веса сферы услуг связан и с ростом значения применяющихся там доиндустриальных и индустриальных технологий. Технологии, применяющиеся на транспорте, в складском хозяйстве, торговле, общественном питании, гостиничном обслуживании, ремонте, – по преимуществу индустриальные или доиндустриальные.

Таким образом, *изменения в отраслевой и в технологической структуре современного производства не совпадают*. Если удельный вес промышленности как отрасли действительно существенно сократился, то сокращение удельного веса промышленных (и даже допромышленных) технологий, если и происходит, то значительно медленнее. Поэтому в определенном смысле именовать современное общество «обществом услуг» более точно, чем называть его «постиндустриальным обществом».

Наиболее фундаментальные сдвиги, позволяющие говорить о действительных постиндустриальных тенденциях в современном капитализме, связаны с изменениями в характере труда и его продукта.

Во второй половине XX века значительно возрастает роль высококвалифицированного труда, растет слой специалистов и профессионалов, деятельность которых включает значительную долю творческих функций. Рост значения исследований и разработок превращает эту сферу деятельности в особую отрасль хозяйства. Роль знаний и информации в производстве усиливается, а вместе с этим возрастает значение специалистов, обладающих этими знаниями и способностями генерировать новые знания, применяемые в производстве (инновации). Соответственно растет и роль системы образования, подготавливающей таких специалистов. Вводятся в оборот термины «экономика знаний», «знание-интенсивное производство», «инновационная экономика».

Вместе с изменением содержания труда происходят сдвиги и в мотивации труда. Для специалистов и профессионалов все большее значение среди мотивов трудовой деятельности приобретают такие,

как удовлетворенность трудом, возможность самореализации и саморазвития в труде, наличие благоприятных отношений в коллективе и т.п. Следует заметить, что эти сдвиги в мотивации труда, нередко отодвигающие мотив величины заработка на второй план, становятся реальными *только* при достижении определенного, довольно высокого уровня величины и устойчивости денежных доходов.

Рост значения знаний и обучения специалистов, и значительного роста расходов на эти цели, нашел отражение в разработке доктрины «человеческого капитала», представляющей знания и способности человека, а также денежные расходы на приобретение знаний как разновидность капитала. Эта доктрина игнорирует фундаментальные различия между человеческими способностями и капиталом (в первую очередь различие между капиталом, как внешним ресурсом, применяемым человеком, и человеческими способностями, как свойством самого человека) – даже если трактовать последний в духе неоклассической теории, как денежную сумму, ассигнованную для получения добавочного дохода.

Рост значения знаний и информации приводит к широкому распространению *информационных продуктов*, природа которых имеет существенные отличия от обычных товаров.

Во-первых, в отличие от вещественных продуктов и от услуг, информационный продукт не является воспроизводимым. Он уникален.

Во-вторых, для поставки информационных продуктов большому числу потребителей нет необходимости (да это и невозможно) производить знание, лежащее в основе этого продукта, каждый раз заново. Информационный продукт, будучи раз произведен, не воспроизводится, он тиражируется, причем, чем больше спрос на данный продукт, тем быстрее издержки тиражирования одной копии стремятся к нулю.

В-третьих, в потреблении информационный продукт (и знание, лежащее в его основе), в отличие от вещей и услуг, не исчезает в потреблении, и может использоваться вновь и вновь, до бесконечности.

В-четвертых, информационный продукт, будучи продан, не отчуждается от его владельца, а по-прежнему остается в его распоряжении. Отчуждается только копия (вместе с ее материальным носителем; либо материальный носитель производится потребителем информационного продукта).

В-пятых, доступ к знаниям и информации лимитируется не столько ограниченностью этих ресурсов, сколько способностью потребителя воспользоваться ими.

Сумма этих отличий делает неприменимыми к информационному продукту классические представления о стоимости товара и о закономерностях его движения на рынке. Хотя движение информа-

ционных продуктов при капитализме подчинено господствующей форме производственных отношений, – товарной, – множество явлений, сопутствующих обращению знаний и информации, выходит за рамки товарных и капиталистических отношений. Например, существует значительный сегмент бесплатно предоставляемых знаний и информации, а заметная часть информационных продуктов производится без расчета на последующую продажу и вознаграждение. Это, наряду с особыми свойствами информационного продукта, – одно из свидетельств тормозящего воздействия частной собственности на производство знаний и информации.

В совокупности изменения в технологии производства, в содержании труда и уровне доходов, в связанном с ними изменении модели потребностей ведут к относительному снижению значения массового производства и возрастанию роли мелкосерийного и индивидуального производства. Само сохраняющееся массовое производство стремится придать своему продукту индивидуализированные черты. Оставаясь обществом массового потребления, постиндустриальное общество характеризуется значительно более сложной структурой потребностей заметной части населения и развитием его стремления к индивидуальному разнообразию.

Снижение роли массового производства, а также сокращение удельного веса промышленных отраслей ведут к ослаблению воздействия массового промышленного производства на процесс воспроизводства всего общественного капитала. Вместе с появлением огромных международных монополистических группировок (*транснациональных корпораций* – ТНК) снижается острота проблем развития производств с высокой капиталоемкостью. Все это в совокупности позволяет государству отказаться от прямого контроля над крупными ключевыми предприятиями и даже отдельными отраслями производства. Происходит сжатие объема государственного сектора за счет приватизации части государственных предприятий (хотя речи о ликвидации государственного сектора вовсе не идет).

Сокращение государственного сектора не снижает, однако, масштабов вмешательства государства в экономику. На протяжении всего XX века происходит постоянный рост удельного веса государственных расходов в ВВП развитых капиталистических государств (и лишь в начале XXI века кое-где произошло их незначительное сокращение). Этот рост происходит за счет роста расходов государства на науку, образование, здравоохранение, социальное обеспечение и социальную помощь, а также на военные цели. Происходит усложнение и возрастание многообразия форм и методов прямого и косвенного государственного регулирования экономики. Развивается общественное регулирование экономики при участии таких организа-

ций, как профсоюзы, объединения потребителей, экологические организации и т.д.

Возрастание в системе современного капитализма значения высококвалифицированного, творческого руда, ведет не только к росту удельного веса специалистов и профессионалов, но и к усилению их роли в производстве. Этот слой работников приобретает растущее влияние, и от их деятельности во все большей мере зависит эффективность самовозрастания капитала. Такие работники обладают значительной самостоятельностью в трудовом процессе, поскольку сам характер их деятельности исключает возможность прямого контроля капитала над производственным процессом, в противоположность контролю, обеспечиваемому подчинением работника системе машин на капиталистической фабрике. Это вынуждает капитал искать иные пути влияния на творческих работников, – скорее на пути компромисса, нежели прямого диктата.

Формы этого компромисса разнообразны – начиная от банального «подкупа», путем установления относительно высоких ставок заработной платы, и заканчивая привязкой квалифицированных работников к интересам капитала путем предоставления им небольших пакетов акций, привлечения их в различных формах к выработке управленческих решений, применения различных методов «гуманизации труда», поощрения и содействия профессиональной мобильности и т.п. Этот компромисс в настоящее время в общем устраивает большинство специалистов и профессионалов, многие из которых, чувствуя свое подчиненное (по отношению к собственникам капитала) положение, стремятся выйти из него таким путем, чтобы самим стать капиталистами – либо через основание собственного мелкого бизнеса, либо через доленое участие в капитале крупных корпораций.

Однако капитал действует по отношению к высококвалифицированным творческим работникам не только методами компромисса. Необходимость ставить творческий потенциал специалистов на службу самовозрастанию капитала диктует также и жесткий контроль над целями и конечными результатами творческой деятельности, ориентируя ее в первую очередь на извлечение прибыли. Кроме того, борьба за прибыль требует также методов, объективно препятствующих свободной творческой деятельности – соблюдения коммерческой тайны, патентной защиты знаний и информации и т.д., включая и сокрытие негативной информации о свойствах производимых продуктов и услуг. Рост численности персонала с преобладанием творческих функций объективно ограничивает возможности капитала предоставлять всем таким работникам увеличенное вознаграждение и участие в капитале.

Нередко компромиссный подход к высококвалифицированным, творческим работникам приобретает формальный характер, наталкиваясь на упорное нежелание менеджеров поступаться хоть в чем-то своими властными функциями. Более того, исчезновение внешнего давления на капиталистическую систему с распадом «мировой системы социализма» привело к определенной реакции – оказались заморожены или даже повернули вспять эксперименты с «гуманизацией труда», привлечением наемного персонала к управлению, наделением работников акциями и т.д.

Все это создает новые источники конфликта между капиталом и наемными работниками, выполняющими преимущественно творческие функции. Этот конфликт уже принял актуальные формы – например, в виде забастовок учителей, преподавателей, студентов, врачей, в виде борьбы за свободу информации, против коммерческих ограничений на ее распространение; борьбы за свободу приобретения знаний (свободу доступа ко всем ступеням образования); борьбы за открытый общественный контроль за использованием достижений научно-технического прогресса и т.д. Однако большая часть творческих работников (особенно занятые в сфере рыночных трансакций – торговле, финансах, страховании, или в услугах для бизнеса – аудите, консалтинге и т.д.) пока в той или иной мере связывает свои интересы с интересами капитала. Поэтому вопрос о том, насколько быстро описываемые фундаментальные социальные противоречия приобретут острый, общественно-значимый характер, пока остается открытым.

Постиндустриальные тенденции ведут к разложению капиталистических производственных отношений, начиная с наиболее глубоких. Происходит предсказанный еще К.Марксом подрыв стоимостной основы производства вместе с возрастанием значения технологического применения науки и получаемых с ее помощью новых знаний. Деструкция стоимости как отношения основана на том, что в производстве знаний размываются:

□ объективные критерии затрат труда на их производство (в силу уникальности, невозпроизводимости создаваемых благ, и отсутствия основы для количественного соизмерения затрат творческой деятельности, которая также уникальна);

□ объективные критерии полезности производимых продуктов, поскольку эта полезность для потребителя также уникальна, индивидуальна и потому несопоставима с другими полезностями.

Подобная ситуация складывается благодаря тому, что творческая деятельность становится самоцелью, обладает ценностью для индивида сама по себе – но ценностью именно для данного индивида. Это исключает возможность экономической общественной оценки этой

ценности, и как блага для занятого ею индивида, и как мерил затрат на производство – ибо для занятого творческой деятельностью она сама есть желаемый результат, а не затрата. Одновременно и производимые в процессе творческой деятельности блага – знания, информация, культурные блага в широком смысле этого слова – приобретают такие же свойства индивидуализированной ценности.

Будучи индивидуализированными ценностями знания и культурные блага имеют одновременно и свойства всеобщей ценности, а создающий их творческий труд выступает как всеобщий труд, и постольку – как труд, являющийся общественным непосредственно, не окольным путем, без опосредования рынком.

Развитие творческой деятельности подрывает также отношения эксплуатации наемных рабочих капиталистами. Если формальное подчинение труда капиталу в основном сохраняется, то реальное подчинение работников с творческими функциями размывается. Капитал, как уже было отмечено, не имеет материальной основы для подчинения самого процесса творческой деятельности, хотя и способен заключить его в рамки капиталистических производственных отношений, подчиняя эту деятельность извлечению прибыли.

Некоторые экономисты и социологи делают вывод о преодолении подчинения труда капиталу на том основании, что распространение персональных компьютеров создает возможность для самостоятельной, независимой от капитала работы. При этом ссылаются на наличие в США более 20 млн. т.н. самозанятых, которые выполняют свою работу у себя дома.

Однако такая самостоятельность в значительной мере (хотя, конечно, и не всегда) есть иллюзия. Как и многие представители традиционной мелкой буржуазии, такие работники зачастую являются лишь формально самостоятельными, а их услуги имеют ценность лишь в привязке к определенному капиталу. Фактически это разновидность капиталистической работы на дому или рассеянной мануфактуры, проявляющаяся в современных формах – например, аутсорсинга. Говорить о подрыве формального подчинения труда капиталу тут можно лишь в том смысле, что это подчинение принимает формы, воспроизводящие наиболее архаические отношения капиталистической эксплуатации.

Было бы, однако, ошибкой полностью отрицать создающиеся новой ролью творческого труда в производстве потенциальные возможности более свободной деятельности. Только они создаются в первую очередь не доступностью персонального компьютера, а зависимостью эффективности капиталистического производства от производства и технологического применения новых знаний. И именно в силу этого носители таких знаний и творческих способностей, обеспечивающих их производство, потенциально – а нередко и актуально – приобретают более высокий уровень самостоятельности.

Пока, однако, это именно относительная самостоятельность, ибо реализуется она во все тех же ограниченных рамках капиталистических производ-

ственных отношений – например, в виде мелкого бизнеса. Вся разница заключается в том, что наемный специалист вынужден творить ради создания прибавочной стоимости для капиталиста, а «самозанятый» занят самоэксплуатацией, подчиняя свои творческие способности добычанию прибыли для самого себя.

Подрыв капиталистических производственных отношений проявляется и в том, что значительная часть создаваемой в капиталистическом хозяйстве стоимости не поступает в обращение на свободный рынок, а перераспределяется государством – причем масштабы этого перераспределения возрастали на всем протяжении XX века. Лишь на рубеже XX – XXI века этот процесс затормозился, поскольку в ряде развитых стран он уже перешел черту, когда более половины ВВП распределяется не рыночными силами, а государством. Дальнейшее продолжение этой тенденции означало бы прямой разрыв между капиталистическим характером производства и растущими некапиталистическими формами распределения. Капитал остановился перед дальнейшим расширением масштабов социального компромисса, и даже попытался повернуть вспять, тем более, что одна из важнейших побудительных причин к этому – пример альтернативной социальной системы – к началу 90-х годов XX века отпала.

Кроме того, достаточно заметную долю имеют сектора (производство естественных монополий; производство в секторах, производящих продукты и услуги, обладающие свойствами общественных благ, и целый ряд других), где само производство регулируется в значительной мере не рыночным и не капиталистическим образом.

Развитие производства знаний и информации, рост значения творческой деятельности, развитие информатики и телекоммуникаций ведут, однако, не только к прогрессивным тенденциям, связанным с созданием потенциала освобождения человека из-под власти капитала. Одновременно капитал развивает новые возможности контроля над человеком и утилизации его способностей в свою пользу, для производства прибавочной стоимости.

Технологии информатики и телекоммуникаций создают новые возможности дотошного контроля над человеком на его рабочем месте, применяя, например, анализ использования компьютерной техники (вспомним известную в Интернете фразу – «ваш компьютер шпионит за вами»), системы видеонаблюдения и аудиозаписи и т.д. Но капитал не ограничивает себя только рабочим временем. Он стремится установить господство над целостным человеком, над всеми его качествами и способностями. С этой целью он использует современные достижения технического прогресса и социальных тех-

нологий для манипулирования человеком в его свободное время¹, используя рекламу (формирование культа потребительства), технологии политического манипулирования, применяя средства массовой культуры для формирования соответствующего сознания и стереотипов поведения человека.

19.2. Капиталистическая глобализация

Современная глобализация представляет собой *новую ступень развития интернационализации производства и капитала*. Нередко, отождествляя современную глобализацию с интернационализацией экономических отношений вообще, ухитряются находить глобализацию и в XIX веке, и даже раньше. Однако это не так. Глобализация отличается от предшествующих ступеней интернационализации производства тем, что:

□ Меняются основные субъекты процесса интернационализации производства. Ими являются не национальные государства и не национальные капиталы. «Глобальными игроками» становятся прежде всего транснациональные институты: транснациональные корпорации, международные экономические, политические и военные организации, а также, наряду с ними, лишь крупнейшие национальные государства, способные распространять свое экономическое и политическое влияние в глобальном масштабе.

□ В рамках мирового капиталистического рынка, помимо рынка товаров и услуг, формируется единый мировой финансовый рынок, характеризующийся практически свободным трансграничным движением капиталов, что ставит конъюнктуру национальных финансовых рынков в зависимость от движения капиталов на мировом рынке. При этом рост объема обращения на рынках фиктивного капитала с огромной скоростью опережает таковой на рынках действительного капитала, что приводит к колоссальному превосходству финансового рынка над рынками товаров и услуг.

□ Происходит значительное снижение трансграничных торговых барьеров, обеспечивающее более свободное обращение товаров и услуг в мировой экономике.

□ Указанные выше процессы приводят к ослаблению роли национального государственного регулирования экономики, и создают тенденцию к размыванию национального суверенитета.

□ Материальной основой процессов глобализации выступает развитие современных глобальных информационных и телекоммуникационных систем.

¹ Первым это подметил американский социолог Ch.W. Mills

Ослабление роли национальных государств в глобализующейся мировой экономике породило феномен *неомаркетизации* – видимости возврата в мировом капиталистическом хозяйстве к принципам свободного, нерегулируемого рынка. Это именно видимость: хотя при глобализации и происходит определенное дерегулирование рынка (особенно на уровне международных экономических отношений), но это не означает возврата к временам свободного рынка, скажем, по образцу середины XIX века. Скорее, можно провести аналогию с первой третью XX века, когда на национальных рынках регулирующая сила частных монополистических объединений преобладала над государственным регулированием. История повторяется, но теперь уже на уровне мировой экономики – крупнейшие транснациональные корпорации (ТНК), превосходящие по своей экономической мощи значительную часть национальных государств, добиваются для себя «свободы рук» на мировом рынке. Тем не менее, этот рынок вовсе не свободен, а находится под сильным влиянием самих этих ТНК. Даже регулирующее воздействие на мировой рынок наиболее мощных в экономическом отношении государств и находящихся под их контролем международных организаций направлено во многом на защиту интересов «своих» ТНК.

Рост масштабов финансового рынка приводит к возрастанию зависимости движения действительного капитала от движения капитала фиктивного («финансиализация»). Эта зависимость проявляется, прежде всего, через высокую волатильность (подверженность плохо предсказуемым колебаниям) финансового рынка, создаваемую как раз мировым масштабом и гигантскими размерами его оборота, параметры которого почти полностью отрываются от состояния действительного капитала. Например, оценка стоимости акций компаний на фондовом рынке может в несколько раз (а иногда и в десятки раз) отклоняться от оценки реальных активов, испытывая при этом значительные колебания под влиянием экономически малозначимых факторов. Биржевые цены товаров могут также значительно отклоняться от цен тех сделок, по которым эти товары реально переходят из рук продавца в руки покупателя.

Колебания финансового рынка делают условия привлечения финансовых ресурсов в сферу применения действительного капитала в высокой степени неопределенными, увеличивают финансовые риски для производителей. С другой стороны, возможность получения прибыли за счет взлета курсовой стоимости акций ориентируют многие компании не на увеличение эффективности производства и продаж, а на манипуляции, имеющие чисто имиджевый эффект, и призванные воздействовать на взлет курса акций (хотя бы кратковременный).

Такое положение придает фиктивному капиталу, обращаемому на глобальном финансовом рынке, свойства виртуального капитала – слабо осязаемой реальности, подверженной изменениям практически независимо от процессов, происходящих в мире реального капитала. Однако этот виртуальный капитал обладает существенным влиянием на то, что происходит в действительном мире.

Происходящее в период глобализации ослабление международных барьеров в движении капиталов, товаров и услуг, не сопровождается подобным же ослаблением барьеров для движения рабочей силы. Если мировой рынок капитала, мировой рынок товаров и услуг являются реальностью, то о мировом рынке труда можно говорить только в отношении глобализации *спроса на рабочую силу* – капитал может использовать выгоды глобализации, мигрируя из страны в страну в поисках наиболее выгодных условий предложения рабочей силы (низкая зарплата, отсутствие профсоюзов, жесткое трудовое законодательство, низкий уровень социальных обязательств). Сама же рабочая сила лишена возможностей свободной миграции – более того, масштабы этой миграции за последние два десятилетия сдерживаются, а условия ужесточились. Говорить о мировом рынке рабочей силы – да и то с известной степенью условности – можно только применительно к узкому слою высококвалифицированных специалистов.

Капитал защищает национальную сегментацию рынка рабочей силы, поскольку такая сегментация позволяет ему иметь более выгодные условия эксплуатации труда. Соответственно, профсоюзы, и политические организации, представляющие интересы рабочих, борются за установление единых международных стандартов в области оплаты труда и трудового законодательства, чтобы лишить капитал возможности эксплуатировать различия, создаваемые национальными барьерами между разными группами наемных работников.

Развитие глобализации по-новому формирует отношения в мировом хозяйстве между странами с различным уровнем экономического развития. Лишь очень немногие из менее развитых стран оказываются в силу тех или иных обстоятельств в состоянии воспользоваться теми возможностями, которые открывает глобализация, в связи с более свободным движением капиталов, товаров и услуг. Для остальных же глобализация означает такое ужесточение условий конкуренции, с которым они не имеют возможностей справиться, и, как следствие, происходит углубление их отставания в экономическом развитии от более развитых стран. Глобализация дополнительно закрепляет деление капиталистического хозяйства на развитое «ядро» и отсталую «периферию».

Хотя глобализация еще далеко не исчерпала свой потенциал – например, путь формирования единого финансового рынка пройден не до конца: хотя сложился единый денежный рынок, фондовый рынок остается в основном национально сегментированным – ее развитие знаменует собой *ближающееся исчерпание возможностей поступательного развития капитализма*.

Современную эпоху можно определить как эпоху последовательного выражения и торжества принципов буржуазной цивилизации.

Происходящий процесс глобализации означает приобретение капиталистической системой полного господства над мировым хозяйством. Господства не в смысле стирания различий между развитым капиталистическим центром и отсталой полукапиталистической (или даже четвертькапиталистической) периферией – эти различия постоянно воспроизводятся развитым центром, ибо без этих различий существование центра было бы куда как менее благополучным, – а в смысле приобретения экономическими структурами развитого мира контролирующего и регулирующего положения по отношению ко всему мировому хозяйству. Развитый центр капиталистического мира создал единый финансовый рынок и подчинил движение капитала во всемирном масштабе своему контролю.

Капитализм в центре подчинил себе все фазы воспроизводственного процесса. На полностью капиталистическую основу поставлено воспроизводство рабочей силы и даже человека в его целостности. Капитал овладел не только рабочим временем, но и свободным временем человека, подвергая его всестороннему манипулированию через рекламу и маркетинг, через политические технологии, через масс-культуру. На капиталистическую основу переведены отношения, регулирующие процессы творческой деятельности (чего не мог добиться даже индустриальный капитализм).

Капиталистическая система выстояла перед лицом мощного и самоотверженного натиска сил, пытавшихся противопоставить ему альтернативную социальную систему. Капитализм теперь вроде бы избавился от врагов, которые могли бы представлять видимую угрозу его господству.

Больше капитализму торжествовать, по большому счету, не над чем – разве только над самим существованием человечества? И в этом смысле идеи Френсиса Фукуямы о конце истории являются отражением действительно произошедшего сдвига, если не принимать на веру его смешную фантазию об остановке исторического развития человечества с торжеством либерального капитализма. *Чья история действительно остановилась, так это история самого капитализ-*

ма. Ему почти уже больше нечего свершать. Дальше перед ним открывается исторический путь нисходящей фазы развития.

На этом пути капитализму придется столкнуться с тем, что его полное господство означает также полное развитие и обострение присущих ему противоречий. *Приобретая глобальный характер, капитализм придает глобальный характер и порождаемым им проблемам.* Угроза глобальному равновесию окружающей среды, расточительное потребление естественных ресурсов Земли, экономические, политические и культурные конфликты, порождаемые глобальным неравновесием экономического развития (противоречие «Север-Юг») – вот далеко не полный перечень этих проблем. Стремление капитала к универсальному господству, к формированию своеобразной всемирной капиталистической «империи» встречает растущее сопротивление всех тех, кто прямо и косвенно втягивается в орбиту капиталистической эксплуатации. *Глобальный капитал породил и первый всплеск глобального движения сопротивления.*

Это сопротивление довольно разнородно – как и тот мир, который глобальный капитал подчиняет своему господству. С одной стороны, мы имеем движение, которое в полном смысле слова может быть названо *антиглобалистским*, которое противостоит глобализации с позиций обреченных, архаических социальных структур, и потому нередко опирается на крайне реакционные идейно-политические силы (например, религиозный фундаментализм, шовинизм). Оно выступает как национально и конфессионально замкнутое. Но и в этом движении отражается объективный протест против разрушительного воздействия глобального капитала на своеобразии национальных культур.

С другой стороны, мы имеем движение «альтерглобалистов» или *альтернативное социальное движение*. Это движение является всемирным и интернациональным, оно не рассечено национально-конфессиональными перегородками и не мечтает повернуть историю вспять. Напротив, оно выступает в защиту наиболее прогрессивных черт интернационализации производства, расширения человеческих контактов и взаимного обогащения культур, против тех уродливых форм, которые принимает глобализация под воздействием капиталистических производственных отношений. Современное альтерглобалистское движение в идейно-политическом отношении довольно аморфно и в своем нынешнем виде вряд ли станет в полной мере успешным социальным проектом (хотя как исторически первая стадия движения сопротивления глобальному капиталу оно уже исторически состоялось). Но как таковое глобальное сопротивление капиталу уже не может исчезнуть, оно будет видоизменяться, со-

вершенствоваться, отступать и снова переходить в наступление, закаляться и крепнуть.

19.3. Изменение социальной структуры современного капиталистического общества

Классический марксизм предполагал, что вытеснение крупным капиталистическим производством мануфактурного и мелкого ремесленного производства, вытеснение крупными капиталистическими фермерами мелких крестьянских хозяйств, приведет в довольно близкой исторической перспективе к почти полному вытеснению мелкой буржуазии как значимого социального слоя. Процесс эволюции социальной структуры капиталистического общества оказался, однако, несколько сложнее, чем предполагали классики.

В развитых странах прежние докапиталистические или полукapиталистические слои мелких производителей, действительно практически исчезли. Хотя еще можно встретить небольшое число ремесленников-кустарей, но, скажем, мелкое крестьянство сохранилось лишь в некоторых странах. Однако мелкая буржуазия не исчезла. Правда, теперь это мелкие производители современного капиталистического типа. Мелкого крестьянина во многих случаях нет, но есть мелкий капиталистический фермер, ведущий интенсивное производство на рынок. Впрочем, и существование этого мелкого фермера является во многом следствием государственной политики, а не действия внутренних законов капиталистического производства. Множество мелких фермеров существует лишь благодаря государственным субсидиям или второй работе в городе, позволяющей покрывать убытки от фермы.

Точно также самостоятельное существование мелкого бизнеса в промышленности и сфере услуг является во многом иллюзорным. Этот мелкий бизнес опутан сетью финансовой, торговой и технологической зависимости от крупного капитала, и его судьба зависит от того, испытывает ли крупный капитал в нем нужду, например, в качестве субпоставщика. Значительная часть мелкого бизнеса является самостоятельной только формально – капитал мелкого предпринимателя приобретен в долг, и действительным его владельцем является банк, давший долгосрочную ссуду, или крупная корпорация, предоставившая рассрочку платежа; право на использование необходимой технологии предоставлено крупной корпорацией; право на использование торговой марки предоставлено крупной корпорацией... – и все это может обратиться в ничто, если заинтересованность

340 крупного капитала в продуктах или услугах этого мелкого бизнеса исчезнет.

К началу 80-х гг. XX века в развитых странах более 80% (а иногда и более 90%) экономически активного населения имели статус наемных работников. Это не значит, что все они относились к пролетариату по своему экономическому положению – среди них были и директора корпораций, и высокопоставленные управляющие (в том числе владевшие значительными долями капитала), и менеджеры среднего звена, которые, разумеется, выступают как представители интересов капитала, а не наемного труда, и лица, оказывающие личные непроизводительные услуги (например, домашняя прислуга), и государственные служащие...

Но 90-е годы ознаменовались изменением этой тенденции. Стал отмечаться рост удельного веса т.н. самозанятых, куда включаются различного рода мелкие предприниматели и самостоятельно работающие специалисты (не работающие по найму, а выполняющие различную работу по контракту). Рост числа самозанятых в начале XXI века замедлился и эта тенденция не получила дальнейшего распространения. Однако она все же свидетельствует об определенной подвижке классовой структуры современного капиталистического общества. В чем же смысл этой подвижки?

Мы являемся свидетелями начавшегося процесса разложения классовой структуры, свойственной классическому индустриальному капитализму. В этой структуре основная, подавляющая часть экономически активного населения делилась на капиталистов и пролетариат (причем в рамках последнего ведущие позиции занимал фабрично-заводской пролетариат), при менее значительном удельном весе мелкой буржуазии, земельных собственников, лиц, оказывающих по найму личные услуги. Теперь ситуация меняется – и вовсе не из-за того, что прежде менее значительные социальные слои стали прибавлять в удельном весе. Нет, происходят сдвиги во внутриклассовой структуре, как капиталистов, так и пролетариата; эти классы начинают выделять из себя новые, своеобразные социальные группы.

В рамках класса капиталистов продолжает развиваться тенденция, проявившая себя еще в первой трети XX века. Наемные управляющие становятся все более многочисленным слоем, играющим все более значительную роль в предпринимательском классе. Численность менеджеров растет темпами более быстрыми, чем большинство других категорий занятых. Эти лица, формально являясь наемными работниками, исполняют роль функционирующих капиталистов-предпринимателей.

Точно также растет роль и численность специалистов и профессионалов, занятых непосредственным оказанием услуг для бизнеса – бухгалтеров, аудиторов, консультантов, оценщиков, брокеров, дилеров и т.д. Наиболее высокими темпами увеличивается численность менеджеров и специалистов, занятых обслуживанием финансового рынка.

Эти специалисты занимают *промежуточное положение между капиталистами и наемными работниками*. Формально они относятся к наемному персоналу (и в гораздо меньшей степени – к т.н. самозанятым), и не являются владельцами капитала, – во всяком случае, в таких размерах, чтобы владение капиталом создавало основные источники их дохода. Однако их функции в производстве связаны с непосредственным содействием самовозрастанию капитала, в конечном счете, с содействием извлечению максимального эффекта из эксплуатации наемных рабочих. С весьма значительной частью этих специалистов капитал делится плодами эксплуатации, предоставляя им в той или иной форме (танъемы, бонусы, опционы, сверхвысокие оклады и т.п.) фактически часть присваиваемой прибавочной стоимости.

С другой стороны, прежний пролетариат также претерпевает значительные изменения. Фабрично-заводские рабочие, ранее составлявшие ведущую по численности группу наемных рабочих, значительно потеряли в численности и в удельном весе (но гораздо менее – в своем значении). За счет сокращения этого ядра рабочего класса выросли две другие группы пролетариата: высококвалифицированные специалисты и рабочие, с одной стороны, менее квалифицированные и полуквалифицированные работники сферы услуг, а также не полностью и частично занятые, – с другой.

Сокращение численности традиционного, фабрично-заводского пролетариата дало повод ряду теоретиков выдвинуть тезис о т.н. *смерти рабочего класса*. Однако этот тезис, при том, что его появление вызвано к жизни реакцией на действительные проблемы, не является точным. Облик рабочего класса меняется, претерпевают изменения его классовые интересы и позиции, он претерпевает процесс частичного разложения, но он *вовсе не исчезает*.

Производство знаний и информации, превращение их в технологические инновации становится в постиндустриальном капитализме главным условием борьбы за экономическую эффективность – т.е. за производство прибавочной стоимости. Капитализм всегда опирался на технический прогресс в погоне за прибылью, но в современную эпоху творческая деятельность по обеспечению научно-технического прогресса превращается в особую большую отрасль экономики. По-

этому слой высококвалифицированных рабочих и специалистов занимает теперь в составе наемных работников особое положение.

Самовозрастание капитала оказывается во все большей зависимости от деятельности специалистов и высококвалифицированных рабочих, и в то же время капитал не в состоянии непосредственно контролировать содержание процесса творческой деятельности. Для этих работников, как уже было показано выше, реальное подчинение труда капиталу размывается, хотя формальное сохраняется. Именно на формальное подчинение труда капиталу (т.е., по существу, на монополию капиталистов на средства производства) и опирается закрепление их статуса как наемных работников. Таким образом, для этой части наемных работников характерно противоречие между их растущей самостоятельностью в трудовом процессе (и даже растущей зависимостью капитала от их деятельности) и сохраняющимся подчинением их капиталу в рамках существующих производственных отношений.

Этот слой стоит в особом отношении и к фабрично-заводским рабочим, во-первых, как более высокооплачиваемый, во-вторых, как испытывающий меньшее подчинение рамкам технологически определяемой капиталом дисциплины труда, в-третьих, нередко выступающий перед рабочими в качестве внешней, чуждой им силы – непосредственного представителя этой самой капиталистической дисциплины труда.

Процесс размывания прежнего ядра пролетариата – фабрично-заводских рабочих – сопровождается не только ростом удельного веса высококвалифицированных работников, специалистов и профессионалов, но также и ростом (хотя и менее высокими темпами) слоя малоквалифицированных и полуквалифицированных работников сферы услуг. В абсолютном же выражении этот слой имеет более высокую численность, чем высококвалифицированные работники.

Наемные работники сферы услуг, помимо относительно более низкой квалификации, характеризуются также более низкой оплатой труда (именно рост этого слоя определил общее снижение уровня заработной платы в США с начала 70-х по начало 90-х гг. XX в.), отсутствием крупных трудовых коллективов, спаянных общими интересами, значительной долей занятости в сфере до-машинных технологий. Все это определяет и более низкую степень организованности и солидарности этого социального слоя, более низкую степень осознания своих классовых интересов по сравнению с промышленным пролетариатом. Лишь для наиболее квалифицированных групп наемных работников сферы услуг, в основном занятых в сфере науки, образования и здравоохранения, этот вывод может быть применен с существенными оговорками.

Наряду с этим растет слой работников, стоящих на грани люмпенизации. Это в первую очередь не полностью занятые – лица, занятые неполный рабочий день или неполную рабочую неделю, частично занятые – те, кто работает по краткосрочным контрактам и часть времени находится в положении безработных. Они лишены многих социальных гарантий, а их доходов едва хватает на поддержание существования. Особенно много таких лиц среди мигрантов, женщин и молодежи.

Итак, имеем ли мы право воскликнуть (вслед за Андрэ Горцем): «Прощай, рабочий класс»?

Если речь идет о фабрично-заводском пролетариате, то даже и тогда этот вывод представляется несколько преждевременным. В эпоху глобализации анализ классовой структуры капитализма уже не может ограничиваться только наиболее передовыми странами, вступающими в постиндустриальную эпоху. А в структуре мирового хозяйства, как промышленное производство, так и фабрично-заводской пролетариат, если и теряют в удельном весе, то совершенно незначительно. Эту ситуацию, даже применительно к ситуации в наиболее развитых странах, можно трактовать *не как значительное сокращение удельного веса промышленности (и промышленного пролетариата), а преимущественно как территориальное перераспределение промышленного производства в системе мирового капиталистического хозяйства от «ядра» к «периферии».*

Но даже если рассматривать ситуацию в наиболее развитых странах, как признак тенденции, которая со временем станет характерна для всего мирового хозяйства, то и тогда прощание с рабочим классом выглядит преждевременным. Во-первых, значение промышленности, как технологического ядра экономики, сохраняется, а потому значение и влияние промышленного пролетариата существенно выше, чем его удельный вес. Во-вторых, те социальные слои, на которые распадается традиционный фабрично-заводской пролетариат, по-прежнему остаются наемными работниками – классом, по своим фундаментальным социально-экономическим интересам противостоящим капиталу.

В этом смысле можно сказать, что рабочий класс не может сойти с исторической арены, пока на ней остается капитал.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Какие есть основания для вывода о переходе капитализма в постиндустриальную стадию?
2. Каков реальный смысл выражений «общество услуг», «информационное общество»?
3. Какие сдвиги в характере человеческой деятельности характерны для постиндустриальных тенденций?

4. Какие свойства информационных продуктов вступают в противоречие с традиционной системой отношений товарного производства?
5. Почему изменения развитие творческих функций труда, и связанные с этим сдвиги в природе и мотивах деятельности, создают новые основания для противоречия труда и капитала?
6. В чем специфика капиталистической глобализации как современного этапа общей тенденции к интернационализации производства?
7. Кто такие «глобальные игроки»?
8. Какова роль глобального финансового рынка в современном мировом хозяйстве и каково его соотношение с реальным сектором?
9. Почему не сложился глобальный рынок рабочей силы?
10. Как глобализация влияет на разрыв в уровне экономического развития различных стран?
11. Как влияет глобализация на национальный суверенитет и возможности национального экономического регулирования?
12. Какие существуют тенденции к сопротивлению капиталистической глобализации?
13. Почему не сошла с социальной сцены мелкая буржуазия?
14. Чем отличается экономическое положение мелкой буржуазии в современную эпоху от ее положения на заре капиталистической индустриализации?
15. На какие социальные группы делится современный капиталистический класс и рабочий класс?
16. «Прощай, рабочий класс!» – какие есть основания для этого восклицания?

Литература для самостоятельного изучения:

В этой работе рассматривается широкий спектр вопросов природы современного капитализма:

- Бузгалин А., Колганов А. Глобальный капитал. М.: URSS, 2007.
- Несколько работ известного французского левого теоретика Андре Горца, посвященных классовой структуре современного капитализма и роли знаний в капиталистической системе:*
- Andre Gorz. Farewell to the Working Class. L.: Pluto Press. 1982.
  - Андре Горц. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010.
  - Андрэ Горц. Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний // "ЛОГОС" (философско-литературный журнал) #4 (61), 2007
<http://www.intelros.ru/readroom/1970-logos-4-61-2007.html>
- Здесь Юрген Хабермас рассматривает «модерн» (т.е., по существу, капиталистическую эпоху, пришедшую на смену феодально-сословному обществу), как незавершенный проект, что противопоставляет его модному нынче постмодернизму. Здесь же Хабермас излагает свой взгляд на необходимость и новый облик социализма:*
- Юрген Хабермас. Политические работы. Сост. А. В. Денежкина; пер. с нем. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2005

В работе американского социолога, близкого к марксизму, впервые с позиций марксистской методологии было дано теоретическое объяснение того факта, что рабочий класс не торопится ниспровергнуть капитализм. Там же обоснован тезис о том, что современный капитал эксплуатирует рабочего, используя не только его рабочее, но и свободное время, не только его рабочую силу, но и все качества человека, как личности:

- Charles Wright Mills. The Marxists. N.Y. 1962.

В этой работе рассматривается вопрос о статусе интеллектуальной деятельности при капитализме:

- Глинчикова А.Г. Может ли быть товаром интеллектуал и продукт его труда? // Вопросы философии, 1997, №3.

Ряд работ известных теоретиков, принадлежащих к различным направлениям, где рассматриваются проблемы природы современного капиталистического общества:

- Гелбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М., 1969.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: 1999.
- Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
- Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация. М.: 1999.
- Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология под ред. В.Л. Иноземцева. М.: «Academia». 1999.

Эта книга весьма полезна критическим подходом ко многим распространенным концепциям и значительным набором ссылок на источники по проблеме:

- Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе. Под ред. Колганова А.И. М.: ТЕИС, 1998.

Западные марксисты об экономической системе современного капитализма:

- Harvey D. The New Imperialism. Oxford, 2003.
- Arrighi J. The Long Twentieth Century. London, 1994.
- Brenner R. 'The Capitalist Economy, 1945-2000: A Reply to Konings and to Panitch and Gindin // D. Coates (ed.), Varieties of Capitalism, Varieties of Approaches. Basingstoke, 2005.
- Алекс Каллиникос. Антикапиталистический манифест. Пер. с англ. А. Смирнова. М.: Практика, 2005.

Здесь с марксистских позиций рассматривается современное явление «финансиализации», изменение соотношения между финансовым и реальным капиталом:

- И. Левина. К вопросу о соотношении реального и финансового секторов // Вопросы экономики, 2006, №9

Две работы лауреатов Нобелевской премии, посвященные проблемам глобализации:

- Морис Алле. Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. М.: Теис, 2003.
- Джозеф Стиглиц. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003.

Неплохой справочник об альтернативных социальных движениях, написанный теоретиком организации АТТАК (но не надо искать здесь его собственную теоретическую позицию):

- Кристоф Агитон. Альтернативный глобализм. Новые мировые движения протеста. Пер. с франц. Е. Константиновой и Е. Кочетыговой под общей редакцией Ю. Марковой. М.: Гилея, 2004.

О сопротивлении капиталистической глобализации пишет международный коллектив авторов:

- Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения». Под ред. Бузгалина А.В. М.: URSS, 2003.

О социально-экономических основаниях манипулирования сознанием масс господствующими классами в современную эпоху:

- Лимнатис Н. Манипулирование: сущность, проявления, пути снятия. М.: Экономическая демократия, 2000.

ЧАСТЬ V

ТЕОРИЯ СОЦИАЛИЗМА

Читатель может обратить внимание, что собственно социализму в учебнике уделяется не намного больше места, чем некоторым другим темам, и, в особенности, капитализму. Однако это совершенно естественно – научный социализм покоится, прежде всего, на исследовании объективных закономерностей развития всего предшествующего человеческого общества, а наиболее детально – капиталистической системы. Само же социалистическое общество пока не является полномасштабной реальностью, и материал для его изучения поневоле ограничен. Все, чем мы располагаем для этого – некоторые выводы из тенденций и противоречий развития предшествующих исторических эпох, и исторически краткий (около 70 лет) опыт попытки построения социалистического общества.

ГЛАВА 20

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

20.1. Историческая динамика классовой борьбы при капитализме

Первые проявления классовой борьбы в капиталистическом обществе отмечаются еще на заре капиталистического способа производства. Когда капитализм начинает вставать «на собственные ноги»,

т.е. с формированием адекватных ему производительных сил в виде крупного промышленного производства, формируется и фабрично-заводской пролетариат, который сознательно формулирует и выдвигает свои особые классовые интересы в противоположность интересам буржуазии. К этому же периоду относится и самостоятельный выход пролетариата на арену политической и идеологической борьбы.

Что касается такой составной части классовой борьбы пролетариата, как экономическая борьба, то она является неотъемлемым элементом капиталистического способа производства, как борьба вокруг условий продажи рабочей силы. Поэтому экономическая борьба начинается сразу же с формированием пролетариата и буржуазии, задолго до того, как капиталистический способ производства становится господствующим.

В политическом отношении пролетарское движение первоначально выступает как составная часть буржуазного демократического движения против сословной монархии и других остатков феодализма, лишь временами и не весьма отчетливо обнаруживая свои особые интересы. Только после того, как задачи буржуазной революции в той или иной степени оказываются решены, противоречие классовых интересов пролетариата и буржуазии становится более отчетливым и выходит на передний план. В этот период начинают формироваться особые пролетарские политические организации и вырабатываться собственная пролетарская классовая идеология.

Именно в это время политические организации пролетариата впервые выдвигают свои особые политические требования (чартисты в Великобритании, коммунисты в континентальной Европе). В первую очередь эти требования касаются приобретения условий для легальной экономической и политической борьбы пролетариата (республика, всеобщее избирательное право, легализация профсоюзов и политических партий рабочих, 8-часовой рабочий день и т.д.). Тогда же в качестве одной из своих целей пролетарские партии выдвигают борьбу за захват государственной власти.

Поскольку капиталистический способ производства развивается в интернациональном масштабе, классовая борьба пролетариата очень быстро приобретает интернациональный характер. В первую очередь это касается политической борьбы. На рубеже последней трети XIX века формируется международная пролетарская организация (I-й Интернационал), а вскоре вслед за его роспуском при участии его национальных секций начинается формирование крупных национальных пролетарских политических партий, организовавших II-й Интернационал. Несколько позже начинают формироваться международные профсоюзные объединения.

На протяжении XIX – первой половины XX века классовая борьба пролетариата и буржуазии носит весьма упорный характер, нередко принимая насильственные и вооруженные формы, доходящие до вооруженных восстаний и гражданской войны. С течением времени пролетариат завоевывает себе возможность легальной экономической и политической борьбы, после того как легализуются профессиональные союзы, признается право на забастовку и коллективные договоры, вводится всеобщее избирательное право, и легализуются пролетарские политические партии. Это, однако, не всегда может смягчить классовые противоречия, и время от времени происходит переход от легальных форм борьбы к вооруженному насилию.

Классовая борьба пролетариата не может быть сведена к прямому противостоянию пролетариата и буржуазии («класс против класса»). В капиталистическом обществе насчитывается немалое число других классов и социальных групп, занимающих в классовой борьбе различные позиции. Это, во-первых, многочисленный класс мелкой буржуазии, положение и интересы которого определяют его тяготение как к буржуазии, так и к пролетариату. Во-вторых, существуют социальные слои, формально относящиеся к лицам наемного труда, но реально занимающие промежуточное положение между пролетариатом и буржуазией (управляющие, высший слой специалистов и чиновников и т.п.). В-третьих, имеется немногочисленный, но влиятельный класс земельных собственников. Кроме того, следует принимать во внимание, что внутри классов пролетариата и буржуазии (как и внутри других классов и социальных слоев) существуют группы с различными специфическими интересами. Эти группы так же могут занимать разные позиции в классовой борьбе.

В результате эффективность классовой борьбы рабочего класса, особенно в том, что касается политической борьбы, зависит как от степени внутренней консолидации рабочего класса (которая никогда не бывает стопроцентной), так и от возможностей заключать союзы с политическими представителями других классов и социальных групп, предлагая политику, отвечающую в той или иной мере их собственным специфическим интересам. На ранних этапах развития индустриального капитализма особое значение приобретает установление союза между рабочим классом и весьма многочисленным в этот исторический период крестьянством.

В конце XIX и первой половине XX века для ряда развитых (и менее развитых) капиталистических государств было характерно наличие массового пролетарского движения, выступающего под социалистическими лозунгами. В то время в этих странах существовали массовые коммунистические, социалистические и социал-демократические партии, ставившие своей целью приобретение го-

сударственной власти, ликвидацию тем или иным образом капиталистического строя и движение к социализму. В настоящее время ситуация значительно изменилась.

Историческая эволюция классовой борьбы в капиталистическом обществе выявляет две тенденции. Во-первых, постепенное развитие классовых компромиссов, развитие экономических и политических уступок рабочему классу со стороны капиталистов в наиболее развитых странах (что получило отражение в концепциях «государства всеобщего благосостояния», «социального государства», «социально-го партнерства», «народного капитализма» и т.п.). Этот процесс шел неравномерно, и прерывался попытками использования буржуазией методов жесткого силового подавления рабочего движения (фашизм, нацизм). Значительное влияние на уступчивость буржуазии оказало наличие альтернативы капитализму в виде «мировой системы социализма».

Во-вторых, вовлечение в развитие по капиталистическому пути ранее относительно отсталых стран неизбежно привело к формированию в них, по мере прохождения капиталистического промышленного переворота, острых классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией. Поэтому наибольшего накала пролетарская классовая борьба достигает в настоящее время в так называемых новых индустриальных странах и в странах, приближающихся к ним по уровню экономического развития.

В результате сейчас в наиболее развитых странах не существует такого массового движения рабочего класса, которое нацелено на ниспровержение капитализма как системы. Соответственно, и в сфере политической борьбы, партии, выступающие за ниспровержение капиталистического строя, отсутствуют или пользуются сравнительно небольшим влиянием. Что касается развивающихся стран, то для них характерна неравномерная динамика политической борьбы пролетариата. Если в 80-90-е гг. XX века там тоже можно было наблюдать затухание существовавших ранее политических движений под социалистическими лозунгами, то в начале XXI века мы сталкиваемся с их активизацией (в Латинской Америке). Эта активизация происходит нередко за пределами существовавших ранее коммунистических и социалистических партий.

Означает ли такая ситуация, что по мере развития капитализма классовая борьба в нем будет затухать, а пролетариат – отказываться от ранее провозглашавшейся борьбы за ликвидацию капиталистической системы? Соответственно, не является ли острая классовая борьба между пролетариатом и буржуазией свойством лишь ранних стадий развития промышленного капитализма? Такие выводы на протяжении значительной части XX века делались неоднократно,

причем, как противниками, так и сторонниками социалистических концепций.

С точки зрения противников социализма, классовая борьба и социалистические лозунги есть своего рода «детская болезнь» капитализма, поражающая его в силу его неразвитости. Дальнейшее же экономическое развитие позволяет полностью избавиться от этой болезни, открывая дорогу безболезненным постоянным улучшениям капиталистической системы. Одни идеологи полагают, что таким путем могут быть постепенно реализованы и «социалистические ценности». Другие, напротив, утверждают, что чем дальше от социализма, тем лучше для экономики и благосостояния граждан.

Некоторые сторонники социализма также считают, что в развитых странах классовая борьба затухает, потому что рабочий класс этих стран участвует вместе со своей буржуазией в эксплуатации менее развитых наций, и вообще «обуржуазился». Поэтому революционизируется рабочий класс и предпролетарские слои в отсталых странах и путь движения к социализму предстает как путь борьбы «мировой деревни» против «мирового города», отсталого «Юга» против развитого «Севера». В этой борьбе рабочий класс отсталых стран ведет борьбу совместно со своей мелкой буржуазией и патриархальным крестьянством, поскольку их объединяют общие интересы противостояния «бедных» «богатым», а потому идеологическая оболочка такой борьбы может быть весьма своеобразной, например, религиозной.

Изложенные позиции возникли, как можно видеть, не на пустом месте, и опираются на реальные факты исторического развития классовой борьбы. Однако они исходят и из некоторых недостаточно достоверных посылок.

20.2. Судьба концепции *«исторической миссии пролетариата»¹*

Обе названные выше позиции появились как ответ на концепцию «исторической миссии пролетариата», развитую в «Манифесте Коммунистической партии». Согласно этой концепции, развитие капиталистических производственных отношений порождает два основных класса – буржуазию и пролетариат, вытесняющие ранее существовавшие классы и социальные группы. Дело не ограничивается одной лишь борьбой между этими двумя основными классами капиталистического общества. Пролетариат в историческом смысле вы-

¹ Идея, развиваемые в этом параграфе, не являются общепринятыми среди марксистов (в том числе и среди моих ближайших коллег).

ступает как могильщик буржуазии, борющийся не просто за ниспровержение власти буржуазии и ликвидацию капиталистической системы, но и за ликвидацию общественных классов вообще, и создание общества без классов.

Этот тезис о пролетариате, как ведущей силе коммунистической революции, находится, однако, в противоречии с фундаментальными положениями социально-экономического учения К. Маркса.

Такое утверждение на первый взгляд выглядит абсурдным – ведь, несмотря на то, что К. Маркс на протяжении всей своей жизни вносил коррективы в свои прежние представления (не избежал таких корректив и "Манифест"), однако он не считал нужным пересматривать тезис об исторической миссии пролетариата. Тем не менее, есть серьезные основания настаивать на ошибочности этого тезиса с точки зрения научного метода самого К. Маркса.

Согласно К. Марксу, в рамках вторичной (экономической) формации человеческого общества каждый исторически определенный способ производства определяет и наличие в нем основных общественных классов. Эти классы самим экономическим и политическим строем общества вынуждаются к борьбе между собой. С утратой данным способом производства потенциала прогрессивного развития, по мере вызревания соответствующих социально-экономических предпосылок, в конечном итоге в ходе классовой борьбы происходит замена одного способа производства другим, а вместе с этим – и политическая революция, и переворот во всей общественной надстройке. Однако это *не означает победу одного основного класса данного способа производства над другим*. В процессе перехода к новому способу производства прежние классы начинают разлагаться, а им на смену приходят новые, которые и выступают основными действующими лицами революции, опосредствующей переход от одного способа производства к другому.

Переход от одного способа производства к другому в социальном отношении никогда не представлял собой прямое превращение основных классов одного способа производства в основные классы другого¹.

Этот вывод, хотя и не в обобщенной форме, а применительно к частному случаю – к переходу от феодализма к капитализму – был сделан самим К.Марксом², а применительно к переходу от античного способа производства к феодализму – Ф.Энгельсом¹.

¹ Пожалуй, первым сформулировал такое обоснование критики концепции «исторической миссии пролетариата» американский марксист Чарльз Миллз (См.: Charles Wright Mills. The Marxists. N.Y. 1962, p. 116).

² «Итак, к чему сводится первоначальное накопление капитала, т.е. его исторический генезис? – пишет К.Маркс. – Поскольку оно не представляет собой непосредст-

Мелкие римские крестьяне и рабы (и даже римские колонны и «рабы с хижинами») не превратились сразу же и непосредственно в средневековых крепостных: между римским колоном и средневековым крепостным стоял свободный крестьянин, которого еще только предстояло закрепить. Переход к феодальному обществу от античного не был победой рабов над рабовладельцами, или мелких землевладельцев-общинников над крупными (более того, все движения рабов и мелких землевладельцев были разгромлены). Произошла многоступенчатая трансформация рабов и свободных общинников в новый класс лично зависимого крестьянства: сначала через смягчение рабской зависимости, закабаление прежде свободных общинников, затем через формирование слоя свободного крестьянства с отчуждаемой земельной собственностью, и уже через его закрепощение – но на иных условиях, нежели закабаление свободных крестьян в античные времена. Такая же многоступенчатая трансформация опосредовала превращение крупных земельных собственников-рабовладельцев в новый класс феодалов: через возникновение форм условного держания земли (прекарий), затем путем выделения новой военно-служилой, получающей земельное владение лишь временно за службу (главным образом, военную), и через постепенное превращение этого служебного владения в наследственное, происходящее параллельно с обращением крестьян, располагавшихся на этой земле, в личную зависимость от феодалов, как от своих сеньоров.

Точно также буржуазная революция не была революцией крепостных против феодалов. Средневековые крепостные не превращались непосредственно в наемных работников. Сначала они освобождались от крепостной зависимости и превращались в независимых мелких товаропроизводителей (в деревне ли, в городе ли), лишь последовавшая позднее экспроприация которых привела к пролетаризации трудящегося населения. Аналогичную трансформацию претерпевали и представители господствующих классов, пополняясь при

венного превращения рабов и крепостных в наемных рабочих и, следовательно, простой смены формы, оно означает лишь экспроприацию непосредственных производителей, т.е. уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде» (Маркс К. Капитал, т.1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 770). Таким образом, переход к капитализму проходит две ступени: сначала крепостной сменяется частным собственником, собственность которого покоится на собственном труде, а затем собственность этого последнего экспроприируется, и он превращается в пролетария.

¹ «Между римским колоном и новым крепостным стоял свободный франкский крестьянин» (Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 154).

этом представителями прежде угнетенных классов (пример – генезис и эволюция «третьего сословия»).

Буржуазная революция происходит тогда, когда крепостные уже превратились в лично свободных крестьян, городская часть "третьего сословия" выросла в широкий слой свободных ремесленников, торговцев, полупролетариев и буржуа. Одновременно с этим значительная часть господствующего класса приобрела чисто буржуазные источники дохода, в то время как другая его часть, утратив прежние источники дохода, основанные на крестьянских повинностях (феодальная рента), стала паразитическим наростом, кормящимся за счет государственного бюджета.

Ведущей силой буржуазной революции выступают не крепостные, и острый удар направлено не против крепостной зависимости и феодальных повинностей (хотя борьба такого рода характеризует собой собственно феодальную эпоху, так же, как античность сопровождается постоянными конфликтами рабов и рабовладельцев, мелких и крупных землевладельцев). Ведущей силой этой революции выступают новые социальные группы – буржуа (в том числе мелкая буржуазия – лично свободные крестьяне и ремесленники, работающие на рынок на основе трудовой собственности), пролетарии и полупролетарии. Социально-экономическим содержанием этой революции является борьба за разрушение феодальных привилегий, сдерживающих развитие товарного хозяйства, а политическим – борьба против сословной монархии, обеспечивающей политическую монополию представителям старого, отмирающего господствующего класса (который уже в значительной мере утратил свое прежнее экономическое лицо, цепляясь за политические привилегии как за главный источник своего существования).

Итак, в рамках любого способа производства социальной силой, вызывающей революционные перемены, выступают *не основные классы данного общества, а новые социальные группы*, экономические (и политические) интересы которых связаны с торжеством нового экономического уклада, на основе развития которого в недрах старого общества эти социальные группы и сформировались.

Поэтому можно с определенной долей уверенности предположить, что и в капиталистическом обществе сопровождающая его историю постоянная борьба наемных рабочих и капиталистов *не является* тем конфликтом, который непосредственно порождает коммунистическую революцию. Революция становится возможной лишь тогда, когда в недрах капитализма сформируются экономические (а также и политические, культурные и прочие) предпосылки нового общественного строя, а вместе с ними и на основе их развития сфор-

мируются и *новые социальные группы*, интересы которых будут непосредственно связаны с развертыванием этих предпосылок в целостный общественный строй.

Та критика, которой я подверг "Манифест Коммунистической партии", с необходимостью должна быть дополнена признанием объективной обусловленности выдвижения тезиса об исторической миссии пролетариата. Тогда, в середине XIX века, не было иных классовых сил, кроме пролетариата, которые противостояли бы режиму капиталистической эксплуатации, и невозможно было строить обоснованные предположения о появлении таких сил в будущем. Кроме того, считая неточным тезис о пролетариате как о *ведущей* силе социалистической революции, я *вовсе не хочу сказать, что классовая борьба пролетариата вообще не играет никакой роли в революционном процессе устранения капиталистического способа производства*. Более того, на протяжении периода с середины XIX до конца XX вв. фактически только пролетарская классовая борьба и выполняла эту революционизирующую роль. И именно пролетариат, по мере развития обобществления труда капиталом, и развития обобществления самого пролетариата (рост его экономической и социальной подвижности, способности к формированию различного рода объединений и союзов для защиты своих классовых интересов), формирует в своей среде новые социальные группы, способные стать ведущей силой революции.

Если мы обратимся к истории античности, то можно заметить, что борьба рабов против рабовладельцев, и мелких землевладельцев-общинников против крупных землевладельцев сыграла значительную роль в смягчении форм рабской зависимости и в закреплении прав мелких земледельцев на занимаемые ими участки земли (хотя и ценой обращения их в личную зависимость). Точно также борьба крепостных крестьян против феодалов сыграла существенную роль в постепенном устранении личной зависимости крестьян и расширении возможностей развития товарного хозяйства.

Разумеется, одновременно с этим велась и чисто экономическая борьба, где спор противоборствующих классов сводился лишь к норме эксплуатации (величина оброка или барщины и т.п.).

То же самое можно сказать и о пролетариате. С одной стороны, его борьба есть лишь составная часть экономического механизма капиталистического способа производства, механизма конкуренции за условия продажи товара – рабочая сила. С другой стороны, борьба пролетариата за более достойные условия жизни привела к постепенному смягчению условий эксплуатации, к созданию механизмов социальной защиты трудящегося населения, что создало условия для

прогрессивной эволюции самого капитализма, повышению роли образованной и квалифицированной части трудящихся, в конечном итоге – к формированию социально-экономических предпосылок коммунистической революции.

Буржуазные революции всегда опирались на широкую поддержку крестьянства, без которой ниспровержение феодальных порядков было бы невозможным. Более того, во многих случаях именно крестьянство обеспечивало наиболее массовую социальную базу антифеодального переворота. Можно сделать аналогичный вывод и о пролетарском движении. *Борьба новых социальных групп, формирующихся в рамках класса наемных работников, за утверждение нового общественного строя, не имеет шансов на успех без поддержки со стороны массового пролетарского движения.*

Так же, как крестьянство (даже уже и лично свободное) было заинтересовано в борьбе против крупного помещичьего землевладения, составляя тем самым массовый отряд общего потока антифеодальной революции, так и пролетариат, будучи заинтересован в освобождении от капиталистической эксплуатации, несомненно, окажет массовую поддержку антибуржуазному движению. И то, и другое, – не предположения, а исторические факты.

Сейчас в гораздо большей степени, чем в 1848 году, капиталистическая система хозяйства выступает как мировая система. Поэтому и развитие коммунистической революции должно рассматриваться обязательно во всемирном контексте. Со стороны классовой структуры общества мировой капитализм представлен сектором отсталых стран с преобладанием эксплуатируемых социальных групп докапиталистического и полукапиталистического типа, сектором новых индустриальных стран с преобладанием промышленного пролетариата, и сектором постиндустриальных стран, только в отношении которых полностью применимы положения, развитые мною выше.

Условия международной борьбы пролетариата существенно изменились по сравнению с XIX веком и первой половиной XX-го. Пролетариат существенно изменил свое этнокультурное лицо. Если в XIX веке это были почти исключительно белые рабочие стран с христианской культурной традицией, относящиеся к романо-германской языковой группе, то теперь рабочий класс стал мультиэтническим и мультикультурным. Хотя глобализующееся мировое капиталистическое хозяйство объективно определяет общие интересы пролетариев всех стран в борьбе против общей глобальной гегемонии капитала, этот общий интерес, чтобы реализоваться, должен еще преодолеть различия в культурных и политических традициях разных групп рабочего класса. Даже такой очевидный факт, как языковой барьер, может служить немалым препятствием для международной солидар-

ности рабочих. Если же к этому добавить разную степень классового самосознания, разные идеологические концепции, националистические предрассудки, конфессиональное отчуждение, несовместимость семейно-бытовых традиций, различие взглядов на роль женщин в обществе и т.д., то становится ясно, что общие экономические интересы еще не означают автоматически и солидарных действий.

Пользуясь этими различиями, всячески поддерживая и консервируя их, капитал разобщает разные группы пролетариата, подчас даже противопоставляет их друг другу, и тем самым охраняет свое господство от своего классового противника.

Поэтому с точки зрения мирового капиталистического хозяйства организация международной классовой борьбы пролетариата имеет еще большее значение, нежели в том случае, если бы мы ограничились рассмотрением лишь группы наиболее развитых стран. Если пролетариат относительно более отсталых стран не включится активно в совместную революционную борьбу, то это задержит и революционизацию рабочего класса развитых стран. Такая революционизация имеет своим условием выпадение капиталистической периферии и полупериферии из общей мировой системы капиталистической эксплуатации, что неизбежно приведет к новому обострению конфликта как традиционного пролетариата, так и новых групп наемных работников развитых стран со «своей» буржуазией – ибо возможности классового компромисса окажутся сразу резко сужеными. *Организованное в международном масштабе пролетарское движение, руководствующееся социалистическими идеалами, является необходимым условием победы коммунистической революции.*

Однако на этом основании нельзя вернуться к тезису об исторической миссии рабочего класса в неизменном виде. Сколь бы ни был количественно преобладающим промышленный пролетариат, и сколь бы острые формы ни принимала его классовая борьба с буржуазией, – вплоть до ниспровержения политической власти последней, – невозможно отождествить его с такой социальной группой, не только непосредственные материальные интересы которой совпадают с развертыванием некапиталистических общественных отношений, но и социально-культурный потенциал которой достаточен для социального творчества, формирующего такие отношения как всеобъемлющую систему.

В рамках капитализма уже начинают формироваться социальные группы, непосредственно включенные (разумеется, лишь отчасти) в зачатки производственных отношений того типа, который будет характерен именно для социалистического бесклассового общества. А потому эти группы более, нежели пролетариат, заинтересованы в переходе к социалистическому бесклассовому обществу, по-

сколькx экономические условия существования пролетариата заключены в противоположности труда и капитала. Мечта о преодолении эксплуатации и классового неравенства была присуща всем угнетенным классам – и пролетариат здесь не составляет исключения. Но построить бесклассовое общество могут лишь те силы, которые уже обладают хотя бы начатками соответствующего социального опыта.

Что же это за новые социальные группы, рождающиеся в процессе разложения основных классов капиталистического общества? Чтобы понять это, надо разобраться, на основе каких социально-экономических предпосылок, рожденных капитализмом, возможна социалистическая революция, и какие именно новые социальные движущие силы революции формируются этими предпосылками. Но прежде нам предстоит понять, что же представляет собой сама социалистическая революция.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Затухает ли классовая борьба пролетариата по мере развития капитализма?
2. Чем можно объяснить факт заметного сужения влияния политических движений, выступающих за ниспровержение капиталистического строя, в развитых капиталистических странах?
3. Каким образом происходит трансформация основных классов данного способа производства в основные классы способа производства, приходящего ему на смену?
4. Какие классы и социальные группы разлагающегося способа производства являются движущими силами социальной революции, опосредующей переход к новому способу производства?
5. Следует ли принимать сформулированную К.Марксом и Ф.Энгельсом концепцию «исторической миссии пролетариата» в неизменном виде?
6. Какова роль классовой борьбы пролетариата в движении к новой ступени общественного развития?

Литература для самостоятельного изучения:

В работе американского социолога, близкого к марксизму, впервые было дано теоретическое объяснение того факта, что рабочий класс не торопится ниспровергнуть капитализм. Там же обоснован тезис о том, что современный капитал эксплуатирует рабочего, используя не только его рабочее, но и свободное время, не только его рабочую силу, но и все качества человека, как личности:

- Charles Wright Mills. The Marxists. N.Y. 1962

В следующей работе прослеживаются некоторые современные тенденции эволюции классовой структуры капиталистического общества:

- Бузгалин А., Колганов А. Глобальный капитал. Часть I, глава 4. М.: URSS, 2007.

Глава 21

Выход из капитализма: революция или реформа?

21.1. Социальная революция и политическая революция

Для идеологов буржуазии вопрос о характере перехода от капитализма к новому общественному строю вообще не стоит – даже как отвлеченная теоретическая проблема. Для них гораздо притягательнее наспех сколоченные идейки, вовсе не имеющие под собой научных оснований (вроде печально знаменитого «конца истории» Френсиса Фукуямы), но которые тешат самолюбие буржуазии иллюзией вечности и незыблемости капиталистических порядков. А еще любезнее их сердцу просто не замечать этой проблемы, тупо веруя в то, что исторический характер может носить все, что угодно – но только не капитализм.

Именно к таким сторонникам самообмана были обращены в 1848 г. слова «Манифеста Коммунистической партии»: «Ваше пристрастное представление, заставляющее вас превращать свои производственные отношения и отношения собственности из отношений исторических, преходящих в процессе развития производства, в вечные законы природы и разума, вы разделяете со всеми господствовавшими прежде и погибшими классами»¹.

Разумеется, ни один общественный строй не вечен, и когда созревает историческая необходимость, существующая общественная система гибнет и ей на смену приходит другая. Но как происходит такой переход от одного общественного строя к другому? *Он происходит путем социальной революции* (см. гл. 8).

Социальная революция означает перерыв постепенного, эволюционного развития, качественный скачок, связанный с быстрым распадом общественных отношений старого способа производства и формированием на их обломках, на основе уже зародившихся предпосылок, переходных элементов и укладов, целостной системы отношений нового способа производства. Социальная революция – это кратковременный, в историческом смысле, процесс, однако это и не

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955, с. 443.

одномоментный переход. Социальная революция в полном объеме занимает многие десятилетия, а иногда и более длительные сроки.

В классово-антагонистическом обществе, где существует государство, *социальная революция, как правило (хотя и не всегда), сопровождается и политической революцией*. Старые господствующие классы, несмотря на развитие социальной революции, на формирование новой системы производственных отношений, стремятся удержать за собой прежние условия своего господства. Они используют для этого аппарат государства, прибегая к правовым, административным, а нередко и прямо насильственным мерам, чтобы затормозить и сорвать происходящие перемены. Поэтому политическая революция, ниспровергающая прежнюю государственную власть, обычно выступает условием развития и завершения революции социальной.

Когда государственную власть захватывают новые общественные классы, они используют ее для целей продолжения и последовательного выполнения задач социальной революции. Политическая революция может протекать за рамками легальности или (гораздо реже) оставаться в этих рамках, она может быть мирной или сопряженной с применением вооруженного насилия, вплоть до гражданской войны. Но в любом случае политическая революция сопряжена с насильственным вмешательством в общественные отношения, и в первую очередь – в отношения собственности. Это вмешательство выступает средством ускорения социального переворота, перехода к новому способу производства.

Как показывает историческая практика, переход к социалистическому обществу также будет происходить через политическую революцию. Даже в том маловероятном случае, если господствующие классы не будут оказывать насильственного сопротивления утрате своего господства, необходимо будет преобразование формы государства, всей системы политического устройства общества для того, чтобы социальная революция – разложение капиталистической системы производственных отношений и формирование на ее месте новой – была обеспечена поддержкой такой формы государства, которое само составляет ступень к изживанию всякой отделенной от общества власти. «Только при таком порядке вещей, когда не будет больше классов и классового антагонизма, *социальные эволюции перестанут быть политическими революциями*»¹.

Ведущей социальной силой (гегемоном) социалистической революции, по представлениям К.Маркса и В.И.Ленина, должен высту-

¹ Маркс К. Нищета философии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955, с. 185. Последнее издание - М.: URSS, 2010.

пать рабочий класс. Однако ниже будет показано, что есть основания для уточнения и даже пересмотра этой позиции, даже с точки зрения классического марксизма.

21.2. Революционная ситуация

В отличие от социальной революции, которая развивается независимо от воли и желания отдельных людей и даже общественных классов (хотя их действия и могут существенно видоизменять темпы и формы этого процесса), в политической революции субъективный фактор играет огромную роль. Тем не менее, и политическая революция вызревает, прежде всего, как объективный процесс, однако обусловленный сложным сочетанием целого ряда объективных и субъективных, закономерных и случайных обстоятельств, которые формируют *революционную ситуацию*.

Революционная ситуация – совокупность условий, делающих возможным развитие политической революции.

Существует известное ленинское определение условий возникновения революционной ситуации (данное им в статье «Крах II Интернационала»), которым я и воспользуюсь для дальнейшего изложения:

"Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы, вообще говоря, признаки революционной ситуации? Мы наверное не ошибемся, если укажем следующие три главных признака: 1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис "верхов", кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы "низы не хотели", а требуется еще, чтобы "верхи" не могли жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в мирную эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, так и самими "верхами", к самостоятельному историческому выступлению.

Без этих объективных изменений, независимых от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов, революция по общему правилу невозможна. Совокупность этих объективных перемен и называется революционной ситуацией. (...) ...Не из всякой ре-

волюционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не "упадет", если его не "уронят".¹ И Ленин добавляет к этому, что социалисты «...отлично знают, что революцию нельзя «сделать», что революции вырастают из объективно (независимо от воли партий и классов) назревших кризисов и переломов истории...»².

Из этого большого отрывка можно увидеть, что революционная ситуация складывается из объективных экономических и социальных факторов. Уже первый тезис Ленина, о невозможности для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство, скрывает за собой целый ворох факторов. Почему господство нельзя сохранять в неизменном виде? Потому что изменились фундаментальные экономические, социальные, классовые, и, как результат, — политические условия осуществления этого господства. На втором месте стоят нужда и бедствия угнетенных классов — а они обостряются так же потому, что фундаментальные социально-экономические условия изменились, и прежняя система отношений уже не обеспечивает нормальное воспроизводство общества³. Эти два фактора ведут к росту активности масс — и потому, что массы уже не могут более выносить сложившееся состояние, и потому, что господствующие классы уже не в силах удержать свое господство без апелляции к массам, и внутри самого господствующего класса разгорается борьба за власть, в которой эксплуатируемое большинство должно выступить как «пушечное мясо».

Однако не из всякой революционной ситуации рождается политическая революция, и не всякая революция бывает победоносной — т.е. приводит к переходу государственной власти в руки иных классовых сил. Для революции необходима достаточно высокая степень осознания массами необходимости, целей и путей революционной борьбы, и претворение этого сознания в организованные политические действия.

Приобретение такой способности — дело длительного исторического развития. При переходе от античного общества к феодальному

¹ Ленин В.И. Крах II Интернационала. // Ленин В.И. Полн. Поли. собр. соч. Т.26. с. 218.

² Там же. С. 246.

³ Разумеется, речь идет об относительном обострении. Рост бедствий трудящихся масс в развитых странах может происходить при уровне потребления, превосходящем тот, который считается вполне благополучным для какой-либо слаборазвитой страны.

можно наблюдать, что действия масс, – в том числе и сознательно вызываемые господствующими классами, – выступают лишь фактором, расшатывающим прежнюю систему власти. Нигде в эту эпоху действия масс не сыграли роль самостоятельного фактора политических преобразований, хотя бы и наряду с другими. Даже если действия масс совершенно самостоятельны, спонтанны – они не способны сыграть самостоятельную роль.

В буржуазной революции действия масс уже гораздо более важны. Без прямой опоры на организованное в определенной степени массовое действие невозможна уже ни революция, ни контрреволюция. Более того, массовые организации эксплуатируемого большинства начинают уже вырабатывать осознание своих особых интересов и защищать свои особые требования. «Масса» впервые начинает выдвигать цель борьбы за приобретение политических прав и свобод для себя с целью борьбы за государственную власть. Примером могут служить движения пуритан, диггеров и левеллеров времен английской буржуазной революции, якобинские клубы, организации «бешенных» и бабувистов эпохи великой французской революции.

Для коммунистической революции уже никакое политическое действие помимо масс и за их спиной не может служить залогом ее успеха. Только то, что эксплуатируемое большинство само осознает и завоевывает в политической борьбе, может служить опорой для коммунистического движения. Не может быть никаких действий «для народа» или «в интересах народа», совершаемых без участия народа или за его спиной, которые бы тем самым по существу своему не создавали бы угрозы утраты коммунистической природы движения. Как было записано еще в Уставе I-го Интернационала, *освобождение рабочего класса есть дело рук самого рабочего класса.*

Для того, чтобы революционная ситуация разрешилась победоносной революцией, пролетариат должен обладать средствами идейной и политической борьбы. Для этого пролетариату необходимо иметь свою партийную организацию и вести постоянную работу по уяснению себе теоретических основ своего освобождения. Без этих условий революция не будет успешной.

Так, например, революционная ситуация 1848 г. во Франции перешла в революцию, которая, однако, в конечном счете, завершилась контрреволюционным переворотом 1850 г. Точно так же завершилась поражением революция 1905-1907 гг. в России. А революционная ситуация, сложившаяся в период крестьянской реформы 1861 г., так и не переросла в революцию.

Становление буржуазного способа производства иногда сопровождается не одной, а несколькими политическими революциями – в том случае, когда революционные преобразования в политической и

юридической надстройке остаются незавершенными или сталкиваются с контрреволюцией. Помимо уже упомянутого российского примера, классический пример такого развития событий – Франция. После Великой Французской революции конца XVIII века потребовались еще революции 1830, 1848 и 1870 гг., чтобы довести дело формирования буржуазной надстройки до конца.

Не доведенные до конца буржуазные революции приводят к необходимости *буржуазно-демократической* революции. Она носит такое название потому, что и по своим целям – обеспечение последовательной буржуазной демократии, и по своим движущим силам – к которым принадлежит не только буржуазия, но и значительная часть трудящегося и эксплуатируемого населения (в том числе – пролетариат), выступающего нередко под собственными лозунгами, отличается от «обычной» буржуазной революции. Нередко буржуазия отходит от борьбы за последовательное осуществление демократических прав и свобод даже в буржуазных рамках, и тогда в буржуазно-демократической революции возможен переход к *гегемонии пролетариата* (то есть пролетариат выступает ведущей социально-политической силой революции).

К.Маркс полагал, что революционное действие пролетариата будет иметь характер *перманентной революции* – начав с осуществления демократических целей, пролетариат в революции будет последовательно выдвигать и решать все более далеко идущие задачи, и таким образом революция приобретет непрерывный характер вплоть до ниспровержения господства буржуазии и установления диктатуры пролетариата.

Споры о трактовке перманентной революции, которые велись русскими марксистами в начале XX века (Плеханов, Ленин, Троцкий) страдали одним существенным пороком – это была попытка применения марксовской концепции перманентной революции в условиях, когда не было достаточных внутренних предпосылок для социалистической революции в России. Фактически этот спор оказался ложной теоретической оболочкой для обсуждения действительных разногласий по вопросам революционной стратегии и тактики.

Успешное осуществление социалистической революции зависит не только от необходимых материальных предпосылок, от наличия революционной ситуации, и от степени сознательности и политической организованности рабочего класса. Эти предпосылки необходимы для успешного взятия власти. А вот для того, чтобы суметь воспользоваться этой властью для совершения революционных преобразований, пролетариат должен владеть определенным уровнем культуры и развить в себе способность к социальному творчеству, к созданию новых форм общественных отношений.

21.3. Революция и реформа

Глубокие преобразования, связанные с развитием социальной революции, не обязательно приобретают в политической сфере форму политической революции, а могут проходить, как политические и экономические реформы. Это происходит в тех случаях, когда борющиеся за свои интересы классы недостаточно сильны и организованы, чтобы провести необходимые для них преобразования революционным путем, а господствующие классы все же вынуждены идти на серьезные преобразования – как под давлением масс «снизу», так и под давлением изменившихся объективных социально-экономических условий.

Так, например, проведение реформ в России в 60-е – 70-е гг. XIX века определялось невозможностью дальнейшего сохранения крепостничества, резкого сословного неравенства, серьезных препонов свободе предпринимательства и соответствующих этим порядкам обветшавших государственных учреждений. Хотя революционная ситуация в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX века не переросла в революцию, накал социальных противоречий был достаточно велик, чтобы побудить господствующие классы к проведению весьма глубоких реформ.

Не сопровождалась политической революцией и буржуазная социальная революция в XIX веке в Швеции, приняв в сфере политической и юридической надстройки вид череды реформ. Помимо указанных выше причин это объяснялось значительным обуржуазиванием самих господствующих классов, а также менее развитыми (по сравнению с другими европейскими странами) сословно-феодальными пережитками в социально-экономической системе Швеции. Во многом аналогичной была ситуация в Норвегии и Исландии.

Таким образом, реформы выступают как альтернатива политической революции, или как результат неудавшейся революции. Политические реформы, начавшиеся с Манифеста 17 октября 1905 года, принесшие России ряд политических свобод и создание сильно ограниченной в правах системы представительной власти (Государственная Дума), были результатом революционных событий, оказавших сильнейшее давление на господствующие классы и заставивших их прибегнуть к реформам под угрозой утраты политической власти.

Однако никогда реформы не предпринимаются в порядке «доброй воли» господствующих классов. Лишь сильнейшее политическое

давление и угроза революционного взрыва являются теми побудительными мотивами, которые принуждают господствующие классы к достаточно глубоким реформам. Достаточно глубоким – для того, чтобы обеспечить развитие коренных социально экономических преобразований, соответствующих объективным требованиям развивающейся социальной революции.

Нередко такие реформы, называемые иногда «революцией сверху», оказываются все же недостаточны, чтобы разрешить противоречия, вызвавшие к жизни социальную революцию. И тогда дальнейшее нарастание этих противоречий неизбежно вызывает к жизни политическую революцию. Так, реформы 60-х гг. XIX века в России не разрешили всех проблем развивающейся буржуазной революции, что вызвало к жизни сначала неудавшуюся политическую революцию 1905-1907 гг., а затем революцию 1917 года.

Коммунистическое движение не должно и не может связывать свою деятельность только с революцией и отказываться от борьбы за реформы. Точка зрения, согласно которой реформы способствуют лишь отвлечению рабочего класса от революционной борьбы – не коммунистическая точка зрения. Коммунисты поддерживают те реформы, которые (1) носят демократический характер, (2) расширяют возможности для классовой борьбы трудящихся, (3) улучшают положение трудящихся классов и (4) ведут к росту предпосылок для социализма.

Однако следует помнить, что революционное решение вопросов преобразования политической и юридической надстройки всегда носит более последовательный характер. Любая борьба за реформы всегда должна подчиняться борьбе за приближение революционного решения вопроса о переходе к социализму. Кроме того, без революционного натиска на господствующие классы и само проведение сколько-нибудь значимых реформ вырвать у господствующих классов невозможно.

21.4. Отмирание государства и диктатура пролетариата

В.И. Ленин в свойственной ему лаконичной манере сформулировал тезис, что коренной вопрос всякой революции – это вопрос о власти. Действительно, политическая революция предпринимается именно для захвата государственной власти и изменения характера всей политической и юридической надстройки так, чтобы обеспечить власть нового господствующего класса, и выполнение этой властью задач по завершению происходящей социальной революции.

Таким образом, в «вопросе о власти» в революции на самом деле скрывается два вопроса: вопрос о классовой природе новой власти, и вопрос о политических формах этой власти.

При переходе от античного общества к феодальному мы наблюдаем смену господствующего класса – на смену крупным землевладельцам-латифундистам, эксплуатирующим труд зависимых мелких землевладельцев и рабов, приходит военно-служилое сословие, получающее земельные пожалования на условиях службы, и гарантирующее земельные наделы крестьянам, попадающим в личную зависимость от представителей этого сословия.

Одновременно наблюдается и смена политической формы. И в первом, и во втором случае это монархия. Но в античной монархии самодержец – это ставленник землевладельцев, осуществляющий ту или иную форму компромисса между крупным и мелким землевладением. Гарантии права земельной собственности в этом случае в общем не связаны с конкретной личностью монарха. Поэтому его власть нередко не является наследственной, а выступает в форме краткосрочной тирании, а в случае ее наследственного характера не обязательно приобретает династическую форму (то есть основанную на наследовании по принципу кровного родства, придающего монархии вид линии сменяющих друг друга на троне последовательных потомков одного рода – династии).

Феодальная монархия опирается прежде всего на одно сословие – военно-служилую знать, получающую земельные пожалования из рук монарха. Поэтому земельная собственность господствующего класса зависит от личности пожалователя, а потому власть очень быстро приобретает форму наследственной (династической) монархии. Сословно-династическая природа феодальной монархии сохраняется вплоть до эпохи буржуазных революций. Эти революции, приводя к власти новый господствующий класс – буржуазию, меняют и формы ее политического господства. Товарное хозяйство, основываясь на фактическом равноправии рыночных контрагентов, неизбежно требует равенства и в политическом представительстве, тем более что буржуазные революции опираются на многочисленную мелкобуржуазную массу, требующую свою долю политического пирога. Это и приводит к смене монархической формы правления республиканской, нередко прикрытой традиционным флером конституционной монархии.

Как же ставит вопрос о власти коммунистическая революция? Точка зрения классического марксизма XIX века состояла в том, что коммунистическая революция призвана превратить пролетариат в господствующий класс, а специфической политической формой его господства будет демократическая республика. Однако к этому да-

368 леко не сводится марксистская точка зрения о природе власти пролетариата.

Государственная власть по своим социальным основам представляет собой *классовую диктатуру*. Это означает, что господствующий в обществе класс контролирует и государственную власть, используя ее в интересах утверждения своего классового господства. Например, власть в буржуазном обществе представляет собой *диктатуру класса буржуазии*, вне зависимости от тех *политических форм (форм правления)*, которые принимает ее господство – будь то парламентская или президентская республика, конституционная монархия или военная диктатура. Соответственно, пролетариат, превращаясь в господствующий класс, устанавливает *свою классовую диктатуру – диктатуру пролетариата*. А наилучшей политической формой этой диктатуры, как уже было замечено выше, является демократическая республика.

Для чего же нужна пролетариату государственная власть?

В отличие от всех прежних господствующих классов, пролетариату государственная машина нужна не для увековечивания своего господства. Диктатура пролетариата есть лишь переходный этап к обществу без классов, и, соответственно, без государства – ибо в таком обществе теряется сам смысл понятия «классовое господство». Однако, чтобы сформировалось общество без классов, именно диктатура пролетариата должна проложить ему путь, обеспечив развитие социальной революции – превращение накопленных еще при капитализме предпосылок социализма в целостную систему социально-экономических отношений нового общества. А для этого потребуется насильственное вмешательство в отношения собственности и преодоление сопротивления прежних господствующих классов, для которых не будет условий существования в становящейся общественной системе.

Характерной чертой завоевания власти пролетариатом является необходимость слома старой государственной машины. Пролетариат не может просто захватить существующий государственный аппарат и пустить его в ход для своих собственных целей. Если в прежних политических революциях речь шла лишь о смене господствующего эксплуататорского класса, и старый государственный аппарат – с определенными видоизменениями, конечно, – мог служить новому эксплуататорскому классу так же, как служил старому, то в коммунистической революции дело обстоит иначе. Пролетариату власть нужна не для подавления эксплуатируемого большинства, а для уничтожения условий для всякой эксплуатации, для всякого угнетения. Слом старой государственной машины, приспособленной именно

для эксплуатации, именно для угнетения, выступает поэтому непрерывным условием успешной политической революции. Речь идет и об изменении форм государственного управления, и о замене кадрового состава государственного аппарата.

Это – весьма непростая задача. Новые формы пролетарской государственности еще только предстоит создать в ходе революции, а новых государственных служащих, действующих в интересах революции, пролетариат так же не имеет в готовом виде. Тем не менее, трудности такого рода не являются непреодолимыми. Постольку, поскольку революция опирается на массовое рабочее движение, организационные формы этого движения и его активные, сознательные участники выступают той основой, на которой может быть создан новый государственный аппарат.

Вторая, гораздо более сложная задача, являющаяся обязательной составной частью политической революции социалистического типа (но для решения которой одной только политической революции недостаточно, а нужно еще и успешное развитие фундаментальных социально-экономических преобразований) – политическое обеспечение отмирания государства.

Коммунистическая революция призвана создать условия для ликвидации всех форм социального угнетения – в том числе и отделенной от общества, стоящей над ним государственной власти. Эта задача не может быть решена «отменой» государства, ибо невозможен одномоментный переход к социальному устройству без государственного принуждения. Для того чтобы выбросить вон, по словам К.Маркса, весь хлам государственности, должны получить предельное развитие демократические формы правления. И лишь когда большинство граждан научится непосредственно участвовать в решении общественных дел, отпадает необходимость в особом аппарате, отделенном от граждан, и государство перерастет в самоуправление народа.

Судьба концепции «диктатуры пролетариата» требует особого обсуждения.

К.Маркс ясно и недвусмысленно определял классовую природу пролетарского государства как диктатуру пролетариата: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата»¹.

---

¹ Маркс К. Замечания к программе германской рабочей партии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961, с. 27.

Зачем же пролетариату нужна эта диктатура? «Классовое господство рабочих над сопротивляющимися им прослойками старого мира должно длиться до тех пор, пока не будут уничтожены экономические основы существования классов»¹.

В какой форме будет осуществлена эта классовая диктатура? «Если что не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут прийти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже великая французская революция»² (имеется в виду Парижская Коммуна 1871 года – А.К.).

Этот достаточно ясный подход претерпел у В.И.Ленина довольно странную интерпретацию. Зная и неоднократно воспроизводя в своих работах соответствующие положения классиков марксизма, В.И.Ленин стал смешивать вопрос о классовой диктатуре, как об определенности *классовой природы* государства, с вопросом о диктатуре как о *форме правления*. В.И.Ленин неоднократно, в разных вариантах, выдвигал следующее определение: «Революционная диктатура пролетариата есть власть, завоевываемая и поддерживаемая насилем пролетариата над буржуазией, власть не связанная никакими законами»³. Хотя Ленин сам несколько раз подчеркивал, что речь идет не о форме правления, он, тем не менее, сползает именно в эту сторону. Или он полагал, что «власть, не связанная никаким законами» есть определение *классовой природы* диктатуры, и что под это определение подпадает *любая форма* классовой диктатуры, в том числе и демократическая республика?

В.И.Ленин, несомненно, прав в том отношении, что революция не обходится без насилия одного класса над другим, и что при завоевании власти пролетариатом в ходе революции он не обязан связывать себя буржуазными законами, а зачастую должен идти прямо против них. Представьте себе вооруженное восстание пролетариата против господства буржуазии, которое опиралось бы на буржуазное законодательство и проходило бы строго в его рамках!

Но выдвигать насилие и не связанную законами власть как главные признаки диктатуры пролетариата – значит, затушевывать именно классовую природу этой власти. Вообще говоря, В.И.Ленину приходилось утверждать почти то же самое – что насилие не есть главное в диктатуре пролетариата, а главное есть созидательная работа по строительству основ нового социалистического общества. Не раз подчеркивал В.И.Ленин и демократический характер пролетарской власти, и свойственную этой власти тенденцию к отмиранию государственного насилия вообще (например, в своей известной работе «Государство и революция»). Однако цитируемое выше высказывание, неоднократно повторенное им в пылу полемики в годы гражданской войны, несомненно, наложило отпечаток на последующее формирование

¹ Маркс К. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия». // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 18. М.: Госполитиздат, 1960, с. 617-618.

² Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 года. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 22. М.: Госполитиздат, 1962, с. 237.

³ Ленин В.И.. Пролетарская революция и ренегат Каутский. // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.37. с. 245.

идеологических клише. Во всяком случае, у И.В.Сталина мы найдем уже полное сведение понятия диктатуры пролетариата к классовому насилию, не ограниченному законами.

Такова была судьба классических марксистских представлений о диктатуре пролетариата. Однако, принимая во внимание приведенную здесь критику концепции «исторической миссии рабочего класса», возникает необходимость соответствующим образом пересмотреть и тезис о диктатуре пролетариата. И вообще, должно ли после-революционное государство представлять собой какую бы то ни было разновидность классовой диктатуры?

Постольку, поскольку классы не исчезают моментально в ходе революции, и поскольку, следовательно, остается классовая борьба, победившие классы нуждаются в государстве для подавления своих противников. Длительность существования такой классовой диктатуры, и ее классовая определенность (т.е. будет ли это диктатура пролетариата или какая-то иная классовая диктатура) будет определяться социальной динамикой революционного процесса – т.е. будет зависеть от того, какие именно классы и социальные группы станут господствующими в результате революции, и насколько быстро будет протекать процесс изживания социально-экономических условий классового деления и исчезновения общественных классов.

21.5. Революционная мораль

Когда многие видные революционные деятели (В.И.Ленин, Л.Д.Троцкий) сводили формулу революционной нравственности к утверждению, что нравственно все, что ведет к победе коммунизма, то, строго говоря, сама эта формула не была ошибочной. Но она была совершенно недостаточной. Если ограничиваться только этой формулой, критерии нравственности могут сползти к печально знаменитому «Катехизису революционера» С.Г.Нечаева, где допустимым для победы революции объявлялось использование любых средств безо всяких ограничений.

В чем же недостаточность краткой формулы «нравственно все, что ведет к победе коммунизма»? Ведь, по всей видимости, она совпадает с позицией Ф.Энгельса, который писал: «Отвлекаясь от вопроса морали – об этом пункте здесь речи нет, и я его поэтому оставляю в стороне, – для меня как революционера пригодно всякое средство,

ведущее к цели, как самое насильственное, так и то, которое кажется самым мирным»¹.

Во-первых, недостаточность этой формулы и ее *несовпадение* с подходом Энгельса состоит в том, что для Ф.Энгельса «пригодность» средств вовсе не выступает критерием их нравственности – он как раз *отделяет* вопрос о пригодности от вопроса моральной оценки. Во-вторых, сама по себе эта формула (как, впрочем, и фраза Энгельса) *не дает критерия оценки пригодности* применяемых средств: ведут ли они в действительности к победе коммунизма или же лишь отодвигают эту победу, дискредитируя революционное движение и развращая его участников?

Поэтому Л.Троцкий, комментируя известную формулу «цель оправдывает средства», справедливо заметил, что цель так же и *ограничивает* применяемые средства, определяя выбор только таких средств, которые действительно ведут к достижению цели².

Можно до какой-то степени уверенности предсказать, как скажутся на движении к новому обществу крупные исторические действия. Но бывает крайне сложно оценить отдаленные исторические последствия не просто сегодняшних отдельных конкретных шагов, а их *форм и методов*. Поэтому нужно искать другой критерий оценки моральности этих методов, основывающийся на выяснении вопроса, *действительно ли они служат победе коммунизма*.

Понимание этой проблемы приводит подчас к позиции, согласно которой все шаги сегодняшнего дня должны оцениваться с точки зрения коммунистического идеала морали – тогда уж не ошибешься. Но тогда из арсенала методов классовой борьбы должны быть исключены *всякое насилие и принуждение*, что означает на деле полную капитуляцию перед классовым противником, широко использующим подобные средства.

С моей точки зрения, к морали можно отнести то же положение, которое верно по отношению к праву – «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»³. Отсюда следует, что революционеры должны придерживаться не некоей абсолютно идеальной «морали будущего», а наивысших моральных стандартов, принятых на данный исторический момент среди тех классов и социальных групп, интересы которых они выражают. Одновременно революционеры должны

¹ Энгельс Ф. Письмо к Герсону Триру (Лондон, 18 декабря 1889 г.) // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 37. М.: Госполитиздат, 1965, с. 275.

² См.: Троцкий Л.Д. Их мораль и наша.

<http://revkom.com/biblioteka/marxism/trotsky/moral4.htm>

³ Маркс К. Критика Готской программы. // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961, с. 19.

стремиться к более высокой (высокой – с позиций интересов освобождения трудящихся классов) нравственности, нежели их классовые противники, и бороться за создание условий для утверждения этих более высоких норм среди поддерживающих их классов общества, а затем и во всем обществе. И именно с этой точки зрения можно судить о том, что является морально оправданным в революционной борьбе, а что – нет.

Обстановка революции, а тем более – гражданской войны и вооруженного насилия, разрывая сложившиеся общественные связи людей, может вести к значительному временному снижению общепринятых моральных стандартов. *Задача революционеров – противостоять этому снижению, а не потворствовать ему.* И в любом случае необходимо соблюдать принцип соразмерности целей и средств. Даже крайние жестокости могут быть допустимы, если речь идет о спасении жизни людей (скажем, расстрелы, чтобы остановить панику в войсках). И напротив, даже малейшее насилие, не связанное с необходимостью предотвратить худшее насилие, не будет оправдано – например, применение расстрела за политическую агитацию, тем более не связанную с призывами к насильственным действиям. «...Когда нет реакционного насилия, против которого надо бороться, то не может быть и речи о каком-либо революционном насилии...»¹.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Каково соотношение социальной революции и политической революции?
2. Что такое революционная ситуация?
3. При каких условиях революционная ситуация переходит в революцию, а революция одерживает победу?
4. Каково соотношение революции и реформы?
5. Почему любая власть в классовом обществе представляет собой форму классовой диктатуры?
6. Необходима ли диктатура пролетариата для победы социалистической революции?
7. Как совместить концепцию диктатуры пролетариата и концепцию отмирания государства при социализме?
8. Сформулируйте для себя собственное представление о принципах революционной морали.

Литература для самостоятельного изучения:

Работы классиков марксизма:

- Маркс К. Ницета философии. // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955.

¹ Энгельс Ф. Письмо Августу Бебелю, 7 октября 1892 года // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 38. М.: ИПЛ, 1965. С. 419.

- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955.
- Маркс К. Критика Готской программы. // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961.
- Маркс К. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия». // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 18. М.: Госполитиздат, 1960.
- Маркс К. Гражданская война во Франции. // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 17. М.: Госполитиздат, 1961.
- Энгельс Ф. К критике проекта социал-демократической программы 1891 года. // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 22. М.: Госполитиздат, 1962.

Работы Ленина, посвященные проблематике революции и диктатуры пролетариата:

- Ленин В.И.. Пролетарская революция и ренегат Каутский. // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.37.
- Ленин В.И. Крах II Интернационала. // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.26.
- Ленин В.И. Детская болезнь левизны в коммунизме. // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.41.
- Ленин В.И. Государство и революция. // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.33.

Работа Троцкого, посвященная революционной морали:

- Троцкий Л.Д. Их мораль и наша
- <http://revkom.com/biblioteka/marxism/trotsky/moral1.htm>

Здесь содержится ряд идей, отражающих поиски новых подходов к социальным (идейным, культурным, политическим) предпосылкам социалистической революции:

- Грамши А. Тюремные тетради. В 3-х частях. М.: Политиздат, 1991.

Пожалуй, лучшее изложение проблематики революции в советский период:

- Водолазов Г.Г. Диалектика и революция. М.: Изд-во МГУ, 1975.

Современный взгляд на социально-экономические условия социалистической революции:

- Бузгалин А., Колганов А. Глобальный капитал. Части I и IV. М.: URSS, 2007.

ГЛАВА 22

СКАЧОК ИЗ «ЦАРСТВА НЕОБХОДИМОСТИ» В «ЦАРСТВО СВОБОДЫ»: ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

22.1. Социалистическая революция: каковы исторические масштабы качественного скачка?

При оценке характера социальной революции, опосредующей переход от капитализма к следующей ступени исторического развития, следует обратить внимание на немаловажное обстоятельство. Капитализм представляет собой способ производства, являющийся исторически последним в развитии всей экономической общественной формации. Поэтому с уходом капитализма с исторической арены уходит в прошлое и вся экономическая общественная формация.

Это означает, что социальная революция, выступающая итогом развития внутренних противоречий капиталистического способа производства, есть не только такая социальная революция, которая опосредует переход от одного способа производства к другому. Одновременно это социальная революция, опосредующая переход от экономической общественной формации к коммунистической (постэкономической).

С точки зрения корректности терминологии такую революцию следовало бы называть «коммунистической» (иногда ее так и называют). Однако уже устоялось наименование этой революции как социалистической. Это связано с довольно широко распространенным применением в марксистской терминологии слов «социализм» и «коммунизм» применительно к низшей и высшей фазам коммунистического общества. С точки зрения такого словоупотребления, та социальная революция, которая ниспровергает капиталистическое общество, обеспечивает переход непосредственно лишь к социализму, а не прямо к коммунизму, а потому и должна называться социалистической. Правда, при этом не принимается во внимание, что социализм тоже есть коммунизм, хотя и неполный. Чтобы не создавать путаницы, здесь я буду придерживаться привычной терминологии, однако прошу читателей не забывать того реального значения, которое стоит за применяемыми терминами.

В некотором отношении социалистическая революция служит водоразделом не только между двумя крупными историческими формациями человеческого общества (экономической и коммуни-

стической), но означает окончание всей предшествующей эпохи развития человечества, как его предыстории («завершается предыстория человеческого общества»)¹, и переход к подлинной истории («с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю»)².

В чем же состоит этот переход от предыстории к возможности сознательно творить свою историю? Стоит привести здесь длинную цитату из работы Фридриха Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»:

«Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь – в известном смысле окончательно – выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружавшие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных отношений, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей»³.

В конце концов Ф. Энгельс резюмирует: «Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»⁴.

Итак, мы видим переход от предыстории – к истории, из звериных условий существования – в условия человеческие, из царства необходимости – в царство свободы. Об условиях и предпосылках этого перехода будет сказано в следующей главе, сейчас же нас интересует его содержание. Содержание же этого качественного скачка заключается в приобретении людьми господства над своими обществен-

¹ Маркс. К. К критике политической экономии. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.13. М: ИПЛ, 1959, с. 8.

² Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.19. М: ИПЛ, 1961, с. 228.

³ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке..., с. 227.

⁴ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке..., с. 228.

ными отношениями, в освобождении от противостояния им как чуждым господствующим силам, в приобретении способности устанавливать общественные отношения между собой как собственное свободное дело. Тем самым, раз общественные отношения перестают быть чуждой человеку, противостоящей ему внешней силой, преодолевается и отчуждение человека от человека и человека от общества

Но почему классический марксизм считает, что выход, благодаря социалистической революции, за рамки капиталистического общества даст именно эти, весьма заманчивые результаты?

22.2. Противоречия прошлого сами несут в себе возможности своего разрешения

Исследование противоречий капиталистического способа производства показывает нам, что эти противоречия ведут к такому развитию капиталистического производства, которое порождает еще в пределах капитализма целый ряд явлений, которые не имеют в полном смысле слова капиталистическую природу, и даже находятся в конфликте с основными производственными отношениями капитализма. Тем не менее эти отношения существуют как составная часть капиталистической хозяйственной системы, ибо без них капиталистическое производство уже не может существовать и развиваться.

Таким образом, капитализм открывает дорогу новым тенденциям в развитии производительных сил, являющимся неизбежным следствием эволюции самой капиталистической системы. Вместе с этими новыми производительными силами (проанализированными в 19 и 23 главах) рождаются и новые, переходные производственные отношения, в которых уже присутствует новое качество, выходящее за рамки качественной определенности капитализма. Именно на изучении этих тенденций и явлений, а не просто на мечтах об идеальном справедливом обществе, построен прогноз марксизма о революционном переходе к новому способу производства.

Хотя капитализм достаточно долго способен встраивать в себя эти новые, чуждые его природе элементы производительных сил и производственных отношений, его возможности не беспредельны. Когда дальнейшее эволюционное накопление некапиталистических элементов в рамках капитализма начинает угрожать ведущей роли фундаментальных основ капиталистического способа производства, капиталистические производственные отношения начинают играть роль тормоза развития. За этой чертой интересы капиталистического класса, порождаемые системой производственных отношений капиталистического способа производства, заставляют капиталистов

препятствовать росту новых, прогрессивных, но отрицающих капитализм тенденций, как в производительных силах, так и в производственных отношениях.

Поэтому оказывается необходимым преодоление рамок капитализма в целом, как системы, чтобы дать простор развитию этих новых тенденций, позволить им приобрести целостный характер, сложиться в новый способ производства. При этом способе производства труд, вместо того быть средством порабощения наемных работников и источником процветания нетрудящихся классов, становится средством освобождения человека – постольку, поскольку он составляет основу для свободного и всестороннего развития человеческих способностей. Но как труд может подобным образом преобразовать свой характер?

К.Маркс подчеркивал, что «царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства»¹.

Человек становится более свободным и в самом материальном производстве, в «царстве необходимости» – ибо необходимость воспроизведения условий материальной жизни остается. «Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе»².

Это утверждение из «Капитала» согласуется с другой концепцией Маркса, что наибольшего расцвета производительные силы человеческого труда получают в развитии научного знания и в технологическом применении науки, а так же и в иных подобных же процессах творческой деятельности. Соответственно, время для развития свободной творческой деятельности, для развития и раскрытия способностей человека приобретает первостепенное значение. Поэтому именно свободное время, в противоположность рабочему – где произ-

¹ Маркс. К. Капитал, т. III. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.25, ч. II. М: ИПЛ, 1962, с. 386-387.

² Маркс. К. Капитал, т. III..., с. 387.

водство диктуется «нуждой и внешней целесообразностью», должно *стать мерилом богатства.*

Как было показано выше, этот прогноз находит подтверждение в современных тенденциях развития капиталистического способа производства – *но в его рамках эта тенденция не может стать всеобщим достоянием даже в потенции.* Более того, современный капитал характеризуется тенденцией к установлению абсолютного контроля над условиями свободного развития человека: над его свободным временем, над творческой деятельностью и ее результатами, над объектами природы, и вообще над миром культурных ценностей. Капитал стремится подчинить все эти сферы жизни человека своим собственным интересам – интересам производства прибавочной стоимости. Тем самым капитал ставит пределы возможностям развития человека в капиталистическом обществе, и эта его тенденция выступает свидетельством приближающегося кризиса капитализма.

Не означает ли такое положение вещей, при котором общественные отношения людей «станут собственным сознательным делом», будут «подчинены их господству», что соотношение общественного бытия и общественного сознания переворачивается? Сознание общественного человека становится господствующим над его общественными отношениями, а значит, и его производственные отношения – это уже не объективные, независимые от человека общественные отношения, как их определял сам К. Маркс? И как тогда меняется концепция способа производства, как взаимообусловленного единства производительных сил и производственных отношений?

Превращение развития человека «по ту сторону материального производства» в самоцель, а свободного времени – в мерило богатства, означает, по меньшей мере, приобретение сферой свободной человеческой деятельности главенствующего положения по сравнению со сферой материального производства (точнее было бы сказать – «вещного производства», ибо развитие способностей человеческой личности тоже есть материальный продукт). Но какой ответ дали бы классики марксизма на те парадоксы, которые вытекают из их собственных тезисов о скачке из царства необходимости в царство свободы (и которые я сформулировал в предыдущем абзаце)? Я не знаю.

Чрезвычайно распространенным является обвинение К.Маркса в том, что его историческая концепция является замкнутой, конечной, и что коммунизм по Марксу выступает «концом истории». Эти обвинения цепляются за слова о переходе от предыстории человечества к его подлинной истории, которая, якобы, и есть, по Марксу, завершённый идеал человеческого общества, а все, что было раньше – лишь предыстория к нему.

Однако для исторической концепции Маркса такая завершенность является совершенно невысказанной.

«Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние»¹.

Буквальное прочтение этой фразы может привести к выводу, что коммунизм в известном смысле слова – как борьба за будущее справедливое общество и ликвидацию условий угнетения человека – был *всегда*, и что *после* коммунистической революции его *не будет*, ибо указанная задача будет решена. Можно, конечно, сказать и так, но тогда все равно остается коммунистическое общество, как общество, являющееся результатом коммунизма, понятого только как борьба за освобождение человека, общество, с которого начинается подлинная история человечества. И Карлу Марксу никогда не приходило в голову, подобно Френсису Фукуяме, предписывать этому обществу какие-то застывшие окончательные формы социальной организации.

Однако на какой основе становится возможным этот скачок из царства необходимости в царство свободы, какие именно изменения – прежде всего, в способе производства материальной жизни общества, – делают его возможным?

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Как с позиций марксистского метода определить масштабы качественно скачка, обеспечиваемого социалистической революцией?
2. Как понимать переход от предыстории человеческого общества к его подлинной истории?
3. Попробуйте разобраться в значениях терминов «царство необходимости» и «царство свободы» и в условиях перехода от одного к другому.
4. Не означает ли преодоление экономической необходимости переворачивание соотношения общественного бытия и общественного сознания?
5. Как меняется при скачке «из царства необходимости в царство свободы» относительная социально-экономическая роль свободного и рабочего времени?
6. Заканчивается ли история вместе с коммунистической революцией?

Литература для самостоятельного изучения:

Работы классиков марксизма:

- Маркс К. К критике политической экономии. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.13. М: ИПЛ, 1959.
- Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.19. М: ИПЛ, 1961.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955, с. 34.

- Маркс. К. Капитал, т. III. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.25, ч. II. М.: ИПЛ, 1962, с. 386-387.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955, с. 34.

Известная работа Адорно подчеркивает момент отрицания при преодолении отношений антагонистических общественных систем:

- Адорно Т. В. Негативная диалектика. М.: Научный мир, 2003.
- <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000743/>
- http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Ador_Neg/index.php

Здесь Лукачем рассматривается, в том числе, проблематика преодоления отчуждения. Данная книга наложила заметный отпечаток на последующее развитие марксизма на Западе:

- Георг Лукач. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. Пер. с нем. Сергея Земляного. М.: Логос-Альтера, 2003. 416 с. Тираж 1500 экз.

Современные подходы к трактовке выхода за пределы экономической общественной формации, скачка из царства необходимости в царство свободы:

- Бузгалин А. В. По ту сторону "царства необходимости" (эскизы и концепции). М.: Экономическая демократия, 1998
- Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Изд-во СГУ, 2005.
- Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации. М.: Таурус, 1995.

Глава 23

Границы капитализма и предпосылки социализма

Решение вопроса о границах капиталистического способа производства имеет в классическом марксизме обширные основания в области марксистского метода исследования и гораздо менее обширные основания в готовых теоретических выводах. Что же касается прямой постановки вопроса о границах капитализма, за которыми производственные отношения, основанные на капитале, из источника прогресса производительных сил превращается в их тормоз и с необходимостью происходит социальная революция, то здесь мы обладаем еще более ограниченным теоретическим наследием. Кроме того, это наследие классического марксизма неизбежно ограничено и тем историческим горизонтом, который был доступен классикам для формирования фактической базы своих теоретических выводов.

С тех пор прошло более века, и приходится констатировать, что вклад последователей Маркса в изучение этой проблемы оказался далеко не столь велик, как того требовало время. И все же, если систематизировать основные шаги вперед, сделанные марксистами после Маркса, и добавить к этому вклад ученых немарксистских направлений в расширение фактической базы соответствующих исследований, это не превратит проблему в решенную, но позволит обозначить новые рубежи для дальнейших исследований.

23.1. Методологические и теоретические предпосылки решения вопроса о границах капитализма

Итак, где кончается капитализм и с необходимостью начинается качественный скачок, революционный переход к социализму?

Чтобы понять характер материальных предпосылок, необходимых для перехода к социалистическому общественному строю, недостаточно затвердить набор немногочисленных цитат из классиков марксизма, обычно приводимых по данному случаю. Во-первых, никакие цитаты из произведений XIX или даже начала XX века не могут полностью разрешить проблемы, стоящие перед социалистическим движением и его теоретиками сейчас, в начале XXI века. Во-вторых, обычный набор цитат не включает в себя целый ряд замечаний, не вписывающихся в распространенную ортодоксальную трактовку материальных предпосылок социализма.

Поэтому нужно не только исследовать поставленную задачу с позиций фактического материала сегодняшнего дня, но и занять при оценке этого фактического материала определенную теоретическую и методологическую позицию. Для марксиста такая позиция заключается, прежде всего, в материалистическом понимании истории, которое в основе исторического процесса видит смену способов производства.

Вспомним, каким образом марксизм рассматривает предпосылки перехода от одного способа производства к другому. Вкратце эти предпосылки заключаются в таком развитии производительных сил общества (куда входит и развитие самого человека, и уровень человеческой культуры), которое становится несовместимым с оболочкой старых производственных отношений. Разумеется, для каждого конкретного способа производства оценка такого уровня развития производительных сил является предметом конкретного исследования.

Доступный нам исторический материал позволяет придти к любопытным выводам, не замечавшимся ортодоксальным марксизмом-

ленинизмом. В рамках экономической общественной формации переход от одного способа производства к другому *ни разу не имел своей предпосылкой переворот в характере применяемых средств производства* (хотя глупо было бы отрицать заметную их эволюцию), а всегда основывался на изменении природы основной производительной силы общества – *работника*. Переворот же в технической основе производства всегда выступал *следствием утверждения новой системы производственных отношений*. Так, например, переход от феодализма к капитализму не потребовал переворота в технической основе производства – потребовалось лишь превращение крепостного сначала в самостоятельного мелкого производителя, а затем в свободного наемного рабочего. Возникновение же новой технической основы производства было обеспечено уже самим капитализмом – путем капиталистического промышленного переворота. Аналогичным образом и переход от античного способа производства к феодальному не имел своей предпосылкой возникновение качественно новых средств производства, а опирался на формирование нового типа работника – сначала лично свободного общинника с отчуждаемым земельным наделом, превратившегося затем в лично зависимого крестьянина с гарантированным земельным наделом.

Однако переход иного масштаба – не от одного способа производства к другому способу производства, а от одной крупной общественной формации к другой, – покоился несколько на другой расстановке предпосылок. Так, переход от доэкономической (архаической) формации к экономической (или от первобытнообщинного строя к эксплуататорскому обществу) имел предпосылкой *не только формирование нового типа работника, – обособленного индивида, работающего в семейном хозяйстве¹, – но и переворот в технической основе производства*: переход от применения преимущественно каменных к применению металлических (медных, бронзовых, железных) орудий труда.

Можно предположить, что и переход от экономической общественной формации к постэкономической (коммунистической) также потребует в качестве своей предпосылки не только возникновения нового типа работника, но и переворота в применяемых средствах производства. Не случайно замыкающим способом производства в экономической общественной формации является именно капитализм, характерной чертой которого выступает постоянное совершенствование технической основы производства.

¹ Разумеется, эта обособленность не была абсолютной, сочетаясь долгое время с сохранением общинных структур, и лишь целую эпоху спустя капитализм создал действительно частного человека, свободного от личной зависимости.

23.2. Что можно сказать о технической основе производства, природе и содержании труда, составляющих предпосылку перехода к социализму?

В классическом марксизме были нащупаны определенные теоретические критерии, определяющие своего рода список требований («социальный заказ») к новой технической основе производства, призванной обеспечить разрешение противоречий, свойственных капитализму и экономической общественной формации в целом. Эти теоретические критерии, выведенные на весьма еще незрелой стадии капитализма, нашли к концу XX века блестящее подтверждение в реальных тенденциях развития современного нам капиталистического общества. Появились новые производительные силы, дающие надежду на практическое решение поставленных К.Марксом в середине XIX века задач.

Что же должны обеспечить новые производительные силы? Они должны создать такие условия, при которых человек покидает сферу непосредственного участия в производстве материальных благ, когда «прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека», когда труд выступает «в виде деятельности, управляющей всеми силами природы» и превращается в «экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку», когда развитие человека происходит «как беспрестанное устранение предела для этого развития», и является «абсолютным выявлением творческих дарований человека»¹.

Кроме того, новая техническая основа производства должна обеспечивать прекращение борьбы за индивидуальное существование². В современных условиях это означает не только достаток средств существования, но одновременно и приемлемое состояние окружающей среды. Разумеется, такой переход невозможен до тех пор, пока целью производства остается накопление вещного богатства, и, более того, искусственное раздувание стремления к потреблению в погоне за расширением рынка сбыта. Соответственно, предполагается такое изменение характера человеческой деятельности, которое приводит к превращению не вещного богатства, а самой

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46. ч. I. М: ИПЛ, 1968, с. 280, с. 476; ч. II. М: ИПЛ, 1969, с. 35, с. 110, с. 221.

² См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.20. М: ИПЛ, 1961, с. 292, 294.

деятельности в первую жизненную потребность (и вместе с этим свободное время как пространство для развития человеческих способностей превращается в мерило богатства)¹.

Можно отметить что тенденция к замещению стремления к накоплению вещного богатства целями, вытекающими из превращения труда в творческую самостоятельность (самореализация индивида в труде, раскрытие его творческих способностей, обеспечение неотчужденных общественных связей с другими людьми, и другие неимущественные цели)², пока является реальностью лишь для довольно узкого сегмента работников в наиболее развитых странах, да и то в формах, весьма искаженных господствующей капиталистической системой отношений.

Нерешенной остается проблема: как возможно вывести на такой уровень развития все человеческое общество? Если ориентироваться на стандарты потребления современной буржуазной цивилизации – то никак, ибо для этого физически не хватит ресурсов Земли. Поэтому предпосылки перехода не могут одновременно сложиться во всех, или даже в большинстве, стран мира, а только в небольшой, наиболее развитой их части, и даже там в рамках капитализма никогда не станут полными. Переход к социализму упирается в проблему переноса этих предпосылок в менее развитые страны, причем таким образом, чтобы миновать ловушку колоссального роста избыточного потребления, свойственного позднему капитализму.

Очевидно, что в любом случае требуется значительный рост производительности общественного труда. Но одновременно становится ясно, что для движения к социализму приемлем *не любой рост производительности труда*, а лишь тот, который опирается на *ресурсоэкономный* путь развития производства и потребления. Иными словами, возрастающее производство общественного богатства должно достигаться при том же, или даже сокращающемся уровне потребления естественных ресурсов.

Другое требование, сформулированное классиками – *освобождение человека от функции частичного рабочего* (по крайней мере, в большую часть времени) и вообще *освобождение его от подчинения общественному разделению труда*³. Это предполагает, по меньшей мере, резкое сокращение времени рутинного репродуктивного труда, как за счет роста производительной, так и за счет роста потреби-

¹ См.: Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II. М: ИГиЛ, 1969, с. 217, 221.

² См.: Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. I. М: ИГиЛ, 1968, с. 476.

³ См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.20. М: ИГиЛ, 1961. С. 305

тельной силы человека (рационализация потребления – не за счет аскетизма в потреблении, а за счет перехода к менее расточительным способам удовлетворения потребностей, в том числе путем сокращения престижного и иррационального потребления).

До сих пор остается гораздо менее ясным, в какой мере освобождение человека от калечащего его подчинения разделению труда будет происходить путем либо универсализации его функций, либо широко распространенной перемены труда¹. В какой мере, и, главное, на какой основе станет возможно обойтись без развития узкой специализации человека? Ведь даже в т.н. творческих профессиях необходимость такой специализации для достижения высоких результатов пока остается реальностью. Вероятно, она и не может быть устранена полностью – будет лишь создана ограниченная только собственными способностями человека возможность перехода к любым видам деятельности. Единственное, что обязательно должно быть выведено за рамки узкой специализации, так это занятия, не предполагающие значительной доли творческих функций (тяжелый неквалифицированный труд).

Создание материальных условий для развития творческих способностей человека в современных условиях «экономики знаний» подтверждает прогноз Маркса о развитии всеобщего труда², основанного на универсальности (и в пространстве, и во времени) кооперации деятельности и обмена знаниями в ходе творческих процессов. Таким образом, развитие процесса обобществления производства приобретает новый облик. Оно не сводится к концентрации и специализации производства, а в огромной степени усиливает сложившуюся еще в индустриальную эпоху тенденцию к «обобществлению человека», то есть к его универсальной социальной подвижности, способности к образованию различного рода ассоциаций и союзов, основанную теперь на всеобщем труде – всеобщей кооперации знаний и творческой деятельности. Эта сторона обобществления производства находит в современных средствах информатики и телекоммуникаций адекватную техническую основу.

Однако современные тенденции в развитии производительных сил сохраняют в обозримой перспективе значительный сегмент производства, основанный на старых полуиндустриальных или даже до-

¹ К. Маркс пишет об объективной задаче: «частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности». (Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.23. С. 453).

² Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II. М: ИГЛ, 1969. С. 110.

индустриальных технологиях. Это значительная часть сферы услуг, где такие профессии, как официант, горничная в отеле, парикмахер, посудомойка, уборщица, продавец и т.д. еще не вышли в основном или хотя бы частью из сферы доиндустриального труда. Произойдет ли в этих отраслях замена ручного труда машинным? Или преобразование содержания труда произойдет на основе каких-то новых, немашинных технологий? Или же эти отрасли останутся отраслями, основанными на межсубъектном взаимодействии, где сохранится прямое обслуживание одним человеком другого?

Ясного и общепринятого ответа на эти вопросы у нас пока нет.

При всех этих оговорках становится все более очевидным, что указанные выше тенденции не могут быть в полной мере реализованы на основе индустриального (машинного) производства. Это вовсе не значит, что выход за пределы машинного производства является *непременным условием* перехода к социализму. Однако формирование еще при капитализме по крайней мере значимого сектора «постмашинного» производства является *необходимой предпосылкой*, позволяющей развернуться указанным выше тенденциям.

Другая сторона вопроса о материально-технических предпосылках социализма – это их *негативное* определение. Известно высказывание Маркса о том, что ни один общественный строй не погибнет раньше, чем исчерпает все возможности для прогрессивного развития производительных сил. Признаки такого исчерпания возможностей современного капитализма, несомненно, налицо, и левая литература пестрит указаниями на войны, экологический кризис, перепотребление, культурную деградацию и т.д. и т.п., как спутников современного капитализма. Но одновременно этот же капитализм смог осилить такие, несомненно, прогрессивные в своей основе сдвиги, как информационную революцию, создание предпосылок постиндустриального общества и экономическую глобализацию.

Однако даже эти прогрессивные стороны развития капитализма в сфере производительных сил неизбежно приводят (именно в силу их прогрессивности!) ко всё большему накоплению в структуре его производственных отношений таких элементов, которые не вытекают из качественной определенности капитализма, да и товарного производства вообще¹. В частности, оправдывается прогноз К.Маркса об эрозии стоимостной основы капиталистических отношений.

---

¹ Эти новые явления уже анализировались ранее (См., например: Бузгалин А., Колганов А. Глобальный капитал. М.: URSS, 2007. С. 53-85; Антипина О.Н., Иноземцев В.Л. Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе // Иноземцев В.Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. М.: Academia, 1998. С. 375-465).

Новый характер деятельности, новое содержание труда порождают и новый тип работника. Это в первую очередь *свободный работник – свободный в том смысле, что его деятельность становится основой свободного формирования и воспроизводства его общественных отношений*¹ (принцип свободной ассоциации тружеников). Предпосылку для такого свободного труда первоначально составляет творческое содержание человеческой деятельности.

Дело не в том, что труд творческий, в противоположность рутинному репродуктивному труду, свободен сам по себе, на основе принципа «не продается вдохновенье...» – то есть вроде бы не может совершаться в рамках какой бы то ни было формы социального принуждения. Современный капитализм показывает, что еще как может! Дело в том, что *именно в творческой деятельности впервые, еще при капитализме, появляется тенденция к свободному формированию общественных отношений*. Эта тенденция весьма ограничена, она проявляется лишь непосредственно в рамках самого творческого процесса, где капитал уже не может диктовать работнику, как решать поставленную творческую задачу. Соответственно, творческий работник сам определяет сеть и характер тех общественных связей, той кооперации знаний, которые он устанавливает в труде. Но за пределами этого процесса капитал жестко задает внешние параметры деятельности, и в первую очередь подчинение этой творческой деятельности задаче производства прибавочной стоимости, погоне за прибылью (что накладывает определенный отпечаток и на содержание творческого процесса).

Ясно, что *в обозримой перспективе даже такая ограниченная свобода будет развиваться в весьма узких рамках*. Ведь труд с преимущественно творческими функциями никогда не станет при капитализме достоянием большинства работников даже в наиболее развитых странах. Замечу, что и с преодолением капитализма, в течение длительной исторической эпохи творческое содержание деятельности не будет являться достоянием всех. По меткому замечанию В.М. Межуева, социализм освобождает человека вовсе не тем, что делает всех творческими гениями.

Каким же образом свободная творческая деятельность может составить тогда предпосылку выхода за рамки капитализма, если осно-

¹ См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.20. М: ИГЛ, 1961. С. 295

ванный на ней новый тип работника формируется лишь в относительно узком социальном слое? Эта проблема преодолевается, если мы примем во внимание, что со снятием оболочки капиталистических производственных отношений становится возможным распространение принципа свободной творческой самостоятельности – по крайней мере, в одном аспекте – на всех. Появляется свобода социального творчества – т.е. именно та самая свобода людей самим творить свои общественные отношения. И уже на основе этой свободы могут завоевываться материальные предпосылки для постепенного распространения возможностей творческой деятельности для каждого человека.

23.4. Как соотносятся тенденции в развитии новых средств производства и формировании нового типа работника с определением экономических предпосылок социализма?

Ортодоксальный «марксизм-ленинизм» вообще отрицал формирование экономических предпосылок социализма в рамках капиталистического способа производства, утверждая, что налицо могут быть только материально-технические предпосылки¹. Сторонники этой точки зрения выдвигали вполне логичный аргумент, что важнейшие экономические отношения социализма могут сформироваться только в народнохозяйственном масштабе, а потому и не могут возникнуть до социалистической революции.

В противоположность им представители более творческого направления в советском марксизме 60-х – 70-х годов отмечали, что в любом случае серьезные сдвиги в производительных силах общества и обусловленные ими изменения в содержании труда не могут не повлечь за собой такие изменения в производственных отношениях, которые ведут к формированию переходных экономических форм. Разумеется, эти переходные формы не являются *полным отрицанием* капиталистических отношений, однако как раз они выступают в качестве экономических предпосылок социализма. Наряду с ними есть и собственно капиталистические отношения, на которые Маркс указывает, как на предпосылки социализма.

---

¹ Это отрицание было политически обусловлено сталинской системой, поскольку позволяло настаивать на достаточности предпосылок строительства социализма в СССР, создаваемых индустриализацией, и снимало проблему ответственности сталинизма за реальное разрушение по меньшей мере части экономических предпосылок социализма, происходившее в ходе его «строительства».

Что же это за отношения, представляющие собой частичное отрицание капитализма в его рамках?

Это те отношения, которые формируются под влиянием развития общественного характера производства, тенденции к росту обобществления производства – т.е. углубления общественного разделения труда, связывающего различные частные работы между собой так, что их независимый характер становится иллюзорным. Одновременно растет сфера нерыночной координации деятельности внутри капиталистических предприятий, масштабы которых с ростом специализации и концентрации производства растут, приобретая в конце концов транснациональный масштаб.

Эти процессы ведут к подрыву товарного характера (а вместе с этим – и стоимостной основы) капиталистического производства. Частное, изолированное, самостоятельное производство все больше заменяется координируемым, регулируемым и даже прямо управляемым в общественном масштабе. Такого рода тенденции не уничтожают капиталистический базис производства, но ведут к возникновению в его структуре таких производственных отношений, которые выражают рост уровня обобществления, развитие тесных связей, охватывающих все звенья общественного разделения труда.

К.Маркс в «Капитале» рассматривал в качестве таких отношений, во-первых, кредитную систему и банки, охватывающие все общественное производство контролем за движением денег, и выступающие как прообраз системы общественного счетоводства¹.

Во-вторых, это развивающийся на основе кредитной системы акционерный капитал, выходящий за пределы «классической» частной собственности и превращающий ее в групповую, расплывая ее нередко среди десятков тысяч собственников, но одновременно резко увеличивая концентрацию производства и капитала и контроль над чужими капиталами со стороны капиталистической олигархии².

В-третьих, это кооперативные предприятия, снимающие (только, разумеется, в пределах самого предприятия) противоречие между трудом и капиталом, и выступающие, по словам К.Маркса, как «положительное упразднение частной собственности»³.

Теоретики периода II Интернационала (Р.Гильфердинг, В.И.Ленин и ряд других) дополнили эти представления по меньшей мере, в двух пунктах.

¹ Маркс К. Капитал. Т. III. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.25, ч. I. С. 483-484.

² Маркс К. Капитал, т. III / / Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.25, ч. I. С. 481-482.

³ Там же.

Во-первых, анализ монополистической стадии капитализма показал расширение планомерной организации производства внутри капиталистической фабрики до масштабов гигантских монополистических объединений, нередко выходящих за национальные рамки. Кроме того, возросшая концентрация и специализация производства и капитала, и образование финансового капитала означали шаг вперед в степени зрелости тех предпосылок, которые создавались акционерной системой и банками.

Во-вторых, сложилась концепция, согласно которой разрозненные, изолированные кооперативные фабрики рабочих могут сыграть свою роль, как предпосылки социалистической системы производственных отношений, если они будут объединены в общенациональную систему под контролем общенациональной потребительской кооперации¹. Особой составной частью этой концепции было развитие идеи, намеченной у Маркса лишь одним штрихом – об использовании кооперативных организаций в качестве меры, обеспечивающей переход от мелкокрестьянского сельскохозяйственного производства к крупному общественному.

Дальнейшие исследования не так много добавили к этому анализу. В послевоенный период в советской политической экономии² была развернута концепция переходных производственных отношений (которой не было у Маркса – не было и самого термина «переходные отношения»). В рамках этой концепции были показаны отличия переходных отношений, выражающих собой зарождение нового способа производства в рамках еще господствующего старого, и переходных отношений, выражающих собой отмирание старого способа производства в рамках становящегося нового. Кроме того, продолжались уточнение, конкретизация, и наполнение свежими фактами уже сложившихся ранее теоретических концепций.

Значительно расширились и углубились наши знания о возможности организации производства без капиталистов. Такое производство уже не сводится к кооперативным фабрикам рабочих, а представляет собой целый сектор «экономики солидарности» (или «экономики участия»), начиная от акционерной собственности работников и кончая различными формами добровольного бесплатного тру-

---

¹ Отражение этой концепции можно видеть в «Проекте резолюции о кооперативах российской с.-д. делегации Копенгагенского конгресса», подготовленной В.И. Лениным к Восьмому конгрессу II-го Интернационала (Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т. 19. с. 310–311).

² Разработка этой концепции велась в основном университетской («цаголовской») школой политической экономии в 60-е – 80-е годы XX века.

да¹. Однако удельный вес этого сектора в капиталистическом хозяйстве в целом не столь велик (хотя в отдельных странах он играет значимую роль в некоторых секторах экономики). Возможно, поэтому роль этого сектора – и в качестве составной части поздней капиталистической экономики, и в качестве предпосылки перехода к социализму – еще не подверглась новому теоретическому осмыслению.

Анализ глобализации марксистами внес немало нового в понимание эволюции капитализма и в оценку исторической ступени его зрелости. Однако и этот анализ пока не привел к достаточно ясному формулированию идей, показывающих то новое, что глобализация вносит в экономические предпосылки социализма, за исключением очевидного наблюдения, что теперь эти предпосылки начинают приобретать глобальный характер².

Следует особо подчеркнуть, что все проанализированные выше предпосылки так или иначе отражают процессы обобществления (роста общественного характера) производства в рамках капитализма. В.И. Ленину даже принадлежит выражение, что научный социализм исходит из факта обобществления труда капиталом. Однако эти экономические формы, выражающие тенденцию обобществления производства, проявляющуюся *при капитализме*, не могут рассматриваться в качестве уже *готовых* оснований для системы социалистических производственных отношений. В этом смысле тот оптимизм, который демонстрировал Ленин в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», не вполне оправдан. *Те экономические отношения, которые составляют экономические предпосылки социализма, не есть еще элементы самого социализма – это все-таки лишь переходные экономические отношения.*

Этот факт, правда, лишь в отношении банковской системы, отметил еще Н.И. Бухарин, указав на то, что банковская система не есть вполне готовый механизм общественного счетоводства для социализма, поскольку она обеспечивает учет на основе стоимостных отношений, в то время как социализм преодолевает товарное производство.

¹ Подробнее смотри: Колганов А.И. Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. М.: Экономическая демократия, 1993; Рудык Э.Н. Производственная демократия: теория, практика, проблемы становления в России. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1998; Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономическая компаративистика. Параграф 2.3.3. М.: ИНФРА-М, 2005; Rifkin J. The End of Work. Chapter 17. Empowering the Third Sector. N.Y.: A Tarcher/Putnam Book, 1996.

² Некоторые более или менее общие – но при этом и довольно расплывчатые – соображения о новых условиях борьбы за ниспровержение капитализма были даны в книгах Майкла Хардта и Антонио Негри «Империя» и «Множество» (Майкл Хардт, Антонио Негри. Империя. М.: Практика, 2004; Майкл Хардт, Антонио Негри. Множество. М.: Культурная революция, 2006).

Итак, у нас есть определенное понимание того, как развитие внутренних противоречий капитализма и рост обобществления производства формируют экономические предпосылки социализма. Однако пока нет практически никаких исследований, в которых бы изучался вопрос о том, в какой степени должны быть развиты эти экономические предпосылки социализма (и какие именно из них в первую очередь), чтобы создать *достаточные* экономические основания для перехода к социализму.

Имеется немало исследований, показывающих нам формирование *социально-экономических* предпосылок социализма на основе развития творческого содержания труда, высвобождения человека из непосредственного процесса материального производства и т.п., что сейчас получило наименование *постиндустриальных тенденций*. В буржуазной экономической теории эти процессы уже получили ту или иную экономическую интерпретацию (например, в виде «экономической теории информации» или в концепции «человеческого капитала»). Марксисты же, обосновывая свою критическую позицию по отношению к такой интерпретации, не дали еще своего собственного позитивного видения этих тенденций как социально-экономических предпосылок социализма, отделяясь общими положениями о возрастании роли человека в производстве, о свободном времени, как мериле богатства и т.д., то есть рассматривая эти тенденции как подтверждение теоретических выводов, сделанных Марксом еще в середине XIX века. Единственный пункт, который до какой-то степени можно поставить нам в заслугу – это указание на тенденцию к формированию всеобщей собственности на знания и информацию как реальной альтернативы частной интеллектуальной собственности и коммерческой тайне. Некоторые исследователи указывают на эту тенденцию как на главную основу формирования *общей собственности* при социализме.

Еще более сложным и теоретически не проясненным остается вопрос о том, как *экономические предпосылки социализма* могут составить фундамент для формирования производственных отношений коммунистического общества, носящих уже *не экономический* характер.

23.5. Производительные силы, производственные отношения и социальные предпосылки социализма

Проделанный выше обзор формирования материально-технических, деятельностных (трудовых) и экономических предпосылок социализма достаточно ясно *свидетельствует о развитии*

процесса разложения капиталистического способа производства. Следовательно, можно сделать вывод и о том, что должен происходить и процесс разложения основных классов капиталистического общества – класса капиталистов и класса наемных работников (этот процесс уже был проанализирован выше).

Факты подтверждают этот вывод. Действительно, классическая фигура частного капиталиста неудержимо расплывается в пространстве, будучи затерянной где-то между крупными, средними и массой мелких акционеров, директорами, высшими менеджерами и прочими управляющими, банкирами, финансовыми спекулянтами, маклерами и брокерами, ведущими специалистами исследовательских отделов корпораций, владельцами и вкладчиками пенсионных фондов и т.д. Одновременно численность фабрично-заводского пролетариата в странах развитого капитализма неумолимо сужается, расплываясь, с одной стороны, на слой квалифицированных специалистов и профессионалов, непосредственно обслуживающих интересы капитала, и имеющих соответствующие доходы, и, с другой стороны, на массу малоквалифицированных и полуквалифицированных работников сферы услуг, распыленных, не спаянных в крупные коллективы, часто занятых временно или частично, и чей заработок нередко не дотягивает до прожиточного минимума.

И эти «неприятные» факты заставили немало понервничать левых теоретиков, ибо они ставили под сомнение их понимание классической марксистской концепции об «исторической миссии пролетариата» как могильщика капитализма. Некоторые из них решили сдать историческую миссию пролетариата в утиль и подыскать на его место кого-нибудь другого (например, интеллигенцию или «когнитариат»). Другие вышли из затруднений, распространив понятие пролетариат на всех лиц наемного труда (вне зависимости от их действительной роли в экономической системе). Третьи заявили, что, несмотря на все перемены, пролетариат по-прежнему остается пролетариатом – и точка.

На самом деле требовалось, прежде всего, обратить внимание на тот факт, что при смене способа производства его движущей социальной силой никогда не выступал только конфликт между основными классами «старого» способа производства. Более того, самая активная (ведущая) роль в социальной революции (другими словами, гегемония) принадлежала всегда новым социальным слоям, бывшим продуктами разложения основных классов прежнего общества и ис-

ходным материалом для формирования основных классов нового способа производства¹.

Разумеется, эти новые слои длительное время выступали в старой социально-правовой оболочке. Например, буржуазия, как мелкая, так и крупная, а также и предпролетариат, к началу буржуазной революции во Франции несли на себе общее одеяние «третьего сословия». Значительная часть буржуазии в России XIX века по документам значилась крестьянами или мещанами (т.е. городскими простолюдинами). Крестьянами числилась и часть фабрично-заводских рабочих.

В современном капиталистическом обществе наемным работником может именоваться полунисший поденщик, перебивающийся случайными заработками, заводской рабочий, профессор университета и генеральный директор крупной корпорации. Но даже если мы выделим в этой пестрой толпе только тех, кто эксплуатируется капиталом (а не является агентом капитала по эксплуатации труда), и для кого систематическая продажа рабочей силы является основным способом существования, это еще не решает проблемы.

Дело в том, что значительный (хотя и составляющий явное меньшинство) слой наемных работников, занятых по преимуществу, или в существенной степени творческими функциями, отличается по своему социально-экономическому положению от «классического» фабрично-заводского пролетариата. Переход от машинных технологий к постмашинным создал и *нового наемного работника* – не частного фабричного рабочего, подчиненного как диктату капитала, так и власти фабричной системы, а творческого работника, реализующего значительную степень свободы в своей деятельности, и в этой части претендующего на независимость от капитала.

Как уже было сказано выше, эта независимость весьма относительна, но потенциально не ограничена, а потому и является основной конфликта интересов между творческими работниками и капиталом. Этот конфликт имеет своей основой то же отчуждение труда, которое гнетет любого наемного работника. Но *новый тип творческого работника отличается от классического фабрично-заводского пролетария тем, что в самом процессе своего труда он потенциально (а отчасти – и реально) свободен от диктата капитала. Для него остается в силе формальное подчинение труда капиталу, но реальное уже начинает размываться.*

---

¹ Как уже отмечалось, одним из первых среди марксистов обратил внимание на эти обстоятельства американский социолог Чарльз Райт Миллз (См., например: Ch. Wright Mills. *The Marxists*. N.Y. 1962, p. 116).

Именно это различие создает и различие в характере того, что, вслед за К.Марксом, можно было бы назвать «исторической миссией» данных социальных групп внутри класса наемных работников.

Объективные экономические интересы основной массы фабрично-заводского пролетариата могут быть сведены к высокой заработной плате для себя, и к сужению дохода капиталиста до уровня зарплаты высокооплачиваемого управляющего. Не следует забывать и о *внутренне присущих* пролетариату чертах мелкобуржуазности (пролетарий ведь *одновременно и рабочий, и торговец* – продавец своей рабочей силы). Да, борьба рабочего за достойные условия труда и его оплаты революционизирует капиталистическое общество, подталкивает его к изменениям, в том числе и выходящим за пределы собственно капиталистических отношений. Да, рабочий страдает от гнета капитала и не прочь бы вообще избавиться от его власти...

Но что же дальше? Даже ниспровержение капитала не освобождает фабрично-заводского рабочего от его *фабричного* рабства, хотя бы *наемное* рабство уже было ликвидировано. А с сохранением первого, порождающего противоречие интересов управляющих и управляемых, умственного и физического труда, ущербность частичного работника и т.д., весьма вероятно вернется и второе (печальный опыт СССР недвусмысленно свидетельствует об этом). Кроме того, фабрично-заводской пролетариат выступает таким классом, который *обречен на гибель* вместе с гибелью капитализма и становлением бесклассового социалистического общества.

Какой же социальный слой по роду своей деятельности, по месту в общественном производстве не только заинтересован в преодолении любых классовых перегородок, любого социального гнета, но и *имеет практический опыт такого преодоления, практическое знание о путях и способах, которыми решается эта задача?* Именно та часть наемных работников, которая связана с выполнением творческих функций.

До сих пор капитал довольно успешно справлялся с теми противоречиями, с которыми связано положение творческого работника в системе капиталистических отношений. На ранних стадиях промышленного капитализма число таких работников было невелико, и значительная часть из них занимала особое положение «лиц свободных профессий», что сближало их по статусу с мелкими буржуа, делая их продавцами продуктов со своего частного «интеллектуального огородика». Затем, с развитием технического прогресса, происходит количественный рост этого слоя и превращение большинства его представителей в наемных работников. Творческая деятельность по развитию и технологическому применению научных знаний пре-

вращается из поля индивидуальной (частной) инициативы в крупную, капиталистически организованную отрасль производства, покоящуюся на использовании наемного труда.

Однако и теперь капитал все еще способен создавать для значительной части таких работников относительно привилегированные условия – как по уровню дохода, так и по условиям труда. Поэтому творческие работники (ученые, инженеры, преподаватели, врачи, журналисты и т.д.) в массе своей, хотя и тяготятся властью капитала, но стремятся к освобождению от него именно как привилегированная каста, добываясь такого освобождения только для себя. Более того, многие видят путь своего освобождения от власти капитала в том, чтобы самим сделаться капиталистами – подобно тому, как французский буржуа XVII столетия мечтал о покупке дворянского патента или женитьбе на дворянке. Ведь значительная часть творческих работников – менеджеры, агенты финансового рынка, агенты политического и идеологического манипулирования и т.п., – по своему положению в системе капиталистического производства привязана к непосредственному обслуживанию самовозрастания капитала.

И все-таки возможности капитала по социальному подкупу всего этого слоя не беспредельны. Многие творческие работники, независимо от своего привилегированного положения, осознают общность своих интересов с другими отрядами наемных работников в противостоянии власти капитала. Кроме того, с ростом количества рабочих мест, нуждающихся в выполнении творческих функций, возможности подкупа со стороны капитала сужаются. Становится невозможным подкупить всех. И часть творческих работников все активнее включается в борьбу против власти капитала – первоначально в основном под своими, специфическими «цеховыми» лозунгами.

Эти «цеховые» лозунги, – свобода доступа к знаниям и информации, контроль над использованием научных результатов ради блага людей, а не вопреки ему (ради прибыли капиталистов) и т.п., – чем дальше, тем больше совпадают, однако, с интересами всех наемных работников. Разве фабричному пролетарию или малоквалифицированному работнику сферы услуг не нужен свободный доступ к высшему профессиональному образованию, если не для себя, то для своих детей? Разве не заинтересован любой наемный рабочий в том, чтобы лишить капитал «священного права» травить людей отходами производства или угрожать их здоровью не проверенными генномодифицированными продуктами?..

Наконец, с ниспровержением власти капитала «цеховые» лозунги творческих работников могут превратиться в универсальные цели всего общества: «образование – для всех», сокращение рабочего дня, доступ к культурным благам в свободное время, достижение равно-

весия с природной средой... Эти лозунги могут стать основой такого преобразования материальных условий производства (развития производительных сил), которое создаст действительную возможность для свободного развития человека.

Поэтому, на мой взгляд, «могильщиком капитализма» может стать как раз союз традиционного наемного работника (фабричного пролетария) и наемных рабочих сферы услуг с наемным работником нового типа – творческим работником. Самостоятельно ни та, ни другая социальная группа не смогут решить эту задачу. Фабричные рабочие и работники сферы услуг – потому, что условия их труда и их положение в общественной системе производства ограничивают их способности в части преобразования общества на социалистических началах. Творческие работники – потому, что социалистические отношения могут быть сформированы только в процессе социального творчества, захватывающего большинство населения. А для этого надо преодолеть собственную цеховую узость, прийти к борьбе за интересы большинства и завоевать практическую поддержку этого большинства.

Следует особо отметить, что даже наиболее бесправные и угнетенные слои современных наемных работников (в отличие от классических люмпенов), не занятые творческими функциями, и не имеющие доступа к высокому уровню культуры, отнюдь не лишены способности к социальному творчеству. Это доказано опытом последнего десятилетия в Латинской Америке, где в ряде стран беднейшие слои населения продемонстрировали высокую степень способности к систематической самоорганизации в борьбе за свои права.

Стоит заметить, в связи с этим, что главным стимулом антикапиталистического протеста наемных работников является не уровень заработной платы, и не стремление отобрать прибавочную стоимость у капиталиста и положить себе в карман. Этот стимул действует, но он в гораздо большей степени подталкивает к экономической борьбе за условия оплаты труда, нежели к борьбе за революционное ниспровержение капиталистического строя.

23.6. Оценка степени готовности предпосылок социализма

Следует сразу сказать – никакая теория (и марксизм здесь не исключение) не может обладать неким прибором или формулой, способным аптекарски точно фиксировать степень напряженности противоречий между производительными силами и производственными

отношениями, и, соответственно, указывать на точный процент готовности капитализма к выходу за свои пределы. Мы, однако, в состоянии зафиксировать некоторые необходимые качественные параметры (которые я и попытался представить выше), на основе которых можно делать и более или менее приблизительные количественные оценки.

Крайне важно обратить внимание на тот факт, что в условиях глобализации уже совершенно необходимо ставить вопрос о преодолении капитализма в ходе социальной революции в масштабах мирового капиталистического хозяйства. Поскольку *национально-изолированная социальная революция окончательно становится невозможной*, встает проблема оценки условий международного распространения этой революции. Следовательно, без решения вопроса о характере и перспективах конфликта между развитым ядром капитализма и менее развитой полукапиталистической периферией нельзя верно определить перспективы движения к социализму.

В какой мере, например, социалистическая революция, охватывающая полупериферию и периферию мирового капитализма, и подрывающая тем самым привилегированное положение стран ядра капиталистической системы, может стать необходимым условием обострения противоречий в капиталистическом ядре, и создания там предпосылок для социалистической революции? Исторический пример Октябрьской революции 1917 года в России, оказавшей колоссальное воздействие на эволюцию мирового капитализма, показывает, что воздействие революции на периферии и полупериферии капиталистического хозяйства на революционизирование развития капиталистического ядра может быть весьма существенным, если не решающим.

Кроме того, *социальная революция*, ведущая к изживанию капиталистического способа производства и выходу за пределы мира отчуждения, *не является продуктом только лишь противоречия между производительными силами и производственными отношениями*. На ее вызревание влияют особенности исторической эволюции классов и социальных групп, развитие особенностей их социальной психологии, место той или иной страны в сложившемся международном разделении труда и масса других обстоятельств, определяющих конкретное соотношение социально-политических сил в национальной и международной политической борьбе. Ход этой борьбы, в свою очередь, зависит от наличия и характера организаций, представляющих интересы различных классов и социальных групп, от их зрелости, сплоченности, от решения теоретических и идеологических вопросов, от личных и политических качеств лидеров и т.д.

Да и вообще говоря, история никогда ничего не дает нам в чистом виде, соответственно абстрактным теоретическим схемам.

Учет всех этих многообразных обстоятельств зависит уже не только от науки, но и от искусства политической борьбы, причем сама практическая общественно-политическая деятельность (включая сюда также теоретическую и идеологическую борьбу) выступает немаловажным фактором, влияющим на перспективы социальной революции.

Победа может быть достигнута только в борьбе – ни одно историческое действие не свершится кем-то или чем-то за нас и без нашего участия.

Тем не менее, даже принимая во внимание все указанные выше обстоятельства, марксисты не могут обойти вниманием весьма сложный теоретический вопрос, который был поставлен перед ними ходом исторических событий XX века. Этот вопрос заключается в следующем: каковы перспективы социалистической революции, если она начинается в условиях, когда объективные предпосылки для перехода к социализму явно недостаточны? Ответ на этот вопрос уже не может, со всей очевидностью, носить абстрактно-теоретического характера, и потому может быть дан только после анализа соответствующей исторической практики (чему будет посвящен один из последующих разделов).

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Какие изменения в сфере производства подготавливают переход от одного способа производства к другому, от одной общественной формации к другой?
2. Какие тенденции в современных производительных силах подталкивают к выходу за рамки капиталистических производственных отношений?
3. Какие изменения в характере человеческой деятельности вступают в конфликт с экономическим строем капитализма?
4. Может ли в рамках капитализма появиться новый тип работника – работник, занятый свободным творческим трудом? В какой мере это возможно, а в какой – нет?
5. Что можно сказать о появлении при капитализме переходных производственных отношений, т.е. отношений, частично отрицающих капитализм (пока еще в его собственных рамках)?
6. Каковы признаки, позволяющие говорить о разложении основных классов капиталистического общества?
7. Какую эволюцию претерпевает современный наемный работник и как в связи с этим меняется роль фабрично-заводского пролетариата в антикапиталистической борьбе?
8. Как на оценку развития предпосылок перехода от капитализма к социализму влияет факт развития капиталистической глобализации?

9. Какова роль оценки конкретно-исторических обстоятельств при определении степени развития предпосылок социализма и степени готовности капиталистического общества к социальной революции?

Литература для самостоятельного изучения:

Работы классиков марксизма:

- Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг./Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46. ч. I. М: ИГЛ, 1968, с. 280, с. 476; ч. II. М: ИГЛ, 1969, с. 35, с. 110, 217, 221.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг./Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.20. М: ИГЛ, 1961, с. 292, 294, 295, 305.
- Маркс К. Капитал, т. I / Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.23, с. 453.
- Маркс К. Капитал, т. III / Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.25, ч. I, с. 481-484.

В этих двух работах содержится современный марксистский взгляд на развитие противоречий капитализма и формирование предпосылок социализма:

- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология. Части 1-3. М.: Культурная революция, 2009.
- Бузгалин А., Колганов А. Глобальный капитал. М.: URSS, 2007.

Предлагаемая работа – одна из крайне немногих, где прослеживается эволюция категории стоимости в современном капитализме:

- Антипина О.Н., Иноземцев В.Л. Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе / Иноземцев В.Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. М.: Academia, 1998, с. 375-465.
- (Либо здесь: Антипина О., Иноземцев В. Диалектика стоимости в постиндустриальном обществе. // МЭМО, 1998, № 5,6,7).

В следующих четырех работах прослеживается формирование при капитализме экономических отношений и институтов, выходящих за рамки капиталистических отношений и частной собственности:

- Колганов А.И. Коллективная собственность и коллективное предпринимательство. М.: Экономическая демократия, 1993;
- Рудык Э.Н. Производственная демократия: теория, практика, проблемы становления в России. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1998;
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономическая компаративистика. Параграф 2.3.3. М.: ИНФРА-М, 2005;
- Rifkin J. The End of Work. Chapter 17. Empowering the Third Sector. N.Y.: A Tarcher/Putnam Book, 1996.

В данных двух работах содержится довольно интересная, хотя и весьма расплывчатая, и замутненная постмодернистским способом мышления попытка разобраться с новыми аспектами социальных конфликтов в эпоху глобального капитализма:

- Майкл Хардт, Антонио Негри. Империя. М.: Праксис, 2004;

ГЛАВА 24

НАУЧНЫЙ СОЦИАЛИЗМ И ОПЫТ «РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА»

Научный социализм не ставил и не мог ставить себе задачу представить во всей полноте картину будущего социалистического общества. Максимум возможного, что мог дать научный социализм – это сделать определенные, самые общие, выводы на основе развития противоречий капиталистического общества, и появления в недрах самого капитализма средств разрешения этих противоречий.

Так обстояло дело до того момента, как свершилась революция, взявшая на вооружение социалистические лозунги, и была предпринята попытка сделать социалистическое общество реальностью. С этого момента стало невозможно не считаться с практикой борьбы за построение социалистического общества. И сразу же возникла проблема: как быть, если эта революционная практика расходится с имеющимися теоретическими прогнозами (пусть и самыми абстрактными) относительно условий формирования и облика социализма?

Тот, кто попытается «в лоб» применить здесь известную формулу «практика – критерий истины», рискует оказаться в дураках. Дело в том, что *на самом деле* здесь мы имеем дело не с сопоставлением практики и теории, а с сопоставлением теоретических выводов, сделанных на основе двух различных практик.

Научный социализм стремится опереться в своих теоретических выводах на историческую практику всего предшествующего развития человечества, и в особенности – на практику развертывания противоречий капиталистического общества. Обобщения и выводы, которые можно сделать из опыта СССР и «мировой социалистической системы», опираются в основном на практику попыток формирования социалистического общества в странах, где для этого не созрели необходимые материальные предпосылки. Если это и социальный эксперимент, то поставленный для проверки совсем не тех разделов научного социализма, которые непосредственно касаются формирования коммунистического общества.

Однако было бы столь же глупо отмахнуться от этого исторического опыта. Сколь бы ни были недостаточны предпосылки для дви-

жения к социализму, но они все же были, и исторической реальностью было формирование многочисленных общественных форм, выходящих далеко за пределы возможного и допустимого при капитализме. Поэтому опыт становления и функционирования общества «реального социализма» *обязательно должен быть принят во внимание*, но при обязательном учете того, что это – *не тот социализм, который является продуктом наивысшей точки развития и напряжения противоречий капиталистического общества.*

На что же из опыта «реального социализма» XX века мы можем опереться в построении более обоснованной теоретической картины социалистического общества? И что мы должны отбросить как чуждое, неорганичное социализму? Вот здесь на первый план выходят наиболее фундаментальные положения марксистского метода и теории научного социализма. Они дают нам критерии, позволяющие попробовать выделить в хаосе фактов *то, что относится к закономерным проявлениям именно коммунистической тенденции* развития – не исключая и новых, ранее неизвестных явлений и закономерностей.

Коммунистические тенденции, их основания в развитии производительных сил человеческого общества, материальные и социально-экономические предпосылки социализма, формирующиеся в рамках капиталистического общества – все это было рассмотрено в предыдущих главах, и нет необходимости повторять это здесь. Теперь нам предстоит использовать это знание, чтобы реконструировать социально-экономический строй социалистического общества.

Эта реконструкция выделяет три особых исторических периода: переходный период – период революционного перехода от капитализма к коммунизму, первую фазу коммунизма («социализм», неполный коммунизм), и высшую фазу коммунизма (собственно коммунизм). *Такая периодизация не носит твердо установленного научной, или, тем более, нормативного характера, а выступает лишь как гипотеза, опирающаяся на наблюдение некоторых общих закономерностей исторического развития.* Пока исторический опыт XX века дает материал для подтверждения этого теоретического прогноза лишь относительно переходного периода, а также свидетельствует о том, что за пределами переходного периода может складываться отличная от него, более стабильная социально-экономическая структура.

При исследовании шагов становления коммунистического общества следует иметь в виду, что это переход не только от капитализма, но и от всей экономической общественной формации, и даже шире – от всей так называемой предыстории человечества. Поэтому произ-

водственные отношения коммунизма уже не являются в полной мере экономическими отношениями даже на его первой исторической фазе, а производящая система общества может быть названа хозяйством, но не может быть в точном смысле слова названа экономикой.

Кроме того, ни в коем случае нельзя забывать, что коммунистическое общество с точки зрения марксизма – это вовсе не равнозначная какому-нибудь докоммунистическому способу производства историческая ступень. Способ производства после коммунистической революции, безусловно, меняется, поскольку меняются производительные силы, и соответствующая им система производственных отношений. Однако историческое развитие после коммунистической революции, в коммунистическом обществе, не сводится только к этой перемене. *Меняется сам способ исторического развития человечества* – и это гораздо более важная перемена, чем перемены в способе производства. Коммунистическая революция открывает тем самым не просто дорогу к новой исторической ступеньке с новым способом производства, а дорогу к *новой исторической эпохе*, где сам способ исторического бытия человека меняется (вспомним, что было сказано в главе 22 о переходе от предыстории человеческого общества к его подлинной истории). Коммунизм *не завершается* становлением и утверждением нового способа производства – напротив, только тогда открывается дверь к подлинному историческому бытию человека.

Поэтому то, что мы сможем сказать ниже о социально-экономической системе коммунистического общества, составляет лишь некоторую часть действительного смысла коммунизма, как исторического движения.

Вопросы для самостоятельного изучения:

Предлагаем читателю вернуться к этой главе после прочтения всего учебника и поставить перед собой вопросы:

1. В какой мере исторический опыт «реального социализма» пригоден для теоретического исследования социалистического общества?
2. На какие еще источники можно опереться при теоретическом исследовании социализма?

Литература для самостоятельного изучения:

В этой работе сделана попытка рассмотреть, что из багажа советской политической экономии может быть нам полезно для понимания современной эпохи и будущего социализма:

- Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века. М.: ТЕИС, 2003.

Здесь рассматривается многообразный исторический опыт попыток создания общества, где главенствуют трудящиеся:

- Государства и общества трудящихся: историческое наследие. Омск: Изд-вл ОмГПУ. 2010.

ГЛАВА 25

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Переходный период от капитализма к первой фазе коммунизма характеризуется тем, что первоначальный уровень производительных сил унаследован от капиталистического общества и не может быть изменен в короткие сроки. А вот насильственное вмешательство в экономический строй, определяемое революцией, и в первую очередь вторжение в отношения собственности, весьма быстро меняют экономический базис общества.

«Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»¹. Подобно тому, как капиталистический способ производства отрицает в своем развитии индивидуальную частную собственность, основанную на собственном труде, социалистическая революция отрицает капиталистическую собственность. «Это – отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства»².

Что такое эта индивидуальная собственность на основе общего владения? Догматический марксизм-ленинизм делал вид, что вообще не замечает этого вопроса. Мы же можем обратить внимание на фразу из «Немецкой идеологии»: «...масса орудий производства должна быть подчинена каждому индивиду, а собственность – всем индивидам»³. Но как возможна такая собственность каждого – на всё? Она возможна при двух предпосылках – если отношения присвоения основаны на всеобщем участии в самоуправлении, и если сам характер орудий труда таков, что делает возможным всеобщую собственность (а это как раз происходит при превращении силы знания в первую

¹ Маркс. К. Капитал, т. I. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 23. М: ИПЛ, 1960, с. 773.

² Там же.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 3. М: ИПЛ, 1955, с. 68.

406 производительную силу общества). Для полного завоевания этих предпосылок *недостаточно только предшествующего багажа, созданного капитализмом*, и требуется еще длительный период исторического развития.

Хотя волевое вмешательство в отношения собственности является необходимым шагом для их преобразования, одного его совершенно недостаточно, чтобы изменить их экономическую природу. В.И. Ленин недаром вынужден был подчеркнуть в 1918 году различие формального обобществления собственности и обобществления на деле¹. Основной вопрос в том, какие реальные производственные отношения будут складываться в новой правовой оболочке. Собственность юридически перестает быть частной и становится государственной. А что это значит с экономической точки зрения? Ответ на этот вопрос зависит от того, во-первых, какова классовая природа государства, чьи классовые интересы выражает государственный аппарат, получивший в свои руки средства производства; и, во-вторых, от того, на основе каких реальных производственных отношений государственные средства производства будут приведены в действие. Ленин писал о налаживании «чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающей планомерное производство и распределение продуктов», как о главной задаче социалистической революции². Процесс налаживания этих новых отношений есть заведомо процесс длительный; они не возникают «вдруг», в результате принятия тех или иных декретов.

Итак, становление производственных отношений и институтов социалистического общества происходит не мгновенно, и само наличие переходного периода как раз и определяется историческим процессом становления социалистических производственных отношений и постепенного отмирания, разложения отношений капиталистического общества (да и экономической общественной формации в целом – должны, например, отмирать внеэкономическое принуждение, товарные отношения и т.д., хотя в пределах переходного периода эти процессы еще не находят завершения).

Таким образом, в переходный период сосуществуют качественно разнородные производственные отношения (новые, социалистические, и унаследованные от капитализма, а так же переходные, сочетающие в себе элементы и тех, и других), что проявляется как наличие нескольких социально-экономических укладов: капиталистического, мелкобуржуазного, социалистического и явно переходного го-

¹ См.: Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т.36, с. 171.

² См. там же.

сударственно-капиталистического уклада (развитие капиталистических отношений под прямым контролем пролетарского государства). *Переходное общество является многоукладным.* Поскольку чистый капитализм является абстракцией, то реальное капиталистическое общество (даже весьма развитое) несет в себе остатки прошлых хозяйственных систем. Особенно серьезное значение эти остатки приобретают в том случае, когда революция совершается при относительно незрелых социально-экономических предпосылках. Тогда докапиталистические отношения могут образовывать даже самостоятельные уклады. Так это было в СССР, где, помимо перечисленных, присутствовал также и патриархальный уклад (включавший мелко-товарное производство, т.е. систематическое производство на продажу только небольших излишков, и чисто натуральное, замкнутое хозяйство).

Переходный характер такой социально-экономической структуры характеризуется не только ее многоукладностью. На самом деле *каждый* из укладов (не только упомянутый выше государственно-капиталистический) также носит переходный характер, что определяется наличием в них *переходных производственных отношений*. Для таких отношений свойственно соединение элементов как присущих, так и не присущих данному экономическому укладу – либо унаследованных от прошлого, либо являющихся симптомами разложения данного уклада и перехода его к более высокой исторической ступени. Переходный характер коммунистических производственных отношений не преодолевается полностью в течение переходного периода и отчасти сохраняется на первой фазе коммунизма (что и определяет ее характеристику как незрелого коммунизма).

Насильственное вторжение в отношения собственности в ходе революционных преобразований не является произвольным. Оно предпринимается лишь там, где созрели достаточные социально-экономические предпосылки для формирования социалистических производственных отношений (напомню – когда я говорю здесь «социалистические», речь идет о незрелых коммунистических отношениях). Поэтому, например, большевики предполагали сначала экспроприацию (национализацию, передачу в государственную собственность) лишь банков и крупных монополистических объединений, а на следующей ступени – всей крупной промышленности (железные дороги, телеграфная и почтовая связь и так находились в государственной собственности). Мелкое капиталистическое производство, а тем более мелкобуржуазный уклад и крестьянское производство считались вовсе не подлежащими национализации. Их преобразование должно было произойти постепенно, главным образом под воздейст-

Однако в исторической реальности, сначала под воздействием жестоких условий гражданской войны, а затем (после короткого периода легализации многоукладности в годы НЭПа) в результате применения методов бюрократической централизации хозяйства для проведения догоняющей модернизации, эти планы были полностью нарушены. Произошло навязывание социалистических по внешней форме отношений хозяйственным укладам, не создавшим еще для этого необходимых (не говоря уже о достаточных) социально-экономических предпосылок.

По отношению к крестьянскому хозяйству (как и по отношению к мелкому ремеслу) метод экспроприации всеми социалистами считался абсолютно неприемлемым (и потому даже и не рассматривался). Для преобразования крестьянского хозяйства в крупное социалистическое – минуя исторический этап капиталистической экспроприации мелких производителей – предполагался длительный период постепенного объединения мелких производителей города и деревни в различные типы кооперативов. Крупные кооперативные объединения становились способными применять современную машинную технику, и тем самым создавать материально-экономические предпосылки для формирования в последующем на этой основе социалистических отношений.

Не следует все же представлять себе даже идеальный образ переходного периода как идиллическую картину мирного сосуществования и соревнования различных укладов. Разные производственные отношения определяют и разные экономические интересы, ведущие к конфликту между этими укладами, тем более, когда речь идет о том, кому из них в обозримой исторической перспективе суждено развиваться, а кому – отмереть. Вопрос «кто – кого?» является реальным вопросом переходного периода. Поэтому социалистический уклад должен доказать свою более высокую социально-экономическую эффективность, опираясь, разумеется, на поддержку государственной власти. К сожалению, этого не было достигнуто в СССР. Изживание несоциалистических укладов чем дальше, тем больше сводилось к методам административного нажима (сверхвысокие ставки налогов и аренды, отказ от поставки сырья и материалов из государственного сектора, принудительное огосударствление, «коллективизация», «раскулачивание» и т.п.).

В то же время различные уклады, существующие в единой системе национального хозяйства, не могут не взаимодействовать между собой и в какой-то мере не могут существовать друг без друга. Способом их экономической связи первоначально выступает рынок,

хотя со временем в эту рыночную связь начинают постепенно проникать плановые элементы, по мере их становления и укрепления в социалистическом укладе (работа на определяемый планом заказ социалистического уклада, — например, контрактация крестьянских посевов; поставка товаров социалистическим укладом, также определяемая его производственным планом; плановое финансирование и кредитование и т.п.). Социалистический уклад использует так же методы косвенного регулирования для воздействия на другие уклады, чтобы ориентировать их развитие на цели народнохозяйственных планов.

В СССР в переходный период прилагались чрезвычайные усилия, чтобы поднять уровень производительных сил, явно недостаточный для формирования социалистического общества. Основными составными частями этих усилий были: индустриализация, коллективизация крестьянских хозяйств и культурная революция. Индустриализация была призвана обеспечить завершение промышленного переворота и превращение промышленности в преобладающую отрасль народного хозяйства. Коллективизация крестьянских хозяйств должна была обеспечить растущую индустрию со стороны аграрного сектора: увеличить поставки сельскохозяйственного сырья и продовольствия, а также, за счет увеличения производительности труда, обеспечить перелив рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность. Хотя культурная революция непосредственно была нацелена на достижение всеобщей грамотности населения и развертывание массовой подготовки специалистов с высшим образованием, она включала в себя так же и широкое развитие общественной самостоятельности в деле приобщения к достижениям мировой культуры и втягивания населения в самостоятельное творчество.

Совокупность этих задач в первом приближении была решена к концу 30-х гг. XX века (а в более или менее полном виде — к началу 60-х гг.).

Однако решение этих задач вовсе не означало, что в СССР созданы необходимые материально-экономические предпосылки для социализма. Можно легко убедиться, что к концу 30-х гг. в лучшем случае была создана материальная база для более или менее развитого, но вовсе не самого высокоразвитого (для того исторического периода) капиталистического общества.

Значительной проблемой в формировании социалистических производственных отношений в СССР в 20-е — 30-е гг. был тот факт, что применение методов бюрократической централизации хозяйства для проведения догоняющей модернизации имело двойственное влияние на «строительство социализма». С одной стороны, происходило форсированное подтягивание к материальным предпосылкам

социализма (хотя полностью дистанция до них так и не была пройдена). С другой стороны, одновременно происходило разрушение или выхолащивание уже имевшихся, пусть и весьма ограниченных, социально-экономических предпосылок социализма (акционерные общества, кооперативы, свободные профсоюзы...). Они не превращались в более прогрессивные социалистические институты, а заменялись институтами, основанными на бюрократическом централизме и принудительном коллективизме.

В итоге переходного периода должно произойти отмирание (полное или почти полное) несоциалистических укладов, и превращение в основном переходных производственных отношений в целостную систему социалистических производственных отношений. В СССР этот процесс так и не был завершен, хотя формально все производственные отношения во второй половине 30-х годов стали выступать в социалистической оболочке.

Вместе с преодолением многоукладности в переходный период происходят глубокие сдвиги в социальной структуре общества. Исчезают эксплуататорские классы, а трудящиеся классы приобретают значительно большую однородность. Мелкие собственники и наемные работники сливаются в одну социальную группу работников – совладельцев обобществленных средств производства. Однако полного исчезновения классовых различий не происходит, поскольку сохраняется подчинение работников разделению труда (горизонтальному – между умственным и физическим трудом, аграрным и индустриальным, квалифицированным и неквалифицированным; и вертикальному – между управляющими и управляемыми).

В СССР за 20-е – 30-е гг. XX века были полностью ликвидированы классы капиталистов, помещиков, почти полностью – мелкая буржуазия, а все разновидности мелких собственников (от мелких буржуа до патриархального крестьянства) либо превратились в кооперированных производителей, либо перешли в разряд наемных работников. Фабрично-заводской рабочий класс значительно вырос и в абсолютной численности, и в удельном весе. Одновременно значительно вырос слой государственной бюрократии.

Однако ликвидация экономических условий существования враждебных классов не означала физического устранения носителей прежних классовых отношений. Миллионы людей во многом сохраняли традиции, навыки, привычки, социальную психологию тех общественных классов, в рамках которых они сформировались как личности.

Критерием завершения переходного периода выступает, по всей видимости, прекращение насильственного, волевого вмешательства в экономические отношения капиталистического строя для ускоре-

ния их преобразования. Однако этот критерий выступает как необходимый, но отнюдь не как достаточный. Более существенным является критерий, определяющий характер производственных отношений со стороны их содержания. С этой точки зрения переходный период завершается тогда, когда все важнейшие производственные отношения перестают носить двойственный характер, то есть уже не сочетают в себе элементы как капиталистических, так и коммунистических производственных отношений.

Однако это еще не означает полного изживания черт переходности в коммунистических производственных отношениях. В них еще сохраняются некоторые элементы, свойственные отношениям эпохи экономической общественной формации. Именно поэтому переходный период сменяется лишь первой фазой коммунистического общества (который принято называть социализмом), с еще незрелыми коммунистическими отношениями.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Чем определяется необходимость переходного периода между капиталистическим и коммунистическим обществом?
2. Какую роль играет в переходный период насильственное (волевое) вмешательство в экономические отношения, и, в первую очередь, в отношения собственности?
3. Каковы объективные основания (и ограничения) для волевого вмешательства в экономические отношения?
4. В чем состоит особенность структуры переходных производственных отношений? Какие элементы сочетаются в этих отношениях?
5. Почему экономика переходного периода носит многоукладный характер?
6. Чем определяется состав укладов в экономике переходного периода?
7. На какой экономической основе осуществляется в переходный период взаимодействие между различными укладами?
8. Как разграничить переходный период и первую фазу коммунистического общества?

Литература для самостоятельного изучения:

Работы классиков марксизма:

- Маркс К. Капитал, т.1. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.23. М: ИПЛ, 1960, с. 773.
- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 3. М: ИПЛ, 1955, с. 68.
- Маркс К. Критика Готской программы / Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.19.

Работы Ленина, посвященные переходному периоду:

- Ленин В.И. Государство и революция. // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.33.
- Ленин В.И. Грозящая катастрофа. // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.34.

- Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т.36.
- Ленин В.И. О продовольственном налоге // Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т.43.
- Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т.44.
- Ленин В.И. Проект тезисов о роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики // Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т.44.
- Ленин В.И. О значении золота теперь и после полной победы социализма // Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т.44.
- Ленин В.И. XI съезд РКП(б) 27 марта – 2 апреля 1922 г. Заключительное слово по политическому отчету ЦК РКП(б) 28 марта // Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т.45.

В этих работах можно ознакомиться с лучшими теоретическими результатами политической экономики советского периода по исследованию переходных отношений:

- Куликов В.В. Становление социалистических производственных отношений: очерки теории и методологии. М.: Изд-во МГУ, 1978.
- Курс политической экономики. Под ред. Цаголова Н.А. 2 том. М.: Экономика, 1974.

ГЛАВА 26

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА НЕПОЛНОГО КОММУНИЗМА¹

26.1. Производительные силы социализма. Формальное и реальное освобождение труда

«Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое развилось на своей собственной основе, а, напротив, с таким, которое только что выходит как раз из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»² – писал о первой фазе коммунистического общества К.Маркс.

Социализм отличается от переходного периода значительно более однородной социально-экономической структурой и не столь бы-

¹ В этой главе мною широко использованы разработки моего друга и постоянного соавтора А.В.Бузгалина.

² Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.19, с. 18.

стрым темпом сдвигов в этой структуре, но остается еще во многом переходным по своей природе обществом.

Эта переходность определяется не только сохранением неорганических для коммунизма элементов производственных отношений, но и тем, что производительные силы на первой фазе коммунизма еще далеко не полностью перешли тот рубеж, за которым они составляют специфическую основу для коммунистического производства. Именно это последнее обстоятельство, в конечном счете, определяет и неполную зрелость производственных отношений первой фазы.

В силу этого становится необходимым провести различие между *формальным и реальным освобождением труда* в социалистическом обществе.

Формальное освобождение труда выступает как становление свободы общественных отношений людей в труде, в производстве – но только по социально-экономической форме, т.е. только со стороны новых производственных отношений.

Реальное освобождение труда будет достигнуто тогда, когда эта свобода будет обеспечена и со стороны производительных сил, со стороны содержания самого процесса человеческой деятельности.

Если мы взглянем на это различие с точки зрения характера и содержания труда при социализме, то мы увидим, что с точки зрения социально-экономической формы труд перестает быть наемным трудом, ликвидируется «наемное рабство» у капитала. Неравноправие по отношению к средствам производства исчезает, все становятся работниками, уже не несущими на себе иго капитала. Однако с точки зрения содержания процесса труда этот труд остается по преимуществу фабричным трудом, и тем самым «фабричное рабство» во многом сохраняется, как и вытекающие из него негативные последствия подчинения человека фабричному разделению труда. Точно также сохраняется и подчинение человека общественному разделению труда (тем более что, как будет показано ниже, во многом остается и экономическое принуждение к труду).

Различие между формальным и реальным освобождением труда при социализме имеет прямую аналогию с выдвинутым К.Марксом тезисом о различии формального и реального подчинения труда капиталу (см. главу 15). Первое основывалось только на природе капиталистических производственных отношений, второе подкреплялось формированием специфических для капитализма производительных сил (подчинение работника фабричной системе машинного производства).

Уровень производительных сил уже на первой фазе коммунизма имеет несомненные отличия от уровня капиталистических производительных сил. Прежде всего, даже независимо от каких-либо глубоких технологических сдвигов, производительные силы при социализме, под воздействием обобществления собственности, позволяют выстроить отрасли производственной инфраструктуры (энергетику, все отрасли транспорта и связи) как *единые общенациональные или даже международные системы* (если социалистические отношения охватывают ряд национальных хозяйств). Кроме того, структура производственных мощностей и темп производственного накопления выстраиваются таким образом, чтобы обеспечить *полную занятость населения*. Наконец, происходит регулирование всей хозяйственной деятельности таким образом, чтобы постепенно установить все более *высокий уровень равновесия с природной средой*, сделать производство и повседневную жизнь возможно более безопасными для нравственного и физического здоровья человека.

Пока менее ясным в практическом отношении является путь более глубоких сдвигов в характере производительных сил при социализме. С точки зрения развития работника, социализм, во всяком случае, должен обеспечить условия для возможно более свободного и полного раскрытия его способностей, чему соответствует всеобщий характер широкого фундаментального образования и рост пространства свободного времени (не только сокращение времени обязательного труда, но и соответствующее наполнение свободного времени).

Понятен скептицизм Ханны Арендт, сомневавшейся, что расширение свободного времени обеспечит развитие человека, ибо в реальности человек склонен использовать это время лишь для бездумного потребления. «Эта питаемая марксизмом утопическая надежда есть тот опиум для народа, за который Маркс принимал религию» – писала она¹. Да, при капитализме дело обстоит именно так, потому что капитализм, собственно, оставляет человеку свободное время только для того, чтобы он потребил то, что произвел в рабочее время, а потом снова заработал и снова потребил...

Коммунизм (пусть поначалу и неполный) находит выход из этого порочного круга вовсе не за счет идеологии аскетизма, принудительного рационирования или сокращения потребления, либо за счет пропаганды более высоких идеалов, а за счет сокращения необходимого рабочего времени (предпосылки чего создаются еще капитализмом) и развития творческой деятельности в свободное время. Но не следует думать, что сомнения Ханны Арендт появились на пус-

¹ См.: Арендт Х. *Vita Activa или О деятельной жизни*. СПб.: Алетея. 2000, с. 168-169 и др.

том месте – переход от свободного времени, как времени потребления, к свободному времени, как пространству развития человеческой культуры, не представляет собой простое и быстрое дело. Это колоссальной значимости проблема, а на первой фазе коммунизма она способна порождать трудности весьма серьезных масштабов и глубины. Только ее решение окончательно выводит нас в эпоху коммунизма.

Человек на первой фазе коммунизма уже может во многом выступать не как бездумный потребитель, а как человек творческий постольку, поскольку он вовлечен в социальное творчество в сфере времени обязательного труда, поскольку он становится (хотя далеко еще не в полной мере) творцом своих собственных производственных отношений и переносит эти свои качества творца и потребность в творчестве и на свободное время. Кроме того, творческий характер использования свободного времени в значительной мере зависит от формирования материальных предпосылок творческой деятельности – доступа к средствам самообразования, к средствам физического совершенствования, к средствам научного и художественного творчества и т.д. Разумеется, необходимой предпосылкой выступает и изменение соотношения между рабочим и свободным временем в пользу последнего.

С точки зрения развития средств производства, социализм, даже пока оставаясь в основном в рамках машинного производства, ориентируется на гуманизацию труда, смягчающую подчинение человека разделению труда – как в обществе, так и в рамках фабричной системы. Это предполагает такие меры, как возможно более быстрое изживание тяжелого, ручного, неквалифицированного труда, а также более равномерное распределение его тягот между работающими; отказ от конвейерных методов организации труда на фабрике, что предполагает широкое совмещение профессий, и возможно более быстрый переход к автоматизированной фабрике.

В структуре общественного разделения труда рост производительности труда в традиционном материальном производстве должен обеспечить возрастание удельного веса занятости в творческих видах деятельности (научные исследования и опытно-конструкторские разработки, медицина, педагогика, искусство и т.п.). Общей тенденцией этих сдвигов является существенное вытеснение человека из процесса труда в материальном производстве и вовлечение его в творческую само-деятельность. *Однако в рамках социализма эта тенденция находится лишь в начальной фазе своего развития.* Полный простор для свободного, всестороннего и гармоничного развития личности человека обеспечивает лишь высшая фаза коммунистического общества.

26.2. Производственные отношения: степень зрелости коммунистических начал социализма

Поскольку социализм выступает как первая фаза коммунистического общества, то есть как коммунизм, хотя и не полный, то основу производственных отношений социализма образуют отношения, общие как для первой, так и для высшей фазы коммунизма. Однако не следует упускать из виду, что степень зрелости этих отношений на первой и на высшей фазах коммунистического общества различна, и, следовательно, они *не являются полностью идентичными* на этих двух исторических ступенях коммунистического общества. В этом смысле при социализме их исторически переходный характер еще не до конца преодолен. В самих этих производственных отношениях содержатся и элементы, действительно общие для первой и высшей фаз коммунизма; и элементы отношений, унаследованных от капитализма и даже от предшествующих ему способов производства; а также специфические только для первой фазы коммунизма комбинации указанных двух элементов¹.

Несмотря на сохранение черт переходности в производственных отношениях первой фазы коммунизма, социализм отличается от переходного периода тем, что содержащиеся в его производственных отношениях общекommунистические элементы (общекommунистические начала) приобрели в целом господствующий характер, а унаследованные от капитализма элементы уже не представляют собой собственно капиталистических отношений (хотя бы и неполных и усеченных).

В советской экономической теории предлагались разные решения проблемы специфики производственных отношений социализма. Наиболее распространенный подход предлагал объявить все отношения, какие есть при социализме, специфически социалистическими, и на этом закрыть проблему. Последовательное проведение этой точки зрения приводило к выводам, что социализм качественно отличается от полного коммунизма. Этот вывод был в какой-то мере исторически оправдан в том отношении, что *советское общество* действительно качественно отличалось от коммунистического общества. Но он был глубоко неверен в том отношении, что теоретически разрывал первую и высшую фазы коммунизма.

Другой подход исходил из общности первой и высшей фаз коммунизма. Теоретическое объяснение этой общности проводилось механистическим путем: через выделение отношений, общих обеим фазам, которые назывались общекommунистическими отношениями, и отношений, свойственных

¹ Приведенная здесь формулировка такого подхода предложена А.В.Бузгалиным.

только первой фазе – специфически социалистических производственных отношений. Однако в реальности при социализме не может существовать чистых общекommунистических отношений и чистых специфически социалистических производственных отношений. В реальности производственные отношения при социализме представляют собой смесь элементов отношений коммунистических (каковые элементы находятся на разных ступенях зрелости), докоммунистических, и представляющих собой сложные «гибриды» того и другого.

26.3. Отношения координации хозяйственной деятельности

Господствующее при капитализме товарное производство в течение переходного периода в основном замещается отношениями планомерного производства и распределения продуктов труда. Опыт СССР, к сожалению, не дает нам завершенной картины этого процесса, и не позволяет с точностью установить, каковы главные условия полного преодоления товарного производства и каковы адекватные формы отношений планомерного производства¹. В СССР некоторые основы существования товарного производства сохранились, и формирующиеся законы планомерного развития производства постоянно приходили в конфликт с еще действующими законами товарного производства (свидетельством чему были скрытая инфляция, конфликт между государственным планом и выгодностью производства, выражаемого в хозрасчетных денежных показателях, накопление избыточных запасов в торговле и т.д.).

Мы можем сделать вывод, что социализм характеризуется наличием отношений непосредственно планомерного производства и распределения, сохраняющимися еще отношениями товарного производства, и отношениями, представляющими собой сложное взаимодействие этих форм.

В реальности советского общества первую группу отношений мы можем видеть в сфере планирования производства и распределения ресурсов вне стоимостной формы продуктов труда (или независимо от нее). Вторая группа отношений представлена производством на рынок (например, с личного подсобного хозяйства). В ряде других стран советского типа сфера отношений товарного производства бы-

---

¹ Централизованная система государственного планирования в СССР не была выражением целостных отношений планомерного производства. Обеспечивая определенный уровень пропорциональности производства, она не содержала в себе механизма решения проблемы связи производства и потребления. Решение вопроса о планируемой структуре конечного потребления во многом осуществлялось на основе бюрократического субъективизма.

ла значительно шире, распространяясь не только на аграрный сектор, но и на часть промышленности и сферы услуг. Третья группа отношений была представлена такими «планмерно-товарными гибридами», как хозрасчет, как планирование торговли и денежного обращения, как государственный бюджет, государственная кредитная система и т.п. Однако элементы планмерных отношений выступали в этой сложной системе господствующими.

Сочетание разнородных (планмерных и товарно-денежных) отношений неизбежно порождает противоречия. Товарные (рыночные) отношения формируют свою собственную систему критериев эффективности, мотивов и экономических интересов, отличающуюся от критериев, мотивов и интересов, связанных с планмерным ведением общественного хозяйства. Эти противоречия неизбежны на первой фазе коммунизма и могут быть преодолены лишь по мере обобществления производства и труда, что расширяет базу для планмерного сотрудничества производителей и потребителей. Искушение преодолеть эти противоречия путем «отмены» товарных отношений, денег и т.п. приводят лишь к тому, что противоречия не преодолеваются, а загоняются вглубь. Планмерные отношения не могут быть введены или навязаны. Они могут быть лишь выращены при наличии необходимых материальных и социально-экономических предпосылок.

Что же касается некоторых принципиальных контуров планирования будущего, то оно видится не как бюрократическая система административных команд «сверху», а как процесс со-творчества (планового диалога), субъектами которого являются ассоциационные сети производителей, потребителей и собственно управляющая подсистема хозяйства. Некоторым грубым прообразом этой системы может выглядеть современная модель стратегического менеджмента в креативной корпорации-сети при условии абстрагирования от специфически капиталистических черт этого управления¹. Еще более сложным является вопрос о нестоимостной редукции труда², без которой невозможен учет затрат труда (рабочего времени) при социализме.

Достаточно аргументированным выглядит и хорошо известный тезис о том, что мера использования отношений сознательного регулирования должна быть тем больше (а рыночных отношений тем

¹ См.: Кастельс М. Информационная эпоха. М., 2000, гл. 3.

² Возможное решение этой проблемы предложено статье: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Гордиев узел (к проблеме нестоимостной редукции труда) // Философия хозяйства, 2001, № 6.

меньше), чем в большей степени обобществлен и близок к креатосфере данный сегмент экономики.

Соответственно генезис и развертывание социалистической системы отношений координации может выглядеть следующим образом. В исходном пункте в сфере материального производства – преимущественно современные механизмы рынка, контролируемого и регулируемого обществом; в креатосфере – преимущественно свободное распределение общедоступных ресурсов при использовании некоторых рыночных форм. Развитое состояние: противоречивое сочетание современных механизмов социально-ограниченного и регулируемого рынка (наиболее эффективных в низкообобществленных секторах материального производства) с механизмами планового диалога (используемыми преимущественно для интегрированных научно-производственных структур материального производства) и свободного распределения благ в креатосфере.

Как отмечал К.Маркс, «коллективный характер производства с самого начала делал бы продукт коллективным, всеобщим. Обмен, имеющий место первоначально в производстве, – это был бы не обмен меновых стоимостей, а обмен деятельностью, которые определялись бы коллективными целями, коллективными потребностями»¹. У механизма достижения этих коллективных целей сохраняется и экономическая сторона: «экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коммунистического производства»².

С самого начала стоит подчеркнуть, что, в противоположность капитализму, эта экономия нацелена не на увеличение прибавочного рабочего времени, обеспечивающего рост вещного богатства, а на иные цели. «...Имеет место не сокращение необходимого рабочего времени ради полагания прибавочного труда, а вообще сведение необходимого труда общества к минимуму, чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т.п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам»³.

¹ Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. I. М: ИПЛ, 1968, с. 115.

² Там же, с. 117.

³ Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II. М: ИПЛ, 1969, с. 214.

420 26.4. Цель производства и отношения
собственника средств производства
с непосредственным производителем

Итак, экономия рабочего времени выступает при социализме необходимым (даже крайне необходимым) условием развития, но не его самоцелью и высшим критерием. *Цель экономии времени при социализме уже не собственно экономическая.* Важнейшая черта социализма будущего состоит в том, что *экономические отношения в этом обществе играют роль, подчиненную, вторичную по отношению к целям, формируемым производственными отношениями в социокультурной сфере.* Именно последняя формирует «социальный заказ» экономическому развитию (цели) и определяет пределы, которые не может переступить течение экономических процессов (границы пространства возможных средств).

Чем же определяется цель производства при социализме? В качестве основного закона производства при социализме выступает его ориентация на свободное всестороннее развитие личности человека, которое, в свою очередь, воздействует на рост производства. «Сбережение рабочего времени равносильно увеличению свободного времени, т.е. времени для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда»¹. Такая ориентация на развитие производительных сил человека отнюдь не означает, что социализм основан на пренебрежении к потреблению. Нечаевский принцип «производить для общества как можно более и потреблять как можно меньше» совершенно чужд социализму. Ему, напротив, свойственен «отнюдь не отказ от потребления, а развитие производительной силы, развитие способностей к производству и поэтому развитие как способностей к потреблению, так и средств потребления»².

Тем не менее, потребительская и деятельностная составляющая цели производства на первой фазе коммунистического общества могут вступать между собой в противоречие. Особенно серьезные противоречия между этими составляющими цели могут возникнуть в том случае, если уровень развития производительных сил недостаточно высок для обеспечения социалистических производственных отношений. Тогда вещные потребности членов общества могут быть довольно далеки от уровня насыщения, а возможности развития спо-

¹ Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II. М: ИПЛ, 1969, с. 221.

² Там же.

способностей людей оставаться весьма ограниченными. В этом случае неизбежно возникает односторонняя ориентация на удовлетворение вещных потребностей («вещизм», развившийся в советском обществе, и усугубленный явлением дефицита), которая, закрепляясь, может стать со временем тормозом для развития человека в творческой деятельности.

Таким образом, экономика социализма видится как система, в которой в материальном производстве будет занято (как сейчас в странах среднего уровня развития) не более 30% работников, а остальные будут стремиться стать не финансистами, брокерами, адвокатами, менеджерами, чиновниками, рэкетирами, моделями и поп-дивами, а воспитателями, врачами, учителями и садовниками¹.

Важнейшим слагаемым нового социализма должна стать общественная культурная политика, обеспечивающая ориентацию средств распространения информации на стратегические запросы общества (развитие подлинной культуры), а не платежеспособный спрос мещанина, подчиненного экспансии масс-культуры.

Определяющими для экономического строя общества являются отношения собственника средств производства к непосредственному производителю. В рамках экономической общественной формации характер этих отношений определялся фактом эксплуатации непосредственного производителя собственником средств производства и поэтому вел к классовому антагонизму. При социализме социальные фигуры собственника средств производства и непосредственного производителя, по всей видимости, *совпадают*. Однако в таком абстрактном виде это утверждение не совсем точно.

Во-первых, функции непосредственного труда и функции собственника не тождественны. Они требуют различной деятельности, осуществляются в разное время и ведут к формированию различных интересов. Говоря на диалектическом жаргоне, человек как работ-

¹ Вам никто не запретит заниматься спекуляциями, но общество будет считать эту деятельность глупой и постыдной, как сейчас наивным и не престижным считают занятие теорией социализма... Если сегодня типична поговорка «Если ты такой умный, то почему же ты такой бедный?», то для общества будущего типичным станет прямо противоположный афоризм: «Если ты такой талантливой, то почему же ты трастишь силы на то, чтобы делать деньги?». Для социализма эта цель будет столь же реакционно-старомодной, как ныне стремление завести себе крепостных и графский титул. В некотором смысле мы можем сказать, что социализм – это общество людей, которым стыдно тратить деньги на увеличение собственного утилитарного потребления. Подчеркнем: это не общество бедности и аскетизма: рациональный (и постепенно качественно прогрессирующий) уровень утилитарного потребления будет гарантирован, возможность превысить его в 5-10 раз открыта, но общество будет считать это малоинтересным... Это общество людей, которым нравится жить эстетично и талантливо, а для этого совершенно не нужна масса модно-стандартных или даже модно-«эксклюзивных» шмоток, машин и особняков.

ник отличается от самого себя как собственника. Могут возникать противоречия, связанные, например, с разным уровнем способностей к осуществлению этих различающихся функций, с необходимостью распределения времени между этими функциями и т.д.

Во-вторых, специфика социализма состоит в том, что в его рамках не преодолевается до конца вертикальное разделение труда, когда часть членов общества выступает преимущественно как работники, а другая часть – специализируется на функциях управления собственностью. Это различие является одной из предпосылок для сохранения элементов классовых различий при социализме.

Такое положение несет в себе *потенциальную угрозу формирования классового антагонизма*, если специализация на управленческих функциях превращается в монополию на осуществление функций управления определенной, устойчиво воспроизводящейся социальной группой, а эта монополия, в свою очередь, становится основанием для приобретения материальных привилегий.

Предотвратить столь нежелательное развитие событий возможно лишь в том случае, если большинство работников социалистического общества вовлечены на постоянной основе в выполнение функций собственника хотя бы простейшего уровня (уровень рабочего места, бригады, цеха, мелкого предприятия), а значительная часть из них – и более высокого. Разумеется, придти к такому положению можно лишь при наличии необходимых предпосылок, формируемых в содержании труда (присутствие некоторого минимума творческих функций), в уровне образования и культуры, в исторически складывающихся навыках и традициях. Напротив, *при недостаточности этих предпосылок социальный раскол общества* (как показывает опыт СССР) *становится неизбежным*.

26.5. Отношения собственности и распределения

Социализм есть процесс трансформации царства необходимости в царство свободы, а значит – процесс отмирания отношений отчуждения работника от труда, от средств производства, от результатов производственной деятельности и рождения механизмов свободного ассоциирования работников, присваивающих и средства, и результаты этой деятельности. Соответственно мере развития реальных основ этой трансформации в креатосфере и материальном производстве будут формироваться и различные отношения присвоения.

В *креатосфере* (в сфере образования, науки, культуры, искусства и т.д.), в сфере взаимодействия человека и природы как культур-

ной ценности (например, в решении проблем защиты природы, развития национальных заповедников, восстановления биогеоценозов и т.д.) господствующими, по-видимому, будут отношения общедоступности (в частности, бесплатности) культурных благ и средств их освоения (образования и т.п.). Соответственно, здесь будут развиваться отношения *всеобщей собственности* – собственности каждого на все – любые ресурсы, которые индивид или ассоциация индивидов могут распределить в своей деятельности.

Подчеркну: не просто государственной (публичной), а всеобщей собственности, когда основные ресурсы, необходимые для развития креатосферы (а это, прежде всего знания, культурные и природные ценности), будут доступны для каждого индивида, и доступ этот будет равноправным. Регулировать этот всеобщий равноправный доступ каждого к таким всеобщим ресурсам уже при социализме могут свободные добровольные ассоциации, создаваемые в этой сфере – ассоциации учителей и ученых, художников и экологов. Безусловно, здесь будут возникать немалые противоречия, регулирование которых, по-видимому, придется взять на себя государству как верховному представителю различных ассоциаций трудящихся и граждан. Конкретные механизмы такого регулирования сейчас было бы преждевременно придумывать. Можно только наметить эту тенденцию.

Что же касается *материального производства*, то в этой «старой» сфере экономики решения проблемы будут тяготеть к традиционным выводам «старых» социалистов. Для этой сферы общедоступность каждому любых средств производства принципиально невозможна в силу ограниченности последних. Следовательно, здесь могут развиваться лишь переходные отношения. К числу общеизвестных относятся отношения полной занятости, общедоступности образования и переквалификации, демократического регулирования структуры материального производства. В результате каждый гражданин получает следующие права как собственник общенародных материальных ресурсов (член ассоциации граждан-собственников):

- участие на равных со всеми остальными гражданами оснований¹ в решении вопросов производства и использования объектов собственности;

---

¹ Механизмы участия граждан в управлении на общенародном уровне могут строиться на основе модели «социализма гражданского общества», предполагающем использование уже известных и практически апробированных (в частности, в ряде стран Латинской Америки) механизмов «демократии участия» и «базисной демократии». В этом ключевое отличие от современных форм парламентской или президент-

- включение в работу любого трудового коллектива или в использующую общенародные ресурсы индивидуальную деятельность на равных со всеми остальными гражданами основаниях (в случае избытка желающих – на основе конкурса профессиональных и других личных качеств);
- получение на базе общедоступного образования такой квалификации, которая позволяет реально использовать в своей работе любые материальные ресурсы (согласно выбранной специальности);
- гарантия занятости по специальности и/или переквалификации за общественный счет;
- гарантированное бесплатное получение равного базового «пакета» материальных социальных благ (жилье и другие слагаемые социально-гарантированного минимума; общедоступность образования, здравоохранения, спорта, культуры).

Социально-гарантированный минимум – обязательная составная часть дохода работающего населения, а также нетрудоспособных, обеспечивающая включение человека в общественную жизнь (социализацию). Социально-гарантированный минимум следует предоставлять (на особых условиях) и лицам, уклоняющимся от труда, чтобы предотвратить криминализацию этого социального слоя и не закрывать возможность их трудовой реадaptации.

Все эти права каждый гражданин получает как собственник материальных благ, находящихся в общенародной собственности. К таковым могут относиться прежде всего природные ресурсы и все остальные объекты собственности, имеющие общенародное (народнохозяйственное) значение.

Вслед за ними мы можем выделить ряд сфер с различным уровнем реального (технологического) обобществления средств производства.

Во-первых, *сферы, где господствуют крупные интегрированные технологические структуры*, от которых зависит экономика в целом (энергетика и транспортные системы; крупнейшие предприятия в сфере высоких технологий и в отраслях, связанных с добычей и использованием природных ресурсов; само использование природных ресурсов в условиях развития ноосферных технологий становится важнейшей сферой, от которой зависит всё общество). В этих сферах предполагается развитие таких отношений соединения

работников со средствами производства (собственности), которые обеспечат использование этих средств на благо общества в целом.

По-видимому, здесь наиболее уместными окажутся отношения с *государственной формой собственности* при наличии широких полномочий (самоуправления) у трудовых коллективов (*модель народного предприятия*, где государство определяет лишь основные направления его деятельности, а основные вопросы внутренней жизни и выбора наиболее эффективных путей реализации программных общегосударственных установок осуществляет самоуправляющийся трудовой коллектив).

Во-вторых, в традиционном *индустриальном секторе* (машиностроительные и транспортные предприятия, механизированные аграрные предприятия и т.п.), структура отношений собственности может быть гораздо более сложной. В этом «старом» секторе, скорее всего, будут доминировать *коллективные предприятия и кооперативы*, но могут сохраняться и акционерные предприятия, где значительную долю среди акционеров будут составлять частные физические лица. Государство и массовые демократические организации трудящихся могут иметь право контроля над деятельностью акционерных обществ, постепенно приобретая значительную часть акций или решающий, контрольный пакет акций. Впрочем, не стоит сейчас фантазировать. Важен принцип: сохранение в секторе индустриального массового производства смешанных форм собственности, переходных от частной акционерной собственности к общественной собственности (собственности коллективов, государства и общественных организаций).

Если же, в-третьих, говорить о секторе, где господствует *ручной труд*, а также о значительной части сферы услуг (там, где требуется непосредственная связь с мелким, раздробленным, индивидуальным потребителем, где концентрированное специализированное производство не имеет своих преимуществ), то тут возможно и целесообразно развитие трудовой мелкой собственности и небольших кооперативов. При этом мелкая трудовая частная собственность вполне может сочетаться (это показал опыт НЭПа в нашей стране, опыт многих других стран, начинавших социалистические преобразования) с сугубо добровольным кооперированием этих мелких частных собственников в сфере сбыта, обслуживания, закупки средств производства и т.д. Для мелких частных собственников и небольших кооперативов также обязательными окажутся нормативные ограничения, которые «работают» во всей экономике.

Обрисованная картина может стать типичной для достаточно зрелого социалистического общества. В исходном пункте частная

собственность будет играть, по-видимому, большую роль. В общем и целом в процессе развития социализма будет действовать тенденция: *чем далее будет продвигаться новое общество по пути к формальному и, позже, реальному освобождению труда (развитию отношений социального творчества, вытеснению материального производства креатосферой), тем в большей степени целесообразно и необходимо будет вытеснение частной собственности.*

В любом случае, однако, ключевая проблема здесь – не столько распределение акций, сколько контроль над реальными правами собственности, каналами экономической власти. А ими могут быть не только акции, которыми владеет тот или иной собственник (государство, трудовой коллектив, частные физические лица). Такими каналами, в частности, могут быть и обязательные нормы, которые должно соблюдать всякое предприятие в социалистическом обществе. Эти нормы могут требовать эффективного приложения капитала, обуславливать определенные (предусмотренные программой) направления его использования и т. д.

Что касается институциональной системы, построенной по принципу свободной работающей ассоциации, то ответ на вопрос о том, как она может быть устроена, дает модель «социализма гражданского общества». Новая институциональная система может и должна вырасти, прежде всего, из массового и систематического включения граждан в деятельность общественных организаций и движений, и «привычки» жить и действовать по правилам, характерным для этих институтов¹.

26.6. Воспроизводство

Напомню, что процесс воспроизводства человеческого общества носит двойственный характер. Это, с одной стороны, процесс воспроизводства материальных условий жизни общества, а с другой – процесс воспроизводства общественных отношений (прежде всего – производственных отношений). Специфика воспроизводства при социализме определяется, во-первых, коммунистическим содержанием его производственных отношений, и, во-вторых, их неполной зрелостью, и, соответственно, историческим процессом повышения зрелости этих отношений по мере движения от первой к высшей фазе коммунизма.

¹.Заметим, что еще 40 лет назад требования к европейскому сообществу жить по экологически корректным правилам казались утопией, а выдвигавших эти требования «зеленых» считали романтическими мечтателями, оторванными от жизни.

Если при капитализме процесс воспроизводства опирается на процесс накопления капитала, то при социализме, где главной целью производства выступает сам человек, происходит создание материальных условий для расширенного воспроизводства человеческих способностей, для всестороннего развития личности человека. Это «накопление» способностей человека, накопление знаний и технологических возможностей само, в свою очередь, есть предпосылка роста материального производства. Тем самым, по мере развертывания этого процесса, создаются и предпосылки для преодоления подчинения человека разделению труда, для размывания все еще сохраняющихся социальных различий (определяемых специализаций в области физического или умственного труда, аграрного или индустриального, специализацией на выполнении управленческих функций), для достижения такого наполнения человеческой деятельности творческими функциями и одновременно – достижения такого уровня потребления, при которых вещные потребности отходят на второй план, сменяясь потребностями саморазвития человека, и т.д.

Таким образом, процесс воспроизводства при социализме представляет собой и процесс расширенного воспроизводства коммунистических начал социализма, и, следовательно, создания основ движения от первой фазы коммунизма к высшей его фазе.

Критерий эффективности производства при социализме (как и при всяком способе производства) определяется соотношением достигнутых целей производства и затрат на их достижение. Коммунистическим критерием эффективности на самом абстрактном уровне выступает соотношение свободного времени (как пространства для развития человеческой личности, человеческой культуры) и рабочего времени (как времени, затраченного на создание условий для такого развития). При более конкретном определении эффективности социалистического производства необходимо принимать во внимание вопрос о действительном наполнении свободного времени: в какой мере в свободное время созданы реальные условия для развития человеческих способностей, и как эти условия используются.

Специфика социализма (по отношению к высшей фазе коммунизма) при определении эффективности производства заключается в том, что при социализме рамки свободного времени еще довольно узки, и свободное время для большинства членов общества является временем свободного развития лишь в очень незначительной степени. В гораздо большей мере развитие человека определяется при социализме характером его деятельности в рабочее время, а также ростом производительности труда. Этот рост, во-первых, создает предпосылки изменения соотношения между рабочим и свободным временем в пользу последнего, во-вторых, обеспечивает достижение ра-

ционального уровня потребления, и, в-третьих, позволяет наполнять свободное время материальными и культурными предпосылками для развития личности человека. Производительность труда поэтому может использоваться как *частный критерий эффективности* для фазы социализма.

26.7. Распределение доходов

Отношения, регулирующие распределение доходов при социализме, как и другие производственные отношения, также носят неоднородный характер. Из сказанного выше об отношениях присвоения и распределения при социализме уже вытекают определенные выводы о характере распределения доходов. Часть произведенного потребительского фонда распределяется на основе коммунистических отношений, часть – на основе отношений товарного производства, но главным образом – на основе сложного соединения тех и других отношений. В отношении последней группы форм распределения наибольшую значимость играет принцип распределения по труду.

Коммунистические формы распределения при социализме затрагивают в основном то, что в советском обществе получило наименование общественных фондов потребления. Однако и эти фонды далеко не всегда распределяются вполне по-коммунистически. О действительно коммунистических принципах распределения при социализме речь может идти лишь там, где для этого вполне созрели материальные предпосылки, то есть где сняты объективные ограничения для *распределения по потребностям*, и потребление по потребностям имеет лишь субъективные ограничения в виде личных способностей человека к потреблению.

Речь идет в первую очередь о доступе к знаниям, информации и иным культурным благам. К этим благам обеспечивается свободный или частично платный (субсидируемый) доступ. Тенденция к такому распределению этой категории благ появляется еще при капитализме. Социализм отличается тем, что проводит эту тенденции максимально последовательно, насколько вообще позволяют наличные материальные ресурсы.

Через общественные фонды потребления распределяется так же часть материальных благ и услуг (прежде всего услуги образования и здравоохранения). Но в их распределении господствуют формы, сложившиеся уже на основе сложной гибридизации коммунистических и некоммунистических принципов. Например, услуги школьного образования распределяются при социализме на основе *уравнительно-*

сти, а не принципа свободного доступа. Однако социализм нацелен на постепенное превращение уравнительности в свободный доступ к образованию (переход от предоставления стандартного пакета образовательных услуг по территориальному принципу к организации образования на основе установления свободного добровольного сотрудничества между учителями и учениками).

Ряд социально значимых благ и услуг может предоставляться при социализме на основе различных сочетаний принципов уравнительности, распределения по нуждаемости (материальные льготы для уже и еще нетрудоспособных), частичной платности (жилищные услуги, туризм и отдых). Конкретный набор этих благ и услуг, равно как и конкретное сочетание принципов их распределения, носят исторический характер и меняются в силу различия в особенностях исторического развития, в степени насыщения общества материальными благами и услугами и т.д.

Основной массив материальных благ и услуг распределяется при социализме на основе принципа распределения по труду. Этот принцип в значительной мере наследует законы распределения товарного производства, однако в то же время и существенно отличается от них.

«...Каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами¹ ровно столько, сколько сам дает ему. <...>

Здесь, очевидно, господствует тот же принцип, который регулирует обмен товаров, поскольку последний есть обмен равных стоимостей, Содержание и форма здесь изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего, кроме своего труда, и потому что, с другой стороны, в собственность отдельных лиц не может перейти ничто, кроме индивидуальных предметов потребления. Но что касается распределения последних между отдельными производителями, то здесь господствует тот же принцип, что и при обмене товарными эквивалентами: известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой»².

Я не буду здесь подробно разбирать все положения из «Критики Готской программы», где К.Маркс специально останавливается на проблеме распределения в социалистическом обществе. Хочу лишь

¹ Имеются в виду вычеты на издержки управления, не относящиеся непосредственно к производству, на общественные фонды потребления и фонды содержания нетрудоспособных. (См.: Маркс К. Критика Готской программы. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 19. М: ИПЛ, 1961, с. 17).

² Маркс К. Критика Готской программы. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 19. М: ИПЛ, 1961, С. 18-19.

заметить, что фактически Маркс подчеркивает здесь переходный характер отношений распределения по труду, указывая на их родство с отношениями товарного производства (но в то же время отмечает и отличия от них), и выдвигая тезис, что распределение по труду означает наличие элементов «буржуазного права» при социализме. Тот факт, что распределение по труду связано с сохраняющейся еще при социализме необходимостью экономического принуждения к труду, отмечал В.И. Ленин в работе «Государство и революция», обращая внимание на принцип «кто не работает, тот не должен есть», и на узкий горизонт буржуазного права, «заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока, не переработать ли лишних получаса против другого, не получить бы меньше платы, чем другой»¹.

Следует заметить, что те остатки «буржуазного права», которые сохраняются при социализме, отличаются от господствующего при капитализме буржуазного права также и в чисто количественном отношении. Социализм иначе решает вопрос о справедливой мере дифференциации доходов. Вопрос справедливости здесь – это не вопрос применения к распределению тех или иных этических принципов, а вопрос соответствия отношений распределения господствующим производственным отношениям.

Социализм признает неравные способности естественной привилегией, соответственно, признавая и неравный трудовой вклад, и неравное распределение доходов. Однако он строго ограничивает дифференциацию доходов неравенством личного трудового вклада, *не признавая за работником права претендовать на более высокий доход на основе более высокой производительности, если она обусловлена неравным распределением общественных условий производства.* Количественная мера такого неравенства достаточно явственно прописывается на практике уже при капитализме на основе опыта деятельности рабочих кооперативов с демократической системой управления. В таких кооперативах отношение низшей ставки оплаты труда к наивысшей (хочу подчеркнуть – не децильный коэффициент дифференциации, а именно отношение низшей ставки оплаты труда к наивысшей) устанавливается в пределах 1:3 – 1:6.

Социализм как эпоха перехода от гегемонии корпоративного капитала к формальному освобождению труда, естественно, будет включать и целый ряд более сложных переходных форм, соединяющих распределение, характерное для рождающегося «царства свободы», и механизмы распределения, достоящиеся в наследство от буржуазной эпохи. В частности, социалистическая система, по видимому, будет включать (во всяком случае, на первоначальных

¹ См.: Ленин В.И. Государство и революция // Поли. Собр. Соч. Т. 33. С. 94 и 96.

этапах) доходы, которые граждане будут получать от частной собственности. Это может быть трудовая частная собственность или наследство (включая недвижимость, собственность на акции или собственность на деньги, вложенные в банк). Во всех этих случаях доход будет носить нетрудовой характер и сохранять черты дохода буржуа. Однако и здесь возникнут существенные отличия в природе и механизмах получения этого дохода.

Вложения гражданами денег в общенародные финансовые институты (скажем, в государственный банк) или приобретение акций предприятий, которые работают под контролем государства и в рамках общенародных программ, – всё это существенно отличает даже такой доход при социализме от дохода, получаемого на основе эксплуатации труда частным капиталом и присвоения прибавочной стоимости. Ведь это инвестирование в своего рода «общенародный капитал», которое отличается от общественных инвестиций, совершаемых из государственного бюджета за счет налогов тем, что оно осуществляется не по общественной, а по индивидуальной воле, и выгоды от него распределяются не через общественные фонды, а прямо поступают индивидуальному инвестору.

В то же время этот доход не становится автоматически социалистическим или, тем более, коммунистическим. Для регулирования такого типа доходов в мире, переходном от буржуазного к новому, потребуется использование сложной системы параметров, которые позволят постепенно вытеснять такие доходы и укреплять распределение по труду.

Отметим два важнейших из таких регуляторов.

Первый, известный по опыту социал-демократических стран, – прогрессивный налог на доходы от собственности, от капитала, от инвестиций в финансовую сферу. Если такой доход остается в пределах, характерных для дохода, получаемого в рамках распределения по труду, то налог на него может быть относительно невысок. Если же вы получаете более высокие доходы, или доходы, качественно отличающиеся от трудовых, то налогообложение может быть очень высоким, достигая 60-70 и более процентов.

Второй – это так называемый социальный максимум. Его внедрение было предложено не только социалистами, но и учеными-гуманистами, теоретиками Римского клуба, в частности, Аурелио Печчеи. И первые, и вторые показали, что за определенным пределом сверхвысокий личный доход не является стимулом ни для предпринимательства, ни для новаторства, ни для более эффективной трудовой деятельности, порождая либо бездумное расточительство, либо безудержную жажду наживы. Поэтому такой доход может быть изъят (например, через приближающийся к 90% прогрессив-

ный налог на сверхвысокие доходы) относительно безболезненно для принципиально важных с точки зрения генезиса креатосферы направлений деятельности.

Существенным для социалистического общества станет вопрос контроля за движением доходов. И здесь нелишне вспомнить о механизмах, которые были отчасти реализованы ещё в период НЭПа в СССР¹. Для такой модели экономической и социальной жизни, привязанной к трудовым и другим легальным доходам, возможно использование различных технических средств контроля за движением доходов. Часть из них достаточно хорошо известна, например, индивидуальные электронные деньги. Если мы перейдем к системе, когда каждое физическое лицо будет обладать только одной банковской карточкой (счетом) только в одном банке, к тому же государственном, то в этих условиях автоматически будет обеспечен учет и контроль за движением доходов и расходов данного физического лица. Каждый из нас с вами, имея такую карточку (счет), будет вынужден фиксировать на нем все свои денежные доходы. И всякий раз будет известно, как и от кого именно вы получили эти деньги: заработную плату, гонорар, доход с банковского вклада, личное пожертвование, помощь от своих товарищей... Точно так же могут фиксироваться практически все основные траты (за исключением мелких покупок, осуществляемых при помощи наличных денег).

Этот механизм развивает некоторые современные тенденции. Например, сегодня в Западной Европе, в Соединенных Штатах Америки покупки на суммы, превышающие несколько десятков евро (долларов), как правило, осуществляются при помощи банковских карточек. Другое дело, что современный буржуазный мир делает счет каждого человека коммерческой тайной. Кроме того, он позволяет открыть счета не в одном, а в нескольких банках, перевести деньги в банки нейтральных стран и иными путями скрыть свои доходы (или, напротив, расходы). Однако даже в буржуазной системе для того, чтобы отмыть нелегально полученные деньги, приходится предпринимать огромные усилия и тратить немалые суммы, теряя от 20 до 50 процентов полученных доходов на то, чтобы легализовать эти преступные барыши. В условиях социализма тем более возможно создание системы, при которой такое отмывание нелегальных доходов станет чрезвычайно сложным, при помощи перехода к индивидуальным счетам и системе доступности информации о движении средств на них.

Безусловно, действительное открытие соответствующей информации должно быть скорее исключением, чем правилом. Оно должно регулироваться строго установленными законодательными нормами, и использоваться только для пресечения правонарушений в экономической сфере.

---

¹ Нам хотелось бы напомнить читателям роман Ильфа и Петрова «Золотой теленок», где подпольный миллионер Корейко, имея гигантские по тем временам (несколько миллионов рублей) денежные накопления, не имел возможности потратить хотя бы малую часть из этих денег, ибо он жил в стране, где общепринятой нормой поведения были трудовые доходы и отсутствие чего-либо сверх этого.

При этом, конечно же, возникнет серьезное противоречие, которое в целом характеризует использование денежных отношений в условиях социализма. В самом деле, для мещанина (субъекта рынка) его денежный доход и траты, которые он совершает – это святая святых его личной жизни, главное составляющее его человеческой личности. Для него всякая возможность посторонних лиц (а тем более общественных организаций) заглянуть в это его сокровенное «Я» и посчитать деньги в его кармане будет восприниматься как покушение на личную свободу, на права человека, на свою не только коммерческую, но и душевную тайну, на то, что на Западе называется *privacy* – частная жизнь.

В то же время, если мы говорим о социализме как о мире развития творческого человека (мире свободных ассоциаций, мире, который уходит от господства товарного и денежного фетишизма), то в этом случае возможность общественного контроля за движением финансовых средств не будет составлять большой нравственной или личной проблемы, не будет являться угрозой тайне личности. Ведь действительная тайна личной жизни для человека творческого – это тайна его общения, его личных отношений с друзьями, его пристрастий и интересов. Впрочем, и эта тайна является весьма условной, и личное дело каждого человека – афишировать или скрывать свои творческие достижения, свою дружбу и свою неприязнь, свою любовь и свою ненависть.

При социализме почти наверняка сохранится масса отклонений («злоупотреблений») от названных механизмов распределения – использование общественных фондов или фондов предприятий, кооперативов и других структур для личного потребления (например, использование служебной машины в личных целях, как это многократно возникало в условиях мутантного социализма). Но для того и необходима система демократического общественного учета и контроля, чтобы предотвратить такого рода бюрократические злоупотребления в массовых масштабах, чтобы квалифицировать их будущим социалистическим обществом как уголовные преступления.

Существует и угроза вырождения системы общественного учета и контроля в слежку и подрыв тайны личной жизни. Но разрешение этого противоречия зависит от того, будет ли социалистическое общество опираться на развитие реальной базисной демократии, или же скатится к бюрократической деградации.

26.8. Социализм и товарное производство

Не только в отношениях распределения предметов потребления, но и в других производственных отношениях социализма несомненно присутствие элементов отношений товарного производства, а в каких-то пределах могут существовать и остатки товарного производства как целостного уклада. Это связано с тем, что товарные отношения имеют более глубокие экономические корни, нежели отношения капиталистической эксплуатации, а потому и преодоление

их является более сложным и исторически более длительным делом. Лежащее в основе товарного производства противоречие между общественным характером труда и обособленностью товаропроизводителей невозможно разрушить «экспроприацией экспроприаторов». Для этого реальное обобществление производства должно подняться на такой уровень, где не будет места для обособленности производителей и частного характера труда, и где, напротив, производство является общественным непосредственно (а не окольным путем, через рынок), а его продукт перестает быть товаром, будучи продуктом ассоциации, распределяющей труд среди своих членов.

Однако совершенно невозможно согласиться с довольно широко распространенной точкой зрения, согласно которой может существовать социализм *на основе* отношений товарного производства. Помимо того, что эта позиция не имеет ничего общего с марксизмом («...не может быть ничего ошибочнее и нелепее, – писал К.Маркс, – нежели на основе *меново́й стоимости и денег* предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством...»)¹, она не выдерживает как исторической, так и логической проверки.

Социалистическое преобразование общества может начинаться (и неизбежно начинается) в условиях господства отношений товарного производства. Однако сама социалистическая революция заключается в том, что она освобождает дорогу уже возникшим при капитализме отношениям, вытесняющим и заменяющим товарное производство его общественным регулированием и планированием. Социализм устраняет производственные отношения, при которых продукт господствует над обособленными производителями, и заменяет их совместным контролем объединенных производителей над своим производством и его продуктом.

Разумеется, на этом пути общество проходит через период, когда его производство *в целом носит еще товарный характер*, который лишь *существенно ограничен* общественным контролем, регулированием и планированием. Однако такое переходное состояние не может быть устойчивым. Либо окажется, что отношения товарного производства имеют более глубокие корни в достигнутом уровне развития производительных сил, и тогда они восстановят свой господствующий характер, а вместе с этим – поскольку крупное товарное производство на основе машинной техники, как правило, имеет капиталистическую природу, – будут восстановлены и производственные отношения капитализма. Либо будет происходить последовательное вытеснение отношений товарного производства, опираясь

¹ Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. I. М: ИГЛ, 1968, с. 102.

на высокий и растущий уровень обобществления труда, и товарное производство будет заменено непосредственно общественным планомерным производством.

Исторический опыт так называемых «рыночных реформ» в Югославии, в Венгрии (с конца 60-х до конца 80-х гг. XX века), в Польше (в 80-е гг.), а затем и в СССР, показали, что расширение в существенных масштабах поля отношений товарного производства может постепенно привести к формированию сначала латентных (скрытых, обычно нелегальных) капиталистических отношений, а затем и к спонтанному выходу их на поверхность, к размыванию и разрушению планового управления общественным производством. Это, разумеется, *зависит не от самого факта присутствия товарных отношений, а от их исторической динамики*. Процесс ведь может развиваться и в противоположном направлении, если для этого есть достаточные объективные и субъективные предпосылки. Но, так или иначе, господство товарного производства при социализме может продолжаться лишь исторически недолгое время, и *модель «рыночного социализма» может представлять собой только переходное состояние* – либо к непосредственно общественному социалистическому производству, либо назад, к капиталистическому товарному производству.

26.9. Социальная структура

Соответственно структуре производственных отношений социализма складывается и социально-классовая структура социалистического общества. Социализм характеризуется высокой степенью социальной однородности общества, однако не устраняет полностью всех причин существования классовых различий. Самое главное, что социализм не может еще устранить подчинения человека общественному разделению труда, и потому разница в месте, занимаемом человеком в системе общественного производства, определяет и особый социальный статус человека. Социальный статус, таким образом, различается в зависимости от того, занят ли человек индустриальным или аграрным трудом, физическим или умственным, является ли он управляющим или управляемым. На социальный статус влияют также и различия в уровне дохода.

Тем не менее, главная основа классового неравенства – различное отношение к средствам производства и простирающаяся отсюда возможность эксплуатации, то есть возможность одной части общества спихнуть на другую свою долю участия в производительном труде, – при социализме устраняется. Поэтому характер социальных

различий при социализме постепенно эволюционирует от преимущественно социально-классовых различий к преимущественно социально-профессиональным.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Производительные силы
2. Формальное и реальное освобождение труда
3. В чем проявляется незрелость коммунистических производственных отношений?
4. Как связаны между собой планомерный характер производства и социализм?
5. Как можно охарактеризовать отношения собственника средств производства к непосредственному производителю на первой фазе коммунизма?
6. На какой основе обеспечивается воспроизводство социалистических производственных отношений?
7. Как устроена система отношений собственности на первой фазе коммунистического общества?
8. Что такое распределение по труду, и какие еще принципы распределения существуют при социализме?
9. Какова судьба товарного производства при социализме? Может ли существовать «рыночный социализм»?
10. Имеет ли социалистическое общество классовую структуру?

Литература для самостоятельного изучения:

Работы классиков марксизма:

- Маркс К. Критика Готской программы. // Маркс. К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961.

Работы Ленина:

- Ленин В.И. Государство и революция. // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.33.
- Ленин В.И. О значении золота теперь и после полной победы социализма // Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т.44.

В работе известного бельгийского марксиста рассматриваются противоречия и проблемы, связанные с движением к социализму:

- Мандел Э. Власть и деньги. Общая теория бюрократии. М.: Экономическая демократия, 1992.

Здесь представлены соображения относительно вклада советской политической экономии в научное понимание социализма:

- Политическая экономия социализма в экономической теории XXI века. Под ред. Бузгалина А.В., Корчагиной З.А. М.: Теис, 2003.

Из этой книги почерпнута немалая часть материала для данной главы:

- Бузгалин А.В. Ренессанс социализма. М.: URSS, 2007.

Наиболее интересное из разработок советской политической экономии:

- Курс политической экономии. Под ред. Цаголова Н.А. 2-й том. М.: Экономика, 1974.
- Метод "Капитала" и вопросы политической экономии социализма. /Под ред. Н.А.Цаголова. М.: Изд. Моск. ун-та, 1968.
- Черковец В.Н. Методологические принципы политической экономии как научной системы. М.: Изд. Моск. ун-та, 1965.
- Тронеv К.П. Основное производственное отношение и основной экономический закон социализма // Вестник МГУ. Сер. Экономика. 1974. № 4.
- Хессин Н. Об историко-генетическом подходе к исследованию системы производственных отношений развитого социализма. // Экономические науки, 1975, № 6.
- Хессин Н.В. Развитие теории планомерной организации социалистического производства и проблема ее совершенствования. // Вестник Моск. ун-та, сер. 6, Экономика, 1979, №1.

ГЛАВА 27

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ПОЛНОГО КОММУНИЗМА

27.1. Условия перехода к высшей фазе коммунизма. Что такое «полный» коммунизм?

Переход от социализма к высшей фазе коммунизма (от неполного к полному коммунизму) совершается прежде всего на основе изменений характера производительных сил, и в первую очередь – характера человеческой деятельности.

На первый взгляд, коммунистическое общество, как и любое другое, неизбежно сталкивается с проблемой ограниченности материальных ресурсов – природных ресурсов, технических средств, фонда рабочего времени и т.д. Отсюда вытекает необходимость экономии рабочего времени и т.д. Даже если представить себе общество, где достигнуто изобилие средств существования, то ограниченность все равно остается. Правда, эта ограниченность будет существовать уже не в сфере личного потребления, а в сфере производственной и творческой деятельности. Она может предстать, например, в форме ограниченности производства новейших образцов оборудования, ограниченности энергетических и технических ресурсов для исследовательских программ, ограниченности кадровых ресурсов, которые можно привлечь для тех или иных научных исследований, и в форме

ограниченных возможностей средств сообщения, и ограниченной продолжительности человеческой жизни, неспособной обеспечить полную реализацию творческих способностей человека за срок его существования. »

В любом обществе, разумеется, прилагаются некоторые усилия (где значительные, а где и не очень) к тому, чтобы раздвинуть рамки подобных ограничений за счет развития производительной силы труда, но в каждый данный момент времени общество вынуждено считаться с ними, как с объективной, непреодолимой гранью, лимитирующей возможности производства и потребления. Однако коммунистическое общество отличается от других обществ тем, что сама специфика деятельности в этом обществе состоит в *нацеленности на постоянное преодоление каких бы то ни было пределов для развития.*

К. Маркс дал беглый набросок своего взгляда на такое развитие: «Результатом является всеобщее – по своей тенденции и по своим возможностям – развитие производительных сил и вообще богатства в качестве базиса. Базис как возможность универсального развития индивида и действительное развитие индивидов на этом базисе как беспрестанное устранение предела для этого развития, который и осознается как предел, а не как некая *священная грань*. Универсальность индивида не в качестве мыслимой или воображаемой, а как универсальность его реальных и идеальных отношений»¹.

Таким образом, «полный коммунизм» *только начинается* тогда, когда человек покидает сферу непосредственного участия в производстве материальных благ, когда «прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека»², когда труд выступает «в виде деятельности, управляющей всеми силами природы»³ и превращается в «экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку»⁴, когда развитие человека происходит «как беспрестанное устранение *предела для этого развития*»⁵, и является «абсолютным выявлением творческих дарований человека»⁶.

¹ Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II, М: ИПЛ, 1969, с. 35.

² Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. I, М: ИПЛ, 1968, с. 280.

³ Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II, М: ИПЛ, 1969, с. 110.

⁴ Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II, М: ИПЛ, 1969, с. 221.

⁵ Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II, М: ИПЛ, 1969, с. 35.

⁶ Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. I, М: ИПЛ, 1968, с. 476.

В более общем виде изменения в человеческой деятельности, являющиеся условиями перехода к высшей фазе коммунизма, К.Маркс изложил в «Критике Готской программы». Переход к высшей фазе коммунизма, с его точки зрения, произойдет «...после того, как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда: когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всеобщим развитием индивидов вырастут и производительные силы...»¹.

С точки зрения социально-экономических отношений этому соответствует торжество свободного общественного объединения людей (принцип свободной ассоциации), на основе чего люди организуют производство по заранее обдуманному общему плану. Здесь не место фантазировать о том, как конкретно будет устроено производство по общему плану на высшей фазе коммунизма. Однако вполне определенно можно сказать, что характер организации деятельности в рабочее и в свободное время будет различаться.

27.2. Различие деятельности в необходимом и свободное время

Капитал стремится к всемерному сокращению необходимого рабочего времени не ради сокращения рабочего времени вообще, а ради увеличения в этом времени доли прибавочного рабочего времени. И необходимое, и прибавочное рабочее время носят при капитализме однокачественный характер – это время труда под контролем капитала, время производства стоимости. Свободное время выступает как время, свободное от труда, и производственные отношения в узком смысле слова (отношения непосредственного производства) его не затрагивают, хотя в свободное время можно участвовать, например, в отношениях обмена и потребления.

Когда коммунизм стремится к экономии необходимого рабочего времени ради сокращения времени обязательного труда вообще и увеличения свободного времени, то деятельность человека в рабочее и свободное время приобретают разную социальную окраску. В первом случае происходит труд, диктуемый нуждой и внешней целесообразностью, во втором – свободная деятельность как самоосуществление индивида. Дадим слово К. Марксу: «Рабочее время, даже когда меновая стоимость будет устранена, всегда остается созидающей

¹ Маркс К. Критика Готской программы. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 19. М: ИПЛ, 1961, с. 20.

субстанцией богатства и мерой издержек, требующихся для его производства. Но свободное время, *время, которым можно располагать*, есть само богатство: отчасти для потребления продуктов, отчасти для свободной деятельности, не определяемой, подобно труду, под давлением той внешней цели, которая должна быть осуществлена и осуществление которой является естественной необходимостью или социальной обязанностью, — как угодно¹. Поэтому и характер отношений в рабочее и свободное время различен. В рабочее время сохраняются «фабричная дисциплина труда», разделение на управляющих и управляемых, диктуемые законами организации труда в материальном производстве, хотя эти отношения также существенно видоизменяются по сравнению с капиталистическим обществом.

«Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости². Этот подход предполагает радикальное сокращение тяжелого ручного, неквалифицированного, монотонного труда и введение общественного производства в рамки, обеспечивающие гармоничное взаимодействие с природной средой.

В свободное же время полностью реализуется принцип свободной ассоциации, всеобщего труда как свободной универсальной кооперации творческой деятельности. «По ту сторону его (царства необходимости — А.К.) начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе»³.

Характер отношений, складывающихся в свободное время, становится на высшей фазе коммунизма господствующим, и распространяет свое влияние и на деятельность в рабочее время. «Само собой разумеется, что само рабочее время — тем, что оно будет ограничено нормальной мерой, далее, что оно будет затрачиваться уже не для другого, а для меня самого, — вместе с уничтожением социальных антагонизмов между хозяевами и рабочими и т.д. получит, как действительно социальный труд и, наконец, как базис для *свободного*

¹ Маркс К. Теории прибавочной стоимости. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.26, ч. III. М: ИПЛ, 1964, с. 265–266.

² Маркс К. Капитал, т. III. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.25, ч. II. М: ИПЛ, 1962, с. 387.

³ Там же.

времени, совершенно другой, более свободный характер и что рабочее время такого человека, который вместе с тем есть человек, располагающий свободным временем, должно будет обладать гораздо более высоким качеством, чем рабочее время рабочего скота»¹.

27.3. Производственные отношения

Структура производственных отношений коммунистического общества на его высшей фазе, предположительно, должна быть примерно такова же, как и на первой. Основное отличие заключается в степени зрелости коммунистических производственных отношений, что накладывает свой отпечаток и на структуру этих отношений (в том числе за счет отмирания их экономической стороны).

На высшей фазе коммунизма полностью исчезают все отношения товарного производства, и производство полностью приобретает непосредственно общественный характер. Этому соответствует полное преодоление отчуждения людей от их общественных отношений, торжество свободного общественного объединения людей (принцип свободной ассоциации), на основе чего люди организуют производство по заранее обдуманному общему плану.

Поскольку производство средств существования, равно как и обеспечение всей совокупности материальных условий для этого, с ростом производительных сил общества будут занимать относительно небольшую часть времени, постольку основной целью и содержанием производственной деятельности будет обеспечение условий для развития человеческой индивидуальности. Это развитие, в свою очередь, станет главным источником роста производительности общественного труда. Поэтому главным источником роста общественного богатства станут не трудовые усилия людей (в противоположность тому, что сказано в Ветхом Завете: «В поте лица твоего будешь есть хлеб...» – Быт. 3, 19), и даже не совершенствование применяемых средств производства, а развитие самого человека в процессе научной, художественной, педагогической и т.д. деятельности.

На высшей фазе коммунизма, с развитием всеобщей собственности (то есть собственности каждого на всё)² отпадают особые отношения собственности. Это не значит, что в свободной ассоциации

¹ Маркс К. Теории прибавочной стоимости. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 26, ч. III. М: ИГЛ, 1964, с. 266.

² «...При пролетарском присвоении масса орудий производства должна быть подчинена каждому индивиду, а собственность – всем индивидам. Современное универсальное общение не может быть подчинено индивиду никаким иным путем, как только тем, что оно будет подчинено всем им вместе» (Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 3. М: ИГЛ, 1955, с. 68).

тружеников присвоение общественного богатства – в производстве ли, в потреблении ли, – не будет опосредоваться общественными отношениями между людьми. Однако, вместе с исчезновением отношений собственника и не-собственника (чему соответствует превращение безграничных по своей природе культурных ценностей, которые могут беспрепятственно присваиваться каждым членом общества, в главную форму богатства), это опосредование не будет принимать форму особых отношений собственности.

Вместе с этим отпадают и отношения между собственником и непосредственным производителем, составлявшие главное содержание любого экономического строя общества. *Общественный строй коммунистического производства перестает быть экономическим строем*, а фигуры собственника и непосредственного производителя окончательно сливаются. Впрочем, в материальном производстве («царстве необходимости») функциональные различия собственника и производителя остаются – ведь выполнение функций собственника и функций производителя подразумевает различные виды деятельности. *Но это различие видов деятельности не будет вести к образованию различных социальных ролей*, т.е. к выделению людей, за которыми закреплены преимущественно либо одни, либо другие виды деятельности.

Изменившийся характер деятельности является главной предпосылкой перехода к распределению по потребностям. Когда главным видом деятельности становится творческая самодеятельность индивидов, а главным богатством – достижение всесторонности как индивидуального развития, так и общественных связей, благодаря которым она достигается, то главной потребностью человека становится саморазвитие в процессе творческой деятельности и богатство общения. Раз главный мотив и результат деятельности изменился, то в соответствии с этими изменениями меняется и характер распределения.

Для участия в творческой деятельности и общении не остается никаких *социальных* препятствий (и хотя наличные *материальные* средства деятельности в каждый данный момент времени ограничены, деятельность человека как раз и направлена на постоянное преодоление этой ограниченности). При таких условиях главной проблемой распределения становится доступ к творчеству и общению – а этот доступ на высшей фазе коммунизма ограничивается только собственными способностями человека. Таким образом, *распределение по потребностям становится реальностью*, ибо человек самостоятельно включается в процесс творческой деятельности именно в меру *собственных потребностей*.

Разумеется, определенный – и достаточно высокий – уровень удовлетворения потребностей в жизненных средствах является необходимым условием перехода к такому способу распределения. Этот уровень потребления выступает здесь не как самоцель, а всего лишь как условие полноценного включения в творческую деятельность, и объем необходимых жизненных средств воспринимается человеком именно с точки зрения отсутствия с этой стороны препятствий для саморазвития. Как заметили классики марксизма еще в своих ранних работах, «...при крайней нужде должна была бы снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая мерзость»¹.

Однако главным условием перехода к распределению по потребностям является не изобилие жизненных благ, а такие изменения в характере человеческой деятельности, которые устраняют подчинение человека общественному разделению труда, обеспечивают всесторонность развития индивидов и превращают труд в первую жизненную потребность (что, собственно, и обеспечивает необходимый уровень производства и потребления жизненных благ как свой побочный результат).

27.4. Освобождение человека.

Человек как субъект истории. Источники развития

Нередко марксизм пытаются представить как философскую систему, провозглашающую, вместе с достижением коммунизма, законченность человеческой истории. Казалось бы, Маркс сам дает повод для этого, заявляя: «Как только меновая стоимость перестанет составлять предел для материального производства и его предел будет определяться его отношением к целостному развитию индивида, то отпадет вся эта история с ее судорогами и страданиями»².

Однако для Маркса конец *прежней* истории означает лишь вперые достигнутую для человечества возможность жить реальной исторической жизнью. Говоря о «целостном развитии индивида», о беспредельной универсальности развития человека, Маркс добавляет: «Отсюда проистекает также понимание его собственной истории как процесса и познание природы (выступающее также в качестве практической власти над ней) как своего реального тела. Сам процесс развития положен и осознан как предпосылка индивида. Но для это-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 3. М.: ИПЛ, 1955, с. 33.

² Маркс К. *Экономические рукописи 1857-1859 гг.* // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 46, ч. II. М.: ИПЛ, 1969, с. 123.

го прежде всего необходимо, чтобы полное развитие производительных сил стало условием производства, чтобы определенные условия производства не являлись пределом для развития производительных сил»¹.

Прежняя история была историей борьбы за существование. Конечно, человек развивался и в этой истории – но такое развитие происходило как побочный продукт борьбы за существование, развитие одних индивидов обеспечивалось за счет других, и человечество – поскольку его собственные общественные отношения господствовали над ним как чуждые ему силы – в целом не контролировало этот стихийный процесс развития. Однако раз отпадает борьба за существование, и люди, взяв свои производительные силы под свой совместный контроль, оказываются свободны для самостоятельного установления общественных связей между собой, то их собственное развитие становится непосредственной целью их деятельности и тем самым составляет и содержание процесса истории.

История теперь впервые в полном смысле слова становится историей человеческого развития.

Но для этого необходимо достижение целого ряда условий. Маркс предполагал, что историческое назначение капитала будет выполнено тогда, когда его развитие приведет к тому, «...что, с одной стороны, владение всеобщим богатством и сохранение его будут требовать от всего общества лишь сравнительно незначительного количества рабочего времени, и что, с другой стороны, работающее общество будет по-научному относиться к процессу своего прогрессирующего воспроизводства, своего воспроизводства во все возрастающем изобилии; – следовательно, тогда, когда прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека»².

Капитал создает такие предпосылки потому, что «...капитал гонит труд за пределы обусловленных природой потребностей рабочего и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всесторонняя и в своем производстве и в своем потреблении и труд которой выступает поэтому уже не как труд, а как полное развитие самой деятельности, где обусловленная природой необходимость исчезает в свое непосредственной форме, ибо на место обусловленной природой потребности становится потребность, созданная исторически»³.

¹ Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. II, М: ИПЛ, 1969, с. 35.

² Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. I, М: ИПЛ, 1968, с. 280.

³ Маркс. К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. I, М: ИПЛ, 1968, с. 281.

В результате такого исторического развития становится возможным отбросить его ограниченную буржуазную оболочку: «На самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т.д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т.е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествующего исторического развития, т.е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному масштабу*. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»¹.

Итак, человек, уже не связанный необходимостью большую часть времени тратить на добычу средств к существованию и на обеспечение накопления вещного богатства в руках других людей, будет свободно развивать собственную индивидуальность. И свободный союз людей, выступающих как независимые индивиды (свободная и равная ассоциация), становится здесь основной формой их общественной связи.

«Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода. <...> В условиях действительной коллективности индивиды обретают свободу в своей ассоциации и посредством нее»². Свобода понимается здесь не как негативная свобода от любых ограничений («воля», произвол), и не как свобода в ее либеральной трактовке – в виде вынужденного компромисса противоположных интересов (мои права кончаются там, где начинаются права других людей), а как постоянное преодоление всех и всяческих границ, основанное на общности интересов и на добровольном сотрудничестве людей.

Человек тем самым преодолевает любые границы своей общественной жизни – его общественные связи становятся потенциально безграничными как в пространстве, так и во времени. Хотя человек

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. I, М: ИПЛ, 1968, с. 476.

² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 3. М: ИПЛ, 1955, с. 75.

(обращаясь к тезису В. Межуева) платит за неповторимость своей индивидуальности конечностью своего существования – каждый человек есть особая вселенная и другой такой не было и не будет – но в свободной ассоциации человек преодолевает и ограниченность индивидуального существования. Жизнь человека, воспроизводящего себя в универсальности своей деятельности и своих общественных связей, основывается здесь на кооперации с любыми современниками, предшественниками и потомками.

Однако такое преодоление индивидуальной ограниченности невозможно без сотрудничества с другими людьми, невозможно без восприятия людьми друг друга как неповторимых индивидуально-стей¹.

На этом противоречии основывается и движущее противоречие развития и воспроизводства человека в коммунистическом обществе как воспроизводства целостного общественного человека. Специфические для первой фазы коммунизма противоречия развития – между вещной и деятельностной составляющими богатства, между стремлением к расширению свободного времени и ограниченными возможностями его использования для развития индивида и т.п., – на высшей фазе снимаются. Однако остается безграничное стремление человека выйти за пределы своего индивидуального существования. Сегодня трудно представить во всей конкретности, какие именно человеческие драмы, какое напряжение страстей будет порождать это противоречие, однако и нашим предкам, и современникам доводилось сталкиваться с этим противоречием. И тот факт, что оно способно порождать всплеск творческой энергии человека, несомненен.

27.5. Чего не будет при коммунизме?

Все предшествующее изложение проблематики характера производства и общественных отношений высшей фазы коммунизма носило весьма абстрактный характер. Иначе и быть не могло. Высшая фаза коммунизма еще не стала исторически полномасштабной ре-

¹ «Предпосылки и автономии, и индивидуальности сохраняют строго интересубъективное значение в коммуникативном действии: тот, кто произносит моральные суждения и совершает моральные действия, должен рассчитывать на согласие неограниченного коммуникативного сообщества; тот, кто реализует избранную с сознанием ответственности историю жизни, должен рассчитывать на признание со стороны этой индивидуальной аудитории», – пишет Юрген Хабермас. – «Соответственно моя идентичность, а именно моя концепция меня самого как автономно действующего и полностью индивидуализированного существа, может быть устойчивой лишь в том случае, если я получу подобного рода подтверждение и признание и как вообще личность, и как эта индивидуальная личность» (Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии, 1989, №2).

альностью (хотя в известном смысле она уже проявляет себя в реальности). Гораздо более конкретные суждения о высшей фазе коммунизма можно вынести, если обратить внимание не на то, *что будет* на этой высшей фазе, а на то, *чего там не будет*. То, что отрицается высшей фазой коммунизма, известно нам во всей конкретности, и потому *негативные определения* коммунизма отличаются значительно большей детальностью и осязаемостью.

Как уже говорилось выше, высшая фаза коммунизма характеризуется снятием товарного производства и свойственных ему общественных отношений. Отмирает всеобщее производство на продажу и погоня за деньгами как за мерилем успеха. Устранение товарного производства неизбежно ставит вопрос: в какой социальной форме будет происходить определение общественной необходимости затрат труда, их учет и измерение, обеспечивающие их экономию? У Маркса мы не найдем ответа на этот вопрос. Он определенно знал лишь, что такой механизм должен сложиться, что на место товарного производства должна встать иная социальная форма, которая уже не окольным путем, а прямо обеспечивает контроль индивидов над своим трудом и затрачиваемым на него временем.

Иллюзия, будто на место товарного производства может встать трудовой учет непосредственно в натуральной форме, основывается на непонимании того факта, что люди не могут производить, не вступая в определенные общественные (производственные) отношения между собой. Однако решение вопроса о том, как именно, в каких конкретных общественных формах свободная ассоциация будет регулировать свое совокупное рабочее время, распределяя его для производства различных продуктов, относится к будущему – к тому будущему, когда исчезнут условия для обособленного, частного производства на рынок, и всякий труд уже не сможет быть сведен к простой абстракции деятельности. Только тогда новые социальные формы труда проявят себя с объективной необходимостью. Хотя уже сейчас можно строить различные предположения на этот счет, ни одно из них пока не выглядит достаточно основательным.

Вместе с падением товарного производства и частного характера труда вообще отпадает и частная собственность, и, в результате всего этого, устраняется отчуждение труда, отчуждение человека от продуктов своей деятельности, а вместе с этим – и отчуждение человека от человека и человека от общества.

Естественно, что при коммунизме не будет эксплуатации (эта проблема решается еще на его первой фазе).

На высшей фазе коммунизма произойдет стирание социально-классовых различий. При этом огромное разнообразие индивидуальных свойств людей не будет вести к их разделению на общественные

классы. Никакие различия не будут основанием для приобретения социально привилегированного статуса, для неравного положения в системе общественных отношений. Все люди будут иметь одинаковые возможности для участия в любых видах деятельности, доступность которых будет определяться лишь своеобразием личных способностей людей, и не будет никаких социальных градаций в условиях личного потребления.

Другой социальный институт, которому не суждено дожить до высшей фазы коммунизма – государство. Государственная организация общества сменится общественным самоуправлением. Что будет представлять собой самоуправление в глобальном масштабе – это пока невозможно представить в конкретных формах. Можно говорить пока о зыбких прообразах такой добровольной координации общественно-организующей деятельности в виде «сетевой демократии», которую практикуют современные глобальные социальные движения.

Вместе с государством отпадут и основные формы организованного насилия, и в первую очередь войны. Исчезновение войн будет иметь своей предпосылкой также постепенное (более длительное, нежели для организации общественного самоуправления) отмирание национальных противоречий. Но еще до их окончательного отмирания сделается возможным исключить войны как способ разрешения конфликта национальных интересов, первым шагом к чему будут полная ликвидация оружия массового поражения, резкое взаимное сокращение военных расходов и арсеналов военного противостояния, введение дополнительных международных ограничений в обычай и правила войны.

Целиком исчезает значительный пласт преступности, связанный с корыстными побуждениями, и резко сокращается социально-психологическая база для преступлений против личности, в связи со снятием социальной напряженности, обусловленной самыми различными проявлениями социального неравенства. Однако ликвидировать конфликты на почве личных взаимоотношений, как и попытки разрешения их преступным путем, никакая общественная система не может. Она может лишь создать условия для сведения таких эксцессов к минимуму, что позволит отказаться от специального правоприменительного аппарата (судов, прокуратуры и т.д.), вместе с отмиранием самого института права.

Значительные перемены произойдут в общественном сознании. Религиозные формы общественного сознания потеряют свое значение, распространение и влияние церкви как общественного института, по меньшей мере, резко сократится. Хотя общественные предпосылки для существования религиозного сознания практически ис-

чезнут, но ряд других предпосылок (наличие пределов возможностей человека – конечность индивидуального существования, ограниченность познания мира и т.д.) сохранится. Кроме того, традиционные формы общественного сознания будут преобразовываться медленнее, чем будут меняться объективные предпосылки их существования. Поэтому в обозримой перспективе полная и абсолютная ликвидация всяких пережитков суеверий вряд ли возможна.

Безусловно, претерпит значительные изменения форма семьи. Если даже на протяжении XIX – XX веков произошло уже не одно изменение формы семьи, то тем более следует ожидать существенных перемен в этой области при переходе к новой исторической эпохе. Каковы будут конкретные формы семейных отношений? Ответ на этот вопрос лучше всего сформулировал Ф.Энгельс:

«Таким образом, то, что мы можем теперь предположить о формах отношений между полами после предстоящего уничтожения капиталистического производства, носит по преимуществу негативный характер, ограничивается в большинстве случаев тем, что будет устранимо. Но что придет на смену? Это определится, когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие социальные средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придется ни отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с любимым мужчиной из-за боязни экономических последствий. Когда эти люди появятся, они отбросят ко всем чертям то, что согласно нынешним представлениям им полагается делать; они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответствующее этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности, – и точка».¹

Таким образом, семейно-брачные отношения не будут связаны с заботой об условиях существования, отпадет закрепление частной семейной собственности как одной из основ существования семьи, и использование семьи как трамплина для материального успеха. Произойдет также изменение соотношения воспитания, основанного на биологической связи родителей и детей (каковую вовсе не следует игнорировать – но только до тех пор, пока играет роль как сама биологическая связь, так и выросшая на ее основе социальная общность родителей и детей), и общественного воспитания подрастающего поколения.

Этот краткий обзор высшей фазы коммунизма оставляет, разумеется, очень много вопросов – в том числе и вовсе не рассмотрен-

¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 21. М: ИПЛ, 1961, с. 85.

ных мною. Однако я надеюсь, что обозначенные здесь узловые пункты дают достаточное представление о том, какими видятся основы будущего общественного строя.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Какие изменения в содержании человеческой деятельности определяют переход к высшей фазе коммунизма?
2. Как меняется на высшей фазе коммунизма соотношение и социальная роль рабочего и свободного времени?
3. Чем на высшей фазе коммунизма характер деятельности в рамках свободного времени отличается от характера деятельности в рабочее время?
4. В чем на высшей фазе коммунизма заключается различие между производственными отношениями в рабочее и в свободное время?
5. Какие структурные элементы производственных отношений отпадут при переходе от первой к высшей фазе коммунизма?
6. На какой основе становится возможным распределение по потребностям?
7. Чего не будет при коммунизме – то есть каковы известные в настоящее время негативные определения высшей фазы коммунизма?

Литература для самостоятельного изучения:

Работы классиков марксизма:

- Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 3. М: ИПЛ, 1955, с. 33, 68, 75.
- Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг./Маркс К, Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.46, ч. I, М: ИПЛ, 1968, с. 280, 281, 476; ч. II. М: ИПЛ, 1969, с. 35, 110, 123, 221.
- Маркс К. Теории прибавочной стоимости. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.26, ч. III. М: ИПЛ, 1964, с. 265–266.
- Маркс К. Капитал, т. III..., // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т.25, ч. II. М: ИПЛ, 1962, с. 387.
- Маркс К. Критика Готской программы. // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соч., 2-е изд. Т. 19. М: ИПЛ, 1961, с. 20.

Работа одного из лучших советских марксмологов хорошо иллюстрирует взгляды Ф.Энгельса на коммунистическое общество:

- Багатурия Г.А. Контуры грядущего. Энгельс о коммунистическом обществе. М.: Политиздат, 1972.

Работы Батищева и Хабермаса помогут лучше разобраться со сдвигами в характере человеческой деятельности и в ее целях:

- Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб.: 1997.
- Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии, 1989, №2

Целый ряд проблем перехода к высшей фазе коммунистического общества рассматривается в этих работах с современных позиций:

- Бузгалин А.В. Будущее коммунизма. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1996.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология. Часть 4. М.: Культурная революция, 2009.

ЧАСТЬ VI

РАЗВИТИЕ ОСНОВНЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ И БОРЬБА ВОКРУГ ТЕОРИИ СОЦИАЛИЗМА В КОНЦЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКОВ

ГЛАВА 28

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ДО ОКТАБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В РОССИИ

28.1. Развитие политической борьбы рабочего класса в XIX веке. Возникновение социал-демократии

Вместе с падением сословных монархий и развитием индустриального капитализма в Европе и в тех колониях (и бывших колониях) европейских стран, где была реализована модель «переселенческого капитализма», происходит окончательная консолидация основных классов капиталистического общества. Противоположность интересов буржуазии и пролетариата не только получает развитую социально-экономическую основу, но и находит широкое отражение в общественном сознании. Происходит размежевание сознательно формулируемых интересов пролетариата и буржуазии. Обостряется

классовая борьба, которая, вместе с ростом классового самосознания пролетариата, довольно быстро приобретает политическое содержание.

Первоначально политические организации пролетариата носят характер небольших групп, еще не имеющих тесной связи с массовым пролетарским движением. Многие из них носят сектантский характер, исповедуют утопические взгляды, либо придерживаются заговорщической тактики. Однако постепенно эти организации приобретают довольно сильное сочувствие в среде рабочих. Международный союз ряда таких групп в Западной Европе, многие из которых находились под тем или иным влиянием марксистских идей, оформился в 1864 году в организацию «Международное товарищество рабочих», более известную впоследствии под именем «I Интернационал».

Наряду с политическими организациями рабочего класса в этот же период оформились массовые общественные движения, первоначально находившиеся в тесной связи с политическими организациями пролетариата. В их образовании и деятельности заметную роль играли активисты I Интернационала. Профсоюзные и просветительские организации, общества взаимопомощи, производственные и потребительские кооперативы и другие организации рабочих входили в I Интернационал как коллективные члены наряду с секциями или отделениями (которых в одной стране могло быть несколько), сформировавшимися из индивидуальных членов. Все участники Интернационала в том или ином государстве объединялись в национальную федерацию.

Малочисленность секций I Интернационала, их недостаточно прочная связь с пролетарским движением, политическая незрелость самого этого движения привели к разногласиям и расколам внутри I Интернационала (конфликты между марксистами, прудонистами и бакунистами). На разногласия внутри Интернационала вскоре наложились также политическая реакция в Европе, наступившая после поражения Парижской Коммуны 1871 года, и характеризовавшаяся массовыми преследованиями членов I Интернационала. Это вызвало сначала (после пятого, Гаагского конгресса в сентябре 1872 года) вынужденный перенос Генерального Совета Интернационала в Америку, а затем, с 1874 года, фактическое прекращение его деятельности. Такие условия привели к самороспуску I Интернационала по решению его Филадельфийской конференции в 1876 году.

В решениях конгрессов I Интернационала (1866, 1867, 1868, 1869 и 1872 годы) были сформулированы основные тактические и программные лозунги политической борьбы пролетариата. Среди них были сформулированы: необходимость борьбы за завоевание

пролетариатом политической власти для устранения капиталистической системы, а так же борьба за 8-часовой рабочий день, за всеобщее избирательное право, требование национализации земли, проведение пролетариатом антивоенной и антиколониальной политики и т.д.

Организации I Интернационала вели активные политические кампании, направленные на реализацию выдвинутых целей, проводили широкую пропагандистскую и просветительскую работу, морально и материально поддерживали стачечное движение. Многие члены I Интернационала участвовали в Парижской Коммуне 1871 года.

Следующее международное объединение политических организаций пролетариата – II Интернационал – возникло уже на иной основе. II Интернационал был основан в 1889 году уже как союз национальных политических партий рабочего класса, в создании которых активное, но далеко не везде определяющее участие принял костяк бывших секций I Интернационала. Большинство этих партий приняло наименование «социал-демократические» или «социалистические», некоторые именовались «рабочие». Влияние марксизма в международном пролетарском политическом движении к этому времени заметно выросло, и марксизм фактически превратился в официальную идеологию II Интернационала, хотя идейное господство марксизма в этом политическом движении было довольно поверхностным и отнюдь не полным.

Причиной этого были не только специфические исторические условия формирования политической борьбы рабочего класса в различных странах, но и тот факт, что сам рабочий класс отнюдь не был целиком захвачен стремлением к ниспровержению капиталистического строя, обращая гораздо большее внимание на борьбу за непосредственное улучшение своего положения. Политика рабочих (социал-демократических, социалистических) партий неизбежно отражала эту позицию рабочего класса. Среди партий II Интернационала значительное распространение имели такие идейные течения, как лассальянство¹, тред-юнионизм¹, фабианство², различные разновидности анархизма (прудонизм, анархо-синдикализм и т.д.).

---

¹ Возникшее как специфически германское явление (как идеология Всеобщего германского рабочего союза под руководством Фердинанда Лассалья), лассальянство фактически имело более широкое распространение как идеология «конструктивного сотрудничества» с государством ради получения от последнего ряда уступок в области социальных и политических прав рабочих (придавая преувеличенное значение всеобщему избирательному праву), при отрицании необходимости экономической борьбы. Специфической чертой собственно лассальянства было стремление использовать в

В отличие от I Интернационала II Интернационал был уже чисто политической организацией. Профсоюзы, кооперативные организации и т.п. уже не являлись его членами, а существовали как самостоятельные общественные движения, хотя и находящиеся в той или иной мере под влиянием рабочих партий. В дальнейшем связь политических партий пролетариата с этими общественными движениями (за некоторым исключением профсоюзного) значительно ослабла или исчезла вовсе, главным образом потому, что они перестали нуждаться в постоянном отстаивании своих интересов или даже права на существование в политической борьбе, и сосредоточились исключительно на реализации специфических интересов своих членов.

28.2. Предпосылки раскола первоначальной социал-демократии на современную социал-демократию и коммунистическое движение

В конце XIX – начале XX века политическое движение рабочего класса выступало главным образом в форме социал-демократического движения. На этот период приходится становление и развитие монополистического капитализма, оказавшего заметное влияние на изменение условий борьбы рабочего класса. Теоретики социал-демократии (К. Каутский, Р. Гильфердинг, Р. Люксембург, В.И. Ленин и др.) уделяли значительное внимание анализу монополистической стадии капитализма, нередко называемого империализмом из-за свойственных этой стадии тенденций к экономическому и территориальному (на колониальные империи) разделу мира, и вытекающей отсюда захватнической политики капиталистических держав. Среди идеологов рабочего движения развернулась полемика вокруг вопросов природы и перспектив развития империализма и его влияния на перспективы достижения целей социалистического движения³.

Именно в этот период становится все более заметным различие между революционным и реформистским крылом в социал-демократии. Между партиями II Интернационала и отдельными те-

---

интересах рабочих противоречия между земельными собственниками и буржуазией, что вело к отказу от политики поиска союза между рабочим классом и крестьянством.

¹ Тред-юнионизм – сведение задач рабочей партии к защите экономических интересов организованных в профсоюзы рабочих.

² Это течение названо так по имени Фабианского общества в Великобритании, объединявшего группу интеллигенции, проповедовавшую социал-реформистские взгляды о постепенном, не революционном преобразовании капиталистического общества.

³ Подробнее монополистическая стадия капитализма освещена в главе 18.

чениями внутри этих партий возникают острые разногласия и политическая борьба вокруг многих принципиальных вопросов рабочего движения.

С открытым обоснованием реформистской линии в социал-демократическом движении выступил Эдуард Бернштейн, считавшийся учеником и духовным наследником Фридриха Энгельса. Взгляды Бернштейна, изложенные в его книге «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» (1899) вызвали довольно резкую отповедь со стороны большинства лидеров международной социал-демократии (Каутский, Бебель, Плеханов, Ленин...), которые осудили ревизию марксизма, предпринятую Бернштейном. Однако его взгляды приобрели и немалое число сторонников.

Бернштейнианство было неизбежным идеологическим отражением того факта, что значительная часть рабочего движения вовсе не рвалась исполнять «историческую миссию рабочего класса», а вполне успешно занималась борьбой за непосредственное улучшение своего положения в рамках буржуазного государства. Это улучшение положения касалось не только «рабочей аристократии», но затрагивало в той или иной мере довольно широкие слои рабочего класса. Отсюда и стремление социал-реформистов отказаться от революционных задач, свести борьбу социал-демократии к завоеванию разного рода уступок у правящих классов, что и должно, по их мнению, привести к постепенной реализации социалистических идеалов. Этот подход нашел отражение в известном афоризме Бернштейна: «движение – все, конечная цель – ничто».

В связи с такой постановкой вопроса находится и то преувеличенное значение, какое социал-реформизм придавал буржуазной демократии. И для революционного крыла именно буржуазная демократия предоставляла наилучшие политические условия для борьбы, и потому революционеры выступали за последовательную защиту демократических принципов, не рассматривая, однако, – именно в силу этого! – буржуазную парламентскую систему как свой идеал. В отличие от них социал-реформисты, выступая за частичные уступки в рамках буржуазного государства, видели в буржуазной парламентской демократии *главное* условие своей деятельности.

Поддержка этой линии опиралась во многом и на профессиональный аппарат легальных социал-демократических партий и связанную с ними профсоюзную бюрократию. Интересы этого слоя, занимавшего руководящие посты в рабочем движении, постепенно тесно срослись с атмосферой буржуазной легальности и его представители уже не мыслили своей личной судьбы и политической карьеры вне этих рамок.

До Первой мировой войны разногласия между реформистским и революционным крылом не довели дело до раскола социал-демократического движения, поскольку большинство социал-демократии не считало взгляды Бернштейна и его сторонников несовместимыми со званием социал-демократа. Выступления против него нередко носили характер скорее защиты лидерами социал-демократии привычных идейных догматов, близких значительной части пролетарских масс, не вкусивших сколько-нибудь значительных плодов от борьбы за частичные уступки, и потому сохранявших революционные настроения. Многие партии II-го Интернационала находились на нелегальном положении, и для революционеров-подпольщиков, подвергавшихся постоянным преследованиям, идеи Бернштейна выглядели вовсе не актуальными. Кроме того, революционные настроения поддерживались и мелкобуржуазными корнями формирующегося пролетариата, который таким образом выражал протест против своей пролетаризации и с этих позиций выступал против капиталистической системы.

В силу этих причин в международной социал-демократии первоначально господствовало центристское течение, а крылья, занимавшие открыто реформистские или, напротив, последовательно революционные позиции, были представлены меньшинством. Тем не менее, следует отметить, что реформизм имел господствующее положение в некоторых партиях II Интернационала (например, в лейбористской партии Великобритании, с самого начала придерживавшейся идеологии тред-юнионизма). Открытый (хотя казавшийся еще не окончательным) раскол между реформистским и революционным крылом произошел до Первой мировой войны только в РСДРП, СДКПиЛ¹ и в Болгарской социал-демократической партии. В других партиях революционное крыло первоначально выступало лишь в виде не слишком резко очерченных течений (сторонники К. Либкнехта и Р. Люксембург в Германии, голландские трибунисты).

Проявления реформистских тенденций стали все больше и больше характеризовать политику большинства II Интернационала. Это было заметно в связи с вопросом о так называемом *министериализме* (вхождение социалиста А. Мильерана в качестве министра во французское буржуазное правительство в 1899 г.). Пятый конгресс II Интернационала в Париже (сентябрь 1900 г.), обсуждавший этот вопрос, принял резолюцию Каутского, признающую возможность участия в буржуазных правительствах «в качестве временной исключительной меры», и не осудившую поступок Мильерана. Резолюция

¹ СДКПиЛ – Социал-демократия Королевства Польского и Литвы.

меньшинства (Жюль Гед), содержащая такое осуждение, была отвергнута.

Положение было несколько исправлено на шестом конгрессе (август 1904 г.), где резолюция Жюля Геда, осуждавшая ревизионизм и министриализм, была принята при поддержке Августа Бебеля и Розы Люксембург. Однако многие видные деятели социал-демократии выступили против этой резолюции или воздержались при голосовании. На том же конгрессе была принята резолюция по колониальному вопросу, где не упоминалось о борьбе за национальное самоопределение, а рекомендовалось добиваться самостоятельности населения колоний, «соответствующей степени их развития».

Весьма острая борьба на конгрессах II Интернационала развернулась вокруг вопроса о милитаризме и угрозы войны. На седьмом конгрессе в Штутгарте (август 1907 г.) обсуждались четыре проекта резолюции о войне, ни один из которых не давал удовлетворительного ответа на вопрос о тактике действий рабочего класса в случае военной опасности и развязывания войны. В одном проекте давалось внеклассовое деление войн на оборонительные и наступательные, в другом – вопрос о войне сводился лишь к констатации факта, что войны порождаются капитализмом, в третьем – предлагалось использовать всеобщую стачку как универсальный ответ на любую войну. Более близкий к марксистской постановке вопроса проект А. Бебеля получил поддержку революционного крыла и был принят конгрессом. В этот проект при активном участии В.И. Ленина удалось провести поправки, предлагающие социал-демократическим партиям в случае войны использовать все средства, чтобы как можно скорее прекратить ее и использовать созданную войной обстановку экономического и политического кризиса для того, чтобы ускорить крушение господства класса капиталистов.

На конгрессе была предложена резолюция, открыто оправдывающая империалистическую колониальную политику. Эта резолюция была отвергнута, но за нее отдали голоса делегаты партий тех стран, которые имели обширные колонии. Вскоре после конгресса лидеры ряда социал-демократических партий стали открыто игнорировать решения II Интернационала, принятые по военному и колониальному вопросам, поддерживая политику милитаризма и колониальную политику «своих» правительств (поддержка лейбористами дополнительных расходов на развитие военно-морского флота; одобрение бельгийскими социалистами присоединения Конго к Бельгии и т.д.). Характерно, что следующий, Копенгагенский конгресс (август-сентябрь 1910) не придавал этим нарушениям сколько-нибудь серьезного значения, а большинство из них вообще обошел молчанием.

28.3. Первая мировая война и раскол социал-демократии

Вспыхнувшая в 1912–1913 годах итало-турецкая война и Балканские войны 1912–1913 годов побудили деятелей II Интернационала на девятом конгрессе в Базеле (ноябрь 1912 г.) выступить с единогласно принятым Базельским манифестом, содержащим призыв противопоставить войне пролетарскую солидарность («Пролетарии считают преступлением стрелять друг в друга ради прибылей капиталистов») и недвусмысленную угрозу буржуазным правительствам («Пусть правительства хорошо запомнят, что при современном состоянии Европы и настроении умов в среде рабочего класса они не могут развязать войну, не подвергая опасности самих себя»). Однако не прошло и двух лет, как эти решения были сорваны руководством почти всех партий II Интернационала.

Руководство практически всех партий II Интернационала, как в странах, втянутых в Первую мировую войну, так и в нейтральных, присоединилось к позиции «своих» буржуазных правительств, а некоторые из них делегировали своих представителей в эти правительства (например, социалист Альбер Тома был министром вооружений во французском правительстве). Вопреки ранее принимавшимся резолюциям эти партии поддержали военные усилия «своих» правительств (голосование за военные кредиты, призывы к «классовому сотрудничеству» на время войны и т.п.), став тем самым политическими соучастниками развязывания Первой мировой войны.

Было бы крайне просто объяснить такую позицию предательством или буржуазным перерождением верхушки социал-демократического движения. Несомненно, что с субъективной стороны имело место и то, и другое. Однако эта верхушка выражала настроения значительной массы рядовых участников социал-демократического движения, и не только в период шовинистического угара, охватившего массы в начале войны, но и после того, как этот угар схлынул, и тяготы войны привели к усилению антивоенных настроений.

Фактически Первая мировая война лишь вынудила социал-демократическое движение открыто и недвусмысленно определиться по вопросу, разногласия по которому уже в течение целого ряда лет более или менее явно размывали единство социал-демократов. Вопрос этот заключался в выборе: являемся ли мы революционной партией, борющейся за ниспровержение существующего экономическо-

го и политического строя, или мы партия борьбы за реформы в рамках существующего буржуазного государства?

Если первое, то тогда война, ведущаяся буржуазным государством – это не наша война. Мы противники и этой войны, и этого государства; мы выступаем за его поражение и за ниспровержение буржуазного государства как за единственно верный путь выхода из войны, и если потребуется – путем превращения войны за империалистические интересы в гражданскую войну против буржуазии.

Если второе, то хотим мы того, или нет, мы вынуждены присоединиться к позиции «своего» государства, отстаивать «национальные интересы», то есть интересы «своей» буржуазии – потому, что только при этом условии у нас сохранится возможность договариваться с ней, искать компромиссы, проталкивая через легальную политическую борьбу реформы в интересах рабочих.

Большинство социал-демократии сделало выбор в пользу второго варианта. Но во всех социал-демократических партиях более или менее быстро оформились левые течения (разной степени влиятельности), выступавшие за разрыв со своим государством и за революционный выход из мировой войны. Единственной сравнительно крупной и влиятельной партией, сразу и целиком вставшей на революционные позиции в мировой войне, была РСДРП (б). Однако другие социалистические партии в России – меньшевики и социалисты-революционеры – заняли позицию «оборончества» (то есть безоговорочного присоединения к официальной государственной политике «защиты своего Отечества»).

Не говоря уже о тайных договорах, даже в официально декларируемых целях войны практически всех воюющих держав вполне можно было разглядеть политику империалистических захватов – однако солидарность со «своим» государством, какую бы политику оно не проводило, оказалась для вождей социалистических партий на первом месте.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. На чем основывалось формирование самостоятельного политического движения рабочего класса во второй половине XIX века?
2. В чем причина широкой популярности марксизма в рабочем и социалистическом движении?
3. Почему в социалистическом (социал-демократическом) движении возникла борьба между реформистским и революционным течениями?
4. Почему реформистское течение получило преобладающее влияние в среде социал-демократии?
5. Почему именно Первая мировая война привела к открытому расколу социал-демократии?

6. Как объяснить сочетание широкой популярности марксизма, ставшего едва ли не официальной идеологией социал-демократии, и приверженности большинства социал-демократии реформизму?

Литература для самостоятельного изучения:

Работы Ленина:

- Ленин В.И. Крах II Интернационала // Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т.26.
- Ленин В.И. Социализм и война // Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т.26.

Материалы по истории рабочего и социалистического движения в XIX – начале XX века:

- История Второго Интернационала. В 2 ч. М., 1965-1966.
- Кривогуз И. М. Второй Интернационал. 1889-1914. М.: Мысль, 1964.
- История марксизма-ленинизма. Формирование, развитие и распространение марксизма, утверждение его в рабочем движении. 40-е годы XIX века – 1871 год. М.: Политиздат, 1986.
- Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. В 7-ми т. М.: Мысль, 1976. Т. 2.

Вот она, та самая «геростратовски знаменитая» (по словам Ленина) работа Эдуарда Бернштейна:

- Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М.: Ефимов, 1901.

А вот ответ ему Карла Каутского:

- Каутский К. К критике теории и практики марксизма («Антибернштейн»). М.: URSS, 2011.

ГЛАВА 29

ОПЫТ РЕВОЛЮЦИЙ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ РАСКОЛА

В МИРОВОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

29.1. Первая мировая война

и мировой революционный кризис

Первая мировая война, будучи следствием противоречий развития монополистического капитализма (империализма) в начале XX века, привела к дальнейшему резкому обострению этих противоречий – как социально-экономических, так и политических. Война, охватившая почти всю Европу и захватывавшая в свою орбиту и неевропейские страны, требовала колоссальных, невиданных ранее жертв. Военные действия надламывали экономику воюющих стран, несли страдания населению этих стран, множили людские потери. В ряде государств мировая война вызвала столь глубокий обществен-

ный кризис, что революция стала неизбежной. Вслед за революцией 1917 года в России и распадом Российской империи рухнула Австро-Венгерская империя, революция охватила Финляндию, Германскую империю, Венгрию, Османскую империю (Турцию)... Крупные политические потрясения переживали Польша, Италия, Болгария... С 1912 года революционные события будоражили Китай. Революционная волна приобретала мировой характер.

Революция в России стала следствием того, что в Российской империи наложились друг на друга несколько острых кризисов. Россия страдала от незавершенности буржуазной революции, от сохранения пережитков сословно-феодальной монархии, неразрешенности аграрного вопроса. Россия страдала от острых противоречий раннего этапа развития промышленного капитализма, ведущего к разорению и пролетаризации крестьянства. Россия испытывала острый конфликт между фабрично-заводским пролетариатом и капиталистами. Россия несла на себе бремя экономической и политической зависимости от ведущих европейских держав.

От незавершенности буржуазных преобразований страдали также Германская и Австро-Венгерская империи, а антагонизм пролетариата и буржуазии имел там более длительную историю и приобрел более развитые формы. Однако положение рабочего класса в этих странах было относительно более благоприятным, чем в России, а аграрный вопрос уже был решен переходом сельского хозяйства на рельсы преимущественно буржуазного развития (что, впрочем, отнюдь не исключало довольно острых противоречий в аграрном секторе).

Революции во всех этих трех империях были ускорены военными неудачами данных держав в мировой войне. Война особенно сильно подорвала экономику России, для которой военное бремя оказалось непосильным, а устаревшая система государственной власти была не в состоянии адекватно реагировать на возникающие проблемы. Происходило все нарастающее разложение армии и тыла, кратковременные военные успехи сменялись полосой все более серьезных неудач.

Хотя революционный кризис охватил многие страны Европы, только в России победила революция под социалистическими лозунгами. В Германии, Австрии, Чехословакии, Финляндии были проведены буржуазно-демократические преобразования. А вот попытки революций под социалистическими лозунгами в Германии, Финляндии, Венгрии, Словакии были потоплены в крови. Были повернуты вспять буржуазно-демократические преобразования в Болгарии после кровавого переворота 1923 года.

Революционные процессы в Европе совпали с борьбой за национально-государственное самоопределение многих народов, что являлось составной частью буржуазно-демократических преобразований. На карте мира появились новые независимые государства – Польша, Финляндия, Чехословакия, Венгрия, Австрия...

29.2. Политическое оформление раскола мировой социал-демократии.

Исчерпание мирового революционного кризиса

Большинство руководителей европейской социал-демократии заняло в условиях мирового революционного кризиса открыто или прикрыто антиреволюционные позиции, в лучшем случае ограничивая свои задачи буржуазно-демократическими преобразованиями. Некоторые вожди социал-демократии (как, например, Густав Носке, Филипп Шейдеман и Фридрих Эберт в Германии) пытались сдерживать даже и буржуазно-демократическую революцию, а на сторонников социалистических преобразований натравливали крайне правую военщину, ее руками зверски расправляясь со своими бывшими товарищами по партии. Так в январе 1919 года в Берлине были убиты лидеры «Союза Спартака» Роза Люксембург, Карл Либкнехт и Лео Иогихес (Тышка), а в апреле, так же руками реакционной военщины, разгромлена Баварская Советская республика и уничтожены ее вожди (хотя эта республика возникла в рамках буржуазной легальности). Густав Носке открыто заявил: «Пожалуй, кто-то же должен быть кровавой собакой. Я не боюсь ответственности»¹.

В Венгрии, напротив, социал-демократы мирно уступили власть коммунистам, и власть последних была впоследствии свергнута путем иностранной интервенции.

В этих условиях раскол социал-демократии стал не только свершившимся фактом, но и оформился организационно. II Интернационал был парализован разбеганием социал-демократических партий на службу «своим» правительствам (что делало невозможным какую-либо международную солидарность в борьбе за интересы рабочих, против капиталистической эксплуатации) и фактически прекратил свое существование. Прежние социал-демократические партии переживали период расколов и перегруппировок. Из них выделилось революционное крыло, ориентирующееся на опыт большевистской партии в России. Левое революцион-

¹ В оригинале на немецком: «Meinetwegen! Einer muss der Bluthund werden, ich scheue die Verantwortung nicht» (Gustav Noske: Von Kiel bis Kapp. Zur Geschichte der deutschen Revolution, Berlin 1920, S. 68).

ное течение в социал-демократии приступило к созданию собственных политических партий. Партии этого крыла стали называться коммунистическими и в 1919 году образовали III-й (Коммунистический) Интернационал – Коминтерн.

К 1924 году стало ясно, что волна мирового революционного кризиса схлынула. Победа фашизма в Италии в 1922 году, полный провал попыток вооруженного восстания в Германии и в Болгарии в 1923 году, в Эстонии – в 1924 году, показали это со всей очевидностью. Наступил период, который в официальных советских документах и документах Коминтерна именовался периодом частичной стабилизации капитализма. Российская революция устояла под натиском сил внутренней и внешней контрреволюции, но оказалась в государственной изоляции – больше нигде в мире революции под социалистическими лозунгами не удалось победить.

Таким образом, первоначально предполагавшиеся условия движения России к социализму не были реализованы, и перед партией большевиков встал вопрос о самой возможности сохранения русской революции в условиях изоляции. *Возможно ли движение к социализму в отсталой стране, да к тому же еще и лишенной поддержки победившего пролетариата более передовых стран?* Этот вопрос стал одним из тех, которые раскололи российскую коммунистическую партию и привели ее к гибели.

Итак, революционный кризис 1917–1923 гг. слабо затронул многие страны развитого капитализма, и даже в тех из развитых стран, которые испытали глубокие революционные потрясения, нигде не привел к власти пролетарские партии, выступающие под социалистическими лозунгами, хотя везде повлек за собой более или менее серьезные реформы. Так, например, по решению Вашингтонской конференции 1919 года правительства развитых стран пошли на реализацию одного из давних требований II Интернационала – введение 8-часового рабочего дня. Эти обстоятельства свидетельствовали о том, что капитализм, как система, хотя и столкнулся с серьезным кризисом, но *далеко не исчерпал потенциал своего развития*, и смог выйти из кризиса, сделав шаг вперед в своем совершенствовании.

С политической стороны это выразилось в том, что почти все ранее существовавшие пролетарские политические партии с социалистической программой (социал-демократия) предпочли достижение компромисса с буржуазией и удовлетворялись серьезными уступками с ее стороны, не посягая на основы капиталистического строя. Лишь часть пролетарского движения пыталась пойти по пути социалистических преобразований, но везде, кроме России, потерпела поражение.

К сожалению, рабочее движение не нашло ответа на вопрос: какой должна быть практическая программа революционной социалистической партии в условиях, когда революционная ситуация уже не является делом «обозримого будущего»? Отсутствие этого ответа во многом определило характер раскола социалистического движения в ходе мирового революционного кризиса: движение встало перед *непростым выбором между ренегатством и утопизмом.*

Большинство социал-демократии отказалось от ставки на социалистическую революцию, как на свою ближайшую цель. Хотя некоторые социал-демократические партии сохранили указание на социалистическую революцию и ниспровержение капиталистической системы как на свои программные цели, фактически эта цель отодвигалась в неопределенное будущее. На первый план все более открыто выдвигалась борьба за реформы путем классового сотрудничества. Полный программный отказ социал-демократии от революции произошел уже после 2-й мировой войны, фактически же идея революции уже была похоронена (не без колебаний, о чем свидетельствовали руководимые социалистами вооруженные выступления в Австрии в 30-е гг.).

Это было, несомненно, предательство прежних лозунгов и идеалов, обусловленное, однако, не личными субъективными качествами партийных вождей (хотя и эти качества сыграли свою роль в эволюции социал-демократии), а позицией значительной части того рабочего движения, на которое опирались социал-демократы. Первая мировая война и революционный кризис лишь ускорили эту эволюцию, теоретическим предтечей которой в свое время выступил Эдуард Бернштейн.

Образовавшееся в результате раскола левое крыло социалистического движения отказалось от имени социал-демократов, и партии этого левого крыла стали называться коммунистическими. Эти партии исходили из тезиса об уже достигнутой готовности стран, где получил развитие капитализм, к социалистической революции. Фактически это означало курс на революцию здесь и сейчас. Неудача этого курса (которая, естественно, считалась временной), выявившаяся в 20-е гг., привязала компартии к политике СССР, который выступал в их глазах и как символ победоносной социалистической революции, и как зримое свидетельство ее возможности, и как материальная опора Коммунистического Интернационала.

Политический раскол рабочего движения крайне осложнил решение проблемы социалистической революции для коммунистических партий и для той части социал-демократии, которая еще не готова была полностью отказаться от выдвижения революционных це-

лей. Как возможна антикапиталистическая революция, если в рабочем движении нет единства действий против власти буржуазии?

В Коминтерне сразу же сформировались два ответа на этот вопрос. Первый – идейно разгромить социал-демократию и перетянуть социал-демократических рабочих на свою сторону. Второй – проводить в отношении социал-демократии тактику единого фронта борьбы против власти капитала.

В.И. Ленин в своей работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» по существу предлагал сочетать обе эти тактики: стремясь идейно и политически изолировать соглашательскую верхушку правой социал-демократии, перетягивать на свою сторону левое крыло социал-демократов, не отказываясь в тоже время идти на соглашения о совместных действиях. Подобную же линию отстаивал в Коминтерне Л.Д. Троцкий, и на короткое время она даже получила официальное оформление. Однако вскоре после смерти Ленина в Коминтерне возобладала крайне сектантская позиция И.В. Сталина и Г.Зиновьева, согласно которой разгром социал-демократии как агентов буржуазии в рабочем движении есть необходимая предпосылка революции. Более того, *главным врагом объявлялась левая социал-демократия*, как наиболее изощренно маскирующаяся агентура буржуазии. По отношению к социал-демократам стал широко применяться ярлык «социал-фашисты».

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Почему мировой революционный кризис 1917–1923 годов был связан с Первой мировой войной?
2. Почему этот революционный кризис затронул далеко не все развитые капиталистические государства?
3. В чем причина поражения революций под социалистическими лозунгами в тех странах, где были предприняты такие революции (за исключением России)?
4. Каким образом капиталистическому миру удалось преодолеть мировой революционный кризис?
5. Каковы были основы организационного раскола социалистического движения на коммунистическое и социал-демократическое?
6. Как строились отношения между коммунистами и социал-демократами после этого раскола? Каковы были различные варианты этих отношений?

Литература для самостоятельного изучения:

- Ленин В.И. Детская болезнь левизны в коммунизме // Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т..
- Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. В 7-ми томах. М.: Мысль, 1976-1985. Тома 4 и 5.
- Гафурова Б.Г., Зубока Л.И. Хрестоматия по Новейшей истории в трёх томах. Том 1 (1917-1939). Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1960.

- <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000129/index.shtml>
- Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. — М.: Издательство политической литературы, 1969.
- Образование Коммунистического Интернационала. Март 1919 года. Новый Прометей, 2009.
- Кривогуз, И. М. Рабочий социалистический интернационал (1923-1940) [Текст] / И. М. Кривогуз. - М. : Высш. шк., 1979.

ГЛАВА 30

ПРИРОДА И ХОД РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

30.1. Социальная революция и политическая революция в Российской империи начала XX века

На протяжении последней трети XIX и начала XX века в России постепенно разворачивается *капиталистическая социальная революция*¹, толчок которой дали реформы 60-х – 70-х гг. XIX века и в первую очередь крестьянская реформа. Однако и в начале XX века эта революция была еще *весьма далека от своего завершения*. Капиталистические производственные отношения охватили меньшую часть общественного производства. Промышленный переворот затронул лишь весьма узкий уклад фабрично-заводской промышленности, охвативший примерно 10-15% занятых. Крестьянское землевладение примерно на 80% оставалось общинным (что, впрочем, составляло уже менее половины от всего землевладения). Вовлечение крестьянства в отношения товарного производства, хотя и прогрессировало, но все еще затрагивало меньшую часть крестьянского производства, а многочисленные слои крестьянства не затрагивало практически совсем – уклад их экономической жизни оставался до-буржуазным. В товарной части аграрного сектора господствовало

¹ Такую оценку социально-экономическим процессам в России того времени давал и Ф.Энгельс в 1893 г.: «В России мы имеем фундамент первобытно-коммунистического характера, родовое общество, предшествующее эпохе цивилизации, правда рассыпающееся теперь в прах, но все еще служащее тем фундаментом, тем материалом, которым оперирует и действует капиталистическая революция (ибо для России это настоящая социальная революция)». (Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 39 С. 128). Вообще Ф.Энгельс в 90-е гг. XIX века неоднократно обращается к теме социальной революции, происходящей в России (см.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 22. С. 47, 261, 452 и др.).

помещичье хозяйство, во многом основанное на полуфеодальных методах эксплуатации крестьянства¹.

Задачи буржуазной революции в области политической и юридической надстройки и вовсе не были достигнуты ни в чем существенном (за исключением земского самоуправления и суда присяжных). «Либеральный» монарх Александр II весьма жестоко расправлялся с претензиями на завоевание политических свобод и социальных прав, а его преемник, Александр III, был еще более тверд в своей «охранительной» (по отношению к неограниченному самодержавию) политике. Правда, революция 1905–1907 гг. все же принудила монархию обзавестись некоторыми конституционно-парламентскими декорациями, были сделаны некоторые шагжки вперед в отношении свободы печати и свободы союзов².

Итак, в повестке дня стояло продолжение капиталистической социальной революции, и использование буржуазной политической революции как рычага назревших социальных преобразований.

30.2. Буржуазная революция? Но какая?

Историки советской поры сходились в оценке революции 1905–1907 гг. и Февральской революции, как буржуазно-демократических. Думаю, это не совсем точно. Если основные задачи буржуазной революции не решены, говорить о буржуазно-демократическом этапе вроде бы рано. Почему же не только советские историки, но и социал-демократы, участвовавшие в этих революциях, оценивали их, как буржуазно-демократические? Вероятно, потому, что основным политическим вопросом этих революций как раз стал вопрос о политической демократии как средстве проведения буржуазных преобразований. В этих революциях уже невозможно было сделать шаг вперед за счет политического компромисса дворянской монархии с буржуазией – ибо этот компромисс не обеспечивал условий проведения основных преобразований капиталистической социальной революции, названных выше. Этому препятствовала контрреволюционная позиция буржуазии, готовой смириться с сословно-феодальными пережитками ради защиты своих социальных привилегий в деле эксплуа-

¹ Все это очень хорошо показано в работе: Воейков М.И. Политико-экономические эссе. М.: Наука, 2004. С. 101–121.

² Однако до буржуазной республики было еще очень далеко – и не случайно. Какая может быть буржуазная республика в стране, где уже заложены основы капитализма, но экономический строй которой в основном еще остается добуржуазным? Примерная такая, каким был буржуазный парламентаризм на Юге США вскоре после освобождения рабов или парламентарная система в Латинской Америке в это же время.

тации пролетариата и крестьянства. В результате в революции сложился неформальный «демократический блок» пролетариата, мелкой буржуазии и добуржуазного (или полубуржуазного) крестьянства.

Итак, можно сделать вывод, что назревающая революция действительно была буржуазно-демократической, но с той особенностью, что *буржуазно-демократические задачи в этой революции были поставлены еще до того, как были решены некоторые основные задачи революции буржуазной.*

Другая особенность этой революции заключается в том, что это *поздняя буржуазная революция.* Она происходила в условиях, когда в странах капиталистического «ядра» буржуазные революции уже прошли. Поэтому российская революция не могла не встать перед проблемой не только буржуазно-демократических преобразований, но и поиска «места под солнцем» в мировом капиталистическом хозяйстве. Что делать, если мировой промышленный рынок уже поделен, и новую капиталистическую Россию на нем не ждут, тем более — с ее все еще довольно слабой промышленностью? На современном языке это называется проблемой догоняющей модернизации. И эта проблема наложила весьма глубокий и своеобразный отпечаток на буржуазную революцию в России.

30.3. Февраль и Октябрь — одна революция.

Или все же две?

С точки зрения единства и непрерывности политического процесса Февраль и Октябрь, несомненно, представляют собой одну революцию. А в более широком контексте можно назвать революцией весь период с 1903 по 1922 год (как это сделал Теодор Шанин). Однако у каждой революции есть этапы. И если мы не сводим Великую Французскую революцию только к 1789 или к 1793 году, все же у каждого из этих периодов было явное своеобразие. Поэтому остановимся пока на том, что Февраль и Октябрь — это два различных этапа единой революции.

Но в чем же своеобразие этих этапов?

А своеобразие этих этапов заключается в том, что в Октябре, во-первых, происходит передвижка классов, находящихся у власти: происходит, по определению Ленина, «рабочая и крестьянская революция». И, во-вторых, к власти приходит партия большевиков с социалистической программой.

Рассматривали ли сами большевики свою революцию как социалистическую? Поначалу — определенно нет. Они полагали, что пока

им придется ограничиться только буржуазно-демократическими задачами, так и не разрешенными до конца Февралем. В апреле 1917 года (когда, согласно канонической «истории КПСС», Ленин провозгласил курс на социалистическую революцию), вождь большевиков однозначно заявил, отвечая на возражения оппонентов: «Я не только не «рассчитываю» на «немедленное перерождение» нашей революции в социалистическую, а и прямо предостерегаю против этого...»¹. Для большевиков (так же, как и для меньшевиков) было вполне понятно, что Россия для социализма не созрела, что она даже в преддверии социализма не находится, что в это преддверие еще нужно придти, и путь этот небыстрый. «Неужели не ясно, – писал В.И. Ленин, – что в материальном, экономическом, производственном смысле мы еще в «преддверии» социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое еще нами, «преддверие», в дверь социализма не войдешь?»².

Да и по объективному содержанию тех главных социально-экономических задач, которые действительно должна была решить Октябрьская революция – аграрная реформа в пользу крестьянства, широкомасштабная индустриализация, призванная обеспечить приближение к уровню передовых капиталистических держав, освоение всем населением европейской урбанистической культуры – речь может идти только о буржуазной революции.

Но не все так просто. В потенции большевики все же видели социалистическую перспективу своей революции, если... Если произойдет революция на Западе и Россия получит помощь от победившего пролетариата более передовых стран. Даже в этом случае российскую революцию следовало бы рассматривать как раннесоциалистическую, то есть революцию, базирующуюся на недостаточных социально-экономических предпосылках. И если проводить сравнение с самой ранней успешной буржуазной революцией – в Нидерландах XVI века, – то голландская революция имела более широкую и прочную социально-экономическую базу, ибо там большая часть населения принадлежала так или иначе к мелкой буржуазии и была в значительной мере втянута в товарное хозяйство. Необходимый же для совершения социалистической революции пролетариат – а тем более фабрично-заводской пролетариат – составлял в начале XX века в России явное меньшинство населения.

Более того: формирование целостного социалистического общества в начале XX века было, с моей точки зрения, невозможно не

¹ Ленин В.И. Письма о тактике // Ленин В.И. Соч., 5-е изд., т. 31, с. 142.

² Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В.И. Соч., 5-е изд., т. 36, с. 303.

только в отдельно взятой России, но и в случае победы пролетарской революции в большинстве наиболее развитых стран. И эта позиция уже противоречит общепринятому тогда среди большевиков представлению.

30.4. Классовые и социально-политические условия революции

Революция 1917 года ни по своим предпосылкам, ни по своему объективному содержанию, ни по своей классовой базе не была ни пролетарской, ни социалистической. Однако тезис о гегемонии пролетариата в революции все же имел под собой основания. Крестьянство, как массовая социальная опора революционного процесса, было по своей классовой природе распыленным, не способным к организации в общенациональном масштабе, и потому ведущая роль в революции оказалась в руках гораздо более организованного рабочего класса. Цели и интересы этих двух основных социально-классовых сил революции – пролетариата и крестьянства – далеко не во всем совпадали. Кроме того, само крестьянство было неоднородно, включая в свой состав патриархальное крестьянство, сельскую мелкую буржуазию и сельский полупролетариат. Это создавало почву как для союза, компромисса, так и для конфликта между ними.

Партия большевиков, взяв власть, сразу провозгласила аграрную реформу, основанную на разделе практически всех сельскохозяйственных земель между крестьянами, провозгласила выход из войны и провела демобилизацию армии. Эти два шага обуславливали один другой, и в отрыве друг от друга провести их было невозможно. Передел земли требовал возвращения с фронта миллионов мобилизованных крестьян, демобилизация армии и возврат в деревню миллионов бывших солдат неизбежно вели к переделу земли.

Одновременно были проведены меры и в интересах рабочих – сокращение рабочего дня, введение прогрессивного трудового и социального законодательства и установление рабочего контроля над производством.

Все эти меры вызвали острые конфликты в российском обществе. Заключение сепаратного мира с Германией, который носил с ее стороны грабительский и аннексионистский характер, оскорбляло национальные чувства значительной части граждан России, в особенности офицерства, положение которого и так серьезно пошатнулось после Февральской революции под давлением солдатских масс. Аграрная реформа, сопровождавшаяся переделом земли, затронула интересы не только помещиков, лишившихся значительной части

имущества и средств к существованию, но также и сельской мелкой буржуазии (кулаков), и значительной части сословия казачества. Капиталисты были недовольны рабочим контролем и резким сокращением военных заказов казны. Городские средние слои, чьи интересы были во многом связаны с обслуживанием старого государственного аппарата либо с работой на капиталистов, так же чувствовали себя ущемленными. Резкое социальное возвышение рабочих и крестьян, переворачивавшее прежний жизненный уклад, изменило судьбы миллионов людей, многие из которых не желали смириться с этими изменениями.

Городские средние слои (среди которых было многочисленное офицерство военного времени) оказались расколоты. Большая часть этих слоев заняла контрреволюционную позицию и стала источником кадров для антибольшевистского движения.

Сначала в этом движении значительную роль играла партия социалистов-революционеров, опиравшаяся на городскую и сельскую мелкую буржуазию (что обеспечило эсерам большинство голосов деревни на выборах в Учредительное собрание). Но затем на первый план выдвинулось более радикальное «белое» движение, отвергавшее какое-либо кокетство с социалистическими лозунгами.

Эсеры во многих случаях своими выступлениями вымостили дорогу «белым», которые не стали церемониться со своими фактическими союзниками, отшвырнув их в сторону, и нередко применяя против них террор. Эсеры, попытавшись занять самостоятельную позицию в разгоравшейся гражданской войне, оказались жертвой поляризации противостоящих политических сил, и потеряли свое влияние еще до того, как в гражданской войне был решен вопрос «кто — кого?».

Наиболее активной частью «белого» движения было офицерство, утратившее после Брестского мира свой социально-профессиональный статус. Тем не менее, далеко не все офицерство (как и вообще городские средние слои), оказалось на стороне «белых». Около 30% офицеров, участвовавших в гражданской войне, воевало на стороне «красных». Большая же часть офицерства предпочла вообще не участвовать в гражданской войне, что принуждало и «белых», и «красных» прибегать к мобилизации офицеров под угрозой жестких карательных мер. Значительная часть чиновничества, служащих капиталистических предприятий, интеллигенции, так же сочла возможным пойти на службу большевистской власти.

Именно этот раскол средних слоев (наиболее активных и организованных слоев общества) если и не поровну, то на сравнимые по удельному весу части, и предопределил во многом ожесточение гражданской войны. Другим фактором стало влияние трехлетней миро-

вой войны и связанных с ней бедствий, что привело к психологическому снижению ценности человеческой жизни, накоплению озлобления и т.д. Ожесточенный характер гражданской войны привел и к широкому применению обеими сторонами методов террора.

Террор в гражданской войне выплеснулся далеко за рамки того, что определялось военным противоборством «красных» и «белых». Анализу причин этого будет посвящен специальный параграф.

В условиях раскола средних слоев и поддержки большевиков со стороны большинства пролетариата (самого по себе не очень многочисленного), исход гражданской войны зависел, прежде всего, от того, какую позицию займет самый многочисленный социальный слой России – крестьянство.

Первоначально позиция крестьянства в разгоравшейся гражданской войне была в основном нейтральной. Но после того как утрата большевиками основных хлебопроизводящих районов (Украина, Южная Сибирь, значительная часть Поволжья, Дона, Кубани, Оренбуржья) вынудила их ввести продовольственную диктатуру, а так же начать массовую мобилизацию в Красную армию, среди крестьян стали расти антибольшевистские настроения. Эти настроения, в связи с резким ухудшением снабжения городов, распространились так же среди городских средних слоев и среди рабочих, что привело к утрате большевиками большинства во многих Советах. В результате большевики для удержания политической власти прибегли к многочисленным нарушениям советской демократии.

Однако «белые», на словах выступавшие за полную свободу торговли, на деле прибегали к масштабным реквизициям продовольствия и фуража, и так же проводили мобилизацию в армию, а, кроме того, вопреки официальным декларациям «белых» правительств, на деле проводили шаги, означавшие полную или частичную аграрную контрреформу. Это привело к изменениям настроений крестьянства, ставшего активно выступать против «белых».

Когда гражданская война подошла к концу, в крестьянстве снова стало нарастать недовольство продовольственной политикой большевиков, приведшее к целому ряду серьезных антибольшевистских мятежей. Однако большевики довольно быстро пошли на компромисс с крестьянством, перейдя к новой экономической политике.

С чисто военной точки зрения поражение «белых» было предопределено тем, что «белое» офицерство принесло в свою армию те же недостатки, которые серьезно повлияли на неудачи русской армии в Первой мировой войне, к тому же дополнив и усугубив их. Так же, как и в Первой мировой войне, офицерство утратило влияние на армию. Значительная часть офицеров предпочитала превратиться в героев тыла, предаваться пьянству, казнокрадству и разврату. Контр-

разведка превратилась в инструмент разнузданного грабежа. Боевые офицеры, не отсиживающиеся в тылу, активно участвовали в мародерстве или в лучшем случае закрывали на него глаза. Разложение «белой» армии и даже первоначально крепко спаянных добровольческих отрядов «белых» шло нарастающими темпами.

Не следует отрицать, что подобные же проблемы были присущи и Красной армии. Однако в ней с этими явлениями велась жестокая борьба (опиравшаяся в первую очередь на авторитет коммунистов), позволившая большевикам сформировать и сохранить массовую армию как эффективный военный инструмент.

30.5. Проблема террора в гражданской войне

Любая гражданская война связана не только со значительным ожесточением, но и с тем, что противостоящие стороны не разделены линией фронта. На территориях, контролируемых каждой из сторон в гражданской войне, население расколото, и так же вступает в ожесточенное противоборство, как в явных, так и в скрытых формах (заговоры, мятежи, террористические акты, диверсии, саботаж, подпольная пропаганда и агитация и т.д.). Именно этим объясняется тот факт, что гражданские войны не сводятся главным образом к обычным военным действиям, но и сопровождаются террором против противников на всей территории страны.

Одна из проблем гражданской войны 1917–1922 годов, заключалась, однако, в том, что *террор с обеих сторон вышел за рамки военной необходимости*.

При подходе к этой проблеме следует различать стихийный террор (то, что именуется «эксцессы исполнителя»), и террор, как одну из сознательно и целенаправленно применяемых форм гражданской войны.

Стихийный террор появился сразу же с началом гражданской войны и сопровождал ее на всем ее протяжении. Достаточно легко понять ожесточение людей, переживших почти четыре года мировой войны, и теперь втянутых в братоубийственный конфликт, где решается вопрос о том, быть ли старому миру и старому укладу жизни, или они уйдут безвозвратно. Одни не хотели расставаться с устоявшимся укладом собственной жизни, другие не желали упускать возможность этот уклад коренным образом изменить. А человеческая жизнь в этом противоборстве уже была обесценена годами всемирной бойни. Поэтому классовая месть, подчас в самых жестоких формах, пышным цветом распускалась по обе стороны фронтов гражданской войны.

Хотя «красные» оказались не в состоянии прекратить этот стихийный террор, они, применяя подчас достаточно жестокие меры для его обуздания, в конечном счете, сумели ограничить его масштабы, и не позволить ему превратиться в фактор разложения армии и тыла. Военное руководство «белых» так же понимало опасность неуправляемой стихии террора, но чем дальше, тем больше расписывалось в собственном бессилии обуздать эту стихию, которой беззастенчиво потворствовали многие военные предводители «белого» движения.

Гражданская война неизбежно приводит и к сознательному применению террора противостоящими сторонами. Разница заключалась в том, что большевики признавали это открыто, а «белые» правительства, на словах лицемерно открещиваясь от применения террора, широко применяли его на практике, не забывая, разумеется, громко кричать о большевистском терроре.

Почему же сознательное применение террора вышло за пределы, диктовавшиеся условиями военного столкновения участников гражданской войны? Фактически и на «белой», и на «красной» стороне государственное руководство утратило полноту контроля над действиями своих карательных органов.

Поскольку на «белой» стороне правительственные органы по существу представляли собой гражданский придаток военной администрации, то функции карательных органов брала на себя, прежде всего, военная контрразведка, действовавшая преимущественно внесудебным порядком, а точнее говоря, на основе чистого произвола. На «красной» стороне основные карательные функции осуществляли органы Всероссийской чрезвычайной комиссии, так же действовавшей во внесудебном порядке, что точно так же открывало широкий простор для произвола.

Наделение органа, осуществлявшего репрессии, правами внесудебной расправы, было, несомненно, ошибкой большевистского руководства. Такой порядок организации террора крайне затруднял контроль над целесообразностью применения репрессивных мер и снижал ответственность исполнителей. Тем не менее, в отличие от ситуации с «белой» контрразведкой, над ВЧК все же осуществлялся внешний политический контроль со стороны большевистской партии, который носил гласный характер. Это не смогло предотвратить чрезмерно широкое применение террора (например, применение практики расстрела заложников было санкционировано партией), но все же до какой-то степени ограничивало произвол карьеристских и авантюристических элементов в карательных органах.

По окончании гражданской войны большевики сумели прекратить практику террора и резко ограничили репрессии, отказавшись

от их применения во внесудебном порядке (за исключение расстрела бандитов, захваченных с оружием в руках). Что же касается «белых», то для остатков «белого» движения террор и почти неприкрытый бандитизм превратились в едва ли не единственное средство борьбы с Советской властью.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Почему к 1917 году в России не были решены задачи буржуазной революции?
2. Какова была социальная база революции 1917 года? Была ли она пролетарской?
3. Ставили ли большевики перед собой в 1917 году задачу социалистической революции?
4. При каких условиях большевики считали возможной социалистическую перспективу революции в России?
5. Почему революция 1917 года вылилась в ожесточенную гражданскую войну?
6. Какова была социальная база противоборствующих сторон в гражданской войне?
7. Какие факторы предопределили военное и политическое поражение «белого» движения?
8. Почему террор в гражданской войне с обеих сторон вышел за рамки военной необходимости?

Литература для самостоятельного изучения:

Работы В.И.Ленина:

- Ленин В.И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т.44.
- Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т.45.
- Ленин В.И. О нашей революции (По поводу записок Н.Суханова) // Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т.45.

Критический взгляд на политическую практику большевиков с позиций их сторонников:

- Роза Люксембург. О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма. Москва, Издательство политической литературы, 1991 <http://revolt.anho.org/wp-content/uploads/2008/11/luxembourg.rar>

Взгляд на русскую революцию через призму биографии Троцкого:

- Исаак Дойчер. Троцкий. Вооруженный пророк. 1879-1921. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.

Современные дискуссии вокруг роли и значения Октябрьской революции 1917 года:

- Октябрь 1917: вызовы для XXI века. М.: Ленанд/URSS, 2009.

Здесь дается один из аспектов анализа расстановки социальных сил в революции:

- Мандель Д. Интеллигенция и рабочий класс в 1917 г. // Альтернативы, 1993, № 3.

В этой работе содержится немало интересных наблюдений, показывающих взаимодействие социалистических идей со специфической социально-экономической обстановкой в России:

- Бердяев И.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS 1955 г. М.: Наука, 1990.

В этой работе интересен анализ роли аграрных отношений и крестьянского движения в формировании предпосылок и хода русской революции:

- Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. – 1917-1920 гг. М.: Весь мир, 1997.

ГЛАВА 31

НЕЗРЕЛАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ИСХОД

31.1. Оценка зрелости предпосылок социалистической революции в первой половине XX века

Я хочу заявить прямо: "социализм" первой половины XX века был попыткой навязать производительным силам *не адекватные* для них производственные отношения. Индустриальный способ производства с его разделением труда, создающим из человека «частичного рабочего», с преобладанием вещных продуктов и потребностей, подчинением человека в производственном процессе машине является адекватной базой лишь для капитализма. Поэтому попытка построить «индустриальный социализм» (да еще начав с преимущественно доиндустриальной экономики!) была заранее обречена. И Ленин в статье «О нашей революции. По поводу записок Суханова» ошибался не в своей надежде создать материальные предпосылки социализма уже после захвата власти пролетариатом. Он ошибался в своем понимании этих предпосылок.

Строительство «индустриального социализма» не могло привести к обществу, качественно превосходящему капиталистическое¹. Однако этот факт не означает какого-то абсолютного исторического «запрета» на формирование социалистических отношений на незрелой материальной базе. Постольку, поскольку уже на индустриальной фазе капитализм развертывает все свои сущностные противоречия, поскольку развивается обобществление труда капиталом, то по-

¹Объяснение этого факта было дано, в частности, А.Тарасовым в статье "Суперэтизм и социализм" (Свободная мысль, 1996, №12).

является и *формальная возможность освобождения труда, то есть снятия этих противоречий в социалистических производственных отношениях.*

Такая возможность может быть реализована, однако, лишь в определенных рамках. А именно, возможным является лишь формальное освобождение труда, но не реальное, поскольку для реального освобождения труда необходимы не только достаточные материальные предпосылки, но и переворот в способе материального производства¹. Что же касается России, то там степень развития индустриального капитализма была весьма низкой. По оценкам различных специалистов, численность наемных работников в России перед революцией составляла от 10 до 14,6% от всего населения. Численность же фабрично-заводского пролетариата – 2-3%².

Может быть, достаточными были предпосылки в более передовых странах, и тем самым была возможной победа международной социалистической революции? Судите сами. В начале XX века доля промышленных рабочих во всем населении составляла: в Германии около 13%, в США – около 11%, в Великобритании – около 20%³.

Здесь я вступаю в прямую полемику с позицией Ф. Энгельса в «Анти-Дюринге» (за которую несет ответственность и К.Маркс, поскольку соответствующий раздел был подготовлен ими совместно), утверждавшего, что в передовых странах материальные предпосылки социализма в последней четверти XIX века уже были достигнуты⁴. Я считаю это утверждение не соответствующим как основным положениям теории К. Маркса⁵, так и другим высказываниям самого Ф. Энгельса.

¹ Я употребляю здесь понятия «формальное и реальное освобождение труда» по аналогии с понятиями «формального и реального подчинения труда капиталу», применявшимися К. Марксом в «Капитале» для определения стадий зрелости капиталистических производственных отношений. «Формальное» и в том, и в другом случае означает основанное на изменении только социально-экономической формы производства (т.е. производственных отношений), а «реальное» - основанное еще и на изменении материального способа производства. Например, при капитализме реальное подчинение труда капиталу развивается вместе с переходом от ручного труда к мануфактуре, а от нее к фабрике.

² См.: Воейков М.И. К вопросу о количественном и качественном составе рабочего класса // Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. М.: «Экономическая демократия», 2001, с. 168-169.

³ Рассчитано по: Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 3. Статья «Рабочий класс»; Шигалин Г.И. Военная экономика в первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956, с. 248-249.

⁴ См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20, с. 294.

⁵ Это несоответствие подробно разъяснено в моей статье «Буржуа и пролетарии. Теоретическая ошибка и историческая правота К. Маркса» (Альтернативы, 1998, №3), а также в упомянутой выше статье А. Тарасова.

Итак, с этой точки зрения формирование целостного социалистического общества было невозможно не только в отдельно взятой России, но и в случае победы пролетарской революции в большинстве наиболее развитых стран. (Интересно было бы попытаться составить ретроспективную историческую реконструкцию итогов возможной победы пролетарской революции в странах, где капиталистическая индустриализация уже завершена, а постиндустриальные тенденции еще не проявились. С моей точки зрения, и в этом случае целостное социалистическое общество не сложилось бы. Но, может быть, в этом случае могла бы сработать ленинская схема достройки материальных предпосылок социализма на основе власти пролетариата?).

31.2. Производственные отношения, возникающие на базе незрелых предпосылок социализма

Возникавшие в ходе революции действительные социалистические элементы производственных отношений (и социально-экономических отношений вообще, и надстройки) представляли собой лишь неорганические обломки возможного социализма, то есть "проекта" выращивания объективно возможного общества как продукта развития и кризиса позднего капитализма. Когда я говорю «неорганические обломки», я имею в виду *нецельные и самостоятельно нежизнеспособные социально-экономические элементы*, не подкрепленные ни соответствующим уровнем производительных сил, ни адекватной политической формой, а потому внешнеэкономически сращенные с несоциалистическими формами. Из подобного сращивания и получилось то, что можно назвать деформированными переходными отношениями (или "мутациями") – бюрократическая плановость, экономика дефицита, уравниловка, административный патернализм. Вот это и был "реальный социализм".

Его можно было бы охарактеризовать как социально-экономическую систему, переходную между капитализмом и социализмом (не «от... к...», а именно «между»), не имевшую почти никаких шансов успешно завершить процесс перехода, а сам этот переход мог начаться лишь в виду огромной силы первоначального *социально-политического* революционного импульса. Ведь социально-экономические предпосылки и элементы капитализма в этой системе были сильнее, чем предпосылки социализма (в экономическом отношении мы даже в преддверии социализма не находимся – напомним слова Ленина). Более того, строя мостик в это «преддверие социализма» (то есть в капитализм, а далее и в государственно-

монополистический капитализм – ибо никакого иного «преддверия» у социализма нет), советская система сама в своем развитии неизбежно укрепляла и разворачивала материальные предпосылки капитализма в гораздо более широких масштабах, нежели предпосылки социализма.

Таким образом, моя позиция расходится с позицией тех, кто определяет экономические основы советского строя только в рамках дихотомии «государственный капитализм – не государственный капитализм». Категорически отвергаю я и позицию тех, кто считает возможным употреблять слово социализм для характеристики советского общества – будь то социализм казарменный или мутантный¹, деформированный или переродившийся... За такого рода терминами можно признать лишь статус образных выражений. Я вижу наличие в советском обществе элементов социализма, но это еще не дает достаточных оснований называть само это общество, как целое, социалистическим. Поэтому я готов признать правомерность применения упомянутых выше терминов лишь к тем элементам социализма, которые наличествовали в советской системе, но не к самой этой системе в целом.

Диалектика экономических основ советского строя заключалась в том, что это была пестрая смесь добуржуазных, раннебуржуазных, зрелых капиталистических (в том числе и государственно-капиталистических) экономических отношений, сквозь которые пытались прорасти отдельные ростки социализма. Социалистические производственные отношения развивались при недостаточных для них материальных предпосылках, но в силу революционного изменения структуры экономического строя, в силу факта насильственного вторжения в производственные отношения и отношения собственности, они пытались распространиться на все общественное производство. В результате не только социалистические производственные отношения оказывались деформированы, но были подвержены деформации и все несоциалистические элементы, которым в острой борьбе навязывалась социалистическая оболочка. Таким образом, все экономические элементы данного переходного общества носили несформировавшийся, нецелостный, фрагментарный характер².

¹ Концепция «мутантного социализма» развивается в работах А.В. Бузгалина (См., например: Критический марксизм. Продолжение дискуссий. М.: Слово, 2001).

² Я настаиваю на том, что это была не многоукладная переходная система, а конгломерат фрагментарных экономических форм. Укладов как более или менее целостных секторов со своими специфическими системами отношений, покоящихся на разных способах производства, уже с начала 30-х годов в советской системе вообще не существовало. Но даже в 20-е годы не было отдельных «социалистического» и «госу-

Так, например, в национализированном (государственном) секторе можно уже в 20-е годы видеть смесь отношений государственно-капиталистических (коммерческий расчет, форма найма, сдельная зарплата), социалистических (различные формы участия работников в управлении, использование доходов предприятий и государства на социальное развитие работников, выходящее за рамки оплаты цены их рабочей силы) и даже добуржуазных (подсобные хозяйства предприятий и их работников). И ни одно из этих отношений не охватывает этот сектор во всей его целостности, и не образует самостоятельной подсистемы экономических отношений. Эти частичные отношения переплетаются друг с другом, «врастают» друг в друга, образуя своеобразные (в силу деформированности складывающихся их отношений) переходные экономические формы.

В том, что касается ростков социализма, их фрагментарность и деформированность определялась не только отсутствием для них адекватного материального базиса внутри России, но и невозможностью придать строительству социализма международный характер. Буржуазные (и добуржуазные) отношения также были деформированы как в силу своеобразного «поглощения» их формальными социалистическими отношениями, так и в силу своеобразных социально-классовых и политических условий развития советского строя. Эти же условия определили возможность существования той пестрой, мозаичной, фрагментарной системы отношений, которую я обрисовал выше.

31.3. Ленин о шансах строительства социализма

Итак, начиная с Октября, к буржуазно-демократической революции начинает примешиваться оттенок революции раннесоциалистической.

В 1921 г. революция в России в социально-экономическом отношении во многом вернулась к положению начала 1918 года. Пролетарское государство (хотя в его пролетарском характере уже сомневались и сами его руководители) могло, конечно, сравнительно легко национализировать крупную и среднюю промышленность. Но что делать дальше с этим разрушенным войной островком промышленности и в значительной мере деклассированным пролетариатом, окруженным морем мелкобуржуазного, а по большей части даже и патриархального крестьянства? Из чего тут, собственно, можно строить социализм?

дарственно-капиталистического» уклада, а существовавший госсектор не мог быть прямо подведен ни под одно из этих определений.

Вместе со спадом революционной волны на Западе исчезли и надежды на помощь победоносного пролетариата развитых стран (по крайней мере, в ближайшую историческую перспективу). Что же делать? Отказаться от перспектив строительства социализма, вернуться к чисто буржуазной программе (как предлагали меньшевики)? Но в стране уже сложилась столь своеобразная конфигурация политических сил, что отказ от выдвижения социалистических целей становится для большевиков невозможным. Именно социалистические лозунги обеспечили им поддержку пролетариата и оправдывают их пребывание у власти. В противном случае, вместе с отказом от социалистических целей, они неминуемо теряют власть, а при тогдашнем политическом положении в России и в мире вместе с властью они неминуемо потеряли бы и головы.

Ленина весьма беспокоила эта коллизия. В конце концов он предлагает выход, в общем не находящийся в непримиримом конфликте с марксистской теорией. Пролетариат должен продолжать удерживать государственную власть, допуская в меру развитие капитализма под своим контролем. По мере того, как с ростом этого государственного (в смысле – контролируемого пролетарским государством) капитализма будут развиваться и производительные силы, необходимо при помощи государственной власти концентрировать ресурсы на развитии современной промышленности, электрификации страны, подъеме культурного уровня народа, на вовлечении крестьянства в кооперацию. Тем самым, одновременно с ростом капитализма, и отчасти на основе этого роста, будут закладываться материальные предпосылки социализма и обеспечиваться постепенный рост социалистического уклада. А там, глядишь, и революция на Западе созреет...

Но получится ли осуществить эту идею на практике? Не будут ли растущие хозяйственные силы буржуазного уклада (вместе со значительной частью крестьянства, вовлеченного в товарный оборот) направлены против сковывающей их политической оболочки пролетарского государства? Эта угроза мелкобуржуазного термидора осознавалась Лениным как «основная и действительная опасность»¹. Впрочем, Сталин справился с этой опасностью, ... но открыл дорогу другой.

¹ Ленин В.И. XI съезд РКП(б). Политический отчет Центрального комитета РКП(б) 27 марта. // Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 94.

Сегодня эта постановка вопроса Лениным выглядит как чрезмерно оптимистическая. И дело здесь – с точки зрения марксистской теории – не только в известном теперь конечном результате попыток строительства социализма в СССР. Накал классовых противоречий пролетариата и буржуазии в условиях только что утвердившегося на Западе промышленного капитализма привел к ошибочной оценке степени готовности капитализма к социалистическим преобразованиям. Между тем в начале XX века развитие материальных и экономических предпосылок социализма – в том виде, как они были обоснованы в марксистской теории¹ – не давало еще достаточных оснований для такого вывода.

Поэтому ошибка Ленина заключалась не в его идее провести «достройку» совершенно недостаточной материальной базы для социализма руками капиталистов и мелкой буржуазии под контролем пролетарского государства. Такая идея при определенных условиях могла бы сработать – хотя она была очень рискованной и никаких гарантий конечного успеха не давала. Ошибка заключалась в оценке уровня тех задач, которые надо было решить, чтобы создать для социализма необходимые материальные предпосылки.

Два основных пункта, на которые напирал Ленин – «крупная промышленность, способная преобразовать и земледелие», и всеобщая грамотность населения – такими предпосылками не являются. Они – адекватная материальная база для *промышленной стадии капитализма, а не для социализма*. Предпосылки социализма вырастают в результате длительного развития промышленного капитализма – такого развития, при котором промышленный капитализм не только вплотную подходит к исчерпанию своих возможностей, но и *создает внутри себя материальные основы для нового, более высокого хозяйственного уклада*.

Приходится констатировать, что в первой четверти XX века даже и победоносная пролетарская революция в странах Запада, если бы она произошла, ничего не могла бы исправить в этом отношении. Социалистическая революция осталась бы преждевременной.

Между прочим, классики марксизма, хотя и переоценивали близость социалистической революции, все же достаточно хорошо понимали все опасности преждевременного взятия власти пролетарской партией. Можно напомнить то, что писал Энгельс в 1853 году

¹ Характеристика моей позиции касательно предпосылок социализма уже дана ранее в этом учебнике.

применительно к Германии (и что в еще большей степени оказалось верно по отношению к России):

«Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом мы потеряем головы – надо надеяться, только в физическом смысле, – наступит реакция и, прежде чем мир будет в состоянии дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже»¹.

Так что же, большевики попали в совершенно безвыходный политический и экономический тупик? Не вполне так – при благоприятном стечении обстоятельств выход мог бы быть найден. Однако выход, реализованный на практике, был произведен уже не большевистской партией и не на основе большевистской программы.

31.5. Логика событий: к капитализму без буржуазии?

Итак, взяв власть, большевики встали перед необходимостью разрешить задачи буржуазно-демократической революции и подготовиться к решению в перспективе социалистических задач. За дело буржуазно-демократической революции они взялись достаточно рьяно: передали помещичьи, удельные, монастырские и т.п. земли крестьянам; ввели в России республиканской строй – установили республику Советов; ввели рабочий контроль над производством... Но одновременно они столкнулись с тем, что их буржуазно-демократические преобразования встречают растущее сопротивление буржуазии. Против буржуазии им было известно только одно политическое средство – установление классового господства рабочего класса, т.е. диктатура пролетариата. А это средство – отнюдь не из арсенала буржуазно-демократической революции.

Чем дальше, тем больше большевики сталкивались с тем, что пролетарская власть может удержаться, только применяя меры, вхо-

¹ Энгельс Ф. Письмо Иосифу Вейдемейеру, 12 апреля 1853 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28, С. 490-491.

дящие в конфликт с демократическими задачами буржуазной революции. И в самом деле, как совместить такое развитие прав и свобод, которое предполагается буржуазно-демократической революцией, с ограничением прав непролетарских классов и социальных слоев, предполагаемым диктатурой пролетариата? Особенно, если учесть, что пролетариат представлял к тому же явное меньшинство населения.

Но эта политическая проблема, сама по себе крайне острая, дополнялась гораздо более серьезным социально-экономическим противоречием. А именно: *как довести до конца буржуазную социальную революцию вопреки буржуазии?*

Другое дело, что это была весьма своеобразная буржуазная революция.

Задачи разрешения противоречий капиталистического развития на путях догоняющей модернизации (что тогда означало индустриализацию) стали решаться *без буржуазии*, получившими политическую власть ее классовыми противниками, а потому и неизбежно во многом *небуржуазными методами*.

Почему проблема догоняющей индустриальной модернизации во многих странах решалась вполне в рамках капиталистической системы (хотя и со значительными отклонениями от базовой, либеральной модели развитого капитализма), а в России и ряде других стран модернизационный проект был сопряжен с попыткой выйти за пределы капиталистического строя? Потому что в этих странах *буржуазия оказалась несостоятельной* в решении данной задачи и вынуждена была уступить классовое господство.

Итак, Октябрьская революция, будучи *по содержанию* разрешаемых ею социально-экономических противоречий в первую очередь *революцией буржуазной* (буржуазно-демократической), *с точки зрения «коренного вопроса всякой революции»* – вопроса о власти – *оказалась революцией пролетарской*. А с точки зрения *основных социальных сил*, принимавших участие в революции, она была *революцией рабоче-крестьянской* (именно так и определил ее Ленин 25 октября 1917 в своей речи на заседании Петроградского Совета), то есть строилась на союзе пролетариата, полупролетариата, мелкой буржуазии и полубуржуазных (добуржуазных) мелких производителей (крестьян).

Поэтому ее итогом было формирование крайне необычного «буржуазного общества без буржуазии».

31.6. Логика событий: получится ли строительство капитализма по-социалистически?

Каким же образом можно было создать этот капитализм без буржуазии? Ведь речь шла не только о том, чтобы обойтись без участия промышленных капиталистов в индустриализации страны, но и – в гораздо большей степени – о неизбежной в ходе развития буржуазной революции экспроприации большей части мелкой буржуазии и крестьянства в целом. А последний представлял собой основного классового союзника пролетариата.

Пойти путем добровольного кооперирования крестьянства, как предполагал Ленин? Но для этого нужна мощная материальная поддержка крестьянской кооперации со стороны высокоразвитой крупной промышленности. Откуда же возьмется эта промышленность и массовые кадры пролетариата для нее? История знала только один путь – пролетаризацию крестьянства...

Уже созданный в России капиталистический промышленный уклад представлялся большевикам готовой основой для создания уклада социалистического, что позволяло им контролировать в экономике «командные высоты» (банки, крупную промышленность, железные дороги, связь). Только социализация промышленности позволяла большевикам создать в стране социально-экономический противовес мелкобуржуазной стихии. Тем более, что капиталистическая буржуазия не пожелала участвовать в строительстве материальных основ социализма под рабочим контролем, и открыто выступила политическим противником пролетарской власти. И тогда в повестку дня встал переход от рабочего контроля к экспроприации буржуазии.

Стоит напомнить, что еще до Октября В.И. Ленин, даже не предвидя полностью масштаба грядущих проблем, все же сформулировал мысль, оказавшуюся верной оценкой той логики событий, которая толкала большевиков на «коммунистические опыты» и «скачки»: «нельзя идти вперед, не идя к социализму»¹.

Но что получилось в результате экспроприации промышленной буржуазии? Если первоначально функцию социализации промышленности пытались взять на себя органы рабочего контроля, фабрично-заводские комитеты и отчасти профсоюзные организации, то буквально за несколько месяцев ситуация радикально изменилась. Рабочие организации в условиях гражданской войны не смогли быстро обеспечить жесточайшую концентрацию ресурсов на решении военных задач, и были быстро оттеснены от управления промышленно-

¹ Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться. // Ленин В.И. Полн. собр. соч., т.34, с. 191.

стью – их функции взял на себя централизованный государственный аппарат. Поначалу он действовал в той или иной мере по соглашению с рабочими организациями, но уже к началу НЭПа участие рабочих в управлении стало почти декоративным.

Таким образом, капиталистический уклад в промышленности был заменен не «свободной и равной ассоциацией тружеников», а системой государственного управления. Ведущей социальной силой нового промышленного уклада стали не работники, а бюрократия. При той реальной степени зрелости пролетариата, какая была в России к началу революции, да еще и при условиях массового деклассирования пролетариата в ходе гражданской войны, это сделалось неизбежным.

Здесь, пожалуй, в наибольшей мере проявилось столкновение теоретических оснований социалистического проекта и реальных возможностей его осуществления. Первые попытки построить отношения в промышленности на основе рабочего контроля и самоуправления быстро столкнулись с тенденцией к государственной централизации управления. В условиях гражданской войны и острейшего дефицита хозяйственных ресурсов (потеря основных источников металла, угля, нефти, хлопка и т.д.) тенденция к централизации неизбежно возобладала. Кроме того, ей противостояла недостаточно мощная альтернатива в виде социальной самостоятельности рабочего класса, которая оказалась не способна обеспечить функционирование экономики на основе принципа «свободной ассоциации». Тенденция к рабочему самоуправлению была весьма заметной, но явно недостаточно сильной и эффективной в своих усилиях, ибо под ней не было достаточной социальной базы и социальных традиций.

Из сочетания буржуазных специалистов и «красных директоров» в верхних эшелонах управления, тонкой прослойки квалифицированных рабочих, подвергшихся сильнейшей люмпенизации под влиянием войны – в нижних, не могло получиться социалистического самоуправления трудящихся. Происходил рост бюрократической машины, тем более весомой, чем менее она была эффективна.

Вопреки своей программе большевики все дальше и дальше двигались по пути отстранения рабочих и их организаций от управления производством. Годы гражданской войны явственно продемонстрировали нам превращение замысла «свободной и равной ассоциации тружеников» в систему «государственного социализма». Бюрократия в этих условиях оказалась и более эффективным способом организации управления, и более активным и энергичным социальным слогом.

Задачи буржуазной революции вместо буржуазии стал решать не рабочий класс, выстраивающий социалистические отношения – эти задачи стала решать бюрократия¹. Пока она была тесно связана по происхождению с пролетарской властью и подчинялась господствующей большевистской идеологии, можно было еще вести речь о том, что перед нами бюрократизированное рабочее государство, где бюрократия выступает от имени пролетариата, и в общем в его интересах. Но что же связывало интересы бюрократии и интересы рабочего класса?

Механизм политической власти? Вряд ли. Окончательно сложившаяся к 1922 г. абсолютная монополия большевистской партии на власть сделала демократический механизм республики Советов формальностью. И даже в той части, где рабочие еще могли воспользоваться своими политическими правами, они на деле были мало способны реализовать эти права. А чем дальше, тем больше сконцентрированная в рядах большевистской партии бюрократия (в полном согласии с бюрократией беспартийной) выхолащивала возможность контроля над собой со стороны пролетариата.

Стремление к социализму? Если такого рода настроения и были свойственны как части рабочего класса, так и части бюрократии, то по своему объективному положению в системе общественного производства, достигнутому уровню культуры и сложившейся в начале 20-х гг. социальной психологии никакой особой необходимости в решении социалистических задач не испытывал ни один из этих социальных слоев, или уж, во всяком случае, не считал необходимым жертвовать своими текущими интересами ради борьбы за социализм – вне зависимости от того, в чем эти люди были субъективно убеждены и какие лозунги провозглашали.

Тем не менее, общие интересы, связывающие бюрократию и рабочих, были. Во-первых, это их общее нежелание допустить реставрацию частнохозяйственного капитализма. Во-вторых, их общая заинтересованность в росте промышленности. И, в-третьих, идеология, обосновывающая предыдущие два пункта, и унаследовавшая некоторые традиционные марксистские лозунги.

---

¹ Ранее схожую – о бюрократии в советской системе как заместителе капиталистов, поскольку материальные условия производства остались те же, что и при капитализме, и кто-то должен был выполнять аналогичные функции – высказал Иштван Мессарош (См.: Mészáros, I. *Beyond Capital*. New York: Monthly Review Press, 1995, p. 981). Я пришел к данному выводу самостоятельно, но научный приоритет остается за ним.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. В какой мере в России наличествовали необходимые материальные и социально-экономические предпосылки для социализма?
2. Может ли сложиться социалистическое общество на индустриальной базе (которую еще только предстоит создать)?
3. Какая структура производственных отношений может сформироваться при незрелости материальных предпосылок социализма?
4. Каковы были перспективы движения Советской России к социализму в условиях поражения мировой революции?
5. Можно ли создать недостающие материальные предпосылки для социализма, опираясь на власть пролетариата? При каких условиях это возможно?
6. Какие риски возникают на пути преждевременного движения к социализму?
7. Каковы могли быть последствия отказа большевиков от взятия государственной власти?
8. Почему российская буржуазия, находясь у власти, не смогла решить задач буржуазной революции?
9. Как можно провести буржуазную революцию без буржуазии?
10. Можно ли решать задачи буржуазной революции социалистическими методами?
11. Кто заменил российскую буржуазию в ходе решения задач буржуазной революции?
12. Почему не был обеспечен пролетарский характер советского государства? Как это связано с численностью пролетариата и изменением его положения в ходе Первой мировой и Гражданской войны?

Литература для самостоятельного изучения:*Ленинские работы:*

- Ленин В.И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т.44.
- Ленин В.И. О кооперации // Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т.45.
- Ленин В.И. О нашей революции (По поводу записок Н.Суханова) // Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т.45.

Здесь изложена позиция Троцкого по вопросам Октябрьской революции, вызвавшая резкую полемику в первой половине 20-х годов XX века:

- Троцкий Л.Д. Уроки Октября (с приложением критических материалов 1924 года). СПб.: Лениздат, 1991.

Точка зрения Антонио Грамши на природу русской революции:

- Грамши А. Революция против "Капитала" // Альтернативы, 1998, №3
- Весьма спорная, но интересная книга, где рассматривается вопрос о возможности строительства социализма без достаточных предпосылок, и возникающих при этом противоречиях:*

- Воейков М.И. Предопределенность социально-экономической стратегии: Дилемма Ленина. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2009.

Свои взгляды на Октябрьскую революцию сталкивают представители современного левого движения в России:

- Октябрь 1917: вызовы для XXI века. М.: Ленанд/URSS, 2009.
- Следующие три работы дают представление о непростых проблемах, связанных с ролью рабочего класса в русской революции:*

- Мандель Д. Рабочий контроль на заводах Петрограда // Альтернативы, 1995, № 2 и 3
- Чураков Д. Бюрократия и причины кризиса рабочего самоуправления после октября 1917 // Альтернативы, 1996, № 4
- Чураков Д. О. Рабочий класс и рабочее государство: анатомия конфликта. Очерки по истории протестного движения рабочих в 1917 – 1918 годах. М.: Экономическая демократия, 2000

Эти две книги дают неплохое представление об экономических и политических проблемам эпохи «военного коммунизма» – разумеется, с учетом тех ограничений, которые накладывала официальная партийная трактовка этих событий:

- Гимпельсон Е.Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М.: Мысль, 1973.
- Гимпельсон Е.Г. Великий Октябрь и становление советской системы управления народным хозяйством (ноябрь 1917 – 1920 гг.) М.: Наука, 1977.

Кое-что о противоречиях и конфликтах, подтолкнувших переход к новой экономической политике:

- Кронштадт. 1921. Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. М.: 1997.

ЧАСТЬ VII

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА В СССР И ВОЗНИКНОВЕНИЯ МИРОВОЙ СИСТЕМЫ СОЦИАЛИЗМА

ГЛАВА 32

ПРОТИВОРЕЧИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СССР И РАСКОЛ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ. ТРОЦКИЗМ И СТАЛИНИЗМ

32.1. Перспективы социализма в СССР и внутривнутрипартийная борьба

Социально-экономическая политика советской власти в первые пятнадцать лет ее существования претерпела несколько серьезных и крутых поворотов.

В 1917-1918 гг. произошел кратковременный взлет, а затем упадок органов рабочей самодеятельности, начавшийся с осуществления рабочего контроля над производством и попыток наладить непо-

средственное рабочее управление. Этот же период был периодом наибольшей активности Советов, опиравшихся на социалистическую многопартийность. Гражданская война нанесла удар как по рабочему самоуправлению, так и по советской демократии. В течение 1918 года произошли перемены, заставившие В.И.Ленина охарактеризовать Советскую Россию как рабочее государство с бюрократическим извращением. К концу гражданской войны сначала фактически, а затем и формально была ликвидирована советская многопартийность.

Политика «военного коммунизма», введенная под влиянием гражданской войны, имела своим первоначальным импульсом необходимость концентрации всех материальных ресурсов на решении военных задач и обеспечила выживание советской власти. Одновременно, однако, эта политика породила иллюзии, что жесткая всеохватывающая централизация управления экономикой – это и есть прямой путь к социализму. Несостоятельность этой сверхцентрализации и отказа от использования денежных экономических критериев хозяйствования для решения задач мирного экономического развития стала очевидной сразу по окончании гражданской войны. Особенно резкое недовольство политика «военного коммунизма» (политика prodразверстки) вызывала у крестьянства. Поэтому переход к новой экономической политике стал неизбежным.

Новая экономическая политика стала в определенном смысле возвратом к той линии, которая намечалась в конце 1917 – начале 1918 года. Эта политика признавала развитие товарных отношений и капитализма под государственным контролем, допускала в ограниченных масштабах частную собственность на средства производства при сохранении командных высот (крупная промышленность, банки, связь, железнодорожный транспорт, национализация земли) в руках государства.

Однако НЭП не привела ни к восстановлению советской демократии, ни к оживлению органов рабочего управления производством. Многопартийность была ликвидирована, а линия на отстранение рабочих от участия в управлении получила официальную санкцию. Фактически оформилась концентрация управления политическими и хозяйственными делами в руках бюрократии, что неизбежно вело к дальнейшему отстранению пролетариата от экономической и политической власти. В правящей большевистской партии эти тенденции не встретили серьезного сопротивления. Отстранение рабочих от решения хозяйственных вопросов последний раз стало предметом внутрипартийной полемики на X съезде ВКП(б), во время так называемой дискуссии о профсоюзах, когда с критикой официальной линии выступили «рабочая оппозиция» и группа демократического централизма, оказавшиеся в незначительном меньшинстве.

Политическая власть, представляющая классы, составляющие меньшинство общества (если оно не заключает с большинством устойчивого социального компромисса), не может опираться на последовательную демократию. Компромисс между городскими средними слоями, рабочим классом и крестьянством, достигнутый в ходе революции, исчерпал себя к началу НЭПа, а сделанная НЭПом уступка крестьянству делала его терпимым к власти бюрократизированного рабочего государства, но не делала его политическим союзником этой власти.

Однако свертывание демократии в условиях власти меньшинства, если принять во внимание социальную структуру этого меньшинства в условиях СССР начала 20-х годов, имеет свою неумолимую логику. Политический контроль внутри правящих классов сосредотачивается в руках бюрократии, чтобы не допустить какого-либо размывания твердости политической власти, возможного в силу борьбы разных течений внутри пролетариата и между этим последним и бюрократией. Власть рабочего класса подменяется властью его авангарда, о чем политические вожди СССР как-то раз даже неловко проговорились, заведя речь о диктатуре партии.

32.2. Формирование левой оппозиции

Свертывание политической и хозяйственной демократии в Советском государстве неизбежно вело к тому, что объективно существовавшие конфликты социальных интересов стали отражаться в политической борьбе внутри правящей (и единственной) большевистской партии. А необходимость политической консолидации партии, представляющей меньшинство общества, предотвращения глубоких разногласий внутри нее, чтобы не утратить власть, неизбежно вела к свертыванию и внутривластной демократии (запрет фракций, переход от выборности к фактическому назначению секретарей партийных организаций «сверху»).

Только когда это свертывание внутривластной демократии вполне определилось, протест против него принял довольно массовые масштабы, получив отражение в «письме 46-ти» и статье Л.Троцкого «Новый курс». По вопросу о внутривластной демократии и бюрократизации партии в 1923 году развернулась острая дискуссия. Руководство партии с трудом сумело одержать в этой дискуссии организационную победу над «критиками» лишь ценой формального признания правомерности большинства их требований.

Другим предметом острых разногласий послужил выдвинутый И.В. Сталиным тезис о возможности строительства социализма в

СССР независимо от революций в развитых странах капитализма. Этот тезис легитимизировал пребывание большевиков у власти, оправдывал ее образом «светлого будущего». *В самом деле, зачем нужна у власти коммунистическая партия, если она не собирается вести страну к социализму?*

Оппоненты И.В. Сталина, несмотря на их обращение к достаточно основательным традиционным марксистским аргументам против возможности социализма в изолированной Советской России, *не нашли убедительного ответа именно на последний вопрос.* Сталин, кроме того, оказался убедительнее и в ответе на вопрос о том, какова должна быть экономическая политика коммунистической партии в мелкокрестьянской стране. Все другие ответы на этот вопрос, предлагавшиеся как внутри ВКП(б) – сторонниками левой оппозиции и бухаринцами – так и вне ее (меньшевики, сменовеховцы, евразийцы...), оказались недостаточно прагматичными, недостаточно учитывавшими реальные социально-экономические условия и реальную расстановку социально-политических сил.

Однако значительной частью партии линия И.В. Сталина – отчасти осознанно, отчасти интуитивно – оценивалась как стратегическая угроза социалистическим целям. Создавая под вывеской «социализма» то общество, которое реально можно было создать на основе линии партийного большинства, Сталин был готов делать это любой ценой, осуществляя тем самым дискредитацию «социалистического эксперимента». Грандиозные исторические последствия этой дискредитации мы можем в полной мере оценить только сегодня, но многие в ВКП(б) уже тогда испытывали обоснованные опасения по поводу того, каков будет результат проекта «социализм в отдельно взятой стране». Главное сомнение заключалось в том, а что же останется от социализма в случае реализации – пусть и успешной – сталинской линии?

Разумеется, сомнения партийного меньшинства вовсе не означали его отказа от борьбы за социализм в СССР. Однако перспективы этой борьбы для оппозиции не только ставились в контекст международных условий, но и были обусловлены последовательной опорой на использование *собственных преимуществ социализма*, что приводило ее к резкому неприятию политики движения вперед «любой ценой». Чисто мифологические обвинения оппозиции в том, что она готова-де превратить СССР в дрова для костра мировой революции, были позднейшим изобретением сталинистов, подхваченным и ратифицированным позднее монархистами и право-консервативными националистами.

Тем не менее, большая часть и партийного руководства, и рядовых членов партии стояла за проект «строительства социализма в от-

дельно взятой стране», видя в нем единственную осуществимую возможность как для укрепления социально-экономических позиций страны, так и для своей личной самореализации. Надо сказать, что и в теоретической оценке этого проекта так же не все было однозначно. Партийное большинство могло опереться на признанный авторитет В.И. Ленина, поскольку его позиция в этом вопросе оказалась довольно расплывчатой. Не отказываясь от прежней точки зрения, обусловливающей возможность движения России к социализму революцией в развитых странах, В.И. Ленин в своих последних работах (особенно в статье «О кооперации») сделал ряд заявлений, которые можно было интерпретировать, по меньшей мере, как поиск путей самостоятельного движения Советской России к социализму.

32.3. Раскол ВКП(б)

Столь полярный характер воззрений на условия строительства социализма в СССР не мог не привести к острой внутрипартийной борьбе и к расколу большевистской партии.

Взгляд на перспективу строительства социализма в отдельно взятой стране при этом не стал центральным пунктом разгоравшейся полемики. Баталии вспыхивали так же вокруг ряда конкретных вопросов аграрной и промышленной политики, оценки эволюции НЭПа, вокруг политики Коминтерна. А наиболее острыми оказались вопросы бюрократизации партии и государства. И это не случайно — бюрократическая консолидация партии и государственного аппарата, укрепление бюрократического централизма в хозяйственном и политическом управлении по существу рассматривались лидерами партийного большинства как необходимое и желаемое (или хотя бы неизбежно допускаемое) политическое условие форсирования хозяйственного развития и решения неотложных задач экономики. Для оппозиции же именно это тенденция свидетельствовала об опасности вообще сойти с социалистического пути.

В течение 1923–1927 годов происходила борьба партийного большинства за последовательное ограничение внутрипартийной демократии. Одновременно происходила консолидация несогласных с этой линией, приведшая к оформлению «левой оппозиции» во главе с Л.Д. Троцким, затем к появлению отколовшейся от прежнего партийного большинства «новой оппозиции» во главе с Г.Е. Зиновьевым и Л. Б.Каменевым. Однако слабым местом этих оппозиционных течений была неспособность отчетливо сформулировать свою особую линию в сфере социально-экономической политики. Хотя в ряде случаев разногласия носили четко выраженный характер, многие кон-

фликты между оппозицией и большинством выглядели как надуманные споры при принципиальной общности их платформ (особенно это касается выступления «новой оппозиции» на XIV съезде).

Партийное большинство легко пошло на свертывание внутрипартийной демократии и передачу монополии на политическую власть в руки партийной бюрократии ради борьбы с оппозиционными течениями под флагом «единства партии» (что было непререкаемым тезисом и для оппозиции). В результате борьба завершилась вытеснением «левой оппозиции» из партии, что в условиях однопартийности ставило оппозицию вообще вне рамок легальной политической борьбы и открывало дорогу для репрессий против несогласных из числа бывших товарищей по партии. Представители партийного большинства еще не подозревали, что они тем самым подготовили почву для собственной политической (а для многих – и физической) гибели.

Таким образом, у вождей партийного большинства были развязаны руки для произвольного манипулирования «волей партии» и «генеральной линией». Это сразу же проявилось в «год великого перелома» (1929 год), когда вопреки всем прежним решениям съездов партии и Пленумов ЦК была провозглашена политика проведения в кратчайшие сроки массовой коллективизации и раскулачивания, что неизбежно влекло за собой применение силовых методов в отношениях с крестьянством и означало фактическое сворачивание НЭПа. Начала НЭПа были ликвидированы так же в промышленности и в кооперативном движении (а значительная часть кооперативного сектора – крестьянская кооперация, ссудно-сберегательные товарищества, потребительская кооперация, жилищно-арендная кооперация и т.п. – вскоре была просто ликвидирована).

Победа над левой оппозицией позволила сталинской группе в руководстве партии сравнительно легко преодолеть и возникший в связи с отказом от НЭПа раскол внутри правящего большинства по вопросу уже не о возможности строительства социализма в одной, отдельно взятой стране, а по вопросу о том, каким путем идти к социализму. Концепция Н.И. Бухарина, предполагавшая длительную эволюцию НЭПа и движение к социализму через государственный капитализм, была отвергнута и заклеяна как «правый уклон» (тем более что вожди этого течения не решились на организованное политическое сопротивление и быстро капитулировали).

В течение 1929–1933 годов еще возникали более мелкие оппозиционные выступления внутри партийного большинства, но полный отказ от внутрипартийной демократии позволил партийному руководству легко раздавить их, даже и формально уже не считаясь с нормами партийного Устава.

32.4. Куда идти Советской России: идейные платформы 20-х годов

Победа Сталина и стоявшей за его спиной партийной и советской бюрократии была не случайна. На дилемму, принявшую вид спора о строительстве социализма в одной стране – *и построить нельзя, и не строить тоже нельзя* – он нашел прагматический ответ.

Поскольку для Сталина на первом месте стояли задачи захвата и удержания личной власти, а затем и укрепления величия (в его собственном, конечно, понимании) той державы, в которой он эту власть захватил, постольку вопрос о реальной социально-экономической природе советского строя был для него второстепенным. Над ним не тяготела необходимость воплощать в жизнь какие бы то ни было теоретические постулаты или идейные принципы. В этом смысле Сталин не был доктринером, и это была его сильная сторона в борьбе с соперниками, у которых доктринерство оказалось существенной частью их мировоззрения.

В тоже время идеологическое оформление своей власти не было для него вопросом второстепенным. Он понимал, или, во всяком случае, догадывался, что легитимность власти правящей бюрократии, а вместе с нею – и его самого, освящается революцией, совершенной под социалистическими лозунгами. Поэтому позиция Троцкого, убедительно доказывавшего, что вне мировой революции перспектив победы социализма в СССР нет, Сталина категорически не устраивала. Только демонстрация победоносного движения к социализму могла обеспечить ему статус признанного народного вождя.

Вопрос о формировании подлинно социалистических общественных отношений никогда не волновал Сталина сам по себе. Какая разница, что строить – лишь бы это строительство укрепляло его власть и мощь державы, которой он руководил. Но при этом надо непременно уверять, что строишь именно социализм, а затем – заявить об успешном завершении его строительства. Можно решать задачи догоняющей индустриализации любыми, сколь угодно варварскими методами, разумеется, доступными в тех своеобразных условиях, когда рабочий класс составляет одну из важнейших социальных опор власти, но обязательно уверять, что это и есть движение к социализму.

Таким образом, поскольку чисто буржуазная модернизация в СССР была уже невозможна, а социалистическая самостоятельность рабочего класса, да еще и с прицелом на международную социалистическую революцию была труднодостижимым идеалом, и к тому

же категорически отвергалась бюрократическим прагматизмом, Сталин сделал единственно возможным для него выбор. Выбор был таков: индустриализация на основе бюрократической централизации экономики, при отстранении рабочего класса от реальных рычагов политической и экономической власти, при экспроприации не только капиталистического класса, но и мелкой буржуазии, и даже добуржуазного крестьянства. Это создавало возможность как максимальной концентрации хозяйственных ресурсов на задачах индустриализации, так и дополнительной мобилизации этих ресурсов за счет всех основных социальных слоев советского общества. Таким образом, Сталин нашел *реалистический* ответ на вопрос, как завершить ширококомасштабный капиталистический промышленный переворот в государстве без буржуазии.

Противники Сталина и слева, и справа не имели такого прагматического ответа. Программа Бухарина – программа движения к социализму через широкое развитие государственного капитализма – тут же оборачивалась риском капиталистической реставрации в условиях неизбежного роста буржуазных социальных слоев. Кроме того, она существенно ограничивала возможности обеспечить догоняющую модернизацию принудительной мобилизацией хозяйственных ресурсов, как за счет крестьянства, так и за счет рабочего класса.

Программа Троцкого (которая к тому же еще не была внятно сформулирована к середине 20-х гг.) – ограничивать рост буржуазных слоев, а основную ставку сделать на форсированное развитие социалистического сектора на основе развития инициативы и самостоятельности пролетариата (увлекающего за собой и крестьянство) – была довольно выверенной с точки зрения теории социализма, но практически, в условиях России, не реалистичной. *Не было в тогдашней России (да и не могло быть) столько и такого рабочего класса, который смог бы поднять задачу, возложенную на него идеологами «левой оппозиции».* Некоторые из их лидеров позднее начали догадываться об этом обстоятельстве. В одном из писем Христиана Раковского можно найти довольно верный (хотя и не очень глубокий) анализ состояния советского рабочего класса, объясняющий его неспособность противостоять сталинской бюрократии. Однако эти обстоятельства еще не осознавались лидерами оппозиции как *объективные препятствия* для самостоятельного исполнения рабочим классом ведущей роли в социалистическом преобразовании общества по линии не только политического, но и экономического господства.

Сталин политически победил не только на поле идеологических споров, призванных обосновать выбор курса дальнейшего развития страны. Сталин победил и в вопросе выбора баланса тех социальных сил, на которые он мог бы опереться в своей политике. Его программа опиралась на компромисс двух наиболее влиятельных социальных групп, одинаково заинтересованных и в индустриализации, и в недопущении буржуазной реставрации. Это был компромисс рабочего класса с бюрократией при ведущей роли последней.

Сталинская власть была во многом схожа с бонапартистским режимом, как власть, смиряющая разрушительное противоборство различных социально-классовых сил, создающая принудительный компромисс между ними, а потому и приобретающая относительную самостоятельность (благодаря опоре на пассивные социальные слои, опасющиеся развертывания социально-классового конфликта). Отражая интересы в первую очередь бюрократии, Сталин не был ее послушной марионеткой, воплощая в своей фигуре необходимость для бюрократии искать для себя более широкой социальной опоры в лице рабочего класса (что выразилось в создании и постепенном наращивании системы социальных гарантий). Подчас он натравливал рабочий класс на бюрократию, чтобы обеспечить себе возможность политического балансирования и не нести прямой политической ответственности перед выдвинувшим его к власти социальным слоем. Оба этих слоя (и рабочие, и бюрократия) были объединены также своим неприятием любой возможности социального и политического выдвижения буржуазных и мелкобуржуазных слоев.

Линия Бухарина требовала компромисса с мелкобуржуазными, а отчасти и с буржуазными элементами. А такой компромисс был весьма неустойчив и непрочен, ибо буржуазная и мелкобуржуазная его стороны были заведомо против любых игр в «строительство социализма», да и просто против форсированной индустриализации на спине крестьянства.

Линия Троцкого требовала опоры на рабочий класс против бюрократии. Но эта позиция была нереалистичной в условиях, когда, как констатировал В.И. Ленин, «поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить не может»¹, так как рабочие были не только меньшинством в обществе, но вдобавок еще и необразованным, малокультурным в своей основной массе меньшинством, подвергшимся, кроме того, значительной люмпенизации и деклассиро-

¹ Ленин В.И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибках т. Троцкого // Ленин В.И. Полн. Собр. Соч. Т.42.С. 204

ванию в ходе гражданской войны. Противостоящая же рабочим бюрократия концентрировала в своих рядах наиболее энергичные и организованные (а нередко и высокообразованные) элементы различных социальных групп.

Бюрократия в социальной структуре общества, осуществлявшего программу «строительства социализма» (а фактически – буржуазной модернизации в социалистической оболочке), была своеобразным субститутом буржуазии. Но она не была «служилой буржуазией», и, соответственно, советское общество 20-х – 30-х годов *не было обществом государственного капитализма*. Для тех, кто видит во власти Сталина государственно-капиталистическую диктатуру, должно быть совершенно необъяснимым расхождение линии Сталина и линии Бухарина (разве что с точки зрения политического соперничества). Однако советская бюрократия сталинского образца отнюдь не была чистым выражением господства государственного капитализма. В классовом же отношении это вообще не была буржуазная или капиталистическая бюрократия.

Однако какова была природа этой бюрократии? Была ли она, как и любая бюрократия, лишь обслуживающим интересы господствующего класса слоем, пусть и приобретшим некую относительную самостоятельность?

На этот вопрос следует ответить отрицательно. Национализация основных средств производства и сосредоточение руководства экономикой в руках государства создали ситуацию, приближающуюся к той какая сложилась в азиатском способе производства: советская бюрократия совпала (но, в отличии от азиатского способа производства, только в тенденции) с господствующим классом¹.

Однако в 20-е годы советская бюрократия еще не может быть названа классом в собственном смысле слова, и даже классом, выступающим в форме сословия. Административная власть этой бюрократии не была следствием занимаемого ею социально-экономического положения, наоборот – ее социально-экономическое положение вытекало из занимаемых административных постов и с утратой моментально менялось. Административные прерогативы бюрократии не передавались по наследству. Лишь к концу существования советской системы бюрократия приблизилась к превращению в класс, но так и не перешла этой грани.

¹ Сравни концепцию Ю.И.Семенова о неополитарном строе в СССР:

Ю.И.Семенов. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М.: «Волшебный ключ», 2008.

Такая ситуация не возникла бы в условиях социалистической революции, если бы государство сразу стало превращаться в не государство в собственном смысле слова (то есть система управления обществом формировалась бы не как отдельная от остального общества структура, а была бы продуктом общественной самостоятельности граждан, результатом их социального творчества).

Необходимой предпосылкой для этого было бы завоевание условий, при которых государственный аппарат формировался бы рабочим классом и функционировал при его прямом участии и контроле. Однако в ходе экономической и политической борьбы 1917-1922 годов выявилось поражение рабочего класса в схватке с бюрократией за рычаги экономической и политической власти. Бюрократия, хотя и пойдя на компромисс, и уступив, в порядке этого компромисса, некоторые второстепенные каналы влияния рабочему классу, получила реальную возможность претендовать на политическую монополию и монополию экономического управления.

Таким образом, советская бюрократия сделала шаг к образованию своеобразного господствующего класса, занимающего это место благодаря сосредоточению в ее руках как функций управления экономикой, так и фактического распоряжения средствами и результатами производства. Политическим лидером, наиболее последовательно выразившим эти стремления новой советской бюрократии, и оказался И.В. Сталин.

Советская бюрократия и политически, и по составу была тесно связана со своим союзником (рабочим классом), но все же преимущественно ее составляли выходцы из низших и средних слоев старых служилых сословий, выдвинувшиеся на высшие должности в ходе революции. Главной социально-экономической детерминантой ее позиции стало, в таких условиях, не столько ее происхождение, сколько ее фактическое положение как центрального звена экономического и политического управления. В этом ее положении присутствовала и буржуазная (государственно-капиталистическая) составляющая – но только как элемент (и даже осколок) в ряду других. Свою эксплуататорскую функцию (которая к тому же была не основной, второстепенной для данного социального слоя) эта бюрократия осуществляла преимущественно не капиталистическими методами¹. И в любом случае она была кровно заинтересована воспрепятствовать реставрации частнохозяйственного капитализма.

¹ Этот тезис нередко оспаривается со ссылками на форму найма, на товарно-денежные отношения, якобы свидетельствующие о капиталистической природе эксплуатации в СССР. Хочу оставить этот спор за скобками и замечу лишь, что никому еще не удалось доказать, что бюрократия эксплуатировала трудящихся СССР ради извлечения прибавочной стоимости и самовозрастания капитала.

Таким образом, советское общество можно интерпретировать как своеобразное «*буржуазное общество без буржуазии*». Речь в данном случае идет не об известных словах Ленина из «Государства и революции» о буржуазном праве и охраняющем его буржуазном государстве без буржуазии. Речь не идет о неизбежных элементах преемственности между буржуазным и социалистическим обществом. Речь идет о глубоко противоречивом сочетании буржуазных и небуржуазных (антибуржуазных) элементов в советском строе. Своеобразие ситуации состояло в том, что наличие элементов буржуазных отношений, в силу их нецелостного характера, не обеспечивало существования адекватных им классов и социальных групп. Более того, к середине 30-х годов эти социальные группы практически полностью исчезли.

32.6. Противоречия НЭПа и выход из них

Не следует думать, что обрисованные выше контуры сталинского подхода к социалистическому строительству в СССР были сколь-нибудь внятно сформулированной Сталиным (хотя бы для себя самого) теоретической концепцией. В своем отношении к перспективам социализма Сталин действовал (как и всегда) чисто эмпирически, ощупью, реагируя на насущные хозяйственные и политические проблемы по мере их возникновения.

Итак, сложившаяся в нэповский период в СССР социально-экономическая структура имела два основных уклада – государственную промышленность и мелкобуржуазное (а во многом и добуржуазное) крестьянское сельскохозяйственное производство. Кроме того, существовал капиталистический уклад (представленный мелким производством и торговлей), кооперативный и государственно-капиталистический. Уклад государственной промышленности представлял собой плод определенного союза между бюрократией и пролетариатом при ведущей роли первой. На этом же союзе, дополненном еще и компромиссом с крестьянством и мелким капиталом, покоилась и вся социально-экономическая система СССР начала 20-х годов. Но как долго могла продержаться эта конструкция?

Пока НЭП обеспечивал быстрое восстановление народного хозяйства СССР, Сталин был горячим поклонником и защитником линии Бухарина, и вместе с ним активно выступал против Троцкого, требовавшего форсировать рост социалистических элементов в экономической системе Советской России, и Преображенского, считавшего невозможным избежать экономического нажима на крестьянство. Когда же Сталин столкнулся с объективными противоречиями

нэповской эволюции, что нагляднее всего выразилось в трудностях с хлебозаготовками, он первоначально не ставил вопрос об изменении всей экономической стратегии, а реагировал непосредственно на возникшие затруднения. В основе этих затруднений лежало желание крестьянства получать именно тот товарный эквивалент продаваемому зерну, который нужен ему, а не мириться с заниженными хлебными ценами и завышенными ценами на товары крестьянского спроса ради роста тяжелой промышленности. Кроме того, не получая желаемой отдачи от продажи зерна, крестьянство не имело стимулов и далее расширять производство товарного хлеба.

Чтобы получить крестьянский хлеб для целей индустриализации, надо было или менять структуру промышленного роста в пользу наращивания производства предметов потребления, сельхозинвентаря и сельхозмашин, сокращая тем самым возможности роста тяжелой промышленности, либо обеспечить откачку этого хлеба не через обычную куплю-продажу или товарообмен. Сталин первоначально испробовал известный по гражданской войне метод – чрезвычайные меры при хлебозаготовках, принуждение крестьян продавать необходимое количество хлеба по фиксированным государством ценам. Однако ответ крестьян на применение таких методов также был известен по гражданской войне – страна встала перед призраком крестьянской «хлебной стачки» (то есть сокращения посевов).

Встав перед фактом неэффективности чрезвычайных мер, Сталин в 1928-1929 гг. без колебаний пошел на плагиат у левой оппозиции, сделав ставку на социалистическое преобразование деревни, т.е. на производственное кооперирование крестьянства. Однако, уже в 1929 г. ему стало ясно, что этот подход не даст немедленных результатов, ибо чтобы вовлечь крестьян в производственные кооперативы (артели) путем хозяйственного примера, нужно обеспечить приток в деревню машинной техники в таких размерах, которые в ближайшие годы были не под силу советской промышленности, обеспечить массовую подготовку кадров, способных управлять крупным механизированным сельскохозяйственным производством и т.д. Именно поэтому произошел переход к политике принудительной форсированной коллективизации, крестьянские кооперативы были уничтожены и замещены колхозами, сконструированными как полугосударственные предприятия, ставшие составной частью государственного механизма, обеспечивающего *не только принудительное изъятие, но принудительное производство сельхозпродуктов.*

Достаточно ясно, что этот переход несколько не зависел от социалистических лозунгов, которыми он прикрывался. Ведь одновременно со сталинской коллективизацией уничтожались те социализированные формы экономических отношений в деревне (и не только в

деревне), которые были продуктом усилий по ее социалистическому преобразованию в предшествующее десятилетие. Были ликвидированы коммуну, ТОЗы, все сбыто-снабженческие, кредитные (ссудно-сберегательные), машинопрокатные и иные крестьянские кооперативы, а кадры крестьянской кооперации подведены под раскулачивание. В городах была ликвидирована система потребительской и жилищно-арендной кооперации.

Хозяйственный нажим осуществлялся не только на крестьянство, но и на рабочих. Инфляционное финансирование индустриализации, как и сокращение производства продовольствия и сельскохозяйственного сырья, привели к падению реального жизненного уровня не только крестьянства, но и рабочего класса. Однако та часть крестьянства, которая переходила в ряды рабочих, выигрывала как в уровне потребления, так и в социальном статусе.

32.7. Социализм или государственный капитализм?

Одним из сильных возражений против концепций, отрицающих социалистический характер советского общества, является указание на тот существенный социальный прогресс, который был достигнут в ходе его развития, – прогресс, выходящий за рамки того, что было возможно и допустимо в буржуазном обществе.

Однако если трезво вычленим именно те составляющие социального прогресса, которые выходят за рамки буржуазно-допустимого, то окажется, что СССР добился многого – и все же не настолько, чтобы заслужить звание социалистического общества.

Бесплатное школьное образование? Это мера вполне буржуазно-демократическая. Бесплатное высшее образование за государственный счет? Да, до сих пор почти ни в одной буржуазной стране эта мера не была распространена на всех студентов. Бесплатное здравоохранение? То же самое – оно есть, но в ограниченных масштабах. Отсутствие безработицы? Вот здесь отличие коренное. Ни одна буржуазная страна до сих пор была не в состоянии подчинить процесс накопления капитала в национальных масштабах задаче обеспечения полной занятости, поскольку это противоречит коренным основам капиталистического строя.

Другая сторона вопроса заключается в том, что вся экономическая и социальная эволюция советского общества предстала перед нами в социалистической оболочке. Безжалостное снижение потребления широких масс ради индустриализации, и варварская экспроприация крестьянства для этих же целей – "социализм". Новые отрасли промышленности – "социализм". Снижение уровня неграмотности

– "социализм". Начало роста потребления во второй половине 30-х годов – "социализм".

Таким образом, действительно социалистические меры и действительно социалистические формы развития оказались соединены с чисто буржуазным прогрессом и окрасили его в собственные "красные" тона.

Лидер "децистов" Т.В. Сапронов в 1931 году характеризовал социально-экономический строй СССР как "уродливый госкапитализм"¹, однако его аргументация была скорее эмоциональной, чем теоретической. Отстранение рабочих от реального владения и распоряжения средствами производства и наличие эксплуататорских черт в деятельности бюрократии он считал достаточным основанием для своего утверждения. Но была ли эта эксплуатация именно капиталистической? Пока никто не доказал, что бюрократия в СССР эксплуатировала трудящихся, прежде всего, ради производства прибавочной стоимости.

Поэтому я отказываю советскому строю в праве называться также и государственным капитализмом, хотя и признаю наличие элементов госкапитализма в советском строе.

Был ли это элементы государственного капитализма в виде контроля и ограничения частного предпринимательства пролетарским государством? Да, в той мере и поскольку, поскольку на начальном этапе своего развития последнее отчасти сохраняло пролетарский характер, а частнокапиталистические элементы не были полностью экспропрированы.

Был ли это элементы государственного капитализма, основанные на экспроприации частных капиталистов и замене их государственными чиновниками? Да, в той части, в какой государственные предприятия были организованы на капиталистических принципах (конкуренция, коммерческий расчет, наемный труд, сдельщина...). Однако уже в 30-е годы мы имеем не нечто вроде частнопредпринимательской экономики, управляемой государственными чиновниками, а национальный капитал, преобразованный на принципах единого общественного хозяйства. Экономический расчет в СССР, как и распределение труда между отраслями производства, во всяком случае, не были подчинены критерию прибыльности, да и сама прибыльность не была следствием слепой игры стихийных сил рынка.

¹ Сапронов Т.В. Агония мелкобуржуазной диктатуры // Центральный Архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Архивное уголовное дело № Р-37963. Т.2, лл. 1-11. Цит по: Гусев А.В. Коммунистическое сопротивление тоталитаризму в СССР. <http://socialist.memo.ru/discuss/d02/d0201.htm>

Конечно, можно найти в экономической системе СССР многие атрибуты товарного хозяйства, и некоторые из них даже не были формальными. Можно назвать эту систему вырожденной формой рынка. Но с таким же успехом можно и товарное хозяйство представить как вырожденную форму планомерной организации всего общественного производства.

Социалистические элементы были представлены в советском строе в нецелостном, усеченном, деформированном виде, и точно такое дело обстояло и с объективно рождавшимися на почве индустриального (а отчасти и доиндустриального) производства капиталистическими элементами. Они тоже были нецелостными, усеченными, деформированными и причудливо переплетались с социалистическими элементами.

В этих условиях само существование такой « мозаичной » системы, состоявшей из смешанных, разнородных (гетерогенных), да к тому же еще и деформированных элементов, как и вектор ее развития, определялись силой политической и идеологической надстройки. А эта надстройка была представлена пролетарскими и мелкобуржуазными элементами (главным образом « служащими » из рядов городской мелкой буржуазии), и в политическом отношении, во всяком случае, антикапиталистическими элементами. Существенную роль играло также формирование антибуржуазной культурной традиции. Существенную потому, что *эта культурная тенденция играла важнейшую компенсаторную роль, восполняла недостаток материально-технических, экономических, социальных и политических предпосылок социализма*¹.

Исключительная роль политической надстройки в условиях, когда классовой опорой государства было меньшинство населения, да к тому же в социально-культурном отношении не готовое к самоорганизации в формах, адекватных социалистическим общественным отношениям, породила неизбежную и глубокую бюрократизацию политического строя. *Бюрократия оказалась ведущей цементирующей социальной силой и для экономического строя, и для социальных отношений.*

---

¹ Значение феномена советской культуры и его роль на различных этапах развития СССР показано в работах Л.А. Булавки (См.: Критический марксизм. Продолжение дискуссий. М.: Слово, 2001).

32.8. Советский строй 30-х годов как разновидность бонапартизма

В более широком контексте разрушение обоих компромиссов бюрократии – с крестьянством и с пролетариатом – стало следствием объективной логики задач поздней буржуазной революции, функцию решения которых приняла на себя советская бюрократия. Напомним, это были задачи догоняющей модернизации, понимавшиеся тогда в терминах индустриализации и перехода к крупному общественному земледелию.

Бюрократия встала перед необходимостью жесткой концентрации хозяйственных ресурсов для проведения догоняющей модернизации (что получило позднее отражение в термине «мобилизационная экономика»). Такая концентрация и материальных ресурсов, и трудовых усилий была возможна лишь за счет сильнеешего нажима – как на рабочий класс, так и на крестьянство. Экономическое соревнование с капиталистическим укладом было прекращено, и остатки буржуазии, допущенной НЭПом, были ликвидированы административным давлением, а мелкобуржуазное крестьянство сметено коллективизацией. Угроза с этой стороны была ликвидирована – но все не ради интересов рабочего класса и «строительства социализма».

Прежние формы компромисса были отброшены – не без ожесточенной политической борьбы, занявшей почти все 20-е годы, – и политика, проводившаяся с 1929 года, знаменовала собой окончательный переход к своеобразному советскому бонапартизму. Правда, для этого пришлось серьезнейшим образом ревизовать прежние установки большевизма – как идейные (например, партийная программа была просто забыта), так и организационные (стремительный отказ от внутривнутрипартийной демократии), – и основательно изменить персональный состав большевистской партии, в конечном итоге превратив ее в период второй половины 20-х – начале 30-х годов в иную политическую организацию, хотя и под старым названием.

Как и любые разновидности бонапартизма, советский был основан на лавировании между противоположными интересами классов и социальных слоев – в данном случае между интересами разросшегося слоя бюрократии и трудящихся классов (как рабочих, так и крестьян). Своеобразие советского бонапартизма заключалось в том, что здесь бюрократия не только превращалась в арбитра борющихся классов, стоя как бы над ними, а на деле достигая компромисса между ними, но в пользу одной из сторон. Она сама была одной из сторон компромисса и арбитром в своем собственном деле. Это было бы не-

возможно, если бы в советском строе не действовали некоторое время механизмы самоограничения бюрократии, степень которого не стоит преувеличивать, но которое было реальным фактом, на котором только и могла основываться мобилизующая роль бюрократии в деле модернизации¹. Это самоограничение, вместе с успехами модернизации, постепенно стало все больше и больше предаваться забвению, и на бюрократию к середине 30-х гг. закапал золотой дождик строго отмеренных привилегий – одновременно с радикальной кровавой чисткой ее от носителей старых большевистских традиций.

Победа сталинской линии не была простым следствием объективно более прагматического решения проблемы перспектив развития СССР. Это решение было чревато серьезными идейными, политическими и социальными конфликтами. Ведь программы его противников также не были ошибочными от начала до конца, и содержали в себе рациональные элементы, от которых Сталин во многом отказался.

Если программа Бухарина не могла быть надежной основой для строительства социализма, не решая вопрос о социально-политических последствиях хозяйственного подъема буржуазных и мелкобуржуазных слоев, то содержащиеся в ней стремление к поддержанию баланса экономических интересов между пролетариатом и крестьянством, и в связи с этим – выбор экономически сбалансированных темпов индустриализации, и опора на принципы добровольности и экономической заинтересованности в деле кооперирования крестьянства, были вполне рациональными. Если программа Троцкого переоценивала готовность тогдашнего капитализма даже в наиболее развитых странах к социалистической революции, то делавшийся в ней упор на инициативу и самостоятельность рабочего класса и необходимую для этого политическую демократию, хотя вряд ли мог привести страну к подлинному социализму, все же мог послужить важным фактором большей устойчивости и гибкости советского строя, его способности к дальнейшей прогрессивной эволюции. По своему объективному смыслу именно эта программа могла заложить основы для дальнейшей эволюции советского строя в сторону действительного социализма (по мере накопления необходимых социально-экономических и социально-культурных предпосылок и изменения международных условий).

Однако Сталин, выражая в первую очередь интересы бюрократии, не мог принимать таких установок. Более того, по своим личным качествам он был достойным представителем того социального

---

¹ Подробнее см.: Колганов А.И. Три модернизации в России и наше время // Политический класс, 2005, №11.

слоя, интересы которого выражал. Неглупый и начитанный, обладавший прекрасной памятью, способный быстро учиться и вникать в довольно сложные практические вопросы, он умел также быстро реагировать на изменявшиеся обстоятельства общественной жизни и был мастером политической интриги, обладал упорством в достижении цели, умел располагать к себе людей. В то же время Сталин отличался маниакальной подозрительностью и злопамятностью, был склонен к упрощенчеству в области теории и практически полностью неспособен к овладению наиболее фундаментальными теоретическими дисциплинами. Теория никогда не была для него руководством к действию, а служила лишь идеологическому оформлению принимаемых политических решений. Однако некоторые постулаты марксизма (нередко в своеобразной интерпретации) Сталин воспринимал как полезные и действенные принципы, необходимые для руководства государством и массами, а потому и превращавшиеся для него в обязательные догмы.

Разумеется, такой подход сталкивал Сталина с представителями как правой, так и левой оппозиции, обладавшими значительным авторитетом в партии, а потенциально – и с большинством представителей старой партийной гвардии, которые могли расценить действия Сталина как предательство идеалов революции (что во многом соответствовало действительности).

Поэтому все двадцатые годы были для Сталина временем ожесточенной схватки за власть, окончательная победа в которой была достигнута лишь в середине 30-х гг. Для этого Сталину потребовалось политическое, а в значительной мере – и физическое истребление как реальной, так и потенциальной оппозиции в ходе развязывания кампании всеобщей политической подозрительности. Поскольку большинство ВКП(б) смирилось со свертыванием внутрипартийной демократии и передало монополию на принятие решений централизованной партийной бюрократии, оно тем самым открыло дорогу к собственному уничтожению в ходе инспирированных сверху кровавых чисток.

Масштаб репрессий определялся не только задачами борьбы за власть, но и личными качествами Сталина, болезненно опасавшегося любой потенциальной возможности инакомыслия. Поэтому он не смог обойтись без организации в 1937 – 1938 годах разнузданной политической истерии по поиску «врагов народа», унесшей заодно мимоходом и жизни множества верных приверженцев Сталина. Эта истерия была приостановлена Сталиным только тогда, когда она стала угрожать полным развалом всей системе партийно-государственного управления.

Гораздо сложнее было справиться с социальным недовольством сначала крестьянства, а затем и пролетариата, уязвленных наступлением на их интересы в ходе индустриализации. Если рабочие хоть как-то могли мириться с временным падением жизненного уровня, поскольку индустриализация действительно открывала перед ними дополнительные перспективы (что касается и кадровых рабочих, и, в особенности, хлынувшего в 30-е годы потока выходцев из деревни), то гораздо сложнее передовой части рабочего класса было смириться с выхолащиванием их статуса господствующего класса, с глушением или бюрократической формализацией любой инициативы, с отстранением от решения любых производственных вопросов. Короткий всплеск в начале 30-х гг. инициатив рабочего класса, связанных с надеждами, порожденными ускоренной индустриализацией, был либо задавлен (встречное планирование, бригадная организация труда), либо формализован бюрократией (как это произошло с социалистическим соревнованием и стахановским движением).

В совокупности эти проблемы предопределили выбор бюрократией и ее лидером – Сталиным – антидемократической, тяготеющей к тоталитаризму модели общественно-политического устройства СССР.

32.9. Бюрократический бонапартизм и социалистическая революция

Итак, бюрократия приступила к решению задач буржуазной модернизации... Пойдите! Но как же с социалистической революцией, о перспективах которой так много было рассуждений выше?

Характер фактически происходившей российской революции можно сформулировать следующим образом. *Советская Россия осуществляла две революции одновременно, но они носили по отношению друг к другу не равнозначный характер.* Одна из них – раннесоциалистическая – *послужила оболочкой для другой* – позднекапиталистической – в силу своеобразной расстановки классовых сил.

Попытки проведения раннесоциалистической революции постигла именно та судьба, которая и должна была их постигнуть. Постольку, поскольку для социалистических преобразований все же были некоторые, хотя и очень незрелые, предпосылки в виде капиталистического промышленного уклада, возникли весьма значимые социалистические формы, охватывающие некоторые стороны социально-экономических отношений. Классовый, политический и идеологический импульс Октября был достаточно силен, и к тому же он подкреплялся заинтересованностью советской бюрократии в сохра-

нении идейно-политической оболочки великой революции, служащей оправданием власти бюрократии. Кроме того, использование этих форм позволяло мобилизовать энергию и энтузиазм рабочего класса. Да и формы государственного централизованного управления национализированной промышленностью, обладая определенной схожестью с предполагаемыми чертами социалистического планового хозяйства, позволяли отождествлять одно с другим.

Некоторая устойчивость этих форм определялась еще и международным положением СССР. Их наличие позволяло СССР занять особое место в мировом хозяйстве и в мировой политике, провести линию твердого внешнеторгового протекционизма в социалистической плановой оболочке, да еще и опереться на поддержку международного рабочего движения, противопоставив себя, как «форпост социализма», «капиталистическому окружению» (тем более что наличие реальных социалистических элементов давало на это основания и было действенным средством давления на мировую буржуазию). Однако эти социалистические формы не развились, да и не могли развиваться в основы социально-экономического строя, сложившегося в СССР. Более того, имевшиеся элементы социализма сложились в уродливом, деформированном виде (что может служить оправданием применению образного выражения «мутантный социализм» — но не по отношению ко всему советскому строю, а только по отношению к этим элементам).

Если все это обстояло так, то откуда же взялся ожесточенный конфликт двух мировых систем, и убежденность обеих враждующих сторон в их несхожести и непримиримости? Почему СССР именовался социалистической страной? Неужели все это было лишь обманчивой внешней формой, чистой иллюзией?

Нет. Можно смело утверждать, что социально-экономическая форма производства, свойственная социализму (социалистические производственные отношения), с одной стороны, не соответствовала уровню производительных сил СССР, и постольку ее существо подрывалось, выхолащивалось (особенно при попытке сделать эти отношения всеобъемлющими), сами отношения уродовались, деформировались. Однако, с другой стороны, это насильственное, неадекватное материальным условиям производства развитие социалистических отношений вширь придавливало свободное развертывание буржуазных отношений, не давало им сложиться в адекватных формах и приобрести господствующий характер. С этой точки зрения советский строй можно назвать «запертым» капитализмом.

Такое положение, разумеется, не могло сохраняться вечно (и, в конце концов, зависимость производственных отношений от уровня

и характера производительных сил проявила себя с непреодолимой силой). Но поскольку такое положение сохранялось, СССР не мог стать буржуазным государством, а его строй не мог сложиться как строй капитализма, хотя бы даже и государственного. С точки же зрения социально-политической и вовсе не было никаких оснований считать СССР буржуазным государством (хотя и пролетарский его характер также сомнителен).

Социалистическая форма длительное время играла активную роль по отношению к буржуазному содержанию. И, как я уже сказал, во многом эта роль поддерживалась своеобразной классовой и политической природой советского государства.

Таким образом, советский «социализм» сложился первоначально как незавершенное переходное общество с бонапартистской надстройкой, социально-экономической основой которого было решение задач догоняющей буржуазной модернизации без буржуазии и в оболочке социалистических форм хозяйствования.

Этот результат вполне подтверждает высказанную в общей форме мысль Ф. Энгельса, приведенную им в письме Вере Засулич, по поводу возможной революции в России: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революции, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали – что сделанная революция совсем не похожа на ту, которую они хотели сделать. Это то, что Гегель называл иронией истории, той иронией, которой избежали немногие исторические деятели»¹.

Это была неустойчивая, разнородная, «несбалансированная» конструкция, элементы которой удерживались вместе силой политической надстройки, и которая со временем неизбежно начала разлагаться, выхолащивая и вытесняя менее прочные социалистические формы, впрочем, отчасти сохраняя то из них, что диктовалось общими условиями развития позднеиндустриальной стадии развития производительных сил общества (и что параллельно, хотя и в несколько других социально-экономических формах, развивалось в странах капиталистического «ядра»). Такое развитие социально-экономических последствий российской революции с точки зрения имевшихся материальных предпосылок было наиболее вероятным. Что же касается политической формы этого процесса, сопряженной с произволом времен сталинской диктатуры, то здесь как раз были возможны варианты, борьба вокруг которых, собственно, и была реальной подоплекой политических конфликтов 20-х – 30-х годов.

¹ Маркс. К. Письмо Вере Засулич. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36, С. 263.

32.10. Социально-экономические основы советского строя: некоторые итоги «строительства социализма»

Советский опыт был исторически не случайной попыткой формирования альтернативной капитализму системы, и в своеобразной форме выражал необходимость разрешения назревших противоречий развития мирового капитализма (особенно периферийного), причем уже не в чисто буржуазных формах. Возможность появления таких небуржуазных форм (хотя и в ограниченных пределах, не дающих им развернуться в целостную систему) уже была создана развитием мирового капитализма и его противоречий в начале XX века и его отсталого варианта в России: с одной стороны, – сверхэксплуатация рабочих, колониальные захваты, мировая война за передел рынков и территорий и т.д.; с другой – рост обобществления производства, достигающий до образования международных монополий, рост боевитости, организованности и классового самосознания рабочего класса.

Буржуазия в значительной мере утратила социальный потенциал разрешения этих противоречий не в разрушительных, губительных для нее самой формах, что проявилось в кошмаре Первой мировой войны и особенно гротескные формы приняло как раз в России. Поэтому импульс разрешения данных противоречий исходил от международного рабочего и социалистического движения (которое само есть одно из следствий развития капитализма).

В большинстве стран этот импульс лишь заставил буржуазию искать формы серьезного, не поверхностного социального компромисса с пролетариатом. И только в Российской империи в силу исторически случайного (с точки зрения всемирно-исторического процесса) сочетания обстоятельств капиталистическая буржуазия полностью утратила социальную инициативу, потеряла политическую власть и вообще была изжита как социальный слой (мелкая же буржуазия была сначала поставлена в неравноправное политическое положение, а затем были ликвидированы условия ее воспроизводства как таковой).

Если бы речь шла о социалистической революции, опирающейся не то чтобы на адекватные, а хотя бы на более или менее зрелые социально-экономические предпосылки (хотя бы на развитый индустриальный капитализм), то ведущую роль в процессе преобразования общественного строя заняли бы пролетарские и (если будет позволено употребить такой неологизм) постпролетарские слои. Однако для российского пролетариата (хотя бы в силу его малочисленности, не

говоря об уровне его социальной зрелости) такая задача оказалась не по плечу. Стоит вспомнить, что свержение власти буржуазии в России было бы невозможно силами одного пролетариата, без крестьянской революции. *И в условиях недостаточной силы основных противоборствующих классов на первый план исторической сцены неизбежно выдвинулась бюрократия.*

Руководители большевиков догадывались об опасности такого поворота событий, и довольно близко подошли к осознанию его причин. В.И. Ленин, например, в ходе дискуссии о профсоюзах прямо говорил, что рабочий класс в России не способен самостоятельно осуществлять своего классового господства, не решаясь, однако, сделать вывод о том, что в подобных условиях классовое господство вообще рискует ускользнуть из рук пролетариата. Еще ближе к пониманию этой проблемы Ленин подошел в одном из писем, где сформулировал мысль о том, что пролетарский характер большевистской партии определяется не ее классовым составом, а идеологией ее тонкой руководящей прослойки, и что любой конфликт в среде этого тонкого слоя способен привести к поражению революции.

Вообще проблема бюрократического перерождения Советской власти сделалась на короткий период конца гражданской войны и начала НЭПа навязчивой идеей многих большевистских лидеров. Об этом писали и Ленин, и Бухарин, и Троцкий. Но чем ближе к безраздельной власти приближалась сталинская фракция в партии, тем менее популярной становилась эта тема, сведясь, в конце концов, к редким дежурным заклипаниям о борьбе с бюрократизмом, каковой дозволялось толковать исключительно как неисполнительность государственных служащих.

Хотя для социалистических отношений *по существу* не было достаточных предпосылок, классовая база революции сделала возможным появление *форм* социалистических отношений (не имевших под собой адекватного содержания). Появление форм этих отношений означало и наличие некоторых, усеченных элементов формального освобождения труда, которые проявляли себя в советской действительности (сначала прямые, а затем совещательные формы участия в управлении, сохранение контроля профсоюзов над условиями и режимом труда и отдыха рабочих, настойчивые попытки поиска более самостоятельных форм организации труда). Ростки социального творчества работников постоянно пытались пробиться через асфальтовую корку бюрократического господства, особенно тогда, когда бюрократия маневрировала, идя на частичные уступки и компромиссы.

В дальнейшем развитии революции происходило – в острой социально-политической борьбе – постепенное исчезновение, либо, в

большинстве случаев, вырождение этих форм. Однако многие из них оставались официально признаваемыми общественными атрибутами (роль профсоюзов в контроле над условиями труда и отдыха, «социалистическое соревнование», социальные льготы рабочему классу и др.) и, более того, вытесняли собой все остальные социально-экономические формы. Вот почему социально-экономическое развитие 20-х – 30-х годов могло идеологически оформляться как строительство социализма.

Итак, сталинская модель социализма выступает как *переходная экономическая структура*, но весьма своеобразная. В чем же ее своеобразие? В том, что это было не просто сочетание капиталистических и социалистических производственных отношений (и соответствующих укладов), а более пестрая структура со значительным удельным весом докапиталистических отношений и укладов. Кроме того, социалистические отношения не имели в этой структуре адекватной социально-экономической базы, поддерживаясь в значительной мере политической и идеологической инерцией революции. Соответственно, *социально-экономические противоречия сложившихся переходных отношений не толкали систему в сторону превращения в социалистическую целостность*. Они толкали ее к превращению в буржуазную целостность, чему некоторое время препятствовала политическая и идеологическая надстройка, как и некоторые довольно глубоко укоренившиеся элементы социализма. Буржуазная социально-экономическая эволюция влекла за собой и формирование потенциала буржуазной политической эволюции. И угроза утраты имевшихся классово-политических позиций, угроза утраты власти вела к тому, что этот путь развития некоторое время политически блокировался.

Движение к социализму становилось в таких обстоятельствах возможным только в том случае, если бы был преодолен рубеж, за которым прекратилось бы развитие основ индустриального капитализма и началось накопление адекватных социально-экономических предпосылок социализма, то есть разложение капиталистических отношений и массовое образование переходных форм. Однако этот рубеж в СССР в основном не был достигнут.

Следует отметить, что концепция советского общества как незавершенного переходного периода восходит к работам Троцкого. Отличие моего взгляда заключается в признании советской переходной модели неспособной самостоятельно придти к социализму (или, во всяком случае, в оценке шансов такого перехода как крайне малых). Поэтому в моей интерпретации советскую социально-

экономическую систему скорее *следует именовать не переходной, а промежуточной.*

Бюрократия выступала в сталинской модернизации как социальный субститут устраненной буржуазии. Те задачи модернизации, которые ставила бюрократия, объективно отвечали национальным интересам. Они были по содержанию задачами национального буржуазного государства (промышленный переворот, защита территории и территориальная экспансия, защита позиций в мировой экономике), однако в специфическом преломлении, ибо включали существенный элемент классового компромисса как с рабочим классом, так и, в меньшей степени, с крестьянством (в меньшей – потому, что мелкобуржуазные и патриархальные слои в большинстве своем являются неизбежной жертвой промышленного переворота). Буржуазные цивилизационные задачи облекались постольку в оболочку социалистических лозунгов, а отчасти и социалистических форм, особенно в сфере распределения.

Система пребывала в результате в неустойчивом состоянии, сохраняя некоторое равновесие за счет балансирования между ее разнородными элементами и насильственного примирения этих элементов.

Однако объективная экономическая эволюция (технический прогресс, изменения в отраслевой структуре, разбухание и окостенение бюрократического аппарата, сокращение удельного веса сельского хозяйства, урбанизация, рост благосостояния и культурного уровня и т.д.) неизбежно расшатывала и подмывала сложившийся баланс. Он не мог быть сохранен в неизменном виде, и когда эволюция зашла достаточно далеко, он рухнул.

Фактически следует признать, что успешное завершение сталинского проекта создания «социалистической державы» *в принципе не могло создать социально-экономическую и социально-политическую ситуацию, из которой открывался бы путь к «высшей фазе коммунизма».* Сталинская модель переходного общества оказалась тупиковой, не содержащей в себе механизмов эволюции в коммунистическом направлении, и, более того, неадекватной даже задачам развития позднего буржуазного общества, позднего капитализма («позднее индустриальное общество» с элементами постиндустриализма).

Но возможен ли был выход (революционный? эволюционный?) из сталинской системы, открывавший путь к социализму?

К сожалению, такой выход был крайне маловероятен. Если некоторое накопление материальных и отчасти экономических предпосылок социализма и происходило в ходе эволюции советского общества, то вот социальные и идейно-политические предпосылки парадоксальным образом не укреплялись, а утрачивались. Советское об-

щество опиралось на «патернализированный» (контролируемый и опекаемый) бюрократией рабочий класс, разочаровавшийся в «социализме» сталинского образца, и на бюрократическую элиту, в которой все сильнее прорастал импульс буржуазного перерождения.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. В каких условиях был поставлен вопрос о строительстве социализма «в одной, отдельно взятой стране»? Как вы оцениваете этот тезис?
2. Почему вокруг вопроса о строительстве социализма в одной стране развернулась острая полемика?
3. В чем состояли социально-политические причины бюрократизации советской власти и большевистской партии?
4. Каковы причины формирования «левой оппозиции» в ВКП(б)?
5. В чем заключалась привлекательность ставки на строительство социализма в СССР во что бы то ни стало?
6. Почему политический и организационный раскол в ВКП(б) не привел к формированию «второй партии»?
7. Как бы вы могли оценить выдвигавшиеся в 20-е годы концепции движения к социализму (платформу партийного большинства, платформу «левой оппозиции», платформу группы сторонников Н.И.Бухарина)?
8. На какую социально-классовую базу опиралась советская власть в 20-е годы?
9. Какова была социально-экономическая роль бюрократии в СССР в 20-е годы? Можно ли назвать советскую бюрократию классом?
10. С какими противоречиями столкнулось развитие СССР на основах новой экономической политики? Какие предлагались варианты выхода из этих противоречий?
11. Можно ли охарактеризовать советскую социально-экономическую систему как государственный капитализм? Какие элементы государственного капитализма существовали в советском строе?
12. Какие основания есть для характеристики социально-политического строя СССР 20-х годов как разновидности бонапартизма?
13. Видите ли вы какие-либо основания для таких характеристик социально-экономического строя СССР 20-х – 30-х годов, как:
  - «запертый» капитализм;
  - буржуазная революция в оболочке раннесоциалистической;
  - социалистические по форме отношения, охватывающие неадекватное им содержание;
  - нецелостная система из разнородных социально-экономических элементов (каждый из которых так же носит нецелостный характер);
  - промежуточная между капитализмом и социализмом социально-экономическая система, неспособная обеспечить переход к коммунистическому обществу?

Литература для самостоятельного изучения:

Протоколы и стенограммы съездов РКП(б) – ВКП(б):

- X съезд РКП(б). 8 марта—16 марта 1921 г. Протоколы. М.: Партиздат, 1933.

- XIII съезд РКП(б). Май 1924 года. Стенографический отчёт. М.: Госполитиздат, 1963.
- XIV съезд ВКП(б) 18–31 декабря 1925 г.: Стенографический отчет. М.-Л., 1926.
- XV конференция ВКП(б) 26 октября — 3 ноября 1926 г.: Стенографический отчет. М.-Л., 1927.
- XV съезд ВКП(б). Декабрь 1927 г. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1961.
- XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.-Л.: Госиздат, 1930.
- (все эти стенограммы, кроме стенограммы XVII съезда, можно найти на сайте <http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KPSS/KPSS.html#014>)
- XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчёт. М.: Партиздат, 1934. <http://soviet-history.com/conspects/17svezd vkpb part1.php>

Выступления и статьи Бухарина посвященные проблемам первой пятилетки, коллективизации и политической линии Сталина:

- Бухарин Н.И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз. // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988.
- Бухарин Н.И. Заметки экономиста (1928)// Бухарин Н. И. Избранные произведения. М.: Экономика, 1990
- (Либо: Бухарин Н.И. Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года. 30 сент. 1928 г. // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988).
- Бухарин Н.И. Выступление на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 18 апреля 1929 г. // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989.

Выступления и статьи Сталина против левой оппозиции:

- Сталин И.В. Троцкизм или ленинизм? Речь на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС 19 ноября 1924 г. // Сталин И.В. Соч. Т.6.
- Сталин И.В. О возможности построения социализма в нашей стране. 10 февраля 1926 г. // Сталин И.В. Соч. Т.9
- Сталин И.В. Об оппозиционном блоке в ВКП(б). 26 октября 1926 г. // Сталин И.В. Соч. Т.9
- Сталин И.В. Троцкистская оппозиция прежде и теперь. Речь на заседании объединенного пленума ЦК и ЦИК ВКП(б) 23 октября 1927 г. // Сталин И.В. Соч. Т.10
- Партия и оппозиция. Речь на XVI Московской губернской партконференции 23 ноября 1927 г. // Сталин И.В. Соч. Т. 10

Выступления и статьи Сталина против «правого уклона», по вопросам коллективизации и ликвидации кулачества:

- О правой опасности в ВКП(б). Речь на пленуме МК и МКК ВКП(б) 19 октября 1928 г. // Сталин И.В. Соч. Т. 11
- Группа Бухарина и правый уклон в нашей партии. Из выступлений на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК ВКП(б) в конце января и в начале февраля 1929 г. (Краткая запись) // Сталин И.В. Соч. Т. 11

- О правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в апреле 1929 г. (Стенограмма) // Сталин И.В. Соч. Т. 12
- Год великого перелома. К XII годовщине Октября. // Сталин И.В. Соч. Т. 12
- Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 11-ое. М.: Госполитиздат. 1952.
- Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения // Сталин И.В. Соч. Т. 12
- К вопросу о политике ликвидации кулачества, как класса. // Сталин И.В. Соч. Т. 12
- Ответ товарищам свердловцам. // Сталин И.В. Соч. Т. 12

Все тома Сочинений И.В. Сталина смотри на сайте:

- <http://www.hrono.ru/libris/stalin/>

Статьи Преображенского, посвященные закономерностям становления социализма:

- Преображенский Е. Экономические заметки // Большевик. 1926. №6.
- Преображенский Е.А. Новая экономика (теория и практика): 1922 - 1928 гг. Т. I. Опыт теоретического анализа советского хозяйства; Т. II. Конкретный анализ советского хозяйства / Сост. М.М. Горинов, С.В. Цакунов. - М.: Изд-во Главархива Москвы, 2008
- Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления // Вопросы экономики. 1988. № 9.

Полемические работы Троцкого:

- Троцкий Л.Д. Новый курс. <http://maeister.msk.ru/librarv/trotsky/trotl015.htm>
- Троцкий Л.Д. Уроки Октября (с приложением критических материалов 1924 года). СПб.: Лениздат, 1991.
- Троцкий Л.Д. К социализму или к капитализму? М.-Л. 1926.
- Троцкий Л. Преданная революция (Что такое СССР и куда он идет?). М.: НИИ Культуры, 1991.
- Троцкий Л.Д. Классовая природа советского государства. Проблемы Четвертого Интернационала. <http://revkom.com/index.htm?biblioteka/bulleteni/36-37/01soderzhanie.htm>

Другие сочинения Троцкого можно найти в следующих источниках:

- http://polit-kniga.narod.ru/trotsky_book.html
- <http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/CW/>
- <http://maeister.msk.ru/librarv/trotsky/trotsky.htm>

Еще ряд работ Троцкого можно найти в этом источнике:

- Архив Троцкого в 9 томах. Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский. <http://www.lib.ru/TROCKIJ/>

Материалы левой оппозиции:

- Бюллетень Оппозиции (Большевиков-ленинцев)
- <http://web.mit.edu/people/fik/BO/index.html>

Материалы и документы по истории коммунистического сопротивления в СССР:

- Коммунистическая оппозиция в СССР, в 2-х т. М.: 1990.

Воспоминания французского анархиста, участника русской революции и оппозиции Сталину:

- Серж В. От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. М.: НПЦ «Праксис», Оренбург: Оренбургская книга, 2001.

Известный венгерский историк-русист, с марксистских позиций предлагает анализ альтернативных концепций развития СССР в 20-е годы XX века с объяснением причин победы сталинской линии:

- Краус Т. Советский термидор. Духовные предпосылки сталинского поворота (1917–1928). Венгерский институт русистики. Будапешт, 1997.

Самая известная биография Троцкого, раскрывающая его политическую позицию и причины его поражения:

- Исаак Дойчер. Троцкий. Безоружный пророк. 1921-1929. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.
- Исаак Дойчер. Троцкий. Изгнанный пророк. 1929-1940. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.

Эти книги с различных сторон анализируют существо социально-экономических проблем, вызвавших внутреннюю борьбу в большевистской партии:

- Колганов А.И. Путь к социализму: трагедия и подвиг. М.: Экономика, 1990.
- Мандел Э. Власть и деньги. Общая теория бюрократии. М.: Экономическая демократия, 1992.
- Роговин И.З. Серия книг «Была ли альтернатива?» (Первые две: Троцкизм: взгляд через годы, М.: Терра, 1992; Власть и оппозиции. М.: Товарищество «Журнал Театр», М.: 1993).

О «бюрократическом коллективизме»:

- Роговин И.З. Конец означает начало. Часть 2, гл. XVII – XVIII. М.: 2002
- Воспоминания одного из немногих уцелевших участников левой оппозиции:*

- Абрамович И.Л. Воспоминания и взгляды. В двух книгах. М.: ООО студия "КРУК". 2004
- <http://www.lib.ru/MEMUARY/ABRAMOWICH/abramowich1.txt>
- <http://www.lib.ru/MEMUARY/ABRAMOWICH/abramowich2.txt>

Концепция строя СССР как госкапитализма (основоположником этой концепции был известный немецкий левый коммунист Отто Рюле, высказавший ее еще в 1921 году, затем на этих позициях стояла «рабочая оппозиция», «децисты» и группа Смирнова-Сапронова, однако развернутого теоретического обоснования они не дали):

- Тони Клифф. Государственный капитализм в России
- <http://www.marksizm.info/content/view/5155/60>
- или: <http://revsoc.org/archives/891>

Этот автор «открыл» госкапитализм в СССР независимо от Тони Клиффа:

- Здоров А.А. Государственный капитализм и модернизация Советского Союза: Марксистский анализ советского общества. Серия "Размышляя о марксизме". Изд. 3-е. М.: URSS, 2007.

ГЛАВА 33

ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОГО СТРОЯ ОТ РАСКОЛА ВКП(б) ДО КОНЦА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

33.1. Раскол в ВКП(б) и «большой террор»

Раскол в ВКП(б), выразившийся в массовых политических чистках, набравших обороты с 1927 года, усилившихся в 1933-35 гг., дополнившихся постановкой политических процессов против оппозиции с 1936 года и «большим террором» 1937-1938 гг., сначала сильно изменил лицо правящей партии, а затем привел к ее полному переждению.

К 1939 году, как персональный состав партии, так и ее уставные и программные принципы претерпели радикальные изменения. Старая «партийная гвардия» была полностью уничтожена если не физически, то, во всяком случае, политически. Партийная программа фактически была отправлена в мусорную корзину, а неоднократно пересматривавшийся устав партии (и в еще большей степени – внутриорганизационные инструкции) делал ее послушным орудием в руках бюрократической верхушки, превратившейся в самоназначенную касту.

Сегодня эти процессы оцениваются различным образом. Для либеральных антикоммунистов разгром Сталиным старой ВКП(б) является воздаянием большевикам за все их прегрешения перед «Россией, которую мы потеряли», и одновременно одним из лучших свидетельств кровожадной натуры коммунистического режима. Для националистов-державников уничтожение большевиков (главный грех которых – и в этом «красные» националисты согласны с «белыми» – заключался в их интернационализме) так же является воздаянием за Октябрь и несомненным благом для России, которую Сталин стал превращать в «нормальную» великую державу, отстаивающую в первую очередь свои национальные интересы. Для догматических наследников КПСС остается в силе сталинская легенда о «врагах народа» (которую не прочь использовать и националисты).

Однако реальный смысл этих процессов невозможно понять в том случае, если игнорировать – как это делают представители всех перечисленных выше точек зрения – социально-экономическую эволюцию СССР в этот исторический период и связанную с нею внутреннюю борьбу в ВКП(б).

Политическая проблема для сталинской фракции в ВКП(б) заключалась в том, что для нее фактически произошедший отказ от многих фундаментальных целей, связанных с попыткой строительства социализма, не мог сопровождаться отказом от политического и идеологического наследия великой революции. В результате в одной партии на какой-то период времени оказались сведены вместе и сторонники курса на модернизацию страны методами бюрократической централизации ради построения «великой державы», и сторонники активной поддержки мирового революционного движения ради создания условий для социалистического строительства в СССР при опоре на инициативу рабочего класса.

Однако и те, и другие выдвигали свои цели примерно в одной и той же идейно-политической оболочке (что подчас вызывает у некоторых дилетантов искушение заявить, что реальных серьезных разногласий между Сталиным и оппозицией не было, а была лишь грызня за власть).

Поэтому Сталин не мог устранить своих политических конкурентов внутри ВКП(б) путем открытого противопоставления им своей программы, которая на деле резко отличалась от официальной 2-й программы партии. Он вынужден был идти путем политической интриги (1922-1926 гг.), к которой, после завоевания монополии во всех средствах пропаганды, добавилась массивная компания очернения противников. Затем, с конца 20-х годов – эпизодически, а с начала 30-х годов – все шире и шире Сталин стал применять методы полицейской провокации и инквизиторские методы судебного преследования.

Однако эти методы привели лишь к тому, что наиболее радикальная часть оппозиции продолжала работать вне ВКП(б), а более пассивные члены партии, недовольные сталинским курсом, не решаясь проявлять свои настроения открыто, продолжали занимать видное место в партийной структуре. Грубые просчеты Сталина, совершенные им в экономической политике в период 1929-1933 годов, вызвали глухое брожение и среди этой пассивной части, время от времени прорываясь в оппозиционных выступлениях бывших верных соратников товарища Сталина. Эволюция политической практики сталинского руководства, отходящая от идеалов Октября, – насаждение внутри партии режима личной власти, выстраивание системы льгот и привилегий для бюрократии, бюрократическое удушение

любых инициатив снизу, ликвидация последних элементов демократии вне партии и т.д. – все это также вызывало чувство протеста у так называемой старой партийной гвардии.

Таким образом, политическое положение в первой половине 30-х годов характеризовалось наличием потенциальной оппозиции, тем более опасной, что невозможно было предсказать, кто именно, в каких масштабах и когда может вновь предпринять оппозиционные выступления. Кроме того, «левая оппозиция», загнанная в подполье, не была разгромлена полностью, и нельзя было исключить, что она решится воспользоваться участвовавшими в начале 30-х годов вспышками недовольства в рабочем классе (на что она самом деле не решилась). Опасался Сталин и оппозиционной деятельности представителей прежних господствующих классов, особенно тех из них, кто занимал позиции в государственном аппарате.

Сталин нашел выход в проведении массовой превентивной чистки против всех слоев, в которых могли находиться потенциальные оппозиционеры. Создание предлога для такой чистки было облегчено Сталину тем, что общественная атмосфера уже была подготовлена целым рядом процессов против «вредителей» (дело Промпартии, дело Трудовой Крестьянской партии, дело Союзного бюро ЦК РСДРП, дело «Весна» против старых военных специалистов и т.д.). Для объяснения собственных ошибок и неудач искусственно раздувались масштабы вылазок классовых врагов. Чтобы оправдать расширение репрессий, был выдвинут и соответствующий теоретический тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Коллективизация, серьезно ударившая по интересам значительной части крестьянства, и озлобившая многих пострадавших в ходе раскулачивания, привела к тому, что мнимые предлоги для этих репрессий отчасти превратились в реальные.

Однако готовых предлогов, чтобы повернуть репрессии против массы своих соратников по партии, еще не имелось, и даже убийства С.М.Кирова оказалось недостаточно, ибо к нему невозможно было пристегнуть всех потенциальных противников. И тогда Сталин пошел на развязывание поистине всеобщей истерии по поиску «врагов народа», лиц, связанных с «врагами народа», не проявивших бдительность к «врагам народа», или недостаточно активно боровшихся с «врагами народа».

Чем шире развертывалась кампания доносительства и террора, чем больше вовлекалось жертв в ее орбиту, тем больше оказывалась оснований расширять круг вовлеченных. Обвинений во вредительстве или в антисоветской контрреволюционной деятельности оказалось для этого уже недостаточно, и в ход пошли «измена родине» и «террористическая деятельность». За исключением небольшого кру-

га представителей верхушки партийно-государственного руководства (по отношению к которым Сталин персонально испытывал ревнивые опасения – отчасти небезосновательно), эта кампания не была направлена против конкретных личностей. Было необходимо создать атмосферу страха и всеобщей подозрительности, при которой самая мысль о каких-либо выступлениях против Сталина была бы парализована.

То, что при таком подходе жертвами «большого террора» стало множество искренних сторонников самого Сталина, нисколько его не волновало. Главное, что цель была достигнута. И, когда нарастающая волна доносов и арестов стала грозить развалу всей системе партийно-государственного управления, Сталин выступил в роли благодетеля, остановившего кровавые чистки, и поставил к стенке некоторых из тех, кто верно исполнял его руководящие указания по разоблачению «шпионов» и «убийц», взвалив на них ответственность за развязанный им самим террор.

Политическая цель была достигнута. Те факты, что в стране посеяно недоверие к руководителям и специалистам, что взаимная подозрительность, доносительство и сведение счетов получили широчайшее распространение, что кадры хозяйственников, инженерно-технических специалистов, военачальников, а также кадры разведки и контрразведки, выполнявшие действительную работу по защите СССР, в значительной степени обескровлены, были лишь «допустимыми издержками» политического успеха.

33.2. Эволюция советского строя в 30-е годы

Период политических чисток и последовавшего за ними «большого террора» совпал со значительной эволюцией советского строя. Были ликвидированы основы существования остатков как капиталистических классов, так и мелкой буржуазии. Была создана современная крупная промышленность и в связи с этим резко выросла численность рабочего класса, технических специалистов и городского населения вообще. Была в общем ликвидирована неграмотность.

Быстрые и глубокие сдвиги в социальной структуре населения привели к широкому распространению явлений социальной маргинализации – множество людей было вырвано из привычной среды обитания, утратило прежние социальные ориентиры и с трудом осваивало новые. Это явление касалось не только миллионов крестьян, вырванных из деревни и пополнивших ряды городского рабочего класса. Аналогичные проблемы были и у быстро растущего слоя новых советских специалистов, многие из которых вступали на свой

жизненный путь вне прямой связи со сложившимися старыми научными и техническими школами. Черты маргинальности были свойственны и молодой поросли советской бюрократии, внезапно, в ходе «большого террора», призванной занять освободившиеся посты, перепрыгивая сразу через несколько служебных ступенек. Стоит заметить, что практически все предперестроечное (брежневское) Политбюро ЦК КПСС состояло из таких выдвинутцев.

Эти социальные сдвиги облегчали бюрократической верхушке манипулирование населением, не приобретшим еще устойчивого классового положения и классового самосознания, и потому склонным ориентироваться на навязываемые «сверху» нормы, правила, и текущие политические установки.

В этой обстановке вполне можно было принимать «самую демократическую в мире конституцию» и объявлять социализм в СССР в основном построенным. При всем скептическом отношении к реальности провозглашаемых конституцией 1936 года прав и свобод, принятие нового основного закона имело и вполне практические последствия. Изменилась конструкция государственной власти в сторону движения от советской системы к парламентской. Высшим законодательным органом государственной власти стал не Съезд Советов, а Верховный Совет. Это изменение отодвинуло от участия (пусть уже практически декоративного) в деятельности высших органов государственной власти тех депутатов Советов, которые работали на местах и имели некоторую связь с рядовыми гражданами. Их заменили прямо избираемые депутаты Верховного Совета, многие из которых не имели никаких корней в системе местных Советов, и зависели только от организующей их избрание партийной верхушки.

Провозглашение социализма в основном построенным означало, что Сталин выписал сам себе индульгенцию за все грехи, совершенные в ходе социалистического строительства. Ведь все делалось ради победы социализма – не так ли? – а раз она достигнута, то победителей не судят. Сдвиги в социально-экономической системе СССР за 1929–1936 годы, действительно, произошли глубочайшие. Но какое отношение они имели к построению социализма, я уже пытался показать выше.

33.3. Сдвиги в международном положении СССР

За этот же период произошли весьма существенные сдвиги в международном положении СССР. С одной стороны, несомненные успехи в создании современной промышленности (особенно на фоне Великой депрессии) привели к укреплению авторитета СССР в мире

и позволили значительно укрепить вооруженные силы. С другой стороны, с приходом к власти в Германии нацистов стала расти военная угроза.

Проводимая Сталиным через Коминтерн линия на отказ от всякого сотрудничества с социал-демократами, и более того, объявление главной опасностью в рабочем движении левых социал-демократов, эксплуатация тезиса о «социал-фашизме», препятствовали сплочению рабочего движения перед лицом фашистской опасности, сыграв свою роль в политическом успехе Гитлера. Лишь когда продолжение сектантской тактики перед лицом угрозы фашизма привело к тяжелым политическим поражениям, а агрессивный характер замыслов нацистов стал проявляться все отчетливее, начался пересмотр прежних установок. На VII конгрессе Коминтерна в 1935 году была провозглашена тактика единого фронта с социал-демократами для борьбы с фашизмом, а на дипломатическом уровне стали предприниматься попытки создания антинацистской коалиции.

Однако потенциальные союзники по антигитлеровской коалиции преследовали свои собственные интересы и не хотели доверять друг другу. Это достаточно ясно проявилось во время гражданской войны в Испании в 1936-39 годах и аннексии Чехословакии в 1938 году.

Западные державы во время гражданской войны в Испании заняли позицию «невмешательства», введя эмбарго на поставки оружия, как республиканскому правительству Испании, так и мятежникам генерала Франко. Фактически, в условиях неприкрытой военной поддержки Франко со стороны фашистских правительств Италии и Германии, это была линия на военно-политическую изоляцию законного правительства Испании. Муссолини послал в Испанию целый экспедиционный корпус, Гитлер поставлял оружие и прислал авиационные части («Легион Кондор»). Англия и Франция в 1939 году открыто перешли на сторону Франко, ускорив падение правительства Народного фронта.

Коминтерн и некоторые участники социал-демократического движения организовали приезд в Испанию добровольцев, из которых были сформированы интернациональные бригады. СССР направлял в Испанию военных советников, военных специалистов (летчиков, танкистов, диверсантов и т.д.), поставлял оружие и военную технику. На эффективности советской и интернациональной военной помощи резко негативно сказалось вмешательство Сталина во внутривнутриполитические дела Испании, привнесение атмосферы подозрительности против инакомыслящих, что привело к обострению отношений между компартией Испании, организацией ПОУМ и анархистами. При-

менение методов террора, полицейской провокации и судебных подлогов против не устраивавших Сталина политических течений и их лидеров на самом левом фланге, при поддержке наиболее примиренческих фракций испанских социалистов, ослабляло революционный потенциал Народного фронта.

В вопросе о территориальных претензиях Гитлера к Чехословакии Англия и Франция заняли крайне недалёковидную позицию, пытаясь использовать Чехословакию как разменную монету для удовлетворения appetитов нацистов. При этом преследовались две цели.

Первая – снять непосредственную угрозу столкновения интересов Германии с интересами Англии и Франции на европейском континенте и отвести тем самым угрозу войны. Вполне понятное желание избежать войны, покоилось, однако, в данном случае, на грубом политическом просчете: одна Чехословакия не могла удовлетворить Гитлера – ему нужен был глобальный пересмотр баланса сил в Европе, и каждая уступка лишь укрепляла его в этом желании.

Вторая цель, которая не ставилась непосредственно, но реализация которой имелась в виду как вероятность ближайшего будущего – канализировать агрессивные устремления Гитлера на Восток.

Поэтому Англия и Франция (которая открыто нарушила свои союзнические обязательства перед Чехословакией) под угрозой применения совместно с Гитлером военной силы заставили Чехословакию принять Мюнхенский договор 1938 года. Этот договор не только отдавал Германии Судетскую область, но и привел вскоре к аннексии Гитлером всей Чехии и образованию на месте Словакии марионеточного прогерманского государства. Англия и Франция предпочли забыть о тех гарантиях целостности Чехословакии, которые они давали по Мюнхенскому договору.

Правящие круги Чехословакии в этих условиях не решились воспользоваться предложенной СССР военной помощью даже для того, чтобы использовать ее возможность как предлог для выторговывания для себя уступок и гарантий на переговорах.

Вскоре растущие аппетиты Гитлера стали вызывать беспокойство правящих кругов Англии и Франции. Аншлюс (поглощение) Австрии в 1937 году, захват Чехословакии в 1938 году, открытая демонстрация военных мускулов в Испании, территориальные претензии, предъявляемые Польше – все это свидетельствовало об опасности дальнейшего развития нацистской агрессии в Европе. Масла в огонь подливала и итало-эфиопская война. И на вопрос о том, против кого будет направлен очередной выпад Гитлера или Муссолини, не было однозначного ответа. Поэтому весной 1939 года Англия и Франция вступили в военные переговоры с СССР.

Эти переговоры с самого начала развивались в атмосфере взаимного недоверия. Англия и Франция стремились получить от СССР односторонние обязательства в случае их конфликта с Германией, но при этом не шли на серьезное решение вопроса о пропуске советских войск через польскую территорию. Кроме того, их правящими кругами не было принято окончательного политического решения о союзе с СССР, о чем свидетельствовали инструкции, данные военным делегациям. Сталин стремился зажать своих потенциальных союзников в угол, навязывая им скорейшее принятие всеобъемлющего соглашения, что позволяло ему представить любые проблемы в ведении переговоров как стремление к их оттяжке и срыву.

Каждая сторона защищала на переговорах свои интересы, пытаясь подставить под возможный удар Гитлера прежде всего своих союзников.

Заключение в августе 1939 года пакта «Риббентроп-Молотов» было логичным шагом в защите национальных интересов СССР. Однако Сталин использовал возможности, вытекавшие из этого договора, таким образом, что чрезвычайно осложнил отношения с соседними странами, что ослабляло потенциал отпора агрессии, и создало значительные и исторически долгосрочные проблемы в межнациональных отношениях.

СССР имел право занять территорию Западной Украины и Западной Белоруссии в условиях распада польского государства. Но совсем ни к чему было сопровождать это антипольскими политическими выпадами.

В условиях лишь временно отсроченного противостояния с Германией СССР не мог допустить вовлечения стран Прибалтики в орбиту влияния «третьего рейха», тем более что значительная часть населения этих стран поддерживала присоединение к СССР. Но грубо аннексионистские приемы интеграции балтийских стран в СССР крайне обострили отношения с населением этих республик.

СССР должен был решить проблему уязвимости границы вблизи Ленинграда, хотя бы даже и военным путем. Но совсем ни к чему было сопровождать эти меры демонстрацией намерения уничтожить независимость Финляндии.

СССР был заинтересован в дипломатическом и экономическом сотрудничестве с Германией (которое позволяло, помимо всего прочего, модернизировать военную промышленность СССР). Но совсем ни к чему было едва ли не полностью переходить на нацистскую точку зрения в своей внешнеполитической пропаганде, да еще и навязывать эту точку зрения партиям Коминтерна.

Но и позиция западных держав в отношении агрессии Гитлера отнюдь не была безупречной. Давая Польше военные гарантии, ко-

торые они на деле не собирались выполнять (обещание Франции на 15-й день войны начать наступление главными силами своих сухопутных войск), они подталкивали Польшу к тому, чтобы не покупать мир ценой уступок Гитлеру. Фактически эта политика привела к тому, что Польша стала жертвой нацистов и тем самым Германия получила возможность непосредственного военного соприкосновения с СССР.

Могут возразить – но ведь Франция и Англия объявили войну Германии и вели военные действия на суше, на море и в воздухе, пусть и не слишком интенсивные. Они же не стали на этот раз избегать прямого военного столкновения с Гитлером? Да, не стали. Однако их участие в военных действиях носило лишь характер предупредительной демонстрации – Гитлер может делать, что хочет, на Востоке, реально не опасаясь удара в спину, но ему не следует обращать свои устремления на Запад. Там его ждет решительный военный отпор.

Это опять был просчет – одной лишь демонстрацией силы Гитлера было не остановить, а для действительного отпора ему Англия и в еще большей мере – Франция, оказались не готовы ни в военном, ни в идеологическом, ни в морально-психологическом отношении.

33.4. СССР в условиях нацистской агрессии

Агрессия нацистской Германии против СССР, начавшаяся 22 июня 1941 года, высветила как сильные, так и слабые стороны советского общества.

Проведенная индустриализация и создание системы планового хозяйства, в том числе в аграрном секторе, существенно увеличили военно-мобилизационные возможности советского государства. Была создана достаточно современная военная промышленность, позволившая оснастить РККА военной техникой и вооружением, сопоставимым по качеству с вооружением германской армии. Плановое управление экономикой позволяло достичь небывалой для других воюющих стран степени концентрации хозяйственных ресурсов на обеспечении военных нужд.

Однако полностью преодолеть военно-техническое отставание от Германии не удалось. Еще в меньшей степени удалось решить задачу подготовки военных кадров и мобилизационного контингента на уровне, который был бы достаточен для противостояния вермахту. Эти препятствия носили в основном объективный характер и были обусловлены краткостью исторических сроков, отпущенных СССР для решения указанных задач.

Следует обратить внимание также на тот факт, что методы проведения индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, методы укрепления государственной власти, применявшиеся в предвоенное десятилетие, привели к значительному обострению социально-политической напряженности в СССР. Значительная часть крестьянства относилась к проведенным преобразованиям отрицательно. Немалое число людей, затронутых политическими чистками и различными формами политической дискриминации, так же образовало слой потенциальных недоброжелателей советской власти.

В то же время нельзя отрицать и значительного влияния официальной советской идеологии, и высокого уровня сплочения большинства населения вокруг существующей власти, или, по крайней мере, лояльности его к этой власти. Заметный слой советских людей был активным приверженцем коммунистической идеологии и видел в официальных партийных руководителях, прежде всего в Сталине, олицетворение всех тех реальных успехов, которые были достигнуты СССР под коммунистическими лозунгами.

Значительный запас экономической и политической прочности советской системы, равно как и образование широкой антигитлеровской коалиции были главными факторами, обеспечившими СССР победу в войне. Материальная помощь западных союзников имела для СССР существенное значение. Но не следует забывать, что оборотной стороной этой помощи был тот факт, что СССР вынес на себе основную тяжесть военных действий против гитлеровской Германии. Ленд-лизом США и Великобритания оплачивали свое неучастие в войне против Гитлера в Европе в наиболее напряженные периоды боевых действий.

33.5. Влияние Победы на внутренне и внешнее положение СССР после войны

Победа СССР и активное участие коммунистических партий в движении Сопротивления в годы войны заметно изменили баланс социально-политических сил в мире. Авторитет СССР, равно как и влияние коммунистических партий, существенно выросли, и это сказалось на послевоенном устройстве мира.

Победа в войне не могла не сказаться и на внутреннем социально-политическом положении в СССР. Политическая система, основанная на подавлении инициативы и самостоятельности граждан, на мелочном идеологическом контроле, уже во время войны пришла в противоречие с задачами мобилизации всех сил на отпор нацистской агрессии. Поэтому во время войны происходит ослабление некото-

рых крайностей сталинского режима, фактически допускается несколько большая мера инициативы и самостоятельности в тех вопросах, от решения которых непосредственно зависело выживание страны в схватке с агрессором.

Народ, одержавший победу в великой войне, был проникнут закономерными ожиданиями, что это достижение встретит отклик со стороны власти в виде более высокой меры доверия и внимания к «простому человеку». Однако власть, напротив, стремилась ужесточить контроль над гражданами. Это нашло отражение в новой волне репрессий, поводом к которым служили не только карьерные интриги в политической верхушке («ленинградское дело» и т.п.), но и подавление инакомыслия. Именно в этот период в СССР появляются небольшие молодежные подпольные группы, выступающие против сталинского режима под коммунистическими лозунгами. Их реальная роль была ничтожна, но они были симптомом более широкого недовольства, распространявшегося среди граждан СССР.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Почему политический раскол в ВКП(б) сопровождался глубокими переменами в персональном составе, уставных нормах и фактических программных установках в оставшейся части ВКП(б)?
2. Какие существуют версии для объяснения широкого размаха политического террора в СССР в 30-е годы? Почему острие этого террора было направлено против членов ВКП(б)?
3. В чем причины вспышки «большого террора» в 1937-38 годах?
4. Каковы были изменения в социальной базе советского строя в 30-е годы XX века? Как они повлияли на состояние политической системы СССР?
5. Как изменилась в середине 30-х годов XX века позиция ВКП(б) и Коминтерна по отношению к социал-демократии?
6. Как во второй половине 30-х годов XX века менялось международное положение СССР?
7. Какие сильные и слабые стороны советского строя выявились в ходе отпора нацистской агрессии?
8. Какое влияние оказала Победа в Великой Отечественной войне на внешнее и внутреннее положение СССР?

Литература для самостоятельного изучения:

Материалы съездов ВКП(б):

- XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчёт. М.: Партиздат, 1934. <http://soviet-history.com/conspects/17svezd vkob part1.php>
- XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1939. [Div-ZIP] <http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KPSS/ KPSS.html#014>

Сталин о «большом терроре»:

- О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года // Сталин И.В. Соч. Т. 14
- Заключительное слово на Пленуме Центрального Комитета ВКП(б) 5 марта 1937 года (стенографический вариант). // Сталин И.В. Соч. Т. 14
- <http://www.hrono.ru/libris/stalin/>

Анализ Троцким природы социально-экономического и политического строя СССР 30-х годов:

- Троцкий Л.Д. Классовая природа советского государства. Проблемы Четвертого Интернационала
- <http://revkom.com/index.htm?biblioteka/bulleteni/36-37/01soderzhanie.htm>
- Троцкий Л. Преданная революция (Что такое СССР и куда он идет?). М.: НИИ Культуры, 1991.

Наиболее детальное изложение истории левой оппозиции в связи с развитием социально-экономических и политических противоречий советского строя:

- Роговин И.З. Серия книг «Была ли альтернатива?» (Последние пять: Сталинский неонэп. М.: 1994; «1937». М.: 1996; Партия расстрелянных. М.: 1997; Мировая революция и мировая война. М.: 1998; Конец означает начало. М.: 2002).

Самая известная биография Троцкого, раскрывающая его политическую позицию и причины его поражения:

- Исаак Дойчер. Троцкий. Изгнанный пророк. 1929-1940. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006.

Материалы и документы по истории коммунистического сопротивления в СССР:

- Коммунистическая оппозиция в СССР, в 2-х т. М.: 1990.

Воспоминания французского анархиста, участника русской революции и оппозиции Сталину:

- Серж В. От революции к тоталитаризму. Воспоминания революционера. М.: НПЦ «Праксис», Оренбург: Оренбургская книга, 2001.

Эти книги с различных сторон анализируют существо проблем, вызвавших внутреннюю борьбу в большевистской партии. В двух последних, кроме того, содержится анализ некоторых вопросов, связанных с Великой Отечественной войной:

- Шубин А. АнтиТеррор Сталина. М.: Яуза: Эксмо, 2010.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Сталин и распад СССР. М.: URSS, 2007.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. 10 мифов об СССР. М.: Яуза: Эксмо, 2010.

Здесь вы найдете неплохую документальную базу по историческим событиям первых двух третей XX века:

- Гафурова Б.Г., Зубока Л.И. Хрестоматия по Новейшей истории в трёх томах. Том 1 (1917-1939). Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1960.
<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000129/index.shtml>

- Гафурова Б.Г., Зубока Л.И. Хрестоматия по Новейшей истории в трёх томах. Том 2 (1939-1945). Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1960.
<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000022/index.shtml>
- Гафурова Б.Г., Зубока Л.И. Хрестоматия по Новейшей истории в трёх томах. Том 3. Часть 1 (1945-1960). Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1961.
<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000020/index.shtml>

Следующая группа источников освещает не только деятельность Коминтерна, но и те исторические обстоятельства, в которых эта деятельность осуществлялась:

- Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. — М.: Издательство политической литературы, 1969.
- Коминтерн против фашизма. Документы. — М.: Наука, 1999
- Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. — М.: Наука, 2001.

Глава 34

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В XX ВЕКЕ

34.1. «Мировая реформа» или мировая революция? Социальный компромисс или «класс против класса»?

В период между двумя мировыми войнами социалистическое и социал-демократическое движение явным образом эволюционировало в сторону классового сотрудничества с капиталистами. Участие социал-демократов в буржуазных правительствах уже не ставилось под сомнение, а лозунг конструктивного сотрудничества с буржуазным государством провозглашался открыто, как естественный шаг в политической защите интересов рабочих в обстановке, когда нет условий для революции.

Тем не менее, поскольку буржуазные правительства без острой нужды не стремились предоставлять министерские посты социал-демократам, последние вели и оппозиционную политику, прибегая к средствам давления на свою буржуазию (крупные стачки, организация массовых полувоенных формирований). Часть социал-демократии еще не отказалась полностью и от революционных методов борьбы, о чем наглядно свидетельствуют попытки вооруженных выступлений в 1927 и в 1934 годах, возглавленные военизированной организацией австрийских социал-демократов – шуцбундом (которые, однако, не получили поддержку лидеров социал-демократии).

До середины 30-х годов, даже в условиях обострения бедствий рабочего класса в условиях «Великой депрессии» 1929-1933 годов, социал-демократы почти нигде не прибегали к совместным действиям с коммунистами. Причина этого лежала не только в сектантской политической линии Коминтерна, но и во встречном нежелании вождей социал-демократии сотрудничать с коммунистами, что доходило вплоть до запрещения членам социал-демократических партий вступать с коммунистами в какие-либо контакты.

Лишь победа нацистов в Германии побудила социал-демократию (как и коммунистов) перейти к попыткам совместных действий. Наиболее известные примеры политических коалиций социал-демократов и социалистов с коммунистами, пришедших к государственной власти – республиканское правительство в Испании в 1936-1939 годах и правительство Народного фронта во Франции в 1936-1938 годах. Однако эти правительства, хотя и организовавшие отпор наступающему фашизму, и проводившие ряд реформ в интересах рабочего класса, оказались неспособными вести борьбу за социалистические цели.

В ряде социал-демократических партий была не просто провозглашена политика конструктивного сотрудничества с буржуазией, а выдвинут принцип конструктивного служения буржуазному обществу даже в случае прихода социал-демократов к власти. Это был еще один шаг на пути отказа от социалистических целей. Теперь под сомнение ставилась уже не социалистическая революция, а фактически даже сколько-нибудь глубокие социальные реформы, серьезно задевающие интересы буржуазии.

Однако если революционность социал-демократии уходила в прошлое, то социал-реформизм еще не был сдан на слом, и давление организованного рабочего класса побуждало социал-демократов бороться за реформы. Для такой борьбы возникли довольно благоприятные обстоятельства по мере того, как СССР на фоне Великой депрессии демонстрировал впечатляющие темпы роста. Затем советская экономика начала выбираться из первоначальных трудностей ускоренной модернизации и во второй пятилетке (1933-1937 гг.) обеспечила дальнейшие успехи проводимой политики индустриализации и сдвиги к лучшему в коллективизированном сельском хозяйстве. Пример СССР оказался мощным рычагом давления на буржуазные правительства, которые в ряде случаев вынуждены были идти на реформы, чтобы удержать свой рабочий класс от искушения последовать по советскому пути.

Советская система в СССР была обременена множеством проблем, и на деле не столь уж далеко продвинулась по социалистическому пути (как я попытался показать выше). Однако даже такая,

усеченная, внутренне неоднородная, деформированная альтернатива мировой капиталистической системе оказала на развитие последней колоссальное влияние. *Одна лишь демонстрация возможности существования жизнеспособной альтернативы, создающей социальные преимущества для класса наемных работников, заставляла капитализм меняться.* Тем более, что эта осязаемая альтернатива подкреплялась давлением классовой борьбы внутри капиталистических стран.

Если символом альтернативы мировой капиталистической системе был СССР, то ее персонифицированным выражением стал Сталин. Именно этим объясняется его огромный авторитет в левом движении всего мира, даже среди социал-демократии, не питавшей симпатий ни к большевизму вообще, ни к репрессивным методам сталинской власти в особенности.

Давление примера СССР подталкивало буржуазные правительства к поиску классового компромисса с пролетариатом, и тем самым укрепляло антиреволюционные, реформистские элементы в социал-демократии, позволяя им демонстрировать осязаемые успехи своей реформистской тактики. Тот факт, что успех реформизма был побочным продуктом революции, оставлялся без внимания.

34.2. Победа буржуазного реформизма в социал-демократическом движении

Буржуазия ряда развитых стран стала продвигаться все дальше и дальше по пути компромисса с пролетариатом. И социал-демократия оказалась весьма действенным социально-политическим инструментом этого компромисса. С одной стороны, она использовала и альтернативу СССР, и борьбу рабочих капиталистических стран в качестве рычага давления на буржуазные правительства. С другой стороны, она демонстрировала готовность не подвергать сомнению основы капиталистического порядка, а ограничиваться лишь теми или иными – пусть и весьма существенными – уступками в пользу наемных работников. Тем самым рабочие получали возможность практически улучшить свое положение, буржуазия – отвести угрозу революционного взрыва, а социал-демократия – закрепить за собой достойное место в политическом истеблишменте.

Дальнейшие успехи в борьбе за частичные уступки привели укреплению позиций социал-демократии, а так же и к эволюции ее собственной политической и идейной платформы. Происходил дрейф от наследия революционности к социал-реформизму – на ле-

вом фланге социал-демократии, и от социал-реформизма к буржуазному реформизму – на правом.

Политика компромисса буржуазии с рабочим классом не везде была связана с политическим влиянием социал-демократии. Так, например, в крупнейшей и ведущей стране капиталистического мира – США – сколько-нибудь заметное социал-демократическое движение так и не сложилось. И в период между двумя мировыми войнами проводником курса социального компромисса там стала демократическая партия во главе с президентом США Ф.Д. Рузвельтом, избранным на пике Великой Депрессии – в 1932 году.

Окончательно направление дрейфа социал-демократии в направлении буржуазного реформизма определилось после Второй мировой войны. В какой-то мере выбор политической позиции социал-демократии определялся условиями, схожими с условиями Первой мировой войны: социал-демократам предстояло еще раз определить свое отношение к сотрудничеству со своими буржуазными государствами. И они сделали свой выбор: социал-демократия в целом поддержала позицию противостояния ведущих капиталистических держав «советскому блоку», внося вклад в развитие «холодной войны».

Соответственно этому выбору менялись и идейно-политические установки социал-демократии. С остатками революционности и традиционными марксистскими формулами в программных документах социал-демократических партий было в основном покончено в конце 40-х – начале 50-х годов XX века. Был провозглашен открытый отказ от марксизма как идейной платформы социал-демократии. Большинство социал-демократических партий в своих идейных ориентирах сделало явный или неявный выбор в пользу концепций в духе «этического социализма». Эти концепции сводили социализм к набору морально-нравственных принципов, приближение к которым может продолжаться бесконечно, и порывали с прежними взглядами, согласно которым социализм понимался как определенная общественная система, приходящая на смену капитализму.

Такой подход делал стратегические ориентиры социал-демократии сколь угодно расплывчатыми и тем самым позволял принимать тактические решения по существу произвольным образом. Тем самым открывалась в перспективе малопочтенная возможность полного перехода на позиции обыкновенного буржуазного реформизма и фактической утраты самоидентификации социал-демократии.

Тем не менее, в середине XX века этот процесс еще только начинался, и у буржуазии, напуганной формированием мировой социалистической системы, социал-демократия и другие отряды организованного рабочего движения могли вырвать немалые уступки. Имен-

но к послевоенному периоду относится полное развертывание политики уступок и компромиссов, начатой после Октября 1917 года – того, что можно назвать «мировой реформой», заменившей и отсрочившей мировую революцию, но в то же время бывшей прямым продуктом этой революции, пусть и не удавшейся.

Капитализм, опираясь на социальные компромиссы, сформировав «государство всеобщего благосостояния», и введя в действие разнообразных рычагов регулирования движения частного капитала, обеспечил довольно быстрый рост в 50-е – начале 70-х годов XX века. А вместе с этим ростом росли и возможности увеличения благосостояния наемных работников и увеличения социальных расходов буржуазного государства.

34.3. Отношения между различными политическими течениями в рабочем движении

Отношения между коммунистами и социал-демократами испытывали на протяжении последних трех четвертей XX века неоднократные эволюции. Взаимное отчуждение, нараставшее во второй половине 20-х – начале 30-х годов, сменилось с середины 30-х осторожными попытками проведения тактики единого фронта. С началом Второй мировой войны сближение коммунистов и социал-демократов перед лицом общего врага (особенно в странах, оккупированных нацистами), получило мощный толчок на основе реальной совместной борьбы против гитлеровской агрессии. Однако это сближение оказалось непрочным.

Социал-демократы, как было сказано выше, вскоре оказались перед выбором – следовать ли вновь за политикой «своих» буржуазных государств, развязавших «холодную войну», возглавивших антикоммунистический крестовый поход и начавших кровавое подавление национально-освободительного движения в колониях?

Выбор был сделан однозначный. Социал-демократы и социалисты изгнали своих недавних союзников-коммунистов из коалиционных правительств во Франции и Италии, и практически повсеместно поддержали политику их выдавливания из аппарата профсоюзного движения. Ряд социал-демократических и социалистических правительств нисколько не чурался ведения колониальных войн. Антикоммунизм стал их официальной идеологической линией.

Лишь в 70-е – 80-е годы XX века в ряде стран вновь наметились попытки союза коммунистов и социалистов (социал-демократов), но нигде они не продвинулись далее создания парламентских коалиций,

поддерживающих социалистические правительства (Чили в 1970-1973, Франция в 80-е гг.).

Авторитет коммунистов, значительно укрепившийся благодаря активной антинацистской борьбе в годы Второй мировой войны, стал постепенно ослабевать. Это происходило как под влиянием очевидной неспособности коммунистов завоевать на свою сторону симпатии большинства рабочего класса и взять власть в свои руки, так и под влиянием систематической антикоммунистической кампании. Последняя опиралась не только на пропаганду и средства административно-политического давления, но и на прямое насилие – как, например, агрессия Великобритании против руководимой коммунистами антинацистской повстанческой армии в Греции в 1944 году.

Не способствовали росту авторитета коммунистических партий и реальные проблемы тех стран, где коммунисты пришли к власти при поддержке Советского Союза. Если в ряде стран «западного блока» гонениям подвергались коммунистические партии (запрет компартий и репрессии против их членов в Испании, Португалии, Греции, Западной Германии), то в «восточном блоке» самостоятельной политической роли лишались социалисты и социал-демократы (иногда путем объединения их с коммунистами).

Значительный урон авторитету коммунистов, равно как и авторитету СССР, был нанесен разоблачением преступлений Сталина после XX съезда КПСС. К сожалению, самокритика КПСС не пошла далее не слишком искреннего отмежевания от репрессивных крайностей сталинской эпохи. В то же время ослабление жесткости политической системы во многом свелось к эмансипации бюрократии от какого бы то ни было контроля сверху. Не произошло сколько-нибудь значительного изменения социально-экономической и политической системы СССР, которое позволяло бы восстановить привлекательный образ социализма. А компартии западных стран вольно или невольно продолжали ориентироваться на опыт СССР, и лишь некоторые из них время от времени пытались заявить о своих разногласиях с КПСС.

Вмешательство СССР в венгерские события 1956 года (которое, несмотря на ряд неправомερных шагов советского руководства, я считаю в целом неизбежным) и совершенно неоправданное вторжение в Чехословакию в августе 1968 года значительно испортили репутацию советского социализма и ориентированного на него международного коммунистического движения. В этом же ряду стоял ввод советских войск в Афганистан в конце 1979 года.

С другой стороны, авторитет СССР и коммунистического движения укреплялся их позицией поддержки национально-освободительных движений, противодействия колониальным вой-

нам и империалистической политике в целом, что особенно проявилось во время агрессии США во Вьетнаме в 1965-1973 годах.

Коммунистическое движение ощущало все недостатки односторонней ориентации на пример СССР, особенно в условиях нарастания внутренних трудностей в мировой системе социализма, и ряд компартий вел поиск самостоятельной идейно-политической платформы. Одним из отражений таких поисков явилось появление в 70-е годы XX века концепции «еврокоммунизма», содержащей попытку совместить традиционные установки коммунистического движения с широко понимаемыми демократическими ценностями, утраченными в практике советского «социализма».

Внутренние проблемы советских коммунистов, приведшие к формированию левой оппозиции и расколу ВКП(б), отразились и на международном коммунистическом движении. В нем, при активном участии Л.Д. Троцкого, выделилось течение, образовавшее IV Интернационал («троцкисты»). Несмотря на расколы, поразившие уже само троцкистское течение, лево-коммунистические партии и группы в ряде стран стали довольно влиятельными, подчас заметно потеснив компартии, ориентирующиеся на Москву.

Во второй половине 60-х – начале 70-х годов XX века произошел относительно кратковременный подъем активности и влияния разнообразных левых группировок и движений, независимых как от международной социал-демократии, так и от международного коммунистического движения. Эти левые группировки (среди которых заметную роль играли уже имевшие длительные организационные традиции анархисты и троцкисты) опирались в основном на молодежную, и в первую очередь на студенческую среду.

Пиком активности этих движений стал 1968 год (особенно выделялся май 1968 года во Франции). В качестве наиболее общей причины активизации независимых левых течений в молодежной среде можно назвать социальный кризис позднеиндустриального капитализма. В этот период капитализм уже создал и реализовал необходимость формирования широкого слоя высококвалифицированных специалистов, но не предоставил этому слою поле деятельности и уровень доходов, которые бы вполне соответствовали бы изменившимся социально-культурным притязаниям этого слоя.

В этой ситуации молодежь наиболее остро реагировала на неопределенность (или, напротив, на явно не устраивавшую ее определенность) своих жизненных перспектив. Дополнительными факторами, обострявшими реакцию молодежи на эти проблемы, было нарастание т.н. глобальных проблем капитализма – милитаризма, экологического кризиса, упадка морали и культуры вместе с ростом со-

циального отчуждения, обострения противостояния богатых и бедных стран («Севера» и «Юга»).

Спад этого движения был обусловлен наличием у него не слишком глубокой и прочной социальной базы, и тем, что не сложился союз этого движения с другими, более массовыми – коммунистическим, социал-демократическим, профсоюзным. Слишком уж разными оказались идейно-политические традиции этих движений, как и их реальные политические интересы. В этих условиях большинство молодежи «образца 1968 года» постепенно перешло на путь приспособления к капиталистической системе, или, в более редких случаях, к тактике пассивного ее неприятия. Тем более что капитализм так же постепенно менялся, предоставляя молодым интеллектуалам более заманчивое и более высокооплачиваемое жизненное поприще. Лишь небольшая часть активистов 1968 года влилась в ряды постоянных участников различных левых партий и группировок, экологического и других общественных движений.

Дальнейшая эволюция различных социалистических течений происходила в конце XX века и была связана уже с распадом мировой системы социализма, неоконсервативным реваншем и неолиберальной глобализацией.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Почему социал-демократическое движение продолжало дрейф от революционности к реформизму? Какие объективные условия способствовали успехам реформистской тактики?
2. Как революция в России, формирование советского строя и успехи СССР в социально-экономическом развитии влияли на позицию социал-демократии?
3. Как была связана послевоенная эволюция капитализма и деятельность социал-демократии?
4. Какие перемены происходили во взаимоотношениях различных течений в международном социалистическом движении?
5. С чем связана вспышка движения «новых левых» во второй половине 60-х – начале 70-х годов XX века? Почему это движение оказалось кратковременным?

Литература для самостоятельного изучения:

Здесь содержится характеристика социал-демократического движения в межвоенный период:

- Идеология международной социал-демократии в период между двумя мировыми войнами. М.: Наука, 1984.
- Кривогуз И. М. Рабочий социалистический интернационал (1923-1940). М.: Высшая школа, 1979.

Эти работы дают представление о послевоенной эволюции социал-демократии:

- Вилли Айхлер. Этический реализм и социальная демократия. Избранные труды. М.: ИВФ Антал, 1996.
- От Женевы к Стокгольму: материалы конгрессов Социалистического интернационала. В 2-х частях. М., 1992.

Здесь вы найдете неплохую документальную базу по историческим событиям первых двух третей XX века:

- Гафурова Б.Г., Зубока Л.И. Хрестоматия по Новейшей истории в трёх томах. Том 1 (1917-1939). Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1960.
<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000129/index.shtml>
- Гафурова Б.Г., Зубока Л.И. Хрестоматия по Новейшей истории в трёх томах. Том 2 (1939-1945); Том 3. Часть 1 (1945-1960). Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1960, 1961.
<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000022/index.shtml>
<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000020/index.shtml>

Данные работы освещают с различных сторон идейные предпосылки и проблемы нового левого движения второй половины 60-х – начала 70-х годов XX века:

- Даниэль Бенсаид. 1968 год во Франции // «Альтернативы», 1998, №4.
http://scepsis.ru/librarv/id_1722.html
- Герберт Маркузе. К ситуации новых левых.
http://scepsis.ru/librarv/id_2570.html
- Герберт Маркузе. Конец утопии. http://scepsis.ru/librarv/id_2671.html
- Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества / Пер. с англ. – М.: REFL-book, 1994.
- Тарасов Александр. 1968 год в свете нашего опыта. Полный авторский текст. http://scepsis.ru/librarv/id_2274.html

ГЛАВА 35

ФАШИЗМ И СОЦИАЛИЗМ

Переход буржуазии развитых капиталистических государств к тактике социального компромисса, обозначившийся между двумя мировыми войнами и достигший широких масштабов в послевоенный период, поначалу был крайне непоследовательным. Была испробована в широких масштабах и попытка бескомпромиссного решения противоречий между трудом и капиталом – через фашизм. Но она (тактика фашизма) оказалась чревата для буржуазии серьезным риском и дополнительными проблемами (такими, как уничтожение не только десятков миллионов «рядовых граждан», но и значительной части собственной элиты, радикальное расширение «мировой

социалистической системы», угроза победы левых в ряде развитых капиталистических стран и др.).

35.1. Проблема сходства фашизма и социализма

Массовый всплеск в 20-е – 40-е годы XX века различных фашистских движений породил множество идейных спекуляций на тему сходства фашизма и социализма, попытки отождествления советского строя и германского нацизма как двух близких разновидностей тоталитаризма и т.п. Здесь я сосредоточусь главным образом на проблеме сходства и различия фашизма и социализма в первую очередь не как двух идейных течений, а как двух реальных социальных движений и двух реальных общественных структур XX века.

При всех различиях между итальянским фашизмом, германским нацизмом, и франкизмом, в них прослеживается типологически общая основа. Она заключается в:

- замене механизмов буржуазной демократии бюрократическим централизмом с ликвидацией основных буржуазных демократических свобод;

- замещении институтов буржуазного гражданского общества принудительной (государственной) корпоративностью и официальной идеологией (что часто выражается через более широкое понятие «тоталитаризм»);

- создании системы жесткого государственного контроля над частным предпринимательством.

С этой точки зрения нацизм может быть отнесен к разновидности фашизма с радикальной расистско-экспансионистской составляющей, а франкизм – к умеренным, «стертым» формам фашизма.

Указанные черты фашизма как раз и используются для утверждений о значительном сходстве фашизма и социализма. Убедительность этих утверждений подкрепляется перечислением сходности множества конкретных форм социального бытия при той и другой системе. Однако общественные науки не могут удовлетворяться перечислением признаков сходства или различия. Для нас важно, прежде всего, историческое понимание этих феноменов, понимание причин и движущих сил их возникновения и эволюции. И только на этой основе можно приблизиться и к пониманию основ как сходства, так и различия, не ограничиваясь констатацией фактов, а стремясь к выяснению того, почему это сходство или различие образовалось.

35.2. Фундаментальное различие фашизма и социализма

Распространенное объяснение феноменов и фашизма, и «реального социализма» через концепцию догоняющей модернизации не соответствует исторической истине. Если для России такое объяснение имеет определенный смысл, то оно совершенно неприменимо к Германии.

Прежде всего, социалистический и фашистский проекты решали разные задачи, и решали их разными способами. Путь России к социализму ориентировался первоначально на получение помощи от более передовых держав в рамках общего социалистического проекта мировой революции. А когда этот проект не реализовался, «строительство социализма» было переориентировано на мобилизацию внутренних ресурсов для модернизации. Парадоксальным образом идеология мессианской роли СССР стала навязываться именно тогда, когда реальные надежды на мировую революцию были отброшены (ибо в таких условиях эта мессианская идеология стала едва ли не единственным оправданием поддержки СССР со стороны мирового антикапиталистического движения).

Фашистский проект, как Германии, так и в Италии, делал главную ставку не на внутреннюю модернизацию (и уж тем более – не на международную солидарность), а на пересмотр занимаемого места в мировом хозяйстве путем внешней экспансии, в первую очередь – силовой (а некоторые элементы модернизации рассматривались как средство достижения этой цели). Германия пыталась создать свою новую колониальную империю в Европе, в условиях, когда колониальный проект в мире стал близиться к исчерпанию даже по отношению ко многим слаборазвитым странам (30-е – 40-е годы – время зарождения массовых антиколониальных движений). Италия вела экспансию на Балканах и в Африке. Франкизм, пережив кровавую гражданскую войну, не ставил целей военной экспансии (что во многом обусловило постепенное смягчение характера политического режима), но не преуспел и во внутренней модернизации.

Фашизм и советский социализм имеют разную экономическую основу. Советский социализм основывался на ликвидации господства частной собственности и рынка, на почти полном огосударствлении средств производства и создании централизованной плановой системы управления хозяйством. Фашизм не покушался на господствующую роль частной собственности и рынка (в том виде, как они сложились в эпоху монополистического капитализма), несмотря на значительное расширение государственного сектора, ужесточение

административного контроля над частным предпринимательством, и создание – на время войны – широкомасштабного механизма рационализации хозяйственных ресурсов.

Социализм, опираясь на исторически длительную традицию антикапиталистического (социалистического) движения, использовал кризис капиталистической системы в первой трети XX века. Фашизм так же возник как реакция на этот кризис, но одновременно – и как реакция на социалистическую альтернативу капитализму, и как способ выйти из кризиса, не разрушая основ системы.

Социализм и фашизм имеют разное политическое происхождение. Социализм родился как радикальный антикапиталистический (в этом смысле – антисистемный) проект. Фашизм возник в борьбе с социалистическим проектом, иногда внешне проявляясь как иной вариант антикапиталистического движения, но на деле выступая как проект *защиты системы* радикальными методами, и вне этой борьбы никогда не мог бы осуществиться. Фашизм получает шансы на осуществление в связи с неудачами социалистического проекта и слабостью социалистического движения.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что социализм сформировался как естественно-историческое следствие противоречий капитализма. Фашизм, так же имея объективные социально-экономические корни в этих противоречиях, уже в исходном пункте несет в себе значительный заряд специально сконструированной политической технологии эпохи массового общества. «Реальный социализм» так же широко использовал технологии манипулирования эпохи массового общества, но это не было его генетическим признаком.

Социалистическое движение опиралось в первую очередь на пролетарские слои. Среди сторонников фашизма так же было много представителей пролетариата, но и люмпенские и вообще маргинальные слои играли очень большую роль. Однако маргинализованные слои, на которые опирался фашизм, это в первую очередь не люмпены. 1-я мировая война, революционные события 1918-1920 гг., кризис 1922-23 гг., и затем кризис 1929 года выбили социальную опору из под миллионных масс населения Германии (аналогичные процессы проходили также в Италии и Испании). Причастность к корпоративному государству восстанавливала социальную устойчивость, социальное самоопределение, и открывала широкий путь для индивидуальной социальной мобильности, для реализации индивидуальных социальных притязаний.

Социализм решал ту же проблему, но иначе – через массовые сдвиги в социальной структуре, через формирование новых массовых социальных слоев (новый слой рабочего класса, советские спе-

циалисты и т.п.). Им обеспечивалась не только индивидуальная, но и классовая мобильность (хотя маргинализация в ходе этих социальных сдвигов также использовалась для формирования опоры режима).

В отличие от социализма, фашизм, имея широкую массовую базу, все же получил свои шансы на приход к власти, только сформировав союз с крупным капиталом.

Протест против капитализма был канализирован фашизмом в протест лишь против *данной формы* капитализма путем создания иллюзорно-некапиталистического общества. Поэтому неизбежной была борьба, например, против «левого» крыла в нацизме, против течений Штрассера и Рема. Однако и уступки со стороны капитала, на которых фашизм строил свою социальную политику, были вполне весомы (например, были сделаны многомиллионные вложения в программу летнего отдыха для рядовых немецких рабочих «Сила через радость»).

Фашизм начинает с полного отрицания всякой демократии и либерализма (начиная с принципа фюрерства в построении собственной партии). Социализм начинает с борьбы за выход за рамки буржуазной демократии, стремясь расширить ее для представителей неэксплуататорских классов. Даже когда эта тенденция поворачивает вспять, «реальный социализм» до конца сохраняет внешние демократические атрибуты и элементы реальной демократии и либеральных ценностей в ряде общественных структур.

Социализм в исходном пункте опирается на принцип добровольной ассоциации. Лишь постепенно этот принцип начинает разъедаться принудительным коллективизмом. Фашизм с самого начала опирается на принудительную корпоратизацию населения.

Соответственно этим подходам социализм в творчестве новых форм социального бытия начинает с широкого использования социального творчества «снизу», не блокируя его полностью даже в последующем. Фашизм сразу устанавливает принцип социального творчества только «сверху».

Социализм стремится к осуществлению равенства через уничтожение социально-экономических основ существования общественных классов. Фашизм признает равенство только в смысле равенства обязанностей перед государством, отрицая сам факт существования различных общественных классов.

И «реальный социализм», и фашизм носят черты идеократических обществ, но по-разному. Если фашизм разрывает с европейской традицией Просвещения и возрождает средневековую и языческую архаику, то социализм так же разрывает идейную традицию, однако

не полностью, наследуя очень многое, как из европейского Просвещения, так и из российского «мужицкого демократизма».

И фашизм, и социализм относят общественный идеал в будущее. Но если общественный идеал социализма, это конструктивная утопия, то идеал фашизма является нереалистичным, но не утопическим, а одновременно и вполне приземленным (*Lebensraum*¹ для немцев), и совершенно неконструктивным (тупиковая идея расового превосходства в нацистской Германии, или господства «средиземноморского духа» и распространения римской культуры в фашистской Италии).

Что же касается идейных основ фашизма и социализма, то замечу лишь, что фашизм недаром рассматривал марксизм в качестве своего смертельного врага на идеологическом фронте.

35.3. Элементы сходства между фашизмом и социализмом

Глубинным основанием для формирования черт сходства в фашизме и социализме является их обусловленность кризисом капиталистической системы. Раннесоциалистическая революция оказывается с фашизмом в общей для них ситуации, когда накал противоречий капиталистической системы ставит ее под угрозу распада, но для выхода из этих противоречий на пути создания либо полноценного социалистического общества, либо добровольного классового компромисса капиталистов и наемных рабочих (по примеру «нового курса» Рузвельта или европейской социал-демократии), не имеется достаточных социально-экономических предпосылок.

Черты сходства фашизма и социализма начинают зримо проявляться главным образом в связи с неудачей первоначального социалистического проекта и его существенной корректировкой (если не заменой на другой проект). Эти черты сходства, однако, не выходят за рамки некоторых внешних политических и идеологических форм.

Имеющиеся черты сходства социализма и фашизма определяют наличием некоторого типологического сходства устройства фашистского государства, и государства, формирующегося в результате изолированной раннесоциалистической революции. И то, и другое государство обладает чертами бонопартизма, то есть государства, в котором бюрократический аппарат приобретает относительную независимость от господствующих классов, поскольку исполняет функ-

¹ Жизненное пространство (нем.).

ции арбитра между борющимися классами в условиях неустойчивого баланса сил.

Хотя природа этого принудительного компромисса классовых сил при фашизме и при «реальном социализме» различна, но сам факт обретения государственным аппаратом относительной независимости в условиях формирования так называемого массового общества придает соответствующим государствам черты сходства.

Эти черты сходства заключаются в:

- развитию тенденции к всеобъемлющему политическому и идеологическому контролю государства над населением;
- отрицании либеральных прав и свобод;
- репрессивном характере режима;
- создании структур «принудительной коллективности», заменяющих в одном случае буржуазное гражданское общество, в другом – свободную ассоциацию тружеников;
- развитии принудительного социального патернализма;
- маргинализированных социальных слоев, как одной из главных опор режима;
- распространении идеологии «вождизма»;
- специфической идеократии, выносящей высшую цель существования общества за пределы настоящего.

Показной «антикапитализм» фашизма придает ему черты «реакционного социализма», то есть поиска избавления от господства мира наживы и чистогана в добуржуазном прошлом. Отсюда, кстати, архаически-реакционные черты в идеологии фашистского государства (вплоть до возрождения средневековой и языческой мистики). Поскольку социалистический проект, натолкнувшись на пределы недостаточных социально-экономических предпосылок, тоже использовал некоторые черты добуржуазных экономических форм (общинные традиции, полуфеодалные черты в колхозной системе на ее ранних этапах), здесь так же можно найти элементы сходства между «реальным социализмом» и фашизмом.

35.4. Причины сходства и различия фашизма и социализма. Выводы

Для меня наиболее важным является выяснение вопроса: почему социалистический проект привел к формированию общества, обла-

давшего чертами тоталитаризма¹, политического и идеологического сходства с фашистской системой?

Этот парадоксальный результат оказывается на деле совсем не парадоксален. Советское государство сталинской эпохи оказывается схожим с фашизмом в той мере, в какой оно решает сходные задачи – в той мере, в какой реальный «социализм», построение которого провозгласил Сталин, нуждался в демонтаже социалистического проекта. Существенные же различия «реального социализма» и фашизма определялись тем, что сталинский проект не мог основываться на полном отказе от импульса социалистической революции, и вынужден был использовать этот импульс, опираться на него.

Когда я говорю – Сталин – это вовсе не значит, что черты советского тоталитаризма были рождены злой волей одного человека, или даже одного партийного течения, избравшего его своим лидером. Объективные задачи социально-экономического развития, стоявшие перед Россией в условиях неизбежного спада волны мировой революции, не могли быть решены на путях создания полноценного социалистического общества, поскольку для него не было необходимых предпосылок (не говоря уже о достаточных...). Поэтому частичный демонтаж социалистического проекта оказался неизбежен. (Было ли такое развитие событий фатальное? Для социалистического проекта – не обязательно, поскольку зрелость предпосылок социализма существенно различалась в разных странах. Одно дело Кампучия, другое дело страны Центральной Европы).

Такой демонтаж происходил в условиях решения задач догоняющей модернизации через построение экономики мобилизационного типа, узкой социальной базы этого проекта, что неизбежно сопровождалось резкими сдвигами в социальной структуре, приводящими к высокой степени социальной маргинализации. Страна уже пережила одну волну такой маргинализации, вызванную 1-й мировой и гражданской войной, и поэтому вторая волна создала социальные предпосылки для того, чтобы резкий политический и идейный поворот 20-х гг. стал осуществляться через тоталитарные формы общественного устройства.

Как только этот резкий поворот был совершен и закреплен, стали размываться и тоталитарные черты советской системы, сменяясь более мягкими формами господства бюрократии.

---

¹ Специально подчеркну, что понятие «тоталитаризм» совершенно не годится как всеобъемлющая характеристика советского строя.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. На каких основаниях можно объединить под общим типологическим понятием «фашизм» различные конкретные общества (итальянский фашизм, германский нацизм, испанский франкизм)?
2. Каковы фундаментальные отличия социально-экономических и политических основ фашистских обществ и общества «реального социализма»?
3. В чем заключаются различия в причинах возникновения фашистских обществ и обществ «реального социализма»?
4. Как различные причины формирования социалистических и фашистских обществ повлияли на различие их социально-экономической природы?
5. В чем заключаются и на чем основаны элементы сходства фашизма и «реального социализма»?
6. Оправдано ли суждение, что элементы сходства фашизма и реального социализма связаны с тем, что оба этих социальных проекта явились отражением специфики кризиса капитализма в первой трети XX века?
7. Определяются ли элементы сходства между фашизмом и «реальным социализмом» чертами общности их социальных и идейных проектов, или же, напротив, эти элементы сходства возникли благодаря неудаче и частичному демонтажу первоначального социалистического проекта?

Литература для самостоятельного изучения:

Статья Троцкого, некоторые положения которой были затем воспроизведены в решениях VII Конгресса Коминтерна:

- Троцкий Л.Д. Что такое национал-социализм?
- <http://revkom.com/biblioteka/marxism/trotsky/1933ns.htm>

Советские источники о природе и истории фашизма:

- История фашизма в Западной Европе. Академия наук СССР, Институт всеобщей истории. М.: Наука, 1978. (1987?)
<http://katynbooks.narod.ru/foreign/faschistorv.htm>
- Рахшмир П.Ю. Происхождение фашизма. М.: Наука, 1981.

Работа известных представителей Франкфуртской школы, где фашизм рассматривается как неизбежное проявление присущей капитализму тенденции к отчуждению человека от общества, к утрате им контроля над организацией людей в общество и противопоставлению им этой организации как чуждой, враждебной силы:

- Макс Хоркхаймер, Теодор В. Адорно. Дialeктика просвещения. Философские фрагменты. Пер. с нем. М. Кузнецова. М. - СПб.: Медиум, Ювента, 1997.

Современные российские источники по теории и истории фашизма:

- Мазуров И. В. Фашизм как форма тоталитаризма // *Общественные науки и современность*. 1993, № 5.
- *Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления*. М.: Памятники исторической мысли, 1996.
- *Коминтерн против фашизма. Документы*. М.: Наука, 1999
- Галкин А.А. *Размышления о фашизме // Социальные трансформации в Европе XX века*. М.: 1998.

- Фашизм как болезнь общества. Лекция Александра Галкина, прочитанная 4 мая 2004 года в клубе — литературном кафе «Bilingua». <http://www.polit.ru/lectures/2006/05/08/galkin.html>
- Дамье В.В. Тоталитарные тенденции в XX веке // Мир в XX веке. М.: Наука, 2001.
- Вадим Дамье. Фашизм. Онлайн Энциклопедия Кругосвет. <http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/FASHIZM.html>
- Александр Тарасов. Фашизмов много. И чем дальше, тем они все менее отличимы от "обычного капитализма". <http://saint-iuste.narod.ru/fashtio.htm> (Опубликовано в журнале "Новая модель", 2003, № 2 под названием "Много фашизмов. Весьма нехороших, но разных").
- Умланд А. Старый вопрос, поставленный заново: что такое «фашизм»? (теория фашизм Роджера Гриффина) // Политические исследования, № 1 (31), 1996.

Работа наиболее популярного западного специалиста по фашизму, в которой он рассматривает фашизм как разновидность политики модернизма и идеологию «нового рождения нации»:

- Roger Griffin, Matthew Feldman. Fascism: The nature of fascism. Routledge, 2004.

Еще один западный специалист по фашизму, с не столь экзотическими концепциями, как у Гриффина:

- Вольфганг Випперман. Европейский фашизм в сравнении. 1922-1982. Перевод с немецкого А. И. Федорова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. <http://lib.ru/POLITOLOG/fascio.txt>

По этой работе можно получить представление о позиции любимого идеолога русских националистов. Здесь любимец Владимира Путина и Никиты Михалкова оправдывает фашизм необходимостью борьбы с социализмом:

- Иван Ильин. О фашизме. http://www.hrono.ru/statii/2009/ilin_fashizm.php

ГЛАВА 36

«МИРОВАЯ СИСТЕМА СОЦИАЛИЗМА».

РАЗВИТИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ОБЩЕСТВА

СОВЕТСКОГО ТИПА

36.1. Возникновение и развитие «мировой системы социализма»

После Второй мировой войны в Западной Европе коммунистические партии в ряде случаев вошли в правительства (Франция, Италия) и заметно расширили свои парламентские фракции, а в Восточной Европе пришли к власти. Однако эти сдвиги во многом опреде-

лялись дипломатическим торгом СССР с западными союзниками. Одним из шагов такого характера, предопределенным внешнеполитическими интересами, был роспуск Коминтерна, проведенный еще до окончания войны и при полном пренебрежении к Уставу этой организации. СССР (при слабых словесных порицаниях со стороны западных союзников) навязал Польше просоветское правительство, которое отнюдь не пользовалось поддержкой явного большинства народа. И в то же время СССР не оказал существенной помощи греческим коммунистам, пользовавшимся такой поддержкой, бросив их на произвол судьбы перед лицом британской агрессии.

В Восточной Европе СССР использовал свои военно-политические возможности, чтобы содействовать приходу к власти коммунистических партий, в некоторых случаях (Венгрия, Польша, Германская Демократическая республика) способствовал их объединению с социал-демократами. Образовалась группа государств, тесно связанных с СССР в политическом, а затем и в экономическом отношении. Аналогичная группа государств, хотя и в меньшей мере ориентированных на СССР, образовалась в Азии – Китай, Северная Корея, Северный Вьетнам.

Укрепление политических позиций СССР в мире вызвало противодействие ведущих капиталистических держав, что получило выражение в политике «холодной войны», которая поддерживалась обеими конфликтующими сторонами. После того, как не удалась попытка США через оказание экономической помощи по «плану Маршалла» втянуть в орбиту своего влияния страны Восточной Европы, противоборство приобрело более жесткий характер. Спецслужбы западных стран поддерживали вооруженные подпольные группы в Восточной Европе и в западных регионах СССР¹, стремились вызвать конфликт между государственным руководством СССР и восточноевропейских стран. Имеются свидетельства, что спецслужбы США и Великобритании своими провокациями содействовали развязыванию репрессий против национально-ориентированной части партийно-государственного руководства ряда стран Восточной Европы (Чехо-

¹ Западные спецслужбы с самого начала рассматривали подпольные движения в СССР и Восточной Европе как расходный материал, ибо Запад вовсе не намеревался осуществлять прямое вмешательство в поддержку политических переворотов в этих странах. Подробнее об этом см.: Sarah-Jane Corke. *US Covert Operations and Cold War Strategy: Truman, Secret Warfare and the CIA, 1945-53*. Routledge: 2007; Peter Grose. *Operation Rollback: America's Secret War Behind the Iron Curtain*. Boston: Houghton Mifflin Co., 2000.

словакии, Венгрии, Польши, Болгарии), а так же раздуванию конфликта между СССР и Югославией¹.

В 1949 году западные страны организовали военно-политический блок НАТО, где ключевые позиции занимали США. Этот блок очевидным образом был ориентирован против СССР и его союзников. После того, как в него была включена Западная Германия, СССР в 1955 году сформировал противовес в виде организации Варшавского договора.

В конечном итоге, в результате влияния и прямого давления советского руководства, в большинстве стран Восточной Европы сложилась политическая и экономическая модель, близкая к сталинской модели, восторжествовавшей в СССР. В азиатских странах, провозгласивших строительство социализма, эта модель приобрела еще более жесткие формы. В то же время в Югославии экономическая система включала в себя элементы экономической демократии, сочетала плановые и рыночные регуляторы, допускала относительно большую степень свободы слова и свободы печати там, где это не затрагивало политические вопросы и основы официальной идеологии.

Советский политический и идеологический диктат приводил в восточноевропейских странах к вспышкам массового недовольства, которые были использованы крайне правыми силами (волнения в Польше и в ГДР в 1953 году, антисоциалистический мятеж в Венгрии в 1956 году). Несмотря на это, достигнутые в 50 - 60 годы успехи в экономическом развитии позволили стабилизировать внутривнутриполитическое положение в этих странах. Однако стабилизация была непрочной. Если открыто антисоциалистические силы не имели достаточных возможностей для борьбы, то неудовлетворенность сталинской моделью социализма стимулировала поиск иной модели, что пытались использовать и противники социализма. Этот факт послужил предлогом для грубого силового вмешательства, прервавшего данные поиски - в Чехословакии во время «Пражской весны» 1968 года путем военной интервенции стран Варшавского договора, в Польше во время выступлений «Солидарности» в 1980 году - внут-

---

¹ См.: Stewart Steven. Operation Splinter Factor: The Untold Story of America's Most Secret Cold War Intelligence Operation. J.B. Lippincott Co.: New York, 1974 (Русский перевод: Стюарт С. Операция Раскол. М.: Алгоритм-ЭКМО, 2003). Некоторые публицисты на Западе обвиняли Стюарта в том, что он попал под влияние стереотипов советской пропаганды (George Herman Hodos. Show Trials: Stalinist Purges in Eastern Europe, 1948-1954. Praeger Publishers 1987. P 31-32). Публикации С.Стюарта, однако, демонстрируют, скорее, его следование стереотипам антикоммунистической пропаганды. Профессиональные историки, специализирующиеся на изучении деятельности спецслужб, склонны видеть в его версии серьезные основания (См.: Richard Aldrich. The Hidden Hand: Britain, America and Cold War Secret Intelligence. Woodstock: The Overlook Press, 2002. P. 176-179).

ренными силами (во многом для того, чтобы предотвратить интервенцию).

Советский Союз стремился поддерживать не только политическую консолидацию стран Восточной Европы, но и их экономическую интеграцию с СССР. Для этой цели был организован Совет Экономической взаимопомощи (СЭВ). Он действительно сыграл значительную роль в развитии экономического сотрудничества между странами мировой социалистической системы. Однако основы этого сотрудничества, не содержавшие ясных критериев выгоды или невыгоды внешнеэкономических связей (поскольку применялись не цены мирового рынка, а искусственные расчетные цены), вызывали взаимное недовольство участников СЭВ.

Неудовлетворенность жесткой плановой моделью экономики, заимствованной у СССР, а также стремление учесть национальную специфику своих стран, приводили к формированию в Восточной Европе экономических моделей, включавших значимый сектор производства, основанный на мелкой частной собственности (в сельском хозяйстве, торговле, сфере услуг, в производстве предметов потребления). Довольно успешный опыт инкорпорирования рыночных элементов в плановую систему, имевшийся в Югославии с середины 50-х годов XX века, вызвал подражания (рыночные реформы в Венгрии с 1968 года, реформы в Польше в начале 80-х годов).

Не менее сложно складывались отношения СССР со своими азиатскими союзниками. Несмотря на существенную помощь, в том числе и военную, которую они получали от СССР - передача во второй половине 40-х годов трофейного вооружения Квантунской армии вооруженным силам Компартии Китая (НОАК), военная помощь Северной Корее во время войны 1950-1953 годов, военная помощь Северному Вьетнаму во время антиколониальной войны и сопротивления агрессии США (фактически непрерывно с конца 40-х годов до 1973 года) - эти страны стремились политически дистанцироваться от Советского Союза. Этому способствовали попытки довольно бесцеремонного навязывания советскими партийными руководителями своей точки зрения.

Формирование мировой системы социализма отвечало политическим и экономическим интересам советского государства. Несмотря на издержки поддержания контроля и угрозу внутренней нестабильности в странах-союзниках, СССР приобрел широкую военно-политическую коалицию. Поставки продовольствия, предметов потребления, а из наиболее развитых восточноевропейских стран (ГДР, Чехословакии, Венгрии) - и современного промышленного оборудования, позволяли смягчать последствия дефицита на внутреннем

рынке. В свою очередь СССР имел в этих странах гарантированный рынок сбыта для своих энерго-сырьевых и промышленных товаров.

Однако чем дальше, тем больше наши восточноевропейские партнеры становились заинтересованы в западном рынке сбыта, и в импортировании товаров с мирового рынка, где они находили более выгодные условия купли-продажи и более широкий ассортимент высокотехнологичной продукции, нежели им мог предложить СССР.

36.2. Причины успехов и упадка «реального социализма». Противоречия экономической системы советского типа

«Строительство социализма», предполагавшее передачу средств производства в общественную собственность, а как первый шаг – национализацию основных из них – сконцентрировало колоссальную экономическую и политическую власть в руках бюрократии.

Не демократическая, лишенная сколько-нибудь существенных элементов общественной самодеятельности трудящихся, не создававшая достаточных социально-экономических возможностей для превращения в перспективе труда в творческую деятельность, эта жесткая система в то же время хорошо соответствовала решению задач догоняющей индустриализации. Она обеспечивала возможность высокой концентрации и широкомасштабного перераспределения экономических ресурсов. То же самое касается и осуществления масштабных научно-технических и социальных проектов.

Однако с завершением индустриализации эта система во все меньшей мере стала отвечать задачам обеспечения дальнейшего социально-экономического развития.

Советская модель жесткого централизованного планирования с самого начала обладала рядом недостатков. Среди них – преобладание значения формальных объемных показателей над всеми остальными оценочными критериями; нерешенность не только проблемы сбалансированности выпуска продукции, но и согласования реальных потоков продукции внутри планового периода в соответствии с графиками работы предприятий-смежников; затухание и искажение информации при движении от уровня предприятия на уровень центральных плановых органов; отсутствие ясных критериев для решения вопроса о структуре выпуска конечной продукции; отсутствие действенных каналов обратной связи потребителя с производителем.

При сравнительно небольших масштабах экономики, несложной отраслевой структуре, простой структуре конечного потребления, и пока стояла задача в первую очередь количественного насыщения

экономики промышленной продукцией, эти недостатки были терпимы. Более того, они перекрывались достоинствами этой модели — способностью к быстрой и масштабной концентрации ресурсов; способностью к быстрому и масштабному межотраслевому перераспределению ресурсов; более полным, чем в рыночной экономике, использованием ресурсов (именно в силу более слабых экономических ограничений для выпуска продукции).

Однако рост масштабов экономики, усложнение отраслевой структуры и структуры потребления, исчерпание задач (а равно и возможностей) экстенсивного роста промышленности привели к ослаблению достоинств советской плановой модели и к усугублению ее недостатков. Вместе с усложнением экономики возросла громоздкость бюрократического аппарата. Это не только осложнило проблему формирования сбалансированного плана выпуска и распределения продукции, не только усилило затухание и искажение информации на разных уровнях плановой системы, но и породило тенденцию к выделению отраслевых органов управления с подчиненными им предприятиями в обособленные ведомственные системы со своими интересами. Тем самым была ослаблена способность плановой системы маневрировать ресурсами, исходя из народнохозяйственных интересов. Централизованные плановые решения стали все больше превращаться в продукт борьбы и компромисса ведомственных интересов.

Для советской модели централизованной плановой экономики была характерна так же слабость внутренних стимулов научно-технического прогресса. Основной импульс технического прогресса обеспечивался на вершине системы централизованного планового руководства, через формирование и осуществление крупных научно-технических программ и соответствующих инвестиционных решений. Однако на уровне отраслевых структур и предприятий этот импульс резко ослабевал. Нацеленность этих структур на формальные объемные плановые показатели делала техническое обновление производства скорее помехой, нежели средством достижения критериев, задаваемых планом. Поэтому технический прогресс в советской модели принял вид наращивания современного технологического потенциала за счет строительства новых предприятий, и торможения технического обновления производства на уже существующих предприятиях.

Существующая в современных экономических системах технологическая неоднородность при таком способе научно-технического прогресса приводила к отраслевому (ведомственному) сегментированию экономики советского типа на довольно заметно различающиеся технологические уклады. В отраслях, где преимущественно

концентрировались инвестиционные ресурсы, а вместе с ними – и новые технологии, формировались высокотехнологичные уклады, в отраслях, относительно обделенных этими ресурсами, консервировалась технологическая отсталость. Особенностью экономики СССР была к тому же повышенная концентрация инвестиций, новых технологий и квалифицированных кадров в оборонном комплексе, что вело к соответствующему обеднению остальных отраслей, в том числе ключевых, определявших техническое лицо экономики – производителей машин и технологического оборудования.

Ослабление эффективности централизованного планового руководства, отмеченное выше (которое особенно сильно проявилось в 60-е – 70-е годы XX века), привело и к затуханию импульсов научно-технического прогресса.

В результате сложившаяся в 30-е годы XX века система воспроизводства стала превращаться в порочный круг. Исчерпание источников экстенсивного наращивания производства (за счет вовлечения в производство новых природных ресурсов, ресурсов рабочей силы, строительства новых предприятий) остро ставило проблему роста эффективности и технического прогресса. Слабость внутренних источников технического прогресса (усугубляемая концентрацией имевшихся ресурсов в военном производстве) привела к поиску решения за счет внешних источников. Энерго-сырьевой экспорт обеспечивал приобретение новых технологий за рубежом.

Однако постепенное истощение месторождений сырья и топливных ресурсов требовало увеличения доли капиталовложений, направляемых в добывающие отрасли. Разработка новых месторождений обходилась все дороже. К 80-м годам практически все капиталовложения, направляемые в добывающую промышленность, поглощались решением задачи поддержания прежнего уровня добычи. Растущая концентрация инвестиционных ресурсов в добывающих отраслях истощала возможности прогрессивного развития обрабатывающего производства, и в первую очередь машиностроения. Внутренние источники технического прогресса приходили в упадок. Зависимость от импорта технологий усугублялась, а это вызывало необходимость в наращивании нефтегазового экспорта. Порочный круг замыкался...

Другой характерной проблемой советской модели воспроизводства была экономика дефицита. Ее наиболее общей причиной было отсутствие встроенных в систему надежных критериев сбалансированности производства и потребления. Рыночный механизм сбалансирования спроса и предложения через равновесные цены не действовал, а адекватный плановый механизм не сложился.

Концентрация экономических решений в руках бюрократии вела и к соответствующему распределению прав собственности. Общественная собственность, вопреки распространенному мнению, не была фикцией. Но распределение правомочий в рамках общественной собственности, как и тот факт, что общественная собственность имела форму, прежде всего, государственной собственности, передавали бюрократии практически все правомочия владения и распоряжения, оставляя трудящимся права пользования и участия в доходе от собственности. Однако и к осуществлению этих прав трудящиеся имели доступ не непосредственно, а через отношения государственного патернализма.

Существо государственного патернализма заключалось в том, что все предоставляемые трудящимся весьма значительные социально-экономические гарантии и льготы они получали только из рук государственных служащих, включая администрацию государственных предприятий. Это касалось и полной занятости, и обеспечения бесплатным или льготным жильем, и субсидирования отдыха и т.д. и т.п. Конфликтный потенциал отношений государственного патернализма особенно остро высвечивался наличием у бюрократии собственной, изолированной системы распределения материальных благ и доступа к социально-экономическим льготам и гарантиям при формально провозглашаемом равенстве. Проблема усугублялась явлениями дефицита на потребительском рынке.

Такой характер отношений собственности вел к нарастающему отчуждению трудящихся от государственной собственности. Она все в меньшей мере воспринималась как своя.

Проблемы советской плановой модели вели к росту бюрократизма, коррупции, теневой экономики. Первоначально эти явления выступали как механизмы, компенсирующие недостатки плановой системы. Рост бюрократического аппарата компенсировал трудности планового управления экономикой в условиях возрастания масштабов и сложности последней. Коррупция компенсировала неповоротливость бюрократии и ее невнимание к реальным нуждам — отдельных людей, или же целых предприятий или организаций. То, что крайне тяжело решалось путем движения дел по официальным каналам, гораздо легче поддавалось решению за взятки. Теневая экономика компенсировала недостатки экономики дефицита, позволяя получить те товары и услуги, которые официальная система снабжения не предоставляла или же предоставляла ценой больших затрат времени и нервов.

Но с течением времени эти явления стали все больше подрывать плановую экономику. Вместе с количественным ростом бюрократической системы возрастала ее громоздкость и неповоротливость, она

распадалась на замкнутые ведомственные системы, что лишало плановую экономику ее преимуществ и усугубляло ее недостатки. Коррупция из средства решения повседневных проблем, не решаемых официальным путем, все больше становилась средством продвижения частных интересов в ущерб общественным. Теневая экономика не столько компенсировала недостатки экономики дефицита, сколько паразитировала на них, превращаясь в средство обогащения узкого слоя людей за счет проблем всех остальных.

На почве теневой экономики стало формироваться нелегальное частное предпринимательство, которое, в силу своего нелегального характера, требовало покровительства со стороны государственных чиновников. Эти чиновники, в свою очередь, видели в теневой экономике средство обойти ограничения, накладываемые на них официальной бюрократической иерархией. Произошло смыкание дельцов теневой экономики и коррупционеров-бюрократов. Начался процесс латентного роста частнопредпринимательской экономики в недрах плановой системы.

36.3. Социальные противоречия «реального социализма». Эволюция бюрократии в советском обществе

Сталин составил более устойчивую социальную комбинацию – и победил. Однако его победа означала в перспективе и неизбежную гибель той системы, творцом которой он стал. Успешное осуществление сталинского проекта модернизации СССР означало конец сталинской системы, ибо те же самые формы общественного устройства, которые сделали возможным осуществление этого проекта, сделали невозможной его успешную эволюцию в новых условиях, даже ценой смягчения его наиболее одиозных сторон.

Отказ от претворения в жизнь наиболее прогрессивных черт социалистической модели соответствовал личным наклонностям Сталина и интересам выдвинувшей его бюрократии, хотя и был в достаточной мере вынужденным объективными обстоятельствами. И в то же время именно отказ хотя бы от попыток постепенного наращивания предпосылок для развития самоуправленческой, социально-творческой составляющей социалистического проекта сделал сталинскую систему окостеневшей, неспособной к значительным социальным маневрам и приспособительной эволюции.

Это произошло именно потому, что бюрократия играла ведущую роль в советской системе. Поскольку рабочий класс не смог (отчасти по объективным причинам, отчасти из-за активного противодействия бюрократии) самостоятельно овладеть управлением производст-

вом и контролем над государственным аппаратом, функции управления монополизировала бюрократия.

Социальный компромисс бюрократии с рабочим классом, предоставлявший последнему значительные социальные гарантии, обеспечивал заинтересованность рабочих в решении задач индустриализации, и, будучи подкреплен активным использованием социалистических лозунгов и атрибутов, в определенный период времени даже порождал феномен массового энтузиазма в ходе «социалистического строительства». Со стороны бюрократии этот компромисс подкреплялся также активным, а подчас и самоотверженным участием партийных и хозяйственных руководителей в решении задач экономического развития страны. Однако столь же самоотверженное участие бюрократии в реализации очевидно ошибочных установок сталинской политики (головотяпское проведение коллективизации, обернувшееся колоссальными хозяйственными потерями; экономически бессмысленная, не давшая никаких позитивных результатов попытка форсирования темпов промышленного роста в первой пятилетке; развязывание огульных массовых репрессий) показывало реальный статус этого слоя, как оторванных от масс и стоящих над массами чиновников.

И вот, с течением времени социальная основа советского строя стала неизбежно размываться. Бюрократия, укрепив свое господство, и начав превращаться в замкнутую наследственную касту, все более обособляла свои интересы от интересов остального общества.

Общая для рабочего класса и бюрократии позиция защиты от буржуазной реставрации потеряла непосредственную актуальность и сохранилась лишь в функции защиты от внешней угрозы (которой было придано гипертрофированное значение). Сам рабочий класс из относительно привилегированного меньшинства с завершением индустриализации превратился в большинство населения (в 1940 году официальная статистика оценивала численность рабочего класса в 23,9 млн. чел. или 38% занятых, а в 1960 году – уже 55,1%), и бюрократия уже не могла поддерживать для него прежний высокий социальный статус.

В результате *социальный компромисс, на котором держалось советское общество, стал размываться с двух сторон*. С одной стороны, наемные работники (и особенно научно-техническая интеллигенция) испытывали все большее недовольство от выхолащивания социальных гарантий и потери привилегированного социального статуса. Интеллигенция и специалисты в основном утратили более высокий уровень заработков по сравнению с рабочими, а такие важные для этого слоя права, как, например, свобода творчества, были существенно ограничены. Однако и рабочие не приобрели ничего, а

их относительно привилегированный статус по сравнению с крестьянством уже не играл сколько-нибудь существенной роли. Реальное наполнение всеобщих социальных льгот и гарантий практически не возрастало, началось их размывание, развитие фактической платности многих формально бесплатных социальных услуг и т.д. Большинство групп наемных работников начинало приближаться к осознанию своей роли как эксплуатируемого социального слоя.

С другой стороны, бюрократия не только реализовала монополию на властно-хозяйственные функции, но и всячески расширяла и укрепляла собственные материальные льготы и привилегии, в том числе и нелегальными путями. Более того, все возрастающей частью бюрократии овладевало стремление превратить чиновничество из условного распорядителя общественного богатства, ограниченного в своих функциях всей остальной бюрократической иерархией, в полноправного собственника.

В советском обществе, вместе с нарастанием разрыва между официальными лозунгами и реальной политикой партийно-бюрократической верхушки стал развиваться кризис нереализованных ожиданий. Происходило развитие «теневой» частной собственности под патронажем бюрократии и одновременно латентная «приватизация государства» по кусочкам, подготавливающая переход к бюрократическому капитализму.

Этапы социальной эволюции советского общества можно кратко резюмировать следующим образом:

1. 1917 – конец 20-х. На этом этапе происходит переход от попыток рабочего класса непосредственно овладеть государственной машиной к постепенной уступке функций управления бюрократии, которая пока еще сохраняет тесную социальную и политическую (например, через выдвигенчество) связь с рабочим классом. Однако от политического контроля со стороны рабочего класса бюрократия к концу данного периода полностью эмансипируется, сохраняя за рабочими лишь некоторые социально-политические привилегии. Государство приобретает бонапартистский характер.

Ядро бюрократии составляют активисты революции, но даже среди них рабочие составляют менее половины. Наряду с этим в новую бюрократию рекрутировано немало представителей старых служилых городских слоев. Еще сохраняются традиции революционной демократии, постепенно сменяемой, однако, на государственный патернализм.

2. 30-е – середина 60-х годов. Период компромисса между рабочим классом и бюрократией. Сдвиг социальной опоры бюрократии в сторону "нового" рабочего класса, формирующегося в ходе индустриализации, обеспечивает укрепление социальной базы советского

бонапартизма. Бюрократия продолжает поддержку социальных гарантий рабочему классу, создает условия для роста его численности и квалификационного уровня, оставляет некоторые каналы социальной мобильности (через массовое высшее образование), что не мешает ей прибегать и к жестким административным и репрессивным мерам против своего союзника (ограничения свободной мобильности рабочих, запрет стачек и свободных профсоюзов, аресты активистов подпольного рабочего движения, применение вооруженной силы против стачек и демонстраций рабочих). Поддерживается полная занятость. Политически этому соответствует переход от бонапартизма к превращению бюрократии в господствующее сословие.

Этот этап начинается с социальной «самокритики» бюрократии, выражающейся в вытеснении активистов революционного периода, заменяемых «выдвиженцами» из низшего слоя бюрократии, лишь некоторые из которых участвовали в революции на третьих-четвертых ролях. Затем в ходе массовых кровавых чисток происходит почти полное устранение ветеранов революции, и их место занимают «выдвиженцы», возглавляемые новым слоем партийно-государственного чиновничества, не участвовавшим в революции и воспитанным в недрах аппарата. Этот слой все еще связан с традицией революции, но не лично, а: 1) политически: с точки зрения легитимации (оправдания) их власти; 2) идеологически: с точки зрения лозунгов; и 3) социально, с точки зрения его происхождения из «низов». Для данного слоя традиция патернализма еще сохраняет свое значение, хотя уже и потеснена новыми традициями (привилегии, ритуализация идейного наследия революции как метод идеологического манипулирования и контроля, отказ от идеи достоинства личности и личных прав и свобод вне подчинения целям бюрократии). Патернализм все больше сводится к материальным и идеологическим подачкам.

3. Середина 60-х – конец 80-х годов. Размывание компромисса бюрократии и рабочего класса. Отмирание рудиментов социальной ответственности верхушки бюрократии перед работниками. Расширение масштабов бюрократических привилегий, выхолащивание всеобщих социальных гарантий, торможение роста благосостояния. Конфликт бюрократии с творческой и технической интеллигенцией.

Лишь в начале этого периода классовую природу бюрократии еще можно определять как недавно эмансипировавшийся от пролетарской основы слой государственных чиновников, особенностью которого является монополия управления всеми (формально – только национализированными) средствами производства. Далее происходит превращение бюрократии в замкнутую касту и оформляется стремление бюрократии превратиться из гос-

подствующего сословия (социальный статус которого определяется служебным положением) в класс.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Каковы были международные условия формирования «мировой системы социализма»?
2. Какое влияние оказал СССР на формирование социально-экономической модели, сложившейся в странах «мировой системы социализма»?
3. Каковы были внутренние противоречия в «мировой системе социализма» и как они были связаны с противоречиями между СССР и другими странами этой системы?
4. Каковы были противоречия, свойственные экономической системе советского типа, и какова была их эволюция на разных этапах экономического развития?
5. Как на развитии противоречий экономической системы советского типа сказались: завершение индустриализации, рост масштабов экономики, изменения модели потребностей населения?
6. В чем заключались причины замедления технического прогресса в экономической системе советского типа?
7. Почему в экономической системе советского типа стало происходить латентное (скрытое) развитие капиталистических элементов?
8. Каким образом в социально-экономической системе «реального социализма» происходило размывание социального компромисса, на котором эта система основывалась?
9. Какова была эволюция природы бюрократии в обществе «реального социализма»?

Литература для самостоятельного изучения:

Обобщающие исторические исследования по рассматриваемому периоду:

- Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3-х т. Т.1. Становление «реального социализма» (1945–1965). М.: Наука, 2000.
- Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3-х т. Т.2. От стабилизации к кризису (1966–1989). М.: Наука, 2002.
- Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. В 7-ми томах. М.: Мысль, 1976-1985. Тома 6 и 7.

Работы, посвященные наиболее важным историческим событиям, связанным с развитием «мировой системы социализма»:

- Азибеков Г. Коминформ и послевоенная Европа. 1947-1956. М.: 1994.
- Кайдерлинг Г. Берлин 1945-1975. М.: 1976.
- Корниенко Г. М. Новое о Карибском кризисе // Новая и новейшая история. № 3, 1991.
- Мусатов В. СССР и венгерские события 1956 г. // Новая и новейшая история. № 3, 1993.
- Орлик Г. Запад и Прага в 1968 г. // Новая и новейшая история. № 3, 1996.

- Наринский М. М. СССР и план Маршалла // Новая и новейшая история. № 2, 1993.
- Политические кризисы и конфликты 50-60-х гг. в Восточной Европе. М.: 1993.

Здесь содержится документальная база по рассматриваемому периоду:

- Гафурова Б.Г., Зубока Л.И. Хрестоматия по Новейшей истории в трёх томах. Том 3. Часть 1 (1945-1960). Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1961.
<http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000020/index.shtml>

Здесь рассматриваются проблемы и противоречия экономического развития СССР на разных исторических этапах:

- Ханин Г. Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые // Свободная мысль – XXI. 2002. №5
- Белоусов А., Клепач А. Кризис индустриальной модели советского типа // Альтернативы, 1994, №1(4) и 1995, №1.

В этой работе с современных левых позиций рассматриваются различные проблемы социально-экономического развития позднего СССР:

- СССР: «Застой». М.: Культурная революция, 2009.

ГЛАВА 37

АНАРХИЗМ И АНАРХИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

ДРУГИЕ НЕМАРКСИСТСКИЕ ВЕРСИИ СОЦИАЛИЗМА

37.1. Анархизм

Анархистское движение, получившее распространение еще в XIX веке, в первой половине XX века представляло собой заметное и влиятельное течение в социализме, во всяком случае, в некоторых странах (Южная Европа, Россия). Популярность анархизма в США и Западной Европе, бывшая в XIX веке важным фактором пролетарской борьбы, ко второй половине XX века постепенно сводится к очень низкому уровню.

В российской революции анархисты принимали живейшее участие, входя, в том числе, и в Петроградский военно-революционный комитет во время октябрьских событий 1917 года. Хотя анархисты были очень активны и заметны, образовав множество организаций и федераций, их влияние не было очень уж широким. В борьбе за массы они проигрывали и большевикам, и эсерам, и меньшевикам.

Тем не менее, в ряде местностей анархисты сумели приобрести довольно широкое влияние. Особенностью массовых анархистских движений периода революции является тот факт, что это были по

преимуществу крестьянские движения. Самое заметное из таких движений – это крестьянское движение под руководством Нестора Махно. Начавшись на Украине как партизанское движение против германской оккупации, оно приняло широкие масштабы под лозунгами крестьянского самоуправления, и стало важным военным фактором борьбы с «белыми» на юго-востоке Украины.

Было бы грубой ошибкой, вслед за официальной советской версией истории, изображать Махно лишь как ловкого демагога, ставшего крупнейшим из сонма многочисленных «батек», наводнивших в то время Украину. Движение, возглавляемое Махно, было, несомненно, наиболее успешной попыткой формирования самостоятельного крестьянского политического движения социалистической направленности с собственной программой, отличавшейся от эсеровской или большевистской. В то же время далеки от реальности попытки идеализировать махновское движение, представлять его как последовательное воплощение анархизма, и приписывать ему некое моральное превосходство над другими политическими силами и движениями.

Аналогичное движение, так же опиравшееся на крестьянскую массу, – в этом случае на антиколчаковские крестьянские партизанские отряды, – и действовавшее в значительной мере в идеологической оболочке анархизма, существовало примерно в этот же период времени и в Южной Сибири. Часть этого движения приобрела затем антибольшевистскую направленность.

Анархизм оказался в тот момент весьма подходящим идеологическим оформлением для защиты интересов мелкобуржуазных слоев крестьянства (то есть самостоятельных хозяев, работающих на рынок) – кулаков и в значительной мере середняков. Свобода хозяйствования и свобода торговли, автономия местного самоуправления, независимость от центральной власти – вот те идеи, которые были созвучны настроениям крестьянства, и которые во многом пересекались с лозунгами анархистов. Фактически под теми же лозунгами, только не получившими внятного идеологического оформления, выступало весьма массовое «зеленое движение» (крестьяне-дезертиры, не желавшие служить ни в Красной, ни в «белой» армии). Некоторые схожие черты можно проследить и в восстании Антонова на Тамбовщине. Влияние анархистов чувствовалось и в Кронштадтском мятеже.

Политическая неудача анархистов в России определялась несколькими факторами. Так же, как и в случае с эсеровским движением, острое противоборство в Гражданской войне не оставляло места никаким промежуточным силам между «красными» и «белыми». Любое движение, опиравшееся на крестьянство, не могло выстроить

общенациональную политическую организацию. Кроме того, автономизм и конфедеративные принципы объединения, проповедовавшиеся анархистами, были не слишком хорошим подспорьем для того, чтобы выступить в качестве реальной эффективно организованной силы в гражданской войне в масштабе всей страны. Централизованный государственный аппарат и регулярная армия, в конечном счете, оказались сильнее.

Анархо-коммунистические течения некоторое время выступали как союзники большевиков, и, абстрактно рассуждая, могли бы сохраниться в этом качестве. Однако и здесь против анархистов сработали два фактора. Первый – нарастание неустойчивости власти большевиков в 1918 году, в условиях ожесточенной гражданской войны, заставило последних повести борьбу за свою фактическую монополию на власть. Любые конкуренты даже внутри социалистического лагеря (левые эсеры, максималисты, меньшевики и т.д.) рассматривались как угроза железному единству диктатуры пролетариата.

Второй фактор – увлечение анархистов работой в маргинальной социальной среде, что создало питательную почву для инфильтрации ряда анархистских групп социально безответственными и прямо преступными элементами, нашедшими себе в анархистских организациях легальное прикрытие. Это создало для большевиков предлог (а подчас и необходимость) разоружить неподконтрольные им анархистские отряды и ограничить деятельность анархистских организаций. Смыкание некоторых анархистов с контрреволюционным подпольем создало новые основания для давления на анархистское движение. В этих условиях часть анархистов перешла в лагерь большевиков, часть отошла от активной политической деятельности, многие оставшиеся перешли к нелегальной работе.

Как и все небольшевистские социалистические течения, анархизм свелся в СССР в 20-е – 30-е годы к остаточным разрозненным подпольным группам.

Другой пример активного и влиятельного участия анархистов в революционном социалистическом движении – гражданская война 1936–1939 годов в Испании. Анархо-синдикалистское движение, опиравшееся на профсоюзы, пользовалось значительным влиянием в Арагоне и Каталонии. Испанские анархисты достигли немалых успехов (как и потерпели немало неудач и совершили немало ошибок) в практическом применении идей безгосударственного самоуправления. Однако мы не имеем возможности подвести итоги анархистского эксперимента, поскольку в 1937 году анархистское движение пало жертвой сначала внутренней политической борьбы в Народном

фронте, во многом инспирируемой и осуществляемой по указке Сталина, а затем попало под удар франкистской диктатуры.

Популярность анархизма на некоторое время выросла в середине и второй половине 60-х годов XX века, вместе со всплеском левого движения в молодежной среде. Анархисты были активными участниками движения «новых левых», в том числе участвовали в создании молодежной левой контркультуры (хиппи, коммун, различные виды художественного творчества протестной направленности и т.д.).

Хотя реальное участие анархистов в общественной жизни и в левом движении имеет в последние десятилетия значительно меньшие масштабы, чем в первой половине XX века, идейное влияние анархистов на левое движение остается довольно значительным, что объясняется их последовательной приверженностью идеалам безгосударственного самоуправляющегося общества, и существенным как теоретическим, так и практическим вкладом в борьбу за достижение этих идеалов. В других течениях социализма (в том числе и в марксистских течениях) эта сторона социалистического учения была разработана слабее.

Современный анархизм проделал довольно заметную теоретическую эволюцию. В частности, началась проработка вопросов перехода от насильственных методов взятия и удержания власти в ходе революции к организации ненасильственного безгосударственного общества, тогда как прежде вопрос о подобном переходном процессе вообще не ставился и даже принципиально отвергался.

37.2. Муниципальный социализм, гильдейский социализм, кооперативный социализм

Данная группа социалистических концепций выделяется тем, что в их основание положен какой-либо один принцип организации социалистического общества.

Муниципальный социализм (наиболее известными приверженцами которого были основатели Фабианского общества в Великобритании в конце XIX – начале XX века) предполагает передачу основных средств производства в муниципальную собственность. Тем самым общественный контроль над производством должен быть обеспечен на уровне местного самоуправления. Это, по замыслу сторонников муниципального социализма, позволяет избежать концентрации власти в руках бюрократического центрального аппарата, делает управление общественным имуществом приближенным к рядовым гражданам, которые могут непосредственно участвовать в де-

лах местного самоуправления, и эффективно контролировать выборов муниципальных чиновников.

Одной из проблем муниципального социализма, осознаваемой и его сторонниками, является проблема обеспечения общенациональной координации экономической деятельности. В качестве средства такой общенациональной координации в концепции муниципального социализма предлагается объединение всех граждан в общенациональный потребительский кооператив, способный регулировать структуру совокупного спроса (а вместе с этим – и предложения) в национальном хозяйстве.

Концепция гильдейского социализма (так же выдвинутая некоторыми представителями Фабианского общества в Великобритании в начале XX века) основана на объединении граждан в союзы по профессиям, которые и осуществляют регулирование хозяйственной деятельности. Особенностью данной концепции является передача этим союзам так же и функций политического представительства. Авторы концепции гильдейского социализма надеялись таким образом сделать демократическое волеизъявление более компетентным и более связанным с повседневным практическим опытом граждан.

В концепции гильдейского социализма так же существует проблема общенациональной экономической координации, равно как и стремление избежать усиления централизованного бюрократического государства. С этой целью выдвигается идея создания общенациональной коммуны, которой и передается ряд функций общенациональной экономической координации. Однако, при ближайшем рассмотрении, оказывается невозможно отличить набор функций, передаваемых этой коммуне, от функций государства, управляющего совокупной национализированной собственностью.

Если первые две социалистические концепции получили заметное распространение только в Великобритании, и к 20-м годам XX века уже значительно растеряли свою популярность, а затем были почти забыты (хотя и были частично инкорпорированы в идеологию социал-демократии), то концепция кооперативного социализма, зародившись так же в Великобритании, получила значительно более широкое распространение и до сих пор полностью не сошла со сцены.

Кооперативный социализм концентрирует внимание на кооперативных товариществах, которые возникают в рамках капиталистической системы, но основаны на некапиталистических принципах. Предполагается, что эффективность кооперативных товариществ и достигаемая в них социальная справедливость (освобождение от эксплуатации) будет привлекать к ним все больше и больше граждан. Постепенно экономическая система превратится в основ-

ном в систему производственных, потребительских, ссудно-сберегательных, жилищных и тому подобных кооперативов.

За полтора века, прошедшие с тех пор, как сложилась концепция кооперативного социализма, сколько-нибудь существенного сдвига в сторону превращения капиталистического общества в общество кооперативное не произошло. Однако сохраняющаяся привлекательность концепции кооперативного социализма основывается на реально существующем кооперативном движении и его отдельных успехах. К кооперативному движению, так или иначе, причастны сотни миллионов людей, оно имеет свои авторитетные международные организации, а отдельные кооперативные предприятия и сети добились довольно впечатляющих результатов.

Все три рассмотренные концепции объединяет так же неприятие революционного пути преобразования капиталистического общества, ставка на его постепенную, «естественную» эволюцию под влиянием примера и убеждения.

37.3. Демократический социализм, этический социализм, христианский социализм

Концепция демократического социализма сформировалась как противовес идеям и практике коммунистического движения, превратившись на некоторое время в нечто вроде официальной доктрины социал-демократии. В политическом отношении демократический социализм основывался на принципах многопартийности, свободных выборов, парламентаризма, широкого развития местного самоуправления, которые противопоставлялись фактической однопартийности и отсутствию свободных выборов в государствах, где к власти пришли коммунистические партии. В экономическом отношении демократический социализм склонялся к смешанной экономике с широким развитием общественных форм собственности, при ограничении бюрократического централизованного планирования и при широком развитии производственного самоуправления.

Демократический социализм предполагал переход к социалистическим формам организации общества исключительно мирным демократическим путем, в рамках буржуазной легальности.

С течением времени, вместе с дрейфом социал-демократии вправо, концепция демократического социализма уже перестала удовлетворять верхушку социал-демократии и в период после Второй мировой войны все больше вытесняется доктриной этического социализма. Этический социализм по существу отказывается от формирования представлений о социализме как об особом обществен-

ном строе, особой исторической стадии общественного устройства, приходящей на смену капитализму. Для этического социализма социализм сводится к набору этических принципов (справедливость, солидарность и т.д.), которые должны с течением времени постепенно все более полно реализовываться в существующем обществе.

Как разновидность этического социализма можно рассматривать христианский социализм. Особенностью христианского социализма является критика существующего общества с точки зрения принципов христианской этики, а практическое приближение к принципам христианской этики и рассматривается как задача христианского социализма. Доктрина христианского социализма обычно исповедуется партиями и организациями, не принадлежащими к социалистическому или социал-демократическому движению. Концепции христианского социализма оказали заметное влияние на официальную социальную доктрину современной католической церкви.

Христианский социализм может иметь разную степень радикальности, в зависимости от того, насколько радикальной является критика существующего общества и стремление воплотить на практике христианскую мораль. Одним из наиболее радикальных современных течений христианского социализма является «теология освобождения», зародившаяся в Латинской Америке (о ней будет сказано подробнее в следующем параграфе).

37.4. «Социалистические» движения в отсталых странах, освободившихся от колониальной зависимости

Движения и партии с социалистической идеологической окраской на протяжении всего XX века возникали в больших количествах в колониальных и зависимых странах, особенно в период распада колониальной системы. Однако если классовая база социалистического движения в развитых капиталистических государствах была по преимуществу пролетарской, то в зависимых странах, колониях и бывших колониях оно опиралось преимущественно на крестьянство, городскую мелкую буржуазию, деклассированные элементы и лишь в небольшой степени – на наемных рабочих.

Классовая структура этих стран, как и социально-экономический строй, ее определяющий, исключают или крайне затрудняют в этих странах борьбу за социализм как непосредственную цель движения. Поэтому идеология и политика движений под социалистическими лозунгами в этих странах, как правило, либо приобретает черты, свойственные допролетарскому, утопическому социализму («идеи

Чучхэ»), либо является оболочкой или даже сознательным прикрытием по существу иной, не социалистической направленности таких движений.

Фактически подавляющее большинство этих движений на деле носило и носит не социалистический, а национально-освободительный характер, а социалистические идеи выступали оболочкой для буржуазного или мелкобуржуазного национализма (типичный пример – эволюция идеологии Индийского национального конгресса), нередко с примесью реакционной добуржуазной идеологии. Отсюда широкое распространение «национальных» социалистических доктрин, приспособляющих социалистические идеи к целям местных господствующих классов, стремление согласовать социалистические лозунги с религиозными догмами («исламский социализм», учение Муамара Каддафи и т.п.).

Тем не менее, в такого рода движениях находит отражение и протест угнетенных слоев населения, придающий им утопически-социалистическую окраску, и влияние международного социалистического движения. В странах, где уже получил значительное развитие капитализм, и антагонизм капиталистов и наемных рабочих приобрел очевидные формы, в движение могут проникать идеи современного научного социализма. Соединение всех этих черт особенно характерно для стран Латинской Америки с начала XX века (движение Эмилиано Сапаты и Панчо Вильи в Мексике) и до наших дней (движение сандинистов в 70-е гг. XX века, победа левых коалиций на президентских выборах в Венесуэле, Эквадоре, Боливии в начале XXI века).

Своеобразный сплав антикапиталистического освободительного движения угнетенных масс и концепций христианского социализма (при определенном влиянии вспыхнувшего в эти же годы движения «новых левых» в развитых странах) привел к формированию в конце 60-х – начале 70-х годов в Латинской Америке «теологии освобождения». Ее авторами были католические священники, пришедшие к выводу о совместимости революционной борьбы против бедности и угнетения с идеалами христианства. Ряд идеологов «теологии освобождения» видит совместимость христианских идей с социалистической теорией, в том числе и с марксизмом.

«Теология освобождения» является не только концепцией, но и практикой, опирающейся на десятки тысяч групп верующих, самостоятельно изучающих Священное писание, организующих взаимопомощь и т.д. Ряд священников – сторонников «теологии освобождения» приобрел широкую известность своим активным участием в революционной борьбе.

Католическая церковь, признавая некоторые идеи «теологии освобождения», тем не менее, отвергает это учение. Римская курия с начала 80-х годов (как Кароль Войтыла – Иоанн Павел II, так и его преемник Йозеф Ратцингер – Бенедикт XVI) вела активное идеологическое и административное давление против этой концепции (вплоть до отлучения от сана ряда священников – сторонников «теологии освобождения»). Официальная социальная доктрина католицизма, признавая все те проблемы, из которых исходят авторы «теологии освобождения», выступает категорически против участия священников в политической борьбе, против идей классовой борьбы и революции, проповедуя классовый мир и примирение враждующих классов.

Ослабление привлекательности социализма в мире в начале 90-х годов XX века сказалось и на популярности «теологии освобождения». Однако в начале XXI века ее влияние вновь стало возрастать в связи с явным «полевением» Латинской Америки и неизбежным поиском массой верующих своей идейной дорожки к революционному движению.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Какую роль сыграл анархизм в русской революции?
2. Каковы наиболее заметные вехи участия анархистов в мировом социалистическом движении на протяжении XX века?
3. Что объединяет между собой доктрины муниципального, гильдейского и кооперативного социализма? Что из идейного багажа этих доктрин используется современной социал-демократией?
4. В чем причина сохранения некоторого влияния идей кооперативного социализма в современную эпоху?
5. Почему идеология социал-демократии испытала эволюцию от демократического социализма к этическому социализму? В чем заключается основное отличие этих доктрин?
6. В чем специфика христианского социализма как разновидности этической концепции социализма?
7. Какова специфика движений под социалистическим лозунгами в относительно слаборазвитых странах? Каково реальное социально-политическое содержание этих движений?
8. В чем состоит содержание и причины формирования концепции «теологии освобождения» в ряде стран Латинской Америки?

Литература для самостоятельного изучения:

О развитии анархистского движения в XX веке пишут его теоретики:

- Дамье В. В. Анархо-синдикализм в XX веке. М. : ИВИ РАН, 2001.
- Дамье В. В. Забытый Интернационал. Мировое анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. Т. 1 : От революционного синдикализма к анархо-синдикализму: 1918—1930.

2006. ; Т. 2: Международный анархо-синдикализм в условиях «Великого кризиса» и наступления фашизма: 1930—1939 годы. 2007.

- Шубин А. В. Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания. 1917—1939 гг. М.: ИВИ РАН, 1998.
<http://www.makhno.ru/lit/book2.php>

О гильдейском социализме:

- Webb S. and B. A Construction for the Socialist Commonwealth of Great Britain. London, 1920
- Коль, Г. Гильдейский социализм /С предисл. Ф. А. Роштейна ; Пер. с англ. Л. И. Раевского. М.: Плановое хозяйство, 1925

О кооперативном социализме:

- Пронин С. В. Что такое современный «кооперативный реформизм». [М.], 1961.
- Пронин С. В. «Демократический социализм» и проблема кооперативной социализации в Англии, М., 1964.
- Бондаренко Н.В., Куцетеров Р.М., Кочкарова З.Р. История и теория кооперации: Учебник для студентов кооперативных вузов /Под общ. ред. Куцетерова Р.М. Ставрополь:Ставропольский кооперативный институт, 1998Жид Ш. О кооперации: Пер. с фр. М., 1918.
- Первушин М. А. Кооперативное движение в условиях капитализма (середина XVIII в. - вторая треть XIX в.): Учебное пособие. М.: 1981

Изложение концепции этического социализма:

- Вилли Айхлер. Этический реализм и социальная демократия. Избранные труды. М.: ИВФ Антал, 1996.

О христианском социализме:

- Шенман М. М. Христианский социализм (глава III). М.: Наука, 1969.
- Новиченко И. Ю. Чарльз Кингсли и английский социализм середины XIX века. М.: РОССПЭН, 2001
- Джонсон Х. Христиане и коммунизм. М., 1957
- Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск: Наука, 1991.
- Основы социальной концепции Русской Православной Церкви.
<http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>

О «теологии освобождения»:

- Революция в церкви? (Теология освобождения): Документы и материалы. М., 1991.
- Радугин А. А. Революционно-демократические тенденции в современной латиноамериканской теологии. // Социально-политические науки, 1990, №6

ЧАСТЬ VIII

КРИЗИС СОЦИАЛИЗМА

И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

ГЛАВА 38

КРИЗИС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ВЫРОЖДЕНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В КОНЦЕ XX ВЕКА

38.1. Общий «откат» социалистического движения в 90-е годы XX века

Крах обществ «реального социализма» (выполнявшего функцию противовеса западной буржуазной цивилизации) выступил как важнейшая видимая причина ослабления всех социалистических движений. Однако кризис социалистических движений назревал уже давно, и имел корни, в том числе и не связанные непосредственно с теми факторами, которые определили распад «мировой социалистической системы».

Глубокий кризис коммунистического движения определялся в первую очередь тем фактом, что рабочий класс развитых капиталистических государств не горел желанием участвовать в революционном ниспровержении капиталистического строя. Одновременно происходила эволюция социал-демократии от социал-реформизма к буржуазному реформизму – постольку, поскольку социал-

реформизм, как политика медленной эволюции капиталистической системы в сторону ее «социализации», натолкнулся на свой предел. Дальнейшая «социализация» капитализма уже не отвечала интересам капитала и могла поставить под сомнение экономические интересы и властные позиции господствующего класса.

Крах советской модели в СССР и отказ от нее в большинстве бывших «социалистических» стран лишь сделали нараставшие проблемы осязаемыми и очевидными. Неудача первого грандиозного исторического эксперимента по формированию общественной системы, альтернативной капитализму, сразу ясным и недвусмысленным образом поставила под вопрос смысл и перспективы любого социалистического движения.

Коммунистические партии, которые в большей или меньшей степени отождествлялись с приверженностью советской модели, резко утратили свою популярность или вообще исчезли как сколь угодно заметная политическая сила. Социал-демократия, в основном уже исчерпавшая свою историческую задачу – обеспечение прогрессивной эволюции капиталистической системы на основе классового компромисса (в рамках возможного в нынешнюю историческую эпоху) – утратила главный рычаг давления на господствующие классы. Теперь призрак «коммунистической угрозы» исчез, а сама социал-демократия оказалась слишком беспомощна, чтобы самостоятельно добиваться уступок у капиталистов.

Тем не менее, полного краха ни коммунистического движения, ни социал-демократии, ни иных социалистических течений не произошло. Даже тот колоссальный провал социалистической идеи, каким в глазах мирового общественного мнения был крах «мировой социалистической системы», оказался не способен уничтожить сложившиеся течения в рамках социалистического движения. Однако потери оказались достаточно болезненными и серьезными.

38.2. Утрата позиций коммунистическим движением

Какие бы неудачи ни претерпевало социалистическое движение, главная причина его существования – противоречия существующего капиталистического общества – никуда не исчезла. Даже глубокая дискредитация коммунистического течения не привела к его полной гибели. Коммунисты утратили большую часть своих позиций, однако сохранились как радикальное крыло социалистического движения – в виде уменьшившихся в размере партий (во Франции, Испании, Португалии) либо как составные части (фракции) новых партий социалистической направленности (PDS, а затем Die Linke – в Герма-

нии), либо путем объединения с троцкистами и другими леворадикальными организациями (Rifondazione Comunista в Италии). Троцкистское крыло коммунистического движения при этом почти не утратило популярности, и троцкистские организации послужили во многих случаях центрами консолидации приверженцев леворадикальных взглядов. Поскольку троцкисты всегда дистанцировались от советской модели и от «просоветских» коммунистических партий, постольку крах СССР не нанес им такого удара, как коммунистическим партиям, ориентированным на Москву.

Коммунистическое движение утратило свою прежнюю целостность. Одни партии и группы в основном сохранили свои прежние установки, другие стали метаться между левым радикализмом и умеренным социализмом, часть перешла на социал-реформистские позиции. Значительная часть членской базы коммунистических партий в странах бывшей «мировой социалистической системы» перешла в социал-реформистские или лево-либеральные партии, созданные на базе бывших правящих партий, а другая часть – в националистические и в правые партии.

Тем не менее, и в постсоциалистических странах кое-где сохранились самостоятельные коммунистические партии. Однако лишь в России коммунистическая партия не превратилась в небольшую маргинальную политическую группу, хотя такие группы во множестве возникли рядом с «большой» КПРФ. Сама же КПРФ претерпела значительную идейно-политическую эволюцию (корни которой, впрочем, были заложены еще в эпоху «застоя»).

Консолидация части бывших членов КПСС в рамках КПРФ в начале 90-х годов XX века произошла на основе синтеза прежней официальной коммунистической риторики с популистскими и националистическими лозунгами. Это не было ни случайностью, ни чисто конъюнктурным поворотом лидеров КПРФ в погоне за сиюминутной популярностью. Националистический поворот явно намечался еще в рамках прежней КПСС и имел в ней немало приверженцев. Этот поворот отражал кризис политики и идейной доктрины КПСС, равно как и неспособность и нежелание многих руководителей КПСС искать выход из назревавших противоречий в рамках марксизма (да и вообще социализма).

Кризис начала 90-х годов создал дополнительную питательную почву для роста массовых националистических настроений. Явная утрата статуса великой державы, вместе с упадком экономической и военной мощи, несомненная роль внешних сил, содействовавших разрушению СССР, явления неконтролируемой миграции в интересах нового капитала, привлекающего дешевую рабочую силу из бывших республик СССР – все это создавало благоприятные возмож-

ности для розыгрыша националистической карты в политической игре.

На первых порах националистический уклон в идеологии КПРФ принес ей немалые политические дивиденды в борьбе с правящими прозападными либеральными кругами. Но затем правящие классы стали перехватывать лозунги у КПРФ, дозированно используя националистическую демагогию для укрепления собственной популярности. Сама же КПРФ оказалась заложницей своих идеологических установок, ведущих ее в тупик. Руководство КПРФ упорствует в сохранении националистической идеологии, и даже развернуло в 2009 – 2010 годах кампанию чистки против наиболее крупных и активных партийных организаций (Петербургской, Московской и целого ряда других), обвиняя их в недостаточной приверженности национальной доктрине КПРФ.

38.3. Разложение социал-демократии

Социал-демократы, по всей видимости, почти не потеряли своих политических позиций. Они во многих странах сохранили свой статус элементов «двухпартийной» системы власти, время от времени становясь правящими партиями. Однако это «самосохранение» социал-демократии было куплено ценой заметной эволюции программных установок и политического курса. Заметная часть социал-демократии еще больше сдвинулась вправо, отказываясь от остатков прежних социалистических ценностей и окончательно превращаясь в составную часть системы политического господства буржуазии.

Опубликованный 8 июня 1999 года документ «Путь вперед для европейской социал-демократии» (приобретший известность как «Манифест Блэра–Шредера») как раз и стал идеологическим выражением этого дрейфа. Авторы документа, претендуя на то, чтобы найти «третий путь» между социализмом и неолиберализмом, на самом деле пошли по пути уступок неолиберализму. Такой подход встретил резкое неприятие не только на левом фланге социал-демократического движения, но и у многих лидеров правящих социал-демократических партий, которые не без оснований опасались, что отказ от критического подхода к капитализму и либеральной глобализации, и от социальной защиты трудящихся приведет к потере поддержки социал-демократии на выборах.

Кроме того, отчетливо проявившееся стремление капитала «отыграть обратно» социальные уступки, сделанные во второй половине XX века, вызвало массовое сопротивление трудящихся классов,

576 и усилило давление снизу на позиции социал-демократических и социалистических партий.

Поэтому состояние современной социал-демократии можно оценить как колебания между окончательной капитуляцией перед правящими классами и попытками продолжать традиции социальной самозащиты перед лицом наступления капитала на позиции трудящихся.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. В чем причины общего отступления социалистического движения в 90-е годы XX века?
2. Почему коммунистическое движение утратило большую часть своих позиций?
3. Почему троцкистское крыло коммунистического движения понесло относительно меньшие политические потери?
4. В чем причины эволюции части приверженцев коммунистических партий вправо и к национализму (особенно в Восточной Европе)?
5. Каковы корни и ход идейно-политической эволюции КПРФ?
6. Какие факторы современного этапа развития капитализма ослабляют позиции социал-демократии?
7. В каких направлениях происходит идейная и политическая эволюция современной социал-демократии?
8. Почему, несмотря на кризис и существенные политические потери, социалистическое движение не исчезло и сохраняет значительное влияние?

Литература для самостоятельного изучения:

О состоянии российского коммунистического движения:

- Сорокин А.А. Наследники КПСС. // Альтернативы, 2006, №2.
- Пригарин А.А. Кризис перед возрождением (о коммунистическом движении в России). <http://rko-kpss.boom.ru/KrizisPvervedVozroidvenivem.html>

Здесь вы можете ознакомиться с сопоставлением нескольких важнейших идейных течений современности:

- Либерализм, социал-демократизм, коммунизм: академическая дискуссия. М.: Ленанд/URSS, 2005.

В данных работах содержатся различные точки зрения на положение современного социал-демократического движения:

- Западная социал-демократия: поиск обновления в условиях кризиса. М.: ИФ РАН, 1998.
- Сингер Д. Реквием по социал-демократии? // Альтернативы, 1998, №1.
- Кагарлицкий Б. Агония социал-демократии (несколько тезисов для политической дискуссии) // Альтернативы, 1998, № 1.
- Социал-демократия: pro и contra (Обсуждение книги теоретика германской социал-демократии Вилли Айхлера) // Альтернативы, 1998, №1.
- Воейков М., Лашинский И. Иллюзии социального партнерства // Альтернативы, 1998, № 1.

(Журнал «Альтернативы» см. на сайте <http://www.alternativv.ru>)

ГЛАВА 39

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

КРАХА «РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА»

39.1. Почему проиграно соревнование с капитализмом?

Буржуазное общество – в наиболее развитых странах, где противоречия капитализма более всего вызрели – стало эволюционировать, принимая и интегрируя в свою социально-экономическую структуру некоторые уже не вполне буржуазные элементы («ростки социализма»), что стало наиболее заметной чертой в 50-е – 70-е годы XX века. В этом смысле для капитализма XX века стали характерны все нарастающие переходные процессы и формирование переходных производственных отношений, однако, при сохранении господствующей роли капиталистического способа производства. Сюда можно отнести распространение целого ряда ограничений эксплуатации (сужение границ рабочего дня, установление режима отпусков, минимальной оплаты, системы норм, регулирующих условия труда, права на коллективный договор и т.п.), и установление системы социальных гарантий, частично оплачиваемых из прибавочного продукта (пенсии, социальные пособия, в том числе по безработице, финансируемые из бюджета сектора в здравоохранении и образовании и т.д.). Кроме того, продолжали развиваться и ограничения действия рыночного механизма, связанные с разнообразными формами государственного и общественного (например, со стороны профсоюзов, организаций потребителей и т.д.) регулирования экономики.

Именно эти переходные формы (возникновение которых вполне закономерно для зрелого способа производства), как и лежащая в их основе борьба рабочих за более достойные условия существования, и обеспечили странам наиболее развитого капитализма постепенное нарастание элементов постиндустриального производства, а вместе с этим – и преимущество в соревновании с СССР.

Советская же социально-экономическая модель именно в этот период времени стала утрачивать имевшиеся у нее преимущества и все более ощутимо наткнуться на ограничения, заложенные в нее еще при ее формировании в 30-е годы XX века.

Непосредственной причиной экономических трудностей, с которыми столкнулся советский эксперимент, было несоответствие сис-

темы экономических отношений, довольно эффективно решавших задачи догоняющей (по существу капиталистической) индустриализации, задачам развития на позднеиндустриальном этапе (когда индустриализация в основном завершена), а тем более – перехода на постиндустриальный этап.

Воспроизводственно-технологический аспект этого кризиса хорошо описан А.Белосовым и А.Клепачем в серии статей в журнале «Альтернативы»¹. Не менее важным представляется мне и мотивационный аспект. Советская система пыталась создать механизм хозяйственной мотивации, альтернативный вещно-денежному. Однако эта попытка совершалась в условиях, когда потенциал вещно-денежной мотивации был далеко еще не исчерпан, а вещно-денежные потребности не насыщены. Кроме того, сама гипербюрократизация ставила мощные препоны на пути действия альтернативной мотивации, опирающейся на принцип свободной реализации творческих способностей человека. В этих условиях цели вещно-денежной мотивации оказались для большинства населения желанными, но во многом не достигнутыми.

Однако ведь и капитализм начала XX века не был приспособлен для решения задач позднеиндустриального, а затем и постиндустриального этапа. Проблема заключалась в том, что капиталистический строй содержал в себе достаточный потенциал для эволюционного приспособления к условиям позднеиндустриального и появляющегося постиндустриального производства. Во многом это диктовалось принудительной необходимостью, исходившей от «соревнования двух систем».

Советская же система оказалась для этого чересчур окостеневшей. Ее заложенная при Сталине гипербюрократизация, бывшая неотъемлемым звеном системы, определявшим ее лицо, оказалась и основным тормозом для ее эволюции. Кроме того, устойчивость системы была подорвана размыванием классового компромисса, лежавшего в ее основе.

Кратковременный всплеск научно-технического творчества, опиравшийся на заметный рост реального потребления и качества жизни во второй половине 50-х – начале 60-х годов, обеспечил высокий темп экономического развития и пробудил надежды, оказавшиеся необоснованными. Этот последний в СССР период быстрого экономического и социального прогресса пришелся на краткий момент поверхностной «десталинизации». Однако речь на деле шла лишь о ликвидации репрессивных крайностей сталинского режима. Попыт-

---

¹ Белоусов А., Клепач А. Кризис индустриальной модели советского типа // Альтернативы, 1994, №1(4) и 1995, №1.

ки же призвать к изменению экономического и политического устройства советского общества в духе идеалов Октябрьской революции были успешно отторгнуты системой, возглавлявшейся сталинскими выдвиженцами, глубоко проникнутыми духом сталинизма (Хрущев, Брежнев, Сулов). Не произошло даже возврата к относительно мягкому варианту бюрократической системы 20-х годов XX века.

Когда в ходе «перестройки» была поставлена задача перехода к «социализму с человеческим лицом», то оказалось, что необходимое для этого устранение системы бюрократического централизма разрушает всю сложившуюся модель «реального социализма», поскольку в ее недрах не было почти никаких широко развитых социальных механизмов, способных заместить господствующую бюрократию (были лишь деформированные и рудиментарные вкрапления элементов общественной самодеятельности). Бюрократия, столкнувшись с неэффективностью старой, «сталинской» модели, лишившейся в ходе эволюции репрессивных стимулов развития, и почувствовав угрозу краха этой модели, встала перед выбором: на что менять обанкротившуюся систему? Пойти по пути поддержки постепенного развития общественной самодеятельности, социального творчества трудящихся, реальной «демократии для всех»? Или сдать в утиль социалистические лозунги и кинуться приобретать буржуазные источники дохода и буржуазные условия существования?

На самом деле бюрократия сделала свой выбор еще до начала видимого кризиса советской системы. Оказалось справедливым предвидение Троцкого, который писал: «Если, наоборот, правящую советскую касту низвергла бы буржуазная партия, она нашла бы немало готовых слуг среди нынешних бюрократов, администраторов, техников, директоров, партийных секретарей, вообще привилегированных верхов. Чистка государственного аппарата понадобилась бы, конечно, и в этом случае; но буржуазной реставрации пришлось бы, пожалуй, вычистить меньше народу, чем революционной партии. <...> Никак нельзя рассчитывать и на то, что бюрократия мирно и добровольно откажется от самой себя в пользу революционного равенства. ...На дальнейшей стадии она должна будет неминуемо искать для себя опоры в имущественных отношениях»¹. Впрочем, Троцкий не сделал из своего анализа дальнейшего логичного вывода: сама бюрократия и составит в большинстве своем ту самую «буржуазную партию», которая свергнет советский строй.

«Перестройка» оказалась последней неудачной попыткой превратить официальную идеологию, давно ставшую ложью, в правду. Ведь невозможно одни и те же социалистические лозунги, долго слу-

¹ Троцкий Л. Преданная революция. М.: НИИ Культуры, 1991, с. 209-210.

жившие средством обмана масс, в одночасье превратить в программу практических действий. Бюрократия в этом вовсе не была заинтересована, и даже те немногие из ее рядов, кто искренне пытался сделать что-то в этом направлении, не могли уже рассчитывать на то, что отравленные систематической ложью идеи вдруг приобретут всеобщее доверие.

Это была одна из важных, но не единственная причина того, что лидирующим в борьбе с бюрократизированным строем СССР оказалось антисоциалистическое движение.

Приход капиталистической системы оказался неизбежным, поскольку она была *единственной реально существующей альтернативной системой, соответствующей достигнутому уровню производительных сил*, и к тому же занимающей господствующие позиции в мировом хозяйстве. Она также создавала прочную иллюзию соответствия стремлению большинства насытить свои вещно-денежные потребности. Кроме того, всем была очевидной неспособность тех фракций бюрократии, которые цеплялись за сохранение старых порядков, к сколько-нибудь конструктивной работе. Интересы же трудящихся на деле не собирались защищать ни те из номенклатуры, кто хотел капиталистической эволюции, ни те, кто выступал против нее.

Что касается такой проблемы, как *международные условия гибели советской системы*, то наиболее кратко эти условия можно определить как образование исторического разрыва между попыткой социалистических преобразований в СССР и вызревaniem объективных предпосылок для такой попытки во всемирном масштабе. Дело здесь не столько в самом факте изоляции СССР и «мировой системы социализма», а в том, что эта изоляция была предопределена объективными тенденциями всемирно-исторического процесса. В таких условиях борьба мировой капиталистической системы против вызова со стороны альтернативной системы имела все шансы на успех. Внутренние противоречия советского «социализма», корни которых лежали в объективной невозможности складывания новой, более прогрессивной, чем капитализм, социально-экономической системы социализма без достаточных материальных и экономических предпосылок, да еще и в национально-ограниченных рамках, позволили капиталистической системе сыграть на этих противоречиях и ускорить гибель Советской державы. Хотя материальные предпосылки социализма в СССР к тому времени были несравненно более зрелыми, чем в 20-е или 30-е годы, были утрачены социально-политические предпосылки социализма. Советский «реальный социализм» до самых последних дней своего существования так и не нашел выхода из тисков погубившей его сталинской модели.

39.2. От «строительства социализма» к «строительству капитализма»?

Следует заметить, что ни одна из существующих национальных моделей «социалистического строительства» так и не вышла за рамки того бюрократического прототипа, который сложился в СССР. Хотя югославскую или кубинскую модель при этом нельзя в полном смысле слова назвать сталинистскими, но при всем их своеобразии они все же остались в пределах «бюрократического социализма». Ни одна из этих моделей не устояла перед натиском буржуазных социально-экономических отношений. Однако следует обратить внимание на своеобразие того ответа, который дали на этот натиск некоторые из национальных моделей.

Кубинская модель, хотя и открыла широкую дорогу развитию буржуазных (главным образом в формах государственного капитализма) и переходных социально-экономических отношений, сохранила очень многое от первоначального социалистического импульса, причем не только в политико-идеологической сфере. Кубинцам удалось достичь глубоких прогрессивных сдвигов в структуре производства в постиндустриальном направлении (однако одновременно остаются нерешенными многие проблемы насыщения базовых потребностей). Остается лишь удивляться, как стране со столь слабой экономикой удастся столь долго удерживать значительные элементы социалистического эгалитаризма в экономике, социальной сфере и в политике.

Китайская модель, хотя и не устояла перед лицом победы капиталистического мира, ответила на эту победу не стихийным развалом прежней системы и торжеством «дикого капитализма», а управляемым переходом на государственно-капиталистические рельсы.

Что же касается России, то в ней происходит формирование крайне неустойчивой, неосновательной модели капитализма. Для того, чтобы не только указать на видимые, бросающиеся в глаза приметы такой неустойчивости, но и понять их фундаментальные основания, следует совершить небольшой экскурс в теорию.

Как уже отмечалось ранее, переход от одного способа производства к другому в социальном отношении никогда не представлял собой прямое превращение основных классов одного способа производства в основные классы другого. Римские колонны и «рабы с хижинами» не превратились сразу же в средневековых крепостных: между римским колоном и средневековым крепостным стоял свободный крестьянин, которого еще только предстояло закрепить. Средневековые крепостные не превращались непосредственно в наемных

работников – между ними стоит фигура независимого мелкого товаропроизводителя (в деревне ли, в городе ли), лишь экспроприация которого привела к пролетаризации трудящегося населения. Аналогичную трансформацию претерпевали и представители господствующих классов. Кроме того, значительная часть последних рекрутировалась из рядов прежде угнетенных классов (пример – «третье сословие»).

В этом смысле социальная база российского капитализма представляет собой совершенно искусственное, «тепличное» растение. Наш капитализм не развился на почве широкого слоя свободных мелких товаропроизводителей («мелкой буржуазии») – крестьян и ремесленников, выделивших из своих рядов как пролетарские, так и капиталистические элементы. То же самое относится и к Восточной Европе, хотя там во многих случаях существовала хотя и не слишком большая, но заметная прослойка мелкой буржуазии (в этом существенное отличие, скажем, Польши или Венгрии от СССР).

Но такой ход развития и невозможен был в XX веке, в странах, экономика которых уже основывалась на крупном машинном производстве (а, значит, для существования массового, преобладающего слоя мелкой буржуазии уже не было никаких материальных условий). Единственной формой более или менее «естественной» эволюции к капитализму мог бы в этих условиях быть «рыночный социализм» с отчетливо выраженной буржуазной тенденцией. Собственно, Венгрия, республики бывшей Югославии (Словения, Хорватия), и отчасти Польша демонстрируют нам именно такой переход.

В странах относительно успешного «строительства капитализма» предпосылки сталинизма уже практически изжиты. Противоречия капиталистического развития в этих странах будут проявлять себя уже в иных социально-политических формах, вытекающих не из неразвитости капитализма и слабости буржуазии (и возникающих на этой почве попыток прищипорить развитие страны в социалистической оболочке и не собственно буржуазными методами), а, напротив, из процессов его вызревания и постепенного движения к «перезрелости». Относительная же слабость национальной буржуазии по сравнению с транснациональным капиталом выражается там в форме роста националистических настроений.

В России же, в силу того, что наш доморощенный капитализм развивается на крайне хилой социально-экономической базе, предпосылки возрождения сталинизма (вместе с националистическими тенденциями, подобными восточноевропейским) оказались весьма прочными.

Россия и некоторые другие страны СНГ переживают сейчас парадоксальный ренессанс сталинизма. Правда, сразу следует заметить, что это никак не повторение прошлого. Сейчас под лозунгами сталинизма продвигается программа укрепления слабого российского национального капитализма, вынужденного в борьбе с более сильным международным капиталом искать протектората государства и обращаться к нему за помощью в деле смягчения социальных противоречий, чтобы не быть похороненным под обломками народного недовольства. Идеологически это оформляется в виде национального российского социализма, а подчас и просто национализма безо всякой социалистической окраски (и даже проникнутого антикоммунистическим духом). С этой целью широко эксплуатируется миф о Сталине, как о строгом и мудром народном вожде, который выступает как символ защиты от национального унижения России, символ наведения порядка в море преступности и коррупции, символ социального патернализма, защиты пострадавших от прихода «дикого капитализма».

Этот миф имеет мало общего с историческим Сталиным, однако его несомненно реалистической компонентой является тот явный и резкий контраст между временами Сталина и нашим нынешним временем, который очевиден как для поклонников, так и противников сталинизма. Организационно-политической основой возрождения этого мифа является значительная масса бывших членов сталинистской по основе своей идеологии и практики КПСС, уцелевшие обломки ее организационных структур. Объективной же основой его возрождения является как незрелость, убудочность российского капитализма, слабость национальной российской буржуазии, так и крайняя слабость социально-политических предпосылок социализма в России.

Основная масса российского населения является еще не до конца устоявшимся продуктом процесса пролетаризации крестьянства, в основном завершившегося лишь к концу 70-х годов XX века. В переходном, «мозаичном» по своей структуре обществе «реального социализма» этот преобладающий социальный слой не мог полностью преодолеть черт маргинальности, сложиться как воспроизводящийся на собственной основе общественный класс, с глубоко укорененными традициями социального поведения и самосознания.

Приход российского капитализма резко усилил черты маргинальности этого социального слоя в связи с резким и в тоже время недостаточно определенным изменением его социального статуса. В

90-е годы, когда значительная часть населения продолжала работать на полумертвых предприятиях и НИИ, в недофинансируемых бюджетных организациях, эти люди потеряли определенность своего социального статуса. Для многих из них нищенская и месяцами задерживаемая зарплата перестала быть главным источником дохода. Второй и третий заработок – то ли на дачном участке, то ли за счет занятости в теневом секторе – приобрели для них если не преобладающее, то, во всяком случае, критическое значение. К концу 90-х гг. почти 40% занятых продолжали работать в государственном секторе.

Таким образом, представители этого социального слоя никак не могут рассматриваться в качестве классических наемных работников капиталистического общества. Противостояние «капиталист – наемный работник» еще не выкристаллизовалось для них в качестве центрального социального антагонизма. В реальном социальном статусе этих людей смешались черты мелких буржуа («челноки», либо вынужденные торговцы продукцией своего предприятия), непромышленных рабочих (вторая занятость в качестве наемных торговцев на рынках), патриархальных крестьян (натуральное производство на садовых участках), государственных служащих, надеющихся на патернализм государства (работники бюджетной сферы, работники госпредприятий, работники приватизированных предприятий, зависимых от бюджетных заказов, льгот, субсидий).

Для такого типа людей свойственно отсутствие ясно выраженного осознания своих собственных интересов, как и стремления к организации для защиты этих интересов. Для них характерна социальная пассивность, сменяющаяся кратковременными вспышками социальной агрессии. Свои надежды они возлагают на вождей, лидеров, государство («доброе царя»). Очевидно, что такая питательная среда вполне может быть использована для возрождения сталинизма. Одновременно в такой среде могут формироваться и фашистские (национал-социалистические) тенденции, что уже проявилось в деятельности РНЕ и других подобных организаций.

Следует заметить, однако, что исторический сталинизм, будучи достаточно консервативным в своей основе (ибо означал фактическое окончание революции, замену ее стабильным бюрократическим «порядком»), не мог не опираться и на импульс революции, на глубоко укоренившуюся идею замены капитализма более справедливым строем – социалистическим. *Современный сталинизм вовсе не носит революционного характера.* Он исходит от людей, которые уже прошли первичную адаптацию к нынешнему строю, свыклись с ним, и на деле боятся радикальных перемен. То, к чему они реально стремятся – это расширение государственного патернализма как по отношению к работникам, так и по отношению к мелкому и среднему

бизнесу, для защиты его от международной конкуренции и внутренней финансово-промышленной олигархии. Они фактически открыто провозглашают государственный капитализм своим идеалом, и стремятся отодвинуть в сторону марксизм, ранее бывший официально признаваемой идейно-теоретической основой сталинского течения.

Это – логически завершенная эволюция сталинизма, порывающего с породившим его революционным движением и революционной идеологией.

39.4. Врожденные болезни капитализма, возникшего из советского строя

В конечном итоге процесс латентного формирования корпоративно-капиталистической структуры в оболочке планового хозяйства, и процесс избавления бюрократии от последних ниточек, связывающих ее с трудящимися классами, неизбежно привел к реставрации капитализма. Система с глубокими объективными корнями капитализма, но без целостных капиталистических отношений, к тому же развивающаяся во внешних социалистических формах и оснащенная немаловажными социалистическими атрибутами, была разрушена и заменена системой корпоративного капитализма. Однако этот новый российский капитализм оказался обременен целым рядом врожденных пороков.

Крайне оригинальный исторический путь формирования в России позднеиндустриального капитализма наложил своеобразный отпечаток и на его нынешний облик. Во-первых, как уже было отмечено, этот капитализм вырос не из эволюции мелкобуржуазного моря, из которого выростали островки свободного капиталистического предпринимательства, основанного на более или менее свободной конкуренции. Он, не имея за своей спиной непрерывного исторического опыта развития свободного предпринимательства, с самого начала родился как система господства крупного корпоративного капитала, объединенного в монополистические структуры. Кроме того, переход от государственно-монополистических структур к частно-монополистическим был проведен скачкообразно, в условиях институционального вакуума, порожденного преобладанием разрушительных процессов над созидательными, а потому господство монополистического капитала приобрело ярко выраженную криминально-олигархическую тенденцию.

Во-вторых, социальная среда, из которой рос этот капитализм, так же была необычной. Новейший российский капитализм вырос из

распада и разложения бюрократической плановой системы. К несчастью, именно худшие элементы этого разложения – союз коррумпированной бюрократии и дельцов теневого бизнеса, густо приправленный пропитавшими эту среду криминальными элементами – захватили господствующие политические позиции, и составили как раз наиболее активный контингент современного российского предпринимательства. С другой стороны, становление этого капитализма происходило при отсутствии свободного наемного работника, который еще только создается заново на наших глазах.

Российский капитализм не имеет длительной истории становления, совершенствования и отладки институтов капиталистической экономики. Эти институты являются плодом поспешной импровизации, основанной на плохо продуманном бессистемном копировании внешних форм организации бизнеса в развитых странах.

В результате экономическая система российского капитализма обнаруживает гораздо больше сходства с начальным этапом промышленного капитализма, описанным в «Капитале», и ранними стадиями монополистического капитализма, нежели со странами высоко развитого капитализма, прогресс которых во многом обеспечивается выходом за рамки классических капиталистических отношений. Российский же капитализм еще не вступил на этот путь постепенного самоотрицания капитализма, служащего для развитых стран неперемным условием выживания капиталистической системы в целом. Те же элементы «социального государства», которые можно обнаружить в современном российском капитализме, не являются плодом социализации капитализма, а представляют собой разрушающиеся рудименты бюрократического социального патернализма советского прошлого.

Этот относительно архаизированный характер российского капитализма служит одним из источников его отсталости, поскольку находится в остром конфликте с относительно современной материально-технической базой, созданной в советский период, с уровнем развития основной массы работников, и с условиями конкуренции в мировом хозяйстве.

Другим пороком современного российского капитализма служит неспособность новой буржуазии обеспечить ускоренную модернизацию, парадоксальным образом напоминающая подобное же свойство ее предшественника времен Российской империи, что и привело тогдашнюю российскую буржуазию к историческому банкротству, несмотря на весь неисчерпанный потенциал капиталистической системы. Причины этого, впрочем, различны. Если «старая» российская буржуазия не имела достаточной решимости освободиться от обветшалых форм полукрепостнической монархии, довольно прочно

сросшись с нею и переплетаясь взаимными интересами, то «новая» буржуазия сформировалась с психологией захватчика, «хапнувшего» в союзе с бюрократией прежнюю государственную собственность и использующего ее как добычу, подлежащую разграблению. В лучшем случае приобретенная собственность рассматривается «новыми богатыми» подобно какой-нибудь деревеньке, полученной «в кормление» от государя.

Любые капитальные вложения поэтому представляются для нашей буржуазии не средством наращивания капитала, а прямым вычетом из ее дохода. Лишь наиболее дальновидные собственники, скрепя сердце, вынуждают себя делать хотя бы самые неотложные капиталовложения, понимая, что без этого вообще не удастся сохранить приобретенную собственность и доходы от нее.

При этом есть и общие черты с дореволюционной буржуазией – и та, и другая историческая генерация буржуазии характеризуются, во-первых, тесной зависимостью от бюрократии, глубоко вросшей в предпринимательство и паразитирующей на нем, одновременно охраняя интересы этого предпринимательства от «претензий» трудящихся классов, и, во-вторых, подчинением финансовой и технологической монополии более развитых держав.

Наконец, проведение нынешней буржуазией ускоренной модернизации означало бы вступление в ожесточенную конкурентную борьбу с сильнейшими капиталистическими державами и мощным транснациональным капиталом, доминирующими в глобализированном мировом хозяйстве. А наша буржуазия явно не готова нести неизбежные издержки такой борьбы.

39.5. Буржуазная революция закончена. Что дальше?

Итак, буржуазная революция в России завершилась. Вся экономика пронизана устойчивыми структурами капиталистических производственных отношений. Сложилась определенная национальная модель капитализма – отсталого, периферийного, занимающего в мировом хозяйстве нишу поставщика сырья и топлива (да, еще и оружия – но это не надолго...). Каково может быть ее будущее?

Россия вполне может существовать и в нынешнем ее виде. Без особых успехов – но все же существовать, постепенно накапливая внутренние противоречия, которые могут увлечь нас в пучину острейших социальных конфликтов. А что может быть альтернативой? Опять догоняющая модернизация?

Нет, новый рывок в духе мобилизационной экономики позднеиндустриального общества вряд ли вынесет – да и вряд ли предпри-

мет. Успех такой политики сейчас более чем сомнителен. Россия – не Сингапур и не Тайвань. При нынешних правилах игры в мировом хозяйстве, живущем в условиях глобализации, Россия вообще не имеет шансов таким путем пробиться в первые ряды. Другое дело, что эти правила не вечны.

Гигантски раздутый финансовый рынок, сублимирующий кризисный потенциал, накапливающийся в реальном секторе, не может надуваться беспредельно. Прошедший в 2008-2009 годах кризис, лишь частично сдув этот пузырь, не разрешил основных противоречий нынешней модели капиталистического воспроизводства. В исторически обозримой перспективе неизбежен не просто новый глобальный финансовый кризис, но и кризис системы господства финансового капитала, а вместе с ним может придти гибель современной «имперской» модели мира и распад глобального мирового хозяйства на крупные блоки. А вот в одном из таких блоков Россия сможет получить шансы занять место под солнцем и продвинуться вперед, но в первую очередь не как промышленная держава, разумеется. Сейчас преждевременно было бы рисовать гипотетические сценарии такого процесса, однако можно сказать одно – через какое-то время после прогнозируемого распада объективно необходимое единство мирового хозяйства вновь властно заявит о себе.

Вот тогда можно будет подумать и о предпосылках социализма в России – но на этот раз только в рамках глобального социализма. И социалистическая революция в формирующихся условиях может выступить только как своего рода «социалистическая глобализация», покоящаяся на новых материальных предпосылках того, что Маркс когда-то назвал «всеобщим трудом».

Этот процесс неизбежно столкнется с проблемой социально-экономической отсталости большинства стран мира (по отношению к которым Россия выступает как развитая держава). Проблема приобщения их к современной культуре ставит перед социалистической мыслью вопросы, на которые сейчас нет ответов. Каковы могут быть формы помощи этим странам? Как быть с господствующими там косными и коррумпированными политическими режимами? Как обеспечить экономический прогресс всего человечества, не упершись в тупик ресурсного перенапряжения и экологической катастрофы?

Фактически это продолжение тех же самых вопросов о возможности движения к социализму стран, не обладающих для этого достаточными социально-экономическими предпосылками, что стояли перед Россией в 1917 году, но поставленных уже применительно не к отдельной стране, а ко всему мировому хозяйству. Вопросы гораздо более серьезные, чем этические конфликты, описанные в романах

братьев Стругацких в связи с феноменом «прогрессорства». Готовых ответов пока нет. Но наш собственный исторический опыт может, по крайней мере, предостеречь от некоторых ошибок.

39.6. Почему мы видим выход именно в социализме?

Поскольку социально-экономические противоречия, свойственные капитализму, не изжиты, да и не могут быть изжиты в его рамках, то социалистический потенциал развития остается в повестке дня. Разумеется, очередная историческая попытка выйти за пределы мира отчуждения не будет предпринята в самом ближайшем будущем, поскольку исторические последствия краха первого социалистического эксперимента преодолеть не так-то легко. Однако эта следующая попытка будет предприниматься уже далеко не на пустом месте.

Речь идет не только о приобретенном, негативном и позитивном, историческом опыте. Прежде всего, речь идет о том, что попытка перехода к социализму оставила осязаемый след в самой ткани общественного бытия.

Самыми устойчивыми из наследия советского эксперимента являются самые, казалось бы, эфемерные его элементы – массовая культурная и социально-психологическая традиция. Немалую устойчивость продемонстрировали и элементы, связанные с переходом капитализма на его позднюю стадию (всеобщие социальные гарантии), и поведенческие стереотипы, связанные с исторически длительными цивилизационными особенностями российского общества (впрочем, не все из последних можно рассматривать как «позитивное удержание»).

Разумеется, все эти элементы подвергаются сильному разрушающему влиянию утверждающих свое господство капиталистических общественных отношений. Однако сложившаяся в России неэффективная модель капитализма (неэффективная отчасти еще и потому, что не смогла до конца решить неразрешимую в принципе задачу: расправиться в короткие сроки с советским наследием), сама питает культурную оппозицию капитализму. Когда эта культурная оппозиция сможет, соединившись с мировой культурной оппозицией, сформировать культурную, а затем и политическую платформу, ориентированную не просто на неприятие капитализма, а на его преодоление через выход в более высокое социальное пространство, тогда мы станем свидетелями (и неизбежно участниками) второго мирового революционного кризиса.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Почему развитые капиталистические государства успешнее адаптировались к переходу на позднеиндустриальную стадию развития и к росту постиндустриальных тенденций, нежели страны социально-экономической системой советского типа?
2. Почему попытка преодолеть чрезмерную бюрократизацию советского строя привела, в конечном счете, к его гибели?
3. Чем процесс формирования капитализма в России (и, отчасти, в странах Восточной Европы) отличался от процесса естественно-исторического генезиса капитализма?
4. В чем заключаются социально-экономические корни возрождения сталинизма в России? Чем современный сталинизм отличается от «исторического» сталинизма?
5. Чем социально-экономическая система капитализма в России отличается от капиталистической системы в развитых странах и почему?
6. Почему историческая перспектива движения к социализму остается актуальной?

Литература для самостоятельного изучения:

В этих работах содержатся материалы по проблемам капиталистической трансформации стран «мировой системы социализма»:

- Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3-х т. Т.2. От стабилизации к кризису (1966–1989). М.: Наука, 2002.
- Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3-х т. Т.3, ч. I и II. Трансформации 90-х годов. М.: Наука, 2002.

В этих работах широко затронуты дискуссионные вопросы, связанные с причинами кризиса «реального социализма» и последующей капиталистической трансформацией:

- Бузгалин А. В., Колганов А. И. Мы пойдем другим путем! От «капитализма Юрского периода» к России будущего. М.: Яуза: Эксмо, 2009.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И. Трагедия социализма. М.: Экономическая демократия, 1992.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Сталин и распад СССР. М.: URSS, 2003.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. 10 мифов об СССР. М.: Яуза: Эксмо, 2010.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И. Трагедия социализма. М.: Экономическая демократия, 1992.
- Козн Ст. Провал крестового похода. США и трагедия посткоммунистической России. М.: АИРО-XX, 2001.

Здесь изложены позиции современных левых по некоторым проблемам предпосылок кризиса «реального социализма» в позднем СССР:

- СССР: «Застой». М.: Культурная революция, 2009.

В этих работах исследуется противоречие идеи действенно-практического коммунистического начала в сфере культуры советского общества, которое в своем реальном бытии не смогло превратить эти начала в основание социальной жизни:

- Булавка Л.А. Социалистический реализм: превратности метода. Философский дискурс. М.: Культурная революция, 2007.
- Булавка Л.А. Феномен советской культуры. М.: Культурная революция, 2008.

ГЛАВА 40

СОЦИАЛИЗМ: ОТВЕТ НА ВЫЗОВ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

40.1. Постиндустриальные тенденции и социализм

Обычно к наиболее острым глобальным проблемам относят угрозу экологического кризиса, обострение противоречий между беднейшими и наиболее богатыми странами, растущее бремя военных расходов и распространение оружия массового поражения, терроризм, кризис нравственных ценностей и т.п. При этом постиндустриальные тенденции не принято рассматривать как проблему. Между тем, именно капиталистическая оболочка постиндустриальных тенденций придает их развитию такие черты, которые, несомненно, во многом являются причиной многих других глобальных проблем. Да и сам капиталистический постиндустриализм грозит превратиться в проблему, затрагивающую исторические судьбы капиталистической системы.

Для капиталистической оболочки постиндустриального развития характерна заметная тенденция к тому, чтобы поставить пределы этому развитию. Даже такой видимый признак формирования постиндустриального общества, как значительное сокращение удельного веса промышленного сектора в развитых странах, ведет себя как затухающая тенденция. Кроме того, снижение удельного веса индустриального сектора еще ничего не говорит о прогрессе постиндустриальных технологий. Это снижение (и по доле в ВВП, и по доле в численности занятых) на самом деле однозначно свидетельствует лишь о двух фактах: 1) о территориальном перераспределении индустриального производства путем переноса его из наиболее развитых стран в развивающиеся, и 2) о том, что производительность труда в индустриальной сфере растет значительно быстрее, чем в сфере ус-

луг, до сих пор покоящейся в основном на доиндустриальных и раннеиндустриальных технологиях.

Довольно сложно рост сферы услуг выдавать за постиндустриальный прогресс, поскольку этот рост означает расширение сферы применения не столько постиндустриального (например, в информатике и телекоммуникациях), сколько доиндустриального или, в лучшем случае, раннеиндустриального труда (горничные, продавцы, официанты, посудомойки, грузчики, парикмахеры...). В результате некоторый рост действительно высококвалифицированного труда специалистов на одном полюсе сопровождается ростом неквалифицированного и малоквалифицированного труда на другом полюсе.

Наряду с этим формируются социально-экономические механизмы, меняющие социальный статус и препятствующие социальной мобильности малоквалифицированных работников сферы услуг. Значительно расширился круг работников, попадающих в условия неполной (не полный рабочий день) и частичной (не постоянной) занятости. На этих работников не в полной мере распространяется социально-трудовое законодательство, предусмотренные им права и социальные гарантии. Такие работники обычно не объединены в профсоюзы, что еще более снижает их способность отстаивать свои интересы.

Именно этот слой работников попадает в категорию «новых бедных» (т.е. людей, имеющих работу, но не способных обеспечить семейный доход заметно выше прожиточного минимума). Формируемая «новыми бедными» социальная среда обладает крайне низким потенциалом социальной мобильности, ибо не в состоянии обеспечить главный современный фактор такой мобильности – получение высшего профессионального образования.

Еще одной проблемой «постиндустриального общества» является использование растущей сферы услуг для обеспечения нарастающего социального паразитизма. Это относится, в том числе, и к той части сферы услуг, где используются действительно современные постиндустриальные технологии. Значительная часть современного высокотехнологического потенциала и высококвалифицированных трудовых ресурсов направлена на обслуживание лишь капиталистической формы процесса производства, в первую очередь – на развитие операций в финансовом секторе. Взрывной рост этого сектора в последние четыре десятилетия привел, в частности, к явно преувеличенной оценке вклада этого сектора в создание ВВП и преувеличению доли услуг в ВВП. Другая часть постиндустриального потенциала (в т.ч. крупные сектора в сфере НИОКР) ориентирована на обеспечение конкуренции капиталов за долю на рынке (реклама), раздувание и обеспечение фиктивных потребностей, престижного потреб-

ления и т.п. Одно из величайших технических достижений информационной эры – сеть Интернет – используется главным образом как торгово-рекламная площадка и средство распространения порнографии. Продолжается отвлечение значительной части высокотехнологичного потенциала на развитие производства средств уничтожения и т.д.

Капиталистическая форма процесса производства накладывает и прямые ограничения на технический прогресс. Наличие частной собственности на результаты интеллектуального труда, являясь неизбежной при капитализме формой экономической реализации этого труда, в то же время сдерживает распространение и применение его результатов, создавая как экономические, так и административно-правовые барьеры, порождает явления монополизма.

В то же самое время капиталистический характер применения достижений технического прогресса, задавая в качестве главного критерия их эффективности извлечение наивысшей прибыли, поворачивает технический прогресс против интересов человека. Имеются многочисленные случаи широкомасштабного производства недостаточно проверенных лекарственных препаратов, генномодифицированных продуктов с неизвестными отдаленными последствиями их применения, использования сомнительных химических веществ в производстве предметов потребления, в том числе и пищевых продуктов и т.д.

Все это означает, что цели движения капитала, и те производственные отношения, на основе которых оно происходит, вступают в конфликт с потенциалом постиндустриального производства. Развитие постиндустриальных технологий и происходящий на их основе рост масштабов творческих элементов в труде и рост числа людей, занятых творческой деятельностью, наталкивается на узкие рамки, диктуемые воспроизводством капиталистических производственных отношений. Это и ограничивает пределы роста творческой деятельности, и создает социальные конфликты, основанные на конфликте целей: с одной стороны, целей развития человека в процессе творческой деятельности, с другой – подчинения этого процесса целям производства прибавочной стоимости.

В то же самое время постиндустриальные тенденции создают новые предпосылки для перехода к социалистическому обществу. Развитие элементов творческого содержания в труде расширяет возможности того, что Маркс называл всеобщим трудом – универсальной кооперации людей в процессе творческой деятельности. Прогрессирующее вытеснение человека из процесса материального производства означает потенциальную возможность вовлечения все более широкого круга людей в творческую деятельность. На этой осно-

ве становится возможным и реализация принципа собственности «каждого на все»: каждый человек в меру своих способностей может овладевать всем интеллектуальным богатством человечества.

Превращение творческого процесса в ключевой момент современного производства и возрастание социальной значимости индивидов, занятых творческой деятельностью, создает социальные предпосылки для развития общества в этом направлении. Однако на этом пути необходимо преодолеть барьеры, образуемые капиталом – в первую очередь, массовую занятость малоквалифицированным трудом в сфере услуг и созданное в этой социальной среде «гетто необразованности». Разумеется, решение этих вопросов упирается в саму природу капитала, как производственного отношения, и без преодоления последнего невозможно.

40.2. Экологический социализм и «красно-зеленый» союз

Развитие капиталистического способа производства характеризуется нарастающим кризисом экологического равновесия. Массовое промышленное производство и массовое потребление, на которые опирается капитализм, означают и огромный масштаб вовлечения природных ресурсов в этот процесс – как с точки зрения объема, так и с точки зрения территориальной экспансии.

Несмотря на технический прогресс, обеспечивающий некоторую экономию ресурсов, постоянный рост масштабов производства приводит к росту ресурсоемкости экономики, а вместе с этим – и к возрастанию воздействия на окружающую среду. Огромное многообразие промышленных технологий ведет и к огромному спектру таких воздействий.

Основные направления воздействия человека на окружающую природную среду это, во-первых, добыча и истощение природных ресурсов (извлечение полезных ископаемых, использование пресной воды для орошения, охота и рыболовство, вырубка лесов, выпас скота, ведущий к уничтожению травяного и листового покрова, истощение почв при земледелии и т.д.), и, во-вторых, загрязнение окружающей среды многообразными промышленными, сельскохозяйственными и бытовыми отходами (механическое, химическое, электромагнитное, акустическое и тому подобное загрязнение).

Особенностью производственных отношений капитализма является невозможность отражения в стоимостной оценке товаров всех экстерналий («внешних эффектов»), связанных с воздействием на окружающую среду. Никакая спецификация прав собственности и

создание конкурентных «рынков загрязнений» не сможет решить эту задачу, потому что отдаленные последствия как истощения ресурсов, так и загрязнения окружающей природной среды являются принципиально неопределенными. Невозможно включить, например, в цену сырой нефти затраты на разработку постнефтяных технологий и на перевод мирового хозяйства на эти технологии, ибо нет способа оценить масштабы соответствующих издержек.

В конце 60-х – начале 70-х годов появляются многочисленные исследования, говорящие о возможности всемирной экологической катастрофы. В этот же период (в 1972 году) появился первый доклад Римскому клубу – проект Д.Медоуза «Пределы роста», в котором содержалось предупреждение о нарастающем глобальном неравновесии и угрозе исчерпания природных ресурсов. Зримое нарастание экологического кризиса вызвало к жизни экологическое движение, приобретшее заметные масштабы в период активизации «новых левых» (середина 60-х – начало 70-х годов XX века).

В экологическом движении сразу же определилась заметная левая составляющая – *экосоциализм*. Многие теоретики экологического движения обратили внимание на позицию Маркса в этом вопросе, высказанную еще в середине XIX века, где Маркс обращал внимание на разрушительное воздействие капиталистического производства на природную среду. Кроме того, он поставил теоретическую проблему фундаментального противоречия между природой и человеческой деятельностью, указав на неразрешимость этого противоречия в рамках экономической общественной формации. Экосоциалисты стали связывать экологический кризис с безудержной экспансией капитализма и «общества потребления», а устранение экологической угрозы – с устранением капитализма как системы.

Одновременно в самом социалистическом движении была подввергнута критике примитивно-потребительская трактовка социализма, и концепция развития производительных сил как безудержного преобразования природы. Рос интерес к теоретической разработке экологических проблем с марксистских позиций. Экологическая проблематика стала входить в программные документы социалистических и коммунистических партий.

Однако далеко не все экологическое движение занимало такую радикальную позицию. Значительная часть его была ориентирована на решение локальных, конкретных экологических проблем, что было вполне возможно в рамках капитализма. «Зеленые» (как нередко стали называть представителей этого движения) смогли мобилизовать общественное мнение, организовать политическое давление на правительства, и добиться в 70-е – 90-е годы XX века принятия целого комплекса решений, ограничивающих наиболее очевидные про-

явления загрязнения окружающей среды в развитых капиталистических странах.

Практика и идеология смешанного, рыночно-нормативного регулирования экологических проблем, оказала большое воздействие на экологическое движение. Кроме того, снятие некоторых наиболее вопиющих проблем загрязнения природы так же способствовало ослаблению радикальности этого движения. Возникли даже такого рода явления, как коммерциализация движения «зеленых». Нередко акции протеста против вредного воздействия на природу стали предприниматься для оказания давления на определенные фирмы или страны при скрытой поддержке и даже по инициативе их конкурентов, а так же для извлечения материальных выгод (например, для получения вознаграждения адвокатами, ведущими процессы по экологической проблематике). В такого рода ориентации акций «зеленого» движения время от времени обвиняют крупную экологическую организацию «Гринпис».

Популярность идей, связанных с защитой природной среды, привела к тому, что они стали эксплуатироваться политическими течениями самых различных направлений. Так возник *экофашизм* – приспособление лозунгов охраны окружающей среды для обоснования оголтелого социал-дарвинизма, крайнего национализма и изоляционизма (использующего, в том числе, призывы к защите от пагубного влияния транснационального капитала на природную среду), ксенофобии (когда миграция рассматривается как разновидность «загрязнения среды») и политического авторитаризма, как средства разрешения экологических проблем. Подобным же образом *экофеминизм* выступает с позиций якобы большей близости женщин к природе и «естественности» их преимущественного положения в борьбе за экологическое равновесие в противоположность разрушительному мужскому началу.

Наиболее экстремистски настроенные представители экологического движения прибегают не только к демонстративным акциям протеста и актам гражданского неповиновения, направленным против тех, кто загрязняет и разрушает природную среду, но и к диверсиям, прерывающим работу промышленного оборудования, срывающим проведение строительных работ и т.п. Такие действия получили наименование *экоterrorism*.

Ярлык *экофашизма* и *экоterrorism* нередко приклеивается либеральными идеологами представителям левого крыла экологического движения с целью дискредитации последних.

В настоящее время леворадикальная, социалистическая составляющая экологического движения продолжает оставаться его значимым компонентом. В ряде стран крупные национальные экологиче-

ские организации находятся под тем или иным влиянием левой идеологии и даже формируют политические коалиции с организациями, представляющими социалистическое движение. Такого рода «красно-зеленый альянс» (Enhedslisten) существует, например, в Дании. Он по результатам выборов 2007 года располагал 4 местами в датском фолькетинге (парламенте). В ФРГ партия «зеленых» образывала одно время правящую коалицию с социал-демократами, а на местном уровне вступала в блоки так же и с Партией демократического социализма (ныне – Левая партия).

Для левого движения принципиально важной является выработка конструктивного ответа на вопрос о том, как обеспечить социальный прогресс беднейшей части населения Земли, не переводя этот прогресс в русло индустриального капитализма, поскольку движение по этому пути приведет к перенапряжению глобальной экосистемы и глобальному истощению ресурсов. Этот вопрос не остался незамеченным социалистическими теоретиками, однако внятного и хорошо обоснованного ответа на него пока не предложено. Ведь нельзя же всерьез, – тем более, с социалистических позиций, – принимать такие ответы, как призыв к добровольному аскетизму, или к замораживанию развития в рамках «национальных традиций» или «цивилизационного своеобразия».

Сложность проблемы заключается в том, что торможение безудержного роста материальных потребностей происходит лишь у лиц, занятых творческой деятельностью, и при достижении ими довольно высокого уровня благосостояния. Точно так же торможение роста населения обеспечивается лишь при достижении довольно высокого уровня экономического развития. Если направить все слаборазвитые страны к достижению этого уровня, истощение ресурсов еще по пути к нему неизбежно.

Разумеется, если выйти за рамки капитализма, то на основе иных общественных отношений этих результатов можно достигнуть при значительной экономии ресурсов, избегая развития избыточных расходов (военных, на бюрократический аппарат), избегая раздувания фиктивных потребностей и перепотребления. Социалистическое общество может установить более рациональный обмен веществ между человеком и природой (конкретные детали механизма таких гармоничных отношений с природой могут быть различны в зависимости от уровня развития общества). Но можно ли выйти за пределы капитализма странам с относительно низким уровнем развития? Мы снова и снова возвращаемся к этому вопросу.

Развитие капиталистической глобализации и ее последствия уже рассматривались в 19 главе. Теперь же нас интересует взгляд на глобализацию с точки зрения перспектив социализма.

Как уже было сказано ранее, глобализация капиталистической системы рождает и глобальное сопротивление глобальному капиталу. Недаром капитал прилагает столь большие усилия, чтобы сохранить или усилить разобщение всех тех, кто является объектом капиталистической эксплуатации. Но, несмотря на это, уже первые десятилетия глобализации привели к формированию организованного движения сопротивления капиталистической глобализации.

Первым широко известным шагом этого движения было проведение в 1999 году широкомасштабной акции протеста, в которую было вовлечено множество самых разнообразных организаций из разных стран мира, в городе Сизтле. Протестующие блокировали проведение крупного международного совещания, что, вместе с проведенной перед этим массивированной разоблачительной компанией, привело к фактическому провалу совещания – было сорвано подписание т.н. «Многостороннего соглашения об инвестициях» (Multilateral Agreement on Investments – MAI). Это соглашение, помимо дальнейшего ослабления контроля над миграцией капитала, должно было открыть транснациональным корпорациям дорогу к установлению контроля над некоторыми сферами хозяйственной деятельности, куда они еще не в полной мере сумели проникнуть (образование, здравоохранение, социальное обеспечение).

С весьма большой уверенностью можно сказать – если бы не срыв этого соглашения, разрушительное действие кризиса 2008-2009 годов было еще более широким и глубоким.

Сложившееся движение не принимает навязываемое ему буржуазными средствами массовой информации наименование «антиглобалисты». Участники движения подчеркивают, что они выступают не против глобализации, не против развития интернациональной взаимосвязи и взаимодействия, в том числе и в экономике, а против капиталистической модели глобализации, выгоды из которой извлекает транснациональный капитал и доминирующие капиталистические державы. Поэтому движение именуется «альтерглобалистским» или альтернативным социальным движением (ориентируясь на свой основной лозунг – «Иной мир возможен!»).

По своему составу альтерглобалистское движение объединяет множество самых различных общественных организаций из разных

стран мира (среди них – профсоюзные, женские, молодежные, экологические, правозащитные, фермерские, независимые средства массовой информации и информационные сети, движения безземельных крестьян, движение за отмену долгов стран «третьего мира», движение за введение налога на финансовые трансакции – АТТАС, и многие другие). Общей платформой для их деятельности является неприятие капиталистической глобализации и практическая борьба за иные формы объединения людей (в том числе – интернационального). Разнородность участников движения и равноправие множества его различных составных частей предопределили отказ от иерархического принципа организации и переход к сетевому принципу. Участники движения добровольно образуют сети связей и взаимодействия, не образуя никаких руководящих органов, а формируя лишь временные рабочие группы для координации конкретных действий и организации конкретных акций, работающие на принципе полной открытости.

По общему согласию участников этого движения политические партии как таковые не принимают в нем участия. В то же время это не означает исключения членов политических партий из альтерглобалистского движения – но участие в нем члены партий принимают только через свою деятельность в тех или иных общественных организациях.

Альтерглобалистское движение приобрело в первое десятилетие XXI века широкую известность своими массовыми акциями протеста, приуроченными к крупным международным совещаниям глав государств и правительств, а также проведением Всемирных и региональных социальных форумов – своего рода смотров общественных организаций – участников движения за иной мир.

Однако массовость альтерглобалистского движения в его нынешнем виде постепенно угасает. Ни символические акции протеста, ни проведение социальных форумов не являются достаточными мотивами для долговременной активности участников движения. Эти формы – что уже очевидно – исчерпывает себя. Участники альтерглобалистского движения пока так и не смогли достичь значительного уровня объединения усилий вокруг совместных конструктивных действий, способных приносить хотя бы какие-нибудь осязаемые долгосрочные результаты (речь не идет о шумных акциях протеста в местах проведения совещаний лидеров ведущих капиталистических стран). По отдельности общественные организации, или их группы, участвующие в движении, способны добиваться частичных результатов на своем конкретном поле деятельности. Но вот настоящего Общего Дела у них пока не сложилось.

Даже если альтерглобалистскому движению в его нынешнем виде суждено угасание, оно уже состоялось как первая волна объединенного массового движения против капиталистической глобализации. И его характерной чертой является объединение лиц и организаций, которые в своей общественной деятельности борются за конструктивное воплощение альтернативы мировому неолиберальному порядку. Конструктивная сторона движения, однако, складывается в основном из разрозненных усилий. Альтерглобализм не сумел пока выработать реальной объединяющей конструктивной программы – и в этом его слабость.

Нынешнее альтерглобалистское движение уже утвердило себя как более массовое, более широкое (распространившееся и на «третий мир») и более устойчивое антикапиталистическое движение, нежели движение «новых левых» середины 60-х – начала 70-х гг. прошлого века. В то же время альтерглобалистское движение не имеет определенно социалистической направленности, объединяя как радикально-социалистические, так и ограниченно-реформистские элементы. Ясного *общего* представления об «ином мире», к которому призывают альтерглобалисты, они не имеют. Однако именно пестрота взглядов на этот новый мир, обращение (в том числе и в практических действиях) к тем его аспектам, которые почти не затрагивались традиционной социалистической теорией, создают потенциальную возможность выработки более сложного, более богатого понимания как самого социалистического будущего, так и проблем движения к нему.

Именно поэтому альтерглобализм выступает, по меньшей мере, как союзник социалистического движения. Не исключено, что такое альтернативное социальное движение станет со временем (хотя, вероятнее всего, и в иных исторических формах) важной составной частью движения к социализму.

40.4. Глобализация, противоречие «Север-Юг» и перспективы социализма

Для всемирной истории в рамках экономической общественной формации всегда было свойственно противоречие между «центром» и «периферией». Ушедшие относительно дальше в своем развитии общества («центр») использовали окружающие их относительно менее развитые общества («периферию») как источник дешевых ресурсов и объект эксплуатации. Последние нередко отвечали им насильственными действиями, иногда заставляя центр и периферию поменяться ролями.

В современном мировом капиталистическом хозяйстве, для которого характерны процессы глобализации, разрыв между центром и периферией сохраняется, как и соподчинение между ними. Глобальный «Север» (центр) противостоит «Югу» (мировой периферии), как господствующая сила, использующая неравенство в уровне экономического развития в своих интересах. «Юг» реагирует на свое менее благоприятное положение самыми различными способами: попытками догоняющей модернизации (что в какой-то мере удается, но лишь меньшинству), или же агрессивного шантажа, фундаментализмом, ксенофобией, изоляционизмом – либо поиском путей, выводящих за пределы логики капиталистической глобализации.

Удержание «Севером» своего преимущественного положения является жизненно важным для развитых капиталистических государств и базирующегося в них транснационального капитала. Экономически зависимое положение периферии обеспечивает не столько доступ к дешевым ресурсам, как в прежние времена, сколько возможность экстенсивного расширения капиталистических отношений, а вместе с этим – масштабов эксплуатации (при высокой норме прибавочной стоимости) и емкости рынков сбыта.

Такое положение является немаловажным фактором поддержания стабильности хозяйственной системы в развитых странах, источником дохода для обеспечения беспрепятственного роста капитала и смягчения социальной напряженности в странах центра. Тем самым развитие внутренних противоречий капиталистического способа производства в странах центра компенсируется получением выгод за счет внешних (периферия) источников.

Перспективы революционного выхода за пределы капитализма в немалой степени зависят поэтому от динамики отношений между «Севером» и «Югом», центром и периферией капиталистического мирового хозяйства. Менее развитые страны опутаны сложными отношениями зависимости – прежде всего, технологической и финансовой, – от более развитых стран, и потому вырваться из этой зависимости отнюдь не просто. Пример таких стран, как Куба, и даже Китай, свидетельствует об этом со всей очевидностью. Китай, на первый взгляд, занимает сильные самостоятельные позиции в мировой экономике и вроде бы не страдает от зависимости – но это видимое благополучие куплено за счет того, что Китай в основном принял «правила игры» глобального транснационального капитала. Его некоторая относительная самостоятельность основана на беспрецедентно огромных масштабах экономики, находящейся под жестким централизованным политическим контролем.

В таких условиях переход к социализму потребует перестройки всей системы мирохозяйственных связей, потому что вырваться из

нее «в одиночку» будет не под силу даже Китаю. Перспективы социалистической революции будут во многом зависеть от решения двух вопросов. Первый – сумеют ли страны периферии вырваться из своего зависимого положения, тем самым лишив центр его привилегированных позиций и столкнув его лицом к лицу с ограниченностью возможностей капиталистического развития? И второй – сумеют ли страны периферии добиться этого не путем самоизоляции (ибо это путь в тупик, чреватый восстановлением зависимости), а путем обретения независимых источников технологического развития и собственной надежной финансовой базы?

Решение этих вопросов невозможно без широкой международной кооперации стран периферии, и без формирования хотя бы одной-двух точек научно-технологического роста, ресурсы которых будут использоваться в рамках такой кооперации. Разумеется, такого рода сотрудничество нельзя наладить без преодоления капиталистических отношений на периферии, без отхода от чисто эгоистических, частных мотивов поведения в мировом хозяйстве.

Поэтому крайне желательно было бы вовлечение в такой проект хотя бы некоторых развитых стран или, по крайней мере, стран со значимыми научно-технологическими комплексами. Чтобы результаты работы этих комплексов послужили делу социально-экономического подъема стран, желающих преодолеть рамки капиталистических отношений, необходимо обеспечить нечто вроде «глобализации по-социалистически». Должна быть создана сеть всестороннего сотрудничества в сфере науки, образования, распространения новых технологий и культурных достижений, и для совместного использования ресурсов на эти цели. Зародыши такого сотрудничества можно увидеть в нынешних отношениях Кубы и Венесуэлы (нефть в обмен на кадры учителей и врачей для развития массовой медицины и массового образования).

«Социалистическая глобализация» может стать ответом на глобализацию капиталистическую в той мере, в какой она будет в состоянии противопоставить монополии на финансовые и технологические ресурсы массовое вовлечение трудящихся в социальное, технологические и культурное творчество, и обеспечить распространение этой практики на все страны социалистического выбора. Формирование широчайшей социальной базы для творческой деятельности может заложить основы подлинно инновационной экономики – т.е. экономики, не только широко использующей инновации, но и способной производить эти инновации не узкой группой привилегированных специалистов и профессионалов, а фактически в каждом своем звене. Сложение интеллектуальных, технологических и естест-

венных ресурсов большой группы стран может дать при этом дополнительный (синергетический) эффект.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. К каким противоречиям и проблемам приводит капиталистическая форма развития постиндустриальных тенденций?
2. Какие барьеры развитию постиндустриальных тенденций ставит капитализм?
3. Каким образом развитие капитализма связано с нарастанием экологических проблем? В какой мере эти проблемы могут быть смягчены в рамках капитализма?
4. Каков идейно-политический спектр современного экологического движения?
5. Почему движение против капиталистической глобализации (альтерглобализм, альтернативное социальное движение) носит всемирный характер?
6. В чем причины постепенного снижения массовости движения против капиталистической глобализации, волна которого поднялась в конце прошлого тысячелетия?
7. Какие проблемы на пути движения к социализму создает современное состояние противоречий между капиталистическим «центром» и «периферией»?

Литература для самостоятельного изучения:

Характеристика современной капиталистической глобализации и постиндустриального капитализма с марксистских позиций:

- Бузгалин А., Колганов А. Глобальный капитал. М.: URSS, 2007.
- Хауг В. Глобализация, хайтек-капитализм и будущее марксизма. // Альтернативы, 2008, №2.
- Бузгалин А.В. Так что же такое постиндустриальный капитализм // Альтернативы, 2008, №3.

(Журнал «Альтернативы» см. на сайте <http://www.alternativv.ru>)

О сопротивлении капиталистической глобализации пишет международный коллектив авторов:

- Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского движения». Под ред. Бузгалина А.В. М.: URSS, 2003.

Характеристика альтерглобалистского движения как альтернативного социального проекта:

- Кто сегодня творит историю: альтерглобализм и Россия. М.: Культурная революция, 2010.

Работа одного из теоретиков современной социальной экологии и экоанархизма. Автор стоял у истоков экологического движения Соединенных Штатов и Европы:

- Букчин Мюррей. Реконструкция общества: на пути к зеленому будущему. Нижний Новгород: "Третий Путь". 1996.

Работа еще одного известного теоретика «новых левых»:

- Андре Горц. Экология и свобода
http://avtonom.org/old/lib/theory/gorz_ecology-freedom.html?q=lib/theory/gorz_ecology-freedom.html

ГЛАВА 41

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ НОВОГО ЛЕВОГО ПРОЕКТА

41.1. Положение на левом фланге после неудачи советского проекта

Процессы политической реструктуризации на левом фланге, на мой взгляд, невозможно понять, если ограничиваться только анализом политической и идеологической динамики последних двух десятилетий. За этой реструктуризацией лежат фундаментальные, глубинные исторические процессы, без обращения к которым нельзя выработать понимание долгосрочных перспектив левых партий и движений. Практически все согласны в том, что окончание советского эксперимента и распад СССР оказали огромное влияние на судьбу всех левых политических течений. Однако правильно оценить это влияние можно только в том случае, если обращать внимание не только на последствия, но и на причины произошедших событий. Крах советской системы был вызван, вопреки расхожим представлениям, вовсе не неудачей советского проекта, а как раз (по меткому наблюдению Антонио Негри) успешным завершением – завершением, которое, однако, не имело продолжения¹. Естественно, что общественная система, призванная обслуживать уже заверченный проект, не имела больше шансов на исторически длительное существование в отсутствие этого проекта. Она утратила историческую динамику и распалась.

Таким образом, на печальную судьбу партий коммунистического направления повлиял не столько сам факт краха советской системы, сколько осознание (или хотя бы неясная догадка) отсутствия у совет-

¹ Реальный смысл советского проекта в его реально воплотившемся – сталинском – варианте состоял в завершении промышленной революции при помощи небуржуазного государства и создании на этой основе мощной мировой державы. В 60-е годы XX века задачи этого проекта были практически полностью исчерпаны. Нового проекта не возникло, ибо лозунг «строительства коммунизма» не только не подкреплялся пониманием того, что это такое и как его можно добиться (т.е. не имел черт проекта), но и не отвечал действительным интересам и намерениям советской бюрократии.

ского проекта перспективы за рамками решения задачи промышленной модернизации (индустриализации). Мало того, что по природе своей это задача капиталистической системы, так ведь в развитых и новых индустриальных странах она к тому же была уже решена!

Единственное, что теперь может поддерживать на плаву коммунистическое движение в развитых странах – это последовательная защита интересов тех слоев общества, которые не вписались в «общество всеобщего благоденствия», и столь же последовательный протест против демонтажа этого общества. Такие действия, замешанные на радикальной антикапиталистической риторике, создают компартиям довольно прочную социальную нишу, однако весьма узкую. И наибольших успехов в этом направлении добились не постсоветские компартии, а коммунисты троцкистского направления, которые не были политически связаны с КПСС, и меньше пострадали от краха СССР. Стоит заметить, что коммунистическое течение сохраняется в Европе заметное влияние в тех странах, где еще не исчерпаны противоречия индустриальной стадии развития капитализма (Греция, Кипр, отчасти Португалия, Испания и Италия).

Точно также обстоит дело и с социал-демократией. Она столкнулась с исчерпанием собственного проекта. И опять это связано не только с крахом СССР и исчезновением реального противовеса капитализму, давление которого помогало социал-демократам проталкивать их политику социализации капитализма. Дело в том, что и сам европейский капитализм изменился. Эпоха массового промышленного производства как опоры всей экономики ушла в прошлое. На первый план выдвигается информационное производство и интеллектуальный труд, и, соответственно, отпадает необходимость в массовом социальном протекционизме – его можно ограничить более узкими привилегированными слоями специалистов и профессионалов.

Развитие капиталистической глобализации и постиндустриальных тенденций в странах развитого капитализма изменило экономическую структуру капиталистического общества и мирового хозяйства в целом. Соответственно изменилась социальная структура общества, что неизбежно влечет за собой необходимость изменения его политических институтов и организаций.

Наиболее заметная для левых (и часто подчеркиваемая) черта этих изменений – значительное снижение удельного веса и политического значения промышленного пролетариата. Тезис о его всемирно-исторической миссии, выглядевший довольно сомнительным уже к середине XX века, в настоящее время уже не может быть оставлен без пересмотра. Среди радикальных левых это стало причиной растерянности, уныния и разочарований (либо догматического уп-

рямства), а социал-демократия пытается реагировать на сложившуюся ситуацию всеядным расширением своей социальной базы, претендуя теперь на отражение интересов едва ли не всех сразу слоев общества.

Для социал-демократических партий крупнейших европейских держав (Великобритании, Франции, Германии) это повлекло за собой значительные уступки интересам буржуазных слоев и явно обострившуюся тенденцию к превращению социал-демократов в заурядные буржуазно-реформистские партии. В этом смысле совершенно справедлив вывод Бориса Кагарлицкого о крахе социал-демократии.

41.2. Социальная динамика современного капитализма и перспективы левых сил

Но если пролетариат уходит (как главная социальная опора левых), то что же приходит ему на смену? И на этот вопрос невозможно ответить, если ограничивать себя только анализом политической динамики. Процесс разложения традиционных для эпохи промышленного капитализма классов и социальных групп далеко еще не принял сколько-нибудь завершенных форм – именно этим объясняется такая пестрота и неопределенность социальной структуры современного капитализма. А там, где еще не произошла кристаллизация определенных массовых социально-классовых интересов, крайне затруднена и задача социальной ориентации массовых политических партий.

Отсюда проистекают все те симптомы, о которых уже много говорилось. Все старые левые партии, и те социальные слои, которые их поддерживали, испытывают кризис политической самоидентификации. Общество изменилось, старые политические проекты исчерпали себя, новые еще не сформировались.

Стоит заметить, что на правом фланге политической жизни процесс формирования новых политических и идеологических позиций происходит гораздо быстрее. Правые партии (за исключением радикально шовинистических) достаточно быстро встали на позиции защиты современных форм капиталистической глобализации, и проблемой для них является лишь поиск баланса интересов между глобализацией и национальным государством. Одна из радикально-правых разновидностей идеологии глобализации, получившая широкое хождение в последние годы – имперский проект (проект мировой гегемонии развитых капиталистических держав в новой имперской форме). Как реакция на этот глобалистский имперский проект

возникает фундаменталистский и право-националистический ответ, часто опережающий ответ левых.

Какой же контрпроект могут сформулировать левые? В явном виде его пока нет ни у социал-демократов, ни у левых социалистов, ни у радикальных левых, ни у альтерглобалистского движения.

Само альтерглобалистское движение, поскольку оно в наиболее явной форме отражает те экономические и социальные сдвиги, которые происходят в современном капитализме, является и лучшей демонстрацией тех проблем, с которыми сталкивается современное левое движение. Происходит окончательное превращение капитализма в мирохозяйственную систему. Вместе с этим в развитых странах намечается отход от старой системы классового компромисса. Разлагаются старые классы и социальные группы. Самоидентификация интересов новых социальных слоев далека от завершения. И все это находит в альтерглобалистском движении адекватную политическую форму своего выражения.

Движение представляет собой аморфную констелляцию самых разнородных общественных организаций и политических партий, связанных между собой по сетевому принципу, без жестких программных и организационных рамок. Такая новая форма движения позволила ему превосходно приспособиться к описанной выше ситуации. Но она же является источником слабости альтерглобалистов, равно как и участвующих в движении политических партий и организаций левой части политического спектра. Эта слабость, как уже было сказано выше, коренится в отсутствии ясного нового левого проекта – контркапиталистического проекта – и, соответственно, в недостатке новой левой идеи и теории.

Настоятельная необходимость в таком проекте ощущается достаточно остро и он будет формироваться уже в ближайшем будущем. Однако насколько быстро это произойдет, зависит от множества обстоятельств, лежащих не только в сфере теоретических и политико-идеологических процессов, но и в сфере фундаментальных социально-экономических отношений. Какими темпами будут развиваться противоречия «окончательно победившего» глобального капитализма? Как скоро обозначится кризис глобальной имперской модели?

41.3. Исходный коммунистический проект и современная стадия капитализма

Те немногие из левых, кто действительно хорошо знаком с исходным марксистским коммунистическим проектом, знают, что эта идея не потеряла актуальности, если брать ее не как догму, а как ис-

ходный пункт для творческого развития (не случайно именно Марксом в середине XIX века были предсказаны и очерчены современные постиндустриальные сдвиги). Для такого проекта по большому счету не существует дилеммы социальной справедливости и экономической эффективности, в которую, как в непреодолимый барьер, уперлось развитие европейской социал-демократии.

Социальная справедливость вообще имеет косвенное отношение к этому исходному коммунистическому проекту (лишь в том смысле, что ощущение социальной несправедливости есть симптом кризиса общественного устройства). Этот проект (в отличие от реального советского проекта) вовсе не нацелен на социальный патернализм, призванный облагодетельствовать «сверху» основную массу населения. Он основан, прежде всего, на стремлении поднять суверенитет человеческой личности выше, чем он стоит при капитализме, устранив вражду интересов и обеспечив добровольное сотрудничество свободных индивидуальностей. В этом отношении коммунистический проект вполне способен интегрировать в себя те реальные черты социал-демократического проекта (и даже либерально-буржуазного социал-реформизма), которые связаны с личной свободой, самоорганизацией и самоуправлением граждан.

Какие социальные слои, и какие противоречия могут лежать в основе подобного проекта?

Этот проект может иметь широкую базу в том случае, если сложится союз «традиционных» наемных работников в сфере материального производства и сферы услуг со слоем высококвалифицированных специалистов и профессионалов. Для первых старое противоречие наемного труда и капитала будет дополняться оттеснением их в «интеллектуальное гетто»; для вторых в перспективе все более нетерпимым будет становиться противоречие их положения как творческих работников с подчинением этого творчества целям самовозрастания капитала.

Совершенно очевидно, что сейчас это последнее противоречие не играет серьезной роли – капитал вполне успешно создает для специалистов и профессионалов привилегированное материальное положение, а существующие ограничения для творчества не воспринимаются ими как таковые. Ограниченная возможность творчества в рамках, заданных капиталом, воспринимается как вполне достаточная (особенно по сравнению с социальными слоями, которые лишены и таких возможностей). Не случайно современный профессионал если и стремится к освобождению от диктата капитала, то видит его в том, чтобы самому стать капиталистом – подобно тому, как французский буржуа XVII века мечтал не о революции, а покупке дворянского патента или женитьбе на дворянке. Однако чем шире будет

становиться слой работников с творческими функциями, тем меньше у капитала будет возможностей для его «подкупа», чем больше капиталистическое использование технического прогресса будет наносить ущерб людям и окружающей среде, тем больше будет недовольство творческих работников таким применением их способностей.

Неизбежно в перспективе и обострение внешних противоречий, которые весьма значимы для Европы – противоречий между развитым капиталистическим «ядром» и отсталой полукапиталистической «периферией». Капитализм до сих пор предлагал (и будет вынужден предлагать) только такие компромиссы в этой области, которые увековечивают разрыв в уровне развития для большинства отсталых стран. Поэтому решение придется искать за рамками капитализма.

Все это делает возникновение нового радикального левого проекта весьма вероятным уже в ближайшие десятилетия. А вот что требует собственно политологического анализа – так это вопрос о том, какие организационно-политические формы сложатся для осуществления этого нового левого проекта. Но заниматься предсказаниями в этой области я не берусь.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Каковы фундаментальные социально-экономические причины (не сводящиеся к факту неудачи советского проекта) сдвигов в современном положении коммунистических и социал-демократических партий?
2. Какие различные политические ответы возникают на эволюцию социальной структуры современного глобального капитализма?
3. Какими видятся перспективы коммунистического проекта и его возможная социальная база?

Литература для самостоятельного изучения:

Самокритичный взгляд на состояние и перспективы левого движения:

- М.Малютин. *Левые и социализм XXI века – в России и мире: итог и остаток...* (190-летию со дня рождения К.Маркса, 160-летию публикации «Манифеста коммунистической партии» и 150-летию «Экономических рукописей» 1857-58 гг. К.Маркса посвящается).
<http://worldcrisis.ru/crisis/433641>

Более оптимистический взгляд на левое движение, нацеленный в будущее:

- Бузгалин А.В., Колганов А.И. *Мы пойдем другим путем! От капитализма Юрского периода к России будущего.* М.: Яуза: Эксмо, 2009.

ГЛАВА 42

РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ: СОЦИАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО СИНТЕЗА

42.1. Роль цивилизационных особенностей в социально-экономическом развитии

Как уже было отмечено в параграфе 8.6., существуют долгосрочные исторические характеристики различных обществ, в значительной мере сохраняющие свое значение при переходе от одного способа производства к другому. Эти характеристики (которые называют «цивилизационными») относятся к различным культурным, бытовым, религиозным, идейным и иным традициям, во многом влияя на специфику экономических, политических и иных социальных институтов. Во многом именно эти цивилизационные особенности определяют различие исторических судеб различных стран и народов в рамках одних и тех же формационных ступеней развития.

Значительная часть того, что называют цивилизационными чертами, представляет собой архаические пережитки или обломки тех отношений, которые сложились когда-то в рамках предшествующих способов производства, по тем или иным причинам обретая и сохраняя историческую устойчивость. При этом элементы культуры, языка, обычаев, верований, семейно-бытовых традиций являются обычно более устойчивыми, чем стереотипы экономического или политического поведения, или правовой режим.

Как правило, успешность социально-экономического развития той или иной страны зависит от того, в какой мере удается гармонично сочетать цивилизационные особенности данной страны со структурой отношений господствующего способа производства.

Сегодня, в условиях господства капиталистического мирового хозяйства и далеко зашедших процессов глобализации, все же не произошло нивелирования развития всех стран по образцу европейской буржуазной цивилизации (а внутри последней – по англосаксонскому образцу). Хотя экспансия европейских (а особенно – англо-американских) экономических, политических и культурных норм и традиций, нередко в «экспортном» (доведенном до крайности или примитивизированном) исполнении приобрела широкие масштабы, она не смогла покончить с цивилизационным разнообра-

ем. Более того, постоянно высказываются опасения относительно «конфликта цивилизаций».

Защита цивилизационного своеобразия пред лицом натиска европейской буржуазной цивилизации носит двойственный характер. С одной стороны, в такой защите могут содержаться черты национальной узости, изоляционизма, защиты отживших реакционных порядков, тормозящих развитие. С другой стороны, цивилизационное своеобразие может быть как раз потенциальным резервом, использование которого позволяет выдвинуться на передовые рубежи. Примером такого использования своих цивилизационных особенностей для достижения самого современного уровня развития является Япония и новые индустриальные страны первой волны.

Вопрос о том, является ли цивилизационное разнообразие симптомом отсталости или же потенциальным преимуществом, не имеет стереотипного решения. Вся проблема в том, о каких именно цивилизационных особенностях идет речь, и какие существуют возможности использовать эти особенности в деле достижения передовых рубежей социально-экономического прогресса. Вполне возможно, что одни из таких особенностей действительно требуется изживать, а другие могут сыграть свою роль в выходе на новый уровень развития общества.

Решение этой проблемы невозможно на основе модной сейчас, но крайне примитивной в своей основе методологии т.н. институциональных матриц, исходящей фактически из буржуазно-либерального взгляда на исторический процесс. Эта методология исходит из того, что в мире существует несколько (часто говорят о двух) исторически сложившихся типов этих институциональных матриц (то есть наборов различных экономических, политических и социальных институтов, способных складываться в устойчивые сочетания, где все институты взаимно обуславливают друг друга). Соответственно, наличие в структуре общества той или иной институциональной матрицы определяет его историческую судьбу.

Правда, матрицу можно сменить. Но уж если вы держитесь за «свою» матрицу, не пеняйте на то, что вас перегоняет общество с более «прогрессивной» матрицей. Современный наукообразный жаргон здесь призван обосновать известную нехитрую идею: двигаться в ногу с прогрессом можно только на основе европейских буржуазных порядков, а все остальное будет формировать только реакционные и застойные черты в развитии.

612 42.2. Движение к социализму и цивилизационный синтез

Для современного социализма совершенно очевидно, что движение к социалистическому обществу исторически не может начаться с одних лишь только наиболее развитых государств. Более того, особенности современной эволюции стран европейской буржуазной цивилизации уже высвечивают целый ряд цивилизационных тупиков в нравственном, идейном и культурном отношении, которые могут сильно затруднить развертывание социалистической революции.

Речь идет, прежде всего, о проникновении рыночной ментальности, культа чистогана во все поры социальной ткани – в формирование стереотипов мышления, в нравственные нормы, в религиозный культ, в семейно-бытовые традиции, в характер микросоциальных отношений и т.д. Это, в конечном итоге, ведет к ослаблению самих социальных связей, к подрыву способности к кооперативному поведению, к угрозе изживания альтруизма даже на уровне, минимально необходимом для поддержания жизнеспособности сообщества людей.

Фактически такое положение тормозит дальнейшее развитие западного общества в постиндустриальном направлении, поскольку последнее требует тесной и во многом бескорыстной многосторонней кооперации людей в процессе творческой деятельности.

Поэтому сохранение цивилизационного разнообразия, не сведение общественных порядков к единому шаблону, а напротив, различные виды цивилизационного синтеза являются той дорогой, по которой возможен выход человечества из тупиков капиталистической системы, в конечном счете – из мира отчуждения.

Но для этого переход к социалистическим общественным отношениям не может быть построен на шаблонном применении некой «единственно правильной» модели. Можно вспомнить, какую роль в подрыве авторитета социализма сыграли попытки навязать странам «мировой системы социализма» советский шаблон в виде единственно правильного пути к социализму. Вообще должны быть исключены такие отношения, при которых одни страны могут навязывать другим какие-либо шаблоны. Но даже искренняя вера во всемогущество какого-либо единого, «правильного», «истинно социалистического» шаблона способна нанести значительный ущерб.

Предстоит очень внимательное изучение цивилизационных особенностей каждой страны, чтобы найти в ее историческом арсенале то, что может быть использовано для построения более свободного и справедливого общества, и исключить то, что тянет назад, питает ре-

акционные тенденции. Следует учитывать, что даже глубоко консервативные традиции, во-первых, сохраняют свою устойчивость не случайно, и, во-вторых, могут быть определенным образом трансформированы и приспособлены так, чтобы содействовать прогрессу освобождения, а не препятствовать ему. Не останавливаясь перед революционным разрушением отношений и институтов, сковывающих движение вперед, социалистическая революция должна в то же время весьма бережно относиться к достоящемуся ей в наследство историческому материалу – ведь только из этого наличного материала можно сформировать новые, более совершенные социальные структуры.

И при этом немалую роль может сыграть взаимное обогащение опыта различных стран и народов, использование всего накопленного человечеством цивилизационного разнообразия. Ведь возможность цивилизационного синтеза существенно расширяет спектр решений на предстоящих развилках истории.

42.3. Особенности России и возможные проблемы на пути России к социализму

Все сказанное выше вовсе не означает, что будущий социализм возможен как формирование некоей совокупности «национальных социализмов». Нет никаких сомнений, что все страны будут идти к социалистическому обществу по-разному, используя свой собственный исторический опыт и учитывая свои цивилизационные особенности. Но главная проблема состоит не в том, чтобы сконструировать свой, своеобразный, неповторимый «национальный социализм», а в том, чтобы использовать свою историческую неповторимость для *общего* интернационального, глобального движения к социалистическому будущему, обогатить *это общее движение* своим историческим опытом.

Коммунистическое движение возможно только как глобальный проект, подхватывающий в свой поток все страны и народы, но подхватывающий различным образом. Сложность состоит в том, чтобы нащупать в общественной практике своей страны, своего народа, то, что наилучшим образом может быть использовано как вклад в социалистический цивилизационный синтез.

С этой точки зрения путь России к социализму сталкивается с многочисленными препятствиями, коренящимися в исторических традициях России. Среди таких традиций – почтение к власти, стремление переложить на власть решение наиболее насущных вопросов общественной жизни; унаследованная от общинных тради-

ций способность к солидарным действиям, но ограниченная рамками узких коллективов; слабость традиций добровольного объединения по интересам, образования прочных и широких общественных союзов.

В противоположность этому мы обнаруживаем колоссальную способность к массовому социальному творчеству, ограничиваемую, однако, сравнительно недолгими сроками и неизжитой тягой к патернализму. Народы России продемонстрировали так же огромный потенциал овладения мировыми достижениями культуры и тягу к творчеству во всех областях – науке, культуре, политике, производстве... В то же время способность к тщательной, упорной, систематической работе развита в меньшей степени.

В русском народе сохраняется эмоциональная отзывчивость, готовность помочь, и в то же время слабая способность самим преодолевать жизненные невзгоды, при значительном потенциале терпения и выживания. За последние два столетия Россия испытала несколько глубоких социальных сдвигов, связанных с резкими переменами социального статуса, разрушением привычного уклада жизни. В результате при столкновении с такого рода сдвигами для многих стало свойственно нарастание настроений фатализма, отказа от противостояния судьбе. В условиях обострения социально-экономических трудностей значительная часть населения претерпевает социальную дезадаптацию, маргинализуется.

Главный вопрос, который возникает при этом – в какой мере патерналистские традиции России могут быть использованы на пути к социализму? Следует ли формировать своего рода «социалистический патернализм» и строить социалистическое общество под вседушной государственной опекой? Или же, напротив, с этим искушением надо изо всех сил бороться?

Опыт попытки движения России к социализму в XX веке свидетельствует о том, что следует склониться к последнему ответу. Но где тогда взять социальные ресурсы, социальный опыт для развития самостоятельности, самодеятельности, самоуправления? Нельзя сказать, что все эти свойства вообще не развиты в русском народе. Однако их реализация до сих пор затрагивала лишь небольшое меньшинство населения и лишь в отдельные, краткие исторические периоды.

Вероятно, именно в приобретении и освоении такого опыта и должна заключаться основная линия борьбы за социализм в России. И в этом смысле для нас особенно важно усвоение общественной практики других народов, дальше нас продвинувшихся по этому пути.

А что может внести в мировое социалистическое движение сама Россия? Совершенно очевидно, что мы обладаем уникальным, как позитивным, так и, к сожалению, значительным негативным опытом попытки движения к социализму на протяжении около 70 лет. И этот опыт должен быть проанализирован и изучен с точки зрения практических выводов для будущего социализма.

Вопросы для самостоятельного изучения:

1. Каково соотношение цивилизационного своеобразия и характера господствующего способа производства?
2. Как оценить соотношение тенденций к нивелированию цивилизационных особенностей в условиях капиталистической глобализации и борьбы за цивилизационное многообразие?
3. Как цивилизационное своеобразие влияет на перспективы борьбы за социализм?
4. Каковы цивилизационные особенности современного российского общества и каково может быть их влияние на перспективы социализма?
5. Какую роль в борьбе за социализм может сыграть синтез цивилизационного многообразия?

Литература для самостоятельного изучения:

Для выработки не банального взгляда на особенности России полезно сопоставить эти две работы:

- Бузгалин А.В. Что есть Россия? // Альтернативы, 2010, №3.
- Львов Д. Роль России в мировом развитии // Свободная мысль – XXI. 2002. №3

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, вы ознакомились с учебным пособием, посвященным социализму. Хочу подчеркнуть – это всего лишь популярное изложение теории социализма, хотя довольно углубленное и расширенное. Слова о «научном социализме» не случайны. Говорить всерьез о социализме можно только в том случае, если и воспринимать его всерьез – как науку, требующую овладения ею на профессиональном уровне. Это необходимо и для участия в социалистической борьбе, и для развития социалистической теории, и, между прочим, также и для основательной критики социализма, не сводящейся к повторению полицейских штампов XIX века.

В то же самое время, сколь бы основательно вы ни углубились в овладение социалистической теорией, не следует забывать, что во всяком познании практика имеет первичную роль. Теория, оторванная от практической деятельности, может некоторое время (и довольно небезуспешно) развиваться автономно. Однако такое развитие в конечном итоге ведет в тупики абстрактного умствования и отгораживания от реальных интересов конкретных людей, ради которых, собственно, только и имеет смысл связывать свою деятельность с социализмом. Сама теория социализма создавалась и продолжает создаваться только для того, чтобы помогать в практической борьбе за освобождение человека от всяческих форм социального угнетения.

Если ваши намерения именно таковы, я надеюсь, что эта книга оказалась для вас не бесполезной.

А. И. Колганов.
Москва, 2001-2010.